

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

**ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY**

№ 4 2021

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

*Журнал входит в систему
Russian Science Citation Index (RSCI)*

*12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России № 21-р
«Вестник Антропологии» включен в Перечень рецензируе-
мых научных изданий, в которых должны быть опублико-
ваны научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук*

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Мартынова М.Ю. (социокультурная антропология),
Васильев С.В. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Бондаренко Д.М., Боруцкая С.Б., Буганов А.В., Бутовская М.Л., Герасимова М.М., Дубова Н.А., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Канукова З.В., Крадин Н.Н., Пушкарева Н.Л., Радойичич Д., Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Халид А.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ

Белова Н.А., Григорьева О.М. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Балзер М. (США), Бутитта И.Э. (Итальянская Республика), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ), Гонзалес Алкандуд Х.А. Испания), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М.Ю. (РФ), Паскуалино К. (Франция), Пашалы П.М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Час-ван Лим (Республика Корея), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия)

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович
odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Мартынова Марина Юрьевна
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Интернет-сайт: <http://journals.iea.ras.ru>

ISSN (print) 2311-0546

ISSN (online) 2782-1552

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2021

© Журнал «Вестник антропологии», 2021

The journal “Herald of Anthropology” was established by the RAS Institute of Ethnology and Anthropology Academic Council decision of 20/03/2014

The journal is registered with the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Registration number PI No. FS77-61734

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI)

By the order No.21-p of The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 12/02/2019 “Herald of Anthropology” is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended for publishing scientific results of theses for Candidate and Doctoral scientific degrees

EDITORS-IN-CHIEF

M.Yu. Martynova (Social/Cultural Anthropology),
S.V. Vasiliev (Physical Anthropology)

EDITORIAL BOARD

Yu.D. Anchabadze, D.M. Bondarenko, S.B. Borutskaya, A.V. Buganov, M.L. Butovskaya, M.M. Gerasimova, N.A. Dubova, O.E. Kazmina, T.S. Kalendarov, Z.V. Kanukova, N.N. Kradin, N.L. Pushkareva, N.I. Khaldeeva, N.V. Kharlamova, A. Khalid, D. Radojičić

EXECUTIVE EDITORS

N.A. Belova (Social/Cultural Anthropology), O.M. Grigorieva (Physical Anthropology)

ADVISORY BOARD

V.A. Tishkov (Chairman, Russia), M. Balzer (USA), I.E. Butitta (Italy), Yu.K. Chistov (Russia), E. Drozdova (Czech Republic), D.A. Funk (Russia), A.V. Golovnev (Russia), J.A. González Alcantud (Spain), K. Juhász (Hungary), V.S. Khan (Uzbekistan), E. Kobylansky (Israel), Chae-wan Lim (Korea), M.Yu. Martynova (Russia), P.M. Pashaly (Moldova), C. Pasqualino (France), K. Pechenkina (USA), D. Radojičić (Serbia), Yu. Slezkine (USA), S.V. Vasiliev (Russia)

Address:

119991 Leninskiy prospect, 32A
Moscow
RAS Institute of Ethnology and Anthropology

Contacts:

Ethnology, Social/ Cultural Anthropology

Marina Yurievna Martynova

martynova@iea.ras.ru

journal_of_anthropology@mail.ru

Physical Anthropology

Sergei Vladimirovich Vasiliev

odtantrop@yandex.ru

Web: <http://journals.iea.ras.ru>

ISSN (print) 2311-0546

ISSN (online) 2782-1552

© RAS Institute of Ethnology and Anthropology, 2021

© Journal «Herald of Anthropology», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею академика Валерия Александровича Тишкова		On the Anniversary of the Academician Valery Aleksandrovich Tishkov	
<i>Полунов А.Ю.</i> Научное обеспечение государственной национальной политики в 1990-е – начале 2000-х гг.: концептуальные и институциональные основы	7	<i>Polunov, A.Yu.</i> Scientific Support of the State Ethnic Policy in the 1990s – early 2000s: Conceptual and Institutional Foundations	
Антропологическое измерение ценностных ориентаций российской молодежи		The Values of Russian Youth: Anthropological Dimension	
<i>Белова Н.А.</i> Символы и ценности современной российской молодежи: антропологический анализ на примере Костромской и Владимирской областей	22	<i>Belova, N.A.</i> Symbols and Values of Modern Russian Youth: Anthropological Study in the Kostroma and Vladimir Regions	
<i>Зыкина О.А.</i> Восприятие общегражданских ценностей студентами Москвы и Кировской области	37	<i>Zykina, O.A.</i> Perception of Civic Values by Students in Moscow and the Kirov Region	
<i>Кляус М.П.</i> Общегражданские и социокультурные ценности современной молодежи Забайкальского края (по материалам анкетирования студентов Читы)	49	<i>Klyaus, M.P.</i> General Civil and Socio-Cultural Values of Modern Youth of the Trans-Baikal Territory (Based on the Results of a Questionnaire of Chita Students)	
<i>Титова Т.А., Фролова Е.В.</i> Этничность и религиозность молодых жителей Татарстана (по материалам этносоциологического исследования 2020 г.)	62	<i>Titova, T.A., Frolova, E.V.</i> Ethnicity and Religiosity of the Young Residents of the Republic of Tatarstan Based on the Ethno-sociological Study of 2020	
<i>Донецжук М.Ю.</i> Языковое поведение и компетенции адыгейского студенчества: владение и бытование	75	<i>Donezhuk, M.Yu.</i> Linguistic Behavior and Competencies of the Adyghe Students	
Социальная справедливость в поэзии трудовых мигрантов из Средней Азии в России		Social Justice in the Poetry of Labor Migrants From Central Asia in Russia	
<i>Примов А.З., Оманов З.М.</i> Попробуйте пожить от Родины вдали...: социальная справедливость в поэзии узбекских трудовых мигрантов в России	92	<i>Primov, A.R., Omanov, Z.M.</i> Try to live far away from your Homeland...: social justice in the poetry of Uzbek migrant workers in Russia	
<i>Каландаров Т.,С., Молчанова Ю.О.</i> Социальная справедливость / несправедливость в поэзии таджикских трудовых мигрантов в России	116	<i>Kalandarov, T., Molchanova, Ju.</i> Social Justice/Injustice in the Poetry of the Tajik Labor Migrants in Russia	
<i>Ситнянский Г.Ю.</i> Актуальные проблемы социальной справедливости в творчестве киргизских поэтов-гастарбайтеров г. Москвы	129	<i>Sitnyansky, G.Yu.</i> Current Issues of Social Justice Reflected in the Poetry of Kyrgyz Labor Migrants in Moscow	

Антропология гендера

Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русская провинциальная женщина сегодня: штрихи к портрету 149

Богдашина И.В. Интимные переживания в женских эго-документах 1950–1960-х годов: новое и традиционное в моделях сексуального поведения провинциальных советских горожанок 174

Воронова Е.А. «Меня очень угнетает слово «алиментщик...»: правовые и антропологические аспекты алиментных выплат на детей (1930–1960 гг.) 191

Секенова О.И. Профессиональный доход и паттерны экономического поведения русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX вв. 201

Хан О.В. «Раскрепощение женщины Востока» в 1920-е годы: Идеология, практика и кинематограф 215

Поликультурность и ментальность

Сейтов Э.М. Воспроизведение исторического опыта самоорганизации в инокультурной среде на примере деятельности хазарейской студенческой ассоциации «Катиб» в Москве 230

Малькова В.К. Листовки, наклейки и таблички как формы регулирования массового поведения в современном российском мегаполисе 251

Омельченко Е.А. Проблема адаптации детей иноэтничных мигрантов: негативный дискурс в интернете 269

Снежкова И.А., Шалыгина Н.В. Российская и белорусская молодежь в стереотипных оценках друг друга (результаты этносоциологического исследования 2018–2020 г.) 283

The Anthropology of Gender

Ostapenko, L.V., Subbotina, I.A. Russian Woman in a Small Town Today: Portrait Details

Bogdashina, I.V. Intimate Experiences in Women's Ego-Documents of the 1950s – 1960s: New and Traditional in the Models of Sexual Behavior of Soviet Women from a Non-Capital City

Voronova, E.A. “The word *alimentshik* frustrates me”: the legal aspects of alimony payments for children (1917–1960)

Sekenova, O.I. Professional Income and the Patterns of Economic Behavior of Russian Female Historians of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

Khan, O. “Emancipation of the Eastern Woman” in the 1920s: Ideology, Practice, and Cinematography

Multiculturalism and Mentality

Seitov, E.M. Replication of the Historical Experience of Self-Organization in a Foreign Cultural Environment: The Case of the “Katib” Hazara Student Association in Moscow

Malkova, V.K. Leaflets, Stickers, and Signs as a Means of Mass Behavior Regulation in the Modern Russian Metropolis

Omelchenko, E.A. Ethnic Migrants' Children Adaptation: The Negative Internet Discourse.

Snezhkova, I.A., Shalygina, N.V. Russian and Belarussian Youth in Stereotypical Assessments of Each Other (Results of an Ethno-Sociological Study, 2018–2020)

Историография, школы, концепции

Мартынова М.Ю. Антропogeографический метод Йована Цвиича в зеркале российской науки 297

Сакович В.А. Этнорегионалистика как новое научное направление исследований в гагаузоведении (о научном творчестве молдавского этнолога Е.Н. Квилнковой) 309

Физическая антропология

Герасимова М.М. К 100-летию со дня рождения Натальи Николаевны Мамоновой 325

Добровольский Л.С., Каженова Г.Т. Генезис скифов: миграция или автохтонность 328

Ходжайов Т.Х., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Палеоантропологические материалы из могильников Донецкой и Луганской областей. Часть I 357

Захарьева Н.Н., Коняев И.Д., Абдрахманова И.В. Влияние психоэмоционального напряжения на психофизиологические характеристики и физические качества танцоров и танцовщиц высокой квалификации 382

Пестряков А.П., Григорьева О.М., Пеленицына Ю.В. Краниологическая дифференциация большой монголоидной расы. Часть 2. Характеристика краниосерий восточных монголоидов 396

Рецензии

Мухаметшина Н.С. Рецензия на мон.: Воронцов В.С., Мартыненко А.В., Орлова О.В. Марий Эл, Мордовия, Удмуртия: Современная этноконфессиональная ситуация: монография. Йошкар-Ола, 2021. 292 с. 409

Григорьева Р.А. Рецензия на кол. мон.: Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем. Минск: Беларуская навука, 2020. 621 с. 418

Historiography, Schools, Concepts

Martynova, M. Yu. The Anthropogeographic Method of Jovan Cvijic in the Mirror of Russian Science

Sakovich, V.A. Ethno-regional Studies as a New Area in Gagauz Studies (The Scientific Work of E.N. Kvilinkova – the Prominent Moldavian Ethnologist)

Physical Anthropology

Gerasimova M.M. To the 100th anniversary of the birth of Natalya Nikolaevna Mamonova

Dobrovolskiy, L.S., and G.T. Kazhenova. The origins of the Scythians: migration or autochthonous origin?

Khojayov, T.K., G.K. Khodzhayova, and S.Y. Frizen. A Bioanthropological Study of the Burial Grounds of Donetsk and Lugansk regions. Part I

Zakharyeva N.N., I.D. Konyaev, and I.V. Abdrakhmanova. The influence of psychoemotional stress on the psychophysiological reactions and physical qualities of highly qualified

Pestriakov, A.P., O.M. Grigoryeva, and Y.V. Pelenitsyna. Craniometric Differentiation of the Mongoloid race. Part 2. Eastern Mongoloids

Reviews

Mukhametshina, N.S. Book Review: Vorontsov V.S., Martynenko A.V., Orlova O.V. Mari El, Mordovia, Udmurtia: The Modern Ethno-Confessional Situation. Yoshkar-Ola, 2021. 292 p. 409

Grigorieva, R.A. Book Review: Gurko A.V. et al.; Gurko A. Vict. (ed). Ethno-Cultural Processes in Western Polesia (Brestchina) in the Past and Present. Minsk: Belaruskaya Navuka, 2020. 621 p. 418

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ТИШКОВА

УДК 39+378.147
DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/7-21

© А.Ю. Полунов

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1990-е – НАЧАЛЕ 2000-х гг.: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

В статье рассматривается процесс выработки концептуальных и институциональных основ научного обеспечения государственной национальной политики в постсоветский период. Отмечается, что необходимость разработки новых подходов к анализу этнополитических процессов, совершенствования механизмов научной экспертизы была связана с резким обострением межэтнической напряженности в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в новых условиях выдвигались концепции, подчеркивавшие значительную роль субъективного фактора в определении этнических идентичностей, возможность смены самоидентификации, изменчивость межгрупповых границ. Делался акцент на необходимость формирования гражданской нации, объединяющей россиян независимо от этнической и конфессиональной принадлежности. Идеи, связанных с указанными положениями, нашли отражение в основополагающих государственных актах Российской Федерации – Конституции 1993 г., Концепции государственной национальной политики. Воплотить в жизнь новые принципы должен был ряд законов, в частности, закон о национально-культурных автономиях 1996 г. Вместе с тем острые дискуссии в академическом сообществе по вопросу о природе этничности, постепенное снижение интереса властей к регулированию межэтнических отношений затруднили выстраивание эффективной системы научного обо-

Полунов Александр Юрьевич – д.и.н., заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» (119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1). Эл.почта: polunov@sra.msu.ru. ORCID 0000-0002-4484-6003

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31758 «Государственная национальная политика в постсоветский период: научное обеспечение формирования и реализации»

снования государственной национальной политики. Существенные позитивные сдвиги в этой области происходят только в 2010-е гг.

Ключевые слова: государственная национальная политика, научное обеспечение, этнология, этнические группы, правительство, Верховный Совет, Государственная Дума

Для цитирования: Полунов А.Ю. Научное обеспечение государственной национальной политики в 1990-е – начале 2000-х гг.: концептуальные и институциональные основы // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 7–21.

Вскоре после распада СССР, в 1992 г., на страницах журнала «Этнографическое обозрение» прошла дискуссия, призванная осмыслить проблемы в развитии отечественной этнологии, определить, почему наука не смогла в полной мере выявить предпосылки социально-политического катаклизма и способствовать его предотвращению. Один из аспектов сложившегося комплекса противоречий, по мнению В.А. Тишкова, был связан с отсутствием надежных механизмов взаимодействия власти и знания, с тем, что ученые пока не смогли четко определить свое место в мире политики. «Как сочетать, как минимум, три ипостаси: служение научной истине, политике и заботу о том, чтобы “не навредить”? – задавался вопросом исследователь. – Как быть, если обнародованное “чистое знание” способно нанести политический ущерб изучаемой группе? Может ли этнолог, изучающий другую культуру и народ, быть инициатором революционных перемен в жизни своего субъекта?».

По мнению ученого, время простых ответов на эти вопросы прошло, им на смену должна была прийти новая этика, основанная на сложном балансе противоречивых установок и действий. «Отказываясь от комплиментарности и конъюнктурного соглашательства с изучаемым субъектом, – отмечал В.А. Тишков, – мы можем и должны строить с ним новые отношения диалога и партнерства, гораздо более важные для дисциплины, чем партнерство со структурами власти». Ученым предстояло не только покончить с обслуживанием «спускаемых сверху» политических доктрин, но и не «поднимать наверх» постулаты этнических активистов (Тишков 1992: 13–14). в размышлениях этнолога были намечены важнейшие проблемы, встающие перед ученым, соприкасающимся с миром политики и государственного управления, выступающим в качестве эксперта-консультанта. За без малого 30 лет, прошедшие со времени публикации статьи В.А. Тишкова, был накоплен значительный опыт в решении указанных проблем. Тем не менее они продолжают играть заметную роль в общественно-политической жизни страны. в связи с этим обращение к истории поиска путей научного обоснования государственной национальной политики в постсоветский период представляется бесспорно значимым и актуальным.

Обострение потребности в подобном обосновании было связано с бурными событиями конца 1980-х – начала 1990-х гг., разразившимся в этот период «бунтом этничности». Безусловно, высококачественные и масштабные исследования этнических отношений проводились и в советское время. Действовали авторитетные научные учреждения – Институт этнографии АН СССР, Институт социологических исследований АН СССР и др., в их составе создавались центры, ориентированные на изучение современности, публиковались работы по данной тематике (Басилов 1992: 4–5; Губогло 2016: 45–71; Арутюнян, Дробижеева 2014: 102–104; Алымов 2021:

75–87). Однако механизм взаимодействия между властью и наукой в то время был весьма несовершенен. Он, по сути, сводился к подготовке учеными коллективных записок по запросу «сверху». Судьба этих материалов оставалась неизвестной их авторам, они не имели возможности разъяснять и отстаивать свою точку зрения в ходе открытых дискуссий. Все это вело к тому, что многочисленные симптомы социального неблагополучия в позднем СССР, фиксируемые исследователями, зачастую не принимались властями во внимание или попросту не попадали в их поле зрения. Ряд этнологов отмечает, что данные о нарастании межэтнической напряженности, подаваемые ими «наверх», отфильтровывались на низшем и среднем уровне бюрократического аппарата¹.

В условиях гласности и демократизации общества, порожденных политикой перестройки, прежняя форма взаимоотношений власти и науки должна была пережить глубокую трансформацию. Принципиально новым явлением в системе государственного управления была передача реальных законодательных функций представительным органам, формировавшимся на основе свободных выборов. Актуальным становился вопрос научно-экспертного обеспечения законодательного процесса. Нормативные правовые акты, указывали в 1990 г. в своей статье директор Института этнографии Ю.В. Бромлей и сотрудник Института С.В. Чешко, должны были проходить этнологическую экспертизу на всех стадиях разработки и обсуждения. Следовало ввести в практику работы Верховного Совета СССР открытые слушания законопроектов с участием представителей науки, создать при Верховном Совете Информационно-консультационный центр (*Бромлей, Чешко 1990: 7*). В.А. Тишков подчеркивал, что «ученые должны иметь возможность непосредственно доложить и обосновать свои позиции в ходе обсуждения вопросов на самом высоком уровне, включая прежде всего законодательные органы. Это является принятой практикой парламентской демократии» (*Тишков 2009: 87*). Подобные новации вполне отвечали духу времени и в 1990-е – 2000-е гг., как будет показано ниже, многие из них нашли применение в деятельности органов законодательной и исполнительной власти. Осуществление подобных преобразований в конечном счете позволило создать более прочную основу для выработки эффективной национальной политики. Однако достижение данной цели было связано не только с институциональными трансформациями, но и с необходимостью пересмотра концептуальных основ регулирования межнациональных отношений.

Потребность в подобном пересмотре была вызвана прежде всего тем, что господствовавшая в советской науке «теория этноса» не позволяла объяснить многие разворачивавшиеся в стране процессы и тем более предугадать их развитие. Указанная теория рассматривала этносы (этнические группы) как гомогенные социальные тела с четко очерченными границами, имеющие глубокие исторические корни и проходящие через определенные стадии развития под воздействием объективных, близких к природным закономерностям. Выявившиеся на рубеже 1980–1990-х гг. особенности этнополитического процесса – значительное влияние на него субъективного фак-

¹ По словам известного этнолога В.И. Козлова, накануне XXVI съезда КПСС (1981) сотрудниками Института этнографии, Института экономики и Института государства и права АН СССР была составлена большая записка по национальному вопросу, которую директор Института этнографии Ю.В. Бромлей передал вице-президенту АН СССР, члену ЦК КПСС П.Н. Федосееву. Ознакомившись с запиской, тот приобщил ее к секретным материалам и заявил, что передавать столь негативную информацию в секретариат съезда не намерен (*Козлов 1992: 8*).

тора, проявление множественных, ситуативных и амбивалентных идентичностей, возможность смены этнической идентификации, зыбкость и изменчивость межгрупповых границ – требовали пересмотра теоретического инструментария научной экспертизы. «Окружающая нас действительность показывает, – отмечал В.А. Шнирельман, – насколько активным и подвижным может быть как коллективное, так и тем более индивидуальное самосознание, чутко реагирующее на все сколько-нибудь значимые изменения социальной ситуации. Меняются установки, а вместе с ними и стереотипы поведения, которые могут приводить в равной степени как к созидательной, так и к разрушительной деятельности» (Шнирельман 1992: 16). По словам Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой, с начала 1990-х гг. в поле зрения исследователей все чаще попадали такие проблемы, как роль элит в этнической мобилизации, пути формирования и разновидности национализма, значение культурных маркеров при определении границ между этническими группами, анализ конфликтов как результатов столкновения различных психологических установок и ценностных систем (Арутюнян, Дробижева 2014: 104–105).

Наиболее последовательную попытку пересмотра старых доктрин предпринял В.А. Тишков, возглавивший в 1989 г. Институт этнографии АН СССР (вскоре переименованный в Институт этнологии и антропологии, ИЭА). в своих публикациях исследователь обращал внимание на культурное многообразие современных обществ, в рамках которых практически невозможно выделить этнически гомогенные единицы, привязанные к определенной территории. При организации общественной жизни следовало говорить не об интересах этносов, во многом являющихся интеллектуальным конструктом, а о культурных и языковых потребностях конкретных индивидуумов. Эти потребности должны были удовлетворяться на внетерриториальной основе – через национально-культурные автономии (НКА), особые общественные организации, вступление в которые является делом свободного выбора граждан. «Становится все более очевидным, – указывал В.А. Тишков, – что в условиях действия современных мировых хозяйственных связей и сохраняющейся социально-политической неоднородности мира сама по себе возведенная в абсолют национальная (т.е. созданная на этнической основе – *А.П.*) государственность не гарантирует народу главного – процветающего и мирного существования. Гораздо в большей степени интересам народов, включая сохранение их культурной самобытности, отвечают различные формы автономии и самоуправления в составе более крупных образований, в которых обеспечены необходимые социальная гармония и демократические гарантии волеизъявления на индивидуальном и коллективном уровнях» (Тишков 2009: 96–97).

Понятие «нация», жестко закрепленное в СССР за этническими группами, следовало, по мнению ученого, переосмыслить в том духе, в каком оно употреблялось во всем мире – как обозначение политического, гражданского сообщества (согражданства), в которое люди входят независимо от своей этнической принадлежности. Для укрепления государственного единства следовало выработать и развивать общенациональную идею – мощное консолидирующее начало, которое «родившись в эпоху буржуазных революций конца XVIII в., продолжает и сегодня служить делу государственного суверенитета» (Там же: 103). в рамках гражданской нации требовалось провести ряд преобразований, в частности, расширить право граждан на самоидентификацию – допустить возможность двойной, множественной, внеэтнической идентичности, изменения идентичности в ходе жизни. Необходимо было признать,

что национально-государственные образования в составе многонационального государства могут создаваться и упраздняться, допускалось изменение их статуса и границ. Наряду с принципом сохранения самобытности должно было учитываться стремление людей к добровольной ассимиляции, право народов на модернизацию (доступ к достижениям мировой цивилизации и их использование). Демократизацию политических порядков не следовало сводить к абсолютизации прав республик в составе СССР и России. Генеральной линией должно было стать обеспечение прав этнических единиц на общегосударственном уровне, но в еще большей степени – развитие и углубление индивидуальных прав и свобод граждан.

Соприкасаясь со сферой политики и государственного управления, концептуальные новации в сфере этнологии вызвали положительную реакцию властей. в турбулентной ситуации конца 1980-х – начала 1990-х гг. они, как представлялось, позволяли купировать негативные проявления этносепаратизма, создать основу для укрепления единства государства. Кроме того, новый подход в целом открывал возможность для активного воздействия на социальную реальность, «выгодно отличался от теории этноса, апеллировавшей к безличным силам истории» (Альмов 2021: 86). в связи с этим идеи В.А. Тишкова и его единомышленников начали прокладывать путь в коридоры власти. в резолюции XXVIII съезда КПСС по проблемам межнациональных отношений (1990), составленной при участии директора ИЭА, слово «нация», которое тогда неизбежно было бы истолковано в традиционном этническом духе, не употреблялось вообще. Целью национальной политики вместо укрепления «дружбы народов» провозглашалось создание условий для свободного развития и обеспечения прав граждан, принадлежащих к различным национально-культурным общностям, По замечанию исследователя, «это была первая попытка провести в официальном документе мысль, что права гражданина выше прав нации» (Тишков 1996: 5–6).

В феврале 1992 г. В.А. Тишков был приглашен в Правительство Российской Федерации на пост Председателя Государственного комитета по национальной политике, причем Президент Б.Н. Ельцин поручил ему разработать основополагающий документ в сфере регулирования межнациональных отношений – Концепцию государственной национальной политики (далее – Концепция). в документе, который в июле был представлен в Правительство РФ, достаточно последовательно проводились положения в духе принципов гражданского единства. Отменялась характерная для советского словоупотребления категоризация этнических сообществ («нации», «народности», «национальные группы» и др.). Объявлялось, что государство, власть и ресурсы как в центре, так и на местах не могут быть собственностью той или иной этнической группы¹. Права российских территориально-административных образований (краев и областей) предполагалось повысить до уровня республик, причем значительное развитие должны были получить и НКА. в целом, как отмечал В.А. Тишков, «в предложенном документе достаточно четко определялись императивы и приоритеты экстерриториальной автономии как важнейшей формы государственной поддержки и развития культур и учета интересов и прав граждан, связанных с их этнической принадлежностью в стране, где административные, в том числе республиканские границы далеко не совпадают с ареалами расселения народов» (Там же: 11–14).

¹ «Ну, это взорвет всех русских!», – заявил по поводу данного тезиса тогдашний вице-премьер М.Н. Полторанин и предложил принять два варианта концепции: один для публики, другой – для закрытого пользования.

Несмотря на то что Концепция в 1992 г. не была принята, а В.А. Тишков в октябре ушел из Правительства РФ, основные положения документа повлияли на содержание последующих нормативных правовых актов и оказали воздействие на курс государственной национальной политики. Так, очевидна переключка Концепции с текстом принятой в 1993 г. Конституции Российской Федерации, в которой единственным носителем суверенитета и источником власти провозглашался многонациональный народ Российской Федерации. в основном законе отсутствовали советские термины «национально-государственный», «национально-территориальный». Провозглашалось равенство граждан независимо от расы, национальной и религиозной принадлежности. Закреплялось их право самостоятельно определять и указывать свою национальность, выбирать язык общения, воспитания, обучения и творчества. в первом послании Президента Федеральному Собранию РФ (1994) указывалось, что противоречия между этнотерриториальными и административно-территориальными принципами, положенными в основу устройства Российской Федерации, будут сглаживаться на основе нового понимания нации как согражданства. Само использование данного понятия, по справедливому замечанию В.Ю. Зорина, отражало доктринальный сдвиг в официальном словоупотреблении (Зорин 2018: 196, 198). в целом, многие явления начала 1990-х гг. свидетельствовали как о шагах в сторону институционализации научного обоснования национальной политики, так и о существенном переосмыслении его концептуальных основ. Однако вскоре это переосмысление столкнулось с серьезными препятствиями.

Важнейшее из них было связано с выступлениями ученых и политиков, в той или иной степени продолжавших придерживаться основных положений советской «теории этноса». Принято считать, что подобные демарши отражали интересы местных (прежде всего, республиканских) этноэлит, боявшихся в случае последовательной реализации новых принципов национальной политики утратить свой статус и раствориться в проектируемом согражданстве (Федосов 2010: 48; Кузванова 2015: 145; Ачкасов 2018: 114). Однако такое объяснение представляется неполным. Действовал также фактор ментальной инерции (в том числе в интеллектуальной среде), нежелание расстаться с устоявшимися стереотипами и терминологией. Многие боялись, что отказ от привычных политико-идеологических постулатов («нация – этническая общность», «общество состоит из этнических групп, имеющих четкие границы и территориальную привязку») вызовет неразбериху, приведет к усилению общественно-политической напряженности, а то и к потрясениям. «Это проблема, которая не совсем еще апробирована на уровне даже сознания специалистов, не говоря уже о массовом сознании, – заявлял, в частности Р.Г. Абдулатипов по поводу перехода к гражданскому пониманию нации. – Нельзя бросать в массовое сознание то, что не апробировано хотя бы на уровне элиты и не согласовано на уровне специалистов. Потому что многие это воспринимают как отмену своей национальности, как превращение себя в другую национальность» (Зорин 1999b: 235–236).

Известный не только как ученый, но и как крупный государственный деятель, занимавший ряд ответственных постов и возглавивший в 1998–1999 гг. Министерство национальной политики Российской Федерации, Р.Г. Абдулатипов стал одним из главных оппонентов В.А. Тишкова в деле определения концептуальных основ регулирования межнациональных отношений. в отличие от директора ИЭА, Р.Г. Абдулатипов считал этносы группами с достаточно четко очерченными границами, играю-

щими важную роль в жизни общества. Социальный мир и стабильность, по мнению ученого, могли быть достигнуты не столько благодаря акценту на индивидуальные права граждан (которые, безусловно, должны приниматься во внимание), сколько путем учета и гармонизации интересов этнических групп. Нация как согражданство могла сложиться в России в будущем на основе полного и всестороннего развития «этнонаций», но этот процесс не следовало торопить. «Национальности – это не помеха, а потенциал укрепления государства, – утверждал ученый. – Надо снизить влияние этнического фактора на общественное развитие не за счет пренебрежения им, а учитывая и реализуя его специфику» (Абдулатипов 1995: 9).

В действиях сторонников новых принципов национальной политики, подчеркивавших зыбкость межгрупповых границ, сложный характер культурно-языковых идентичностей в современном обществе Р.Г. Абдулатипов видел скрытое стремление к насаждению внеэтнического унитаризма, централизма, «разэтнизации». «Здесь подспудно навязывается, – полагал ученый, – идея Российской Империи с имперской нацией под видом согражданства и отождествления понятий “нации как этноса” и “нации как государства”» (Абдулатипов 1997: 565). Неудивительно, что в подобной ситуации сугубо эпистемологическое, казалось бы, противостояние сторонников различных точек зрения на природу этнокультурных процессов приобрело весьма острый характер, охватив и сферу экспертно-аналитической деятельности.

В 1995 г. Р.Г. Абдулатипов обратился к Президенту Российской Федерации с открытым письмом, в котором подчеркивал опасность изменения концептуальных основ национальной политики. По словам исследователя, Б.Н. Ельцин еще в 1992 г. резко отозвался о разработанной Госкомнацем Концепции, «которая строилась на отказе от национального принципа формирования субъектов Федерации». Ученый утверждал, что «концепцией предусматривалось объявить из Москвы вместо наций какое-то согражданство», а Президент расценил это как «объявление войны внутри страны» (В.А. Тишков отрицал, что подобный инцидент имел место) (Там же: 14, Тишков 1996: 13). Возглавив еще в бытность председателем Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР разработку собственной программы национальной политики, Р.Г. Абдулатипов впоследствии несколько раз пытался добиться ее утверждения Президентом, но не преуспел в этом (Абдулатипов 1997: 3–4, 20; Тишков 1996: 10, 15; Губогло 2000: 199). в итоге, когда Концепция государственной национальной политики все же была принята (15 июня 1996 г., в последний рабочий день Президента накануне предвыборной кампании), она вышла достаточно противоречивым документом¹. Многие ее положения, восходившие к тексту проекта 1992 г., намечали перспективу укрепления гражданского единства, защиты прав граждан. Вместе с тем в ряде случаев они совмещались с этноцентрическим подходом. Так, «национальное» в большинстве случаев понималось как «этническое». «Народы», т.е. этнические группы, выступали как самостоятельные субъекты общественно-политической жизни. в целом присутствие в тексте Концепции разнородных начал серьезно затруднило ее практическую реализацию².

Значительные расхождения возникли у В.А. Тишкова и с одним из его ближайших сотрудников – заместителем по ИЭА М.Н. Губогло, который, как и его руководитель, выступал консультантом при разработке ряда законопроектов в сфере национальной

¹ В.Ю. Зорин обоснованно назвал Концепцию «документом, рожденным в муках» (Зорин 1999а: 223).

² Анализ концепции см.: Малахов 2008: 133–138; Фадеечева 2011: 26; Кузиванова 2015: 145.

политики. Отмечая негативные последствия мобилизации и политизации этничности в конце 1980-х – начале 90-х гг., ученый в то же время подчеркивал необходимость закрепления и реализации групповых (коллективных) прав этноса, которые, по его мнению, не менее важны, чем права индивидуальные. «Подобно птице, летающей только при наличии у нее двух надежных крыльев, гражданское право может быть эффективным только тогда, когда этническое право действует как на индивидуальном, так и на групповом уровне», – заявлял исследователь. Признавая необходимость «разгосударствления» этничности, М.Н. Губогло в то же время подчеркивал важную роль этносов, необходимость сохранения их самобытности. Расхождения в подходах экспертов ярко отразились в законе 1996 г. об НКА, который рассматривался как важнейший шаг в развитие Концепции государственной национальной политики, но оказался в конечном счете не менее противоречивым, нежели данный документ¹.

В полной мере несовпадение во взглядах между В.А. Тишковым и его ближайшим сотрудником выявилось в ходе подготовки еще одного важного государственного мероприятия – Всероссийской переписи населения 2002 г. Директор ИЭА предложил не включать в переписные листы переписи формулировку «родной язык», а вместо этого спрашивать о знании русского языка, первом выученном языке, т.н. материнском языке, как реальном аналоге родного языка, языке домашнего общения и работы, чтобы выяснить реальную языковую ситуацию в стране. Традиционный вопрос о родном языке без выяснения его знания и использования практически повторял вопрос о национальной принадлежности. У М.Н. Губогло это вызвало резкий протест. в газетной статье он охарактеризовал предлагаемую меру как «прерывание связи времен», «удар по национальному самосознанию народов России» (*Тишков* 2003: 208–222). в конечном счете, значение предложенных В.А. Тишковым корректировок было нивелировано за счет изменений, внесенных в последний вариант переписных листов и инструкций, данных переписчикам о порядке проведения переписи. Следует отметить, что впоследствии система языковых вопросов в переписях все же была изменена, включая вопросы знания и пользования языками, а также возможность иметь несколько родных языков.

В целом, к концу 1990-х – началу 2000-х гг. процесс экспертирования, научного обоснования национальной политики переживал серьезные трудности. Проблема заключалась не только в отсутствии взаимопонимания между ведущими учеными-этнологами, но и в том, что не удалось наладить эффективную работу механизмов экспертизы. Безусловно, с начала 1990-х гг. появился целый ряд площадок, на которых взаимодействовали представители науки, специалисты-практики, государственные деятели – парламентские слушания в палатах Федерального Собрания РФ, круглые столы и научно-практические конференции, организуемые различными органами власти. Однако для полноценной и всесторонней экспертизы этого все-таки было недостаточно. Мера, на которую в 1990-е гг., видимо, возлагали большие надежды – непосредственный приход ученых во власть – в целом не оправдала себя². Оказав-

¹ Анализ концепции см.: *Малахов* 2008: 133–138; *Фадеечева* 2011: 26; *Кузванова* 2015: 145.

² Помимо В.А. Тишкова и Р.Г. Абдулатипова во главе ведомства, отвечавшего за регулирование межнациональных отношений, стоял в 1996–1998 и 1999–2000 гг. В.А. Михайлов – доктор исторических наук, имевший опыт как работы в аппарате КПСС, так и профессорства. в 2001–2004 гг. межнациональные отношения в Правительстве РФ в ранге министра курировал В.Ю. Зорин, занимавший в 1996–2000 гг. пост Председателя Комитета Государственной Думы по делам национальностей, ставший в 2000 г. кандидатом исторических, в 2003 г. – доктором политических наук.

шись на государственном посту, люди науки нередко были вынуждены жертвовать принципами научной беспристрастности в пользу соображений политической целесообразности и практической необходимости. «Как только ученый ныряет в политику, – отмечал в связи с этим В.Ю. Зорин, – то научные познания, догмы, которыми он до этого вплотную занимался, отнюдь не помогают ему, а, скорее, мешают принимать правильные политические решения» (Зорин 1999а: 343).

Люди, имевшие опыт исследовательской деятельности (доктор философских наук В.А. Печенев, доктор исторических наук Н.Ф. Бугай), работали в этот период в правительственном аппарате и на должностях среднего уровня, однако и их начинания не всегда были успешны. Требования служебной дисциплины подчас вступали в противоречия со свободой мнений эксперта, что вело к различным коллизиям. Так, выступление Н.Ф. Бугая в конце 1990-х гг. на заседании Государственной Думы в качестве ученого-историка было воспринято руководством ведомства как превышение должностных полномочий и закончилось для исследователя выговором, хотя, по его словам, «все оценки носили чисто научный частный характер и ни с какой стороны не затрагивали интересы ни министерства, ни тем более государства» (Бугай 2017: 321)¹. Подобный конфликт отразил достаточно распространенную ситуацию, когда человек науки, поступив на государственную службу, оказывался встроены в административную иерархию и частично утрачивал в связи с этим качества эксперта.

Разумеется, институционализация процессов экспертизы не стояла в 1990-е гг. на месте и учреждения, занимавшиеся консультированием органов власти еще в советскую эпоху, усилили и усовершенствовали эту составляющую своей деятельности. Так, в работе ИЭА был сделан особый акцент на изучение современных проблем общественной жизни России – таких, как рост этнического самосознания (этническая мобилизация) и формы национализма, причины сепаратизма и конфликтов, происхождение и развитие этногенетических мифов. в составе института были образованы подразделения, занимавшиеся подготовкой практических рекомендаций для государственных органов (Центр по изучению и урегулированию конфликтов, Центр по изучению межнациональных отношений). Важным шагом стало создание Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, регулярное издание бюллетеней Сети (Тишков 2003: 11–12; Ачкасов 2018: 116–117). Заметное место среди аналитических структур занял также Центр исследования этносоциальных и этнополитических процессов в Институте социологии РАН. Однако все эти органы оставались преимущественно академическими учреждениями. Ощущалась нехватка специализированных экспертных центров, «пограничных структур» (border structures), которые включали бы в свой состав академических ученых различных направлений, специалистов по прикладным исследованиям и лиц, имеющих опыт работы в государственных органах). Такие «пограничные структуры» (по образцу западных «фабрик мысли», think tanks) могли бы служить соединительным звеном между академическими и государственными учреждениями, «переплавлять» выводы науки в формат практических рекомендаций для государственных служащих².

¹ в различных ведомствах, занимавшихся межнациональными отношениями, Н.Ф. Бугай с 1993 по 2002 г. занимал должности руководителя департаментов по делам депортированных и репрессированных народов, по делам Северного Кавказа, русского народа, по делам национальностей.

² О «пограничных структурах» см.: Сунгуров 2015: 53–70; Макарычев 2015: 9–26; Сунгуров, Карягин 2017: 144–159.

Противоречия во взглядах между экспертами, а также некоторое снижение уровня этнической мобилизации после заключения Федеративного договора в 1992 г. и принятия Конституции РФ в 1993 г. способствовали тому, что власть постепенно начала терять интерес к сфере национальной политики. Уже в 1996 г. В.Ю. Зорин жаловался, что «Дума, похоже, испытывает аллергию к межнациональным вопросам». Спустя год он отмечал, что ему никак не удастся наладить отношения с Государственно-правовым управлением Президента. «Там “интересный” стиль и подход к национальной тематике: чем меньше говорить о ней, тем лучше» (Зорин 1999а: 250, 322). в целом, значительная часть чиновников, по словам Председателя Комитета Государственной Думы, полагала, что «чем меньше мы будем заниматься национальными отношениями, чем меньше мы будем говорить о них, тем быстрее они сами собой разрешатся» (Зорин, Ромашкин 1999). Такой подход явно сказался на интенсивности и эффективности законодательной деятельности. Из обширного пакета законопроектов, призванных «нарастить плоть» на основы Концепции государственной национальной политики, удалось принять только два законодательных акта – упоминавшийся выше закон об НКА и закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999).

Наращение индифферентности по отношению к государственной национальной политике стало особенно заметным к концу десятилетия, особенно после назначения весной 1998 г. на руководящие посты в Правительстве РФ так называемых «младореформаторов», делавших ставку прежде всего на использование финансовых и экономических рычагов регулирования общественных процессов. По мнению М.Н. Губогло, в этот период «этнический фактор выводился из сферы государственного управления. Озабоченное финансовым кризисом государство, в лице его “омоложенного правительства”, снимало с себя целенаправленную заботу о населяющих страну народах. Более важным для него представлялось жестко собирать налоги, “наука делить”... Этнический фактор не доставлял денег в казну, а лишь усиливал головную боль и отвлекал от борьбы с налогоплательщиками» (Губогло 2000: 315–316). Министерство по делам национальностей в 1998 г. было переименовано в Министерство региональной и национальной политики (с явным намерением «растворить» национальное в региональном), а его главой стал Е.С. Сапиро – известный специалист в области межбюджетных отношений, никак не связанный с этнокультурной проблематикой.

После некоторого оживления интереса властей к национальному вопросу в 1999–2000 гг. в этой сфере вновь воцарился застой, отражением чего, в частности, стало упразднение в 2001 г. органа, ведавшего межнациональными отношениями (к этому времени он назывался Министерством по делам федерации, национальной и миграционной политики). До 2004 г. в ранге министра национальную политику в Правительстве курировал В.Ю. Зорин, однако затем и данная должность была упразднена. К середине 2000-х гг., по словам политолога М.А. Фадеичевой, во многом перестали срабатывать «коммуникативные механизмы между интеллектуальным сообществом и властью», воцарились «интеллектуальная усталость» и «теоретический застой» (Фадеичева 2008: 215, 216). Хотя в 2002 г. по поручению В.В. Путина началась подготовка нового варианта Концепции государственной национальной политики, этот документ так и не был принят, прежде всего, из-за разногласий между отдельными экспертами и представителями различных ветвей власти. Также не был утвержден дважды (в 2003 и 2006 гг.) вносившийся в Государственную Думу законопроект «Об

основах государственной национальной политики» (*Ратленд* 2011: 193; *Фалалеева* 2011: 146; *Федосов* 2010: 57, 72).

Изменения в сфере регулирования межнациональных отношений наступили только в начале 2010-х гг., после серии конфликтов на этнической почве и в связи с усилившимся давлением общественного мнения на власть. в 2012 г. в системе федеральной власти был образован важнейший координационный и консультативный орган – Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, принята «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (в 2018 г. утверждена новая редакция этого документа). в 2015 г. после долгого перерыва в Правительстве РФ было воссоздано ведомство, призванное регулировать межнациональную сферу – Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН). К настоящему времени, по оценкам политологов, и в сфере научного обеспечения национальной политики, и в целом в области политического консультирования оформились достаточно устойчивые «экспертные пулы» – сообщества специалистов, представляющих рекомендации по вопросам выработки и реализации различных направлений правительственной деятельности.

В составе различных органов власти федерального и регионального уровней функционируют аналитические подразделения, обладающие необходимой степенью автономии для выработки экспертных решений. Площадками для взаимодействия государственных служащих, ученых, специалистов-практиков служат также экспертные, консультативные и общественные советы при государственных учреждениях (в частности, Экспертный совет при ФАДН России). Важную роль играют экспертные клубы и семинары, функционирующие в регионах при крупных университетах, иногда под патронажем региональных руководителей (*Сунгуров, Карягин* 2017: 153–156; *Карягин, Сунгуров* 2016: 16–17). Все это позволяет говорить о том, что система научно-экспертного обеспечения государственной национальной политики в России обрела определенную устойчивость, вступила на новый этап развития. Вместе с тем опыт пройденного пути, со всеми его проблемами и противоречиями, должен постоянно оставаться в поле зрения исследователей и специалистов-практиков, помогая предвидеть препятствия, которые могут возникнуть в данной сфере в будущем.

Научная литература

- Абдулатипов Р.Г.* Нации на распутье: опасные заблуждения оракулов национализма // Национальная политика России: история и современность / отв. ред. В.А. Михайлов. М.: Русский мир, 1997. С. 561–576.
- Абдулатипов Р.Г.* О федеративной и национальной политике Российского государства. М.: Славянский диалог, 1995. 63 с.
- Алымов С.С.* Забывая этнос и нацию: этнографические дискуссии и экспертиза «национального вопроса» в период перестройки // Шаги/Steps, 2021. Т. 7. № 2. С. 70–92.
- Арутюнян Ю.В., Дробищева Л.М.* Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования, 2014. № 7. С. 102–112.
- Ачкасов В.А.* Российская этнополитология: достижения и проблемы // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 101–131.
- Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее? // Этнографическое обозрение, 1992. № 4. С. 3–17.
- Бромлей Ю.В., Чешко С.В.* О новой Конституции СССР // Советская этнография, 1990. № 5. С. 3–19.

- Бугай Н.Ф.* Метеоролог, историк: штрихи к портрету. Воспоминания. М.: Аквариус, 2017.
- Губогло М.Н.* Может ли двуглавый орел лететь с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М.: ИЭА РАН, 2000. 512 с.
- Губогло М.Н.* Этносоциология: родом из этнографии/этнологии // Этносоциология: вчера и сегодня. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 45–71.
- Зорин В.Ю.* Дневник не для себя. Кн. II. Страсти Охотного ряда. М.: Виоланта, 1999а. 574 с.
- Зорин В.Ю.* Национальная политика российского государства в XX – начале XXI в. Изд. 2-е. М.: Юрайт, 2018. 251 с.
- Зорин В.Ю.* Пресс-конференция Комитета Государственной Думы по делам национальностей по поводу Концепции государственной национальной политики 21 марта 1996 г. // Зорин В.Ю. Дневник не для себя. Кн. I. Чечня: кремнистый путь к миру. М.: Виоланта, 1999б. С. 228–236.
- Зорин В.Ю., Ромашкин В.В.* (ред.) Материалы семинара-совещания председателей комитетов (комиссий) законодательных органов субъектов Российской Федерации по вопросам национальных отношений 30 марта 1998 г. М.: Издание Государственной Думы, 1999. 79 с.
- Карягин М.Е., Сунгуров А.Ю.* Современное российское политологическое сообщество – первые шаги к анализу // Полис, 2016. № 2. С. 8–20.
- Козлов В.И.* Между этнографией, этнологией и жизнью // Этнографическое обозрение, 1992. № 3. С. 3–14.
- Кузванова О.Ю.* Проблема концептуальных основ современной национальной политики в России (к истории вопроса) // Власть, 2015. № 7. С. 143–149.
- Макарычев А.С.* Государство, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука, 2015. № 3. С. 9–26.
- Малахов В.* Национализм и «национальная политика» российской власти: 1991–2006 // Российский национализм. Социальный и культурный контекст. М.: НЛЮ, 2008. С. 131–156.
- Ратленд П.* Присутствие отсутствия: об этнической политике в России // Полис. 2011. № 2. С. 172–189.
- Сунгуров А.Ю.* Экспертные сообщества и власть: модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации // Политическая наука, 2015. № 3. С. 53–70.
- Сунгуров А.Ю., Карягин М.Е.* Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // Полис, 2017. № 3. С. 144–159.
- Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России. М.: ИЭА РАН, 1996. Вып. 100 (Серия: Исследования по прикладной и неотложной этнологии). 49 с.
- Тишков В.А.* О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР (1989) // Вестник Российской нации, 2009. № 5. С. 83–107.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Тишков В.А.* Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследования // Этнографическое обозрение, 2003. № 5. С. 3–23.
- Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение, 1992. № 1. С. 5–19.
- Фадеечева М.А.* Tabula rasa российского этнического законодательства // Научный вестник Омской академии МВД России, 2011. № 2 (41). С. 25–28.
- Фадеечева М.А.* Парадигмальные основания этнической политики неопостсоветской России // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2008. Вып. 8. С. 215–225.
- Фалалеева И.Н.* О парадигме российской национальной политики // Власть, 2011. № 10. С. 57–60.
- Федосов П.А.* Государственное регулирование этнополитических и этносоциальных процессов в Российской Федерации // Политическая наука. 2010. № 1. С. 46–75.
- Шнирельман В.А.* Наука в условиях тоталитаризма // Этнографическое обозрение, 1992. № 5. С. 7–18.

Polunov, Aleksandr Yurievich

Scientific Support of the State Ethnic Policy in the 1990s – early 2000s: Conceptual and Institutional Foundations

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/7-21

The article examines the institutional mechanisms and conceptual foundations of the scientific support of the state national policy in the post-Soviet period. The need to develop new approaches to the analysis of ethnopolitical processes and improve the mechanisms of scientific expertise was caused by the rise of interethnic tension in the late 1980s - early 1990s. The concepts proposed in the new situation emphasized the significant role of the subjective factor in ethnic identification, the possibility of changing self-identification, and the variability of intergroup boundaries. Emphasis was placed on forming a civil nation that would unite all Russians regardless of ethnicity and confessional affiliation. These ideas influenced important provisions of the fundamental state acts of the Russian Federation - the Constitution of 1993, the Concept of State Ethnic Policy. A number of laws were supposed to implement the new principles, particularly the 1996 Law on national and cultural autonomies. At the same time, heated discussions in the academic community on the nature of ethnicity, the gradual decline of the authorities' interest in regulating interethnic relations made it difficult to build an effective system of scientific support of the state ethnic policy. Significant positive shifts in this area took place only in the 2010s.

Keywords: *state ethnic policy, scientific support, ethnology, ethnic groups, government, Supreme Soviet, State Duma*

For citation: Polunov, A.Yu. Scientific Support of the State Ethnic Policy in the 1990s – early 2000s: Conceptual and Institutional Foundations. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 7–21.

Author Info: Polunov, Aleksandr Yurievich – Doctor of hist., Head of the Department for Management in the Sphere of Inter-ethnic and Inter-confessional Relations, School of Public Administration, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, RF). E-mail: polunov@spa.msu.ru ORCID 0000-0002-4484-6003

Funding: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute of Social Research within the research project № 21-011-31758

References

- Abdulatipov, R.G. 1995. *O federativnoi i natsional'noi politike Rossiiskogo gosudarstva* [On the federal and national policy of the Russian state]. Moscow: Slavianskii dialog.
- Abdulatipov, R.G. 1997. Natsii na rasput'e: opasnye zabluzhdeniia orakulov natsionalizma [Nations at the Crossroads: Dangerous Delusions of the Oracles of Nationalism]. In *Natsional'naia politika Rossii: istoriia i sovremennost'* [National Policy of Russia: History and Modernity], edited by V.A. Mihajlov, 561–576. Moscow: Russkii mir.
- Achkasov, V.A. 2018. Rossiiskaia etnopolitologiya: dostizheniia i problemy [Russian ethnopolitical science: achievements and problems]. In *Nauchnye issledovaniia v oblasti etnichnosti, mezhnatsional'nykh otnoshenii i istorii natsional'noi politiki* [Scientific research in the field of ethnicity, interethnic relations and the history of national politics], 101–131. Moscow: IEA RAN.

- Alymov, S.S. 2021. Zabyvaia etnos i natsiiu: etnograficheskie diskussii i ekspertiza “natsional’nogo voprosa’ v period perestroiki [Forgetting Ethnicity and Nation: Ethnographic Discussions and Expertise of the “National Question” in the Period of Perestroika]. *Shagi/Steps* 7 (2): 70–92.
- Arutiunian, Yu.V., Drobizheva L.M. 2014. Proidennye puti i nekotorye problemy sovremennoi rossiiskoi etnosotsiologii [Traveled paths and some problems of modern Russian ethnology]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*: 7: 102–112.
- Basilov, V.N. 1992. Etnografii: est’ li u nee budushchee? [Ethnography: Does It Have a Future?]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–17.
- Bromlei, Yu.V., Cheshko, S.V. 1990. O novoi Konstitutsii SSSR [On the new Constitution of the USSR]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 3–19.
- Bugai, N.F. 2017. *Meteorolog, istorik: shtrikhi k portretu. Vospominaniia* [Meteorologist, historian: finishing touches to the portrait. Memories]. Moscow: Akvarius.
- Fadeicheva, M.A. 2008. Paradigm’nye osnovaniia etnicheskoi politiki neopostsovetskoi Rossii [Paradigmatic foundations of ethnic politics in neo-post-Soviet Russia]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural’skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk* 8: 215–225.
- Fadeicheva, M.A. 2011. Tabula rasa rossiiskogo etnicheskogo zakonodatel’sтва [Tabula rasa of Russian ethnic legislation]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* 2 (41): 25–28.
- Falaleeva, I.N. 2011. O paradigme rossiiskoi natsional’noi politiki [On the paradigm of Russian nationality policy]. *Vlast’* 10: 57–60.
- Fedosov, P.A. 2010. Gosudarstvennoe regulirovanie etnopoliticheskikh i etnosotsial’nykh protsessov v Rossiiskoi Federatsii [State regulation of ethno-political and ethnosocial processes in the Russian Federation]. *Politicheskai nauka* 1: 46–75.
- Guboglo, M.N. 2000. *Mozhet li dvuglavyy orel letet’ s odnim krylom? Razmyshleniia o zakonotvorchestve v sfere etnogudarstvennykh otnoshenii* [Can a two-headed eagle fly with one wing? Reflections on lawmaking in the sphere of ethno-state relations]. Moscow: IEA RAN.
- Guboglo, M.N. 2016. Etnosotsiologiya: rodом iz etnografii/etnologii [Ethnology: Originally from Ethnography]. In *Etnosotsiologiya: vchera i segodnia* [Ethnology: Yesterday and Today]. Moscow: IEA RAN: 45–71.
- Kariagin, M.E., Sungurov A.Yu. 2016. Sovremennoe rossiiskoe politologicheskoe soobshchestvo – pervye shagi k analizu [The modern Russian political science community – the first steps towards analysis]. *Polis* 2: 8–20.
- Kozlov, V.I. 1992. Mezhdru etnografiei, etnologiei i zhizn’iu [Between ethnography, ethnology and life]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 3–14.
- Kuzivanova, O.Yu. 2015. Problema kontseptual’nykh osnov sovremennoi natsional’noi politiki v Rossii (k istorii voprosa) [The problem of the conceptual foundations of modern nationality policy in Russia (to the history of the issue)]. *Vlast’* 7: 143–149.
- Makarychev, A.S. 2015. Gosudarstvo, ekspertnye soobshchestva i rezhimy znaniia-vlasti [State, expert communities and modes of knowledge-power]. *Politicheskai nauka* 3: 9–26.
- Malakhov, V. 2008. Natsionalizm i “natsional’naia politika’ rossiiskoi vlasti: 1991–2006 [Nationalism and the “national policy” of the Russian government: 1991–2006]. In *Rossiiskii natsionalizm. Sotsial’nyi i kul’turnyi kontekst* [Russian nationalism. Social and cultural context], 131–156. Moscow: NLO.
- Ratlend, P. 2011. Pristutstvie otsutstviia: ob etnicheskoi politike v Rossii [The presence of absence: on ethnic politics in Russia]. *Polis* 2: 172–189.
- Shnirel’man, V.A. 1992. Nauka v usloviakh totalitarizma [Science in the conditions of totalitarianism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 7–18.
- Sungurov, A.Yu. 2015. Ekspertnye soobshchestva i vlast’: modeli vzaimodeistviia, osnovnye funktsii i usloviia ikh realizatsii [Expert communities and power: interaction models, main functions and conditions for their implementation]. *Politicheskai nauka* 3: 53–70.

- Sungurov, A.Yu., Kariagin, M.E. 2017. Rossiiskoe ekspertnoe soobshchestvo i vlast': osnovnye formy vzaimodeistviia [Russian expert community and power: the main forms of interaction]. *Polis* 3: 144–159.
- Tishkov, V.A. 1992. Sovetskaia etnografiia: preodolenie krizisa [Soviet Ethnography: Overcoming the Crisis]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 5–19.
- Tishkov, V.A. 1996. *Kontseptual'naia evoliutsiia natsional'noi politiki v Rossii* [Conceptual evolution of national policy in Russia]. Vol. 100 (Seriya: Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii). Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Research in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2003. Rossiiskaia etnologiia: status distsipliny, sostoianie teorii, napravleniia i rezul'taty issledovaniia [Russian ethnology: the status of the discipline, the state of the theory, directions and research results]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 3–23.
- Tishkov, V.A. 2009. O kontseptsii perestroiki mezhnatsional'nykh otnoshenii v SSSR (1989) [On the concept of restructuring interethnic relations in the USSR]. *Vestnik Rossiiskoi natsii* 5: 83–107.
- Zorin, V.Yu. 1999a. *Dnevnik ne dlia sebia. Kn. II. Strasti Okhotnogo riada* [The diary is not for myself. Book II. Passion of the Okhotny Ryad]. Moscow: Violanta.
- Zorin, V.Yu. 1999b. Press-konferentsiia Komiteta Gosudarstvennoi Dumy po delam natsional'nostei po povodu Kontseptsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki 21 marta 1996 g. [Press conference of the State Duma Committee on Ethnic Affairs on the Concept of State Ethnic Policy on March 21, 1996]. In Zorin, V.Yu. *Dnevnik ne dlia sebia. Kn. I. Chechnia: kremnisti put' k miru* [The diary is not for myself. Book. I. Chechnya: a flinty path to peace], 228–236. Moscow: Violanta.
- Zorin, V.Yu. 2018. Natsional'naia politika rossiiskogo gosudarstva v XX – nachale XXI v. [National policy of the Russian state in the XX – early XXI century]. Izdanie 2-e. Moscow: Yurait.
- Zorin, V.Yu., Romashkin, V.V. (ed.). 1999. *Materialy seminara-soveshchaniia predsedatelei komitetov (komissii) zakonodatel'nykh organov sub'ektov Rossiiskoi Federatsii po voprosam natsional'nykh otnoshenii 30 marta 1998 g.* [Materials of the seminar-meeting of the chairmen of the committees (commissions) of the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation on issues of national relations March 30, 1998]. Moscow: Izdanie Gosudarstvennoi Dumy.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

УДК 39+316.346.3
DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/22-36

© *Н.А. Белова*

СИМВОЛЫ И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОЙ И ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ*

Современные проблемы и вызовы диктуют обществу необходимость более внимательно относиться к формированию жизненных ценностей у подрастающего поколения. Свойственные молодости протестность и бунтарство, а также тенденция участия в несанкционированных митингах, количество которых за последнее время существенно увеличилось, заставляют общество изучать причины подобного поведения, а также цели, ценности и приоритеты современной молодежи России в целом. Главной задачей научных трудов является выявление истинных проблем, которые волнуют молодое поколение и заставляют бунтовать против норм и устоев общества. Именно поэтому социально-антропологические исследования приобретают особую общественно-политическую значимость, показывая первопричины того или иного феномена поведения. Основной задачей этого исследования была попытка выявить приоритеты, ценности и основные трудности, присущие молодым жителям провинциальных областных центров, а также их главные цели на ближайшее будущее.

В результате исследования мы выяснили, что материальные сложности и проблемы бытового характера заботят молодежь больше, чем ценности самовыражения и свободы. Тем самым наше исследование косвенно подтвердило существование общей проблемы Центральной России – депопуляции населения. Молодежь больше ориентирована на решение материально-бытовых задач, чем на общественно-политическое участие или духовный рост, который реален только в городской местности. В провинциальных городах молодежь более скромная и менее решительная в своих действиях, а желание противостоять обществу в общем количестве ответов респондентов незначительно, вероятно, это следствие более консервативного и строгого воспитания в семьях, ведь большинство студентов-участников опроса жители малых городов и поселков. Приоритетными для этой части молодежи остаются фундаментальные

Белова Наталья Андреевна – к.и.н., научный сотрудник Центра этнополитических исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: belova@iea.ras.ru. ORCID: 0000-0002-7675-7419

* Выполнено в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности». Проект ««Российские ценности и символы: национальное единство и этнокультурное многообразие»».

жизнеобеспечивающие цели и задачи – трудоустройство и жилищный вопрос. Немаловажное значение имеют также проблемы повышения минимального размера труда, заботы о старшем поколении и медицинского обслуживания.

Ключевые слова: символы, ценности, современная молодежь, Российская Федерация, приоритеты, задачи, трудности

Ссылка при цитировании: Белова Н.А. Символы и ценности современной российской молодежи: антропологический анализ на примере Костромской и Владимирской областей // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 22–36.

Изучение ценностей, мировоззрения, стереотипов, поведенческой активности молодежи является междисциплинарной проблемой и лежит на стыке нескольких научных дисциплин. Различные элементы, аспекты, факторы, составляющие процесс социализации молодых людей, влияющие на их поведение, рассматриваются представителями фактически всех гуманитарных наук, что усложняет решение исследовательских задач, но и делает более объективным поиск истины, увеличивают актуальность таких исследований.

Само по себе понятие «ценность» в словаре трактуется, как положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности (БЭС 2020). Каждое общество имеет свои ценности, которые трансформируются и подстраиваются под запросы того или иного времени. Иными словами, ценности Древнего мира не совпадают с запросами древних цивилизаций Востока или общественными нормами Нового времени.

Современный плюрализм и демократичность, позволяет семье, как главному институту гражданского общества, который формирует ценности у подрастающего поколения, выбирать какие правила важны и приоритетны при воспитании детей. Это могут быть патриархально-религиозные или же наоборот демократические нормы с полным отсутствием ограничений и порицаний, где главной ценностью является личность ребенка. К сожалению, современные условия, связанные с глобализацией и усиливающимся влиянием Интернета, приводят к немалым негативным последствиям, с которыми сталкивается молодежь в процессе становления личности. В первую очередь подвергаются сомнению семейные ценности как таковые. Примерно треть молодых матерей в России вынуждены воспитывать детей самостоятельно без участия отцов (официальная статистика говорит о том, что каждый пятый родитель должен получать алименты, но их не получает, а всего в 2019 г. было 142,3 тыс. должника-алиментщика)¹, еще столько же матерей находятся в статусе «одиночек» (РИА-Новости 2017), и это неизбежно влияет на формирование ценностей у современной молодежи. Многие вынуждены выживать, а не развиваться и получать образование. Как сказал один респондент: «Я пошел учиться в вечернюю школу, потому что работать надо было с 15 лет. Мать одна не справлялась, было тяжело. Теперь вот приходится учиться заочно, когда уже и времени на это нет» (ПМА 2020).

¹ Материалы составлены по ведомственной статистической отчетности Федеральной службы судебных приставов. <https://fssp.gov.ru/statistics>; Женщины и мужчины России. 2018: Стат. сб. М.: Росстат., 2018. 241 с.

Другой проблемой современной семьи можно назвать родительскую «гиперопеку» детей, которая продолжается и после их совершеннолетия. У некоторой части молодежи отсутствуют материальные трудности или возможность выбора и самостоятельного принятия решений вплоть до создания своей семьи, поскольку все проблемы решаются родителями. Таким образом, формируется ложное представление о легкости жизни, доступности денег, а также иногда просыпается дух бунтарства и противостояния. Подростки или студенты пытаются проявить свою жизненную позицию, реализуя протест в других сферах общественной жизни, например, путем нарушения общепринятых норм. Именно поэтому изучение такой социальной группы как молодежь, ее ценностных ориентаций в современной России представляет особый научный интерес и является дискуссионным.

Вот какое определение молодежи дает И.С. Кон: «Молодежь – это совокупность людей, которым общество предоставляет возможность социального становления, обеспечивая их льготами, но ограничивая в возможности активного участия в определенных сферах жизни общества. Возрастные рамки, позволяющие относить людей к молодежи, различаются в зависимости от конкретной страны. Нижняя возрастная граница молодежи устанавливается между 14 и 16, верхняя – между 25 и 35 годами и даже позже» (Кон 1974). Карл Маннгейм, немецкий социолог, считает, что молодежь является своего рода резервом, который выступает на передний план, в случае необходимости быстрой адаптации к меняющимся или качественно новым обстоятельствам в жизни. Она, по мнению Маннгейма, «ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она – потенция, готовая к любому начинанию» (Маннгейм 2010: 574). Кроме того, он считает, что молодежи свойственно симпатизировать динамичным социальным движениям, которые выражают недовольство существующему положению вещей по совершенно иным причинам, чем это делают взрослые люди. У молодежи нет закрепленных законом интересов, ни экономических, ни ценностных, имеющих у большинства взрослых, чем и объясняется революционная деятельность в юности. Причем постепенно у большинства эти взгляды кардинально меняются, и они становятся на защиту существующего «status quo» в зрелом возрасте (Там же: 574).

Современная российская молодежь и ее социальные установки настолько динамичны и зависимы от изменений, происходящих в мире, что сложны для изучения и анализа. В условиях политического и общественного плюрализма, а также гласности и активного развития web-пространства молодежь получила новые возможности для совершенствования своих способностей и талантов, иногда не выходя из дома, не имея специального образования, зарабатывая миллионы на рекламе. Различные социальные сети, набирающие популярность по всему миру (Instagram, Tik-Tok, Facebook и др.) предлагают и демонстрируют легкую, яркую жизнь блогеров, которым не нужно учиться и где-то работать. Многие из кумиров современной молодежи удивляют своей безграмотностью не только в историческом, общественно-политическом, но и в общем уровне образованности. Вместе с тем феномен «блогерства» по сути меняет главные жизненные принципы и установки молодежи, диктуя новые правила и вызовы современному обществу. А изучение и исследование целей молодежи становится стратегически важной задачей не только для науки, но и для общества в целом. Вторая опасность, которую таит в себе интернет – это открытость, гласность, а также фактическое отсутствие цензуры, потому что по сути даже ребенок может найти запрещенную литературу, видео или сайт. Сейчас можно встретить

любую информацию, в том числе ложноисторическую, откровенно расистскую или подстрекательскую к ксенофобии до конца не определившуюся во взглядах молодежь.

В связи с этим любые исследования настроений молодежи, особенно антропологического характера, который подразумевает непосредственный контакт интервьюера и респондента, несут ключевую значимость для общества. Именно социальные антропологи, обращаясь напрямую к объекту своего исследования, могут добраться до истинных причин и метаморфоз в поведении молодежи, увидеть ключи к поиску проблем, которые назрели, а также найти способы их разрешения¹.

Историографический обзор проблемы исследования

Мир человеческих ценностей довольно многообразен, а научный анализ всегда предполагает систематизацию. При классификации ценностей, в первую очередь следует обратить внимание на те из них, которые социологи называют «базовыми». Они составляют стержень ценностного сознания личности, предопределяя ее поступки в различных сферах жизнедеятельности. Если соотнести их с потребностями, как это делали и продолжают делать многие исследователи, то число ценностей может быть сведено к двум основным группам. Большинство ученых придерживается разделения на секулярно-рациональные (традиционные) ценности и ценности самовыражения (выживания), которые находятся под влиянием как традиций, так и модернизации. Ценности выживания западные ученые Кристиан Вельцель² и Рональд Инглхарт³ приписывают посткоммунистическим восточноевропейским странам, а также странам Азии и Африки, ценности самовыражения – жителям Западной Европы и англоязычным странам. Также исследователи считают, что существует связь между выраженностью в стране ценностей самовыражения и уровнем ее благосостояния, а каждое новое поколение имеет все больше возможностей и все меньше препятствий отстаивать свои права (*Welzel 2013*).

Р. Инглхарт в своих работах описал историю трансформации ценностей, а главная идея ученого заключается в том, что по мере роста благополучия людей происходит и переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения и свободы. Также он пишет, что в период постмодерна «ценности отдают более высокий приоритет самовыражению, чем экономической эффективности: люди становятся менее готовы принять человеческие издержки, с какими сопряжены бюрократия и жесткие социальные нормы. Общество постмодерна характеризуется упадком иерархических институтов и жестких социальных норм и расширением сферы индивидуального выбора и массового участия» (*Инглхарт 2021*). Это подтверждает высказанное нами ранее мнение, что современные российские семьи могут выбирать нормы и ценности при воспитании

¹ О значимости именно социально-антропологических исследований более подробно можно встретить в работах таких выдающихся ученых как М.Н. Губогло, С.В. Чешко, В.А. Тишкова, М.Ю. Мартыновой и др.

² Кристиан Вельцель (род. 1964) – немецкий политолог из Леофанского университета в Люнебурге и директор по исследованиям Всемирной ассоциации исследования ценностей. Он известен своей моделью культурных измерений, которая измеряет эмансипативные и светские ценности.

³ Рональд Инглхарт (5.09.1934 – 8.05.2021) – американский учёный-социолог и политолог в Университете Мичигана, руководитель лаборатории сравнительных социальных исследований в НИУ «Высшая школа экономики», более известный как создатель социологической теории постматериализма, изобретатель диаграммы Инглхарта.

подростающего поколения. Г. Мюррей, американский психолог, известный прежде всего, как автор Тематического апперцептивного теста (ТАТ), описал психогенные потребности, которые приводят человека к определенным поступкам. Он считал, что потребности у всех одинаковые, но степень их выражения для каждого отличается в зависимости от личных факторов и факторов внешней среды (Холл, Линдсей 1997).

Современных трудов российских ученых, затрагивающих анализ проблем молодежи как социальной группы, влияние различных феноменов на ее мировоззрение, также немало. Мы хотели бы остановиться и осветить самые ключевые работы, которые непосредственно соприкасаются с темой нашего исследования. Например, ученые С.В. Карпухин и Н.Б. Колокольцева делают неутешительные прогнозы, которые заключаются в том, что культурные ценности молодых россиян весьма незначительны и с каждым годом ситуация только ухудшается. Это связано сразу с несколькими аспектами. Во-первых, по мнению этих ученых современная молодежь перестает уважать существующие традиции, она не интересуется культурой своей страны. Во-вторых, молодое поколение строит свои жизненные ориентиры на краткосрочных стратегиях, по принципу «все или ничего» и в целом на гедонистических предпочтениях. В-третьих, молодежь обвиняется в двуличном отношении к «власть имущим», которое состоит, с одной стороны, в неуважении и критике, а с другой – в преклонении и раболепии (Карпухин, Колокольцева 2016: 250–252). В качестве основной причины подобного положения дел обозначается кризис системы образования, который связан с тем, что она не способна адаптироваться к быстроменяющимся реалиям современного социокультурного пространства.

Филологи и специалисты в области лингво-культурологии и психологической коммуникации В.Н. Левина и С.В. Гуськова, напротив, фиксируют положительную динамику роста культурных ценностей у молодежи. Они отмечают, что «стремления студенческой молодежи к дальнейшему образованию, трудоустройству, финансовой независимости останутся стабильно высокими», при этом «чувства доброты, милосердия, сострадания также характерны для юношей и девушек» (Левина, Гуськова 2017: 328).

Социологи Ю.А. Зубок и В.И. Чупров в своем исследовании, проводившемся в 2017 г. в 28 населенных пунктах 7 регионов России, зафиксировали наибольшую выраженность у молодежи таких ценностей, как любовь (58% респондентов), спокойная безбедная жизнь (42,2%), проявление своей индивидуальности (самореализация) (37,1%), продолжение себя в будущих поколениях (31,5%), стремление к истине (27,6%). При этом было замечено, что среди мусульманской молодежи проявление своей индивидуальности (самореализация) становится менее выраженной ценностью, а продолжение себя в будущих поколениях и стремление к истине – более популярными (Зубок, Чупров 2018: 6).

Основываясь на зарубежной историографии и представленных отечественных результатах, мы можем сделать вывод о том, что российская молодежь по теории Р. Инглихарта еще не перешла от стратегий выживания к стратегиям самовыражения. Если этот процесс и начинается, то затрагивает он лишь небольшую долю молодого населения нашей страны. Для более подробного анализа обозначенной нами проблемы необходимо подвергнуть анализу социально-экономическое развитие, в частности, Владимирской и Костромской областей и выяснить материальное положение их населения, включая молодежь.

Социально-экономические проблемы молодежи провинции

Владимирская и Костромская области входят в состав Центрального федерального округа. Обе губернии были образованы в 1796 г. и просуществовали до 1929 г., т.к. были упразднены и вошли в состав Ивановской промышленной области. Интересен тот факт, что Владимирская и Костромская области были образованы почти одновременно в 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР¹. Эти два региона являются одними из самых древнейших по своей истории и культурному развитию.

Природно-климатические и социальные условия, затрудняющие возможность обеспечения достаточным для жизни продовольствием, определили издревле занятия костромичей и владимирцев, а начавшиеся с XIX века миграционные процессы усугубили демографическую ситуацию в регионах. Вынужденное из-за долгой зимы безделье побуждало крестьян к развитию промыслов и отходничеству в города и промышленные центры России. До 400 тыс. костромичей в год уходили в российские столицы – Петербург, Москву, а также в губернские промышленные города и села Верхнего Поволжья, чтобы заработать необходимые средства для своего проживания (Белов 2009). А во Владимирской губернии, согласно официальной статистике начала XX века, лишь 10% крестьянских дворов занимались исключительно земледелием (Известков 2017). Последовавшие две мировых войны, революция и гражданская война, урбанизация и индустриализация привели к резкому сокращению сельского населения и массовому переезду крестьян из села в город. Сейчас в Центральной России особенно остро стоит демографическая проблема, последние 30 лет идет естественная убыль населения, а также продолжает увеличиваться миграционный отток молодежи из сельской местности в города. Но если раньше в селах и деревнях была возможность воспитывать детей и заниматься сельским хозяйством, то теперь школы и медицинские пункты есть только в городах и районных центрах, до которых осенью или весной невозможно добраться, а транспортная инфраструктура зачастую отсутствует как таковая. Все это приводит к тому, что в первую очередь молодежь, а за ней и другая часть населения, вынуждены перебираться из деревень, бросая хозяйство и дома. По данным Министерства регионального развития Российской Федерации, в 1990–2013 гг. В России исчезло 23 тыс. населенных пунктов, из которых 20 тыс. – это деревни и поселки (Шайдулин 2016). За последние 30 лет в Костромской области оказались заброшенными 1201 деревня, а сам регион вошел в пятерку регионов России с наибольшим количеством опустевших деревень. Во Владимирской области 318 населенных пунктов были заброшены, а сама область по этому показателю оказалась на 17 месте. Вероятно, здесь на небольшом количестве заброшенных деревень сказывается близость с Москвой, из-за чего многие приобретают дома в деревнях как дачи, в которых отдыхают летом. Кроме того, указанная тенденция миграции местных жителей, сопровождается ростом естественной убыли населения, которая сократила численность обеих областей, начиная с 1991 г. примерно на 20%². И это не удивитель-

¹ Костромская область образована Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Костромской области в составе РСФСР» от 13 августа 1944 года № 801/1 (ст. 9 в ред. закона от 20.07.2000 № 100-ЗКО) путём выделения из состава Ивановской области; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1944 года «Об образовании Владимирской области в составе РСФСР» (Мандельштам 1956: 43–44).

² Население Костромской области, согласно статистическим источникам, с 1991 г. сократилось на 22%, а население Владимирской области на 19% (РОССТАТ 2021).

но поскольку в условиях, климатически очень суровых, людям до сих пор приходится топить жилище дровами, а газ закупается в баллонах.

Еще одной проблемой для сельской местности и малых городов является отсутствие возможности достойного заработка. Как сообщают «РИА Новости», аналитики составили рейтинг зарплат по регионам, исключив из списка большие города. Иными словами, была подсчитана средняя заработная плата в малых городах, деревнях и селах. Выяснилось, что Костромская область по этому показателю оказалась на 63 месте (из 85). Судя по подсчетам экспертов, средняя зарплата в малых населенных пунктах региона – 28 тысяч рублей. При этом соотношение реальной зарплаты с ценами на еду и услуги оказалось очень низким, что говорит об одном – на эти деньги местные жители не могут купить многие вещи (Зарплата 2021). А если рассчитать медианную зарплату (т.е. ту, которую получает большинство, и она точнее отражает действительный доход населения), получится еще более скромная сумма, которая едва ли превысит 15–20 тыс. рублей. Согласно данным наших массовых опросов 2021 г., которые были проведены в малых городах области, последняя указанная цифра подтверждает наши предположения, как и мониторинг сайтов вакансий Костромской области. Например, в колхозе им. Чапаева в Поназырево требуется доярка «осуществлять ручное доение коров с продуктивностью до 3,5 тыс. кг. молока в год и выполнять мероприятия по улучшению содержания животных» с окладом 12 792 руб. (JobFilter 2021). В Костроме такой специалист получит уже от 20-25 тыс. руб., что тоже существенно ниже средне-статистического заработка в областном центре (Там же)¹.

Типичной проблемой в регионах РФ является также комплекс нерешенных бытовых условий городской жизни. Жилищный вопрос, коммунальные удобства, благоустройство территории, наличие качественной дорожной сети и эффективной работы городского транспорта, традиционно включаемых исследователями в проблематику городской среды, представляют для людей особую значимость. Каждодневные трудности горожан, например, отсутствие работы, небольшой заработок, высокие коммунальные тарифы и прочее, приводят к росту недовольства людей и миграции в другие регионы страны, с целью повышения своего благосостояния и уровня жизни. Вместе с тем, несмотря на призывы и действия федеральной власти многие проблемы в субъектах Российской Федерации остаются нерешенными. Так, в современной России, по данным статистики, лишь «44% от общего количества жилья оборудовано всеми видами благоустройства» (Скочин 2013), еще ниже этот показатель в малых городах страны. Эксперты ВЦИОМ и компании ДОМ.РФ провели анализ, в ходе которого выяснили, какое количество молодых россиян проживает с родителями. По данным специалистов, 43% опрошенных проживают отдельно от родителей и имеют собственную жилую недвижимость, 27% респондентов арендуют жилье различного типа (квартиры/комнаты/студии). Совместно с родителями живут 28% участников опроса, из которых моложе 25 лет – 38%, старше – 24% (FB 2021). Другой опрос, который ранее проводился в Москве фондом «Общественное мнение», показал, что о совместном проживании с родителями сообщили 18% респондентов в возрасте 18-30 лет, 10% – в возрасте 31-45 лет, 12% – 46-60 лет, а также 2% – старше 60 лет (РИА новости 2020). Т.е. согласно этим опросам примерно четверть молодых россиян не имеют возможности улучшить свои жилищные условия и вынуждены проживать с родителями.

¹ Средняя зарплата по данным Костромастата за первое полугодие 2021 г. составила 33749 и по сравнению с августом 2020 г. увеличилась на 11,5%.

Данное исследование вызвано нарастающим интересом к проблемам молодого поколения России, а также изучению его интересов, желаний и стремлений. Именно поэтому нами в рамках научного проекта были организованы и проведены массовые опросы среди молодежи областей РФ, о результатах которых мы расскажем ниже.

Результаты исследования

В нашем исследовании приняло участие 400 студентов двух областных центров Владимира и Костромы. Главной задачей социологического опроса стало выявление основных ценностей современной молодежи, их приоритетных жизненных стратегий, отношения к тем или иным историческим событиям и многим другим аспектам идентичности, о которых мы подробнее напишем ниже.

Как показал наш опрос, основными интересами современного студенчества является спорт, искусство, и социальные сети. В Костроме примерно треть студентов выбрали еще свой вариант ответа и указали любимое занятие (чтение, путешествие или саморазвитие), во Владимире таких студентов оказалось меньше четверти от общего числа участников исследования. Кроме того, студенты хотели бы путешествовать, но большинство не мыслили масштабно, ограничиваясь только историческими городами России или южными регионами страны, которые сейчас ассоциируются с отдыхом на пляже и развлечениями. Самыми популярными туристическими местами по результатам опроса стали Санкт-Петербург, Калининград, Байкал и Крым. Но что еще более удивительно, примерно треть студентов затруднились ответить на заданный вопрос, а во Владимире 10% студентов сказали, что не хотят путешествовать по России. Подобную тенденцию нельзя назвать негативной, потому что удельный вес таких ответов небольшой, к тому же во все времена были и будут люди, которые находятся в протесте с современным ему обществом или же не имеют определенных интересов и желаний. Чаще всего это связано с семейными традициями и ценностями, если родители не любили путешествовать и поездки ограничивались дачей, то, скорее всего, и их дети также не будут путешествовать по городам и странам. Также последний фактор косвенно может указывать на количество семей, материальное благосостояние которых не позволяет путешествовать даже по городам России.

Вместе с тем абсолютному большинству молодежи цели на будущее важны (Владимир – 73%, Кострома – 60%) и только для менее чем 10% молодежи это не требуется.

Показательным был вопрос, касающийся «чувства гордости за Россию», причем результаты в обоих городах совпали. Главные предметы гордости за страну и ее достижения, как оказалось, связаны с победой над фашисткой Германией и запуском первого космического спутника. Не испытывают чувство гордости за страну всего около 5% респондентов (Владимир – 7%, Кострома – 4%). Примерно четверть опрошенных отметила как важное историческое событие преодоление сталинских репрессий. Абсолютное большинство студентов высказалось за создание «списка культурного наследия наших регионов». Не поддержало эту инициативу менее 5%. Вместе с тем, всего 14% респондентов смогли предложить свои идеи по созданию такого списка, и еще меньше представили свои идеи с региональным контекстом. В основном упоминались памятники архитектуры, искусства и традиционные народные блюда.

Одной из форм особенностей поведения молодежи, как мы указывали выше, является отношение к политическому строю, а также антагонизм молодежи в разных его формах и проявлениях. Именно поэтому мы включили в опрос «политический блок». Забегая вперед необходимо отметить, что на поставленные вопросы молодежь отвечала сдержанно и во многом «правильно», а не честно. Потому что комментарии и устные сообщения свидетельствовали об альтернативных мыслях и желаниях.

Таблица 1

Ниже вразброс перечислены современные события и направления деятельности государства. Какие из них вызывают у Вас чувство гордости за Россию?

Варианты ответов	Владимир	Кострома
0). Если нет таких событий, отметьте только данный пункт	14%	15%
1). Борьба с безработицей и бедностью	22%	20%
2). Прозрачная система голосования на выборах в органы власти	4%	2%
3). Первая в мире вакцина от коронавируса	6%	6%
4). Укрепление Вооруженных Сил Российской Федерации	18%	13%
5). Достижения в области науки, культуры, искусства и спорта	40%	39%
6). Пенсии, прожиточный минимум, здравоохранение с 2020 г. находятся под защитой Конституции	6%	9%
7). Многопартийность, свобода слова и печати	12%	8%
8). Космические полеты	17%	25%
9). Развитие военной техники	19%	10%
10). Празднование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне	27%	19%
11). Улучшение возможности профессионального обучения и роста для людей как молодого, так и пожилого возраста	28%	23%
12). Сохранение этнического многообразия и национальных языков	22%	27%
13). Создание самого большого в мире атомного ледокольного флота	11%	12%
14). Борьба с международным терроризмом, в том числе в Сирии; миротворчество в Нагорном Карабахе	27%	14%
15). Развитие туризма в регионах России	21%	26%
16). Другое (<i>напишите</i>)	1%	2%
17). Затрудняюсь ответить	7%	7%

Как мы видим, результаты нашего исследования в обоих городах почти совпали, наибольшее чувство гордости вызывают достижения в области науки, культуры, искусства и спорта. Наименьшее чувство гордости затрагивает политическую сферу общества: такие достижения как система голосования, многопартийность и первая вакцина от коронавируса (которая тоже может быть расценена как политическое со-

бытие мирового масштаба). Это указывает на отсутствие у молодежи интереса к участию в политической жизни страны. Кроме того, резонансным стал вопрос о том, кто же такие представители власти? Мнения участников разделились, большинство из респондентов было поставлено в затруднение и долго размышляло над этим вопросом. Размышляя, что такое власть, и кто такие лидеры, четверть студентов Костромы ответили, что это «простые граждане с соседней улицы», во Владимире так считает чуть больше трети студентов (37%). Но в целом для большинства студентов обоих городов – это больше «простые люди», чем «далекая планета», что говорит о некотором возможном доверии к власти. Властные структуры не идеализируются в массовом сознании, а ассоциации с тем, что это «элита» общества или закрытая социальная группа, не возникает (ПМА 2020).

Если рассматривать деятельность волонтеров, как участников общественно-политических событий, то здесь молодежь проявила больше активности. Подавляющая часть студентов не отказалась бы от участия в государственных кампаниях. Почти половина из них приняла бы участие в Дне празднования победы 9 мая, а также помогала бы людям с ограниченными возможностями и пенсионерам. Это довольно позитивные результаты, которые не могут не радовать, поскольку традиционно 9 мая признается праздником памяти и гордости за победу в Великой Отечественной войне и получается, что молодое поколение гордится достижениями и подвигами советских граждан. Кроме того, еще более позитивно воспринимается желание заботиться о старшем поколении, которое нуждается в помощи и зачастую ограничено в своих возможностях. Это подтверждают и другие источники. В социальных сетях очень часто можно встретить флешмобы, которые направлены на поддержку пенсионеров. Видеоролики показывают, как молодые люди покупают пенсионерам на крупные суммы необходимые для жизни продукты и дарят их безвозмездно. В этих роликах пожилые люди не могут поверить в то, что с ними происходит, поскольку их финансовая возможность не позволяет приобрести и трети из предлагаемого в «корзине». «Современные тимуровцы» выкладывают такие ролики с призывами помогать и поддерживать тех, кто в этом нуждается, а также исходят из мысли что добро обязательно вернется. В любом случае подобные социальные инициативы не могут не вселять веру в лучшее и в то, что современная молодежь все же стремиться к высшим идеалам и ценностям.

Для молодежи обоих регионов оказались немаловажными мероприятия по продвижению русского языка и культуры. Этот факт значим как для нашего исследования, так и в целом для государства. Связано это в первую очередь с увеличивающимся потоком мигрантов, который неизбежно будет расти с каждым годом, именно поэтому мероприятия такого рода необходимы. Молодежь уже сейчас довольно настороженно и зачастую негативно относится к представителям других государств, а главным барьером является именно язык и культурные различия между народами. Хотелось бы также отметить, что многие ребята приезжают из деревень, где 99,9% населения русское. Они вырастают в более консервативной атмосфере и не отличаются толерантностью жителей мегаполисов, привыкших ко всему. Большинство из них не видели чернокожих, азиатов и для них это является определенным рода странной (иногда даже опасной, во много благодаря СМИ) диковинкой.

Проблемой в регионах также является процесс адаптации приехавших из других стран студентов. По комментариям общественных деятелей областных центров по

вопросам межэтнических отношений, вновь прибывшим иностранцам необходимо определенное время для адаптации и осознания, что можно, а что нельзя. Нередки случаи, когда от полученной свободы «сносит крышу» и приходится объяснять правила поведения, принятые в новом для них обществе (ПМА 2019, 2020). Недостаток культурно-просветительных мероприятий негативно сказывается на адаптации и успешной интеграции новых представителей в более консервативное, чем мегаполисы, провинциальное сообщество.

Вместе с тем, другой маркер политической заинтересованности молодежи – участие в выборах и интерес к принятию поправок в Конституцию. Здесь произошло явное разделение среди молодежи регионов. В Костроме только треть студентов не принимало участие в выборах, во Владимире же около 50% отказались от участия в голосовании. При этом в каждом из регионов доля политически активной и заинтересованной молодежи значительна. Важными поправками были признаны: «Минимальный размер оплаты труда не меньше прожиточного минимума» (Владимир – 36%; Кострома – 30%), «Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа» (Владимир – 18%; Кострома – 32%), «Обеспечение доступной и качественной медицинской помощи» (Владимир – 37%; Кострома – 31%), примерно одинаковое количество студентов (20%) отметили, что важных поправок принято не было. Результаты опроса косвенно говорят о том, что материальное положение большинства молодых граждан затруднительно, особенно в Костроме. Примерно 50% костромских и 36% владимирских студентов живут на границе с бедностью, кроме того в Костроме – 7%, во Владимире – 8% студентов отметили, что испытывают большие материальные трудности и вынуждены искать дополнительные источники заработка. Причем большинство из них опасается, что смогут потерять свой небольшой доход. В Костроме большее количество студентов подрабатывает, чем во Владимире, даже несмотря на то, что 90% участников опроса проживали в указанном регионе с рождения и пользовались на момент опроса поддержкой семьи. В качестве вывода хотелось бы отметить, что в небольших областных городах меньше возможностей для временного заработка или частичной занятости, а конкуренция на местном рынке труда гораздо выше. Работодатели не заинтересованы привлекать молодежь к работе в своих компаниях, потому что это невыгодно. Вероятно, здесь сказывается отсутствие преференций и льгот для привлечения таких кадров в штат. Реформирование подобной системы и принятие защитных мер на законодательном уровне, например, путем установления льготного налогообложения фирм, позволило бы дополнительно защитить молодых специалистов. Вместе с тем указанные проблемы говорят о наличии комплекса сложностей в регионах с невысоким экономическим развитием. Это косвенно подтверждает и наш опрос, потому что 45% костромичей и 64% владимирцев готовы сменить регион проживания с целью улучшения качества своей жизни.

Полученные результаты поднимают еще одну из ключевых проблем современной России – депопуляцию Центральной России, где с катастрофической скоростью снижается численность населения, о чем мы говорили в самом начале статьи. Вероятно, это и должно стать приоритетной задачей не только местной, но и федеральной власти – прекращение оттока молодежи в крупные города. При этом результаты личных бесед косвенно указывают на то, что желание остаться в родном городе среди молодого поколения выше миграционных настроений. Комплекс этих социально-демо-

графических проблем может быть разрешим путем совершенствования устаревших льготных условий для молодых специалистов и реализации их на практике на местах. В первую очередь необходимо принять меры для решения материально-бытовых проблем молодежи, обеспечения молодых кадров возможностью получать достойную заработную плату, в сочетании с возможностью приобретения льготного жилья. Иными словами, увеличение числа федеральных программ не только для таких категорий специалистов как полицейские, военные, молодые ученые, но и для других специалистов, как минимум – врачей, учителей, инженеров и др. Кроме того, необходимо создать дополнительные льготные условия для малого и среднего бизнеса, который принимает на работу молодых специалистов.

В результате наше исследование показало, что материальные ценности и решение вопросов бытового характера заботят молодежь больше, чем ценности самовыражения и свободы. Нерешенность комплекса проблем жилищно-бытового и социально-финансового характера вынуждает молодое поколение мигрировать в более благоустроенные места для жительства, что приводит к депопуляции населения центральных районов России. На политическую тематику молодежь отвечала с затруднением и скорее «правильно», чем честно. В провинциальных городах молодежь более скромная и менее решительная в своих целях, а желание противостоять обществу в общем количестве ответов незначительно, вероятно это следствие более консервативного и строго воспитания в семьях. Приоритетными остаются глобальные жизненные цели и задачи – трудоустройство и жилищный вопрос. Немаловажными являются мероприятия по повышению минимального размера труда, забота о старшем поколении и медицинском обслуживании.

В качестве главной рекомендации по итогам исследования хотелось бы отметить, что приоритетной задачей для местных властей сейчас должно стать установление адекватной заработной платы, когда минимальный размер труда будет не ниже прожиточного минимума, а также борьба с бедностью в регионах. Поскольку только достойный оклад и уровень жизни в областях сможет остановить миграцию местного населения из села в город и побудить молодежь вернуться в сельскую местность, что повысит рождаемость и остановит вымирание древнейших и стратегически важных регионов в стране. Причем подобные успешные примеры в ходе исследования нами были обнаружены. Например, по комментариям респондентов из Вохмского района, усилиями местной администрации удалось остановить отток молодежи и даже вернуть молодых специалистов. Сейчас в районе работает несколько промышленных предприятий, предпринимаются шаги по развитию социальной инфраструктуры, что останавливает молодежь от желания уехать в областной центр (ПМА 2020).

Источники и материалы

- Шайдуллин* 2016 – *Шайдуллин Р.В.* Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. <http://www.antat.ru/ru/ite/publishing/novyie-izdaniya/Исчезнувшие%20НП-2016.pdf> Исчезнувшие населённые пункты Республики Татарстан. Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2016. С. 3. 320 с.
- Мандельштам* 1956 – *Мандельштам Ю.И.* (под ред.) Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 44.

- ПМА 2020 – Полевые материалы автора. Кострома 2020, опрос студентов и молодежи средних специальных учреждений. Владимир 2020, опрос студентов и молодежи средних специальных учреждений.
- РБК 2017 – в России на матерей-одиночек приходится треть семей с детьми. РБК. 07 фев 2017. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5899c3949a7947cd04125cc5https://www.rbc.ru/rbcfree news/5899c3949a7947cd04125cc5> (дата обращения: 22.09.2021).
- FB 2021 – Исследование показало, сколько молодых людей в России живут с родителями // FB.ru: <https://fb.ru/post/environment/2021/1/16/277784> (дата обращения 22.09.2021).
- РИА новости 2020 – Опрос показал, сколько совершеннолетних россиян живет с родителями // РИА Новости. <https://ria.ru/20200918/roditeli-1577434945.html> (дата публикации: 18.09.2020).
- Зарплата 2021 – Зарплата в деревнях и селах Костромской области удивила всех. KOSTROMA.TODAY (дата публикации: 29 МАП 2021). <https://kostroma.today/news/zarplata-v-derevnyax-i-selax-kostromskoj-oblasti-udivila-vsex/> (дата обращения: 4.09.2021).
- JobFilter 2021 – Job Filter.ru. Вакансии рынка труда РФ, Костромская область. Работа доярка в Костромской области. <https://ponazyrevo.jobfilter.ru/vacancy/62611975>. Опубликовано: 25 февраля 2021.

Научная литература

- Белов А.М.* Центр и провинция в правлении Романовых // Романовские чтения. центр и провинция в системе российской государственности. Материалы конференции. Администрация Костромской области; Фонд российской государственности и 400-летия династии Романовых; Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова; Костромское церковно-историческое общество. Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2009.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление, 2018. Т. 4. № 3. С. 3–13. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1.
- Известков А.* Отходники и кустари Владимирской губернии // Владимирские ведомости, 2017. <https://vedom.ru/news/2017/06/28/25906-othodniki>.
- Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. <https://sociology.merphi.ru/docs/polit/html/ingl.htm> (дата обращения: 18.09.2021).
- Карпунин С.В., Колокольцева Н.Б.* Влияние культурной среды на развитие социальных и нравственных ценностей молодежи // Конфликтология, 2016. № 2. С. 248–253.
- Кон И.С.* Молодёжь. М.: Советская энциклопедия, 1974.
- Лагутин О.В., Шентякова А.В.* Эмпирическое измерение социального капитала молодежи современного мегаполиса. Политическое пространство и социальное время: Синергия смыслов и ценностей // Сборник научных трудов XXXIV Международного Харакского форума / под ред. Т.А. Сенюшкиной. Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. С. 95–100.
- Ларина А.А.* Основные ценности современной молодежи // Территория науки. 2015. № 5. С. 67–72.
- Левина В.Н., Гуськова С.В.* Механизмы формирования культурных ценностей и поведенческих приоритетов студенческой молодежи под воздействием текстов конвергентных СМИ // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 317–332. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-317-332.
- Манхейм К.* Избранное: Диагноз нашего времени / Карл Манхейм; пер. с нем. и англ. М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010.
- Роменков А.В.* Интернет-блог как инструмент политической борьбы // *Власть*, 2008. № 7. С. 79–83.
- Скочин А.В.* Городская среда Тюмени во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. Автореф. дисс... к.и.н., Тюмень, 2013. С. 3.

Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности / Перевод И.Б. Гриншпун. С.С. Hall, G. Lindsey. Theories of Personality. N.Y.: John Wiley and Sons, 1970; М.: «КСП+», 1997. Терминологическая правка В. Данченко. К.: PSYLIB, 2005. <http://psylib.org.ua/books/holli01/index.htm> (дата обращения: 22.09.2021).

Шарапов Р.И. Условия политической мобилизации в сети Интернет. Социодинамика, 2017. № 10. С. 1–8. DOI: 10.25136/2409-7144.2017.10.22073.

Welzel K. Freedom Rising Human Empowerment and the Quest for Emancipatio. NY: Cambridge University Press, 2013.

Belova, Natalia A.

Symbols and Values of Modern Russian Youth: Anthropological Study in the Kostroma and Vladimir Regions

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/22-36

Current problems and challenges require society to pay attention to the values of the younger generation. At the same time, the youth is known to be prone to rebel and protest and tend to take part in unauthorized rallies, which have become significantly more frequent in recent years. This provokes the interest of the society to study the current values and priorities of the Russian youth. The main task is to identify the problems that worry the younger generation and cause them to rebel against society. That is why socio-anthropological studies of young people's behavior acquire a particular socio-political significance. This study aimed to identify the values and main difficulties of the youth in provincial regional centers and their goals for the near future. The study revealed that material values and welfare problems concern young people more than self-expression and freedom. And thus, our study indirectly confirmed the importance of another problem in Central Russia - the depopulation of the local population.

Unresolved problems of housing and social and financial well-being are forcing the younger generation to migrate to more comfortable places to live. Young people are more focused on their welfare problems than participation in social and political life. The youth responded to political topics with difficulty and tried to choose "correct" options rather than be honest. In provincial cities, young people are more modest and less decisive in their goals. The total result of the survey revealed a reluctance to confront social norms, which is probably the consequence of a conservative and strict upbringing. Employment and housing remain primary global life goals for the youth. Minimum wage, caring for the older generation and medical care are also important.

Keywords: *symbols, values, modern youth, the Russian Federation, priorities, tasks, difficulties*

For Citation: Belova, N.A. Symbols and Values of Modern Russian Youth: Anthropological Study in the Kostroma and Vladimir Regions. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 22–36.

Author Info: **Belova, Natalia A.** – PhD in Hist., Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: belova@iea.ras.ru. ORCID: 0000-0002-7675-7419

Funding: The research was carried out within the Program of fundamental and applied scientific research "Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of the all-Russian identity". The project "Russian values and symbols: national unity and ethnocultural diversity".

References

- Belov, A.M. 2009. The center and the province under the rule of the Romanovs [Center and Province under the Romanovs' Board]. In *Romanov readings. the center and the province in the system of Russian statehood. Conference materials. Administration of the Kostroma Region; Foundation of Russian Statehood and the 400th Anniversary of the Romanov Dynasty; Kostroma State University named after Nekrasov; Kostroma Church Historical Society* [Romanov Readings. center and province in the system of Russian statehood. Conference materials. Administration of the Kostroma region; Foundation for Russian Statehood and the 400th Anniversary of the Romanov Dynasty; Kostroma State University; Kostroma Church Historical Society]. Kostroma: Kostroma State University.
- Holl, K.S., and G. Lindsay. 1970. *Teorii lichnosti* [Theories of Personality], translated by I.B. Greenshpun. Moscow: «KSP+». <http://psylib.org.ua/books/holli01/index.htm> (date accessed: 22.09.2021).
- Inglehart, R. 2021. *Postmodern: menyayushchiesya cennosti i izmenyayushchiesya obshchestva* [Postmodernity: changing values and changing societies]. <https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm> (date accessed: 09/18/2021).
- Izvestkov, A. 2017. Othodniki i kustari Vladimirskoj gubernii [Otkhodniks and handicraftsmen of the Vladimir province]. *Vladimirskie vedomosti*. <https://vedom.ru/news/2017/06/28/25906-othodniki>.
- Karpukhin, S.V., and N.B. Kolokoltseva. 2016. Vliyanie kul'turnoj sredy na razvitie social'nyh i npravstvennyh cennostej molodezhi [The influence of the cultural environment on the development of social and moral values of youth]. *Konfliktologiya* 2: 248–253.
- Kon, I.S. 1974. *Young people*. Moscow: Soviet Encyclopedia.
- Lagutin O.V., and A.V. Shetyakova. 2018. Empiricheskoe izmerenie social'nogo kapitala molodezhi sovremennogo megapolisa. Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremya: Sinergiya smyslov i cennostej [Empirical measurement of the social capital of young people in a modern metropolis. Political space and social time: Synergy of meanings and values]. In *Sbornik nauchnyh trudov XXXIV Mezhdunarodnogo Harakskogo foruma* [Collection of scientific works of the XXXIV International Harak Forum], edited by T.A. Senyushkina, 95–100. Yalta: Limited Liability Company «Publishing House Printing House Arial».
- Larina, A.A. 2015. Osnovnye cennosti sovremennoj molodezhi [The main values of modern youth]. *Territoriya nauki* 5: 67–72.
- Levina, V.N., and S.V. Guskova. 2017. Mekhanizmy formirovaniya kul'turnykh cennostej i povedencheskih prioritetov studencheskoj molodezhi pod vozdejstviem tekstov konvergentnykh SMI [Mechanisms of the formation of cultural values and behavioral priorities of student youth under the influence of convergent media texts]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya* 15 (3): 317–332. DOI: 10.22363 / 2313-2264-2017-15-3-317-332.
- Mannheim, K. 2010. *Izbrannoe: Diagnost nashego vremeni* [Selected: The diagnosis of our time]. Moscow: Publishing house «RAO Talking Book».
- Romenkov, A.V. 2008. Internet-blog kak instrument politicheskoi bor'by [Internet blog as an instrument of political struggle]. *Vlast* 7: 79–83.
- Sharapov, R.I. 2017. Usloviya politicheskoi mobilizacii v seti Internet [Conditions for political mobilization on the Internet]. *Sociodinamika* 10: 1–8. DOI: 10.25136/2409-7144.2017.10.22073.
- Skochin, A.V. 2013. *Gorodskaya sreda Tyumeni vo vtoroj polovine 1950 – pervoj polovine 1960 gg.* [The urban environment of Tyumen in the second half of the 1950s – the first half of the 1960s]. PhD diss., Tyumen.
- Welzel, K. 2013. *Freedom Rising Human Empowerment and the Quest for Emancipatio*. NY: Cambridge University Press.
- Zubok, Yu.A., and V.I. Chuprov. 2018. Smyslozhiznennye cennosti v kul'turnom prostranstve rossijskoj molodezhi [Life-meaning values in the cultural space of Russian youth]. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie* 4 (3): 3–13. DOI: 10.18413 / 2408-9338-2018-4-3-0-1.

ВОСПРИЯТИЕ ОБЩЕГРАЖДАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТАМИ МОСКВЫ И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

В конце 2020 г. в рамках исследования восприятия общегражданских ценностей и российской идентичности было проведено анкетирование студенческой молодежи Москвы и Кировской области. В качестве оснований для гордости за свою страну рассматривались представления молодых людей об объектах культурного и природного наследия России, значимых исторических событиях и текущих направлениях деятельности нашего государства. В перечень объектов культурного достояния, по мнению учащихся, входят: особенности языка и речи, эпос народов России, народные промыслы, предметы быта, блюда национальной кухни. В список важнейших памятников природы, как считают наши респонденты, следует включить: Байкал, Алтай, Камчатку и Карелию. Подавляющее большинство опрошенных в первую очередь гордится победой в Великой Отечественной войне и достижениями советской космонавтики. По результатам работы может быть сделан вывод о первостепенной значимости научных открытий, культурных и спортивных событий для возникновения патриотических чувств у современной студенческой молодежи. При сохранении единства мнений о наиболее принципиальных российских ценностях в массовом сознании молодежи одновременно присутствуют различия в выборе ответов в зависимости от территории проживания. Это может свидетельствовать об особенностях политических настроений, реакций на внешние угрозы, ориентаций на первоочередное участие в проектах регионального или государственного уровней, которые свойственны для молодых людей каждого конкретного региона. На разницу в суждениях студентов в определенной степени могут также влиять содержание учебных программ и качество образования столичных и провинциальных вузов.

Ключевые слова: студенческая молодежь; гражданские ценности; культурное и природное наследие; историческое самосознание; российская идентичность; региональная специфика; Москва; Кировская область

Ссылка при цитировании: Зыкина О.А. Восприятие общегражданских ценностей студентами Москвы и Кировской области // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 37–48.

Зыкина Ольга Александровна – младший научный сотрудник отдела русского народа, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: ol_ya_z@mail.ru

* Выполнено в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» по проекту «Российские ценности и символы: национальное единство и этнокультурное многообразие».

С появлением наций-государств современного типа, характеризующихся культурной гетерогенностью населения и одновременно сохраняющих территориальную целостность и гражданско-политическую общность, неизбежно возникает вопрос о механизмах социальной консолидации жителей страны. Процесс формирования единой нации является непрерывным, динамичным и двусторонним. Государство в лице политической и интеллектуальной элит формулирует национальную идею, выстраивает государственную национальную политику; в свою очередь граждане соотносят себя с нацией, ведут свою деятельность сообразно своим представлениям о личных и групповых интересах, наполняют конкретным содержанием абстрактные термины и лозунги. Постоянная трансформация общества, усложнение его внутренней структуры и институтов, а также изменение внутренних и внешних условий развития страны требуют от каждого из акторов нациестроительства усилий для сохранения идентичности: корректировки соответствующих образов и понятий, продуцирования новых смыслов.

Концепт российской нации становится востребованным после распада СССР и образования Российской Федерации; к началу 2000-х он оформляется и присутствует в общественном и политическом дискурсе (Дробижеева 2013: 42; Тишков 2013: 3), разрабатывается в научной среде (Тишков 2021; Тишков, Филиппова 2016: 3–18; Тишков 2011; Тишков 2013). Динамика национального самосознания у россиян, его содержательное наполнение, иерархия идентичностей, смыслы и ценности, на которые опирается российская гражданская идентичность, последовательно изучались в ходе социологических опросов и специальных научных изысканий (Горшков, Тихонова 2005; Горшков 2016: 299–314; Горшков, Петухов 2018: 194–216; Дробижеева 2013; Тишков 2011; Тишков 2013; Тишков, Бараиш, Степанов 2014; Тишков 2021). Тем не менее, все еще сохраняет свою значимость вопрос о критериях, позволяющих говорить о российском народе как о единой общности. В этой связи представляется актуальным всестороннее изучение общей для всех граждан системы ценностей.

Одной из наиболее восприимчивых к социальным проблемам групп населения может считаться студенческая молодежь. Она довольно часто выступает активным агентом перемен в обществе, а потому стабильно становится предметом пристального внимания ученых самых разных научных специализаций. Социологические и антропологические исследования молодежи, проводимые университетами и академическими институтами, подчинены задачам выяснения ценностного профиля молодых граждан, определения их жизненных ориентиров и целей, демонстрируют переломные тренды в ценностных установках молодежи (Горшков, Шереги 2020; Тишков, Бараиш, Степанов 2014). Свойственная молодому возрасту чувствительность к проблематике, связанной с национальной и этнической идентичностью, дает возможность для получения эмпирических данных, нацеленных на выявление комплекса общегражданских ценностей молодых людей и последующий анализ региональной специфики его распространения в студенческой среде.

Характеристика выборочной совокупности

В 2020 г. в рамках изучения восприятия общегражданских ценностей и российской идентичности учащейся молодежью был проведен опрос среди студентов Москвы и Кировской области. В Москве были опрошены студенты разных факультетов и направлений обучения нескольких крупнейших вузов страны: МГУ им. М.В. Ломоносова, РНИМУ им. Н.И. Пирогова, МГТУ им. Н.Э. Баумана, РГГУ, РАНХиГС,

ГАУГН. Итоговая выборка включает 200 анкет, из них 77 (39%) заполнены юношами и 123 (62%) – девушками. В Кирове опрос проводился среди учащихся ВятГУ и КирГМУ. В результате были получены 218 анкет, респондентами стали 87 (40%) юношей и 131 (60%) девушка. Согласно квоте, мнение студентов социогуманитарных и естественно-научных специальностей представлено в равных долях. С учетом не только разнообразия получаемых студентами профессий, но и существенных различий по конкурсу и итоговому проходному баллу при поступлении, а также принимаемая во внимание формирование выборочной совокупности по принципу случайного отбора, обе выборки могут оцениваться как сбалансированные.

Вопрос о национальности не был обязательным при анкетировании, тем не менее, подавляющее большинство респондентов – 82% (163 чел.) в Москве и 75% (164 чел.) в Кирове – дали на него ответ. Из них в Кирове 85% (140 чел.) указывают принадлежность только к одному этносу, остальные 15% (24 чел.) – к двум, что сопоставимо со средним значением по стране – население с множественной этнической идентичностью в России оценивается в 10–15% (Степанов 2019: 152–153). В московской выборке доля лиц, относящих себя к нескольким этносам, выше: 22% (36 чел.) против 78% (127 чел.). Этнический состав столичных респондентов выглядит следующим образом: 92% – русские, по 4% – евреи и украинцы, по 3% – белорусы и татары. Среди других национальностей названы армяне, башкиры, буряты, греки, грузины, китайцы, коми, корейцы, марийцы, молдаване, немцы, осетины, поляки, сербы, черкесы, чеченцы, чуваша. Этнический состав участников опроса в целом соотносится с этническим составом жителей г. Москвы по результатам переписи 2010 года. Опрошенные студенты г. Кирова по этническому составу также показали близкую к фактической для всего населения картину: 96% – русские, 2% – россияне, по 3% – коми, удмурты и украинцы, присутствуют – татары, азербайджанцы, армяне, марийцы, немцы¹. Ответы на вопросы о родном языке свидетельствуют о том, что множественная языковая идентичность встречается заметно реже, чем этническая. Только 5% опрошенных обозначили родными два языка, одним из которых всегда был русский. Считают своим единственным родным нерусский язык 2% кировских студентов и 2,5% московских, однако, половина из них в повседневной жизни общаются только на русском языке. В целом называют родным языком русский 98% респондентов в Москве и 95% в Кирове.

Процессы осознания гражданской, этнической и региональной идентичностей студентами могут быть представлены на основе анализа данных по ответам на вопрос «Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни – как гражданина России, или как представителя отдельной национальности, или как жителя определённого региона?». При этом имелась возможность выбрать несколько вариантов ответа и отразить различные сочетания идентичностей. Подавляющее большинство участников опроса выразили желание, чтобы их воспринимали как граждан страны (68% в Москве и 81% в Кирове), причем чаще всего это был единственный ответ. Значимость для своей самоидентификации этнической составляющей отметили 17% респондентов в Москве и 6% – в Кирове, но только для трети из

¹ Согласно материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. среди жителей г. Москвы, указавших свою национальную принадлежность, представители русского этноса составляют 91,65%, украинцев – 1,42%, татар – 1,38%, армян – 0,98%, евреев – 0,49%, белорусов – 0,36%. По г. Кирову национальный состав выглядит следующим образом: русские – 96,65%, татары – 0,79%, украинцы – 0,57%, марийцы – 0,31%, удмурты – 0,29%, коми – 0,08% (Всероссийская перепись населения 2010).

них это был единственный вариант ответа. Важность региональной идентичности подчеркнули 14% опрошенных в Москве и 11% – в Кирове. К возможности выбрать несколько вариантов ответа прибегли около 15% участников опроса в Москве и 12% – в Кирове, практически все они в качестве одной из характеристик называли гражданскую идентичность и сочетали ее либо с этнической, либо с региональной идентичностью, а в ряде случаев – с обеими одновременно.

Большая часть студентов, принявших участие в исследовании, проживают в городе с рождения: 64% в Москве и 75% в Кирове. Приехали из других регионов России в столицу 32% опрошенных, в Киров – 23%; прибыли из-за рубежа в Москву – 4%, в Киров – 1%. Материалы опроса подтверждают, что в столичные вузы поступают молодые люди из самых разных уголков нашей страны от Крыма до Сахалина и от Калмыкии до Мурманска, состав регионов выбытия предельно многообразен и включает все федеральные округа Российской Федерации. В Кировскую область с целью получения высшего образования переезжают в первую очередь выходцы из сопредельных территорий – Республики Коми (39%), Удмуртской республики (10%), Костромской области (10%), Архангельской области (4%), Нижегородской области (4%), Вологодской области (2%), Пермского края (2%). Кроме того, более половины приезжих студентов прибыли из северных регионов, среди которых помимо уже названных встречались Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа и Мурманская область.

Вопросы, касающиеся трудоустройства и общего материального положения респондентов, свидетельствуют о том, что студенческая молодежь как Москвы, так и Кирова в основном еще не работает и с проблемами в этой сфере не сталкивалась. Совмещают работу и учебу около четверти опрошенных студентов, чаще всего это учащиеся старших курсов. Оценивают свое благосостояние как нормальное чуть менее половины молодых людей. Разница в самоощущении между столичными и провинциальными студентами проявляется через две противоположные категории материального положения – «хорошее» и «затруднительное». Сообщают о трудностях четверть учащихся московских вузов и треть кировчан, о хорошем благосостоянии готовы говорить 20% опрошенных в Москве и только 12% – в Кирове.

Культурное наследие и природные богатства нашей страны

Природа и культура в своей совокупности определяют среду обитания человека, являются необходимым условием существования любого сообщества. Культура и природные богатства неизменно становятся одним из важнейших оснований для гордости за свою страну у россиян¹. В рамках текущего исследования с целью изучения представлений молодежи относительно общегражданских ценностей в их материальном воплощении были рассмотрены информированность студентов об объектах культурного и природного наследия России и интерес к ним.

В ходе анкетирования студентам предлагалось оценить необходимость создания общего списка культурного наследия нашей страны. в поддержку формирования такого перечня выступили практически все участники опроса за исключением воздержавшихся от ответа; обозначили отрицательное отношение к подобной инициативе только 3% опрошенных в столице и 4% – в Кирове. Исходя из этого можно говорить

¹ По данным опросов Левада-центра в 2014–2016 гг. иерархия представлений об основаниях национальной гордости очень устойчива. Возглавляют список позиций, внушающих респондентам чувство гордости за Россию: российская история (44%), природные богатства (38%), вооруженные силы (36%), российская культура (34%) (Левада-центр 2016).

о высокой значимости для молодежи сохранения и приумножения объектов российской культуры. К сожалению, готовы были внести свои предложения к списку чуть менее 30% респондентов, но и полученных данных достаточно, чтобы выделить наиболее важные по мнению молодых людей культурные явления. В первую очередь к культурным ценностям были отнесены: особенности языка и речи, о них говорят 21% опрошенных в Москве и 17% – в Кирове; народные промыслы – 9% и 25%; предметы быта (игрушки, музыкальные инструменты, костюм и др.) – 17% и 9%; блюда национальной кухни – 28% и 5%; эпос народов России – 32% и 5%; памятники архитектуры – 15% и 11%; места памяти – 21% и 9%. В этом же ряду были перечислены памятники природы регионального значения, их вспомнили 5% ответивших московских студентов и 22% – кировских.

Наиболее известные природные объекты России нашли свое отражение в ответах на вопрос об интересных направлениях туристических поездок. Первое место в рейтинге, составленном самими респондентами, занимает озеро Байкал – его называют 25% из числа предложивших свой вариант студентов в Москве и 32% – в Кирове¹. Среди других достопримечательностей, которые мечтают посетить молодые люди, часто звучат: Алтай, его указали 25% ответивших в Москве и 10% – в Кирове; Камчатка и Карелия – по 19% и 9% в Москве и Кирове соответственно; Крым – 9% и 12%; Дальний Восток и, в частности Владивосток – 9% и 7%. В этом же списке идут следующие желаемые для путешествий города: Санкт-Петербург, настроены на его посещение 13% москвичей и 25% кировчан; Казань и Калининград по 9% и 7% в Москве и Кирове соответственно. Кроме того, в ответах московских студентов нередко упоминается Кавказ, а в ответах кировских – Москва и Сочи.

Значимые события российской истории

Отношение к прошлому своей страны является важной составляющей государственной самоидентификации человека. Анализ полученного спектра наиболее значительных событий российской истории позволяет обрисовать общий для молодых людей круг взглядов и ценностей, выделить ключевые образы и установки их социально-исторического миропонимания. Подавляющее большинство респондентов в первую очередь гордится победой в Великой Отечественной войне и технологическим прорывом советской космонавтики (табл. 1). Согласно опубликованным материалам Института социологии РАН – именно эти события возглавляют рейтинг исторических достижений России², что подтверждает результаты текущего опроса и дает возможность для сравнительных исследований. Другие предложенные в анкете

¹ Эти данные могут быть соотнесены с опросом ВЦИОМ 2013 г., согласно которому озеро Байкал посчитали одним из главных символов России 20% респондентов (ВЦИОМ 2013).

² Массовые опросы жителей России по данной теме проводились ИС РАН в 1998, 2008 и 2016 гг. и охватывали все категории населения. Наблюдалась волнообразная динамика по доле респондентов, рассматривающих те или иные события в качестве предмета национальной гордости, с уменьшением значений почти по всем вариантам ответов в 2008 г. и последующим увеличением при новом измерении. В 2016 г. Победу в Великой Отечественной войне выбрали предметом гордости 76% опрошенных, полет в космос Ю. Гагарина – 46% (Горшков, Петухов 2018: 187). Следует отметить, что по данным текущего опроса студенческой молодежи конца 2020 года достижения советской космонавтики актуализированы заметно в большей степени. В том числе, это может быть связано с близостью юбилея первого полета человека в космос в 2021 г. и разработкой российской вакцины от коронавируса под торговой маркой «Спутник V», что способствовало дополнительной популяризации событий в истории освоения космоса.

события прошлого века определялись студентами в качестве значимых существенно реже. Чувствуют гордость в связи с преодолением последствий сталинских репрессий только четверть опрошенных молодых людей. Исторические факты, такие как Октябрьская революция 1917 г., образование СССР и его противостояния военному блоку НАТО в годы холодной войны, принятие Россией международных обязательств СССР после его распада – находят поддержку в среднем не более чем у 15%.

Сопоставление данных по регионам дает более подробную и многоплановую картину сложившегося исторического самосознания у молодежи. Московские студенты склонны придавать большее значение Октябрьской революции 1917 г. и событиям в истории освоения космоса, чем их сверстники из Кирова. В свою очередь учащиеся кировских вузов несколько чаще подчеркивают значимость правопреемственности России после распада СССР.

Таблица 1

Какие исторические события прошлого века вызывают у Вас чувство гордости за Россию, 2020 г., (допускалось несколько ответов)

	Москва			Киров		
	ответов	в %	в % от опрошенных	ответов	в %	в % от опрошенных
0). Если нет таких событий, отметьте только данный пункт	13	3%	7%	12	2%	6%
1). Октябрьская социалистическая революция 1917 г.	27	5%	14%	20	4%	9%
2). Образование Союза Советских Социалистических Республик в 1922 г.	24	5%	12%	27	5%	12%
3). Разгром гитлеровской Германии и победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	147	30%	74%	164	32%	75%
4). Преодоление последствий сталинских репрессий	52	11%	26%	50	10%	23%
5). Противостояние Советского Союза военному блоку НАТО в годы холодной войны	30	6%	15%	32	6%	15%
6). Запуск первого в мире спутника и первый полет человека в космос	155	31%	78%	158	31%	72%
7). Россия приняла на себя международные обязательства и стала правопреемником СССР после его распада	24	5%	12%	38	7%	17%
8). Другое (<i>напишите</i>)	15	3%	8%	2	0%	1%
9). Затрудняюсь ответить	7	1%	4%	12	2%	6%
	494	100%	247%	515	100%	236%

Современные события и направления деятельности российского государства

Одним из индикаторов гармоничного взаимодействия общества и государства является одобрительная реакция населения на проводимые властью социально-экономические реформы. Восприятие молодыми людьми современных российских реалий накладывает свой отпечаток на формирование у них государственной идентичности и активной гражданской позиции. В рамках изучения общероссийских ценностных ориентаций молодого поколения респондентам предлагалось выбрать ключевые события и направления деятельности государства, вызывающие чувство гордости за свою страну. В списке возможных вариантов ответов были перечислены результаты государственной политики России одновременно по нескольким сферам жизни общества, включая конкретные примеры (табл. 2).

Самой высокой оценки по мнению студентов заслуживают отечественные достижения в области науки, культуры, искусства и спорта – к ним отсылают чуть менее половины всех участников опроса. В числе крупных успехов нашей страны были также названы: сохранение этнического многообразия и национальных языков; улучшение возможности профессионального обучения и роста для людей как молодого, так и пожилого возраста; развитие туризма в регионах; создание самого большого в мире атомного ледокольного флота; космические полеты. На основании этого можно говорить о первостепенной значимости научных открытий, культурных и спортивных событий для возникновения патриотических чувств у современной студенческой молодежи. В то же время, один из последних научных прорывов России – запуск в производство первой в мире вакцины от коронавируса – полноценной поддержки у студентов не нашел. Сложно сказать, имело ли здесь место общее скептическое отношение к современным российским научным и промышленным разработкам или же повлияла дискуссия в СМИ по поводу соблюдения всех процедурных моментов при регистрации вакцины.

Обращает на себя внимание сравнительно низкая оценка студентами достижений России в военной сфере. Доля лиц, испытывавших чувство гордости в связи с укреплением вооруженных сил и развитием военной техники, фактически в два раза меньше, чем это было по результатам содержательно близких массовых опросов 2016 года¹. Тем не менее, случаи участия российской армии в ходе борьбы с международным терроризмом в Сирии и миротворческой миссии в Нагорном Карабахе, судя по ответам, могут быть отнесены в разряд успешных военных кампаний и рассматриваются скорее в позитивном ключе.

В процессе исследования были выделены наименее популярные в студенческой среде направления деятельности государства. В первую очередь вызывают негативную реакцию механизмы реализации политических прав и свобод граждан, среди них: прозрачная система голосования на выборах в органы власти, свобода слова и печати. Кроме того, пятая часть опрошенных студентов высказалась о современных достижениях России предельно критически, все они особых поводов для гордости в настоящее время не видят.

¹ По данным опроса Левада-центра считают поводом для гордости вооруженные силы 36% респондентов (Левада-центр 2016); по сведениям ИС РАН выбрали таким предметом российскую армию 35% опрошенных (Горшков, Петухов 2018: 187).

Таблица 2

Ниже вразброс перечислены современные события и направления деятельности государства. Какие из них вызывают у Вас чувство гордости за Россию, 2020 г., (допускалось несколько ответов)

	Москва			Киров		
	ответов	в %	в % от опрошенных	ответов	в %	в % от опрошенных
Если нет таких событий, отметьте только данный пункт	39	6%	20%	45	6%	21%
Достижения в области науки, культуры, искусства и спорта	89	14%	45%	101	14%	46%
Сохранение этнического многообразия и национальных языков	56	9%	28%	55	8%	25%
Создание самого большого в мире атомного ледокольного флота	54	9%	27%	47	6%	22%
Развитие туризма в регионах России	51	8%	26%	44	6%	20%
Борьба с международным терроризмом, в том числе в Сирии; миротворчество в Наг. Карабахе	50	8%	25%	55	8%	25%
Космические полеты	48	8%	24%	49	7%	22%
Улучшение возможности проф. обучения и роста для людей как молодого, так и пожилого возраста	46	7%	23%	55	8%	25%
Укрепление Вооруженных сил РФ	34	5%	17%	37	5%	17%
Борьба с безработицей и бедностью	32	5%	16%	46	6%	21%
Развитие военной техники	29	5%	15%	44	6%	20%
Празднование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне	29	5%	15%	55	8%	25%
Первая в мире вакцина от коронавируса	27	4%	14%	31	4%	14%
Многopартийность, свобода слова и печати	13	2%	7%	13	2%	6%
Пенсии, прожиточный минимум, здравоохранение с 2020 г. находятся под защитой Конституции	10	2%	5%	18	2%	8%
Прозрачная система голосования на выборах в органы власти	7	1%	4%	9	1%	4%
Другое (напишите)	4	1%	2%	6	1%	3%
Затрудняюсь ответить	5	1%	3%	17	2%	8%
	623	100%	312%	727	100%	333%

Активная гражданская позиция студенческой молодежи предполагает наличие интереса к общественной работе, готовность принимать посильное участие в различных событиях государственного уровня. Распределение ответов на вопрос о желании респондентов выступить на том или ином мероприятии в роли волонтера позволяет судить о потенциально наиболее востребованных направлениях в сфере социальной и культурной политики, а также дает новые сведения об иерархии ценностей молодых людей. Несомненной ценностью может считаться помощь лицам пожилого возраста или с ограниченными физическими возможностями, на нее настроены более 40% опрошенных студентов как в Москве, так и в Кирове. Среди других предпочтительных к участию и значимых мероприятий следует назвать: крупные спортивные соревнования, выбрали этот вариант ответа 29% учащихся в Москве и 43% – в Кирове; День Победы – 26% и 44% в Москве и Кирове соответственно; мероприятия по сохранению и развитию языков и культур народов России – 27% и 15%; мероприятия по продвижению русского языка и российской культуры – 20% и 14%; День города – 15% и 28%.

Заключение

В результате исследования восприятия общегражданских ценностей и российской идентичности студентами Москвы и Кировской области был получен большой массив эмпирических данных. Характеристика выборочной совокупности позволяет представить текущий срез сочетания идентичностей в самосознании студенческой молодежи в категориях «гражданская – этническая – региональная». Подавляющее большинство столичных и кировских студентов позиционируют себя исключительно как граждан страны, о множественной территориальной идентичности сообщают не более 15% участников опроса. Описание этнокультурного состава учащихся вузов демонстрирует практически полное его совпадение с фактической картиной для всего населения в каждом из регионов.

В ходе работы в качестве одного из важнейших оснований для гордости за свою страну рассматривались представления об объектах культурного и природного наследия России. Поддержка подавляющим большинством студентов инициативы создания общего списка культурного наследия нашей страны указывает на важность для молодежи сохранения и приумножения объектов российской культуры. Чаще всего при этом имеются в виду: особенности языка и речи, эпос народов России, народные промыслы, предметы быта (игрушки, музыкальные инструменты, костюм и др.), блюда национальной кухни. Символами страны могут также выступать памятники природы регионального и государственного значения. В первую очередь, по мнению учащихся, в этот список попадают Байкал, Алтай, Камчатка и Карелия.

Как показал анализ исторического самосознания студентов Москвы и Кирова, при сохранении единства мнений о наиболее важных событиях отечественной истории в массовом сознании молодежи одновременно присутствуют различия в выборе ответов в зависимости от территории проживания. Это может свидетельствовать об особенностях политических настроений, реакций на внешние угрозы, ориентаций на первоочередное участие в проектах регионального или государственного уровней, которые свойственны для молодых людей каждого конкретного региона. На разницу в суждениях студентов в определенной степени могут также влиять содержание учебных программ и качество образования столичных и провинциальных вузов.

Распределение ответов учащихся столичных и кировских вузов относительно ключевых событий и направлений деятельности государства, вызывающих чувство гордости за свою страну, позволяет сделать вывод о первостепенной значимости научных открытий, культурных и спортивных событий для возникновения патриотических чувств у современной студенческой молодежи. Кроме того, на основании полученного рейтинга событий российской реальности и популярных общенациональных мероприятий можно судить о наиболее успешных управленческих решениях в сфере социальной и культурной политики.

В целом, результаты социологического измерения представлений о культурном и природном наследии страны, значимых исторических событиях и современных направлениях деятельности государства являются эффективным инструментом социальной диагностики и могут иметь важное значение как для прогнозирования политического поведения населения, так и для понимания различных сегментов политической жизни.

Источники и материалы

Всероссийская перепись населения 2010 – Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации // Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. С. 94-95 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [веб-сайт]. https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf С. 52–53; С.94–95 (дата обращения: 11.11.2021).

ВЦИОМ 2013 – Национальная гордость / Пресс-выпуски 30.06.2016 [Электронный ресурс] // Акционерное общество «Всероссийский центр изучения общественного мнения» (ВЦИОМ): [веб-сайт]. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/simvolj-rossii-narodnyj-rejting> (дата обращения: 11.11.2021).

Левада-центр 2016 – Символы России: народный рейтинг / Аналитический обзор 3 октября 2013 [Электронный ресурс] // Автономная некоммерческая организация Аналитический Центр Юрия Левады (АНО Левада-Центр): [веб-сайт]. <https://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/> (дата обращения: 11.11.2021).

Научная литература

Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т.1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.

Горшков М.К., Петухов В.В. (отв. ред.) Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.

Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (отв. ред.) Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М.: Наука, 2005. 396 с.

Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (отв. ред.) Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

Дробижьева Л.М. (рук. проекта и отв. ред.) Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этнотатистика / ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140–154.

Тишков В.А. (под ред.) Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие. М.: Наука, 2011. 462 с.

Тишков В.А. Национальная идея России. М.: Издательство АСТ, 2021. 416 с.

Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

Тишков В.А. Филиппова Е.И. (отв. ред.) Культурная сложность современных наций. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 384 с.

Тишков В.А., Бараиш П.Э., Степанов В.В. (под ред.) Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал. М: ИЭА РАН, 2014. 342 с.

Zykina, Olga A.

Perception of Civic Values by Students in Moscow and the Kirov Region

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/37-48

At the end of 2020, a students' survey in Moscow and Kirov region was conducted to study the perception of civic values and Russian identity. Young people's perceptions of Russia's cultural and natural heritage, significant historical events, and current activities of the state were examined as foundations for pride in their country. According to the students, the cultural heritage of Russia includes language and speech, epics of the peoples of Russia, folk crafts, household items, and national cuisine. The most important natural monuments as seen by students included Baikal, Altai, Kamchatka, and Karelia. The vast majority of respondents are primarily proud of the victory in the Great Patriotic War and the achievements of Soviet cosmonautics. The results revealed that scientific discoveries, cultural and sports events are of paramount importance for the patriotic feelings among the modern student youth. While the opinions on the most fundamental Russian values in the mass consciousness of young people mostly coincide, there are certain differences in the choice of answers depending on the territory of residence. This may indicate that political sentiments, reactions to external threats, and orientations towards participation in regional or state projects of young people differ in each region. To a certain extent, the students' judgments can also be influenced by the curricula and the quality of education in metropolitan and provincial universities.

Keywords: *student youth, civic values, cultural and natural heritage, historical identity, Russian identity, regional specificity, Moscow, Kirov region*

For Citation: Zykina, O.A. 2021. Perception of Civic Values by Students in Moscow and the Kirov Region. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 37–48.

Author Info: Zykina, Olga A. – junior researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: ol_ya_z@mail.ru

Funding: The research was carried out within the framework of the Program of fundamental and applied scientific research “Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of the all-Russian identity”. The project “Russian values and symbols: national unity and ethno-cultural diversity”.

References

- Drobizheva, L.M., ed. 2013. *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [Civil, ethnic and regional identities: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: ROSSPEN.
- Gorshkov, M.K. 2016. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian society as it is (experience of sociological diagnosis)]. Vol. 1. Moscow: Novyi

khronograf.

- Gorshkov, M.K., Petukhov, V.V., eds. 2018. *Dvadsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsii v otsenkakh i suzhdeniyakh rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: practices in sociological analysing]. Moscow: Ves' mir.
- Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. 2020. *Molodezh' rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnikh issledovaniy* [Russian youth in the mirror of sociology. To the results of many years of research.] Moscow: FNISC RAN publ.
- Gorshkov, M.K., Tikhonova, N.E., eds. 2005. *Rossiiskaya identichnost' v usloviyakh transformatsii: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Russian identity against the background of transformations: practices in sociological analysing]. Moscow: Nauka.
- Gorshkov, M.K., Tikhonova, N.E., eds. 2018. *Stolitsy i regiony v sovremennoi Rossii: mify i real'nost' pyatnadtsat' let spustya* [Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later]. Moscow: Ves' mir.
- Stepanov, V.V. 2019. *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya Rossii* [Measuring the cultural diversity of Russia]. In *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya. Yazykovaya situatsiya, perepisi, polevaya etnostatistika* [Measuring cultural diversity. Language situation, censuses, field ethnostatistics], edited by M.Yu. Martynova, V.V. Stepanov, 140–154. Moscow: IEA RAS.
- Tishkov, V.A. 2013. *Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian people: history and meaning of national identity]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2021. *Natsional'naya ideya Rossii* [National idea of Russia]. Moscow: AST.
- Tishkov, V.A., Barash, R.E., Stepanov, V.V., eds. 2014. *Rossiiskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennye strategii i grazhdanskii potentsial* [Russian students: identity, life strategies and civic potential]. Moscow: IEA RAS.
- Tishkov, V.A., ed. 2011. *Rossiiskaya natsiya: Stanovlenie i etnokul'turnoe mnogoobrazie* [Russian nation: formation and ethnocultural diversity]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A., Filippova, E.I., eds. 2016. *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsii* [Cultural complexity of modern nations]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

© М.П. Кляус

ОБЩЕГРАЖДАНСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТИРОВАНИЯ СТУДЕНТОВ ЧИТЫ)*

В статье представлены результаты исследования ценностных ориентаций студенческой молодежи Забайкальского края по материалам анкетного опроса студентов разных факультетов Забайкальского государственного университета, проведенного в конце 2020 г. Анкета содержала вопросы, направленные на выявление индивидуальных ценностей и жизненных ориентаций студенческой молодежи. Среди значимых маркеров гражданской активности и досуговых предпочтений рассматривались как современные события и направления жизнедеятельности российского общества, так и эпизоды российской истории, объекты культурного наследия и природные богатства. По результатам опроса было выявлено, что в структуре идентичностей молодежи преобладает гражданская идентичность. В системе жизненных ценностей важную роль играет отношение к историческому опыту, традициям и культуре своего народа. Доминирующим при общении остается русский язык. Опрос показал миграционные настроения студентов, а также желание абсолютного большинства респондентов участвовать в волонтерской деятельности.

Ключевые слова: молодежь, ценности, анкетирование, Забайкальский Край, Чита, идентичность

Ссылка при цитировании: Кляус М.П. Общегражданские и социокультурные ценности современной молодежи Забайкальского края (по материалам анкетирования студентов Читы) // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 49–61.

Введение и характеристика выборочной совокупности

Молодежь – главный стратегический ресурс любого государства. Государство и общество понимают, что от состояния молодежи, ее ценностных и жизненных позиций зависит будущее страны. При этом общественное поведение молодого человека является результатом сложного взаимодействия различных факторов, определяющих

Кляус Марина Петровна – к.и.н., научный сотрудник Центра европейских исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (РФ, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: marina_klyaus@mail.ru

* Выполнено в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» по проекту «Российские ценности и символы: национальное единство и этнокультурное многообразие»

специфику личности и особенности внешних воздействий на нее. Роль молодежи как важного человеческого ресурса и реализация основных направлений молодежной политики отражена, в частности, в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (Федеральный закон 2020).

Не вызывает сомнения необходимость исследований, связанных с молодежной проблематикой: миграционными стратегиями, ценностными приоритетами, с уровнем гражданской и этнической идентичности, с культурными, языковыми и межэтническими отношениями. Этим темам посвящены публикации социологов, психологов, философов, антропологов (Данилюк, Кондаков 2009; Горшков, Шереги 2010; Горшков 2007; Тишков и др. 2014, Дробижнева 2009 и др.). Проблема ценностных ориентаций молодежи также заслуживает место в фокусе исследовательского внимания. Именно для антропологов важно понимать ценностные приоритеты данной социально-демографической группы и прогнозировать, на что в ближайшей перспективе могут быть направлены духовные и практические усилия молодежи.

С целью изучения проблем и потребностей современной молодежи, их жизненных стратегий и ценностных установок, в рамках программы Президиума РАН в декабре 2020 г. проводилось анкетирование студентов Забайкальского государственного университета (г. Чита). Всего было собрано 220 анкет, из которых согласно квоте, была сформирована выборка из 200 анкет. В выборку вошли 100 анкет студентов историко-филологического факультета и 100 анкет студентов факультета естественных наук, математики и технологий. Для статистической обработки результатов анкетирования была разработана база данных реализованная в Excel. В данной статье представлен первичный анализ полученных результатов, которые в дальнейшем планируется сопоставить с данными анкетирования студентов в других регионах страны.

Большинство (98%) опрошенных студентов были в возрасте от 18 до 22 лет, 2% – 23-27 лет. Из них мужчин – 35%, женщин – 65%. Учатся и не работают 81% опрошенных студентов, 14% совмещают обучение и работу, 3% кроме обучения занимаются домашним хозяйством, 2% совмещают работу, учебу и при этом еще ведут домашнее хозяйство. Уровень образования у респондентов следующий: 2% имеют высшее (диплом бакалавра), 7% – среднее специальное, остальные 91% – неоконченное высшее, поскольку проходят обучение на данный момент (МПА, 2020).

Нужно отметить, что 92% респондентов проживают с рождения в данном регионе, и всего лишь 8% оказались в Чите из других регионов России (Республика Бурятия, Хакасия, Красноярский край). Молодежь как наиболее активная часть населения выступает главным участником социальной мобильности и готова ради реализации собственных интересов и поисков материального благополучия к социальным и территориальным перемещениям. Возможно именно социальная мобильность и желаемое материальное благополучие в будущем объясняет столь высокие показатели внутренней и внешней миграционной активности. При этом, хорошее материальное положение, судя по ответам, имеют только 17% опрошенных, 53% отметили в целом нормальное материальное положение, 20% – затруднительное и 7% – тяжелое, 3% опрошенных испытывали затруднение при ответе на данный вопрос.

Опрос показал миграционные настроения студентов, количество планирующих в будущем уехать из региона и страны. На вопрос «Планируете ли Вы уехать в другой регион России или другую страну на длительный срок или на постоянное жительство?» половина опрошенных ответили утвердительно, из них 30% хотят уехать

в другой регион России, 19% – в другую страну. Среди стран предпочтение отдавалось чаще всего США, Австралии и странам западной Европы (Великобритания, Германия, Испания), реже – странам восточной Европы (Польша, Венгрия, Чехия). Есть желающие уехать в скандинавские страны (Норвегия, Швеция) и восточную Азию (Южная Корея, Китай, Сингапур). Среди регионов России предпочтение отдавалось Калининградской области и Краснодарскому краю, реже Республике Хакасия и Ямало-Ненецкому округу. Не удивительно, что приоритетным направлением внутренней миграции стали большие города – Москва, Санкт-Петербург, Иркутск, Тюмень, Сочи. Готовы уехать как в другую страну, так и в другой регион 7% опрошенных. Интересно, что практически четверть опрошенных (22%) не планируют уезжать из Читы, а остальные 22% затруднились дать ответ на данный вопрос.

Вполне очевидно, что желание половины опрошенных студентов покинуть в будущем Забайкальский край не совпадает с интересами общества и государственной политики. Особенно устрашающе данные цифры выглядят на фоне процесса интенсивной депопуляции молодежи в стране. Именно этой социально-демографической группе отведена главная роль в воспроизводстве населения и социальной структуры, поскольку ее отличает способность как наследовать, так и преобразовывать социальные структуры. И здесь очень важна объективность в оценке реализации потенциала молодого поколения в интересах многонационального народа Российской Федерации, политического, социально-экономического, демографического и культурного развития страны.

Результаты опроса

Материалы опроса зафиксировали современные события и направления деятельности государства, которые вызывают у опрошиваемых чувство гордости за свою страну (табл. 1).

Согласно результатам исследования, 45% опрошенных ценят достижения в области науки, культуры, искусства и спорта, немного меньше (37%) отметили сохранение этнического многообразия и национальных языков. У 29% студентов празднование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне вызывает чувство гордости за страну. Четверть опрошенных (25%) оценили укрепление Вооруженных Сил Российской Федерации, 28% – улучшение возможности профессионального обучения и роста для людей как молодого, так и пожилого возраста; 27% – борьбу с международным терроризмом, в том числе в Сирии; миротворчество в Нагорном Карабахе; 25% – развитие туризма в регионах России, 23% – борьбу с безработицей и бедностью, 20% – космические полеты, 18% – развитие военной техники. К сожалению, 9% опрошенных не нашли среди перечисленных событий и мероприятий те, которые бы вызвали у них чувство гордости за Россию, 11% затруднились дать ответ.

В системе жизненных ценностей молодежи важную роль играет отношение к историческому опыту, традициям и культуре своего народа. Зачастую, определенные личностные ценностные ориентации, нравственные предпочтения, восприятие символов и ценностей, гражданские установки формируются под влиянием сложившихся в обществе норм, концептов и собственно самой истории. В данном контексте важное значение приобретает выяснение вопроса о том, как молодежь воспринимает факты и события истории своей страны, народа, региона.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос «Современные события и направления деятельности государства, которые вызывают гордость за Россию»
(2020 г., можно было выбрать несколько ответов)**

Варианты ответов	% от числа опрошенных
Если нет таких событий, отметьте только данный пункт	9%
Борьба с безработицей и бедностью	23%
Прозрачная система голосования на выборах в органы власти	6%
Первая в мире вакцина от коронавируса	13%
Укрепление Вооруженных Сил Российской Федерации	25%
Достижения в области науки, культуры, искусства и спорта	45%
Пенсии, прожиточный минимум, здравоохранение с 2020 г. находятся под защитой Конституции	11%
Многopартийность, свобода слова и печати	14%
Космические полеты	20%
Развитие военной техники	18%
Празднование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне	29%
Улучшение возможности профессионального обучения и роста для людей как молодого, так и пожилого возраста	28%
Сохранение этнического многообразия и национальных языков	37%
Создание самого большого в мире атомного ледокольного флота	16%
Борьба с международным терроризмом, в том числе в Сирии; миротворчество в Нагорном Карабахе	27%
Развитие туризма в регионах России	25%
Другое (напишите)	2%
Затрудняюсь ответить	11%

В этой связи, рассмотрим ответы респондентов на вопросы о событиях прошлого, которые вызывают чувство гордости за Россию (диагр. 1). Среди предложенных 7 исторических событий чаще всего респонденты выбирали 2 варианта ответа, на которых приходится 63% от общего числа полученных ответов. Речь идет, пожалуй, о главных исторических событиях XX века – разгроме гитлеровской Германии и победе Советского Союза в Великой Отечественной войне (73%) и о запуске первого в мире спутника и первый полет человека в космос (75%).

Четверть (25%) опрошенных также посчитали важным событием преодоление последствий сталинских репрессий, 18% – противостояние Советского Союза военному блоку НАТО в годы холодной войны, 12% – принятие Россией на себя международных обязательств в качестве правопреемника СССР после его распада, 10% респондентов выбрали вариант ответа – Октябрьская социалистическая революция 1917г., и 10% – образование Союза Советских Социалистических Республик в 1922 г.; 6% затруднились при выборе ответа, 6% не нашли среди предложенных событий

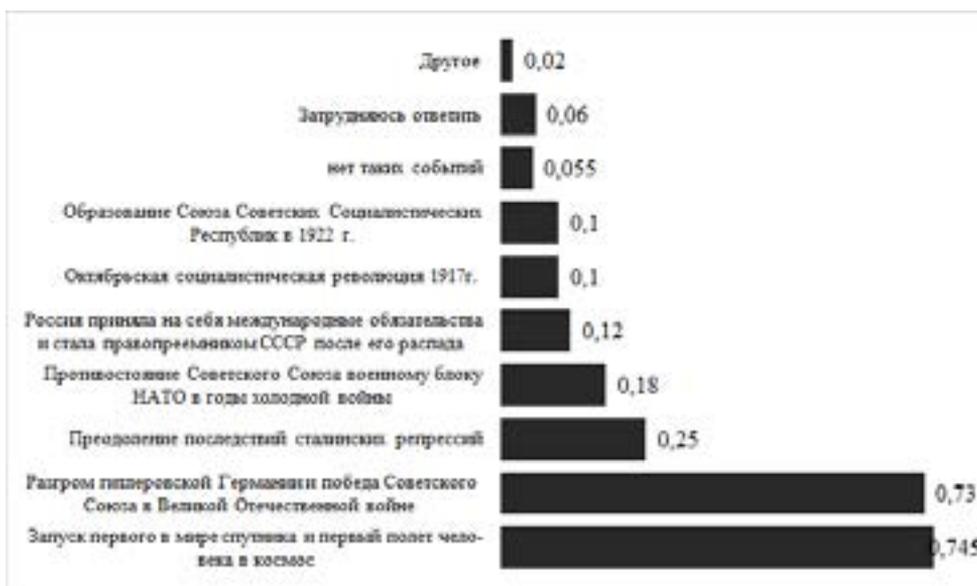

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие исторические события прошлого века вызывают у Вас чувства гордости за Россию?» (можно было выбрать несколько ответов)

те, которые бы вызывали у них чувство гордости; 2% опрошенных предложили события, которые, по их мнению, достойны пополнить данный перечень: масштабные демократические реформы 1980-х и 1990-х годов, Эпоха Петра I, походы Суворова, присоединение полуострова Крым к РФ в 2014 г. Следует отметить, что были и другие мнения: «отчего я должен гордиться тем, в чем даже не присутствовал».

Четверть (25%) опрошенных также посчитали важным событием преодоление последствий сталинских репрессий, 18% – противостояние Советского Союза военному блоку НАТО в годы холодной войны, 12% – принятие Россией на себя международных обязательств в качестве правопреемника СССР после его распада, 10% респондентов выбрали вариант ответа – Октябрьская социалистическая революция 1917 г., и 10% – образование Союза Советских Социалистических Республик в 1922 г.; 6% затруднились при выборе ответа, 6% не нашли среди предложенных событий те, которые бы вызывали у них чувство гордости; 2% опрошенных предложили события, которые, по их мнению, достойны пополнить данный перечень: масштабные демократические реформы 1980-х и 1990-х годов, Эпоха Петра I, походы Суворова, присоединение полуострова Крым к РФ в 2014 г. Следует отметить, что были и другие мнения: «отчего я должен гордиться тем, в чем даже не присутствовал».

В данном контексте интересно проследить гражданскую активность студентов, в частности, желание участвовать в государственных мероприятиях в качестве волонтера. Во время вовлеченности в волонтерскую деятельность формируются и усваиваются подрастающим поколением нормы поведения, навыки, ценности, убеждения, то есть, целый ряд социально-гражданских и личностных качеств и навыков, в которых нуждается современное гражданское общество. Очень важно оценивать вовлеченность студенческой молодежи в волонтерские движения, поскольку в процессе становления личности сознательная добровольческая деятельность на благо других людей и общества в целом благоприятно сказывается на социализации, со-

циальной активности личности и формирование социально-коммуникативной компетентности (табл.2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных государственных мероприятий были бы Вам интересны для участия в качестве волонтера?»
(можно было выбрать несколько ответов)**

Варианты ответов	% от числа опрошенных
Нет таких мероприятий	10%
День города/села, в котором проживаете, либо учитесь или работаете	34%
Международный день родного языка (21 февраля)	14%
День Победы (9 мая)	51%
День славянской письменности и культуры (24 мая)	9%
День русского языка (6 июня)	12%
День России (12 июня)	26%
Международный день коренных народов мира (9 августа)	16%
День народного единства (4 ноября)	17%
Единый день голосования (сентябрь)	7%
Крупные спортивные мероприятия	36%
Мероприятия по продвижению русского языка, российской культуры, в том числе через интернет	15%
Мероприятия по сохранению и развитию языков и культур народов России	20%
Помощь лицам пожилого возраста или с ограниченными физическими возможностями	48%
Другое	2%
Затрудняюсь ответить	8%

Согласно результатам опроса, половина (51%) респондентов выбрали День Победы, 48% хотели бы помогать людям пожилого возраста или с ограниченными физическими возможностями. Возможно, такое желание содействовать в оказании социальных услуг пожилым, инвалидам и другим депривированным группам связано с низким показателем признания достижений государства в области здравоохранения и повышения пенсий (11%), а также с осознанием того, что социальная поддержка населения должна осуществляться не только государством, но и членами общества. Важно преодоление социальной замкнутости, понимание молодежью проблем, с которыми сталкиваются люди пожилого возраста и инвалиды, стремление оказать поддержку нуждающимся. Студенты считают, что государство недостаточно уделяет внимание решению проблем, с которыми сталкиваются указанные группы населения.

Треть опрошенных хотели бы выступить в качестве волонтеров на крупных спортивных мероприятиях (36%) и на дне города или села (34%), четверть респондентов 26% выбрали День России. 10% опрошенных не нашли интересных для себя событий и направлений деятельности государства, в качестве волонтера, 8% затруднились дать ответ. Всего лишь пятая часть (20%) студентов готова участвовать в мероприятиях, направленных на сохранение и развитие языков и культур народов России, еще меньшим интересом пользуются день русского языка (12%), день славянской письменности (9%) и различного рода мероприятия, направленные на популяризацию и продвижение русского языка и российской культуры. Странным выглядит данный показатель, особенно если учесть, что 82% студентов указали русскую национальность. Не удивляет низкий процент желающих принимать участие в качестве волонтера на голосовании (7%), поскольку большая часть опрошенных молодых людей еще не участвовала в голосовании. К примеру, лишь 39% респондентов принимали участие в голосовании о поправках в Конституцию России летом 2020 года.

Если учесть низкую частоту выбора среди значимых поправок в конституцию варианта «русский язык – государствообразующий» (всего 16% опрошенных, 5% к частоте ответов), и 4% (12% опрошенных) ответов, что государство гарантирует сохранение языков, становится очевидным, что языковая проблема меньше всего беспокоит молодежь. Вполне возможно, студенты считают, что русский язык не нуждается в защите. В повседневном общении все используют русский язык, и популяризация языка не видится актуальной, как и меры государства в сфере языковой политики.

Опрос показал, что 92% респондентов готовы участвовать в волонтерской деятельности, поскольку хотят быть социально полезными, иметь возможность для реализации личных качеств и получить навыки и умения в разных сферах. Поэтому общество должно направлять активность молодежи в конструктивное русло, что предоставит возможность для решения ряда проблем, таких как социальная защита, благоустройство, экология, профилактика, алкогольной и наркотической зависимости, ВИЧ-инфекций, правозащитная деятельность, сохранение исторического и культурного наследия и т.д. Сегодня при реализации государственных программ по поддержке молодежи во многих странах мира финансируются проекты, направленные на использование молодежной волонтерской деятельности и гражданской вовлеченности в краудсорсинговые проекты.

В анкете были вопросы, направленные на выявление индивидуальных ценностей и смысложизненных студенческой молодежи г. Чита. На вопрос о целях жизни, следует ли добиваться их вместе с окружающими или самостоятельно, ответы распределились следующим образом: 12% считают, что вместе с окружающими, 36% – самостоятельно, 31% выбрали вариант, больше самостоятельно, чем с окружающими, 10% – больше с окружающими, нежели самостоятельно, 11% считают, что и вместе с окружающими и самостоятельно.

Дальние цели на будущее оказались важны для 77% опрошенных, сочли, что они не требуются – 3%, больше важны, чем не требуются – для 14% опрошенных, больше не требуются, чем важны – для 4%, 1% выбрали вариант, объединяющий «не требуются» и «мне важны», 1% затруднились дать ответ.

На вопрос «Мои успехи зависят от меня или от окружающих», распределение ответов было следующим: 79% считают, что от них (вариант «от меня»), 1% – от окружающих, 10% – больше от меня, чем от окружающих, 2% – больше от окружа-

ющих, нежели от меня, 7% – и от меня, и от окружающих, 1% затруднились ответить.

В трудных жизненных обстоятельствах 93% опрошенных рассчитывают на семью и родственников, 56% – на друзей и соседей, 9% – на пользователей соцсетей, 6% – на волонтеров и общественные организации, 4% – на местные власти и социальные службы, 2% – затруднились дать ответ, 1% – рассчитывает на помощь коммерческих организаций, 5% – дали другой ответ («на себя»). Чаще всего, студенты выбирали сразу несколько из предложенных вариантов.

Ответы на данные вопросы, показывают, что для большинства респондентов жизненные события рассматриваются по большей части как результат собственных усилий и ориентаций на свои цели.

Интересно оценить распределение ответов на вопрос о восприятии власти, начальников и лидеров. 18% студентов считают, что «это далекая планета», 42% – «простые люди с соседней улицы», 17% – больше простые люди с соседней улицы, нежели далекая планета, 9% выбрали одновременно два ответа, 8% – больше далекая планета, нежели люди с соседней улицы, 6% затруднились дать ответ.

Рассмотрим увлечения студенческой молодежи (см. диагр. 2). Результат анкетирования показал, что тотальной зависимости от интернета, социальных сетей и компьютерных игр не наблюдается.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Чем Вы хотели бы заниматься в свободное время – спорт, искусство, соцсети, экология, компьютерные игры?» (можно было выбрать несколько ответов).

Пристрастие к социальным сетям проявили 44% опрошенных, 18% – к компьютерным играм, еще 18% студентов предпочитают свободное время тратить на реализацию экологических программ, 62% отдали предпочтение искусству (чаще всего среди пояснений встречается музыка и танцы), 66% – спорту, 4% затруднились ответить,

14% предложили свои варианты ответов, среди которых: наука, политика, хобби (рукоделие, изучение космоса, психология, творчество, резьба по дереву, ведение блога, маникюр), путешествия и активный отдых, саморазвитие, волонтерство, чтение.

На вопрос «Если Вам интересны туристические поездки по России, куда хотели бы поехать в следующем году?» 6% опрошенных ответили, что такие поездки им не интересны, 16% затруднились ответить, 78% студентов указали наиболее привлекательные для них места. Самым популярным городом стал Санкт-Петербург, 27% опрошенных хотят посетить северную столицу страны. Путешествие по забайкальскому региону интересно 17% студентов, для которых наиболее привлекательными оказались озеро Байкал, национальный парк Алханай и Чарские пески. 12% студентов хотят посетить Сочи, 11% Москву, 11% Крым, Алтайский Край – 9%, Владивосток – 8%. 5% опрошенных интересны Карелия, Краснодарский край, Новосибирск, Калининград; 4% – Камчатку, 3% – Золотое кольцо, 2% – Дальний Восток, Екатеринбург. 1% опрошенных интересны Астрахань, Анапа, Архангельск, Амурская область, Владимир, Дагестан, Сахалин, Севастополь, Ростов-на-Дону, Тула, Хабаровск и Хакасия.

Студентам было предложено пополнить список культурного наследия регионов, городов и сёл страны. Допускалось вносить не только памятники, но и предметы местной культуры, народные промыслы, традиции, праздники, блюда национальной кухни, песни, танцы и прочее. Также предлагалось высказать свое мнение в поддержку или против идеи существования такого списка. Поддерживают идею создания списка культурного наследия 87% студентов, 2% не поддерживают, 1% дали другой ответ («нейтрально»), 10% затруднились ответить на вопрос о необходимости данного списка, 18% опрошенных предложили свои варианты.

Среди высказанных позиций для внесения в список культурного наследия были: блюда бурятской национальной кухни (буузы), национальные костюмы, обряды и традиции (сагаалган, рождественские гулянья, свадебные церемонии), танцы (бурятский народный танец Ёхор), памятники архитектуры и музеи (дом купцов Шумовых, дом декабриста М.М. Нарышкина и его супруги Е.П. Нарышкиной, музей «Церковь декабристов» – все в Чите, дворец купца М.Д. Бутина в Нерчинске, Сре́тенский судостроительный завод), храмы (старинные церкви в поселках Забайкальского края), природно-культурные памятники и заповедники (национальный парк Алханай, Чарские пески, Арахлейские озера, Сухотино) города и села (поселение Кутомара, село Толбага), русская литература, культура коренных народов России, промыслы (резьба по дереву, рыболовство, охота), вышивка. Кедровые орешки и тарбаган неоднократно предлагались для внесения в список.

Указали свой родной язык 99% студентов. Из них 96% указали один родной язык, 3% указали два родных языка и 1% – три. Для 95% студентов русский язык является родным языком, для 5% родные другие языки. Среди них указаны: бурятский, армянский, польский, иврит, коми-пермяцкий, мордвинский, коми, украинский, молдавский. При ответе на вопрос «Если вы не общаетесь на родном языке, то по какой причине» (можно было выбирать несколько вариантов), ответы распределились таким образом: 6% опрошенных не знают или мало знают родной язык, 4% признали проблему в том, что окружающие не знают их родного языка, 1% испытывают стеснение при использовании родного языка, 7% затруднились ответить на данный вопрос, 84% студентов не испытывают проблем, поскольку общаются с окружающими на своем родном языке. Пояснили выбранные варианты ответов 2% опрошенных. Чаще всего указывали,

что нет возможности общаться на родном языке, поскольку окружающие не знают их языка, поэтому выбирают русский язык для повседневного общения.

При общении с друзьями, знакомыми или в семье 22% опрошенных (44 человека) используют кроме русского языка английский (20 чел.), бурятский (6 чел.), украинский (3 чел.), китайский (2 чел.), казахский (1 чел.), остальные 12 человек не указали, какие именно языки используют. Используют только русский язык для общения в семье и с друзьями 78% студентов.

На вопрос «За последний год приходилось ли Вам испытывать негативное к себе отношение из-за языка, на котором говорите, своей национальности, религии?» 92% респондентов отметили, что не испытывали никакого негативного отношения, 2% признались, что испытывали из-за национальности, 2% – из-за религии, 2% затруднились ответить, 1% – из-за языка, 1% дали другой ответ.

Подавляющее большинство (91%) опрошенных указали свою национальность, 9% не указали либо в качестве национальности вписывали варианты – славянин, россиянин, национальность не имеет значения, главное, сущность человека; «я человек», «нейтрален», метис, землянин или просто сообщали, что ни к какой национальности себя не относят. 13% опрошенных указали вторую национальность, 1% указал три национальности. Из указавших национальность 182 человек 91% – русские, 6% буряты, по 1% – армяне и эвенки, менее 1% – евреи и немцы. Среди тех, кто указал вторую национальность, распределение следующее: татары, немцы, мордвинны, русские, тунгусы, хакасы, украинцы и туркмены.

Один из вопросов был направлен на выявление уровня этнической, гражданской и региональной идентичностей (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни, – как гражданина России, или как представителя отдельной национальности, или как жителя определенного региона? (Можно несколько ответов)»

Варианты ответов	% от числа опрошенных
Как гражданина страны	78%
Как представителя отдельной национальности	6%
Как жителя определенного региона	13%
Другой ответ	11%
Затрудняюсь ответить	5%

В целом результаты анкетирования показывают, что в молодежной среде преобладает гражданский тип идентичности. Студенты осознают принадлежность к своему государству, при этом 78% опрошенных считают, что их должны воспринимать как гражданина страны, 13% – как жителя определенного региона. Национальную идентичность в качестве ключевой, определили для себя 6% студентов, затруднились дать ответ – 5%. Практически 10 часть опрошенных предложила другие ответы: как человека, как личность, как гражданина мира и как жителя планеты земля. Причем довольно часто свои ответы студенты сопровождали комментариями: «Окружаю-

щие должны воспринимать меня как самостоятельную личность независимо от места моего рождения, страны проживания, религии или национальности».

Выводы

Основная цель данной статьи заключается в том, чтобы представить результаты анкетирования студентов Забайкальского края. В дальнейшем предполагается продолжить антропологический анализ гражданских и социокультурных ценностей, провести сопоставительный анализ результатов исследования по данной методике с другими регионами страны.

К сожалению, не было возможности в полной мере проследить динамику изменений интересующих нас региональных показателей, т.к. не удалось обнаружить исследований по Забайкальскому краю, которые бы охватывали студенческую молодежь и соответствовали задачам данного проекта. В определенной степени данная тема затрагивается в статье В.Л. Кляуса и М. Ю. Щаповой (*Кляус, Щапова 2000*). Авторы в 2000-ом году проводили опрос среди студентов филологического факультета Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета имени Н.Г. Чернышевского (в 2012 г. объединен с Забайкальским государственным университетом). Целью их анкетирования было выявление сюжетов провинциальной мифологии, но помимо прочего студенты ответили и на вопросы о ценностях и своих представлениях о Забайкальском крае, как регионе проживания.

Сопоставление результатов указанной работы и нашего опроса показывает, что в студенческой среде сохраняется определение в качестве главной ценности региона его природно-культурных объектов.

Крайне интересно сравнение результатов по миграционной мобильности. У авторов цитируемой статьи была относительно небольшая выборка, поскольку исследование носило качественный характер. Но они обратили внимание, что среди студентов, которые идентифицировали себя русскими, еще тогда, 20 лет назад, была четко выражена установка уехать из Забайкалья, что совпадает с нашими данными. А вот студенты бурятской национальности подобных желаний не высказывали (*Кляус, Щапова 2000:366-367*). Видимо, в начале 2000-ых, бурятские студенты не проявляли миграционной активности, считая свой родной край комфортным и благоприятным для жизни регионом, поскольку именно здесь исторически формировался бурятский этнос. Сегодня же, по данным нашего анкетирования, и бурятская молодежь высказывает желание уехать из Забайкалья, чаще всего в Новосибирск и Иркутск. Нам известны некоторые суждения читинцев о том, что выпускники школ города, особенно те, кто окончил с хорошими результатами по ЕГЭ, уезжают обучаться в вузы Сибири, Санкт-Петербурга и Москвы. Это в целом указывает на серьезные проблемы в социальной и экономической сфере развития края, но рассмотрение данного вопроса требует дальнейших исследований.

Проведенный опрос подтвердил, что современная молодежь не рассчитывает на существенную поддержку со стороны государства, видит недочеты в сфере социальной политики и выбирает жизненные стратегии в соответствии с собственными представлениями о том, что для них является важным.

Источники и материалы

ПМА 2020 – Полевые материалы автора. Чита 2020, опрос студентов ВУЗов Читы
Федеральный закон 2020 – Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 12.11.2021).

Научная литература

- Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. 24 с.
- Дробижева Л.М. (отв. ред.). Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009. 268 с.
- Горшков М.К. (рук. коллектива). Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2007. 95 с.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
- Кляус В. Л., Щанова М. Ю. Провинциальная мифология Забайкалья. Смыслы и нарративы. // Русская провинция: Миф – Текст – Реальность. Москва: изд. «Тема», 2000. С. 362-368.
- Тишков В.А., Бараиш Р.Э., Степанов В.В. (ред.). Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал. Москва: ИЭА РАН, 2014. 342 с.

Klyaus, Marina P.

General Civic and Socio-Cultural Values of Modern Youth of the Trans-Baikal Territory (Based on the Results of a Survey among Chita Students)

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/49-61

The article presents the results of a survey conducted among students of the Trans-Baikal State University at the end of 2020. The survey included questions aimed at identifying the student youth's individual values and life orientations. Current events and trends in the life of Russian society and episodes of Russian history, objects of cultural heritage, and natural resources were considered markers of civic activity and leisure preferences. The results of the survey revealed that civic identity prevails in the structure of identities. In the system of life values of young people, an important role is played by the attitude to the historical experience, traditions, and culture of their people. The Russian language dominates in communication. The survey showed that the students are oriented towards internal and external migration, and most of them are interested in volunteering.

Keywords: *youth, values, questionnaire, Trans-Baikal Territory, Chita, identity*

For Citation: Klyaus, M.P. 2021. General Civil and Socio-Cultural Values of Modern Youth of the Trans-Baikal Territory (Based on the Results of a Questionnaire of Chita Students). *Herald of Anthropology (VestnikAntropologii)* 4: 49–61.

Author Info: **Klyaus, Marina P.**– PhD in Hist., Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: marina_klyaus@mail.ru

Funding: The research was carried out within the framework of the Program of fundamental and applied scientific research “Ethno-cultural diversity of Russian society and strengthening of the all-Russian identity”. The project “Russian values and symbols: national unity and ethno-cultural diversity”.

Referenses

- Danilyuk, A.Ya., A.M. Kondakov, and V.A. Tishkov. 2009. *Kontsepsiya duhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii* [The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia]. Moscow: Prosveschenie.
- Drobizheva, L.M. (ed.) 2009. *Rossiyskaya identichnost v Moskve i regionah* [Russian identity in Moscow and the regions]. Moscow: Institut sotsiologii RAN; MAKS Press.
- Gorshkov, M.K. et al. 2007. *Molodezh' novoi Rossii: obraz zhizni i tsennostnye prioritety* [Youth of New Russia: Way of Life and Value Priorities]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Gorshkov, M.K., Sheregi F.E. 2010. *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: a sociological portrait]. Moscow: TsSPiM.
- Kliaus, V. L., Shchapova M. Iu. 2000. Provintsial'naia mifologiiia Zabaikal'ia. Smysly i narrativy [Provincial mythology of Transbaikalia. Meanings and narratives] In *Russkaia provintsiiia: Mif – Tekst – Real'nost'* [Russian province: Myth – Text – Reality], 362–368. Moscow: Tema.
- Tishkov, V.A., Barash R.E., and V.V. Stepanov (ed.). 2014. *Rossiiskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennye strategii i grazhdanskii potentsial* [Russian Students: identity, life Strategies and civic potential]. Moscow: IEA RAN.

© Т.А. Титова, Е.В. Фролова

ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ МОЛОДЫХ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2020 г.)

Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения этнических и религиозных процессов в молодежной среде в регионах Российской Федерации. Статья написана на материалах этносоциологического исследования, проведенного в Татарстане осенью 2020 г. среди молодых жителей, проживающих в городах республики. Цель статьи заключается в анализе этнических и религиозных установок в среде молодежи Республики Татарстан. Авторами рассмотрены место и роль этнического и конфессионального факторов в структуре социальной идентичности молодых респондентов; обозначены установки на этноцентризм и межэтническое взаимодействие, в частности, с мигрантами. Проанализированы вопросы, связанные с религиозным фактором в системе ценностей молодежи. Сделан вывод о том, что этнический и религиозный аспекты идентичности присутствуют у респондентов во всех исследуемых группах и актуализированы примерно в равной степени, что указывает на их непротиворечивый характер. Показано, что при довольно высоком уровне этнической солидарности, представители молодежи в целом демонстрируют установки на благоприятное и бесконфликтное межэтническое взаимодействие. Материалы статьи могут быть полезными для социологов, психологов, социальных и культурных антропологов, политологов, а также представителей органов и структур, курирующих вопросы молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, идентичность, этничность, этноцентризм, межэтническое взаимодействие, религиозность, мигранты, установка.

Ссылка при цитировании: Титова Т.А., Фролова Е.В. Этничность и религиозность молодых жителей Республики Татарстан (по материалам этносоциологического исследования 2020 г.) // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 62–74.

Актуальность изучения стратегий конструирования этничности и религиозности современной молодежи в регионах Российской Федерации обусловлена необходимостью комплексного анализа социальных и психологических процессов, происходящих в молодежной среде, определения интересов и потребностей молодежи,

Титова Татьяна Алексеевна – профессор, д.и.н., профессор кафедры антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008 Казань, ул. Кремлевская, д.18). Эл. почта: tatiana.titova@rambler.ru

Фролова Елена Валерьевна – доцент, к.и.н., доцент кафедры антропологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008 Казань, ул. Кремлевская, д.18). Эл. почта: elenaieup@mail.ru

оптимизации условий культурного и этноконфессионального ландшафта для самореализации молодого поколения в регионах Российской Федерации.

Исследования о молодежи, традиционно проводившиеся в нашей стране в основном носили обобщающий характер. В них были даны основные понятия (Иконникова 1974), определены сущность, роль молодёжи в обществе (Иконникова 1969), а также разрабатывалась методология по изучению молодёжи (Лисовский 1971) и молодёжных культур, объединений (Ладакко 1991). Одним из крупных и относительно недавних исследований, посвященных современной молодёжи стала работа, написанная в соавторстве М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги (Горшков, Шерега 2010). Работа затрагивает широкий спектр вопросов от роли молодёжи в современной структуре общества до причин низкой гражданской позиции и этнической, религиозной толерантностиссферу исследовательского интереса российских авторов входят такие аспекты изучения молодежи как анализ структуры социальной идентичности этой группы населения, соотношение общероссийской и этнической идентичностей в ее сознании, особенности социального самочувствия представителей молодого поколения (Авксентьев 2009, Иванова, Шульга 2009). Важным направлением исследований является и изучение особенностей конструирования и реализации конфессиональной идентичности современной молодежи (Большаков 2006, Кобзева 2006, Аникина 2008). Социологов интересуют особенности формирования идентичности молодежи в процессе социализации (Полутин 2013, Ядова 2013). Роль общественных организаций в формировании самосознания представителей молодого поколения также находит отражение в современных исследованиях, в том числе в Республике Татарстан (Тимова 2018).

В рамках представленной статьи были проанализированы следующие аспекты социальных установок молодых жителей Татарстана: этническая идентичность и солидарность; конфессиональная идентичность; установки на этноцентризм и особенности межэтнического взаимодействия. Источниками для написания статьи послужили материалы проведенного в 2020 г. этносоциологического исследования респондентов в возрасте 16-30 лет на момент исследования. Для достижения репрезентативности данных было использовано сочетание количественных и качественных методов, а именно: массовый опрос через анкетирование в сочетании с методом фокус-групп. В исследовании приняли участие 3 группы респондентов.

В первую и вторую группы респондентов (учащаяся молодежь) вошли 800 человек 1990 – 2005 гг. рождения, из которых 400 – студенты высших учебных заведений и 400 – студенты организаций среднего профессионального образования Республики Татарстан, проживающих в городах Казань, Набережные Челны, Альметьевск, Нижнекамск. Было проведено 4 фокус-группы с представителями молодежи: 2 – с представителями молодежи, обучающейся в высших учебных заведениях, и 2 – с теми, кто обучается в профессиональных образовательных организациях.

По этническому составу 45,6% респондентов в этих группах считают себя татарами, 42,9% – русскими, 11,5% – представители других народов (чувашаи, башкиры, марийцы, мордва, удмурты, украинцы, кряшены, казахи, узбеки, евреи и др.).

Третья группа опрошенных (работающая молодежь) представлена 400 респондентами 1988 – 2002 гг. рождения, из которых 11,8% имеют среднее образование, 43% – среднее техническое, 45,3% – высшее или незаконченное высшее. в этой группе 40% респондентов работают в сфере услуг, 23% – в сфере промышленности, строительства и транспорта, 17,8% – в сфере образования, науки и культуры,

5% – служат в армии, МВД и правоохранительных органах, 4,8% работают в органах государственной власти и местного самоуправления, 2% – в сфере медицины и здравоохранения, 5,3% – безработные. 49% опрошенных в этой группе – татары, 42,3% – русские, 8,7% – представители других этнических групп.

В статье использованы в качестве сравнительных результаты исследования учащейся молодежи 2019 г.

Этническая идентичность и солидарность: установки на этноцентризм и межэтническое взаимодействие

Одной из базовых социальных идентичностей человека является этническая идентичность. Ощущение общности с этнической группой позволяет человеку реализовать потребность в тесных социальных связях, подкрепляет чувство эмоциональной защищенности. Наши исследования 2019 – 2020 гг. показывают, что этническая идентичность является стабильно важным элементом общественного сознания молодых респондентов.

При ответе на вопрос «Насколько важно Вам ощущать себя представителем Вашей национальности?» 17,5% представителей учащейся молодежи выбрали позицию «очень важно», а 36,6% – «достаточно важно». Таким образом, для 54,1% респондентов этническая идентичность является значимой частью социальной идентичности, еще 28,3% отмечают ее относительную значимость (позиция «не очень важно»); однако около 15% респондентов выбрали позицию «совершенно не важно». Практически аналогичный результат был получен и при исследовании учащейся молодежи в 2019 г.

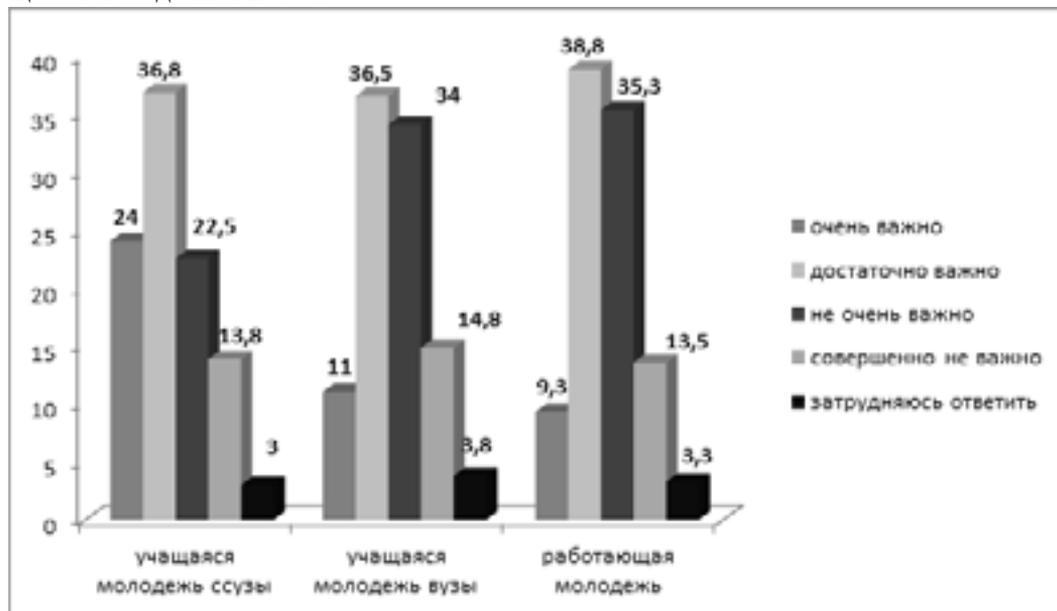

Рис. 1. «Насколько важно Вам ощущать себя представителем Вашей национальности»? (2020 г., %)

Следует отметить, что актуализированность этнического аспекта идентичности среди молодых людей, обучающихся в профессиональных образовательных органи-

зациях, заметно выше, чем среди студентов высших учебных заведений. Так позицию «*очень важно*» выбрали 11% студентов вузов и 24 % студентов ссузов (см. рис. 1).

Среди представителей работающей молодежи уровень этнической солидарности в целом несколько ниже – 9,3% считают, что ощущать себя представителем своей национальности «*очень важно*», 38,8% – «*достаточно важно*». в то же время позицию «*совершенно не важно*» выбрали 13,5% опрошенных (см. рис. 1).

Таким образом, респонденты, обучающиеся в профессиональных образовательных организациях, отвечая на вопрос: «*Насколько важно Вам ощущать себя представителем Вашей национальности?*» несколько чаще выбирают позицию «*очень важно*»; а студенты высших учебных заведений – «*не очень важно*», что можно объяснить увеличением социальных контактов в среде высшего учебного заведения и снижением потребности в эмоциональной принадлежности к этнической группе. Такая же тенденция была зафиксирована и в исследовании 2019 г. (Титова 2020). Разница в оценках между учащейся и работающей молодежью, по нашему мнению, объясняется тем, что у работающих респондентов этнический аспект может уступать место в иерархии социальных идентичностей профессиональному и семейному аспектам, вследствие чего этническая идентичность в некоторой степени утрачивает свои позиции.

«Лично для меня этнический вопрос довольно-таки важный, потому что я сам по национальности татарин...» (фокус-группа, студенты вузов, г. Набережные Челны).

«Думаю, нужно уважать свой народ, чтить их память, потому что наши предки не зря развивали все это. То есть мы татары, нужно уважать своих предков, то, к чему они стремились, уважать свой народ, свой язык родной» (фокус-группа, студенты ссузов, г. Казань).

«Для меня важна моя национальная принадлежность. Как раз актуальный вопрос, только вчера с молодым человеком обсуждали. Для меня важно ощущать себя русской...» (фокус-группа, работающая молодежь, г. Казань).

«По народам отношу себя к татарам, но я не разделяю людей на народы для себя, считаю, что все люди равные» (фокус-группа, работающая молодежь, г. Казань).

В целом, мы видим, что для более 80% молодежи этническая идентичность важна, но в разной степени. Значительная доля (более трети опрошенных) выбирает позицию «*достаточно важно*». Лишь 14,3% среди учащихся респондентов и 13,5% среди работающих выбрали позицию «*совершенно не важно*». Таким образом, можно констатировать, что в среде молодых людей потенциал солидарности, связанный с этническим фактором довольно высок.

Вопрос: «*В какой степени Вы согласны с утверждением: «Нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные?»*» является индикатором актуализированности установок на этноцентризм. Среди представителей учащейся молодежи по сравнению с исследованием 2019 г. выросло количество как полностью согласных, так и полностью не согласных с данным утверждением (см. рис. 2).

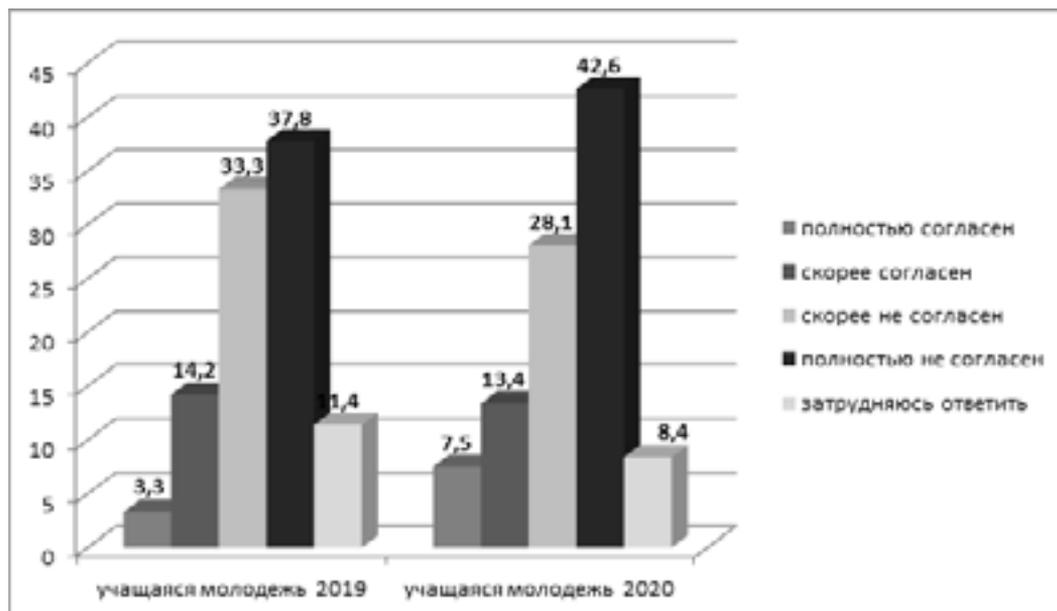

Рис. 2. «В какой степени Вы согласны с утверждением: «Нормально считать, что твой народ лучше чем все остальные»? (2019–2020 гг., %).

Полученные данные показывают, что представители работающей молодежи и студенты высших учебных заведений демонстрируют меньшую выраженность этноцентристских установок, нежели студенты профессиональных образовательных организаций (см. рис. 3).

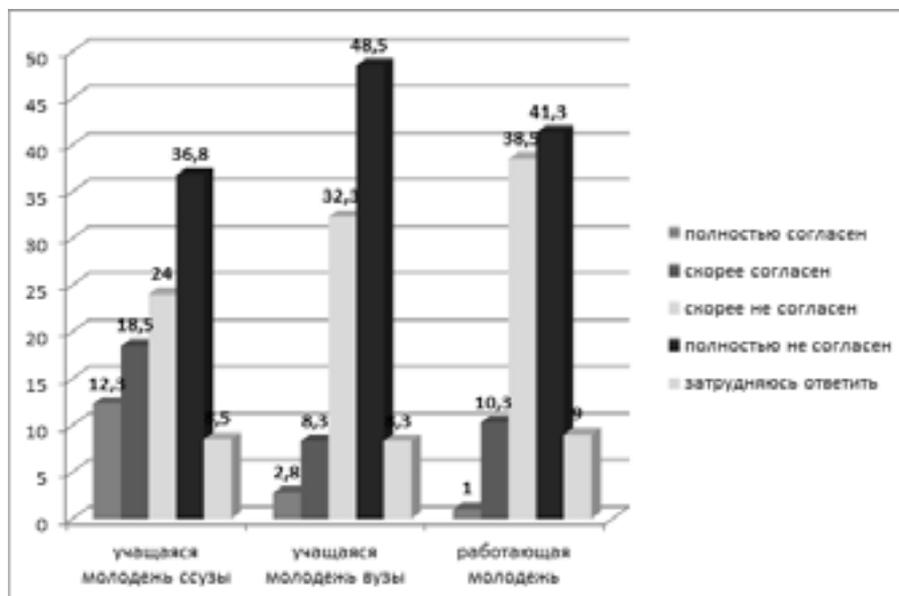

Рис. 3. «В какой степени Вы согласны с утверждением: «Нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные»? (2020 г., %).

Одним из индикаторов состояния межнациональных отношений является отношение к мигрантам. Это актуальная тема для Татарстана, ибо миграционный ландшафт республики весьма разнообразен и многогранен. В 2020 г. увеличилось коли-

чество респондентов, считающих, что мигранты должны иметь те же права, что и местные жители (позицию «полностью согласен» и «скорее согласен» выбрали на 5% респондентов больше, чем в 2019 г.) (см.рис.4).

Рис. 4. «Как Вы относитесь к идее: «Мигранты из других стран должны иметь те же права, что и местные жители, кроме права голосовать на выборах»? (2019–2020 гг., %).

Студенты высших учебных заведений, согласно результатам исследования 2020 г., демонстрируют более выраженное согласие с позицией о необходимости предоставления мигрантам одинаковых прав с местными жителями (по совокупности позиций «полностью согласен» и «скорее согласен») (см. рис. 5).

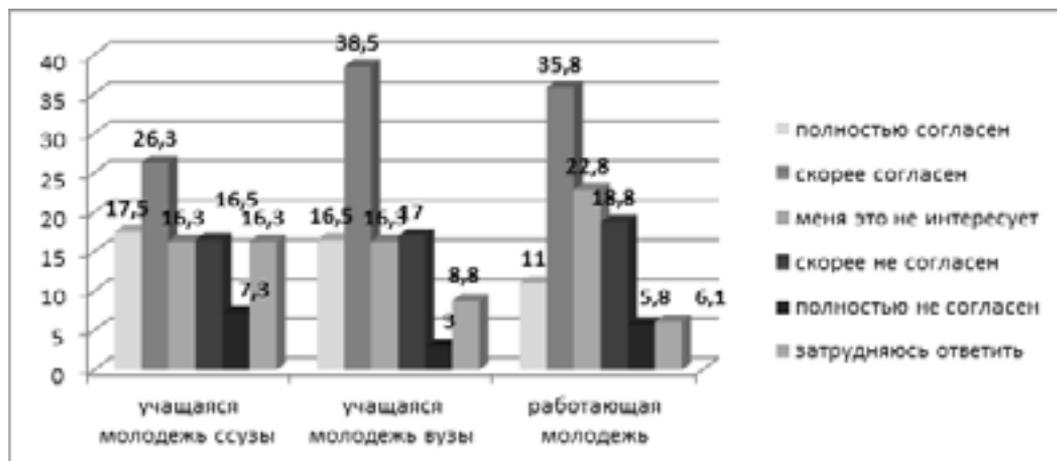

Рис. 5. «Как Вы относитесь к идее: «Мигранты из других стран должны иметь те же права, что и местные жители, кроме права голосовать на выборах»? (2020 г., %)

Представители работающей молодежи занимают более осторожную позицию в вопросе предоставления мигрантам одинаковых прав с местным населением. Это выражается в том, что среди этой группы меньше респондентов, выбирающих позицию «полностью согласен», они чаще выбирают позицию «меня это не интересует» (см. рис. 5).

Количество полностью не согласных с указанной позицией больше всего в группе представителей молодежи, обучающейся в средних специальных учебных заведениях, и составляет 7,3 %; в этой же группе больше всего респондентов, затрудняющихся с ответом (см. рис. 5).

В вопросе, связанном с культурной адаптацией мигрантов, респонденты высказываются определеннее: около 80% опрошенных представителей учащейся молодежи в той или иной степени согласны с утверждением, что мигрантам надо помогать приспособляться к условиям местной жизни (см. рис. 6).

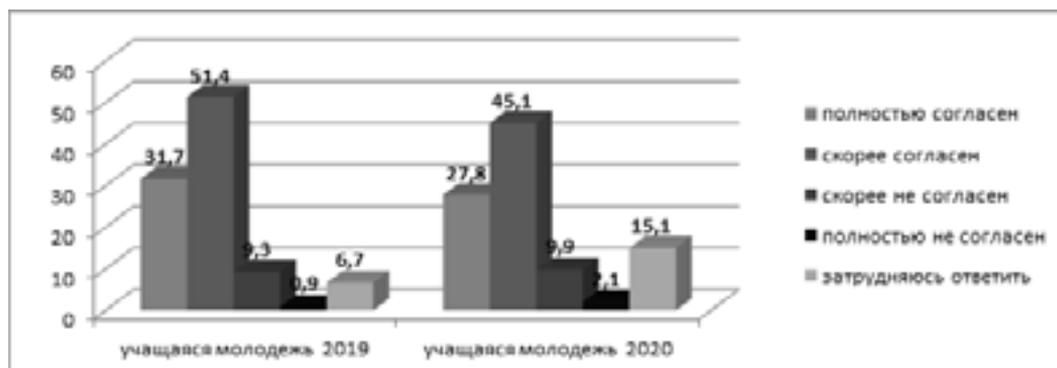

Рис. 6. «В какой степени Вы согласны с утверждением: «Мигрантам надо помогать приспособляться к условиям местной жизни (нашим правилам, традициям, нормам и т.п.)»? (2019–2020 гг., %).

В вопросе о необходимости оказывать помощь мигрантам для их более успешной адаптации, значимых расхождений между студентами высших учебных заведений и представителями работающей молодежи практически нет (см. рис.7). Студенты профессиональных образовательных организаций реже выбирают позицию «скорее согласен» и чаще затрудняются с ответом (см. рис.7).

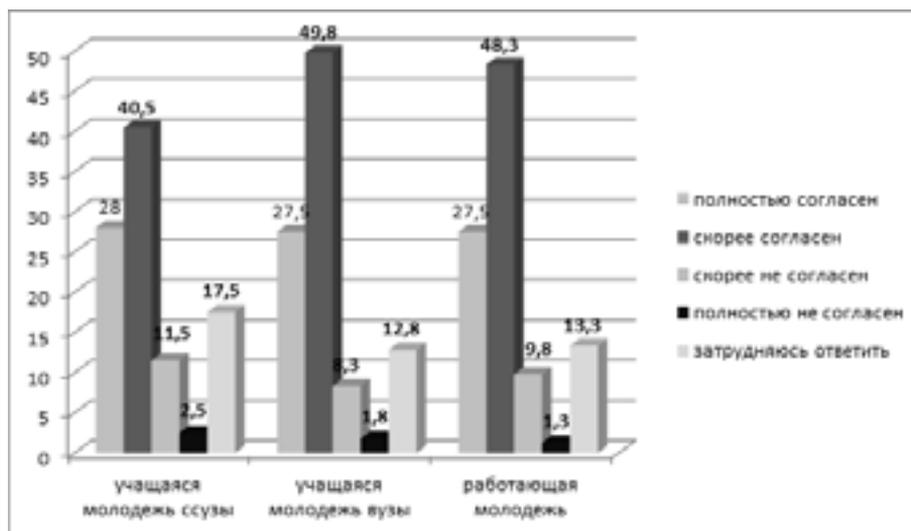

Рис. 7. «В какой степени Вы согласны с утверждением: «Мигрантам надо помогать приспособляться к условиям местной жизни (нашим правилам, традициям, нормам и т.п.)»? (2020 г., %)

Полученные данные показывают, что, при довольно высоком уровне этнической солидарности, представители молодежи в целом демонстрируют установки на благоприятное и бесконфликтное межэтническое взаимодействие. Об этом свидетельствует достаточно слабая актуализированность этноцентричных установок, толерантное либо индифферентное отношение к представителям сообществ мигрантов. При этом у студентов профессиональных образовательных организаций более высок уровень этноцентризма, то есть не критического предпочтения собственного народа, что, в сочетании с достаточно высоким уровнем этнической солидарности может послужить основанием для возникновения межэтнической напряженности. Представители работающей молодежи демонстрируют меньшую выраженность этноцентристских установок, но, в то же время, достаточно осторожно относятся к мигрантам.

Конфессиональная идентичность и религиозность

Конфессиональная идентичность также является фактором социальной интеграции. Около двух третей опрошенных относят себя к той или иной религии (см. рис. 8).

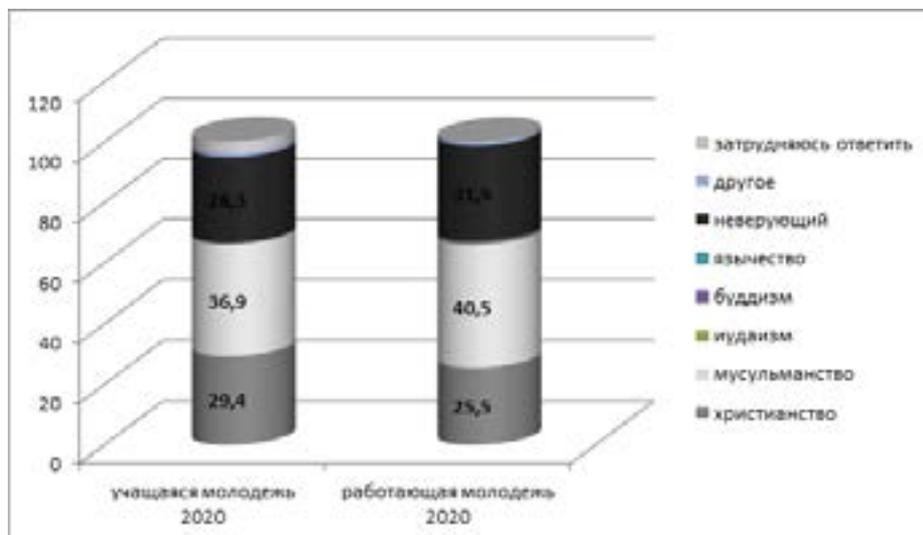

Рис. 8. «К какой религии Вы себя относите?» (2020 г., %).

Индикатором значимости религиозной идентичности как консолидирующего фактора, показателем потребности в чувстве религиозной общности, является вопрос: «Насколько значима для Вас религия?». В целом, как и в 2019 г., около 60% представителей учащейся молодежи говорят о значимой роли религии в своей жизни (см. рис. 9).

При этом, как и в случае с этничностью, студенты профессиональных образовательных организаций чаще выбирают позицию «очень значима» (см. рис. 10).

Среди представителей работающей молодежи больше респондентов, выбирающих позицию «не очень значима», и меньше тех, кто выбрал вариант «очень значима». Здесь можно применить то же объяснение, что и для расхождения показателей между представителями учащейся и работающей молодежи в уровне этнической солидарности: в структуре идентичности работающих респондентов на первый план

выходят профессиональные и семейные аспекты идентичности, а значимость этнической и религиозной идентичности может снижаться (см.рис.10).

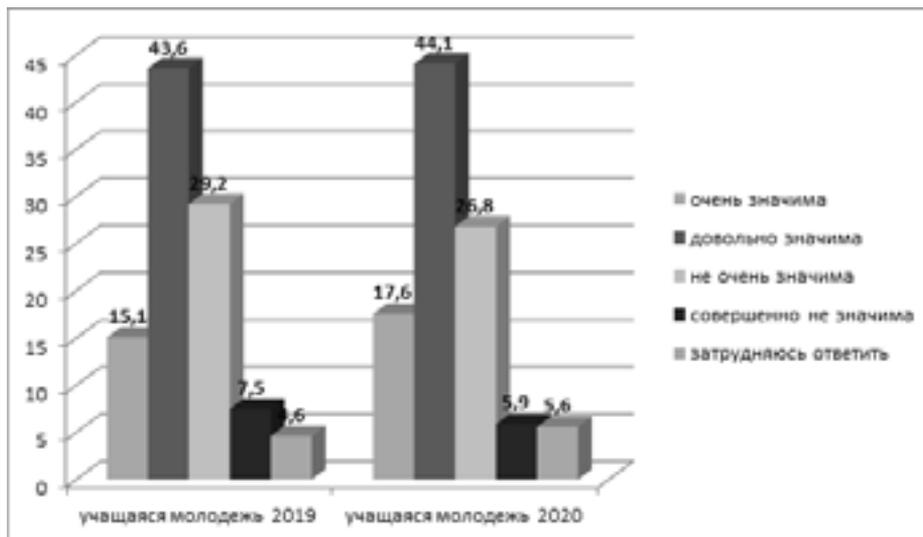

Рис. 9. «Насколько значима для Вас религия?» (2019–2020 гг., % из числа обозначивших свою религиозную принадлежность).

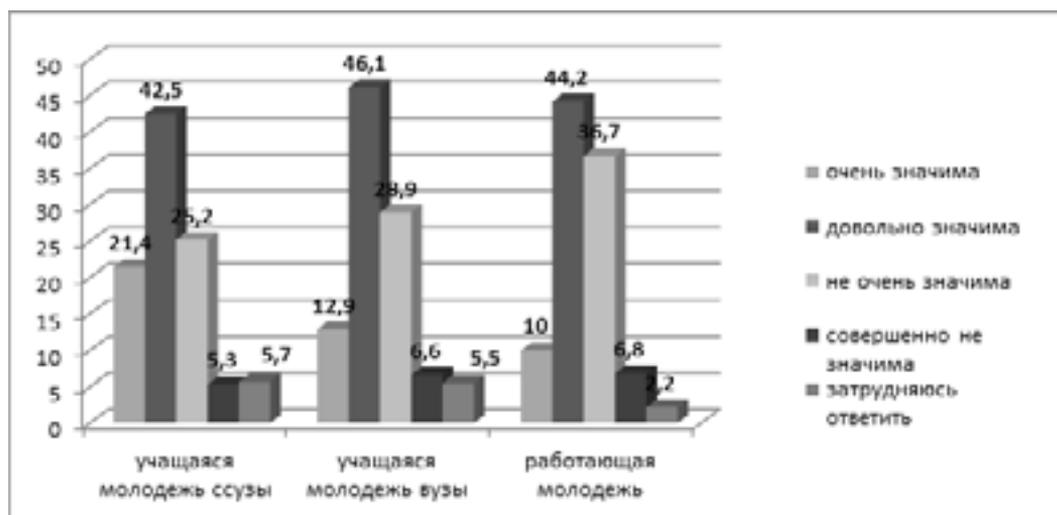

Рис. 10. «Насколько значима для Вас религия?» (2020 г., % из числа обозначивших свою религиозную принадлежность).

В целом, религиозный фактор является достаточно значимым в системе ценностей современной молодежи. Более 40% опрошенных во всех исследуемых группах выбирают позицию «довольно значима». Около 70% молодых людей во всех группах относят себя к верующим. Можно заключить, что конфессиональный аспект идентичности в сознании респондентов несколько более актуализирован, нежели этнический.

Полученные материалы также показывают, что для респондентов-татар конфессиональная и этническая идентичность более значима, чем для респондентов-русских и представителей других народов, принявших участие в исследовании. Эта тенденция нашла подтверждение и в глубинных интервью:

«Я мусульманин и все аспекты, которые как бы мусульманские, допустим, не есть свинину, молиться и прочее, я, конечно, не всё выполняю, к сожалению, но это дело времени. В скором времени, я, надеюсь, к этому приду, но, по крайней мере, одно правило – «харам», то что свинина – «харам», это я выполняю. Я стараюсь придерживаться канонов этих. Не всегда, конечно, получается, есть свои соблазны, но мы работаем над собой» (фокус-группа, студенты вузов, г. Набережные Челны).

«Я мусульманка, татарка, несомненно, я горжусь тем, что я мусульманка, потому что это как-то придаёт уверенности, молитвы в какое-то такое тяжёлое время, всё равно, если ты во что-то веришь как-то более спокойнее на душе» (фокус-группа, студенты вузов, г. Набережные Челны).

«Я русская и христианка, но как бы это не влияет на меня как-то очень сильно, не несет большой значимости, то есть я не ношу крестик, например, ничего такого не соблюдаю особо» (фокус-группа, работающая молодежь, г. Казань).

«Лично для меня религия на первом месте не может быть, потому что для меня на первом месте то, что нужно быть человечным. Можно быть человеком религиозным, но не человечным. А так, я православная официально. Но не скажу, еще раз повторюсь, что это для меня как-то очень важно» (фокус-группа, работающая молодежь, г. Казань).

Учитывая, что к вере и религии, как правило, люди приходят в более зрелом возрасте, уровень религиозности современной молодежи нашей республики, на наш взгляд, достаточно высок.

Полученные данные об этнической и религиозной идентичности респондентов позволяют обозначить непротиворечивый тренд на сосуществование довольно высокого уровня этнической солидарности и религиозной идентичности в сознании респондентов. При этом этнический и религиозный аспекты идентичности в большей степени актуализированы у респондентов-татар; а также в большей степени у респондентов, обучающихся в профессиональных образовательных организациях. Это объясняется тем, что в структуре идентичности работающих респондентов на первый план выходят профессиональные и семейные аспекты идентичности, а значимость этнической и религиозной идентичности может снижаться.

Меньшая актуализированность этнического аспекта идентичности среди молодых людей, обучающихся в высших учебных заведениях можно объяснить увеличением социальных и межэтнических контактов в среде высшего учебного заведения, что снижает потребность в эмоциональной принадлежности к этнической группе.

Представители молодежи демонстрируют установки на благоприятное и бесконфликтное межэтническое взаимодействие, что позволяет прогнозировать отсутствие напряженности в этническом поле республики в ближайшей перспективе.

Научная литература

Авксентьев В.А. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа // Молодежь России: Сборник рефератов статей из периодических изданий за 2008 г. М.: Российская государственная библиотека для молодежи, 2009. С. 17–20.

- Аникина А.В. Религиозность современной студенческой молодежи (на примере Нижегородской области). Дисс. ... к.социол.н. Нижний Новгород, 2008. 205 с.
- Большаков Е.А. Отношение к религии студенческой молодежи среднерусского региона (на примере Ивановской области). Дисс. ... к.социол.н. Нижний Новгород, 2006. 182 с.
- Горшков М.К. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
- Козлов В.Е., Фролова Е.В., Вятчина М.В. Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: этносоциологические очерки. Ч. III. Казань: ЗАО «Мир без границ», ООО Глаголь, 2016. 152 с.
- Иванова С.Ю. Гражданский портрет молодежи ЮФО // Вестник Южного научного центра, 2009. Т. 5. № 3. С.112–119.
- Иконникова С.Н. Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1974. 167 с.
- Иконникова С.Н. Молодёжь о себе, о своих сверстниках: социологическое исследование. Л.: Лениздат, 1969. 133 с.
- Кобзева Н.А. Религиозность студенческой молодежи в трансформируемой России: социологический анализ. Дисс. ... к.социол.н. М., 2006. 167 с.
- Ладатко А.А. Неформальные молодежные объединения. М.: Высш. шк., 1991. 47 с.
- Лисовский В.Т. Советская молодежь: идеалы и стремления. М.: Знание, 1971. 32 с.
- Покида Н.И. (науч. ред.) Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М.: Институт социологии РАН, 2014. 96 с.
- Полутин С.В. Молодежь в системе социального воспроизводства: социологический анализ. Саранск: Изд-во Мордов. Ун-та, 2013. 193 с.
- Титова Т.А., Фролова Е.В., Савина А.С. Ключевые механизмы формирования этнической и гражданской идентичности современной молодёжи в общественных организациях Республики Татарстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2018. № 5 (91). С. 53–56.
- Титова Т.А., Фролова Е.В., Гуцина Е.Г. Этническая идентичность и установки на межэтническое взаимодействие в среде молодежи Республики Татарстан // Казанский педагогический журнал, 2020. № 2. С. 185–290.
- Ядова Е.Н. Особенности и практическая значимость характеристик идентичности современной молодежи в процессе социализации // Актуальные проблемы психологии труда и развития. Вестник Балтийской педагогической Академии. 2013. Вып. 50. С. 127–131.

Titova, Tatiana A., and Elena V. Frolova

Ethnicity and Religiosity of the Young Residents of the Republic of Tatarstan Based on the Ethno-sociological Study of 2020

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/62-74

The purpose of the article is to analyze ethnic and religious attitudes among the youth of the Republic of Tatarstan. The article is based on the ethno-sociological study conducted in Tatarstan in the autumn of 2020 among young residents living in the cities of the republic. The authors discuss role of ethnic and confessional factors in the structure of social identity of young respondents and identify the attitudes towards ethnocentrism and interethnic interaction, particularly with migrants. The religious factor in the value system of young people is analyzed. It is concluded that the ethnic and religious aspects are consistent and equally important for self-identity among all the studied groups. It is shown that despite fairly strong ethnic solidarity, young people are generally disposed to favorable and conflict-free interethnic interaction. The article can be useful for sociologists, psychologists, social and cultural anthropologists, political scientists, and representatives of the structures in charge of youth policy issues.

Keywords: *youth, identity, ethnicity, ethnocentrism, interethnic interaction, religiosity, migrants, attitude*

For Citation: Titova, T.A., E.V. and Frolova. 2021. Ethnicity and Religiosity of the Young Residents of the Republic of Tatarstan Based on the Ethno-sociological Study of 2020. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 62–74.

Author Info: Titova, Tatiana A. – Professor, Doctor of Hist., Professor of the Department of History of Tatarstan, Archeology and Ethnography, Kazan Federal University (Kazan, Russia). Email: tatiana.titova@rambler.ru.

Frolova, Elena V. – PhD (Hist.), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Archeology and Ethnography, Kazan Federal University (Kazan, Russia). Email: elenaieup@mail.ru

References

- Avksentiev, V.A. 2009. Sotsial'noe samochuvstvie molodezhi Severnogo Kavkaza [Social well-being of youth of the North Caucasus] In *Molodezh' Rossii: Sbornik referatov statei iz periodicheskikh izdaniy za 2008 g.* [Youth of Russia: Collection of abstracts of articles from periodicals for 2008], 17–20. Moscow: Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka dlia molodezhi.
- Anikina, A.V. 2008. *Religioznost' sovremennoi studencheskoi molodezhi (na primere Nizhegorodskoi oblasti)* [Religiousness of modern student youth (on example of the Nizhny Novgorod region), PhD diss., Nizhny Novgorod.
- Bolshakov, E.A. 2006. *Otnoshenie k religii studencheskoi molodezhi srednerusskogo regiona (na primere Ivanovskoi oblasti): dissertatsiia ... kandidata sotsiologicheskikh nauk.* [The attitude to religion of student youth of the Central Russian region (on the example of the Ivanovo region)], PhD diss., Nizhny Novgorod.
- Gorshkov, M.K. 2010. *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret.* [Youth of Russia: sociological portrait]. Moscow: Center for social forecasting and marketing.
- Ivanova, S.Iu. 2009. Grazhdanskii portret molodezhi IuFO [Civil portrait of the youth of the Southern Federal District]. *Vestnik Iuzhnogo nauchnogo tsentra* 5 (3): 112–119.
- Ikonnikova, S.N. 1974. *Molodezh'. Sotsiologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii analiz* [Youth. Sociological and socio-psychological analysis]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Ikonnikova, S.N. 1969. *Molodezh' o sebe, o svoikh sverstnikakh: sotsiologicheskoe issledovanie* [Youth about themselves, about their peers: a sociological study]. Leningrad: Lenizdat.
- Kobzeva, N.A. 2006. *Religioznost' studencheskoi molodezhi v transformiruemoi Rossii: sotsiologicheskii analiz* [Religiousness of student youth in transforming Russia: sociological analysis], PhD diss., Moscow.
- Kozlov, V.E., E.V. Frolova and M.V. Viatchina (ed). 2016. *Diaspory i soobshchestva migrantov v Respublike Tatarstan: etnosotsiologicheskie ocherki* [Diasporas and migrant communities in the Republic of Tatarstan: ethnosociological essays]. Part III. Kazan: ZAO "Mir bez granits", OOO Glagol".
- Ladatko, A.A. 1991. *Neformal'nye molodezhnye ob"edineniia* [Informal youth associations]. Moscow: Higher school.
- Lisovskii, V.T. 1971. *Sovetskaia molodezh': idealy i stremleniia* [Soviet youth: ideals and aspirations]. Moscow: Znanie.
- Pokida, N.I. (ed.). 2014. *Molodezh' novoi Rossii: obraz zhizni i tsennostnye priority* [Youth of the new Russia: lifestyle and value priorities]. Moscow: Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences.

- Polutin, S.V. 2013. *Molodezh' v sisteme sotsial'nogo vosproizvodstva: sotsiologicheskii analiz* [Youth in the system of social reproduction: sociological analysis]. Saransk: Mordovia University Publishing House.
- Titova, T.A., E.V. Frolova, and A.S. Savina 2018. Ključevye mekhanizmy formirovaniia etnitcheskoi i grazhdanskoj identičnosti sovremennoj molodezhi v obščestvennykh organizatsiiakh Respubliki Tatarstan [Key mechanisms of formation of ethnic and civil identity of modern youth in public organizations of the Republic of Tatarstan]. *Istoricheskie, filosofskie, političeskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* 5 (91): 53–56.
- Titova, T.A., E.V. Frolova, and E.G. Gushchina. 2020. Etničeskaia identičnost' i ustanovki na mezhetnitcheskoe vzaimodeistvie v srede molodezhi Respubliki Tatarstan [Ethnic identity and attitudes towards interethnic interaction among the youth of the Republic of Tatarstan]. *Kazanskii pedagogičeskii žurnal* 2: 185–290.
- Yadova (Iadova), E.N. 2013. Osobennosti i praktičeskaia značimost' kharakteristik identičnosti sovremennoj molodezhi v protsesse sotsializatsii [Features and practical significance of characteristics of identity of modern youth in the process of socialization]. *Aktual'nye problemy psikhologii truda i razvitiia. Vestnik Baltiiskoi pedagogičeskoj Akademii* 50: 127–131.

ЯЗЫКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ И КОМПЕТЕНЦИИ АДЫГЕЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА*

Вопрос языковых компетенций адыгейского студенчества, знание адыгейского языка и его бытование продолжительное время находятся в поле зрения адыгейской общественности. в СМИ и сетях интернет периодически обсуждается тема «утраты адыгейского языка» молодежью и его «скорая гибель». Автор статьи, на основе результатов массового опроса, проведенного в городе Майкоп, рассматривает языковые компетенции и сферы применения языков студенческой молодежью Республики Адыгея. Они показывают, что большая часть респондентов чаще используют русский язык в общении на улице, учебе и работе. Адыгейский язык превалирует исключительно в домашнем общении. При этом, показано, что городская молодежь в отличие от сельской реже использует адыгейский язык, отдавая предпочтение русскому. Практически все респонденты знают русский на высоком уровне, т.е. думают на нем, читают и пишут, в то время, как для адыгейского языка доля студентов адыгов, указавших подобный уровень, составляет менее 2/3. Применяя дополнительную литературу, а также материалы интервью, автор объясняет процессы вытеснения адыгейского языка в бытовую, домашнюю среду, а также причины большой разницы в знании и использовании языка между респондентами, родившимися в городе или селе. Так, среди отмеченных причин находятся изменения в экономике, активная урбанизация и внутренние миграции, формирование более полиэтничной среды в аулах, проблемы в школьном и высшем образовании.

Ключевые слова: языковое поведение, адыгейский язык, адыги, Адыгея, языка

Ссылка при цитировании: Донежук М.С. Языковое поведение и компетенции адыгейского студенчества // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 75–91.

Введение

На протяжении продолжительного времени в СМИ и интернет среде публикуются записи по типу: «Черкесский язык находится на грани полного исчезновения в ближайшие десятилетия. Основным фактором уязвимости черкесского языка является его ограниченное употребление в публичных сферах» (Черкесскому языку), «Все адыгские дети должны знать родной язык, и никак нельзя считать нормальным, что сотни школьников не умеют читать и писать на родном языке...Присмотритесь,

Донежук Мурат Юсуфович – аспирант, стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: donmur@iea.ras.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ грант «19-09-00482 А»

как мы, адыги, разговариваем между собой: наполовину по-адыгски, наполовину – на русском, а чаще всего и вовсе на русском языке» (Мы должны). Часто встречается утверждение, что городские дети хуже знают адыгейский язык и реже на нем общаются. в 2009 году ЮНЕСКО включила адыгейский язык в список уязвимых языков, что также стало поводом для появления множества публикаций, в которых ситуацию с адыгейским языком назвали критической. Вопросом сохранения языка заинтересовалась общественная организация «Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент», производящая мониторинг оснащённости школ Республики Адыгея учебниками на адыгейском языке. Факультет адыгейской филологии и культуры выпустил воззвание к родителям Республики Адыгея, где говорится, что «Сегодня, адыгейский язык ускользает из наших рук... Над нами нависла угроза исчезновения языка». Сильный толчок этой теме дала инициатива Государственной думы о принятии поправок в закон «Об образовании в Российской Федерации», основным положением которой является добровольное изучение национальных языков народов Российской Федерации, которая подверглась критике в адыгском сообществе.

В связи с этим, в этой статье мы рассмотрим два основных вопроса: каков уровень владения адыгейским и русским языком у адыгейской студенческой молодежи, а также существует ли зависимость уровня владения языками от места рождения респондентов.

Изучением языкового поведения и языковых компетенций занималось большое количество специалистов. Так, О.М. Цветков и З.Х. Гучетль, изучая проблемы, связанные с употреблением адыгейского языка в разных сферах жизни, пишут следующее: «Адыгейский язык функционирует и воспроизводится, в основном, в местах компактного проживания адыгов, в моноэтнических семьях, в других локальных моноэтнических группах. Его функционирование поддерживается также учебными заведениями, телевидением и радио на адыгейском языке, выпуском литературы и газетой на адыгейском языке», но тут же отмечают, что количество выделенных часов для изучения адыгейского языка недостаточно, а функционирующие на адыгейском языке СМИ не имеют необходимого охвата: «Среду, в которой происходит его функционирование, нельзя назвать благоприятной. в долгосрочной перспективе языку угрожает исчезновение» (Цветков 2018: 489). Похожие процессы в причерноморской Шапсугии описывает И.Л. Бабич. в ее работе «Современные языковые процессы как фактор национальной идентичности причерноморских адыгов-шапсугов» рассматривается тенденция к постепенному увеличению доли русского языка в разных сферах жизни шапсугов, в том числе и в домашнем общении. Помимо этого, предлагается несколько причин, с которыми, по всей видимости, связана «сдача позиций» шапсугским и литературным адыгейским языками. Среди них – вытеснение шапсугского языка из экономической, т.е. трудовой сферы в сферу домашнего общения, что является во многом универсальным сценарием как для причерноморской Шапсугии, так и для Республики Адыгея (Бабич 2020: 157–158). Как отмечает В.Н. Нехай, в Адыгее имеются некоторые организации, выступающие за упразднение государственного статуса адыгейского языка, что в свою очередь может отрицательно сказаться на языковой ситуации в Адыгее (Нехай 2008: 103–104). Авторы статьи «Лексикографическая база данных адыгских языков: основные принципы построения» также указывают на смещение адыгейского языка в сферу домашнего общения: «...Из повседневной лексики выпали целые пласты лексики, в том

числе термины, устойчивые выражения, связанные с различными областями жизнедеятельности человека. За последние десятилетия этот процесс ускоряется. Сфера применения языка существенно сузилась и свелась преимущественно к уровню семейно-бытового общения» (Унарокова 2017: 128–129). Денисова А.В., проводя сравнение между республиками Крым, Калмыкия и Адыгея в отношении языковых предпочтений молодежи указанных субъектов, по результатам опросов пришла к выводу, «что во всех республиках при абсолютном доминировании русского языка во всех сферах жизни, значительная часть молодежи использует также национальные языки. в частности, в Крыму национальные языки использует не менее трети молодежи, в Адыгее – 49,7%, в Калмыкии – 47,2 %» (Денисова 2018: 156).

Данная работа основывается на результатах опроса адыгейской молодежи, обучающейся в университетах и колледжах города Майкоп: Адыгейском государственном университете, Майкопском государственном технологическом университете, Майкопском государственном гуманитарно-техническом колледже и в Адыгейском педагогическом колледже им. Х. Андрухаева. Опрос производился посредством анкетирования в 4 вариантах: анкетирование при личном участии интервьюера – 67% респондентов, использование Google-формы – 15%, раздача анкет преподавателями – 14%, а также 4% было опрошено при поддержке добровольцев. в общей сложности, опрошено 320 адыгов, из которых 44% являются мужчинами, а 56% женщинами. Исходя из данных РОССТАТА, можно сказать, что полученная нами половозрастная выборка соответствует действительности, т.е. женщин среди обучающихся в вузах больше (Женщины и мужчины 2020: 76). Соотношение университет/колледж составляет 52% и 33% респондентов соответственно. Поскольку 15% человек опрошены посредством Google-форм, неизвестно в каких вузах они обучаются. Родились в Республике Адыгея 284 респондента, небольшая их часть (29 человек) родом из других субъектов и еще 7 – иностранные граждане. Половина респондентов – уроженцы горожане (50%), а 42% родились в сельской местности. Оказалось, что 7% опрошенных указали только название региона, 1% вовсе не ответили на этот вопрос.

Заметим, что результаты опроса позволяют судить о саморепрезентации респондентов, но не о фактическом уровне владения языком, т.к. для этого требуется социолингвистическое исследование, подразумевающее проверку тех или иных навыков владения языком. в связи с этим, стоит еще раз оговориться, что выводы, которые можно будет сделать исходя из полученных данных, будут касаться исключительно оценочного мнения респондентов.

Рассмотрение вопросов будет производиться по трем направлениям: соотношение результатов исследования между мужчинами и женщинами; между студентами университетов и колледжей; между респондентами, родившимися в городе и сельской местности.

Какими языками владеют респонденты

Как показывают результаты проведенного опроса, абсолютное большинство респондентов владеют русским языком. Доля таковых составляет 97%, а с учетом того, что опрос производился на русском языке, этот показатель можно считать, как 100%. Адыгейским же языком владеет меньшее количество респондентов – 85%. Также учитывались те, кто указал кабардинский и черкесский языки. Последние были объ-

единены в общую группу «Кабардино-черкесский», насчитывающую несколько более 1%. Подробные цифры приведены в таблице № 1.

Таблица 1

Какими языками владеют респонденты (в %)

Вариант	Общие	Пол		Место рождения	
		Мужчины	Женщины	Город	Село
Адыгейский	85,3	82,3	87,7	74,4	96,3
Кабардино-черкесский	1,3	0,7	1,7	1,3	1,5
Русский	96,9	97,2	96,6	96,3	97

Из приведенных данных очевидно, что мужчины и женщины в сопоставимом соотношении владеют указанными языками. Доли «горожан» и «селян», владеющих русским и кабардино-черкесским языками в целом равны. Тем не менее, заметно, что даже первый вопрос, связанный с адыгейским языком, показывает определенную связь с местом рождения и знания адыгейского языка. Так, 96% уроженцев сельской местности владеют адыгейским языком, в то время, как среди «горожан» этот показатель ниже более чем на 20%.

Оценка респондентами своего знания языков

Второй вопрос, посвященный языку, подразумевал возможность оценки самим респондентом, на каком уровне он владеет адыгейским и русским языком. Было предложено четыре варианта ответа по убыванию: 1. Думаю на этом языке, свободно говорю, читаю и пишу; 2. Могу говорить и читать, но думаю на другом языке; 3. Говорю с затруднениями; 4. Не знаю язык.

По оценкам респондентов, в целом они очень хорошо знают русский язык и, как говорилось выше, владеют им все опрошенные, т.к. сам опрос проходил на русском языке, и никто не выбрал вариант «Не знаю язык». Более 90% студентов знают русский язык на самом высоком из предложенных уровней, т.е. думают на нем. Около 6% знают его хорошо, но думают на другом. в целом, заметно, что эти показатели не зависят от пола и места рождения. Хотя, среди женщин и горожан доля тех, кто говорит на русском языке с затруднениями выше, нежели в других группах. Это объясняется тем, что это респонденты адыги – граждане других стран, относительно недавно проживающие в Адыгее.

На адыгейском языке думает более 60% опрошенных, что на 30% меньше думающих на русском языке. Читают и говорят, но думают на другом языке 16% и чуть больше тех, кто говорит на адыгейском языке с затруднениями – 17%. Не знающих язык – 4%. Между мужчинами и женщинами нет большой разницы в ответах, отклонения находятся в диапазоне одного процента. Касаемо соотношения город/село, заметно очередное проседание первой группы. Так, если 82% уроженцев сел думают

на адыгейском языке, то этот же показатель для города составляет 46%, что почти вдвое меньше чем у сельчан. Похожая ситуация с теми, кто говорит и читает на адыгейском, а думает на отличном от него языке. Среди сельской молодежи таковых меньше, т.е. доля тех, кто знает язык хуже, среди сельчан меньше и составляет 10% против более чем 20% у горожан. Четверть городской молодежи (25%) говорит на этом языке с затруднениями. Для сельчан, доля таковых составляет только десятую часть респондентов. Среди тех, кто выбрал вариант «Не знаю язык», перевес у уроженцев города, причем, в этом случае он больше почти в пять раз: 7,4% у городской молодежи против 1,5% у сельской.

Таблица 2

На каком уровне респонденты знают русский язык (в %)

Вариант	Общие	Пол		Место рождения	
		Мужчины	Женщины	Город	Село
Думаю на этом языке, свободно говорю, читаю и пишу	92,8	92,9	92,7	92,5	93,3
Могу говорить и читать, но думаю на другом языке	5,6	7,1	4,5	5,6	5,2
Говорю с затруднениями	0,6	0	1,1	1,3	0
Не знаю язык	0	0	0	0	0

Таблица 3

На каком уровне респонденты знают адыгейский язык (в %)

Вариант	Общие	Пол		Место рождения	
		Мужчины	Женщины	Город	Село
Думаю на этом языке, свободно говорю, читаю и пишу	62,8	63,7	62,1	46,3	82,1
Могу говорить и читать, но думаю на другом языке	16,2	15,6	16,7	21,5	9,7
Говорю с затруднениями	16,8	17	16,7	24,8	9,7
Не знаю язык	4,2	3,7	4,6	7,4	1,5

Сферы применения языков

Важным аспектом в изучении поставленных выше вопросов, является изучение сфер применения языков респондентами. в связи с этим, были выделены три сферы: 1. Домашняя; 2. Рабочая и/или учебная; 3. Уличная. Этот вопрос особенно значим в связи с рассмотрением оценки адыгейского языка как уязвимого со стороны «Юнеско».

В домашнем общении среди респондентов, как видно по таблице №4, преобладает адыгейский язык, который используется чуть менее чем 45% опрошенных. Второй по популярности ответ, это «русский и адыгейский языки» – 31%. Исключительно русский язык дома использует 18% респондентов. Около 4% общаются на кабардино-черкесском.

Заметна разница в ответах мужчин и женщин: так, если почти половина мужчин (49%) использует дома только адыгейский язык, то среди женщин доля таковых ниже почти на 8% и составляет 41%. Русским и адыгейским языком совместно, чаще пользуются женщины – 35% опрошенных, против 30% у мужчин. Исключительно русский язык использует 19% мужчин и 17% женщин соответственно. Кабардино-черкесский в домашнем общении чаще употребляется среди женщин, чем среди мужчин.

В то время, как около четверти горожан (24%) используют дома исключительно адыгейский язык, среди респондентов, родившихся в селе, этот показатель выше почти в три раза – 70%. Заметно, что ответ «русский и адыгейский» языки совместно встречается чаще среди ответов горожан – 42%. Для села этот показатель оказался ниже практически вдвое – 23%. Разница между городом и селом в отношении того, какое число респондентов использует исключительно русский язык в домашнем общении оказалась наибольшей. Если среди родившихся в сельской местности только 4,5% используют дома исключительно русский язык, то для горожан этот показатель оказался выше более чем в шесть раз, составив 30% от общего числа опрошенных в этой группе.

Таблица 4

На каких языках респонденты общаются дома (в %)

Вариант	Общие	Пол		Место рождения	
		Мужчины	Женщины	Город	Село
Адыгейский	44,7	48,9	41,3	23,8	70,1
Кабардино-черкесский	3,8	1,4	5,6	3,1	2,2
Русский	17,8	19,1	16,8	30	4,5
Русский и адыгский	32,8	29,8	35,2	41,9	23,1

По оценкам респондентов, русский язык является для них главенствующим при общении на работе и/или учебе. Так, исключительно русский язык использует 2/3 респондентов (66%), а совместно с адыгейским языком чуть менее третьей части (30%). Чуть менее 2% респондентов для учебного и/или рабочего общения употребляют только адыгейский язык. Для кабардино-черкесского этот показатель оказался менее одного процента.

Как оказалось, мужчины и женщины в разных соотношениях используют выше обозначенные языки. Так, если русский и адыгейский языки среди обеих групп использует около трети респондентов, то исключительно русский язык для рабочего и/или учебного общения чаще используют женщины (68%), нежели мужчины (64%). Чуть более половины процента (0,6%) среди женщин предпочитают адыгейский язык, для мужчин этот показатель выше на три процента (3,5%). Кабардино-черкесский же язык женщина на работе и/или учебе не используется вовсе, в то время как чуть более 2% мужчин находят ему применение в указанных сферах.

Ожидаемые результаты показала разбивка по месту рождения. Для уроженцев города характерно преобладание в рабочем и/или учебном общении русского языка и наоборот, меньшая доля адыгейского. Так, среди указанной группы, более 70% респондентов используют исключительно русский язык, в то время, как для сельчан этот показатель равен 55%. Только адыгейский язык использует исключительно сельская молодежь – 4,5%. Разница между городом и селом в отношении кабардино-черкесского языка составляет пол процента – чуть более 1% для горожан и менее 1% для сельчан. Заметно, что наиболее частое совместное применение русского и адыгейского языков встречается у сельской молодежи – 40% респондентов в указанной группе. Среди горожан, только четверть (25%) использует подобную комбинацию языков на работе и/или учебе.

Таблица 5

На каких языках респонденты общаются на работе/учебе (в %)

Вариант	Общие	Пол		Место рождения	
		Мужчины	Женщины	Город	Село
Адыгейский	1,9	3,5	0,6	0	4,5
Кабардино-черкесский	0,9	2,1	0	1,3	0,7
Русский	65,9	63,8	67,6	73,1	55,2
Русский и адыгский	30,3	29,8	30,7	25	38,1

Около половины респондентов (51%) при общении на улице используют русский язык. Чуть более трети опрошенных (35%) в схожих условиях говорят на русском и адыгейском языках. Исключительно адыгейский или кабардино-черкесский язык употребляется гораздо реже: 8% и 2% соответственно.

На улице женщины чаще общаются на русском языке. Его предпочитают более половины опрошенных респонденток (57%), в то время, как для респондентов мужского пола этот показатель составляет 44%. Как и при общении на работе и/или учебе, мужчины чаще чем женщины используют адыгейский язык отдельно и в комбинации с русским языком. Около 40% мужчин применяют русский и адыгейский языки вместе, против 32% женщин. Исключительно на адыгейском языке общаются на улице 12% мужчин. Для женщин, этот показатель составляет 5%. Использование кабардино-черкесского языка также более свойственно мужчинам (3,5%) нежели женщинам (1%). В целом, заметна тенденция, что мужчины вне дома чаще общаются на адыгейском языке отдельно или совместно с русским. Возможно, этот факт связан с некоторой большей этнической и земляческой замкнутостью мужских коллективов. Следствием этого становится более этнически гомогенное окружение. Одна из возможных причин – стремление сохранить связь с аульскими друзьями (преимущественно адыгами), как одноклассниками, так и выпускниками старших классов той школы, в которой учились респонденты.

Городское или сельское окружение имеют определенное влияние на выбор респондентом языка общения на улице. Так неудивительно, что студенты, родившиеся в городе, где большая часть окружения являются русскими, чаще указывали исключительно

но русский язык – 63%. Для респондентов, родившихся в сельской местности, доля тех, кто использует только русский язык при общении на улице составляет чуть более трети – 34%. Сельчане, родившиеся в преимущественно адыгоязычном окружении, чаще городских жителей используют адыгейский язык отдельно или с русским языком вместе для общения на улице. Так 46% студентов, родившихся в сельской местности, указали русский и адыгейский языки, против 30% среди горожан. в уличном общении исключительно адыгейский язык использует 14% сельчан и 3% горожан соответственно. Около 2% в обеих группах общаются на улице на кабардино-черкесском языке.

Таблица 6

На каких языках респонденты общаются на улице (в %)

Вариант	Общие	Пол		Место рождения	
		Мужчины	Женщины	Город	Село
Адыгейский	8,1	12,1	5	3,1	14,2
Кабардино-черкесский	2,2	3,5	1,1	1,9	2,2
Русский	51,3	44	57	63,1	34,3
Русский и адыгский	35,6	39,7	32,4	29,4	46,3

Студентам, принимавшим участие в опросе, было предложено ответить на вопрос «Если Вы не общаетесь с окружающими на родном языке, то по какой причине?». Результаты и предлагавшиеся варианты указаны в таблице №7. Заметим, что в этом вопросе респонденты могли выбрать одновременно несколько вариантов ответа. Более половины опрошенных (52%) указали, что они не общаются на родном языке из-за того, что окружение не знает этот язык. У 37% респондентов, по их собственным словам, не возникает проблем при общении с окружающими людьми. Отметили, что не знают или мало знают родной язык 13%, еще около 10% испытывают стеснение при его использовании, 4% дали другой ответ.

Определенный интерес составляет разбивка ответов на этот вопрос по полу. Так, примерно по 10% в обеих группах испытывают стеснение при использовании родного языка. Не знают или мало знают родной язык 14% мужчин, против 12% у женщин. Другой ответ указали 5% и 3% соответственно. Около 43% мужчин заявили об отсутствии проблем при общении с окружающими на родном языке. Среди женщин, этот показатель оказался ниже на 10%, составив 32%. Примечательно, мужчины реже заявляли, что окружающие не знают родной язык респондента – 44%, против 58% у женщин. Эти данные, а конкретно, большее число респондентов мужчин (по отношению к женщинам) не испытывающих проблем при общении с окружающими на родном языке, могут указывать на ранее озвученное предположение о большей этнической гомогенности мужского коллектива у адыгов. Так же, в пользу этого может говорить тот факт, что женщины чаще сталкиваются с ситуацией, когда окружающие не знают адыгейский язык. Следовательно, они обычно находятся в более полиэтнической среде.

Среди прочих вариантов ответа, несколькими респондентами было указано, что им удобнее общаться на русском языке, или что еще с детства они общались только на нем. Также был встречен ответ «Вы тоже не общаетесь». Видимо, имелось в виду, что мое общение с респондентами проходило на русском языке.

Таблица 7

**По какой причине(ам) респонденты не общаются с окружающими
на родном языке (в %)**

Вариант	Общие	Пол		Место рождения	
		Мужчины	Женщины	Город	Село
Не знаю родной язык (мало знаю)	13,1	14,2	12,3	23,8	1,5
Окружающие не знают моего языка	51,6	44	57,5	41,9	62,7
Испытываю стеснение при использовании родного языка	10	9,9	10,1	15	1,5
У меня нет проблем, я общаюсь с окружающими на родном языке	36,6	42,6	31,8	30	44,8
Другой ответ	3,8	5	2,8	5	1,5

Также стоит сказать о достаточно больной теме соотношения адыгского, адыгейского и черкесского языков. Название «адыги» является обобщающим понятием для адыгских народов, в список которых входят адыгейцы, кабардинцы, черкесы, шапсуги, бжедуги, темиргоевцы и прочие. Из-за этого зачастую среди адыгской общности звучит критика по отношению к тем, кто использует названия «адыгеец», «черкес», «шапсуг», «кабардинец», т.к. считается, что это «разъединяет народ». Тем не менее, в последние годы и особенно в преддверии предстоящей Всероссийской переписи населения, часть адыгских активистов начала деятельность по пропаганде «черкескости» и призывам, чтобы адыги записывали себя как «черкесы» в переписных листах. Волна интернет публикаций и флешмобов прокатилась по русскоязычному интернету в 2020 году и в некоторой степени затронула 2021 год. Типичны такие комментарии: «Опять черкесский язык (адыгэбзэ) делят на «адыгейский» (чемгуйский диалект из кяхской диалектной группы) и «кабардино-черкесский» (бесленее-кабардинский диалект). Когда же эту ересь прекратят? А так все понятно: в ТРЕХ субъектах федерации черкесский язык имеет «государственный статус» и НИ в ОДНОМ он не используется в делопроизводстве, а также НИ в ОДНОМ нельзя получить даже среднего образования на нем, не то что высшего – про переводы классической и актуальной литературы, а также дубляж фильмов, софта, игрушек и пр. вообще молчу. Языки полностью вытеснены в бытовую сферу, имеют неудобную алфавитную базу, которую даже люди для которых он родной и практически единственный толком использовать не могут – спотыкаются. ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ. И НИЧЕГО для того, чтобы переломить ситуацию не делается, увы...» (Кавказский узел: 1). Как ни странно, респонденты, являющиеся активными пользователями социальных сетей и по всей видимости, знакомые с агитационной компанией «черкесских» активистов, не проявляли возмущения на приведенные в опроснике формулировки по типу «адыгейский язык». Лишь некоторое количество респондентов указывало «адыгский», «кабардинский» и «черкесский» языки в категории «другое».

Рассуждая о причинах подобного положения дел, можно выделить несколько основных моментов, из-за которых адыгейский язык вытесняется из различных сфер

жизни: 1. Экономическая; 2. Статусная; 3. Образовательная; 4. Миграции внутри Республики и связанные с этим процессы.

Касаемо экономического аспекта отметим, что авторы работы «Употребление иноязычных заимствований в современных адыгейских СМИ» Читао Л.Р. и Алентьева М.А. произвели анализ «50 номеров газеты «Адыгэ макъ» за 2013-2014 гг.» и пришли к следующему выводу: «Иноязычные заимствования, прежде всего, затрагивают сферу экономической жизни, потому что именно здесь возникает самая острая потребность в обозначении многих новых для нас понятий и реалий, связанных с рыночной экономикой и давно имеющих свою номинацию на Западе... Значительно расширяется сфера употребления таких слов, как инвестиция, инвестор, менеджер, фирма и др. Сегодня они встречаются не только в профессиональной речи финансистов и экономистов, но и в разговорно-бытовой сфере. Особенно часто встречается слово фирма» (Читао, Алентьева 2015: 126-127).

Бабич И.Л., исследовавшая жизнь современных причерноморских шапсугов замечает, что «снижение интереса как к литературному адыгейскому, так и шапсугскому языкам было связано с новыми социально-экономическими и культурными факторами», такими как: участвовавшие межэтнические браки, в таких семьях в домашнем общении преимущественно используется русский язык; языковое противоречие, являющееся следствием домашнего общения на шапсугском диалекте, в то время как преподавание в школе проходит на адыгейском литературном; «невозможность применения знания адыгейского языка в экономической и социальной жизни, где стал преобладать русский язык» (Бабич 2019: 140-141). Так, имевшиеся рабочие места в местных совхозах, чайных плантациях и прочих производствах позволяли сотрудникам шапсугам общаться на шапсугском языке. Но после их разрушения, пришедшая туристическая отрасль привела к оттоку трудоспособного населения на побережье, где основным языком общения является русский: «Таким образом, изменения в экономике вытеснили шапсугский язык из экономической сферы жизни причерноморских шапсугов» (Бабич 2019: 151).

Можно вспомнить одно из выступлений на XIX отчетно-выборном съезде Адыгэ Хасэ, состоявшемся в январе 2017 года, в котором отмечалось, что решение вопроса сохранения адыгейского языка и культуры связано с экономическими и трудовыми проблемами. Необходимость работать с раннего утра и до поздней ночи обоим супругам, приводит к тому, что ребенок остается целиком и полностью в русскоязычном окружении без родителей, которые могли бы общаться с ним на адыгейском языке и прививать традиции народа. Можно заметить, что подобная ситуация особенно актуальна для городских семей и несколько меньше для сельских. Так, в условиях городской застройки трехпоколенные семьи встречаются крайне редко, как следствие, семьи в основном состоят из родителей и детей. Если в сельской местности вопросы воспитания и приобщения к языку решались за счет присутствия бабушек и дедушек, то в городе это становится сложнее, особенно, если учитывать, что нередко среднее поколение переезжает в город, в то время, как старшее поколение продолжает жить в сельской местности: «Проблеме не один год. Корнями она уходит в стремительную урбанизацию конца 80–90-х годов прошлого века, когда переехавшие в Майкоп или Краснодар аульчане переставали говорить на родном языке. Причём, даже между собой. А многие черкесские дети, родившиеся и выросшие в городской среде, вообще не знают адыгейского» (А-Хэку).

Определенное значение имеет постепенный отток адыгов не только в город, но также в села и хутора с преимущественно русским населением. Так, если в 1989 году, соотношение городской и сельской части адыгов в Адыгее составляла 1 к 2, то в 2010 году оно примерно сравнялось (Донежук 2020: 219). Похожая тенденция наблюдается и среди шапсугов: «Безусловно, в аулах с преобладающим шапсугским населением бытование шапсугского языка значительно шире, чем в смешанных поселках. Однако количество смешанных по составу населенных пунктов в Причерноморье неуклонно увеличивается, а сфера применения шапсугского языка сокращается» (Бабич 2020: 153). Тем самым получается формирование полиэтничной среды, где использование адыгейского языка, которым большая часть не владеет, становится затрудненным и сильно ограниченным. Как было показано выше, даже в домашнем общении адыги, родившиеся в городе, реже используют адыгейский язык, нежели те, кто родился в сельской местности. Можно предположить, что и полиэтничная сельская среда сходным образом будет влиять на владение и применение адыгейского языка. Урбанизация и постепенно увеличивающаяся этническая гетерогенность аулов влияют даже на преподавание адыгейского языка и литературы: «Если в классе обучаются дети адыгской национальности вместе с русскоязычными, опрошенные преподаватели считают целесообразным дублировать условия заданий и правила на русском языке. Трое преподавателей средних и старших классов аульской школы отметили, что, хотя занятия ведутся на адыгейском языке, они повторяют инструкции к заданиям на русском языке, чтобы все учащиеся понимали, что от них требуется в данный момент» (Минакова, Унарокова 2020: 78). Причем, автор этой статьи может заметить, будучи выпускником полиэтничной школы, что преподавание адыгейского языка и литературы всегда имело свои определенные нюансы, заключающиеся не только в дублировании заданий, но также в методологических и даже физических сложностях. Так, учителю бывало сложно раскрыть тему целиком или проверить знания всех учеников за одно 45-минутное занятие из-за того, что само повторение одного и того же материала дважды отнимает много времени. Помимо этого, сказывается ограниченность в выделенных для преподавания адыгейского языка и литературы часах, также не позволяющих нивелировать специфику преподавания в этнически гетерогенном классе.

Вопрос образования оказывается еще более сложным, т.к. к полиэтничной составляющей добавляется определенная языковая гетерогенность адыгов, а также различия в уровне владения адыгейским языком у обучающихся. Так, в Адыгее проживает некоторое количество кабардинцев, расселенных преимущественно в отдельных аулах: Кошехабль, Ходзь и Блечепсин. Во время Кавказской войны они переселились из Кабарды на территорию нынешнего Кошехабльского района. За прошедшее время, несмотря на введение и преподавание литературной нормы адыгейского языка, основанной на темиргоевском диалекте, отличном от кабардинского, население этих аулов не утратило свой кабардинский язык. Заметим, что кабардинский заметно отличается как от литературной нормы, так и от бжедугского, темиргоевского, шапсугского, абадзехского диалектов. Этот факт приводит к определенным последствиям: «адыгейский литературный язык сложно дается некоторым детям кабардинцам», в связи с этим некоторые ученики используют на уроках кабардинский язык. Так, «ученик крайне расстроился, когда был исправлен его ответ на кабардинском» (Минакова, Унарокова 2020: 79). Впрочем, не всегда употребление кабардинского языка встречается «в штыхки»: «По замечанию некоторых участников, на уроках которых доминирует адыгей-

ский язык, они могут перейти на русский, если замечают, что ученики не понимают тему. Один из преподавателей средних классов аульской школы отметила, что в таких случаях может использовать русский или кабардинский, который является родным для учеников в ее классе» (Минакова, Унарокова 2020: 78).

К ранее озвученным проблемам можно добавить и разный уровень владения адыгейским языком учениками школ: «По словам преподавателей, в одном классе могут обучаться дети хорошо говорящие на адыгейском, те, кто понимает его на слух, но не говорит, и те, кто пока владеет им слабо или не владеет вообще» (Минакова, Унарокова 2020: 78). Как отмечала Хамерзокова Н.А., подобная ситуация наблюдается и в сфере высшего образования, в частности на факультете адыгейской филологии и культуры: «Сейчас слабые абитуриенты в плане владения адыгейским языком и вообще всего. Когда мы работаем с теми, кто приходит на факультет, некоторые хорошо знают язык, некоторые хуже. Уровень и техника чтения разная. Они не читают не только по-адыгейски, но и по-русски. Плохая база, недостаточное знание языка, более примитивная молодежная лексика при прохождении учебного процесса на факультете, сталкиваются с хорошими текстами, научной литературой на адыгейском языке и программой, ориентированной на лучшее знание языка». Эта особенность, а также невозможность индивидуального подхода к обучающимся, основанном на индивидуальном уровне владения языком, приводит к усреднению требований по отношению к ученикам, а также студентам. Рассуждая о причинах этого, Хамерзокова Н.А. заметила: «Знания сильно ослабли. Особенно обострилась эта ситуация после введения ЕГЭ. Произошел сильный отток из школ после 9 класса. Колледжи забирают их, а в колледжах адыгейского языка нет. Т.е. они теряют базу 10-11 класса, на которой мы работаем со студентами. Те, кто оканчивают 10-11 классы, адресно нацеливаются на хорошие столичные вузы».

Как пишет авторы статьи «Языки меньшинств и устойчивый перевод: угроза или возможность?», социально-экономические и социально-политические факторы оказывают большое влияние на развитие языков меньшинств. в частности, на примере баскского языка показывается, что языки, ассоциирующиеся со «стыдом и отсталостью», называемые зачастую «сельскими», после политической поддержки, приобретения более престижного статуса, получают большее распространение и популярность. Помимо этого, баскский язык начинает восприниматься многими как важный язык на рынке труда (Cenoz, Gorter 2017: 3). Тем не менее, авторы признают, что баскский как и многие другие языки меньшинств находятся под влиянием более крупных языков. При этом, большую роль играет определенная изолированность языков для различных, некогда новых сфер жизни в прошлом, а также фактическое существование языка только в образовательной системе (Cenoz, Gorter 2017: 4). Что касается адыгейского языка, то к нему во многом продолжает сохраняться несколько пренебрежительное отношение. Так, на одном из факультетов автору довелось пообщаться с членом преподавательского коллектива, который говорил о скорой гибели языка, его ненужности и неприменимости в трудовой сфере. Вообще, в обществе продолжает сохраняться тезис, что «за Кубанью адыгейский язык не нужен» и языком престижа является русский. Также, со слов одного из преподавателей, у некоторых студентов адыгов имеется страх «показаться дикарями». Это проявляется в опаске признания адыгской, родной для этих студентов культуры и языка как низкой или даже второсортной. «Наши студенты, адыги, очень закомплексованные», –

отметил преподаватель. К этому можно добавить стыд некоторой части молодежи за «ненадлежащее» знание и владение адыгейским языком. Так, декан Факультета адыгейской филологии и культуры Н.А. Хамерзокова заметила: «В обществе надо переломить, что человека стыдят из-за его незнания родного языка или из-за неправильно сказанного слова. Молодежь часто стесняется, хочет сказать, понимает, но психологический барьер мешает. Боятся быть высмеянными. Нельзя порицать и говорить: «Стыдно не знать родной язык». Наоборот надо поощрять, пускай говорят пусть и неправильно, это же не экзамен. Надо поддерживать мотивацию говорить».

К вопросу статусности адыгейского языка можно добавить продолжительное время навязывавшиеся представления о неэтичности использования адыгейского языка в присутствии людей, которые его не знают. Так, сразу несколько преподавателей вузов, с которыми автору статьи довелось пообщаться, отмечали, что в детские годы, когда они жили и учились в Майкопе, им прививалась идея, что в полиэтничном окружении неприлично разговаривать на адыгейском языке, даже если общение ведется с другим адыгом. в условиях, когда в Майкопе и соответственно в абсолютном большинстве школ адыгов было мало, а окружение не знало адыгейский язык, это приводило к крайне редкому его использованию. Один из преподавателей отметил, что в связи с этим у него развилось некоторое чувство стыда, для преодоления которого потребовалось много времени. Судя по личным наблюдениям автора, подобная ситуация продолжает сохраняться пусть и в меньшем масштабе. Во время работы в детском лагере, автор являлся свидетелем разнообразных споров в отношении применимости адыгейского языка. Так, среди вожатых периодически возникало возмущение, когда некоторые из них общались друг с другом на адыгейском языке в присутствии тех, кто им не владеет. в подобных случаях, часто звучали слова: «Общайтесь на том языке, который все понимают». Некоторые вожатые использовали такие слова в отношении детей. Помимо этого, подобное возмущение периодически наблюдалось и среди самих детей. Как показывает опыт общения с вожатыми и детьми, большей частью требования «говорить на понятном всем языке» возникают из опасений заговорщичества, обсуждения тех, кто не понимает адыгейский язык.

Т.е. можно сказать, что адыгейский язык находится в противоречивом состоянии: сам язык не воспринимается престижным и востребованным, связан с культурой, которая на фоне соседствующей постоянно находится под угрозой признания как «низкой», при этом частью общества порицается незнание языка. Молодые люди оказываются в ситуации, когда непонятно к какому берегу можно было бы прибиться. Помимо этого, сам регион, т.е. Республика Адыгея, а также сферы возможного применения языка в экономическом отношении продолжают оставаться весьма ограниченными.

Отток молодежи в соседний регион, переход молодых специалистов из сферы образования и науки в коммерческую среду имеют материальную подоплеку. Причем, подобная тенденция распространяется не только на тех, для кого адыгейский язык является или мог бы являться инструментом для заработка, но также и на представителей естественно-научных дисциплин и специальностей. Так, проводя опрос в одном из высших учебных заведений Майкопа, автор стал свидетелем разговора одного из преподавателей с молодым специалистом. Преподаватель отчитывал последнего из-за нежелания молодого человека защищать кандидатскую степень в своей области. Также, старший по возрасту и статусу специалист заметил, что на их ка-

федре и направлении в Адыгее «уже нет адыгов», т.е. замены для ныне действующих национальных кадров практически нет. На это молодой специалист сослался на отсутствие перспективы и адекватной зарплаты в научной и образовательной отрасли, которая позволила бы спокойно жить. Он также заметил, что готов уйти, как только найдется хорошо оплачиваемая работа пусть и в другом месте.

Помимо этого, при рассмотрении возможных причин подобного положения, появилось предположение, что дети из полиэтничных семей могут реже или даже несколько хуже знать адыгейский язык. К такому предположению подтолкнули частые комментарии самих респондентов, которые указывали, что дети различных по национальности родителей хуже знают адыгейский язык.

Среди опрошенных студентов, доля детей из полиэтничных семей составила 11%. И несмотря на тот факт, что эта группа является слишком малочисленной для полноценного сравнения с результатами, полученными от респондентов из моноэтничных семей, тем не менее, весомые отличия в ответах позволяют достаточно осторожно судить о влиянии этого фактора на языковое поведение и языковые компетенции. Так, в ответах на вопрос: «Какими языками Вы владеете?», 91% респондентов из моноэтничных семей отметили, что владеют адыгейским языком. Доля таковых из полиэтничных семей оказалась более чем в два раза ниже, составив 40%. Оценивая свое знание адыгейского языка, 67% детей из исключительно адыгских семей отметили, что думают на этом языке, свободно говорят, читают и пишут. Может читать и говорить, но думает на другом языке 17%, еще 12% говорит на адыгейском языке с затруднениями. Вовсе не знает язык 4% респондентов в этой группе. Только 17% опрошенных студентов из полиэтничных семей думают на адыгейском языке, чуть менее 6% может говорить, читать и писать на указанном языке, но думает на отличном от него. Более половины, 51% говорит на адыгейском языке с затруднениями и еще 14% вовсе им не владеет.

Полученные выше результаты становятся еще более отчетливыми при соотнесении их с вопросом: «На каких языках Вы говорите с окружающими дома, на работе/учебе, на улице?». Так, для домашнего общения респонденты из моноэтничных семей чаще используют адыгейский язык отдельно и/или совместно с русским: только адыгейский – 50%, русский и адыгейский – 34%. Лишь 11% респондентов в указанной группе говорит дома исключительно на русском языке. Еще чуть более 4% общаются на кабардино-черкесском. При этом домашнее общение на адыгейском языке в полиэтничных семьях встречается практически в пять раз реже, чем в моноэтничных – 11% против 50% соответственно. Заметно преобладание русского языка: 70% респондентов из семей с родителями разных национальностей указали этот язык, 20% опрошенных в данной группе общаются дома на русском и адыгейском языках. Стоит отметить, что этническая гомогенность или гетерогенность родителей влияет на выбор языка для общения на работе, учебе и улице. Так, 2% детей из моноэтничных семей для общения на учебе и/или работе применяют адыгейский язык, 1% кабардино-черкесский, треть – 33% русский и адыгейский и 63% исключительно русский язык. Во второй группе респондентов никто не отметил вариант с кабардино-черкесским, 3% указали адыгейский язык, 11% русский и адыгейский и 83% указали исключительно русский язык как язык для учебного и/или рабочего общения. Для 9% выходцев из этнически гомогенных семей общение на улице, происходит на адыгейском языке, для 2,5% – на кабардино-черкесском. Из этой группы 39% респондентов предпочитают русский

и адыгейский языки вместе и 46% исключительно русский. Опрошенные студенты, родившиеся в семьях с отличными по национальности родителями, в подавляющем большинстве (86%) общаются на улице исключительно на русском языке, 11% указали русский и адыгейский, только 3% адыгейский. И ни один не отметил кабардино-черкесский язык как язык уличного общения.

Любопытны результаты сравнения ответов на вопрос «Если Вы не общаетесь на родном языке, то по какой причине?» в указанных группах. Из моноэтнических семей 10% респондентов против 37% из полиэтнических не знают или слабо знают адыгейский язык. 57% опрошенных в первой группе отмечали, что окружающие не знают их язык. Среди выходцев из этнически гетерогенных семей, подобный вариант выбрало 17% респондентов. Испытывают стеснение при использовании родного языка примерно равные доли в обеих группах: 10% и 9% соответственно. При этом 36% детей из моноэтнических и 40% из полиэтнических семей заявили, что не имеют проблем при общении с окружающими на родном языке.

Тем самым, можно заметить, что между группой респондентов из этнически гомогенных и группой этнически гетерогенных семей имеется весьма существенная разница в отношении владения и применения адыгейского языка. Так, в семьях где оба родителя являются адыгами, в целом респонденты лучше знают язык, а также чаще применяют его в общении как дома, так и в различных сферах жизни. Оговоримся, что в первой группе студентов примерно равное соотношение выходцев из города и села: 47% и 44% соответственно. Респонденты же из полиэтнических семей чаще оказывались именно городскими – 69% против 26%. Этот факт, скорее всего также влияет как на уровень знания, так и на сферы применения. Если в сельской местности, преимущественно аульской, есть достаточное окружение для общения на адыгейском языке, то в городе, где доля адыгов крайне незначительна, подобных возможностей мало.

Полученные результаты позволяют хотя и с некоторой осторожностью согласиться, что оценка данная адыгейскому языку ЮНЕСКО, как «уязвимому», исходя из объяснения этого термина в «Атласе языков народов мира находящихся под угрозой исчезновения» («уязвимый язык – большинство детей говорит на этом языке, но он может быть ограничен определенными областями /например, домом/») (Атлас языков) является справедливой. Адыгейский язык в значительной мере используется в домашнем общении, преимущественно среди сельских жителей. Большой комплекс проблем: статусных, социальных и экономических являются труднопреодолимыми. Тем не менее, адыгская общественность продолжает свою борьбу за сохранение языка. Общественная организация «Адыгэ-Хасэ» ведет мониторинг оснащенности аульских школ литературой на адыгейском языке. Адыгейский государственный университет формирует программу по сохранению адыгейского языка, а его структурное подразделение – Факультет адыгейской филологии и культуры занимается разработкой новых программ обучения. Также, сотрудниками ВШЭ был создан корпус адыгейского языка, позволяющий работать с адыгейским языком как филологам, лингвистам, так и тем, кому он интересен.

К сожалению, несмотря на вышеназванные подвижки, экономический вопрос, а конкретнее узость рынка труда, где востребован или применим адыгейский язык и вытекающие из этого последствия, в виде малого престижа языка, слабого употребления еще не решены.

Источники и материалы

- Атлас языков – Атлас языков народов мира находящихся под угрозой исчезновения. <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap> (дата обращения: 06.07.21)
- А-Хэку – А-Хэку. в Адыгее родной язык пытаются сохранить с помощью гаджетов и мультфильмов. <https://aheku.net/news/society/v-adygee-rodnoj-yazyik-puytayutsya-soxranit-s-pomoshhyu-gadzhetov-i-multfilmov> (дата обращения: 11.07.21).
- Денисова 2018 – Денисова А.В. Языковые предпочтения молодежи республик ЮФО: сравнительный анализ ситуации в Республике Крым, Адыгее, Калмыкии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология, 2018. № 1S. С. 153-158.
- Женщины и мужчины 2020 – Женщины и мужчины России. 2020: Стат. сб. М.: Росстат, 2020. С. 239.
- Кавказский узел – Кавказский узел. ЮНЕСКО признала языки народов Северного Кавказа исчезающими. <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/150042/> (дата обращения: 11.07.21).
- Мы должны – Мы должны сохранить в себе все адыгское. <https://ok.ru/adigagroup/topic/63790238897422> (Дата обращения: 11.07.2021).
- Нехай 2008 – Нехай В.Н. Межнациональное общение как фундаментальное условие интернационализации духовной жизни в полиэтничном регионе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, 2008. № 2. С. 102–105.
- Унарокова 2017 – Унарокова Р.Б., Бижева З.Х., Цеева З.А., Унарокова Ф.Д. Лексикографическая база данных адыгских языков: основные принципы построения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2017. № 4 (207). С. 126–132.
- Цветков 2018 – Цветков О. М. Адыгейский язык: поиск путей сохранения и развития // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа: Материалы VI-ой Международной конференции, Магас, 10–13 мая 2018 года / ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет». Магас: ООО «КЕП», 2018. С. 489–495.
- Черкесскому языку – Черкесскому языку грозит исчезновение – Caucasus Times. <http://circassiatimesrussian.blogspot.com/2016/12/caucasus-times.html> (дата обращения: 11.07.21).

Научная литература

- Бабич И.Л. Современные языковые процессы как фактор национальной идентичности причерноморских адыгов-шапсугов // Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М.: ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2020. 260 с.
- Донезук М.Ю. Уважение старших у адыгов: возникновение и трансформация традиции // Вестник антропологии, 2020. № 4 (52). С. 210–223.
- Минакова В.Ю., Унарокова Р.Б. Принципы «трансязычия» и преподавание миноритарных языков на примере адыгейского языка: к постановке проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2020. № 4 (267). С. 74–81.
- Читаю Л.Р., Алентьева М.А. Использование иноязычных заимствований в современных адыгейских СМИ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2015. № 2 (153). С. 124–128.
- Cenoz J., Gorter D. Minority languages and sustainable translanguaging: threat or opportunity? // Journal of Multilingual and Multicultural Development. Informa UK Limited, 2017. Vol. 38 (10). P. 901–912.

Donezhuk, Murat Yu.

Linguistic Behavior and Competencies of the Adyghe Students

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/75-91

The linguistic competencies of the Adyghe students and, more specifically, the Adyghe language proficiency and its use have been a concern of the Adyghe community for a long time. The media and the Internet occasionally discuss the danger of “losing the Adyghe language” within young people and its “close death.” Based on the results of a mass survey conducted in the city of Maykop, the author examines the language competencies of the student youth of the Republic of Adygea and how they use different languages in different spheres. The study revealed that the Russian language prevails in street communication, in class, and at work. The Adyghe language is mostly spoken at home. At the same time, it is shown that urban youth, in contrast to the rural one, less often uses the Adyghe language, giving preference to Russian. Almost all respondents have an excellent command of Russian, i.e., they think, read and write in it, while the share of Adyghe students who equally estimated their command of Adyghe is less than 2/3. Based on literature review and interview materials, the author explains the processes of displacement of the Adyghe language into the home environment and the reasons for the significant imbalance in the language proficiency and use between the urban-born and village-born respondents. These reasons include economic changes, active urbanization and internal migration, a more multi-ethnic environment in villages, problems in schooling and higher education.

Keywords: *linguistic behavior; Adyghe language, Adyghe, Adygea, language use*

For Citation: Donezhuk, M.Yu. 2021. Linguistic Behavior and Competencies of the Adyghe Students. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 75–91.

Author Info: Donezhuk, Murat Yu. – PhD student, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: donmur@iea.ras.ru

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 19-09-00482 A.

References

- Babich I.L. 2020. Sovremennye jazykovye processy kak faktor nacional'noj identichnosti prichernomorskih adygov-shapsugov [Modern linguistic processes as a factor in the national identity of the Black Sea Circassians-Shapsugs]. In *Smert' jazyka – smert' naroda? Jazykovye situacii i jazykovye prava v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah* [Is the death of the language the death of the ethnic group? Language situations and language rights in Russia and neighboring countries], edited by S.V. Sokolovsky, E.I. Filippova, 210–223. Moscow: N.N. Mikluho-Maklay Institute of ethnology and anthropology RAN.
- Chitao L.R., Alent'eva M.A. 2015. Upotreblenie inozazychnyh zaimstvovanij v sovremennyh adygejskih SMI [The use of foreign-language borrowings in the Adyghe modern mass media]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* 153: 124–128.
- Donezhuk M. Ju. 2020. Uvazhenie starshih u adygov: vznikovenie i transformacija tradicii [Respect for the elders among the Adygs: the emergence and transformation of the tradition]. *Vestnik antropologii* 52: 210–223.
- Minakova V.Ju., Unarokova R.B. 2020. Principy «transjazychija» i prepodavanje minoritarnyh jazykov na primere adygejskogo jazyka: k postanovke problemy [Principles of “translanguaging” and minority language teaching using an example of the Adyghe language: problem statement]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* 267: 74–81.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПОЭЗИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИИ

УДК 39+325.14+82-1
DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/92-115

© А.Р. Примов, З.М. Оманов

ПОПРОБУЙТЕ ПОЖИТЬ ОТ РОДИНЫ ВДАЛИ...: СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПОЭЗИИ УЗБЕКСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ*

В ряду множества проявлений творческих инноваций в сфере культуры, привнесенных трудовыми мигрантами, важное место заняла поэзия на национальных языках. В данной статье речь идет о мигрантской поэзии на узбекском языке, которая стала заметным явлением сегодняшней российской действительности. Но пока она существует как бы в параллельной реальности – в социальных сетях и на сайтах в Интернете, и ориентирована, в основном, на трудовых мигрантов. Ее побудительные мотивы и главные темы отличны от тех, что заставляли поэтов братья за перо в обычных домашних условиях. Трудовые мигранты пишут о тоске по родине и по близким людям. Целый пласт мигрантской поэзии посвящен испытываемым на чужбине трудностям. Значительное место в творчестве мигрантов занимает тема социальной справедливости, защиты их прав и соблюдения трудового законодательства. Поэты доносят до нас обобщенную реакцию большинства мигрантов на те или иные общественные тенденции. В этом смысле мигрантскую поэзию можно считать своеобразным барометром состояния всей трудовой миграции. В России указанная тема остается практически неразработанной. Для обеспечения научного подхода к проблеме многое могут сделать ученые, работающие в этом направлении. Данная работа является первой попыткой анализа такого феномена, как поэзия трудовых мигрантов, пишущих на узбекском языке.

Ключевые слова: трудовая миграция, поэты-мигранты, мигрантская поэзия, узбекский язык, Россия, социальная справедливость

Ссылка при цитировании: Примов А.Р., Оманов З.М. Попробуйте пожить от Родины вдали...: Социальная справедливость в поэзии узбекских трудовых мигрантов в России // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 92–115.

Примов Азат Розмаатович – заместитель председателя Правления, Российское общество дружбы и сотрудничества с Узбекистаном (127025 Москва, ул. Новый Арбат, 19). Эл. почта: azataka@list.ru

Оманов Закир Меликузиевич – преподаватель, АНО ДПО изучения языков «Лингвистический центр» (117587 Москва, ул. Кировоградская, 9/4). Эл. почта: zakigoman101@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации по теме «Социальная справедливость в поэзии трудовых мигрантов из Центральной Азии в Москве»

Трудовая миграция из Узбекистана стала феноменом XXI века. Ряд последовавших за развалом СССР событий, которые привели к падению доходов и безработице в республике, снижение численности трудовых ресурсов в России, а также мировой тренд на глобализацию способствовали тому, что люди в Узбекистане стали смелее сниматься с места и уезжать в поисках достойных заработков (*Шеломенцев* 2018: 45–46). Лучшей доли (в смысле переезда на новое место жительства) не искали: ментальность узбеков такова, что для подавляющего большинства более радостной жизни, чем на родной земле, быть не может, это – императив. Узбеки никогда не пробовали жить в рассеянии, как, например, евреи, греки, армяне, немцы, представители которых подолгу жили среди узбеков и воспринимались просто добрыми соседями, без погружения во внутренние проблемы этих народов. Теперь и узбеки, которые весь советский период своей истории находились в состоянии своеобразного этнического покоя, стали меняться. Соответственно, тезис о немобильности узбеков может быть подвергнут переосмыслению, поскольку события последних трех десятилетий демонстрируют у узбекских мигрантов примерно те же схемы поведения, что и у мигрантов в Европу и Северную Америку из других стран Азии. Однажды начавшись, миграция может повторяться и продолжаться бесконечно долго. Даже возвращение домой можно рассматривать как новую миграцию, за которой возможен обратный отъезд в ту же Россию (*Абашин* 2015: 125–126).

Проживающие в соседних с Узбекистаном странах узбеки не являются диаспорой, а представляют собой ирреденту. Таковы узбеки Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Афганистана. Незначительную часть узбеков Афганистана можно назвать диаспорой, но и то с натяжкой, так как они всего лишь переместились в силу разных причин за Амударью, на территорию узбекских провинций Афганистана (*Гродеков* 1883; *Узбеки* 2021).

Имевшие место в начале XX века волны эмиграции носили принципиально иной характер и не могли быть генератором опыта выживания за границей для сегодняшних трудовых мигрантов в силу, хотя бы, отсутствия контактов с соплеменниками «за рекой». Массовый выезд населения с территории нынешних среднеазиатских республик и, в частности, из Узбекистана, в период с 1917 по 1934 годы был попыткой сохранить религиозную и национальную идентичность после революции 1917 года в России и последовавших за этим событий в Узбекистане. Борьба с так называемыми пережитками прошлого, коллективизация, антирелигиозная кампания новой власти привели к сопротивлению части местных жителей, ответом на которое стали репрессии, понудившие сотни тысяч узбеков покинуть родные пределы. Но жизнь беженцев первой волны за границей отличалась от существования сегодняшних мигрантов в России, прежде всего, тем, что беженцы расселялись среди родственных по языку и религии народов Афганистана, Западного Китая, Турции, Ирана и мусульманской Индии (Пакистана). Многие относительно быстро адаптировались и включились в общественные и экономические процессы, если даже и не находя полной поддержки коренного населения, то не испытывая враждебности по отношению к себе¹. В России приезжие

¹ Как считает К.Абдуллаев, после подавления большевиками Кокандской (Туркестанской) автономии, на территориях современных Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и Кыргызстана произошло как минимум две волны массовой миграции людей, бежавших от Советской власти. Политические мигранты – джаиды и басмачи, религиозные беженцы – мухаджеры и простой народ образовали почти миллионный отряд среднеазиатской эмиграции, в основном, в Афганистан и Западный Китай (*Абдуллаев* 2009: 10–13, 343–345).

из Узбекистана, как показывает ряд проведенных нами интервью с поэтами-мигрантами, ощущают оторванность от дома, агрессивность окружающей среды, проявления национализма, несправедливость при оплате труда. В советское время узбекистанцы ездили на ЗиЛ и другие автозаводы работать по оргнабору, в России освоением целинных земель занимались специализированные тресты из Узбекистана, но отношение тогда и сейчас к переезду кардинально отличается. «Отличие гастарбайтеров от лимитчиков заключается в том, что социальные, статусные и поведенческие различия между приезжими и горожанами дополнительно маркируются теперь этническими признаками» (Абашинов 2012: 7).

В свете сказанного представляется важным определиться с терминами. Для обозначения трудовых мигрантов используются термины «*мухаджир*» и «*мусафир*». Под мухаджирством принято понимать случаи массового и целенаправленного переселения мусульман из немусульманских стран в мусульманские страны из-за нежелания мириться с положением религиозного меньшинства или в связи с иным этнорелигиозным давлением. Таким образом, считаем не совсем корректным обозначать термином «*мухаджир*» современных нам трудовых мигрантов из Узбекистана и в целом из Центральной Азии: он несет в большей степени религиозный оттенок, в то время как нынешняя массовая трудовая миграция имеет социально-экономические корни. Употребление термина «*мусафир*» в наибольшей степени отражает состояние подавляющего большинства сегодняшних узбекистанцев в России. Мусафир – это путник, который находится в «*сафаре*» – путешествии, конечным пунктом которого становится родной дом. Это точно отражает и настроения большинства трудовых мигрантов: заработать денег и вернуться на родину, домой, к семье.

Краткая характеристика трудовой миграции из Узбекистана

Численность постоянного населения Республики Узбекистан по состоянию на 1 января 2021 г. составила 34 558,9 тыс. человек (Госкомстат 2021). По оценкам Минтруда республики, в предпандемийном 2019 году около 2,6 млн. граждан Узбекистана трудились за рубежом, из них 80-85% работали в России. На начало 2021 г. численность трудовых мигрантов из Узбекистана в России составляла 1,2 млн. человек (Минтруда 2021). В структуре узбекистанской трудовой миграции мужчины и женщины распределяются в пропорции 5:1 (Назаров, Назарова 2015: 57). Они заняты в строительстве, ЖКХ, транспорте, торговле и общественном питании, клининге, а также в других отраслях. Интересна динамика денежных переводов из России в Узбекистан. Достигнув почти \$ 7 млрд в 2013 г., общая сумма денежных переводов в течение последующих 3 лет снизилась до \$ 2,74 млрд в год. Основной причиной стали экономический кризис в России и резкая девальвация российского рубля в 2014 г.. Начиная с 2016 г. и по сей день сумма ежегодно отправляемых переводов из России в Узбекистан восстановилась только до уровня \$ 4 млрд (CAAN 2021). В этих сухих цифрах спрятались те 300-400 долларов, которые каждый мигрант отправляет ежемесячно домой и на которые существует его семья. Эти деньги копятся, на них проводятся празднества, строятся дома, покупаются машины, оплачиваются контракты на учебу детей. И это основной мотив, который удерживает молодых и не очень молодых мужчин вдали от дома и семьи; из-за этих денег оставляют на родине своих детей и приезжают в Россию на заработки женщины, чтобы ухаживать здесь

за чужими детьми, для того, чтобы поднять своих. Дети, брошенные дома на попечение стариков, родственников или даже соседей, это разновидность социального сиротства. Но даже если использовать термин транснациональная семья, разлученным с родителями детям от этого не легче (*Борисова* 2016: 228–231). И об этом пишут поэты и поэтессы из числа трудовых мигрантов, воспевая или проклиная тяжкую долю, которая выпала им на чужбине.

Риск излар она кушдай,
Умрим ўтади тушдай,
Назаримда хомушдай,
Менинг онам мусофир.

Мать ищет долю, как птица,
Её жизнь пролетает, как сон,
Она мне представляется всегда грустной,
Моя мать – мигрантка, – пишет поэт-мигрант Фарход Темиртирнок.

Тема трудовой миграции достаточно хорошо изучена, защищен ряд докторских и кандидатских диссертаций, опубликовано большое количество статей по политическим, экономическим, социальным аспектам этого явления, подробно рассмотрены вопросы интеграции мигрантов в российское общество и их адаптации в принимающем социуме. Если брать тему миграции из Узбекистана в Россию, то следует назвать имена таких ученых, как С. Абашин, В. Мукомель, В. Пешкова. Этот ряд можно продолжать, поскольку, проблемы миграции исследуют также в региональных российских вузах и научных учреждениях, изучают ее и в Узбекистане, других странах-донорах. Значительный вклад в изучение и совершенствование социальных и правовых аспектов миграции вносят российские общественные организации, а также ответственные СМИ (*Примов* 2016).

Сейчас в Узбекистане идет активное осмысление феномена миграции в литературе и искусстве, в т.ч., в кино. Народная артистка республики Юлдуз Усманова посвятила этому явлению песню «Мусофир», режиссер Юсуп Разыков снял фильм «Гастарбайтер». Список можно продолжить.

Объект и предмет исследования

Объектом данного исследования являются трудовые мигранты, которые не просто работают, но и описывают в стихах свои переживания или эмоции. Предмет исследования – поэзия трудовых мигрантов, пишущих на узбекском языке. Ни один из тех поэтов и стихотворцев, с кем довелось поговорить или чье мнение удалось выяснить посредством соцсетей, не является профессиональным литератором. Более того, никто из них не получил высшего филологического образования, а также не имеет степени бакалавра ни в какой другой области, кроме одной – учителя математики. С сожалением приходится констатировать, что целый пласт мигрантской поэзии целиком и полностью посвящен испытываемым на чужбине трудностям, и в рифмованной форме доносит до слушателей и читателей рассказы о печалях и горестях, утратах и разочарованиях, обмане и несправедливости.

Мы не ставили перед собой задачу дать литературоведческий анализ или литературную критику поэзии; более важным представляется показ изменений в мировоззрении, мировосприятии и мироощущении мигрантов и их влияние на поэтическое творчество. Это и стало предметом исследования.

Мигрантское творчество объединяет общий знаменатель: искренность. Поэтому, работы мигрантов можно считать поэзией, а их авторов – поэтами. Все окружающие их так и называют: шоир (поэт). В том пиетете, который испытывают к поэтам, пишущим на родном языке, окружающие их люди, есть и благодарность за помощь в сохранении этнической идентификации, и подспудная тоска по нормальной устроенной жизни с налаженным бытом, когда был дом, семья, культурные развлечения. Не случайно заметное место в жизни мигрантов занимают выступления самодеятельных и профессиональных артистов на празднествах-тоях, когда звучат не только современные, но и глубокие лирические фольклорные песни. Узбекский фольклор, в изучение и систематизацию которого внесли свой вклад и русские ученые, очень богат. Народная музыка до сих пор исполняется на празднествах, а древние обрядовые песни, сопровождающие человека от рождения до смерти, вошли в век нанотехнологий, практически не изменившись, и продолжают выполнять свою важную миссию (Джаббаров 2007: 244–249; Примов 2007: 3–5). Как продолжение народных традиций, в мигрантской среде присутствует устойчивая тяга к поэтическому осмыслению своего положения, ответом на что и становится творчество поэтов-мигрантов.

Стихи узбекских авторов могут рассматриваться в общем ряду художественных произведений, повествующих о жизни мигрантов. Отметим, что в недавних этнологических исследованиях уделялось внимание преимущественно основным каналам массовой миграции XX века, к которым относятся: европейская миграция в Северную Америку или Австралию; миграция из бывших колоний в Европу (черная британская литература, британо-азиатская литература, французская литература Бера); ситуации этнической чистки, такие, как массовая миграция людей из Индии в Пакистан и наоборот во время раздела Индии; программы для гастарбайтеров (турки, итальянцы или греки в Германии и Голландии); ситуации изгнания, например, изгнанных немецких диссидентов в нацистский период (Литература 2021).

Значительный вклад в разработку темы внес профессор Витватерсрандского университета в Йоханнесбурге Давид Коплан (David Coplan), который написал ряд работ о мигрантской поэзии южноафриканских народов. Его исследования показали, что культура рабочего класса из Африки не является маргинальной из-за влияния апартеида, как ее описывали многие исследователи. На примере южноафриканских агропастов-скотоводов Басото Давид Коплан исследовал взаимосвязь между их социальной трансформацией в рабочих–мигрантов и музыкально-литературными формами, созданными ими для выражения этой трансформации (Coplan 2006: 223–241). Поэтические тексты южноафриканских трудовых мигрантов, которые потом легли на музыку, схожи с мыслями узбекских трудовых мигрантов в России: «Я работал дольше, чем жил...», – поёт африканский трудовой мигрант из Лесото. Это перекликается с настроением многих мигрантов из Узбекистана, работающих в России. Здесь в понятие «мусофирлик» вкладывается глубокий смысл – страданий, безысходности ситуации и тяжелого труда вдали от Родины.

Мусофирлик бошимизда,
Мазза йўқдир ошимизда,
Энг гуллаган ёшимизда
Мусофирда юрибмизда.

Мы несем крест трудового мигранта,
И еда наша не вкусна,
В самые цветущие годы
Мы несем этот мигрантский крест, – горюет поэт.

Проблема трудовой миграции из республик бывшего Советского Союза в Россию стала заметной лишь в последние 20–25 лет. Среди зарубежных исследовате-

лей культурно-образовательного аспекта постсоветской трудовой миграции можно выделить работы Александра Тымчука (Alexander Tymczuk) из Университета Осло.

В России же тема поэзии трудовых мигрантов остается практически неразработанной. Первой серьезной попыткой осмысления этого явления стала работа Тахира Каландарова из ИЭА РАН «Косточка сладкая, на чужбине я...: поэзия таджикских трудовых мигрантов в России», выполненная на базе Центра славянско-евразийских исследований в Университете Хоккайдо, Япония (Каландаров 2016). Что касается поэзии узбекских трудовых мигрантов, то подобных исследований в России не проводилось. Не велись они, насколько нам известно, и в Узбекистане.

Методология исследования

Трудовые мигранты, как известно, не представляют собой некую единую структуру, члены которой находятся в постоянном контакте. В России у них другая жизнь, которая подчинена целям работы, зарабатывания денег и краткосрочного отдыха для восстановления сил. Этот процесс для каждого рабочего-мигранта многократно повторяется, складываясь в месяцы и годы. Есть особенности в разных секторах экономики, но интенсивность эксплуатации работников везде примерно одинаковая. Например, рабочие-узбеки на строительстве тоннелей и станций Московского метрополитена спускаются под землю в 8 утра и поднимаются наверх в 19.00 или в 20.00, т.е., трудятся по 10-12 часов. Смена в ресторане также составляет 12 часов (Довгалева 2015: 252). В мигрантской жизни практически нет тоев и иных мероприятий, которые служат формой культурной самоорганизации в местах исхода и на которые там съезжаются многочисленные родственники, соседи и друзья. Если судить по статистике московских властей, на Навруз – самый главный праздник года, где собираются мигранты, приходит несколько десятков тысяч человек. И это при том, что в московском регионе находятся и работают официально и неофициально до половины всех трудовых мигрантов, временно пребывающих в России. И даже количество собирающихся на два главных праздничных молебна года в мечетях Москвы мигрантов – Ураза-байрам и Курбан-байрам – на порядок меньше числа всех приезжих работников в столичном регионе (по данным московских властей на 11 августа предпандемийного 2019 г.) (Навруз 2019; Курбан-байрам 2019).

Основным местом контактов трудовых мигрантов в этих условиях становятся социальные сети. В «Одноклассники», «Фейсбук», «ВКонтакте» и другие соцсети мигранты заходят, чтобы узнать новости, рассказать о событиях в своей жизни, поделиться проблемами и редкими радостями. В YouTube (Ютуб) есть целые сообщества мигрантов по интересам. Есть и сообщества любителей поэзии, там публикуют свои новые стихи многие самодельные поэты из числа работающих в России узбекистанцев. Поэтому, мы избрали основным методом работы мониторинг указанных социальных сетей и видеохостинга Ютуб.

Кроме того, была возможность постоянно общаться с трудовыми мигрантами в силу работы в одной из мигрантских правозащитных структур и сотрудничества с рядом родственных организаций. Таким образом, некоторые поэты были знакомы лично, другие – по рассказам друзей и знакомых. Но с творчеством основной части поэтов-мигрантов довелось ознакомиться в социальных сетях.

Трудовые мигранты – это молодые трудоспособные люди в возрасте от 20 до 50 лет. Примерно в этом же возрастном диапазоне находятся и поэты-мигранты. Их основные

темы – это тяготы жизни вдали от дома, условия жизни и работы в России, вопросы взаимоотношений с местными жителями и с работодателями. Кто-то описывает впечатления от посещения достопримечательностей, другие пишут оды. Есть и любовная лирика. Несмотря на различия в возрасте, жизненном опыте и мастерстве, все опрошенные поэты-мигранты называют побудительным мотивом к творчеству трудности жизни на чужбине и тоску по дому и близким. Среди причин, заставивших взяться за перо, были также желание самовыразиться, получить одобрение от друзей и коллег, рассказать оставшимся дома о переживаемых трудностях. Целый пласт поэтических работ посвящен производственной теме, когда в стихотворной форме, подчас, шуточной, описывается трудовой процесс на строительном объекте (*Судесда* 2021). Такие стихи помогают разрядить обстановку, снять усталость, поддержать друг друга. Их, скорее всего, можно отнести к своеобразной коллективной психотерапии. Есть и собственно шуточные стихи, один мигрант даже выпустил книжку, которая так и называется – «Кулиб яшанг» (*Живите с улыбкой*) (*Пирназар* 2018). Поэт считает, что смех – это тоже ответ на тяготы мигрантской жизни и оторванность от дома, попытка преодолеть трудности, не потеряв при этом лица и сохранив присущий узбекам добрый нрав.

Все поэты, с которыми довелось пообщаться лично или заочно (посредством социальных сетей), были удивлены тому, что запущен процесс изучения такого феномена, как мигрантская поэзия. Им казалось, что до них никому нет дела. Это можно понять с учетом того, что не только до поэтов и их стихов, но и вообще до трудовых мигрантов из Узбекистана до недавних пор (еще пять лет назад) никому не было дела. В республике делали вид, что нет такого явления, как трудовая миграция (*Абашин* 2012: 8). А власти принимающей стороны рассматривали мигрантов как новую нефть и совсем не хотели заниматься их насущными проблемами. Сейчас Узбекистан активно взялся опекать своих мигрантов, в России ситуация медленно, но тоже меняется. Если с 2022 г. будут внесены изменения в законодательство о миграции в соответствии с новой Концепцией миграционной политики, то трудовых мигрантов не станут выдворять за два нарушения КоАП РФ, даже когда речь идет о неправильной парковке или безбилетном проезде в общественном транспорте или отсутствии маски или перчаток (*Указ* 2021).

Приведем наиболее характерный пример стихотворного творчества мигрантов, взятый из Ютуба.

Автор не указал своего имени, и это тоже особенность поэтов-мигрантов – анонимность (*Мусофир* 2021). Это говорит о том, что не важно кто сказал, важно – что

МУСОФИР

Мусофирлик бошимизда,
Мазза йўқдир ошимизда,
Энг гуллаган ёшимизда
Мусофирда юрибмизда.

Гоҳ соғиниб йиғи келар,
Оллох сабрин ўзи берар,
Бошга тушиб кўзинг кўрар.
Мусофирда юрибмизда.

Атроф тўла ўзга эллар,
Ишлаб гоҳо оғрир беллар,
Оқар сувдей ўзи йиллар.
Мусофирда юрибмизда.

МИГРАНТ

Мы несем этот крест,
И еда наша не вкуса,
Самые цветущие годы
Проводим в трудах вдали от Родины.

Иногда от тоски хочется плакать,
Дай Б-г терпения,
Узнаешь, что это, если попадешь в такую ситуацию.
Мы несем этот мигрантский крест.

Вокруг много чужих людей,
Иногда от работы болит поясница,
Годы текут, как вода.
Мы несем этот мигрантский крест.

сказал. Некоторых из них нам удалось деанонимизировать, найти и даже обстоятельно поговорить на темы творчества и жизни в целом. Но большинство не скрывает имен.

Интервью с Бахтиером Эшмуратовым

Бахтиер Эшмуратов – мигрант со стажем, живет и работает в России почти тридцать лет. Беседу мы начали на русском, потом перешли на узбекский.

Бахтиер Эшмуратов: Родился в Хорезме. В России с 1993 года. У меня вид на жительство, получил в Пензе, этот город для меня – как вторая родина. Почти половина жизни прошла в России, я знаю, что такое быть мусафиром. У меня есть такие строки:

«Хушёрликдир, сергакликдир менинг шиорим.

Йилларга тенгдир сенсиз ўтган ҳар куним, туним, диёрим...»

«Мой девиз – это остороженность и бдительность.

О, край родной, каждый день, проведенный вдали от тебя, равен многим годам».

Скучаю по дому, по родным, по детям, у меня их четверо – три девочки и один мальчик. Все девочки замужем, от двух дочерей у меня есть трое внуков. Готовится родить и третья дочь. Если говорить о моем наследнике, то сын хорошо учится и готовится поступать в медицинский, будет врачом.

Где вы публикуете свои стихи?

Б.Э.: Размещаю в соцсетях, в частности, на «Одноклассниках». На этом сайте есть также моя поэтическая страничка. Кроме того, меня можно по запросу найти в Ютубе, где я сам читаю свои стихи.

О чем ваши стихи?

Б.Э.: Тема тоски – она послужила толчком. Мои стихи о любви – к Родине, к отцу и матери, к моим детям. Если сказать обобщенно, то я излагаю на бумаге свои переживания. Очень часто делаю это со слезами на глазах – иногда в прямом смысле слова, иногда – в переносном.

Какие трудности вы испытывали на своем жизненном пути?

Б.Э.: Какие трудности, говорите... Их немало было, всех не перечислить. Много несправедливости.

Что такое, по-вашему, справедливое общество?

Б.Э.: Справедливое общество, это когда к тебе относятся соответственно. Если в месяце был 31 день, то я старался все дни работать. И это продолжается почти 30 лет. Иногда к нам относятся не так, как должно. Несправедливость выражается и в оплате труда, и в отношении к нам некоторых окружающих местных людей и работодателей. Хотелось бы это исправить, чтобы люди в России понимали, что мы приехали работать, зла им не желаем. Я прекрасно знал, во что ввязываюсь и как тяжела доля трудового мигранта.

Вы в стихах хотите бросить все и уехать на Родину...

Б.Э.: Бывает, когда сильно припрёт. Но, это невозможно: родители пенсионеры, сын готовится поступать в вуз, в семье я один кормилец. Живу с мыслями о них. Дома их не прокормлю, поэтому, другого пути у меня нет, буду также продолжать здесь жить и работать по 12 часов. Но, мне кажется, что несправедливое отношение

со стороны окружающих я испытываю в меньшей степени, чем другие. Или привык, или научился не реагировать...» (ПМА 1)

Приведем отрывки из нескольких стихотворений Бахтиер-шоира, опубликованных на сайте «Одноклассники» и в Ютубе.

ЮР, УКАЖОН, УЙГА ҚАЙТАЙЛИК...

Мунис онам қариб қолибди,
Юр, укажон, уйга қайтайлик.
Мунис онам кутиб қолибди,
Юр укажон, юр, уйга қайтайлик...

...Биссиз оқди онам кўзларидан ёш,
Юр, укажон, уйга қайтайлик.
Букилмасин биссиз отамнинг қадди,
Юр, укажон, юр, уйга қайтайлик...

...Яна бир йил, йўқ, йўқ, қишламайлик,
Юр, укажон, уйга қайтайлик.
Яна бир йил конимни сўрмасин,
Юр, укажон, юр, уйга қайтайлик.

Мусофирчилик бизга эмасди-ку мерос,
Юр, укажон, уйга қайтайлик.
Тупурдим совукларию, патентлариға,
Юр, укажон, жон укам, уйга қайтайлик.

Бу не бало, бу не кўргулик,
Юр, укажон, уйга қайтайлик
Оч қолай, хор бўлай, лек юртимда ўлай,
Юр, укажон, жон укам, уйга қайтайлик.

ДАВАЙ, БРАТИК МОЙ, ВЕРНЁМСЯ ДОМОЙ...

Мать-утешительница моя состарилась,
Пошли, братик мой, вернёмся домой.
Мать-утешительница моя заждалась,
Пошли, братик мой, пошли, вернёмся домой...

...Без нас слёзы текут у матери,
Пошли, братик мой, вернёмся домой.
Без нас отец пусть не сгорбится,
Пошли, братик мой, пошли, вернёмся домой.

...Ещё год, нет, нет, не будем зимовать,
Пошли, братик мой, вернёмся домой.
Чтобы ещё один год не пили мою кровь,
Пошли, братик мой, пошли, вернёмся домой.

Странствовать, быть мигрантом не наше
предназначение,
Пошли, братик мой, вернёмся домой.
Плевать хотел я и на морозы, и на патенты...
Пошли, братик мой, родной братик, вернёмся
домой.

Что за бедствие, что за судьба?

Пошли, братик мой, вернёмся домой.
Даже если буду голодать и унижаться, умирать буду дома.
Давай, братик мой, родной братик, вернёмся
домой...

Ни у кого на роду не написано всю жизнь быть трудовым мигрантом, страдать от разлуки и влачить жалкое существование в предложенной системе координат, где чуть ли не главной ценностью является пресловутый *патент*. И в душе поэт, как, наверное, и всякий трудовой мигрант, рвется на свободу, пытается разорвать этот порочный круг социальной несправедливости и человеческих унижений. А внешне все иначе: просыпаясь в душной комнатухе перенаселенного общежития или в ка-морке при стройке, миллионы мигрантов начинают свой очередной трудовой день, чтобы закончить его через 10-12 часов и после легкого ужина без сил свалиться в постель. Перед этим немного поюзав в интернете. И так изо дня в день, из года в год...

ТЎРТЛИК (ЧЕТВЕРОСТИШИЕ)

Россия бағри кенг ва бепоён давлат,
Мусофир бўлиб юрибман рискимни чўплаб,
Рискимни бер, Оллоҳим, сенсан ягона,
Болларим меҳридан қилма мени бегона.

Россия широкая душой и просторная страна,
Странствуя, я тут зарабатываю себе на хлеб,
Аллах, ты мой единственный, не лишай меня доли
И не отчуждай от любви моих детей.

В мигрантской жизни человек часто испытывает дискомфорт. В России это особенно заметно, когда и по телевизору, который смотрят мигранты, и в газетах, которые они не читают в силу языкового барьера, часто идет речь о том, что мигранты – лишние люди. Многие коренные россияне искренне полагают, что все мигранты – нелегалы: так сообщают в СМИ. Агрессивность окружающей среды и несправедливое отношение нарастают по мере интенсификации антимигрантских разговоров в масс-медиа. Трудовые мигранты весь этот негатив ощущают на себе. Об этом пишут и поэты. Но зла не держат. Бахтиер-шоир прямо говорит, что «Россия широкая душой и просторная страна»¹, и в ней находят себе место и кусок хлеба миллионы приезжих разных национальностей из стран СНГ. Синдром воспоминаний об СССР как притягательном моменте внешней занятости в России отмечает И. Довгалева (*Довгалева* 2015: 251). А вот частое обращение к Б-гу может говорить о постоянно преследующем поэта-мигранта ощущении незащищенности, отсутствия социальной справедливости, когда хочется призвать на помощь высшие силы. «Воспеваю Родину, Бахтиер мирится с судьбой», – сообщает поэт. Невысказанная боль, противостояние трудностям – это еще один мотив творчества.

Схожая судьба и у поэта-мигранта Рустама Пирназарова. Он приехал в Россию из Таджикистана, этнический узбек, стихи слагает на узбекском. Они с Бахтиер-шоиром Эшмуратовым многим похожи: обоим под пятьдесят, как один, так и второй приехали на заработки еще на заре миграции, когда она не была такой массовой. Оба родились в СССР и хорошо знают русский язык. Рустам-шоир даже иногда пишет стихи на русском. И оба воспринимают Россию не в черно-белых тонах, как, может быть, некоторые молодые люди, а в цвете, со всеми ее плюсами и минусами. Р. Пирназаров издал дома, в Худжанде, два сборника стихов. Б. Эшмуратову это, судя по всему, еще предстоит: начав творить, чтобы излить на бумагу свою тоску, Бахтиер-шоир стал настоящим поэтом и, без сомнения, видным человеком среди мигрантов, чье слово имеет вес, а творчество востребовано. Надеемся, придет время и эти два поэта, два цельных человека познакомятся и мигрантская поэзия на узбекском языке от этого творческого и человеческого сотрудничества только выиграет, а призыв к социальной справедливости, звучащий в их стихах, будет услышан не только соотечественниками.

Интервью с Рустамом Пирназаром

Расскажите о себе...

Рустам Пирназар: Я, Пирназаров Рустам Холматович, родился 22 июня 1973 года в пос. Табашар, Ленинадской (ныне Согдийской) области Таджикской ССР. Отец

¹ Здесь, видимо, отсылка к старой советской песне («Широка страна моя родная...»), мотив и слова которой сохранились в памяти поэта, человека из той эпохи.

был учителем математики. Мать работала на заводе. Ей вот-вот должны были вручить орден, но Союз распался. Образование среднее. В РФ с 1997 года, тружусь, в основном, в сфере строительства. 31 марта 2021 года получил гражданство РФ. Теперь у меня двойное гражданство.

Публиковались ли ваши стихи на родине?

Р.П.: С 1995 года мои стихи печатались в газетах и журналах. По настоянию поэта Шарифа Нуриддина увидела свет в 2016 году моя первая книга – «Мусофир дил дафтари» (Тетрадь сердца путника/мигранта). Вторая моя книга в 2018 году издана под названием «Кулиб яшанг» (Живите с улыбкой).

О чем вы писали дома? О чем пишете в России?

Р.П.: Первые стихи написал в шестом классе, они были о любви. Дома писал больше лирические стихи. Здесь толчком стала тоска по дому и близким.

В каких социальных сетях размещаете стихи, есть ли у вас наставники по «цеху»?

Р.П.: в «Одноклассниках». Творческими замыслами делюсь с журналистами и поэтами Шарифом Нуриддином и Акмалем Каландаром, они остались на родине.

Знакомы ли вы с другими поэтами-мигрантами, пишущими на узбекском языке? Если да, поддерживаете ли контакт с ними?

Р.П.: Честно говоря, у меня и времени нет для общения с другими поэтами. Я не считаю стихосложение профессией. После трудового дня иногда нахожу силы изложить свои переживания в стихах и мне от этого становится легче на душе.

Как вы сами оцениваете своё творчество?

Р.П.: Пишу не для похвалы и признания, но одобрение и поддержка со стороны поклонников меня радуют. Мне знакомые-мигранты говорят, что в своих стихах я почти точь-в-точь описываю их мысли. Меня часто приглашают вести свадьбы и другие торжества, поскольку я еще известен как автор юмористических стихов, человек, который может развеселить. А это важно в мигрантской жизни.

Вас устраивает ваше положение в России?

Р.П.: в целом устраивает. Для мигранта главное – работа и зарплата. Заметил интересную особенность: чем южнее регион – тем меньше справедливости при оплате и более наглые и бессовестные работодатели. Чем севернее – тем меньше несправедливости, хотя и тут обманывают. Москва где-то в середине этой шкалы.

Почему вы тогда не уедете домой, а соглашаетесь с трудностями?

Р.П.: Дома на родине с тем уровнем кумовства, который там есть, простым людям трудно заработать на достойную жизнь и обеспечить будущее своих детей. Вот и терпим, выкручиваемся: тут много трудностей, а дома работы нет.

Есть ли взаимопомощь среди мигрантов?

Р.П.: Есть, она проявляется в разных ситуациях. Например, если кто-то умер, то в соцсетях или в телеграм-каналах объявляется сбор средств. Раньше их тратили на отправку груза-200 и билеты для сопровождающих, теперь перевозку тел умерших оплачивают посольства. Собранные деньги передаются на родину, их вручают семье умершего мигранта как помощь.

Насколько справедливо мигранты относятся друг к другу?

Р.П.: Когда речь идет о зарабатывании денег, то о справедливости по отношению к соотечественникам многие забывают. В мигрантской среде стало много посредников, которые наживаются на своих. Они торгуют местами в очереди, помогают оформить регистрацию, патент... Иногда мне кажется, что кто-то специально усложнил все эти процедуры, чтобы внедрить посредников и с их помощью зарабатывать деньги. Тут до смешного доходит. Мне рассказывали, что в некоторых кишлаках дети на вопрос «кем хочешь стать» отвечают: «посредником». Это русское слово стало обозначать на узбекском профессию. Посредники много зарабатывают, соседи видят, что они строят дома, покупают машины, вот дети и равняются на них. А те, кто попроще, хотят стать «россиячи», т.е., трудовыми мигрантами, зарабатывающими на жизнь в России. Мы в детстве мечтали стать космонавтами и инженерами...» (ПМА 2).

КАМИМ БОР

Мусофирлик дамим бор,
Дилда доим ғамим бор.
Молим тўлиб-тошса хам,
Ўзга элда камим бор...

...Мендай ғариб қанча жон,
Излагани бурда нон,
Ачинаман кўп ёмон,
Ўзга элда камим бор.

МНЕ НЕ ХВАТАЕТ...

Теперь я странник,
В сердце моём всегда печаль.
Если даже я не беден,
На чужбине мне чего-то не хватает...

...Столько таких же бедолаг, как я,
Ищут себе пропитания,
Я очень сильно сожалею,
На чужбине мне чего-то не хватает.

Рустам Пирназар

Мигрантов толкает на осознанные лишения желание построить дом, сыграть свадьбу, дать хорошее образование детям. На этот момент обращает внимание Алишер Илхамов (Alisher Ikhamov). В обязанности главы патриархально устроенной узбекской семьи входят женитьба и выдача замуж детей, постройка дома для каждого женатого сына, выучить детей и отметить все ритуалы, связанные с переходами из одного жизненного цикла в другой (Ikhamov 2013: 264-265). Если перевезти всю семью в Россию, то он один не потянет такие расходы. Если взять с собой только жену и детей, тогда некому будет ухаживать за старыми родителями. И трудовой мигрант не только терпит тяжелые, порой, унижительные условия труда, вопиющую несправедливость при оплате, но и стойко выдерживает самый главный удар – длительную разлуку с родными. Вот почему мигранту-страннику постоянно чего-то недостаёт. Да, тут можно заработать больше, чем у себя на родине, но и тяготы соответствующие.

КУНИ КУН ЭМАС

Бедор қийин олади нафас,
Мусофирнинг туни тун эмас,
Беҳижолат нонини емас,
Мусофирнинг куни кун эмас...

...Ҳам оилам ҳам уй-у жойим,
Не бўлди деб эзилар доим,
Ўтмайди ҳеч бўлиб мулойим,
Мусофирнинг куни кун эмас...

Ота-Оналарин соғида,
Гох етолмай керак чоғида,
Куйиб ўтар ҳижрон доғида,
Мусофирнинг куни кун эмас...

...Чиқар вақти келса чиқар жон,
Ҳаммаси ҳам қайтмас соғ омон,
Ўлиб қолса ўлиги сарсон,
Мусофирнинг куни кун эмас...

Рустам Пирназар

ЕГО ДЕНЬ – НЕ ДЕНЬ

Днем он тяжело дышит,
У мигранта ночь не ночь,
Без смущения не ест свой хлеб,
У мигранта день не день...

...Мыслями о семье и доме
Постоянно занята его голова,
Они не проходят сами по себе.
У мигранта день не день.

Пока родители здравствуют,
Не получается до них доехать,
Так проходит время в разлуке.
У мигранта день не день...

...Настанет час – душа покинет тело,
Не все вернутся невредимыми,
Если умрёт, то тело на распутье.
У мигранта жизнь не жизнь...

Рустам Пирназар

Поэт описывает жизнь мигранта как она есть: изнурительный труд днем, тревожные мысли по ночам, которые не дают спать. Как навестить родителей, пока они живы; как попасть на похороны близких, когда ты находишься за три-четыре тысячи километров от дома? И мигрант-мусафир даёт совет: не проводи жизнь на чужбине, а живи дома и ищи пропитания на Родине. В противном случае и у тебя будет так: день – не день и ночь – не ночь.

Интервью с Турсуной-опа Жумаевой

Наверное, Турсуной-опа Жумаева – самая необычная из всех поэтов-мигрантов. Ей 68 лет. Живет в Москве. Закончила в Самарканде пединститут, работала учителем математики. Приехав в Россию 20 лет назад, где только ни трудилась. В своих стихах поэтесса делится пережитым, дает советы молодым и настраивает их на позитив. Россия – это наша страна, считает Турсуной-опа, потому что наши отцы и деды защищали ее в войну. Ее отличает искрометный юмор и неподдельная искренность. Это помогает выстоять в тяжелейших условиях, побеждать трудности и быть примером своим детям и всем тем, кто имеет счастье с ней общаться. Несколько лет назад у Турсуной-опы вышла книга под названием «Курганларим... Кечирганларим...» (Увиденное...Пережитое...). Своими силами она организовала перевод и собирается издать ее в России на русском языке, делая, таким образом, важный шаг по пути межэтнической культурной коммуникации.

В самом начале беседы поэтесса привела пословицу про мигрантов:

Мусофирнинг нони қаттиқ бўлади,
Мусофирнинг жони қаттиқ бўлади.

У мигранта хлеб – черствый,
Но душа у мигранта – закаленная.

Турсуной-опа, как вы относитесь к России и к россиянам?

Турсуной Жумаева: Я считаю эту страну своей: наши деды защищали ее в войну. Без нас бы они тогда не справились, что бы ни говорили. И сейчас без мигрантов не справляются. Мы здесь дома. Некоторые россияне нас не любят. Вижу эту нелюбовь в их глазах. Замечаю неодобрительные, иногда злые взгляды. Но в лицо не говорят. Я считаю, что это несправедливо: мы к русским так не относились в Узбекистане. Мы были интернационалистами. И сейчас у нас живет много русских, мы их считаем хорошими соседями, равными себе людьми.

Изменилось ли ваше отношение к России за эти годы?

Т.Ж.: Мое отношение к России не изменилось, просто, я ее лучше стала чувствовать. Люди все заняты своими мыслями, каждый думает о хлебе насущном, многие живут от зарплаты до зарплаты, и им подчас нет дела до твоих проблем.

Что заставляет вас братья за перо?

Т.Ж.: Пишу, когда приходит вдохновение, или под впечатлением от чего-либо. Я же общаюсь с детьми, которые здесь на заработках, с их друзьями и коллегами, ко мне приходят люди за советом и помощью. Иногда описываю услышанное от других, иногда – увиденное своими глазами. Пишу и прозу.

Общаетесь с соотечественниками?

Т.Ж.: Конечно. Как-то попала на узбекскую свадьбу, и знакомые упростили меня почитать стихи. Я прочитала стихотворение «Фарзандларимга» (Моим детям). Всем очень понравилось, мне долго аплодировали. Хозяева молодцы, сделали такой той в России. Я замечаю, что многие адаптируются тут, принимают правила игры и переносят сюда некоторые наши национальные традиции.

А как обычно реагируют слушатели на ваши стихи?

Т.Ж.: Ставят лайки в «Одноклассниках» (улыбается). К лайкам поэты-мигранты привыкли. Один поэт выставил в Ютуб, как он читал оду у памятника Исламу Каримову в Москве. И потом удивлялся, почему никто не ставит лайки. Он не поймет. А читатели не поймут, чего он ждет?

Вы много лет в Москве. Первые впечатления сохранились в памяти?

Т.Ж.: Нас высадили из автобуса в Кузьминках. Первым москвичом, которого я увидела, был милиционер. Он меня остановил и сказал: «Бабушка, давай денег, ты нарушила». Мне было сорок восемь лет, но, видимо, дорожные тяготы на мне так отразились, что служивый принял меня за бабушку. Ответила: «Это ты мне денег дай, я семнадцать дней в пути, еле ноги волочу». Проверил документы и отпустил.

Изменилось отношение властей к мигрантам за эти годы?

Т.Ж.: Стало больше требований – регистрация, патент и т.д. Но с мигрантами стали считаться. Наверно, это связано с тем, что и правительство Узбекистана стало больше внимания уделять мигрантам, особенно, это проявилось в пандемию, когда посольство помогало нуждающимся. Мы почувствовали поддержку, и все вокруг увидели, что нас в беде не оставят, за нами – наша республика.

Что вам здесь не нравится и вызывает отторжение?

Т.Ж.: Полиция часто придирается. Меня особо не трогают, но по рассказам сыновей и знакомых это знаю. Берут деньги и отпускают, а если им нужно выполнять план, то через суд депортируют. Вот еще. Раньше квартиру в Москве снять было проще: если ты азиат, брали больше за аренду, чем с местных, и пускали жить. Теперь во всех объявлениях пишут «только для славян», а это унижительно и противозаконно. И в объявлениях о приеме на работу часто ищут людей славянской внешности. Нельзя людей делить по национальному признаку, мы в войну их детей принимали в семьи, как за своими смотрели. Сколько человек тогда из России выжило благодаря душевности узбеков, а они все забыли? Где тут справедливость?

Думаете об отъезде домой?

Т.Ж.: Каждый раз, когда уезжаю домой, думаю – все, хватит, но потом снова возвращаюсь. Москва затягивает: пока есть силы, надо поддержать своих детей, дома ведь для них все равно работы нет...» (ПМА 3).

ЭЛИМГА

Нурли тилакларим сўйласам элим,
 Тошқин дарё бўлиб жўшади дилим.
 Шабнамдай покиза, эзгу ниятим,
 Алвон лолалардай маъсум ва сўлим!
 ...Осмонимда чақнар юлдузим, элим,
 Зулматлар ортидан кундузим, элим.
 Олам қойил бўлсин шахдингдан, илло,
 Анча чуқур кетган илдизим, элим.

УЗБЕКСКИМ ДЕВУШКАМ

Не обманывайся, сестра моя, не ведись
 На эти коварные игры жизни!
 Не поскользнься на дорогах жизни,
 Не попадись в круговорот смерча!
 Ты красавица Востока, узбекская девушка,
 Следуй путем верности, храни свою веру!
 Если хочешь достичь полного счастья,
 Прежде всего,
 оправдай молоко своей матери!
 Прислушайся к советам бабушек,
 Пусть руки будут в трудах,
 а в твоём сердце – только обручённый.
 На свете много красавиц, но ты – наилучшая,
 Потому что твоё обаяние –
 в твоей чести и совести.
 Твоя красота ослепляет,
 Навсегда отстранись от сатанинского взгляда!
 Ты дитя Родины, любимица страны,
 Будь гордостью нации, честью народа!
 Шелковый платок на голове блестит,
 Оставайся самой любимой дочерью народа!
 Если не сорвёшь с лица занавес целомудрия,
 Тебе достанется несравненное счастье!

МОЕМУ НАРОДУ

Если я излагаю свои светлые желания,
 тебе, мой народ,
 Бурлит моя душа, как необузданная река.
 Чисты, как роса, мои добрые намерения,
 Невинны и красивы, как алые тюльпаны!
 ...Звезда, что светит в небе, мой народ,
 Мой светлый день после тьмы, мой народ.
 Пусть восхищается мир твоим упорством,
 Корни пустил глубоко мой народ.

ЎЗБЕК ҚИЗЛАРИГА

Алданма жон синглим, алданиб қолма,
 Ҳаётнинг бу қалтис ўйинларига!
 Умр йўлларига оёғинг тойиб,
 Илашма чирпарак қуюнларига!
 Сен шарқнинг гўзали, ўзбек қизисан,
 Садоқат йўлин тут, иймонинг сақла!
 Саодат мулкига эришмоқ бўлсан,
 Энг аввал онангнинг оқ сутин оқла!
 Момолар ўгитин қулоғинга ил,
 Қўлинг ишда бўлсин, дилинг ёрингда.
 Оламда дилбар кўп, аълоси ўзинг,
 Чунки, малохатинг номус, орингда,
 Чехрангга боққанда кўзлар камашар,
 Ҳаргиз шайтон назар кўздан нари бўл!
 Сен Ватан фарзанди, юртнинг дилбанди,
 Миллатнинг ғурури, элнинг ори бўл!
 Бошингда ялтираб харир рўмолинг,
 Ўзбекнинг энг суюк қизи бўлиб қол!
 Юзингдан юлмасанг ифбат пардасин,
 Сенга насиб этар тенгсиз бахт-иқбол!

Турсуной Жумаева

Стихотворение «Узбекским девушкам» посвящено жизни женщин и девушек в миграции, когда оторванность от семей и одиночество подчас приводят к возникновению резко осуждаемых в восточном социуме ситуаций распущенности нравов. Мы долго разговаривали с Турсуной Жумаевой. Она делилась своими наблюдениями, рассказывала о том, что ее заставило взяться за такую сложную тему. В ее книге на тему распущенности нравов есть, кроме стихов, еще два рассказа, где поэтесса и писательница дает свою нелицеприятную оценку таким явлениям. Если проституция стара, как мир, то сожитительство по устному соглашению стало одним из спутни-

ков массовой трудовой миграции. В некоторых случаях это приводит к разводам, но иногда семьи продолжают существовать: он (она) живет в России, а вторая половинка – в месте исхода. Иногда на месте распавшихся браков образуются новые, когда два мигранта решают соединить свои судьбы. Как нам представляется, это явление имеет право стать объектом отдельного исследования.

Абдусалом

Одним из самых почитаемых поэтов-мигрантов в России стал Абдусалом-шоир. Его пронзительные строки на злобу дня не оставляют равнодушными ни одного человека. Понятно, что лучше читать и слушать на узбекском языке, но и в русском подстрочнике можно прочувствовать силу и мощь стихотворного слога поэта и описываемую им боль. Строчку из стихотворения Абдусалома «Бир мусофир бўлиб кўринг, сиз...» мы взяли в качестве названия к данной работе, в стихотворном переводе она звучит так: «Попробуйте пожить от Родины вдали».

МУСОФИР БЎЛИБ КЎРИНГ

Соғинч нима билай десангиз,
Қалб тубини кўрай десангиз,
Қишдан ёзни сўрай десангиз,
Бир мусофир бўлиб кўринг, сиз.

Юртнинг каддини улардан сўранг,
Ишқнинг дардини улардан сўранг,
Такдир азобини улардан сўранг,
Бир мусофир бўлиб кўринг, сиз.

Кечалари уйкуси қочар,
Хаёлида не ўйлар кечар,
Тушларида юртига учар,
Бир мусофир бўлиб кўринг, сиз.

Тоби қочиб ётар гоҳида,
Ким сўрайди хаёлин, ё Худо,
Ширин жондан қилмагин жудо,
Бир мусофир бўлиб кўринг, сиз.

Боласини тушида кўрар бироқ,
Онажонин кўролмас – узоқ,
Мусофирлик оёққа тузоқ,
Бир мусофир бўлиб кўринг, сиз.

Уйин эслаб кўнгли бўзлар,
Кўзларидан ёшлар тизиллар,
Бутун юрак бағри эзилар,
Бир мусофир бўлиб кўринг, сиз.

Мусофирни асрагин, Худойим,
Омон эсон қайтсин, илойим,
Қабул айла бу илтижойим,
Адашмасин йўлидан дойим,
Ўзинг асра, Роббим, худойим.

ПОПРОБУЙТЕ СТАТЬ МИГРАНТОМ

Хотите знать, что такое тоска,
Хотите увидеть дно души,
Хотите спросить у зимы о лете?
Станьте хоть раз мигрантом.

Спросите у них о притяжении родины,
Спросите у них о горестях любви,
Спросите у них о пытках судьбы,
Станьте хоть раз мигрантом.

По ночам пропадает сон,
в голове роятся разные мысли,
Во сне он на родину улетает,
Станьте хоть раз мигрантом.

Порой, захворав, лежит в постели,
О Боже, кто его утешит добрым словом,
Нет, не забирай его нежную душу!
Станьте хоть раз мигрантом.

Во сне лишь обнимает своего ребенка,
Маму никак не увидеть – далеко,
Странничества оковы на ногах.
Станьте хоть раз мигрантом.

Вспоминая дом, плачет его душа,
Слёзы льются рекой,
Раздавлено его сердце.
Станьте хоть раз мигрантом.

Береги странника, о, Боже,
Благослови, пусть вернётся невредимым,
Прими эти мои мольбы.
Веди правильным путём,
Храни его, о, Создатель...

Свое стихотворение Абдусалом заканчивает молитвой. Обращение к высшей силе присутствует и у других мигрантов, но у них это, скорее, носит некий ритуальный характер. И связано, в нашем представлении, с тем, что в быту мусульмане, и узбеки, в частности, любое пожелание или прогноз подкрепляют формулой «если Б-гу будет угодно». В случае с Абдусалом-шоиром мы видим полноценную молитву с просьбой к Создателю помочь страннику-мигранту целым и невредимым вернуться на Родину. Туда, где есть дом, семья, дети, мама, папа, привычный уют и размеренность узбекской махалли, где все знают друг друга и взаимно приветливы. И использование молитвы как средства усиления высказанного перед этим пожелания социальной справедливости представляется вполне уместным. Тот случай, когда имя Б-жье помянуто не всуе...

Еще одно стихотворение, которое хотим представить, состоит из двух частей. В первой части поэт обращается к слушателям с классическими мигрантскими стихами о тяготах жизни, во второй – идет рифмованная проза с рассказом о конкретных бытовых проблемах и издевательствах со стороны работодателя. Поэт сообщает, что в своем стихотворении хочет показать жизнь мигранта, добывающего свой хлеб честным трудом. Симптоматично, что он сохранил свое инконито, потому что под этими строчками могли бы подписаться многие трудовые мигранты. Приведем несколько строф из первой части.

Нотаниш шоир: «Мен бу шеъримда ҳалол меҳнат билан ризку рўз топаётган мусофир ҳаётини кўрсатиб беришга ҳаракат қиламан»

МАШАҚҚАТ ҲАЁТ

Ҳаёт бешавқат экан,
 Фақат машаққат экан,
 Сочларингни тўкаяпти,
 Йиллар ўтиб кетаяпти,
 Ёшлик нима, қувонч, бахт?
 Дунёни ўйламайсан,
 Сен-чи нукул ишлайсан,
 Бир қунам қувнамайсан.
 Камбағаллик нима, дўст,
 Камбағаллик сўнган кўз.
 Баҳори кўринмасдан,
 Йил бошида келган куз.

ЖИЗНЬ – СТРАДАНИЕ

Жизнь оказалась бесжалостной,
 Она оказалась страданием.
 Редеют волосы,
 Годы летят мимо.
 Что есть молодость, радость, счастье?
 Не думаешь ни о чем,
 Только работаешь,
 Ни одного дня радости.
 Что есть бедность, скажи, друг?
 Бедность – это потухшие глаза,
 Это осень в начале года,
 Когда еще от весны нет вестей.

Жизнь для подавляющего числа мигрантов, действительно, оказывается безжалостной. Она состоит из работы без выходных и короткого сна. Если это стройка, то приходится подниматься на верхние этажи, и в этом случае только от доброй воли работодателя зависит, будет ли рабочий-строитель обеспечен страховочным поясом и как на объекте поставлен контроль техники безопасности и условий труда. Если это метро, то ребятам предстоит спуск в шахту, туннель, где по Трудовому кодексу РФ нельзя находиться больше 6 часов. Они сильно перерабатывают, но, пока молодые, это незаметно. Такая несправедливость задевает мигрантов-азиатов, они понимают, что их считают людьми второго сорта, хотя везде декларируется равенство. Но дома работы для этих молодых ребят нет, поэтому, «надо терпеть и еще усерднее трудиться». Потому что для многих российские заработки – это тот самый социальный лифт, который поднимает до необходимого уровня потребления их оставшиеся

дома семьи и помогает некоторое время там удержаться. А вот как долго – это у каждого индивидуально. Поэтому мигранты и пытаются дать детям высшее образование, чтобы оградить их от этой доли.

Фарход Темиртирнок

Умирзаков Фарходжон Хабибулло угли (псевдоним Фарход Темиртирнок – *Железный коготь*, – узб.) родился в 1988 году в семье хлебопека в Фуркатском районе Ферганской области Узбекской ССР. В возрасте 16 лет начал сочинять стихи. Издал сборники стихов «Хайрат булоклари» (Родники удивления), «Жилғалар кўшиги» (Песня ручейков), «Анор гуллари» (Цветы граната).

С 2016 года живёт и работает в Москве. Был пекарем, грузчиком, метростроевцем, сейчас прораб по отделочным работам на стройке. Достиг определенных успехов. Стал блогером, а не так давно запустил бизнес по продаже авиабилетов своим землякам. Трудится в поте лица и в свободное время сочиняет стихи. Его стихи пронизаны идеей равноправия. Продвигает в социальных сетях необходимость справедливого отношения к мигрантам.

МУСОФИР – МАРДИКОР ЭМАС

Худо берган умрнинг,
Тўрт фасли ҳам баҳормас.
Оғзи зўрлар билволинг,
Мусофир мардикормас.
...Ризк излаган йўлбарс у,
Асло курук келмас у,
Ҳақоратга кўнмас у,
Мусофир мардикормас...
...Боласи юргунча келмас,
Дада дегунча келмас,
Уйи битгунча келмас,
Мусофир мардикормас...
...Жавобсиз кўп саволи,
Ваганида хаёли,
Уйда кутар аёли,
Мусофир мардикормас.

МЕНИНГ ОНАМ МУСОФИР

Ҳақиқат синиб бўлган,
Тан олмоқ қандай оғир,
Кимнингдир ўғли, аммо,
Менинг онам мусофир...
...Тақдирга тан бермаган,
Нон десам кам бермаган,
Не кунларни кўрмаган,
Менинг онам мусофир...
...Қиёмат йўқ койимсиз,
Осмоним йўқ ойимсиз,
Менинг чиройлигимсиз,
Менинг онам мусофир.

МИГРАНТ ВАМ НЕ ПОДЁНЩИК!

Сезоны жизни, данные Богом,
Не все являются весной,
Эй, вы, говоруны, знайте же,
Мигрант вам не подёнщик...
...Он тигр, ищущий свою добычу,
Не возвращается он без добычи,
Не выносит он оскорблений,
Мигрант вам не подёнщик...
...Он не возвратится, пока его
Чадо не заговорит и побежит самостоятельно,
И не достроится начатый дом,
Мигрант вам не подёнщик...
...Многие вопросы без ответа,
В мыслях только родина,
Дома ждёт не дожждётся жена,
Мигрант вам не подёнщик...

МОЯ МАТЬ – МИГРАНТКА

Правда уже побеждена,
Признать это очень тяжело,
У кого-то сын мигрант, однако,
Моя мать – мигрантка...
Не смирившаяся с судьбой,
Не обделившая меня хлебом,
Пережившая трудные дни,
Моя мать – мигрантка...
...Нет страшного суда, но вы – есть,
У меня нет неба, но есть вы – моя луна,
Вы – моя самая красивая,
Моя мать – мигрантка.

Интервью с Фарходом Темиртирником

Чему посвящено стихотворение «Мусофир мардикормас» (Мигрант вам не подёнщик)?

Фарход Темиртирник: Оно написано несколько лет назад как ответ на упреки со стороны некоторых представителей властей Узбекистана в адрес трудовых мигрантов, когда выехавших на заработки сограждан обзывали тунейдцами (*ишиёк-маслар* – узб.), лентяями (*дангасалар* – узб.). Отношение к мигрантам в Узбекистане поменялось, а вот в России продолжают давать им уничижительные клички. В СМИ как-то встретил термин «таджичить». Под ним стали понимать самую трудоемкую, грязную и низкооплачиваемую работу. И хотя в этом слове использовано название соседнего братского народа, такие выпады задевают и нас, узбеков.

Так кто, по-вашему, мигрант?

Ф.Т.: Он, во-первых, личность, наделенная от рождения такими же правами, как и коренной россиянин; во-вторых, человек, который честно трудится во благо своей семьи, своей Родины и, конечно, во благо России, создавая здесь материальные ценности. И он заслуживает справедливого отношения к себе. Мы уедем, а построенные нами здания останутся.

Что вам в Москве не нравится?

Ф.Т.: Не нравится то, что здесь делят людей по национальному признаку. Если ты не такой, как они, то местные думают, что ты ниже достоинством и могут позволять себе в разговоре высокомерие.

Есть выход из сложившегося положения?

Ф.Т.: Пока не вижу. Мы ведь приехали сюда работать и зарабатывать деньги. И до тех пор, пока это получается, люди будут терпеть любые издевательства. Но, я думаю, что несправедливость кроется в самом факте нашего приезда в чужой край на заработки. Если бы дома были рабочие места с достойной оплатой, большинство и не подумало бы ехать в холодную Россию.

В стихотворении «Моя мать – мигрантка» вы затрагиваете тему социального сиротства, чем она вам близка?

Ф.Т.: в Ферганской долине, откуда я родом, очень много семей, в которых дети остаются на попечении бабушек и дедушек и не видят годами своих работающих в России родителей. Если уехал на заработки папа – это еще куда ни шло, но нередко уезжают мамы, в том числе, из неполных семей. Это очень серьезная проблема¹.

Как вы относитесь к посредникам из среды мигрантов?

Ф.Т.: Если речь идет о прилипалах, которые паразитируют за счет мигрантов, то – отрицательно. Такие есть в Сахарово, в Красногорске², они берут деньги ни за что. Я пишу об этом в стихах. Но есть посредники, которые выполняют организаторскую роль – создают бригады, находят строительные заказы, консультируют. Они необходимы, так как в российской запутанной системе без такого рода помощников трудно сориентироваться. Главное, чтобы пять пальцев в рот не клали».(ПМА 4)

¹ На неестественность такой ситуации указывает А. Тумцук (*Tumczuk* 2011: 382–383).

² в деревне Сахарово и Красногорске расположены Московский городской и областной миграционные центры по принципу «одного окна».

Заключение

Почему мигранты чаще обращаются к поэзии, а не к прозе? Прозу мигрантам писать сложнее, она требует большей подготовки. Поэзия зиждется на народных традициях сочинительства. В Узбекистане всегда была развита мушоири, когда самодельные поэты состязались в рифмованном красноречии. Свое влияние оказывает и то, что многим хорошо знакомы работы классиков, например, Навои, Бабур, Агахи, и современников – Абдуллы Арипова, Эркина Вахидова, Мухаммада Юсуфа и других поэтов, строки из которых всегда на устах. У большинства поэтов-мигрантов нет достаточного уровня образования, они излагают на бумаге то, что чувствуют. Но, тем не менее, используют разные системы – силлабический стих, «аруз», белый стих, что говорит о наличии определенных познаний в стихосложении. Фарход Темиртирнок использует также аллитерацию.

Поэтические размышления, приведенные в этой работе, это квинтэссенция мыслей и чаяний всех трудовых мигрантов. Не все могут ясно и четко выражать свои мысли, но, слушая стихи своих работающих рядом собратьев, они соглашаются или нет, высказывая свое отношение посредством лайков в соцсетях или аплодисментов в оффлайне.

Сегодня мир взаимосвязан. Миллионы трудовых мигрантов из Узбекистана разъехались по всему свету, они обмениваются информацией с соотечественниками и знают, где и как относятся к гостящим рабочим. Россия в этом списке едва ли на почетном месте. И во время бесед красной нитью проходила мысль: а знают ли здесь, что таким отношением к мигрантам настраивают бывших сограждан против себя? Интеграционные процессы на постсоветском пространстве проводятся не в интересах правительств, а в интересах граждан. И готовы ли будут к сближению миллионы трудовых мигрантов, если станут возвращаться домой обозленные на людей и обстоятельства? Смогут ли правительства игнорировать их позицию? Когда в России восторжествует социальная справедливость по отношению к трудовым мигрантам? Ведь удалось же справиться с националистами, от рук которых в начале и в середине 2000-х годов погибали только по официальной статистике до 46 человек ежегодно (СОВА 2006). Это краткий перечень вопросов, которые ставили поэты-мигранты. Что примечательно, ни один из них в ходе подробных бесед не предложил возврат ко временам СССР как способ улучшения своего правового положения. Нет явно выраженной ностальгии по Союзу и в поэтических произведениях (ПМА 1,2,3,4).

Нельзя жить в социуме и быть свободным от идей, которые в нем витают. Мироззрение поэтов-мигрантов формируется в этой среде, они рефлексируют, отзываясь на общественные тренды. И доносят до нас запрос основной мигрантской массы на уважительное отношение к себе, на социальную справедливость в целом. И, в то же время, мигранты не теряют чувство юмора и жизнерадостность, не зря же Рустам Пирназар назвал свою книгу «Живите с улыбкой».

Нужно отметить, что на заработки выезжают около 7 % населения Узбекистана, из них в Россию – две трети. При этом, не все мигранты в РФ имеют негативный опыт взаимодействия с работодателями и полицией. Многие узбекистанцы продолжают относиться к России с симпатией, помнят об общей Победе, об эвакуации, о том, как отстраивался после землетрясения Ташкент. И этот капитал необходимо беречь и приумножать.

Творчество решает не только социальные задачи. Изначально все поэты-мигранты начинали с того, что хотели излить на бумагу обуревающие их чувства – тоску по Родине и семье, несогласие с теми или иными порядками. Таким образом, заполняя духовный вакуум, который образуется в условиях отрыва от привычных условий и близких людей. Тем не менее, уже можно констатировать, что рядом с нами выросло целое явление, которое называется мигрантской поэзией. Её побудительные мотивы и главные темы отличны от тех, что заставляли братья за перо в обычных условиях на Родине. Оно пока еще молодое, но крепнет день ото дня. Не считая себя поэтами, подчас, не относясь к своему творчеству серьезно, поэты-мигранты, что называется, творят биографию – свою и сегодняшнего поколения мусафиров, людей, оказавшихся волей судьбы на заработках в России.

Поэзия узбекских трудовых мигрантов является и попыткой осмыслить новое состояние – жизнь в диаспоре. И если кто-то из поэтов-мигрантов пишет стихи уже по три десятилетия, то другие присоединились совсем недавно. Это может говорить только об одном: мигрантская поэзия на узбекском языке в России будет иметь продолжение. И, смеем предположить, заложит фундамент полноценной узбекской поэзии в диаспоре. Тематами которой, хочется надеяться, станут не безысходность и тоска, а созидание и светлые перспективы.

Источники и материалы

- Абдусалом-шоир – Абдусалом-шоир*. Доступ: <https://ok.ru/video/38387255982> (дата обращения: 06.04.2021).
- Госкомстат – Госкомитет Республики Узбекистан по статистике. Доступ: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography#> (дата обращения: 18.04.2021).
- Гродеков 1883 – Гродеков Н. И.* Поездка ген. шт. полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 году) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. V. СПб., 1883. Доступ: <https://rus-turk.livejournal.com/218699.html> (дата обращения: 17.04.2021).
- Жумаева 2018 – Жумаева Т.* Курганларим. Кечирганларим... Тошкент: Нашр. 2018. 115 с.
- Курбан-байрам 2019 – Намаз в честь Курбан-байрама на площадках в Москве совершили 240 тыс мусульман. Доступ: <https://argumenti.ru/society/2019/08/624545> (дата обращения: 22.04.2021).
- Литература – Литература для мигрантов. Доступ: https://ru.xcv.wiki/wiki/Migrant_literature (дата обращения: 20.04.2021).
- Машаққат – Машаққат ҳаёт. Стихи неизвестного автора. Доступ: <https://ok.ru/video/38393350830> (дата обращения: 07.04.2021).
- Минтруда – Министерство занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан. Доступ: <https://mehnat.uz> (дата обращения: 05.04.2021).
- Мусофир – Мусофирлик*. Стихи. Доступ: <https://ok.ru/video/42333964974> (дата обращения: 25.04.2021).
- Навруз 2019 – Как прошел праздник «Навруз-2019» на ВДНХ. Официальный сайт Правительства Москвы. Доступ: <https://www.mos.ru/news/item/52938073/> (дата обращения: 22.04.2021).
- Пирназар 2016 – Пирназар Рустам*. Мусофир дил дафтари. Хужанд: Меъроҷ. 2016 г. 352 с.
- Пирназар 2018 – Пирназар Рустам*. Кулиб яшанг. Шеърлар. Хужанд. 2018. 88 бет (узб).
- Примов 2009 – Примов А.Р.*(сост.) Быль и небыль цветущих долин: Антология узбекского фольклора. М.: Культура Евразии, 2009. 592 с.
- Примов 2016 – Примов А.Р.* Свобода слова и...»свобода» слуха. Могут ли журналисты повлиять на гуманизацию миграционной политики России? 24.12. 2016. Доступ: <http://>

- president-sovet.ru/presscenter/publications/read/4629/ (дата обращения: 18.04.2021).
- СОВА 2006 – Преступления на почве ненависти в России. Доступ: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2006/10/d9303/> (дата обращения: 22.08.2021).
- Судесда – Судесда ишлаганларга (Работникам СУ-10 посвящается). Доступ: <https://ok.ru/video/10472392019> (дата обращения: 05.04.2021).
- Узбеки – Узбеки в Афганистане. Доступ: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1339831>.
- Указ 2021– Указ Президента РФ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/130> (дата обращения: 18.04.2021).
- Эшмуратов – Эшмуратов Бахтиер. Стихи. Доступ: <https://youtu.be/НyZqtZnkFPI> (дата обращения: 20.04.2021).
- Эшмуратов – Эшмуратов Бахтиер. Стихи. Доступ: <https://youtu.be/15uQCzJ7f4E> (дата обращения: 20.04.2021).
- СААН 2021 – Тенденции трудовой миграции в Узбекистане. Доступ: <https://www.caa-network.org/archives/15856> (дата обращения: 18.04.2021).
- ПМА 1 – Полевые материалы авторов 1: Бахтиер Эшмуратов.
- ПМА 2 – Полевые материалы авторов 2: Рустам Пирназар.
- ПМА 3 – Полевые материалы авторов 3: Турсунной Жумаева.
- ПМА 4 – Полевые материалы авторов 4: Фарход Темиргирнок.

Научная литература

- Абашинов С.Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане. *Ab Imperio*, 2015. № 3. С. 125–165. Доступ: <https://www.academia.edu/19736639/> (дата обращения: 17.04.2021).
- Абашинов С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 3–13.
- Абдуллаев К. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: Ирфон, 2009. 572 с.
- Борисова Е.В. Родительство на расстоянии: транснациональные практики в семьях мигрантов из Таджикистана. *Антропологический форум*. 2016. № 28. С. 228–245. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/roditelstvo-na-rasstoyanii-transnatsionalnye-praktiki-v-semyah-migrantov-iz-tadzhikistana/viewer> (дата обращения: 18.04.2021)
- Джаббаров И. Узбеки: этнокультурные традиции, быт и образ жизни. Отв.ред. Камалов С.К.; МВ и ССО РУз., Нац.ун-т Узбекистана им.М.Улугбека. Ташкент: ШАРК. 2007. 288 с.
- Довгалёва И.В. Проблемы и тенденции социальной адаптации трудовых мигрантов из Узбекистана: результаты включенного наблюдения. *Инновационная наука*, 2015. № 10. С. 250–253.
- Каландаров Т. Косточка сладкая, на чужбине я...: поэзия таджикских трудовых мигрантов в России. *Acta Slavica Iaponica*, 2016. Vol. 38, pp. 91–119. Доступ: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicitn/acta/38/Kalandarov.pdf>, p.99 (дата обращения: 17.04.2021).
- Мукомель В.И. Российские дискурсы о миграции: «нулевые годы» // *Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011/Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. Вып.10. М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История*, 2011. С. 86–108.
- Назаров А.Д., Назарова Е.А. Гендерное измерение современных этномиграционных процессов: теоретико-методологические и коммуникативные аспекты. *Коммуникология*, 2015. С. 48–66.
- Пешикова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве). *Мир России*, 2015. №2. С. 129–151.
- Тымчук А. Социальные сироты и уход на расстоянии: популярные представления о детстве в украинских транснациональных семьях. *Глобальные исследования детства*. 2011. Том 1 № 4. С. 377–387. DOI:10.2304/gsch.2011.1.4.377

Шеломенцев А.Г., Бедрина Е.Б., Тухтарова Е.Х. Факторы формирования миграционных потоков из Узбекистана в Россию. Иктисод ва молия/Экономика и финансы, 2018. № 7 (115). С. 39–50.

Coplan David. 2006. 'I've Worked Longer, Than I've Lived'. Lesotho Migrants' Songs as Maps of Experience. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 32 (2): 223 – 241. DOI:10.1080/13691830500487324

Primov, Azat R. and Omanov, Zakir M.

Try to Live Far Away from your Homeland...: Social Justice in the Poetry of Uzbek Migrant Workers in Russia

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/92-115

Poetry in national languages is one of the prominent cultural innovations introduced by migrant workers in Russia. The focus of the present work is migrant poetry in the Uzbek language, which has become a noticeable phenomenon of today's Russian reality. However, so far it only exists "in a parallel reality" – in social networks and on Internet sites, and is mainly aimed at migrant workers. Its motives and main topics differ from those that inspired poets at home. Labor migrants write about longing for their homeland and their loved ones. A whole layer of migrant poetry is devoted to the difficulties experienced in a foreign country. Social justice is also an important theme in the poetry of migrants. Poets convey a generalized reaction of the majority of migrants to certain social trends. In this sense, migrant poetry can be considered a kind of a barometer of all the labor migration. In Russia, this topic remains practically unexplored. Scientists working in this direction can do a lot to ensure a scientific approach to the problem. This work is the first attempt to analyze the poetry of migrant workers writing in the Uzbek language.

Keywords: labor migration, migrant poets, migrant poetry, Uzbek language, Russia, social justice

For Citation: Primov, A.R., Omanov, Z.M. 2021. Try to live far away from your Homeland...: social justice in the poetry of Uzbek migrant workers in Russia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 92–115.

Author Info: Primov, Azat R. – Deputy Chairman of the Management Board, Russian Society of Friendship and Cooperation with Uzbekistan (Moscow, Russia). E-mail: azataka@list.ru

Omanov, Zakir M. – Lecture, Linguistic Center (Moscow, Russia). E-mail: zakiroman101@mail.ru

Funding: The study was carried out with the financial support of the Rosa Luxemburg Foundation Branch in RF within the topic "Social Justice in the Poetry of Migrant Workers from Central Asia in Russia"

References

- Abashin, S.N. 2015. Vozvrashchenie domoi: semeinye i migratsionnye stsennarii v Uzbekistane [Returning home: family and migration scenarios in Uzbekistan]. *Ab Imperio* 3: 125–165
- Abashin, S.N. 2012. Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian migration: practices, local communities, transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–13.

- Abdullaev, K. 2009. *Ot Sin'tsziana do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoi emigratsii XX veka* [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration of the 20th century]. Dushanbe: Irfon.
- Borisova, E.V. 2016. Roditel'stvo na rasstoianii: transnatsional'nye praktiki v sem'iakh migrantov iz Tadjikistana [Parenting at a distance: transnational practices in migrant families from Tajikistan]. *Antropologicheskii forum* 28: 228–245.
- Coplan, David. 2006. 'I've Worked Longer, Then I've Lived'. Lesotho Migrants' Songs as Maps of Experience. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 32 (2): 223–241. DOI: 10.1080/13691830500487324.
- Dzhabbarov, I. 2007. *Uzbeki: etnokul'turnye traditsii, byt i obraz zhizni* [Uzbeks: ethno-cultural traditions, way of life and way of life.], edited by S.K. Kamalov. Tashkent: Shark.
- Dovgaleva, I.V. 2015. Problemy i tendentsii sotsial'noi adaptatsii trudovykh migrantov iz Uzbekistana: rezul'taty vkluchennogo nabludeniia [Problems and trends of social adaptation of labor migrants from Uzbekistan: the results of the included observation]. *Innovatsionnaia nauka* 10: 250 – 253.
- Kalandarov, T. 2016. Kostochka sladkaia, na chuzhbine ia...: poeziia tadjikskikh trudovykh migrantov v Rossii [Sweet bone, I am in a foreign land...: poetry of Tajik migrant workers in Russia.]. *Acta Slavica Iaponica* 38: 91–119.
- Mukomel, V.I. 2011. Rossiiskie diskursy o migratsii: "nulevye gody" [Russian discourses on migration: "zero years"]. In *Rossiiia reformiruiushchaisia: Ezhegodnik-2011* [Russia is being reformed: Yearbook-2011], edited by M.K. Gorshkov. Vol. 10, 86–108. Moscow; St. Petersburg: Institut sotsiologii RAN, Nestor-Istoriia.
- Nazarov, A.D., and E.A. Nazarova. 2015. Gendernoe izmerenie sovremennykh etnomigratsionnykh protsessov: teoretiko-metodologicheskie i kommunikativnye aspekty [Gender dimension of modern ethnomigration processes: theoretical, methodological and communicative aspects]. *Kommunikologiya*: 48–66. <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-izmerenie-sovremennyh-etnomigratsionnyh-protsessov-teoretiko-metodologicheskie-i-kommunikativnye-aspekty/viewer>.
- Peshkova, V.M. 2015. Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodakh sovremennoi Rossii (na primere migrantov iz Uzbekistana i Kirgizii v Moskve) [The infrastructure of migrant workers in the cities of modern Russia (on the example of migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow)]. *Mir Rossii* 2: 129–151.
- Ilkhamov, A. 2013. Labour Migration and the Ritual Economy of the Uzbek Extended Family. *Zeitschrift für Ethnologie* 138: 259-284.
- Tymchuk, A. 2011. Sotsial'nye siroty i ukhod na rasstoianii: populiarnye predstavleniia o detstve v ukrainskikh transnatsional'nykh sem'iakh. [Social Orphans and Care at a Distance Popular Representations of Childhood in Ukrainian Transnational Families. *Global studies of childhood*. Vol 1(4): 377–387. DOI:10.2304/gsch.2011.1.4.377.
- Shelomentsev, A.G., E.B. Bedrina, and E.Kh. Tukhtarova/ 2018. Faktory formirovaniia migratsionnykh potokov iz Uzbekistana v Rossiiu [Factors of formation of migration flows from Uzbekistan to Russia]. *Iktisod va moliiia/Ekonomika i finansy* 7 (115): 39–50.

© Т.С. Каландаров, Ю.О. Молчанова

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ / НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПОЭЗИИ ТАДЖИКСКИХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ*

В статье рассмотрены концепции социальной справедливости и несправедливости в поэзии таджикских трудовых мигрантов. Поэзия сама по себе важна в силу своей функциональности (она аккумулирует контекстуальные смыслы, их же выражает и формирует), но несмотря на важность темы, поэзии мигрантов до сих пор уделяется недостаточно много внимания в отечественной науке. Вместе с тем, именно поэтическое творчество и самовыражение становятся одним из символических пространств, где мигранты могут выразить свои переживания, взгляды, тревоги и надежды. Для нас во время интервью важно было не только выяснить «начинку» концепции справедливости, но и то, какое место осмысление социальной действительности в форме поэтического творчества занимает в индивидуальной идентичности наших респондентов, к кому они обращаются, кто для них «свой», а кто «чужой». Статья основана на анализе творчества четырех поэтов-мигрантов из Таджикистана, а также на результатах интервью, проведенных с 3-мя из них. Авторы, кроме выдержек из интервью, в статье приводят стихи своих респондентов в оригинале и в смысловом переводе.

Ключевые слова: таджики, поэзия, миграция, социальная справедливость, Таджикистан, Россия

Для цитирования: Каландаров Т.С., Молчанова Ю.О. Социальная справедливость / несправедливость в поэзии таджикских трудовых мигрантов в России // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 116–128.

Тема мигрантской поэзии является достаточно новой для отечественной этнологии. в исследованиях миграционных процессов и мобильностей обычно редко удается услышать голоса самих мигрантов. Что касается их творчества, то об этом и вовсе только в последние годы начали писать отечественные исследователи, хотя данная тема уже достаточно давно исследуется нашими коллегами – антропологами из других стран – Джогиндар Шамшер (Jogindar Shamsher), Давидом Копланом (David Coplan), Даниэлой Камбаскович (Danijela Kambaskovic), Воннинг Сан (Wanning Sun), Александром

Каландаров Тохир Сафарбекович – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (117334, Москва, Ленинский проспект, 32а), Эл. адрес: tohir_s70@mail.ru
Молчанова Юлия Олеговна – аспирантка, Институт этнологии и антропологии РАН (117334, Москва, Ленинский проспект, 32а), Эл. адрес: volim9102@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации по теме «Социальная справедливость в поэзии трудовых мигрантов из Центральной Азии в Москве»

Тимчуком (Alexander Tymczuk) и др. Один из авторов статьи также уже писал о таджикской мигрантской поэзии (Каландаров 2017: 91–119; 2019: 169–177).

При подготовке данной статьи одним из основных методов работы стал мониторинг социальной сети Facebook в целях нахождения стихотворений авторов аккаунтов. На сегодняшний день в Facebook существует уже несколько групп, которые объединяют поэтов из Таджикистана. Так, например, в группе «Таджикские писатели» сотрудничает около 34 тыс. человек, а в сообществе «Памирская поэзия» – около 8 тыс. подписчиков.

В рамках этой статьи, анализируя концепцию социальной справедливости в поэзии, мы использовали произведения четырех таджикских поэтов-мигрантов, и взяли интервью у троих из них в апреле и в мае 2021 г. Два интервью были на таджикском языке – родном языке поэтов, а третье проводилось на русском языке, так как поэт достаточно свободно владеет им. Выбор пал на этих четырех авторов, именно потому что они являются наиболее плодотворными поэтами, которые почти еженедельно обновляют страницы в Facebook своими новыми стихами. Трое из авторов – таджикоязычные поэты Хуршед Умарзода, Бону Парвоза и Насим Исоев, а четвертый наш информант – шугнаноязычный поэт Мушкалишо Дилбаршозода.

С Хуршедом мы встретились в конце мая в Москве и поговорили о его творчестве. Он родился в 1984 г. в районе Темурмалик Хатлонской области Республики Таджикистан. Там учился в средней школе. После окончания средней школы поступил в Налогово-Правовой Университет в Душанбе на экономический факультет. В 2006 г. приехал в Россию. Работал в разных местах: в магазине торг. сети «Пятерочка», в колбасном цеху, некоторое время работал ландшафтным дизайнером. Сейчас занимается ремонтом квартир. в Таджикистане у него семья – жена и пятеро детей: три девочки и два мальчика. Самая старшая дочь уже учится в 8 классе. По его словам сильная тяга к литературе у него была еще в школьные годы, но свое первое стихотворение он пишет в студенческие годы, когда умирает его мама.

На наш вопрос о справедливости Хуршед отвечает:

«В миграции меньше всего мы видим справедливости. Я думаю, иностранцам всегда сложно в чужих странах, по отношению к ним не всегда справедливы. Часто нам, таджикам, сложно бороться с несправедливостью. Наше государство не всегда может заступиться за каждого мигранта, который сталкивается с несправедливостью. Иногда здесь в Москве мы сталкиваемся с несправедливостью только потому что мы приезжие, и, не важно есть у тебя документы или нет. Вообще, я думаю, каждая ночь, проведенная вдали от семьи и детей, – это уже несправедливо» (ПМА: Хуршед).

Хуршед свои стихи обычно пишет вечером или ночью. Он живет в комнате в общежитии с другими ребятами из Таджикистана.

«Все платят одинаково за комнату, и сложно кого-то просить выключить телевизор или перестать общаться по телефону. Все это мешает мне писать стихи. Но, пока я живу так. Думаю, сложности мигрантской жизни подталкивают меня к творчеству. Я ещё не называю себя поэтом, хотя у меня есть огромное желание писать стихи», – говорит Хуршед (ПМА: Хуршед).

Во время интервью наш информант читает свое стихотворение:

Бе ту дили ман ҳасрати ҳичрон кашад, охир,
 Оинаи дил акси ту чонон кашад, охир.
 То ҳамчу саробе ба назар хуб намои,
 Бар лаъли лабат қатраи борон кашад, охир.
 Оне, ки ба зебоии зоҳир дил агар баст,
 Чун сурма ба шабқӯри залилон кашад охир.
 Моро чӣ ниёз аст хушомад ба ту гуфтан,
 Номард касе миннати дунон кашад, охир.
 Сад шаҳр бигаштам сари он пардаи тақдир,
 Чун тоҷики ман заҳри фаровон кашад, охир.
 Аз аҳли Хуросонаму пайванд ба Сомон,
 Бори ғами миллат сари миҷгон кашад, охир.
 Хуршед дурахшид дар ин назми Мусалло
 Шаҳди суҳанаш хусрави хубон кашад охир.

В переводе¹ на русский язык:

Без тебя сердце мое испытает печаль разлуки, в конце концов,
 Зеркало души моей образ любимый, в конце концов.
 Для того, чтобы миражом пред взором моим возник(ла),
 На рубиновые губы капля дождя упадет, в конце концов.
 Тот, кто влюбился во внешнюю красоту,
 Как сурьма для слепого бесполезным станет это, в конце концов.
 Зачем нам тебе льстить,
 Не мужчина тот, кто будет чувствовать себя обязанным перед низкими людьми,
 Сто городов обыскал, чтобы найти источник судьбы,
 Как у таджика тяжела моя судьба.
 Из Хорасанского корня со связью с Самонидами,
 Проблемы всего народа на ресницы мои падут.
 Солнце светило в этом упорядоченном мире,
 Сладкие слова падут на предводителя хороших людей, в конце концов.

Другой наш информант Мушкалишо родился 29 октября 1972 г. в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. У него высшее геологическое образование. в России живет с конца 90-х.

Как было уже отмечено выше, Мушкалишо пишет свои стихи на шугнанском языке. Заниматься поэтическим творчеством он начал, когда жил и учился в Таджикистане. в своей поэзии Мушкалишо также анализирует различные аспекты социальной действительности, включая оппозицию «справедливость/несправедливость». Тему справедливости он интерпретирует так:

«Это очень глобальный вопрос, то, что мы говорим о справедливости. Справедливость – это некая культурная ценность. Ее надо искать и в человечестве, и в религии, и в культуре, потому что она заложена человеком и в человечестве. в моем понимании справедливость – то, что мы говорим “социальная несправедливость“ или жизненная ... для нас, людей востока, особенно для Памира (то, что я вырос и то, что я видел), в моем понимании – это общеглобальное. Но там мы об этом мало думали. в те годы, когда я там был, у нас воспитание другое и подход, и обращение – все это было другое. И я вот так этого не чувствовал, мало чувствовал. А как выйдешь из дома... дома же тебя всегда боготворят, потом уже пойдешь дальше,

¹ Смысловые переводы выполнены авторами статьи/

там уже ты увидишь неравенство. Уже чувствуешь, что что-то не так. С тобой не так разговаривают, с тобой не так общаются. Уже чувствуешь, что есть что-то несправедливое. Почему так, вопросы появляются. Дальше пойдешь – уже видишь дальше, насколько глубоко это пойдет...».

На наш вопрос о том, когда Мушкалишо начал писать стихи, он отвечает:

«Первые стихи я начинал еще в школе. Я всегда любил петь. Но я не думал никогда, что я вот так буду сочинять на профессиональном уровне. Первые стихи у нас у молодых любовные. Я начал, про девушку сочинил песню. Это было еще в школе. Два-три раза стихи, четыре-пять-шесть, потом школу окончил. Поехали в армию. После армии пришел домой уже, начал читать много там и у меня уже как бы появился ... сочинять. У меня отец всегда сочинял. У нас в дом всегда приезжали его друзья, поэты, учителя. Они читали там, пели, и мне тоже понравилось сочинять. Он на таджикско-персидском сочинял, а я на памирском начал и у меня очень хорошо получалось. Потом поступил в университет, там очень много я сочинял. Уже мои однокурсники узнали, что я пишу стихи, начали подходить те, которые пели. Просили, чтобы я на их музыку сочинял текст». (ПМА: Мушкалишо).

Когда мы спросили его о том, стоит ли реагировать на явную несправедливость или лучше промолчать, Мушкалишо отвечает:

«Реагировать надо на все. Если не реагировать, то ты уже автоматически станешь соучастником. То, что мы говорим о несправедливости, о неравенстве... но там надо подумать. То, что ты реагируешь – это воздействует на человека. Способствует тому, чтобы убедить человека в том, что он неправ. Или как до него донести? Надо подумать о том, в первую очередь, как ты можешь до него донести, можешь ли ты вообще донести до него, может ли он вообще тебя слушать. Или вообще он будет тебя игнорировать? В первую очередь человек должен быть психологом, посмотреть на людей, понять: могу ли я подействовать на человека. Означает ли мое мнение для него что-то, если что-то я скажу, это изменит ли его жизнь. Вот это важные факторы, которые человек сам для себя ... но конечно ни один человек не должен посмотреть на что-то мимо. Надо воздействовать».

Есть моменты в том же самом воспитании. Вот мы говорим о культуре, о религии, говорили об этом. Можно подействовать на людей культурой. в советское время было отношение другое, воспитание другое. Там вот те самые мультфильмы, которые были, те персонажи, которые были, – даже эти персонажи были очень милые такие. Хоть волк там, но он был милый. Фильм смотрели, мы влюблялись в персонажей, в актеров советских фильмов. Но сейчас столько фильмов, столько мультфильмов разных, американских, Волт Дисней, но смотришь на них, и наши дети смотрят, но ничего хорошего оттуда не берут и не запоминают. А мы всегда запоминали те фильмы, те юмористические ... было всего мало, но было качественно. А сейчас очень много, но не действует. в том числе и поэзия. Большинство стихов я сочиняю как учитель. Наставления, наставления о воспитании – очень много, но есть и романтика, и любовь, и природа, есть философия даже. Но большинство о воспитании. Почти в каждом стихе есть доля о том, чтобы

воспитать человека. Надо напоминать всегда людям. Те, которые наши приехали, видят эту среду, тут кругом соблазн. А человек тянется к нему. Когда человек видит что-то гладкое, красивое – всегда тянет. Или запретное. А я всегда говорю (и в своих стихах тоже) чтобы придерживаться этическим нормам» (ПМА: Мушкалишо).

Для Мушкалишо поэзия – это то, с чем он сталкивался с самого детства, с чем встречался в семье (его отец был поэтом). в силу этого она может быть не только пространством личной автономии, но и продолжением семейной традиции. Мушкалишо не исключает и того, что возможно его дочери (в сыновьях он этого потенциала не видит) также будут сочинять стихи, при этом для него в этом случае не важен язык сочинения: будь он русский, таджикский или шугнанский – сама поэзия выступает как механизм воспитания, назидания и наставления:

«Может в дочерях, из них кто-то будет проявлять это. И пусть будет поэтесса она на русском языке. Ничего в этом страшного нет. Может она станет великой русской поэтессой. Пусть сочиняет, ее язык уже русский. Но я передал свою культуру, свое воспитание, свой язык своим детям. Они, ... чтобы узнали, кто они, откуда они, кем был папа, кем был дед и там дальше, род откуда» (ПМА: Мушкалишо).

Таким образом, поэзия, становясь частью семейной истории, инкорпорируется в структуру индивидуальной идентичности. Она «приходит на помощь», когда нужно проанализировать и проинтерпретировать процессы, происходящие в обществе, в том числе проявления несправедливости, дискриминации. Посредством нее происходит диалог поэта-мигранта не только с окружением (аудитории, к которой обращается мигрант), но и с собой. Таким образом, в поэтическом пространстве, мигрант-поэт выражает свою субъектность, свою автономию.

Анализируя смыслы мигрантской поэзии, можно «уловить» и зафиксировать культурные коды, ценностные установки мигранта, его отношение к своей роле в судьбе, основные образы культурной памяти (включая травмы). Миграция связывается с трудностями и травматическим коллективным опытом гражданской войны в Таджикистане, из-за последствий которой пришлось покинуть родные края. Однако для Мушкалишо Россия – это вторая родина, он актуализирует воспоминания о Советском Союзе, «общем доме», которые играют не малую роль для старшего поколения. Тем не менее, респондент признает, что переезд в Россию сопровождался трудностями, проявлениями неравенства, актуализацией т.н. «национального вопроса», в контексте которого происходила стигматизация и стереотипизация «некоренного» населения в негативном ключе.

Памир для респондента – это пространство свободы, где «даже замков нет» (ПМА: Мушкалишо), там высокая степень социальной солидарности и чувства безопасности:

«...Мы не считаем соседей чужими. У каждого – свой дом, но кто-то хочет, заходит в дом, там беседует. Очень хорошие отношения, теплые, братские» (ПМА: Мушкалишо).

Мушкалишо пишет стихи с позиции учителя, для него важна воспитательная функция поэзии. Он признает человеческую слабость и тяготение к запретному, но при этом говорит о том, что нужно всегда помнить, кто ты, откуда приехал и зачем. Для

него поэзия выступает в качестве механизма трансляции ценностей, она – то, на что можно ориентироваться при потере себя, своей идентичности в условиях миграции и кризиса, вызванного как сменой социальной действительности, так и внутренними переживаниями и конфликтами. Интересно, что информант в интервью почти не апеллирует к религиозным основам системы ценностей. Для него ценности пронизывают все пространство культуры и выражаются в человеческом поведении, отношении к Другому. Корень несправедливости усматривается в человеческом злоупотреблении положением и силой, в человеческой психологии. Просматривается отсутствие тенденции к снятию ответственности с себя, когда речь заходит о несправедливости. Мушкалишо рассматривает человека как субъект, который сам привносит в этот мир как негативное, так и позитивное, а не является пассивным перед поворотами судьбы. Таким образом, Мушкалишо довольно оптимистично рассматривает природу человека: да, она поддается искушению, но ее можно и нужно контролировать, воспитывать, облагораживать. И его поэзия должна служить этим целям.

В одном из своих стихов
Мушкалишо пишет:

Чисето кадри одам судч ачаб пāст.
Фукав мāш мэрата урмат шич аз кāст.
Ца бедьч одамгарэ гуйо навудч йу,
Ачаб шайтўни анчувч фук мэ ар хьāст.
Чисэ фук фикрэ тар чефāйата пўл.
Чисе арчиндэ пулат пис вийав гўл.
Нуро йам мансабат обрўй пэ чефа,
Дэ пўл чāтам ху номус чўд ачаб чўл.
Ачоиб чйз авенам лак чу урмат.
Наредо мāш мэдьен дўнд мэрат улфат.
Царанго пас дэтйр хьойам Намоз мāш,
Царанго мāшта лўвам Вирд ху уммат.
Ринухьчāм некэ пас чизо чавобām.
Дьаро чйзард ку аз хайрат савобам.
А Мушк, ар корэ сода бедикат ред,
ду дунйойотйр дэ чāто дар азобам.

Смысловый перевод на русский язык выглядит таким образом:

Посмотрите же, люди,
как не ценен теперь человек,
И даже сама любовь, и уважение стало ложным,
Ушла из людей человечность, не оставив следа,
навсегда.
Сатана управляет народом
и держит людей в узде.
Как посмотришь вокруг:
суета о деньгах и богатстве,
Правит миром людей, кто деньгами богат,
Тот становится главным для всех,
занимая почетное место.
Ради денег ничтожных теряем уважение,
честь и любовь,
Ну и как после этого можем
мы читать от души намаз?
И как можем мы быть Его уммой?
Мы забыли благие дела,
что теперь нам ответить?
Почему же мы такие далеки
от благих благородных дел?
Мушк, перестали мы замечать маленькие дела,
Потому-то и тяжело нам стало в двух мирах!

Третий поэт-мигрант – это Насим Исоев. Он уроженец Аштского района Согдийской области. Выпускник Таджикского национального университета по специальности «таджикская филология». в РФ проживает с 2002 г. Сейчас работает мастером на стройке в г. Тюмень.

В отличие от трех наших информантов, Насим не согласился дать интервью. Тем не менее, для данной статьи мы сочли нужным проанализировать два его стихотворения. Он достаточно активно занимается стихосложением. Практически каждую неделю Насим на своей страничке в Facebook выкладывает новые стихи. в одном из своих стихов

Насим видит несправедливость в том, что таджики не помогают друг другу. Несмотря на то, что это мог быть единичный случай в практике Насима, он акцентирует свое внимание именно на данном опыте, связывая концепцию социальной справедливости с вопросами социальной солидарности, основанной на этнических/национальных/культурных корнях и идентификации. в стихотворении «Мардикор» («Чернорабочий») автор пишет о тяжелой жизни таджикских трудовых мигрантов в России:

Дар сараш бори гарони зиндагӣ,
 Чомадон бар души хеш,
 Чомадоне каз либосу кулчанонаш пур буд,
 Буи нонаш пур буд.
 Аз ҳамели мағзи зардолуи боғаш,
 Аз мавизу қоки шафтолуи роғаш,
 Чанд суратҳои модар,
 Чанд суратҳои ҳамсар
 Чанд сурат бо чомили кудаконаш пур буд.
 Чомадонаш пур буд.
 Кад-кади раҳ,
 Тоҷик дар кучаҳои шаҳри пурғавғои рус,
 Дар миёни сад ҳазорон мардумони бои рус,
 У қадам оҳиста мезад,
 У қадам шоиста мезад.
 У қадам мемонд шармин,
 У қадам мемонд вазнин.
 Зиндагӣ имрӯз бар душаш гаронӣ мекунад,
 Зиндагӣ номехрубонӣ мекунад.
 Ғарқи сад андешаҳо мерафт ӯ,
 Ғулғули мошинаҳои тезгард
 Фикри у мекард вайрон
 Чамбаш мешуд парешон.
 Чанд рубли руси андар чебаке дошт,
 Тукмаи тилфуни худро пахш кард.
 Занг мезад суи хешон.
 Дӯстонаш кардаанд ӯро фаромуш,
 Дӯстони Тоҷикистон.
 Тоҷик мерафт хомуш,
 Тушаи андуҳ бар душ.
 Тоҷик имруз хоҳад монд андар кучаҳо,
 Тоҷик дур аз саро.
 Тоҷик дур аз ватаи.
 Тоҷик бо чомадони кулчанонаш,
 Тоҷик бе дӯстонаш,
 Тоҷик мерафт роҳ,
 Тоҷик то истгоҳ.
 Чашми полисе бияфтид гоҳ-гоҳ,
 Омаду мошинсавораш карду рафт,
 Омаду бо туша бораш карду рафт.
 Ҷои хоб имруз пушти панчара,
 Ҷои боб имруз пушти панчара.

В переводе на русский язык:

Он идет и не чувствует вес своего рюкзака –
 Там лепешка, что помнит тепло его дома,
 Сухофруктов немного из сада отца-старика,
 Фото мамы, жены да детишек, кричащих
 «Ота!»
 Вот и все, с чем вступил он на путь этот свой
 незнакомый...
 Среди шума больших городских площадей –
 Непривычных, пугающих, неблагосклонных,
 Где в толпе обеспеченных русских людей.
 Он растерянно жметесь, невидимый, скромный,
 Да, сегодня судьба у него нелегка,
 Сотни мыслей тревожных, дороги чужбины.
 Он мечтает о солнечном доме, пока,
 Вдруг не вздрогнет от резких сигналов ма-
 шины.
 Что в карманах его? Там немного российских
 рублей
 Да бумаги клочок – номера городских теле-
 фонов.
 Набирает с надеждой своих он таджикских
 друзей.
 А в ответ тишина в незнакомых холодных
 районах.
 Как же быстро друзья эти все забывают добро,
 Перебравшись в Россию, чужими становят-
 ся сразу
 А ведь дома, где нет суеты и метро,
 Обращались к нему и ни разу не знали отказа.
 Тут к замерзшему, к брошенному впотьямах
 Подъезжает машина полиции резко.
 Забирает его и везет за решетку – «Но как?»
 «А вот так! Регистрации нет? Значит, здесь
 твое место!»
 В тесной камере он, без друзей и родных,
 Осознал, как же мир изменился в минуту!
 В этом мире друзья превратились в чужих.
 Друг – не друг, а таджик здесь теперь не
 таджик
 Персом он называет себя почему-то,
 Да, на родине все мы единый народ,
 И добро для людей как монеты чеканям.

У намедонист ин чо точикон дигар шуданд, Почему же попав под чужой небосвод,
 У намедонист ин чо точиконаш кар шуданд. Избегаем друг друга, руки не протянем?
 Ошно бегона гардид, Таджики чернорабочие,
 Ошно девона гардид. Таджики несчастные!
 У намедонист точик аз худаши дорад харос,
 Номи точик гар бипурси бар ту мегуянд»-
 Форс»
 Гуиё точик намондаст,
 Точиконро ки бирондаст?
 Точикон аз ҳамдигар безорианд,
 Точикони корианд,
 Точикони хорианд!

Интересно, что Насим в этом стихе затрагивает вопрос этнической идентичности таджиков в Москве. Он с грустью пишет о том, что таджик «персом называет себя почему-то». Дело в том, что уже несколько лет в таджикостанском обществе идет дискуссия о том, являются ли персы/иранцы и таджики одним народом или это два разных народа. Главным критерием при дискуссии на данную тему выступает язык. Единого мнения по этому вопросу нет и среди интеллектуальной элиты Таджикистана. Так академик М. Шукуров сетовал, что «современные руководители (имеются ввиду руководители Советского Таджикистана – Т.К., Ю.М) поддерживали концепцию классового языка, борясь против классического таджикского языка фарси...» (*Шукури* 2002: 140). Его оппонентом выступал другой академик Р. Масов, который считал, что таджикский язык не нуждается в использовании заимствованных слов из персидского языка, и, тем более нет надобности перехода письменности с кириллицы на арабскую графику (Подробнее об этой дискуссии, см.: *Шозимов* 2021: 788–794).

В другом своем стихотворении Насим жалуется на то, что миграция так сильно меняет людей, что даже друзья становятся недругами. Приводим в оригинале данное стихотворение:

Касе моро дар ин ғурбатсаро боре намекурсад.
 Гурезанд аз ғами мову на як ёре намекурсад.
 Дар ин шаҳр ошно ноошно мекунад, афсус.
 Чи шуд бар дустон ҳолат чу ағёре намекурсад.
 Бародар бо бародар бин, ки дар дил кинаҳо
 дорад,
 Ҳамон хоҳар, ки буд як вақт ғамхоре, наме-
 курсад.
 Агар тарки ватан кардӣ, ҳама бегонару тобад.
 Зи дурихо туро чуз модари зоре намекурсад.
 Замоне гирди лабҳоят чи зебо ханда моил буд,
 Кунун дар кунчи ғам чуз чашми хунборе наме-
 курсад.
 Насимӣ, чун гирифтори вабои аср гардидем,
 Агар мурдӣ, туро ҳеч кас чу беморе намекурсад.
 Агар

В переводе:

Никто на чужбине не навещает нас,
 Бегут от наших проблем, ни один друг не
 спросит.
 В этом городе друг становится недругом,
 Что стало с друзьями, они как недруги!
 Брат с братом не ладит нынче.
 Сестра заботливая была и она теперь не
 навещает.
 Если ты покинул родину, все становятся
 незнакомцами.
 Только Мама из далека спросит как дела.
 Когда-то красивая улыбка была на лице,
 Теперь в углу разлуки и твои грустные глаза
 Насими, мы столкнулись с чумой века
 И на смертном одре никого не будет ря-
 дом!

Когда автор использует выражение «чумой века», он подразумевает коронавирусную инфекцию.

Естественно, тема COVID-19 тоже не осталась в стороне от творчества поэтов-мигрантов. Так, некоторые авторы своим стихам по теме COVID-19 придают заговорно-заклинательную форму. Поэтесса Бону Парвоза в одном из своих стихов «запрещает» вирусу распространяться по Таджикистану:

Смысловой перевод стиха на русский язык выглядит так:

Гӯед курунаро Бадахшон набиё!
 Бар водии ганчдори Горон набиё!
 Вахон ба ту роҳ намекушояд асло.
 Бар хоки бузурги мулки Шугнон набиё!
 Зархез бувад замини Рушони азиз.
 Ҳаргиз ба замини поки Рушон набиё!
 Дар Ванчи пур аз ганч ба ту ҷоест нест!
 Шав ғарк ба қаъри хоку пинҳон набиё!
 Дарвозаи Дарвоз ба рӯят баста.
 Бар Суғду Ҳисору Вахшу Хатлон набиё!
 Чун тоҷбасар бувад ҳама тоҷики ман
 Зинҳор ба хоки Тоҷикистон набиё!

Скажите вирусу, чтобы не появился в Бадахшане,
 Чтобы в благодатной долине Горона не появился,
 Вахан не откроет тебе свои ворота,
 На великую землю Шугнана не ступай!
 Богата недрами земля Рушана,
 Никогда не появляйся на священной земле Рушана!
 В благодатном Ванче нет тебе места!
 Провались в землю и исчезни!
 Врата Дарваза тебе закрыты,
 В Согде, Гиссаре, Вахше и Хатлоне не ступай!
 Мои таджики – венценосная нация!
 Не смей появляться в Таджикистане!

Бону в этом стихотворении использует выражение «венценосная нация». Дело в том, что существует теория, согласно которой этноним «таджик» означает «венценосец», то есть, народ, который правит. Несмотря на то, что данная теория имеет своих противников среди ученых, она является наиболее популярной в современном Таджикистане среди широких масс населения (например, см.: Мухаммад 2021: 151–163).

Во время нашего интервью с Бону мы спросили ее отношение к социальной справедливости. Она ответила:

«Справедливость – очень сложное понятие, оно всегда относительное. То, что для меня является справедливым, для кого-то может быть и не так. Поэтому я редко пишу стихи на тему социальной справедливости. Если говорить о справедливости в условиях миграции, то мне кажется, здесь в России относительно справедливости бывают два разные полюса. По отношению кого-то можно видеть много несправедливости, но по отношению к другому человеку можно видеть справедливое отношение. Например, во время пандемии коронавируса многих наших земляков вылечили в московских больницах абсолютно бесплатно, тем более у некоторых не было даже российского гражданства» (ПМА: Бону).

Бону Парвозова родилась и выросла в Ишкашимском районе Таджикистана, она выпускница педагогического института г. Душанбе. По специальности математик-физик. Первые свои стихи она начинает писать в студенческие годы, но часто начинает сочинять стихи после своего переезда в РФ в 2007 г. По ее словам, поэтические мысли к ней обычно приходят во сне, и тогда она встает и записывает их на бумаге. Иногда природа московских парков вдохновляет ее на творчество. Несмотря

на то, что Бону достаточно часто пишет стихи, она во время интервью призналась, что не считает себя поэтессой.

«Меня также вдохновляет мой собственный сын, который является певцом, слушаю его песни, потом появляются мои собственные стихи. Люди читают их, ставят “лайки”, реакция людей тоже вдохновляет меня, недавно аудио формат моих рубаи появились в Facebook, их декламировал профессиональный диктор в Душанбе, все эти успехи меня радуют, хотя, я конечно, до сих пор себя не считаю поэтессой», – говорит Бону.

Резюмируя вышеназванное, можно считать, что мигранты-поэты, создавая стихи (причем не важно, какого жанра) создают для себя комфортную зону «личной автономии». в стихах, освещающих тему социальной справедливости, происходит переосмысление этических ценностей в противовес их нынешней ситуации в России в контексте трудовой миграции. в творчестве поэты-мигранты – абсолютно свободные люди, чего нельзя сказать о повседневной жизни, где они зависимы от многих внешних факторов (полиция, работодатель, хозяин квартиры и т.д.).

Мигранты-поэты, критикуя экономические взаимоотношения с работодателями, в своих стихах говорят о морально-этических нормах, которые должны быть определяющими и доминантными во взаимоотношениях между людьми.

Конечно, анализируя стихи поэтов, надо учесть то обстоятельство, что поэты достаточно эмоционально могут реагировать на события. Именно поэтому часто в стихах появляются такие выражения как «ушла из людей человечность», «правит миром людей, кто деньгами богат» и т.д. Но эта экспрессия и эмоциональность выступают маркером ценностных установок мигрантов, «высвечивают» для исследователя ситуации, когда картина мира поэта вступает в противоречия с социальной действительностью. Эмоциональное переживание социальных процессов маркирует, что именно мигрант воспринимает как проблему, какой именно компонент его ценностной системы актуализируется при столкновении с несоответствием его представлениям о добре и зле.

Во время интервью с нашими поэтами было интересно узнать, как формируется субъектность мигранта в условиях, когда мигранты оказываются в исключённой и само-исключённой средах. Наши интервью показывают, что у наших поэтов очень ограниченные способы публичного самовыражения в Российской Федерации, у них ограниченный доступ к СМИ, к политике и культуре. Хотя, существует пример, когда таджикский поэт-мигрант Х. Холов в Санкт-Петербурге был избран членом-корреспондентом Академии русской словесности и изящных искусств имени Державина, и сюжет об этом был показан на первом общедоверальном канале[□]. Тем не менее, нельзя пока отнести подобные явления к тенденциям.

Чтобы выйти из «исключённой и само-исключённой среды», поэты обращаются к языку поэзии, который формирует специфическую публичную площадку и аудиторию. Интернет теперь дает им такую возможность, конституируя пространство, где соединяются воедино субъективные желания и амбиции автора стихов, с одной стороны, и возможности быть замеченным широкой аудиторией с помощью технических средств – с другой.

Юридические проблемы, социальная незащищенность и необустроенность быта мигрантов делают Россию в глазах поэтов-мигрантов чужбиной. Именно поэтому

в стихах мы встречаем слова «чужой небосвод», «тяжела моя судьба» и т.п. Еще одним немаловажным фактором, который наводит тоску на поэтов, является отсутствие родственного этнокультурного окружения. Сложный, а для многих невозможный доступ к теле- и радиопередачам Таджикистана, отсутствие театра и кино на родных языках усугубляют пессимистическое настроение этих творчески настроенных людей. Потеря в какой-то мере (безусловно, не полностью) реальных родственных связей отчасти компенсируется виртуальным общением с родственниками, живущими в РТ. Очень часто «лайки» со стороны родственников и читателей заменяют поэтам аплодисменты их реальных зрителей. Именно поэтому во время интервью наши респонденты неоднократно подчеркивали важность виртуальной реакции в виде т.н. «лайков» на их работы со стороны читателей.

Иногда таких поэтов приглашают на разные семейные торжества, такие как свадьбы, дни рождения и т.д. На этих мероприятиях поэты «переключаются» из виртуального мира на реальный мир. У них происходят реальные встречи со зрителями, поэты обычно выступают в роли ведущих, формируется социальное взаимодействие формата «лицом-к-лицу», которое, конечно же, существенно отличается от виртуального взаимодействия.

Естественно, стихосложение занимает не главное место в жизни трудовых мигрантов, они обращаются к нему лишь в свободное от работы время, которого у них не бывает много. Как показывают наши интервью с авторами, они скептически относятся к своим произведениям, да и к своему таланту тоже. Именно поэтому они не называют себя поэтами. Это занятие они считают скорее хобби, чем серьезным делом. Тем более что оно не приносит им больших материальных благ.

Можно сказать, что творчество восполняет духовную пустоту, которую наши информанты чувствуют в условиях миграции.

Пока еще рано говорить о признании этих поэтов-трудовых мигрантов со стороны профессионального сообщества поэтов Таджикистана, но, тем не менее, первые ростки культурного капитала среди этих поэтов уже просматриваются.

Источники

ПМА – полевые материалы авторов. Май-июнь 2021 г.

Научная литература

Каландаров Т.С. Косточка сладкая, на чужбине я...: поэзия таджикских трудовых мигрантов в России // *Acta Slavica Iaponica*, 2017. Vol. 38. P. 91–119.

Каландаров Т.С. Таджикская мигрантская религиозная поэзия // *Вестник антропологии*, 2019. № 4. С. 169–177.

Мухаммад А.Н. Происхождение этнонима «таджик» // *Таджики* / отв. ред. Н.А. Дубова, Н.К. Убайдулло, З.М. Мадамиджонова. М.: Наука, 2021. С. 151–163.

Шерали Л. Предисловие // *Шукуров М. Хуросон аст инчо (Хоросан здесь)*. Душанбе, 1996 (на тадж. яз).

Шозимов П. Формирование таджикской национальной идентичности // *Таджики* / отв. ред. Н.А. Дубова, Н.К. Убайдулло, З.М. Мадамиджонова. М.: Наука, 2021. С. 782–802.

Шукури М. *Инсонгарои омӯзиш ва забони миллӣ* (Гуманизм образования и национальный язык) Душанбе: Пайванд, 2002 (на тадж. яз).

Coplan D. Performance, Self-Definition, and Social Experience in the Oral Poetry of Sotho Migrant Mineworkers // *African Studies Review*. Mar., 1986. Pp. 29–40.

Kambaskovic D. Breaching the Social Contract: The Migrant Poet and the Politics of Being Apolitical // *Southerly* 2013. № 73: 1. Pp. 96–122.

Shamsher J. Panjabi Poetry in Britain // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 1978. № 6: 3 Pp. 291–305.

Sun W. Poetry of Labour and (Dis)articulation of Class: China's Worker-poets and the Cultural Politics of Boundaries // *Journal of Contemporary China* November 2012. № 21: 78. Pp. 993–1010.

Timczuk A. The Morality of Transnationalism: Children of Ukrainian Labor Migrants Write about Migration, Homeland and Abroad // *Children's Geographies* 2013. № 11: 4. Pp. 490–503.

Kalandarov, Tokhir, and Julya Molchanova

Social Justice/Injustice in the Poetry of the Tajik Labor Migrants in Russia

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/116-128

The article discusses the concepts of social justice and injustice in the Tajik Labor Migrants' poetry. Ouk interest in poetry is due to its functionality as it accumulates, expresses, and forms contextual meanings. However, it has not received appropriate attention in Russian science. At the same time, poetry creates a symbolical space where migrants can express their worries, outlooks, anxieties, and hopes. While conducting our interviews, we aimed not only to figure out what the concept of justice meant for our respondents but also to reveal the importance of their poetic reflections of the social reality for their self-identification and see who are "friends" and "foes" for them. The article is based on the analysis of the poetry by four migrant poets from Tajikistan and the interviews with three of them. Besides, the article contains the respondents' original poems and their translations into Russian.

Keywords: *Tajiks, poetry, migration, social justice, Tajikistan, Russia*

For Citation: Kalandarov, T., and Ju. Molchanova. 2021. Social Justice/Injustice in the Poetry of the Tajik Labor Migrants in Russia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 116–128.

Author Info: **Kalandarov, Tokhir** – PhD in Hist., Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: tohir_s70@mail.ru

Molchanova, Julya – PhD student, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: volim9102@gmail.com

Funding: The study was carried out with the financial support of Rosa Luxemburg Foundation Branch in RF within the topic "Social Justice in the Poetry of Migrant Workers from Central Asia in Russia".

References

- Coplan, D. 1986. Performance, Self-Definition, and Social Experience in the Oral Poetry of Sotho Migrant Mineworkers. *African Studies Review* 29: 29–40.
- Kalandarov, T.S. 2019. Tadzhijskaia migrantskaia religioznaia poeziia [Tajik Migrant Religious Poetry]. *Vestnik antropologii* 4: 169–177.
- Kalandarov, T.S. 2017. Kostochka sladkaia, na chuzhbine ya...: poeziya tadjhijskikh trudovykh migrantov v Rossii [Sweet Pip, I am in the Outland: The Poetry of Tajik Migrants in Russia]. *Acta Slavica Japonica* 38: 91–119.

- Kambaskovic, D. 2013. Breaching the Social Contract: The Migrant Poet and the Politics of Being Apolitical. *Southerly* 73 (1): 96–122.
- Mukhammad, A.N. 2021. Proiskhozhdenie etnonima “tadzhik” [The origin of the ethnonym “Tajik”]. In *Tadzhiki* [Tajiks], edited by N.A. Dubova, N.K. Ubaidullo, Z.M. Madamidzhonova, 151–163. Moscow: Nauka.
- Shamsher, J. 1978. Panjabi Poetry in Britain. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 6 (3): 291–305.
- Sherali, L. 1996. Predislovie [Preface]. In Shukurov M. *Khuroson ast injo* (Khorosan zdes’) [Khorosan is hear]. Dushanbe (In Tajik).
- Shozimov, P. 2021. Formirovanie tadzhikskoi natsional’noi identichnosti [Formation of Tajik national identity] In *Tadzhiki* [Tajiks]. N.A. Dubova, N.K. Ubaidullo, Z.M. Madamidzhonova (ed.). Moscow: Nauka. 782–802.
- Shukuri, M. 2002. *Insongaroi omʻyʻzish va zaboni milli* (*Gumanizm obrazovaniia i natsional’nyi iazyk*) [Humanism of education and national language] Dushanbe: Paivand, (In Tajik).
- Sun, W. 2012. Poetry of Labour and (Dis)articulation of Class: China’s Worker-poets and the Cultural Politics of Boundaries. *Journal of Contemporary China* 21 (78): 993–1010.
- Timczuk, A. 2013. The Morality of Transnationalism: Children of Ukrainian Labor Migrants Write about Migration, Homeland and Abroad. *Children’s Geographies* 11(4): 490–503.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В ТВОРЧЕСТВЕ КИРГИЗСКИХ ПОЭТОВ-ГАСТАРБАЙТЕРОВ
г. МОСКВЫ***

Киргизские трудовые мигранты в России находятся в лучшем положении по сравнению с представителями других стран Средней Азии, как в плане обеспеченности более квалифицированной работой, так и в отношении социальной, культурной, языковой и т.д. интегрированности в российское общество. Эти обстоятельства не только дают части из них возможность заняться художественным творчеством (в стихах и в прозе), но и предоставляют большие шансов его реализовать в плане взаимодействия с российскими литературными организациями: немалая часть представителей киргизского мигрантского литературного клуба «Московские напевы» тесно взаимодействует с Союзом писателей России и другими литературными союзами, вплоть до членства в них. в работе рассмотрено творчество некоторых наиболее выдающихся творческих представителей киргизской диаспоры, посвящённое самым разным вопросам: не только и даже не столько проблемам самих мигрантов в России, но и многим актуальным социальным проблемам на родине, от домашнего насилия до урановых разработок и межэтнических конфликтов. Необходимо отметить при этом, что характер творчества киргизских поэтов постепенно меняется, особенно после получения киргизами-гастарбайтерами ряда льгот по сравнению с другими трудовыми мигрантами в 2018 г., от преобладания чисто мигрантских сюжетов к более общим вопросам социальной справедливости, в первую очередь в своей стране.

Ключевые слова. *Киргизские мигранты, Москва, творчество, поэзия, социальная справедливость*

Для цитирования: *Ситнянский Г.Ю. Актуальные проблемы социальной справедливости в творчестве киргизских поэтов-гастарбайтеров г. Москвы // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 129–148.*

Разным аспектам трудовой миграции киргизов в Россию посвящено очень много работ, исчисляемых, вероятно, сотнями, здесь мы упомянем лишь некоторые из них. Проблеме уделили внимание, например, Р. Аттокуров (*Аттокуров* 2009), А.Б. Веш-

Ситнянский Георгий Юрьевич – к.и.н., старший научный сотрудник Среднеазиатской группы Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (117334, Москва, Ленинский проспект, 32а). Эл. адрес: sitnyan@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации по теме «Социальная справедливость в поэзии трудовых мигрантов из Центральной Азии в Москве»

курова (*Вешкурова* 2011), Р.А. Маметов (*Маметов* 2009), Н. Мендибаев (*Мендибаев* 2012), Я. Сафонов (*Сафонов* 2008), Е.В. Тюрюканова (*Тюрюканова* 2009) и многие другие. Занимался этим вопросом и автор этих строк, наиболее крупная работа – монография по миграциям (*Ситнянский, Бушков* 2016). Но творческая деятельность трудовых мигрантов – тема для меня принципиально новая, ни мне не приходилось этим заниматься, ни работы других авторов не попадались. Уже при первом погружении в тему становится очевидным, что в творчестве поэтов-мигрантов весьма сильны мотивы социальной справедливости, при этом с течением времени и с изменением положения киргизов в России (об этом ниже) эти мотивы несколько изменили своё содержание. Задача настоящей статьи – проследить развитие и эволюцию идейного наполнения творчества киргизских мигрантов. Работа выполнена в рамках гранта Фонда Розы Люксембург и основана как на личных контактах автора с поэтами-киргизами, так и на анализе сборников клуба киргизских поэтов «Москва кайрыктары» («Московские напевы»), предоставленных мне одним из учредителей клуба.

Началось киргизское мигрантское творчество с того, что с 2009 г. киргизская диаспора стала издавать общественно-информационную газету «Нур». Основной функцией газеты первоначально было информирование трудовых мигрантов о юридических услугах, например, публикация адресов посольства, консульства, юристов, к которым можно обратиться, а также клиник, кафе и т.д. Писалось в газете в своё время (2009–2010) и об опасностях, грозящих, например, от скинхедов. Все эти годы газета распространяется бесплатно, тиражом 10 000 экземпляров. в период пандемии газета не выходила, теперь (данные на начало июня 2021 г.) возобновлено её издание.

По мере того, как издатели газеты «Нур» и другие руководители диаспоры начали собирать мигрантов, постепенно встречи переросли в том числе и в творческие вечера, на них стали привлекать занимающихся творчеством мигрантов, что и привело к концу 2010 г. к созданию клуба «Москва кайрыктары». К осени 2021 г. 20 членов клуба уже стали членами Союза писателей Киргизстана. Теперь члены клуба собираются ежемесячно, обсуждают и читают стихи, а раз в год организовывается конкурс поэтов. При этом, если первоначально такие собрания устраивались вокруг писателей и поэтов, приехавших из Киргизстана, то теперь в Москве много «своих» поэтов – мигрантов. Победителям конкурсов за счёт диаспоры обеспечиваются некоторые льготы, например, бесплатное лечение на год (сообщивший мне данную информацию руководитель клуба «Московские напевы» Б.Ш. Баланов сам уроженец Оша, по специальности врач-невролог, в Москве живёт с 2021 г., является также создателем и владельцем частной стоматологической клиники – кстати, ещё один пример того, как создаются рабочие места «для своих»; всего в Москве 25-30 киргизских клиник). в каждой области Киргизстана у клуба также есть координаторы, которые устраивают аналогичные творческие вечера и там. Многих начинающих поэтов клуб поддерживает чуть ли не с детства (среди тех, кто публикуется в сборниках клуба, немало совсем молодых), т.к. новички поначалу никому не интересны.

Всего с 2010 г. членами клуба побывали в разное время примерно 1000 человек. в декабре 2020 г. в Ресурсном центре Москвы (Рязанский проспект) состоялся вечер, посвящённый десятой годовщине «Московских напевов», с участием представителей посольства Киргизской Республики. А на 2022 или 2023 год клуб запланировал проведение в Бишкеке курултая всех, кто когда-либо был его членом.

Представляется целесообразным рассмотреть творчество некоторых членов клуба «Москва кайрыктары» в динамике и в развитии. Начну с ранних работ, в большей мере затрагивающих именно мигрантские проблемы.

Насырова Самара Бакировна, из Оша, живёт в России с 2000 г. Прошла долгий трудовой путь (начала с дворника). Стихи пишет с детства. По образованию биолог, но считает это ошибкой («надо было на журналиста учиться»). в газете «Нур» имеет свою рубрику «Судьба», посвящённую женщинам-мигрантам. Автор пяти книг (в стихах и прозе). На её творчестве явно отразились проблемы первых лет пребывания в России, когда киргизам часто приходилось несладко. Вот одно из её стихотворений.

Муздак калаа

Жат жерден жардылыкка издеп дабаа,
Келгенде тосуп алган... муздак калаа.
Жыл сайын кетем деймин... бирок кетпей,
Жүрөктүн түпкүрүнөн сыздайт жара...

Шум кабар, ар күн сайын укканыбыз,
Шуулдаган метро болуп чыкканыбыз.
Өмүрлөр согушу жок кырылууда,
Ушулбу тагдырды биз утканыбыз?...

Жетишпей бул турмушка көрк берүүгө,
Чырактай кайран кыздар өрттөнүүдө.
Айдалып Сахарово тор ичинде,
Алты айлап кыргыз күнүн өткөрүүдө.

Жигиттер кулап, өлүп майып болду,
Дайынсыз канча жандар кайып болду.
Оор жумуш очорултуп эчендерди,
Аттиңай, кыз келиндер айып болду...

Көксөгөн мал мүлкүмдү топтоптурмун,
Эмгекчил кумурскага окшоптурмун.
Мекенден сыртта жүрүп кусаланган,
Ден соолук жаштыгымды жоктоп турдум.

Холодная башня

В странной земле ищу исцеления,
Холодная столица приветствует по прибытии.
Каждый год я покидаю её, но не хочу –
Сердце разрывается от боли.

Быстрые перекусы, ежедневные новости,
Поездки в шумном метро.
Вымирание без войны –
Это наша жизнь?

Не хватает красоты в этой жизни,
Сгорает свеча, сгорают девушки,
Загнали нас в Сахарово,
По шесть месяцев киргиз тут проводит.

Молодые люди становились инвалидами,
Падали и умирали.
Сколько пропало без вести!
От тяжёлой работы тускнут глаза,
Сколько девушек оштрафовано!

Я накопил желанное имущество,
Работая как трудолюбивый муравей.
Но плохо мне за пределами родины,
У меня не было молодости и здоровья.

О тяжёлой жизни вдали от родины пишет и **Дамир Абсатаров**, 1989 г.р., уроженец Ноокатского района Ошской области в стихотворении «Дневник мигранта». Окончив в 2012 г. Бишкекскую академию художников-дизайнеров им. Т. Садыкова, Д. Абсатаров трудится в Москве. Как и другие мигранты, он «встаёт ни свет, ни заря, чтобы работать весь день» (Москва кайрыктары-5 2016: 151-152; в связи с отсутствием некоторых киргизских букв они здесь и далее заменены русскими, за исключением тех случаев, когда компьютерный текст передан автору в том числе и на киргизском языке).

Мигранттын кундолугу

Кунуго кором кочодо турун мигранттын,
Кылганы бар, ылгабай баарын кызматтын.
Акча деп жургон ушунча элдин ичинде,

Ырыскы издеп журомун, мен да мигрантмын.
Ар тандан туруп барганы бир жол мигранттын,
Кечке тейин иштеп, конулун алат бир
баштын

Тугонбос ошол, кок кагаз учун омурдун

Арнаган элдер ичинде, мен да мигрантмын!
Дайыма супсак, кундору окшош мигрант-
тын,

Тилекке каршы корбодук балын бул
жаштын.

А бирок дайым, бир умут менен журомун,
Кудайдан кутом, бугунчо ишмер мигрантмын!

Ботондон гана жарыйбы куну мигранттын?
Жыргатып кээдэ Россия копту ыйлаттын.
Элимдин эмес, урматтап башканын салтын,
Кыйраты иштеп, жеринде журом мигрантмын!

Жер кезип ойноп, татышып жашоонун кантын,
Жургондорго таныркап кээдэ сук арттым.
Спортчу, ырчы, турист да болсом жарашмак,
А бирок азыр турист эмес, мигрантмын!

Мухамбет Каныбек уулу, 1992 г.р., из Кара-Кульджинского района Ошской области. Мухамбет – технический редактор «Москва кайрыктары», а также автор книги «Утренний луч» (Москва кайрыктары-5 2016: 249–250), одно из своих стихотворений посвятил проблемам мигрантов в общении с ФМС. Вероятно, оно написано значительно раньше года публикации сборника (2016), хотя бы потому, что полиция там названа милицией.

Жарма жана ФМС

Карегемде апакемин жамалы,
Кайнап турат казанында тамагы.
Даамы таттуу тилимден эч тушпогон,

Эске тушту балалыгым баягы.
Ботон элдин жеринде конок болуп,
Даам жутпадым апакемин тамыгындай,
Жакшы-жаман кундор отту жомок болуп,

Дневник мигранта

Ежедневно вижу на улице стоящего ми-
гранта,
Какая работа есть, то и ладно.

Стольким людям, говорят, важны деньги,
Я ищу пропитание, и я тоже мигрант.

Мигрант, который встаёт ни свет, ни заря,
Чтобы работать весь день.

Безгранично значение для жизни синей бу-
мажки (мигрантского документа – Г.С.),
Среди людей, выбравших это, я тоже ми-
грант!

В дни миграции вы постоянно скучаете,

К сожалению, мы не видели сладость моло-
дости.

Но всегда с надеждой,

От Бога жду [хорошего], сегодня я работ-
ник-мигрант!

Разве это участь только мигранта?

Россия больше плачет, чем вздыхает.

Уважайте чужие традиции, а не свои,

Я – мигрант, идущий по разрушенной земле!
Как же получать радость от жизни, путе-
шествуя по земле,
Как же жить в мире и согласии.

Если бы я был туристом, это было бы пре-
красно,

Но теперь я не турист, я мигрант!

Крупа и ФМС

И в этот день, как говорится,
Ничто не предвещало.
Не выходил из памяти вкус сладкого
ломтика,
Вспоминалось мне детство.
Как гость в чужих краях,

Кыш чилденин согуп откон шамалындай. Не глотал, жевал как жвачку.
 Бир батирди он беш адам ээлегенбиз, Хорошие и плохие дни прошли, как сон,
 Ашканда алты казан кайнап турат. Как зимний ветер.
 Ары чыгып кайрылып кирген сайын,
 Акырындап милициялар кайнап турат. Пятнадцать человек в одной квартире,
 На плите кипят шесть кастрюль.
 Апакемдин тамагынын даамын энсеп, Каждый раз, когда вы уходите и возвращаетесь,
 Жарма кылдым кууруп алып унду эптеп. Постепенно милиция начинает сердиться (букв.
 «закипает»).

Муздаганча терезеге койгон кезде, Тоска по еде, приготовленной мамой,
 Милициялар кирип келди «выходим» деп, Крупу мелко нарезать (раздробить?) и обжарить.
 Мигранттын туйшугу коп башындагы, Потом поставить на подоконник до остывания.
 Ачуум кайнайт барыш кетпей кашымдагы. Милиция вошли и сказала «выходим»,
 Тор ичинде олтурабыз топтолушуп, Ка- На плечах мигранта много проблем,
 мап салган карыларын, жашын дагы. Я не знаю, что делать дальше.
 Курсак сылайт ачып калса карындары, Старых и молодых
 Убакыт, саат созулуп ага берди. Заперли в «обезьянник».
 А менинчи жарма турат оюмдагы, Уур- Живот потёр, живот успокоился,
 талбастан терезеде кала берди. Время шло.
 А я оставался в думах
 О крупе на окне.

Ещё одно стихотворение сходного содержания написала **Перизат Абдыкасымова**, 1996 г.р., уроженка Тюпского района Иссык-Кульской области, занявшая третье место на конкурсе поэтов 24 апреля 2021 г., на котором мне довелось присутствовать. После окончания юридического факультета Каракольского университета она работает в Москве (Москва кайрыктары-5 2016: 291).

Мигранттык кундор

Бакыт издеп алыс-алыс жактардан,
 Кыйын болду кобунчосу жаштарга.
 Мезгил отуп, кун кечкирип-тан
 атып, Адал иштеп эмгек кылып жа-
 шайбыз.

Тууган-урук, уй-булоодон чектелип,
 Бозоргондой нур жузбуз кезерип.
 Оз жеринен ала албай мээримди,
 Биз жашоону ботон жерден издедик.
 Тагдыр бизди сынадыбы билбеймин,
 Кайырчыдай кочо таптап иштедик.
 Биз жашоону ботон жерден издедик.
 Тагдыр бизди сынадыбы билбеймин,
 Кайырчыдай кочо таптап иштедик.

Кайгы салып журокторду муздатып,
 Кенен жагып, ысык тамак ичпедик.
 Четте журуу абдан кыйын билсениз,
 Журок сыздайт, коздогу жаш термелип.

Мигрантские дни

В поисках счастья в далёких краях
 Трудно было многим молодым.
 Время идёт,
 И мы живём честным трудом от рассвета до заката.
 Мы думаем о долге перед семьями,
 И на наших лицах эта забота отражается.
 Любовь, которую мы не могли получить на своей земле,
 Мы искали в чужой стране.
 Я не знаю, бросила ли нас судьба,
 Мы работали, как нищие, стуча по улицам.
 Мы лежали широко (?), не ели горячей пищи,
 Охлаждая сердца от горя.
 Вы знаете, очень трудно оставаться равнодушным,
 Сердце бьётся, слёзы подступают к глазам.
 Сколько судеб разбито,
 Здоровье уходит.
 Редкий день без суеты,
 Работать в Москве скучно.
 Но как бы я ни был разочарован и ни скучал,
 Я считаю свою судьбу правильной.

Кенен жатып, ысык тамак ичпедик.
 Четте журуу абдан кыйын билсениз,
 Журок сыздайт, коздогу жаш термелип.
 Талкаланып канчалаган тагдырлар,
 Ден-соолуктар кетип жатат тепселип.
 Кыйын кундун кыйынына каржалбай,
 Иштеп келем Москвада тажабай.
 Конул калып, канча тажап турсам да,
 Оз бактыма туура карайм жалтанбай.
 Эх, мигранттык кундор кандай кусалык,
 Мекениме суйуум кучойт такшалып.
 Оз жеримде мумкунчулук жок болсо,
 Айткалачы, кандай ала кылабыз?

А вот такое стихотворение вышло из-под пера **Мээрим Арапбаевны Арыновой**, 1992 г.р., из Кара-Сууского района Ошской области; кроме того, в том же 2016 г. эта поэтесса издала сборник стихов и прозы «Жан Сырым» («Секрет души») (Москва кайрыктары-6 2016: 41).

Мигрант ыры

Алыстап келип айылдан дагы, башкадан
 Журобуз иштеп каражат тартыш айынан.
 Ай сайын иштеп акчага колун жетээрде,
 Айлыгын бербей кур жанды абдан кыйныган.
 Чалышаат уйдон «акчанды салчы, керек» деп,
 Ойлошпойт алар, акчны кайдан келет деп.
 Ооматын келет иштесен жакшы айлыкка,
 Жалкоорок болсон бир сом пул бекер беришпейт.
 Кубарып жузу иш ордун таппай кыйналган,
 Ар ишке барып арандан зорго жан бакан.
 Ар айда келчу жашаган жерге толо деп,
 Бир тыйын таппай таарынып алсыз ыйлаган.
 Кордугун коргон жашынан тартып улуусу,
 Тил билбей келип турмушту женил корушу.
 Айла жок барган женил жол акча табууга,
 Октуот аттин, кыздардын «тиру олуусу».
 Коодонго батпай кокурок толуп ыйлады,
 Корсом бир гана кыйналган кыргыз жаранды.
 Оюмдан онго болунуп кетем заматта, Турмуштун кандай талабын билсен, айтсанчы?
 Коодонго батпай журугум сыздап кыйналат,
 Ар куну корсом кыйналган кыргыз жаранды.

Эх, как тоскливы дни мигранта,
 Любовь к родине крепнет и становится более
 возвышенной.
 Скажите, если у меня нет возможностей на
 своей земле,
 Как мы можем это изменить?

Песня мигранта

Даже вдали от родного села, в другом месте,
 Мы продолжаем работать из-за нехватки денег,
 Каждый месяц вы получаете заработанные
 деньги,
 Пропускаете зарплату и очень расстраиваетесь.
 Часто из дома звонят, говорят: «Шли деньги»,
 Они не думают, откуда деньги берутся.
 Если ты работаешь хорошо, тебе платят хоро-
 шую зарплату,
 Если ты ленивый, тебе не дадут ни копейки.
 С измученным лицом, нашёл наконец работу,
 Каждый день ходит на работу, едва сводя концы
 с концами.
 Не найдя ни копейки, горько плакала от обиды,
 Что каждый месяц было полно желающих.
 Старшие по возрасту видели оскорбления,
 Их легко увидеть, не зная языка.
 Хитрый путь, легкий путь к зарабатыванию денег,
 Смелый путь к «выживанию» девушек.
 Плач наполнял грудь, не смещаясь в тело,
 Я видел только пострадавшего киргизстанца.
 В какой момент ты узнаешь,
 Чего требует жизнь?
 Моё сердце болит, не вмещаясь в тело:
 Каждый день я вижу страдающего гражданина
 Киргизстана.

Поднимаются в стихах и такие проблемы, как смерть соотечественников на чужбине. Та же **С.Б. Насырова** предваряет стихотворение «Болезнь языка» (тоже явно произведение более ранних лет) такими словами: «Два-три дня назад мой земляк, живущий на одной из сельских улиц, работал на стройке и умер, ему упал кирпич на голову...Из Москвы в год уезжают две, три сотни гробов. Сумасшедшая проблема!»

Дил оору

Жаным кейип, бүт дилим ооруп турат,
Жаштар өлүп, кырсыгы тооруп турат.
Жандай көргөн баласын тапмай калып,
Жашын төккөн энелер соолуп турат.

Калктын саны күн санап азайууда,
Карылары көк кийип азалуу да.
Кайран кыргыз кул болдук бөтөндөргө,
Качан деги жетebиз тазарууга?...

Орустардын колунан өлүп жатат,
Орустардын кордугун көрүп жатат.
Оозун ачып, каяша кайтаралбайт,
Орустарын кыргызды сөгүп жатат.

Качан келет кайтаар күн элибизге,
Кагылайын, бейиштей жерибизге.
Канды соруп, башкалар айлантпасын,
Манкуртукту, жамабай терибизге.

Жаштарыбыз жаш туруп өлбөсүнчү,
Жамандыкты эч качан көрбөсүнчү.
Жаш жубайлар көбөйүп, өмүр сүрүп,
Жаз алдында келиндер төлдөсүнчү...

Вместе с тем, мигранты, судя по содержанию некоторых стихотворений, не теряют надежды, что не ограничатся обустройством России, но смогут преобразовать и свою страну. Уже цитированный выше **Мухамбет Каныбек уулу** написал, как он «утро встречает с мыслью, что впереди много разных дел, чтобы красиво украсить Ош, Бишкек и семь областей Киргизстана» (Москва кайрыктары-5 2016: 250–251).

Мигрант ыры

Жалындаган жыйырмадагы курактабыз,
Жашыбыздан оз мекенден узактабыз.
Жарышып иштин баарын бутуруп, Жаныр-
тып жат олкону баратабыз.
Куулонуп кучко толгон убактабыз,

Куйунуп туркун ишке байланабыз.
Колдорубуз ылай-баткак болгон менен,
Кооздоруп бара жатат айланабыз.
Ойлогон максаттар коп алдыдагы,
Ой менен тосуп келем аткан танды.
Ойдогудай кооздоп алсак экен деп,
Ош, Бишкекти, жети дубан Кыргызстанды.

Болезнь языка

Душа болит, вся душа болит,
Молодые умирают, беда наступает,
Не встретив ребёнка живым,
У матери все слёзы высыхают.

Число народа сокращается,
Старики тоже одеты в синее (?).
Киргизы стали рабами чужих.
Когда мы сможем наконец очиститься?

Он умирает от рук россиян,
Он видит унижение от россиян.
Что значит открыть рот

Там, где нет возврата?
Когда придёт день вернуться домой?
Давайте вернёмся в нашу землю,
Никому не позволим сосать кровь,
Не будем манкуртами.

Пусть наша молодёжь не умрёт молодой,
Пусть никогда не увидит зла.
Пусть молодые пары живут долго,
Пусть весной невесты будут счастливы...

Песня мигранта

Нам за двадцать,
Мы старше нашей родины.
Мы едем в чужую страну,
Чтобы завершить срочную работу.
В этот день, когда мы полны сил и энергии,
Мы готовы к любой работе.
Наши руки были в грязи,
Но всё вокруг становится всё красивее.
Утро встречали с мыслью,
Что впереди много разных дел.
Чтобы красиво украсить
Ош, Бишкек, семь областей Киргизстана.

Поэт-профессионал из числа мигрантов, уже упомянутая **С.Б. Насырова** в стихотворении «Мы в чужой стране» пишет на ту же тему (приводится частично). Она призывает не забывать свою Родину и мечтает вернуться домой.

Бөтөн элде жүрөбүз

Мындай жашоо жазылыптыр тагдырга,
Мунайбастан баарын жеңип алдыга.
Өз мекенге эсен аман кайталы,
Өлкөбүзгө салым кошуп талпына.

Султан болуп бөтөн жерде жүргөнчө,
Суу ичсек да, ултан болуп өз жерде.
Сурап алаар эч кими жок жетимдей,
Сустаябыз бөтөн элде кез кезде...

Чөнтөгүбүз акчасына толсо да,
Чөйчөгүбүз нак алтындан болсо да.
Унутпайлы Туулган жерди мекенди,
Урмат сыйы бакыт кушу консо да.

Мы в чужой стране

Такая жизнь начертна судьбой,
Без нефти всё впереди.
Давайте благополучно вернёмся домой,
Сделаем что-то для страны.

Чем быть султаном в чужой стране,
Лучше быть подмёткой на своей земле.
Как сирота, у которого ничего нет,
Суетимся на чужбине.

Даже если наши карманы полны денег
И наши чашки из чистого золота,
Давайте не будем забывать родину,
И пусть счастье не кончится.

Есть среди поэтов-мигрантов и другие профессионалы. **Айнура Бекбосыновна Бекболотова**, 1969 г.р., уроженка Иссык-Кульской области, в России постоянно живёт в России с декабря 2015 г. в 1990-х гг. окончила Всесоюзный заочный институт пищевой промышленности, в Москве А.Б. Бекболотова работала пять лет в школе заведующей столовой, а весной 2020 г. ушла оттуда, потому что поступила на вечерние литературные курсы им. Горького. Здесь сказала и наследственность: её мама – поэтесса, она с молодости писала стихи, например, о детстве, о послевоенных годах (она 1944 г.р.). При этом она писала «для себя», издавать стихи не собиралась, сборники опубликовала (и теперь готовит к печати четвёртый том) её дочь. Сама Айнура Бекбосыновна первые стихи написала в 15 лет. в её творчестве (в данной статье использованы работы более поздние) уже сказались те изменения, которые произошли в положении киргизов в России в последние годы. Представляется нужным кратко их перечислить.

В 2018 г., в статье, посвящённой некоторым проблемам киргизских трудовых мигрантов в Москве и Подмоскowie «Киргизы в России – «как дома» или «почти как дома»?», я писал, что киргизы в России находятся в более выгодном положении, чем представители некоторых других среднеазиатских стран (*Ситнянский* 2018), сегодня киргизам больше платят, и работодатели отдают приоритет работникам киргизам (*Перспективы* 2017). Эти сведения подтверждаются и моими собственными наблюдениями в других регионах России в 2006-2011 гг. – в Саратовской, Пензенской, Оренбургской, Самарской, Омской, Тюменской, Московской областях. Подтверждают их и материалы проведённого мною летом-осенью 2018 г. обследования среди киргизов Москвы и области: лишь 7% опрошенных, например, жаловались на задержку зарплаты. в частности, Представительство Государственной службы миграции при Правительстве Киргизской Республики в Российской Федерации, как и другие организации, по мере своих возможностей помогают мигрантам в отстаивании права на своевременную оплату труда (*Ситнянский* 2018: 87).

Ещё одна причина более выгодного положения киргизов по сравнению с выходцами из других стран Региона – то, что в последнее время в диаспоре наметилась тенденция создавать рабочие места для своих – выходцы из Киргизстана открывают в России своё дело и дают работу землякам. «В середине нулевых (2000-х – Г.С.) в Москве такого ещё не было, чтобы киргиз работал на себя», – констатирует один из информантов (Киргизы Москвы 2017). Более того: киргизы более тесно, чем представители других стран региона, интегрированы в жизнь России. Согласно изменениям и дополнениям к Договору о вступлении Киргизстана ЕАЭС (август 2018 г.), киргизы получили право требовать от работодателя записи о приеме на работу в трудовую книжку. «Работа в России будет засчитываться в общий трудовой стаж, а члены семей получают право претендовать на социальные обеспечение: бесплатную медицину, места в детских садах, школах и вузах России (Почему киргизы...). Это породило снижение числа желающих закрепиться в России на ПМЖ. в 2018 г. более 72% семейных и 75% холостых киргизов предполагали вернуться в свою страну, в основном через 1-5 лет, лишь единицы называли большие сроки (максимальный – 10 лет), чуть более 20% планировали периодически приезжать на работу и только 6-7% – закрепиться в России и постоянно жить. На момент проведения опроса (2018 г.) постоянно жили в России 9,4% опрошенных (Ситнянский 2018: 89); для сравнения, ещё в 2007 г. таких было в 2,5 раза больше – 24% (Тюрюканова 2009: 292).

Как ни парадоксально, эти цифры говорят о большей интегрированности киргизов в российскую жизнь: теперь для всех перечисленных льгот не надо постоянно здесь жить, а кроме того, если что, всегда можно вернуться в Россию. Ситуация сказалась и на изменении творчества мигрантов, что хорошо прослеживается на примере той же А.Б. Бекболотовой: в её поэзии меньше собственно мигрантской тематики, хотя есть, безусловно, и она – вот для примера стихотворение «Поездка из Москвы». Поэтесса мечтает о возвращении на родину, вспоминает родных людей и любимый Иссык-Куль. На чужбине для неё всё иначе, приходится вставать ни свет, ни заря и «месить соль» на московских улицах.

Москвадан сапар алдым

Эл катары мен да кеткем иштөөгө,
 Москванын тузун таттым буюруп.
 Кызматчы да, башчы болдум иргебей,
 Чоң шаардын жашоосуна жуурулуп.
 Таң заарда шашып жөнөп ишиме,
 Кайра кайтам үрүл-бүрүл күүгүмдө.
 Күндөр сызып, өмүр өтүп билинбей,
 Жыл айланып, жөнөп жатам үйүмө.
 Учуп көздөн алтын уям-өз үйүм,
 Күн санаймын, сагынычтан кусамын.
 Кыялымда эчен жолу баргамын,
 Жыттап кызым, кучагыма кыскамын.
 Алыс жерден сапар алып аттандым,
 Ысык-Көлүм, туулган жерге, мекенге.
 Урук-тууган, үй-бүлөмдү сагындым,
 Алып-учат, ойлор чубайт жеткенче.

Поездка из Москвы

Как и мой народ, поехал я в Москву
 Месить московскую соль,
 Был и рабочим, и начальником сортировки,
 Вписался в жизнь большого города.
 Встав ни свет, ни заря, отправлялся на работу,
 Возвращался в сумерках.
 Дни прошли, время прошло незаметно,
 Год пролетел, и я еду домой.
 Полётом мысли много раз видел родной дом,
 Дни считал, тосковал,
 Много раз был он в моих мечтах,
 Аромат любимой девушки, короткие объятия.
 Приехал я издалека,
 Покинув родину – Иссык-Куль,
 Скучаю по родным, по семье,
 Пока мысли до них не дошли.

Кере жуттум атыр жыттуу абандан,
Ой-кырларың, талаа-түзүң керилген.
Кубат алам илебинен көлүмдүн,
Берекелүү туулган жерим, демиден.

Запахи, которые вы вдыхаете,
Поля, солончаки.
Силой мира веет от озера [Иссык-Куль].
Благословен рождённый от твоего дыхания.

Вообще, к занятию художественным творчеством А.Б. Бекболотову подтолкнуло в том числе, и ощущение несправедливости, выразившиеся в некоторых конкретных социальных явлениях. Например, в 2019 г. в Бишкеке в аэропорту она увидела старика, просящего милостыню, и это её задело (вообще, для тюркских народов старик, брошенный родными и просящий милостыню – это редкая и позорная аномалия), и пока ехала до Балыкчы (шесть часов на автобусе), написала стихотворение об этом.

Каырычыга айланды

Кай заманда калпак кийген карыя,
Кайыр сурап отурчу эле көчөдө?
Кыргыз эли кылым атың татыган,
Карыясын таштаганбы көчөгө?
Кайыр сурап байбичеси олтурат,
Кайсы бала бейиш төрүн таштады?
Өткөндөрдөн тыйын сурап жалдырап,
Бийик эне тепсендиде калганы.

Ата-энеси кыргызымда кор болуп,
Азап чегип көр окаттын айынан.
Бак-дөөлөттүү карылыкты көрбөстөн,
Зээниң кейит көздөрүнүн жашынан.
Оомат келип кыргызымдын башына,
Оңолсо экен бала-кыздын пейили.
Карыялар акыл берип жаштарга,
Байбичелер төргө отурсун кеңири.

Становимся глухими

Где старик в колпаке
Занимается попрошайничеством на улице?
Позор века киргизскому народу:
Старик вышел просить милостыню.
Попрошайничество убивает старушку,
Какой сын покинул её на это?
Просить копейки у прохожих?
Святая мать осталась, как выброшенная тобой
выжимка.

Родители у киргизов стали униженными,
Страдают из-за старости.
Жизнь без достойной старости,
Печаль от этих слёз.
Пришли для киргизов времена:
Дети не церемонятся,
Старики по уму ближе к молодым,
Бабушки могут сидеть в красном углу (?)

Были и другие, более широкие, касающиеся значительного числа людей явления – толчки для творчества, например, то, что в 2018 или 2019 гг. открыли урановые месторождения близ Балыкчы и собираются их разрабатывать, невзирая на предупреждения учёных, что это очень затронет местное население и весьма неблагоприятно скажется на экологии всего Прииссыккуля.

Более выгодное положение киргизов сказалось и на статусе их поэтов-мигрантов в России: 8 членов клуба «Московские напевы» стали (на начало лета 2021 г.) членами Союза писателей России, один получил Есенинскую премию. 29 марта 2021 г. приняли в Союз писателей России и А.Б. Бекболотову. Также она – член Союза российских поэтов (с ноября 2020 г.), некоторых других международных союзов, например, Международной Академии Российского Союза (МАРС) или Союза писателей.

На родине А.Б. Бекболотова с 2017 г. начала печатать стихи в Иссык-Кульской областной газете «Кол Деми». в 2019 г. на киргизском языке издана её книга «Ааламга жол» («Путь ко Вселенной»). Стихи её печатались на киргизском и русском языках также в газете «Маданият жана тил», в журналах «Аялзат», в сборнике стихов «Аалам жылдызы» («Звезда мира») киргизских писателей и поэтов в 2018 г., в антологии «Поэзия мигрантов» киргизских поэтов в 2021 г., в сборнике «Ааламга карай жол» в 2020 г., в сборнике «Ак калпак баяны» в 2019 г., в сборнике «Чынгызга таазим»

в 2018 г., в России – в альманахах Союза писателей России, а также в международных альманахах: «Славянская лира» (Россия, Сербия, Болгария, Македония) – пять раз, «Sun Sity» (Украина) три раза, «Чернильница» (Болгария), «Зимняя рапсодия» (Россия, Сербия, Македония),

Особо следует отметить творчество **Жанны (Жамал Турдакуновны) Сабаевой** – поэта, публициста, переводчика и общественного деятеля. Родилась Ж. Сабаева в 1966 г. в Иссык-Кульской области (Джеты-Огузский район, село Жон-Булак), в большой рабочей семье (восемь детей). в колхозе «Дружба», состоявшем из пяти сёл, жило несколько русских семей, с некоторыми из них семья Сабаевой дружила. Общение с ними привило хорошее знание русского языка, Жанна много читала, а в седьмом классе в школьной стенгазете опубликовала первое стихотворение. Позже, правда, лет тридцать особо не увлекалась творчеством: отвлекали учёба, работа, семейные заботы.

В 2005 г. Жанна переехала в Россию, в Кострому. И с тех пор жизнь самой Ж. Сабаевой и её семьи проходит в «треугольнике» Каракол – Москва – Кострома. в Чухломском районе Костромской области имеется купленный в 2007 г. сельский дом, выезд в который на лето, по её словам, очень способствует творческому вдохновению, ещё и благодаря хорошим соседям (её собственная характеристика: «истинно добрые и простые люди, мои преданные друзья и подруги»), и вообще, жизнь в этом загородном доме – «отдушина от всех жизненных человеческих проблем».

Здесь надо обратить внимание вот на что. Костромская область – один из депрессивных регионов, региональный долг которого примерно равен региональному бюджету. Растёт безработица, соответственно возрастает и отток местного населения. И трудовая миграция (неофициальная цифра которой, по некоторым сведениям, в 6-7 раз превышает официальную), например, в 2020 г. на 90% компенсировала убыль населения в целом по РФ, в том числе дефицит врачей, учителей, инженеров, лиц со средним специальным образованием, работников обрабатывающей промышленности, а также сельского хозяйства (Белова 2021). Есть некоторые основания считать, что периодическое пребывание в таком регионе не могло не стимулировать социальную составляющую в творчестве Ж. Сабаевой.

Впрочем, творческое вдохновение, как уже сказано, вернулось к ней не сразу. Как и в случае с А. Имановой, определённым толчком послужили и свои проблемы со здоровьем: в 2012 г. она заболела раком (её оперировали более 16 часов). После болезни она снова начала писать статьи, а с 2014 г. – и стихи... И почти сразу на собрании литературного клуба «Московские напевы» она была избрана редактором. в настоящее время Ж. Сабаева живёт и работает в Москве. Её основная работа – экспертный и синхронный переводчик с киргизского, казахского и узбекского языков на русский язык (и обратно) в следственных органах и судах Москвы и Московской области, со стажем более десяти лет. Когда через руки проходят такие материалы, то это тоже едва ли может не простимулировать социальную составляющую творчества.

Ж. Сабаева – активист, организатор первоначальных сборов и проведения акции «Бессмертный полк» в диаспоральных организациях в Москве и Московской области в 2014-2019 гг., сопредседатель Литературного Совета Ассамблеи народов Евразии, координатор литературного клуба «Москва кайрыктары» по Евразии, член национального Союза писателей Киргизской Республики и Московской областной организации Союза писателей России, правозащитница и юридический консультант по пра-

вам детей и женщин – выходцев из Киргизской Республики; это лишь некоторые из её общественных нагрузок, на перечисление всех ушло бы несколько страниц.

Помимо всего прочего, она – автор стихотворного сборника «Сезим жаңырыгы», редактор сборников «Аалам жылдызы» («Звезда мира»), «Москва кайрыктары 5», переводчик книг с киргизского языка на русский и с русского на киргизский, член жюри литературных и международных культурно-массовых поэтических конкурсов и мастер-классов, литературный критик. Её произведения печатались не только в Киргизстане, России и других стран СНГ, но и в США. Вместе с тем, в творчестве Ж. Сабаевой преобладают иные мотивы, чем у А. Бекболотовой или А. Имановой, менее социально-острые. Например, в одном из стихотворений ощущается некоторая ностальгия по ушедшим временам (по молодости или по идеализируемым многими временам СССР – пусть каждый решает для себя).

День, равный веку

Мне б в самолёт, да полететь в страну,
Где безмятежно я жила когда-то.
И у тоски безвыходной в плену
Я лишь в душе туда стремилась свято.
Не раскрывала я своих секретов,
И чувств не раскрывала никому.
Но что-то изменилось в мире этом –
Смеюсь, сама не зная почему.

Что время? Время не подвластно людям,
Года летят, как в небе стая птиц.
Сказал Чынгыз: «Любовь должна быть чудом,
Костёр любви не требует границ».
Сакральность этих высказанных слов,
Ведут по жизни, отмечая вехи.
Я жду тот день, как жду свою любовь,
И этот новый день подобен будет веку.

А вот стихотворение «Привет, Москва!» – в нём поднимается такая тема, как положение киргизов в России. По словам автора, они, несмотря на распад СССР, в последние годы чужаками себя здесь не чувствуют. Кстати, А.Б. Бекболотова хочет в России купить земельный участок, что не говорит однозначно о стремлении закрепиться в России на ПМЖ (старшая её дочь живёт в США, младшая сестра в Австрии), но при этом налицо некое особое отношение к столице России: «Москва для нас – как «центр Вселенной», я с детства стремилась к Москве». А Ж. Сабаева пишет, что она берёт силы от «мощной матери Москвы, она для неё «надежный оплот», «святая и драгоценная».

Привет, Москва!

Привет, Москва, пришла обратно, обними меня,
Соскучилась, добрые желания шлю тебе.
Ты свидетель прошлых тех годов,
Есть ли тайны, скрываемые от меня?
Обучила, изучила историю мою,
Воспитала как добиться цели своей.
При наблюдении, неверные шаги,
Не медля, ты нашла другие пути.
Слышишь меня, когда плачу и пою,
Дашь благо, делив внимание своё.
Как родная, духовно и благородно,
Поднимешь гордо, увяданию закрыв дорогу.

Беру силы от мощной матери Москвы,
Любуюсь в удовольствие сточными водами реки,
Ты мне надёжный оплот, не забуду навеки,
Святая, драгоценная, мне дороги ласки твои.
Не делишь, откуда и от какого народа,
В достатке живём, трудясь и любя.
Поровну делим радости и печали,
Настанет время, напомним о себе...
Расти, цветы, богата историей любви,
Не дай печалиться, прогони тоску.
Поднимусь и выше, буду ещё смелей,
Стану величаво, ведь обучала меня ты.

Отметим, что некоторые поэты-мигранты посвящают подобные стихи и другим российским городам, где им удалось найти место в жизни. Например, **Асан Тынаров**, 1997 г.р., уроженец Аксыйского района Джалал-Абадской области, работает в Новосибирске (Москва кайрыктары-6 2016: 312).

Новосибирск

Онго-солго болунгон шаарды кордум,
 Ойго салат чынында далее кобун.
 Ортосунда токтобой агып жаткан,
 Обь суусу ачып турат анын коркун.
 Билгин келсе айтайын шаардын озун,
 Билбегенге табышмак жазган созум.
 Кен Сибирдин борборунан орун алган,
 «Новосибирск» – деп аталат ошол торум.
 Новосибирск жашоо бердин копторуно,
 Сыйкырын бар соз жеткис коркомундо.
 Сен жайган кучагынды данктап бугун,
 Айткым келди эп корсон создорумдо.
 Кун сайын жаныланап мээнеттерден,
 Коп улуттун башын коштун эмгек менен.
 Эл наркын тушуно алган мамиле бар,
 Коркомуну башка шаарлар эч жетпеген.
 Оркундоп-осо бергин, айтаар кебим,
 Келеченин кен болсун шаарым менин.
 Кучагынды келгендерге кенен акчын,
 Новосибирск-энчиде болуп элдин.

Организаторы клуба «Московские напевы» «следуют пути Ч.Т. Айтматова», считают, что надо заниматься культурой, а не политикой». Совсем без политики, однако, не получается: расхожее выражение «не хотите заниматься политикой – политика займётся вами» актуально и для киргизов-мигрантов. Да и всегда ли можно отделить социальное – все эти описанные уже проблемы, в своей ли стране, в России ли или в третьей стране – от политики?

Ж. Сабаева говорила мне: «Я хочу, чтобы люди всей планеты жили в мире и согласии, для того чтобы прочно существовал мир и дружба, чтобы они много читали и духовно, нравственно развивались, соблюдали права и обязанности, простые элементарные правила. Вот тогда не будет ненависти, разногласий и международных столкновений». С этими мотивами перекликается и стихотворение Бурмакан Тургунбаевой 1977 г.р., уроженки Кара-Сууского района Ошской области, по основной специальности – учительницы химии и биологии (Москва кайрыктары-5 2016: 91).

Адам бойдон жашайылчы

Адам бойдон жашайылчы, адам бойдон,
 Жаныдан баштайылчы кадам коюп.

Новосибирск

Я видел город, разделённый направо и налево,
 На самом деле это всё одно.
 Непрерывный поток между [половинами] –
 Вода Оби раскрывает её красоту.
 Если вы хотите знать особенность города,
 Написанное мной – ответ для незнающего.
 Место расположено в центре Сибири,
 «Новосибирск» называется оно.

Новосибирск даёт нам много жизни (возможностей? – Г.С.),
 Но в этих словах нет ничего волшебного.
 Слава твоим распространённым объятиям,
 Как, видите вы, хотел я сказать.
 Обновляется каждый день
 Трудом многих наций.

У вас есть отношения, которые люди ценят,
 Достопримечательности не уступают другим городам.

Я бы сказал, процветать
 Пусть мой город будет больше.
 Широко открытый для гостей,
 Новосибирск – достояние народа.

Пусть человек живёт вечно

Пусть человек живёт вечно, пусть живёт,
 Шаг за шагом, чтобы начать все сначала

Жамандык ойлобостон эч бир жанга,
 Жашалга ар биринер таза бойдон!
 Адам бойдон жашайылчы, адам бойдон,
 Озгорууп кетпегиле наадан болуп.
 Жашоого бир келебиз, кетебиз да,
 Убактылуу биз мында мейман болуп.
 Адам бойдон жашайылчы, адам бойдон!

Ни одна душа не думает о зле,
 Пусть каждый из вас будет чист!
 Пусть человек живёт вечно, пусть живёт,
 Не становись глупее.
 Один раз приходим мы в жизнь и один раз уходим,
 Мы здесь временно, в гостях.
 Пусть человек живёт вечно, пусть живёт!

А.Б. Бекболотова писала, как говорилось выше, об урановых рудниках в Балыкчы – можно ли сказать, что эта тематика не имеет отношения к политике? А вот уже однозначно политика: под впечатлением недавнего (весна 2021 г.) конфликта между киргизами и таджиками она же написала новое стихотворение.

Биз үндөйлү

Ынтымакта жашап келген коңшу элдер,
 Аркы өйүз, берки өйүз суудан ичип.
 Алла берген бир насиптен даам татып,
 Бир-бирине сыйын арткан кыргыз, тажик.
 Бейпил жаткан эзелтеден кошуналар,
 Ортодо чагымчылдар от таштады.
 Ок атылып шейит кетти азаматтар,
 Үй-бүлөлөр наалат айтып зар какшады.
 Душмандар бар арабызда калп корсулдап,
 Карап турат маашырлана жик өткөрүп.
 Кылым карытчуу кыргыз, тажик коңшу эли,
 Касташпайлы бузуку үчүн өпкөөрүп.
 Куран окулсун шейит кеткен маркумдарга,
 Кайрат тилейли бир тууган, үй-бүлөгө,
 Манастын эр жүрөктүү урпактарына,
 Сурайлы бейишин берсин Алла Таала.
 Кыргызды кыргыз кылган сабырдуулук,
 Ак сакалдын сөзүн угуп кадырлайлы.
 Эки эл кошуна болот түбөлүккө,
 Кызыл кандуу ачуулука алдырбайлы.
 Илгертеден «Кан кетирбейт»-деген калган,
 Тынчтыкты сакташ үчүн күчтү үрөйлү.
 Бузуку учур келсе энчисин алат,
 Эки элди ынтымакка биз үндөйлү.

Будем едины

В мире и согласии живут два народа,
 Чистой воды обоим соседям хватает.
 Насладитесь дарами, что дали Аллах и природа.
 Кыргыз и таджик друг друга всегда уважают.
 С древних времён крови не проливали,
 Смутьяны меж ними огонь разожгли.
 Простые граждане погибли и пострадали,
 Родные, крича проклятия послали свои.
 Меж нами вражду посеяли змеи,
 Не будьте пешками в их руках.
 Кыргызы, таджики будьте мудрее,
 А подлецам воздастся на небесах.
 По погибшим прочитают Коран,
 Братья, родные мужества вам пожелаю,
 Потомки Манаса развеют злобы туман,
 Всевышний Аллах откроет дорогу к раю.
 Кыргыза кыргыз убереги от гнева, суда,
 Совет Аксакала послушаем дорогие мои.
 Ведь два народа соседи навек, навсегда,
 Затухшим огонь злобы в нашей крови.
 Придёт время виновным за зло отвечать,
 Зачем же напрасно кровь проливать?
 Давайте хрупкий мир мы сбережём,
 К единству два народа призовём.

Таким образом, политическая составляющая в ее поэзии свелась к призывам жить дружно, как и веками раньше жили. в целом же, как мы видим, социальное творчество представлено не только (а после введения в 2018 г. упомянутых льгот для киргизов – и не столько) в связи с проблемами мигрантов в России, но и с проблемами на родине, включая положение в стране в целом.

Из сказанного не следует, что последний мотив не встречался в творчестве мигрантов и до 2018 г. Вот для примера стихотворение **Гюльджан Жантороевой** (1979 г.р., уроженки Сузакского района Джалал-Абадской области, члена творческого объ-

единения «Эргун», с 2017 г. – активистки киргизской диаспоры в Москве, члена общественного совета) с достаточно привычным уже названием «Песня мигранта». в нём уже заметен переход от обычных забот, мечтаний, чаяний мигранта в чужой стране к проблемам страны родной, завершающееся призывом не просто после работы в России заняться обустройством Киргизстана, как в стихотворении Муамбета Каныбек уулу, но объединиться и думать о стране (Москва кайрыктары-6 2017: 63).

Жашоодо мигранттын жолун баштап,
Ар олкодо журобуз жолун таштап.
Таркалып бир учу кыргыз туш тарапка,
Жакшыртам деп жашого кадам таштап.

Ала-Тоо мекенинен алыс кетип,
Эки аяк ат баспаган жерге жетип.
Ар-намысты, мекенди коргой албай,
Акча учун кетишти кобу тентип.

Ар-намыстуу эр жигит торолобу,
Кыргызды кыргыз кылып кармап турган.
Алыска акча учун билдирбестен,
Кыргыз учун жан аябай куйуп-жанган.

Кыргызым, айтчы, жашоон онолобу,
Же акча деп ар кай жерде жоголобу?
Кен байлык баары бизде толуп турса,
Жок кылчу ойрондорун торолобу.

Таркалайбы, кол кыргызым, биригели,
Озду эмес, ойлойлучу жалпы элди.
Бейиштей берекелуу кымбат бизге,
Ала-Тоо мекенемдин сулуу жери.

Жараткан тартуу кылган бейиш жерин,
Ботонго борулордой тепсетпегин.
Данктайлы, ардактайлы ар бир жаран,
Олконун туусу бийик желберисин.

В таком же духе написано и стихотворение С.Б. Насыровой «Соотечественники» (приводится частично). Автор переживает, что её соотечественникам приходится «гробить себя», «работать на износ».

Мекендештер

Булуттан, мелт калт этип төгүлчүдөй,
Буулугуп, кең дүйнөгө батпай турам.
Бузулуп, жыты келип батыш жактын,
Бул күндө нагыз кыргыз таппай турам...

Жогортон бийлик, байлык талашышат,
Мансапка чоңдорубуз жанын кыят.
Кыдырып кеткен элдин тагдырычы,
Кыргызды чачыраган кимдер кыят?..

Начиная путь мигранта,
Оставляешь свой след в каждой стране.
Горстка рассеянных киргизов
идёт по разным местам,
Чтобы сделать жизнь лучше.

Вдали от родного Ала-Тоо
Добравшись «на своих двоих»,
Не сумев защитить честь и родину,
Многие скитались за деньгами.

Родился ли достойный мужчина,
Чтобы киргиз остался киргизом.
Не только ради денег,
Но и ради киргизов.

Скажи мне, друг мой киргиз,
жизнь наладится
Или по всей [нашей] земле деньги пропадут?
Пусть богатство будет в нашей земле,
Пусть не рождаются те, кто уничтожает.

Киргизы, давайте объединимся,
Будем думать не о себе, о народе.
Как в раю хорошо,
Родную землю Ала-Тоо обустроим.

Пусть не потрясает райскую землю,
Подаренную Всевышним, чужая буря.
Пусть каждый гражданин будет славен
и уважаем,
Пусть высоко будет поднято знамя страны.

Соотечественники

Из туч льётся дождь,
Я задыхаюсь и не вписываюсь в мир,
Он портится под влиянием Запада,
Я не могу найти настоящего киргиза.

Наверху – борьба за власть и богатство,
Многие гробят себя ради карьеры.
Судьба народа, который это прошёл –
Собирать мусор?

Жаш кыздар тырбалаңдап иштеп жатат,
Мектепти кечээ гана келген бүтүп.
Идиш жууйт үй жыйнайт, бала багат,
Иштейт деп ата-энеси калган күтүп.

Убакыт зымырык куш сызып барат,
Урпактар пейил куйун бузуп барат.
Ууланып бузулгандай бул замана,
Уланбай күндөн күнгө кысып барат...

Молодые девушки работают на износ,
Только закончив школу.
Мытьё посуды, уборка, уход за ребёнком,
Другим родителям тоже это предстоит.

Время царапает как наждачная бумага,
Портится потомство.
Это отравленное время,
Не поддавайся ему изо дня в день.

В то же время, когда С.Б. Насырова стала более профессионально заниматься поэзией, в её творчестве собственно мигрантская тематика сменилась более общими, философскими проблемами – например, в стихотворении «Ой толгоо» («Мысли крутятся [в голове]») она размышляет о быстротечности жизни (Москва кайрыктары-6 2017: 188).

А вот стихотворение **Канатбека Жапара**, 1986 г.р., из г. Сулюкта Ошской области (Москва кайрыктары-5 2016: 220), в котором не просто указывается на социальные проблемы в родной стране, но и говорится о конкретных виновниках этих проблем – о правящей верхушке.

Тоболдорго

Аранарда адилеттуу жан барбы?
Апчыйсынар алты нолдуу сандарды.

Карапайым калк жадады, жудоду,
Тосо берип бурганактуу тандарды.

Жыланайлак жарды було кобойду.
Жарды эмне, же отукчон торойбу?
Эркелетип, эрезиге жеткирип,
Ээлик берген эл силерге огойбу?!
Кочо тенткен жетим-жесер кобойду.
Кочо эмне, мээримине болойбу?
Бата берип, бетинерден суйушуп,
Ат мингизген эл силерге огойбу?
Корконнум бар, кор болот го урпактар,
Минтип силер отурганда ууртап бал!

Оо, Тенирим! Берчи Барсбек, Манасты!
Ордобузду бийлеп калды куурчактар!
Корконнум бар, соолуп барат Мекеним.
Кошуналар койбойт шекер бекерин.
Оо, тоболдор! Корсоткуло эл-журтка,
Барсбек, Манас учурда бар экенин!
Аранарда адилеттуу жан барбы?
Апчыйсынар алты нолдуу сандарды.

Айла таппай калк жадады, жудоду,
Айдай берип хан артында хандарды.

Верхушке (Правящей элите)

Есть ли среди вас справедливая душа?
Угадай шесть нулевых чисел
(м.б. «догадайся с трёх раз»? – Г.С.).
Народ устал,
Посеешь ветер – пожнёшь бурю
(букв «Метель, дающая метель»)
Разутой выросла бедная семья.
Что родит бедняк или сапожник?
Люди, которые вас холят, растят
И дают вам богатство, скверные дети!
Уличные бродяги, сироты-вдовы.
Что такое улица?
Народ, который полюбил вас
И посадил во власть, пасынок для вас?
Боюсь, потомство может пострадать,
Так что наслаждайтесь жизнью, пока у власти!
(букв.: «Так что глотайте мёд, пока вы сидите!»)
О, Господь! Дай Барсбека, Манаса!
Сейчас у нас куклы верховодят!
Опасаясь, что моя Родина гибнет.
Соседи не любят сахар.
О, правители! Покажите народу,
Барсбека, что в случае с Манасом!
Есть ли среди вас справедливая душа?
Угадай шесть нулевых чисел (м.б. «догадайся
с трёх раз»? – Г.С.).
Население в отчаянии,
Пустыня остаётся позади ханов (?).

А вот призыв уже не просто объединиться (тем более не просто обличение виновников социальной несправедливости), но «проснуться» – такое стихотворение написал **Олжас Садыбеков**, 1979 г.р., уроженец Тюпского района Иссык-Кульской области (Москва кайрыктары-6 2017: 245).

Ойгон, Кыргыз!

Ойгон Кыргыз, айтар созум, милдетим,
 Ким которот, элдин жугун, илдетин?
 Курчап турат ажыдаарын баштары,
 Ойлой-ойлой конулумду кирдеттим.
 Калпак кийим тушунбосум неге мен,
 Башка олкодон, оо, эл-журтум эмнен кем?
 Бейишиндей жерин турат колдолуп,
 Болунбойлу бироолорго болуп жем.
 Тушун, ойлон, кыргыз атын теренден,
 Коркуп турам озгодон муш жегенден.
 Бириге албай чачырады элибиз,
 Кудай сакта, манкурт болду дегенден.
 Нечен жолу башты ийдик, ийилдик,
 Кооз суйлоп, туркун кийим кийиндик.
 Эми ойлон, калын журтум тике тур,
 Экиге эмес, беш-алтыга тилиндик.
 Кырван Манас кайдан чыккан эстейли,
 Чалчык сууну кайра-кайра кечпейли.
 Бир муштумдай биригели Кыргызым,
 Жараткандан дуба кылып тилейли.
 Мекенибиз калды такыр каралбай,
 Жер сатылып, мурастары бааланбай.
 Кендерибиз казылганы казылган,
 Чек арабыз турат бир да такталбай.

Проснись, киргиз!

Проснись, киргиз, твой долг – сказать слово,
 Кто же понесёт бремя народа?
 Вокруг головы дракона,
 Я много думал об этом.
 Почему я ношу шляпу
 Из другой страны, о мой народ?
 Происходит надругательство над райской
 землёй
 По принципу «Разделяй и властвуй».
 Так что думай, вспомни, что имя тебе киргиз,
 Не испытывай ложной боязни.
 Народ, который не может объединиться,
 По воле Бога превращается в манкурта.
 Сколько раз мы склоняли голову,
 Говорили красиво и красиво одевались.
 А теперь надо распрямиться,
 Мы на языке 5-ти или 6-ти, а не двух (?)
 Помните, откуда появился Манас,
 Снова и снова не пропускайте воду (?).
 Давайте соберёмся в кулак,
 И будем просить Всевышнего [о помощи].
 Без оглядки на нашу родину
 Земля продана, наследие не ценится.
 Добыча полезных ископаемых
 [за границу уходит] –
 У нас нет чётких границ.

И последнее, ещё более радикальное стихотворение – «Партия», автор его – **Элиана Усенбек Кызы**, 1988 г.р., из Таласского района Таласской области; в Москве работает флористом-дизайнером (Москва кайрыктары-5 2016: 344). Под «партией», возможно, по советской привычке (впрочем, странной для столь молодого автора), подразумевается «номенклатура».

Партия

Бийлик дешип кызмат кылбай калкыма,
 Бири даргы турбай берген антына.
 Кымындай да ар-намысы калбаган
 Кыйнады го кыргызынды ПАРТИЯ!
 Ишендирип элди куру калпына,
 Ичин сылап жатат озу мантыга.
 Итке окшоп тоюшканын билишпей,
 Ичип-жеди баарын ушу ПАРТИЯ!
 Чек аралар, жашыл жайлоо Каркыра,

Партия

Власти бесцеремонно лгут,
 Клянясь, что ни один из них не отступится
 (от обещаний? – Г.С.).
 Ни в малейшей степени честь и достоинство
 Не мешают партиям мучить киргизов!
 Обирая народ,
 Он поглощает это в себя.
 Не зная, что их (людей? – Г.С.) кормят,
 как собаку,
 Партия выпила и съела это всё!

Сатылды го кытай, тажик, сартына.
 Чыт курсагын ойлобогон Жан барбы,
 Чындап куйгон элибиздин баркына.
 Кокурокто коодунун бош болбосо,
 Кошул анда сап бололук камчыга.
 Келечекти сатпай бугун акчага,
 Кел саталык кереги жок ПАРТИЯ!

Партия выпила и съела это всё!
 Зелёные летние пастбища на Каркыре
 Продаются китайцам, таджикам, узбекам.
 Есть ли душа, которая не думает о брюхе,
 Люди, которые действительно переживают
 (за страну – Г.С.)?
 Если грудь не может вздохнуть свободно,
 Употреби власть.
 Не продавая будущее за деньги,
 Не пускай [к власти] ПАРТИЮ!

Связано творчество киргизов-мигрантов и с социальными проблемами чисто российскими, но, поскольку мне удалось найти на эти темы только прозу, то я этот аспект мигрантского творчества пропускаю.

Общие выводы по теме исследования можно сделать такие:

в творчестве киргизских поэтов-гастарбайтеров по мере улучшения их положения постепенно сокращается тематика чисто мигрантских проблем;

одновременно возрастает осознание важности социальных вопросов своей страны – от мечтаний о том, как после работы в России они станут «украшать» и свою страну – к значительно более социально острой тематике, вплоть до достаточно радикального обличения жизненных сложностей и их виновников, призывов «проснуться»;

появляются и творческие произведения о социальных проблемах принимающей страны (например, рассказ А.Б. Бекболотовой «Домовой в метро», который, однако, как прозаическое произведение здесь приводиться не будет); очевидно, это связано с большей интегрированностью киргизов в Россию – как я уже писал, после 2018 г. они чувствуют себя «как дома или почти как дома»;

вероятно, с более тесной интегрированностью киргизов в Россию связано и то обстоятельство, что творчество некоторых авторов касается особого отношения к Москве, к некоторым другим городам, к России в целом;

наконец, надо отметить, что чем ббльшим профессионалом является автор (особенно это заметно на примере творчества А.Б. Бекболотовой, отчасти С.Б. Насыровой), тем меньшее место в его творчестве занимает собственно мигрантская тематика, тогда как удельный вес более общих проблем возрастают.

Источники и материалы

Киргизы Москвы – Киргизы Москвы: работать на своих и со своими. https://krg.rus4all.ru/city_msk/20170914/728325610.html.

Перспективы кыргызской – Перспективы кыргызской диаспоры в России. http://www.region.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=2435:2017-08-04-04-24-16&catid=5:obshestvo&Itemid=6.

Почему киргизы – Почему киргизы живут на две семьи. <https://moslenta.ru/city/kyrgyzstan.htm> (20 августа ****).

Аттокуров 2009 – *Аттокуров Р.* Традиция омичей помогать друзьям // Право на выбор. Журнал избирательной комиссии Омской области. 2009. № 2 (17). С.18-19.

Москва кайрыктары-5 2016 – Москва кайрыктары-5. Бишкек, 2016.

Москва кайрыктары-6 2017 – Москва кайрыктары-6. Бишкек, 2017.

Сафонов 2008 – *Сафонов Я.* Кыргыз-таун на Сахалине: миф или реальность? // Советский Сахалин. 23 апреля 2008.

Научная литература

- Белова Н.А. Отношение россиян к мигрантам (на примере Костромской области) // XIV Конгресс антропологов и этнологов России. Томск, 2021.
- Вешкурова А.Б. Регулирование процессов внешней трудовой миграции из стран Центральной Азии в РФ и Казахстан. Дисс... к.э.н. М., 2011.
- Маматов Р.А. Кыргызская Республика: анализ состояния современных миграционных потоков с учётом мирового финансового кризиса // Материалы студенческой конференции «Проблемы миграции населения в условиях финансово-экономического кризиса». М., 2009. С. 46-49.
- Мендибаев Н. Бедность как основной фактор миграции населения Кыргызстана // Проблема бедности и богатства в контексте концепции державности. Материалы международной научно-практической конференции. Тамбов, 2012. С. 113-117.
- Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. М., 2016.
- Ситнянский Г.Ю. Киргизы в России: «как дома» или «почти как дома»? // Среднеазиатские диаспоры в России: пересечение идентичностей и взаимодействие с постсоветскими государствами. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 86-97.
- Тюрюканова Е.В. Управление трудовой миграцией: долгосрочные тенденции и оперативные решения // Миграции в современной России: состояние, проблемы, тенденции. М., 2009. С. 284-293.

Sitnyansky, Georgy Yu.

Current Issues of Social Justice Reflected in the Poetry of Kyrgyz Labor Migrants in Moscow

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/129-148

Kyrgyz labor migrants in Russia are in a better situation than representatives of other Central Asian countries both in terms of more qualified work and cultural and linguistic integration into Russian society. Thus they have more opportunities not only for artistic creativity in verse and in prose but also for a closer interaction with Russian literary organizations. For example, a considerable part of the Kyrgyz migrant literary club "Moscow Melodies" closely interact with the Union of Writers of Russia and other literary organizations, up to membership in them.

The article examines the poetry of some of the most outstanding representatives of the Kyrgyz diaspora. The poems are devoted to a variety of issues: the problems of migrants themselves and many topical social problems at home, from domestic violence to uranium mining and interethnic conflicts. It should be noted that the nature of Kyrgyz poets' creativity has gradually changed, from the predominance of purely migrant problems to more general issues of social justice, primarily in their own country, especially after Kyrgyz guest workers received some benefits compared to other labor migrants in 2018.

Keywords: *Kyrgyz migrants, Moscow, creativity, poetry, social justice.*

For Citation: Sitnyansky, G.Yu. Current Issues of Social Justice Reflected in the Poetry of Kyrgyz Labor Migrants in Moscow. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 129–148.

Author Info: Sitnyansky, Georgy Yu. – PhD in Hist., Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (32-A Leninsky Prospekt, Moscow, 117334). E-mail: sitnyan@mail.ru

Funding: The study was carried out with the financial support of Rosa Luxemburg Foundation Branch in RF within the topic “Social Justice in the Poetry of Migrant Workers from Central Asia in Russia”.

References

- Belova, N.A. 2021. Otnosheniye rossiyan k migrantam (na primere Kostromskoi oblasti) [The attitude of Russians to migrants (on the example of the Kostroma region)] In *XIV Kongress antropologov i etnologov Rossii* [XIV Congress of anthropologists and ethnologists of Russia]. Tomsk.
- Mametov, R.A. 2009. Kyrgyzskaya Respublika: analiz sostoyaniya sovremennykh migratsionnykh potokov s uchetom mirovogo finansovogo krizisa [Kyrgyz Republic: analysis of the state of modern migration flows taking into account the global financial crisis] In *Materialy studencheskoi konferentsii “Problemy migratsii naseleniya v usloviyah finansovo-ekonomicheskogo krizisa* [Materials of the student conference “Problems of population migration in the conditions of financial and economic crisis], 46–49. Moscow.
- Mendibaev, N. 2012. Bednost’ kak osnovnoi faktor migratsii naseleniya Kyrgyzstana [Poverty as the main factor of migration of the population of Kyrgyzstan] In *Problema bednosti I bogatstva v kontekste kontseptsii derzhavnosti. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The problem of poverty and wealth in the context of the concept of statehood. Materials of the international scientific and practical conference], 113–117. Tambov.
- Sitnyanskiy, G.Yu., and V.I. Bushkov 2016. *Migratsii naseleniya v Tsentral’noi Azii: proshloe, nastoyaschee i budushee* [Population migration in Central Asia: Past, present and future]. Moscow.
- Sitnyanskiy, G.Yu. 2018. Kirgizy v Rossii: kak doma ili pochi kak doma? [Kyrgyz in Russia: “like at home” or “almost like at home”?] In *Sredneaziatskiye diaspory v Rossii: peresechenie identichnosti I vzaimodeistvie s postsovetskimi gosudarstvami* [Central Asian Diasporas in Russia: the intersection of identities and interaction with Post-Soviet states], 86–97. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
- Tyuryukanova E.V. 2009. Upravlenie trudovoi migratsiyey: dolgosrochnye tendentsii I operativnye resheniya [Labor migration management: long-term trends and operational solutions] In *Migratsii v sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, tendentsii* [Migration in modern Russia: status, problems, trends], 284–292. Moscow.
- Veshkurova, A.B. 2011. *Regulirovanie processov vneshnei trudovoi migratsii iz stran Tsentral’noi Azii v Rossijskoj Federacii I Kazahstane*. Dissertation [Regulation of the processes of external labor migration from Central Asian countries to the Russian Federation and Kazakhstan].

АНТРОПОЛОГИЯ ГЕНДЕРА

УДК 39+305

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/149-173

© Л.В. Остапенко, И.А. Субботина

РУССКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА СЕГОДНЯ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ*

В основу статьи положены результаты научного проекта «Население малого русского города в XXI веке», реализованного в 2017–2019 гг. в двух малых городах Центральной России – Белеве (Тулльская обл.) и Старице (Тверская обл.). Материалы этносоциологического опроса русского населения названных городов и опроса экспертов дали возможность проанализировать процессы адаптации женщин современной российской провинции к меняющимся условиям жизни в постсоветский период, показать отдельные стороны их сегодняшней жизни: социально-экономические позиции, жизненные ценности, отношение к браку, рождению детей, миграционные установки, удовлетворенность различными сторонами жизни в городе, социальное самочувствие, жизненные стратегии, отношение к своей малой Родине.

Современные женщины провинциальных городов – это в основной массе социально-активная группа, включенная в общероссийскую жизнь, в экономику и культуру страны. в то же время женщины в значительной мере остаются верны традиционным жизненным ценностям, в центре которых семья, здоровье и благосостояние близких. Многие взгляды и представления провинциалок неоднозначны, отражая противоречивую и сложную ситуацию, как в малых городах, так и в мире целом. С одной стороны, женщины не удовлетворены условиями жизни в своем городе, с другой, большинство их представителей выступают патриотами своей малой Родины, остро переживают за ее будущее. На фоне пониженного материального уровня жизни женщин, их неудовлетворенности своим материальным положением слабее выражены активные жизненные стратегии и протестные настроения. Существует значимая возрастная дифференциация женских представлений и установок: молодежь заметно отличается от своих матерей и бабушек большей активностью и рационализмом, большей мобильностью и инновационными ориентациями, в том числе в сфере семейно-брачных отношений.

Остапенко Любовь Викторовна – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский пр-т, д.32-А). Эл. почта: lost_82@bk.ru

Субботина Ирина Алексеевна – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский пр-т, д.32-А). Эл. почта: irinalsu@yandex.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Ключевые слова: женщины, русская провинция, социально-экономические позиции, жизненные ценности, удовлетворенность жизнью, отношение к браку и детям, миграционные установки, патриотизм

Ссылка при цитировании: Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русская провинциальная женщина сегодня: штрихи к портрету // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 149–173.

Нынешнему непростому, нестабильному и беспокойному времени свойственно немало противоречивых черт. С одной стороны, для него характерны активно идущие процессы глобализации, расширение информационного пространства и связей между странами и народами, укрепление идей демократии и толерантности и т.п., с другой, – рост недоверия и отчужденности между людьми, усиление социально-экономического неравенства, сохранение, а нередко и углубление региональной, этнической и социально-демографической дифференциации.

В России за последние годы довольно ярко проявили себя регионально-локальные различия – разрыв, как между отдельными регионами, так и между крупными городами и провинцией, представленной не только сельским населением, но и жителями малых городов, многие из которых до сих пор не смогли вписаться в рамки новой рыночной системы отношений. Малые города отличаются как более низкими социально-экономическими показателями, в том числе уровнем заработной платы, так и острыми проблемами, связанными с медицинским и культурно-бытовым обслуживанием, качеством жилищно-коммунального фонда и благоустройства, развитием коммуникаций и т.д. Между тем, к городским поселениям с числом жителей до 50 тыс. человек (так называемым, малым городам) по данным на 1 января 2020 г. относится 71% всех городов России, в которых проживает почти 16 млн. человек (Российский статистический ежегодник 2020: 101).

В самих малых городах, в свою очередь, существует определенная градация между представителями разных социально-демографических групп, в том числе гендерного характера. Закрепленное в Конституции РФ положение о равноправии мужчин и женщин нередко остается чисто декларативным, далеко не всегда реализуемым в жизни, как в общественной, так и семейной, о чем неоднократно говорили и говорят общественно-политические деятели, СМИ, ученые (см., например, работы: *О.А. Ворониной, Е.А. Здравомысловой, Т.Э. Ковалевой, А.А. Каширкиной, Т.М. Клименковой, Р.В. Коннел, А.Н. Морозова, Г.И. Осадчей, Н.Л. Пушкаревой, Г.Г. Силасте, Л.Т. Шинелевой и др.*). Женская часть населения провинциальных городов выглядит одним из наиболее уязвимых слоев общества, находящихся «под гнетом» двойного социального неравенства – локально-регионального и гендерного. в то же время именно от женщин российской провинции в немалой мере зависит решение многих демографических проблем страны, в том числе и рост народонаселения. в женских руках находится воспитание детей, передача им лучших черт традиционной культуры русского народа, которая в селах и малых городах сохраняется более прочно.

Несмотря на актуальность темы, посвященных ей научных изысканий остается недостаточно. Как правило, они направлены на изучение ограниченного спектра проблем, рассматриваемого с позиций той или иной науки, без использования комплексного, многостороннего анализа, опирающегося на совокупность методов, приемов и источников.

В настоящей статье используются материалы исследования, проведенного сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН в двух малых городах Центральной России – Белеве Тульской области и Старице Тверской в 2018 г., одной из задач которого был анализ проблемы адаптации женщин российской провинции к меняющимся условиям жизни в постсоветский период. Рассматривается ряд вопросов, касающихся социально-экономических позиций женщин этих провинциальных городов, их демографического поведения, жизненных ценностей, удовлетворенности различными сторонами жизни, уровня социального оптимизма, отношения к своей малой Родине.

Методология и методика

Основной целью проекта «Население малого русского города в XXI веке: этнокультурные, демографические, экологические и социально-экономические аспекты развития», реализованного в Институте этнологии и антропологии РАН в 2017-2019 гг. (авторы проекта – Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова, Л.В. Остапенко, Д.С. Сабина, И.А. Субботина, А.Н. Ямсков), являлась комплексная этнокультурная, демографическая, социально-экономическая, медико-экологическая и социально-психологическая характеристика малого города Центральной России и его населения. Исследование осуществлялось в двух малых городах – Белеве (Тульская обл.) и Старице (Тверская обл.). Важными критериями выбора городов были: численность населения менее 20 тыс. человек, географическое расположение, удаленность от Москвы и областных центров, этнический состав населения, богатая историческая и культурная традиция.

Одним из основных источников получения информации в исследовании, помимо сбора обширных статистических и архивных материалов, послужило проведение выборочного этносоциологического опроса населения городов. Общий объем выборки составил 600 человек (Григулевич, Дубова, Остапенко, Сабина, Субботина, Ямсков 2018).

Гендерная динамика

В большинстве малых городов Центрального региона России отмечается типичная для этой территории зависимость скорости депопуляции от размера города: чем меньше город, тем быстрее снижается абсолютная численность населения, отмечаются низкие показатели рождаемости, миграционный отток молодежи, существенно деформируется половозрастная структура населения, отмечается понижение удельного веса населения трудоспособного возраста и повышение доли населения старших возрастных групп.

Белев относится к городам с устойчивой убылью населения: за тридцатилетие (1989–2019 гг.) снижение численности населения города составило 31%, т.е. ежегодно Белев теряет свыше 1% своих жителей. в Старице динамика численности населения была не столь однозначной, как в Белеве, но все же общее ее снижение за тридцатилетие составило 18%, т.е. ежегодные потери населения Старицы в среднем были почти в два раза ниже, чем в Белеве, около 0,6% численности горожан. Общие потери населения городов складывались как за счет естественной убыли (превышения числа умерших над числом родившихся), так и за счет миграционного оттока, который в последние годы уже превышал естественную убыль горожан.

Хотелось бы обратить внимание на динамику численности мужчин и женщин в исследуемых городах. Как показывает статистика, соотношение мужчин и женщин в населении в целом за последнее десятилетие практически не изменилось, составив пропорцию 45:55, что соответствует половой структуре городского населения соответствующих областей. Некоторое преобладание в целом складывается в основном за счет жителей старших возрастов, чей удельный вес повышается в населении городов, а соотношение полов в старших возрастных группах складывается не в пользу мужчин (табл. 1). Так, оценочные материалы половозрастной структуры населения Белева и Старицы показали, что в возрастной группе горожан старше трудоспособного возраста доля женщин почти в 3 раза превышает долю мужчин, составляя в Белеве пропорцию 74:26, а в Старице – 73:27. Такая половая структура в старших возрастных группах детерминирована более высокой смертностью мужского населения и большей продолжительностью жизни женщин.

Таблица 1

Соотношение мужчин и женщин в различных возрастных группах населения Белева и Старицы, %

Годы	Белев						Старица					
	Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста		Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
2011	51,5	48,5	53,0	47,0	25,1	74,9	50,8	49,2	49,9	50,1	27,2	72,8
2012	51,0	49,0	53,1	46,9	25,4	74,6	50,3	49,7	50,3	49,7	27,3	72,7
2013	50,7	49,3	53,0	47,0	25,7	74,3	50,5	49,5	50,5	49,5	26,7	73,3
2014	50,7	49,3	53,2	46,8	25,8	74,2	50,4	49,6	50,7	49,3	27,3	72,7
2015	50,4	49,6	53,0	47,0	26,3	73,7	51,0	49,0	50,8	49,2	27,2	72,8
2016	50,7	49,3	53,2	46,8	26,5	73,5	50,4	49,6	51,0	49,0	27,1	72,9
2017	50,5	49,5	53,5	46,5	26,9	73,1	50,5	49,5	51,3	48,7	27,0	73,0
2018	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	50,8	49,2	51,3	48,7	26,8	73,2
2019	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	50,1	49,9	51,8	48,2	27,2	72,8
В среднем по периоду	50,8	49,2	53,1	46,9	26,0	74,0	50,5	49,5	50,8	49,2	27,1	72,9

* Таблица составлена по: Государственный комитет...

Но в то же время половая структура населения трудоспособного и моложе трудоспособного возраста показывает некоторое преобладание в городах мужского населения (табл. 1). Такое преобладание мужского населения над женским в молодых возрастах (вплоть до 30 лет) сложилось в целом ряде областей России уже давно, что обусловлено, во-первых, «биологическим запасом» мужчин, которых рождается больше, чем женщин; во-вторых, интенсивными миграциями в Россию в последние десятилетия мужчин-мигрантов из стран ближнего зарубежья. В-третьих, в самой России происходит перераспределение мужского населения между областями: так, например, большинство республик и областей Северо-Кавказского федерального округа, являющихся густонаселенными и трудоизбыточными, теряют мужское население трудоспособного возраста в результате миграции мужчин в другие регионы России, в том числе центральные районы страны.

Снижение доли женщин в возрастной структуре населения изучаемых городов начинается примерно с 14-15 лет. Затем в населении 18-20 лет, вследствие призыва в армию молодых мужчин, удельный вес женщин несколько увеличивается, а в последующих возрастах вновь уменьшается, что свидетельствует о более активном миграционном оттоке из городов девушек после окончания неполной средней и общей средней школы для продолжения образования в колледжах и институтах других городов и областей, а также Москвы и Санкт-Петербурга. в более поздних группах трудоспособного населения миграции женщин из малых городов (особенно ярко это проявляется в Белеве) связаны в основном с отсутствием работы по специальности, брачными и семейными проблемами. Материалы текущего учета миграции за последние годы по исследуемым малым городам подтверждают преобладание женщин в миграционных потоках (Остапенко, Субботина 2019: 31). Все эти особенности современной демографической ситуации в малых городах придают еще большую значимость вопросам демографических и социально-культурных ориентаций и запросов провинциальных женщин, существующих гендерных различий.

Трудовая занятость и материальное положение

Одной из важнейших черт социального облика современных жительниц малых городов можно назвать их высокую ориентацию на труд. Согласно данным нашего исследования в Белеве и Старице, уровень занятости женщин в экономике был не намного ниже, чем у мужчин. Так, среди мужского населения исследованных нами городов работали (включая тех, кто работал и учился, а также работал, выйдя на пенсию) 73%, среди женского – 67%. А относительная численность работающих пенсионеров в составе местных женщин была такой же, как у мужчин: 40%.

Только домашним хозяйством и уходом за детьми было занято всего 5% женщин (среди мужчин таковых не оказалось). Подобная ситуация во многом обусловлена низким уровнем жизни населения провинциальных городов, острой необходимостью женского заработка (Остапенко, Субботина 2019: 84), стремлением женщин к экономической независимости.

Наравне с мужчинами, женщины участвовали и в различных подсобных хозяйственных работах, приносящих доход в семью. Существенным подспорьем для жителей сел и малых городов служила продукция с их земельных участков, а также дары окружающей природы. Большинство населения Белева и Старицы занималось садоводством и огородничеством, разведением скота и птицы, охотой и рыбалкой, сбором

ягод и грибов и т.п. в подобную деятельность было вовлечено 66% женщин и 71% мужчин. Женщины чаще трудились в саду и огороде, мужчины предпочитали работы по уходу за скотом и птицей, по сбору лесных даров, а в особенности охоту и рыбалку.

При этом имела место определенная возрастная дифференциация. Упомянутые хозяйственные обязанности в основном выполнялись мужчинами на пенсии и женщинами старше 30 лет. Участие же местной молодежи в них было менее активным. Если среди мужчин и женщин от 50 лет и старше показатель занятости в них был равен соответственно 77% и 73%, то среди 16-29-летних – 51% и 53%. Девушки даже в саду и огороде трудились в полтора раза реже женщин среднего и пожилого возраста, а сбором ягод и грибов занимались вдвое реже.

В отличие от далекого прошлого в современных семьях молодежь, особенно женскую, старались не перегружать дополнительными домашними нагрузками, предоставляя молодым людям больше возможностей для учебы и отдыха. И, конечно, успешно закончить школу, техникум или вуз, продвинуться по службе, т.е. заложить фундамент будущего благосостояния, было гораздо важнее и престижнее чем работы в саду и огороде, что понимали и сами девушки, и их родители. Иные жизненные приоритеты меняли и структуру трудовой нагрузки женской провинциальной молодежи.

Однако весомые трудовые затраты большинства местных женщин далеко не всегда приносили адекватные плоды. СМИ и научным сообществом уже неоднократно поднимался вопрос о неравенстве женщин в сфере труда, выражающемся, в частности, в особенностях их отраслевого и социально-профессионального состава, в непропорциональном участии в составе руководящих кадров, меньших шансах карьерного роста, менее высоком уровне заработной платы и т.п. Этот феномен особенно четко прослеживался в малых городах.

Так, если обратиться к данным об образовательном составе жителей Белева и Старицы, то можно заметить, что у женщин он в целом был выше, чем у мужчин. Доля людей с высшим и средним специальным образованием среди женщин составляла 82%, а среди мужчин – 68%. Правда мужчины отличались несколько большей численностью тех, кто имеет дипломы вузов: 32% против 28% у женщин. в то же время в составе мужской «половины» населения почти пятая часть не получила среднего образования, среди женщин только 7%.

В то же время должности специалистов и руководителей высшего звена мужчины занимали в полтора раза чаще женщин, а доля рабочих с высшей квалификацией среди них была почти вдвое выше. в немалой мере это было связано с гендерной спецификой отраслевого состава населения, зависящей в том числе и от физиологических особенностей женщин, и от еще сохраняющихся традиционных взглядов на женский труд и его применение. Трудовой рынок в малых городах не отличался разнообразием. Женщины могли устроиться здесь главным образом в учреждения бюджетной сферы (медицина, образование, культура), в организации торговли и обслуживания, или на небольшие предприятия пищевой и легкой промышленности (по производству кондитерских, молочных, швейных изделий и т.п.), с не слишком высоким уровнем технической оснащенности и заработка. Мужчины были преимущественно заняты на местных машиностроительных заводах, переживающих в последние годы основательное техническое переоснащение с сопутствующим ростом потребностей в высококвалифицированных кадрах рабочих, специалистов и руководителей и увеличением зарплаты работников (*Остапенко, Субботина 2019: 65*).

Характер отраслевой и социально-профессиональной занятости и соответственно различия в заработках формировали и гендерные различия в уровне материальной обеспеченности людей. Разница в ответах мужчин и женщин по поводу оценки возможностей их бюджета, оказалась весьма существенной (табл. 2).

Таблица 2

**Оценка жителями Белева и Старицы своих материальных возможностей
(гендерные и возрастные группы), %**

Варианты ответов	Мужчины			Женщины		
	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше
Имеют возможность ни в чем себе не оказывать	8	19	13	7	6	4
Имеют возможность приобретать многое, но не слишком дорогое	56	48	35	43	42	27
Имеют возможность приобретать предметы первой необходимости	21	25	44	37	35	51
Имеют возможность приобретать только продукты питания	6	3	4	7	7	13
Не имеют возможностей приобретать самое необходимое, в том числе продукты питания	4	3	3	3	4	2
Затруднились ответить	5	2	1	3	6	3

Мужчины в этом отношении занимали явно лучшие позиции, причем наибольшая дифференциация наблюдалась на уровне высших страт. Людей с невысоким уровнем достатка среди мужчин и женщин было примерно одинаково, а вот сравнительно богатые в составе мужской части населения встречались гораздо чаще. Эта разница прослеживалась во всех возрастных группах, хотя в молодежной среде она была несколько менее заметна, что представляется достаточно перспективным. Так, среди 16-29-летних к двум высшим группам по шкале материальных возможностей отнесли себя 64% мужчин и 50% женщин, в следующей возрастной группе эта дистанция увеличивалась (67% против 48%). С повышением возраста и у мужчин, и у женщин доля людей с более или менее высоким уровнем материального достатка существенно падала – до 48% среди мужского населения и 31% у женского при сохранении гендерных различий. Наиболее выигрышные позиции занимали мужчины 30-49 лет, почти пятая часть которых отнесла себя к самому высокому слою по уровню зажиточности (они могли, по их словам, позволить себе любые приобретения). А самыми бедными выглядели женщины от 50 лет и старше, в их составе оказалось не только самая низкая доля высоко обеспеченных, но и сравнительно повышенная численность людей, средств которым хватало только на еду или не доставало даже на питание (15% при 7% у мужчин этой возрастной группы). Проблема бедности старшего поколения была выражена в малых городах весьма отчетливо и наиболее обездоленной частью в материальном отношении выступали именно женщины.

В этом отношении весьма заметно проявилось влияние регионального фактора. При сравнении материального положения москвичей и жителей провинциальных городов был зафиксирован не только в целом менее высокий уровень материальной обеспеченности провинциалов, но и более серьезные гендерные различия. Если, например, среди столичной молодежи оценки своих материальных возможностей у девушек и юношей были примерно одинаковы (*Остапенко, Субботина, Старченко* 2018: 24), то в малых городах, как было показано выше, юноши выглядели заметно более обеспеченными.

Соответственно уровень удовлетворенности материальным положением у женской и мужской части населения малых городов заметно варьировал. Число полностью или скорее удовлетворенных им среди женщин составляло 41% против 54% у представителей сильного пола. Соотношение относительной численности людей в той или иной мере довольных и недовольных своим материальным благосостоянием у женщин выглядело как 41% против 51%, а у мужчин имело противоположное значение – 54% довольных против 44% негативных оценок.

Тем не менее, нельзя сказать, что в настоящее время жительницы малых городов в своем большинстве чрезмерно угнетены своими материальными проблемами. Доля людей, которых полностью не устраивало их материальное положение, составляла среди женщин 14%, практически столько же, сколько среди мужчин – 13%.

Но в целом уровень недовольства своими материальными возможностями у провинциальных женщин был достаточно высок. Однако, несмотря на это, они не проявляли особых протестных настроений, о чем говорят их ответы на вопрос, на какие действия они были бы готовы в случае серьезного снижения жизненного уровня. Никаких решительных и активных мер большинство предпринимать не собиралось. Половина респонденток не смогла высказать на этот счет определенного мнения: часть затруднилась ответить, часть отложила решение этого вопроса «на потом», около 6% ничего делать вообще не хотели, выражая готовность терпеть дальше. Из реальных действий мужчинами были названы: обращение в политические и общественные организации (12%), участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста (9%). Женщины в своем большинстве эти меры не поддержали (всего 4 и 6% выборов). 7% опрошенных были ориентированы на переезд. Наибольшая же часть и мужчин, и женщин в случае ухудшения своей жизненной ситуации намеревалась просто умножить свои трудовые усилия, больше работать, брать сверхурочные, искать подработку, расширять приусадебное хозяйство т.п. И женщины в этом отношении не отставали от мужчин – соответственно 26% и 28% выборов. Особую трудовую активность в этом плане проявляли мужчины и женщины в возрасте 30-49 лет (более трети). Но и пожилой, и молодой контингенты не оставались в стороне. Так, среди женщин от 50 лет и старше готовы были в случае наступления материальных невзгод обратиться за помощью в государственные, политические и общественные организации всего 3%, а увеличить свои трудовые нагрузки – более 20%, среди 16-29-летних соответственно 4% и 31%. в этом проявилось полнейшее недоверие женской части провинциального населения к органам власти и различным общественно-политическим структурам, что стало особенно характерным для настоящего времени.

Показательно, что намерения больше трудиться, чтобы обеспечить себя и семью, в молодежной группе чаще оказались свойственны именно женщинам – 31% девушек против 24% юношей. Можно сказать, что традиционный тезис о том, что

мужчина является главным добытчиком и кормильцем в семье, теряет свою актуальность, особенно у молодежи. Процесс адаптации населения провинциальных городов к условиям новой жизни, к системе рыночных отношений ведет к переменам во взглядах людей на характер трудовых функций мужчин и женщин.

Брачные и репродуктивные установки русских провинциалок

в последние полвека, а особенно в последние десятилетия в брачно-семейной сфере у людей разных национальностей нашей страны произошли серьезные изменения. Изменение отношения к браку, брачных и репродуктивных установок населения, в особенности молодежи, зачастую приводит к замене супружеских отношений партнерскими, а многовариантность брачных союзов предоставляет молодым людям большую свободу, так ценимую ими, но в то же время способствует снижению рождаемости.

Каково же в настоящее время отношение русских женщин, жительниц малых городов Центральной России к такому институту как брак? Материалы этносоциологического исследования, проведенного в 2018 г. в малых российских городах Белеве и Старице, показали, как в настоящее время относятся к браку городские жители разных возрастов, русские мужчины и женщины. Так, на вопрос: «Обязательно ли в настоящее время человеку вступать в брак?» более трети опрошенных ответили: «Обязательно». Еще 40% респондентов заявили, что «это желательно». Таким образом, три четверти жителей провинциальных русских городов (76%) с той или иной степенью категоричности признают необходимость брачных отношений. Совершенно необязательным считали вступление в брак лишь 15% респондентов. Установки на обязательность брачных отношений не выявили какой-либо гендерной обусловленности (табл. 3), в то время как возрастная, поколенческая дифференциация установок проявилась очень отчетливо: у респондентов в возрасте 50 лет и старше, в сравнении с молодыми людьми 16-29 лет, в два раза больше тех, кто считает обязательным вступление в брак.

Таблица 3

Отношение к браку населения русской провинции (гендерные группы), %

Варианты ответов	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Да, обязательно	35	37	36
Да, желательно	40	40	40
Нет	14	15	15
Затрудняюсь ответить	11	8	9
Итого	100	100	100

Среди опрошенной молодежи малых городов все же наблюдались некоторые гендерные различия в отношении обязательности брачных отношений. Девушки несколько в большей степени, чем юноши, были ориентированы на необязательность брачных отношений: строго обязательным вступление в брак считали 21% девушек и 25% юношей, необязательность брачных отношений отметили 24% девушек и 19% юношей.

Новизна гендерных отношений проявляется и в их новой организации, т.е. в появлении альтернативных видов брака, в том числе так называемого гражданского, брака без официальной регистрации. Так, на вопрос: «Обязательно ли регистрировать брак или можно жить в гражданском браке, без регистрации»? лишь треть (34%) опрошенных жителей малых городов заявили, что брак нужно обязательно регистрировать. Существенно большая доля опрошенных, не отмечая жесткой обязательности регистрации брака, посчитала эту процедуру желательной: такого мнения придерживается 43% респондентов, т.е. три четверти (77%) жителей русской провинции в той или иной степени жесткости ориентируется на традиционную модель брака (табл. 4).

В установках на обязательность регистрации брака выявилась определенная гендерная обусловленность: можно было отметить несколько большую ориентированность женщин на обязательность и желательность оформления брачных отношений (80% у женщин и 71% у мужчин). Возрастная дифференциация проявилась еще отчетливей: чем старше население, тем весомее установки на обязательность официальной регистрации брака.

Таблица 4

Обязательно ли регистрировать брак (гендерные группы), %

Варианты ответов	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Обязательно	31	35	34
Желательно	40	45	43
Не обязательно	17	14	15
Не нужно регистрировать	2	1	1
Затрудняюсь ответить	10	5	7
Итого	100	100	100

Перейдя от анализа брачных установок русских женщин провинциальных городов к реальной структуре брачных отношений, мы видим (по результатам опроса 2018 г.), что такое явление как незарегистрированный брак встречается нередко (12% по всему массиву опрошенных), при этом наиболее часто подобные браки отмечаются в возрастной группе 30-49 лет (16%). Русские женщины в целом реже, чем мужчины состоят в незарегистрированном браке (соответственно 9 и 15%). При этом среди молодежи 16-29 лет доли незарегистрированных браков у женщин и мужчин совпадают (10%), но с возрастом частота подобных браков увеличивается и у женщин, и у мужчин (до 14 и 18% соответственно в возрасте 30-49 лет), а затем у женщин она резко падает до 5%, а у мужчин остается практически на прежнем уровне.

Отношение к разводам. Внедрение новых, неофициальных видов брака существенно изменило отношение к разводам, которые в настоящее время воспринимаются общественностью более толерантно, чем прежде. 60% опрошенных считают, что семью, безусловно, не следует сохранять, если отношения между супругами не сложились или разладились. Еще четверть опрошенных горожан допускает возмож-

ность развода при определенных условиях: если в семье нет детей вообще или только маленьких детей. Традиционной в прошлом установки на неизбежность семьи и необходимость сохранять ее в любом случае придерживается только 5% респондентов.

Гендерные различия в установках на развод прослеживаются довольно четко. И в Белеве, и в Старице женщины, традиционно хранительницы семьи, домашнего очага, в своих установках оказались более радикальными, чем мужчины: так, среди женщин две трети опрошенных (66%) высказались за безусловную возможность развода, в то время как у мужчин подобной установки придерживается чуть более половины респондентов (53%). Мужская половина опрошенных русских, судя по результатам опроса, более склонна к компромиссам в решении вопроса о разводе. Вот почему среди мужчин довольно велика доля тех, кто считает, что брак (семью) нужно сохранять, если в ней есть дети (29% мужчин и 21% женщин).

Таблица 5

Отношение к разводам населения русской провинции (гендерные группы), %

Варианты ответа	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Да, супруги могут разойтись	53	66	60
Да, могут, если в семье нет маленьких детей	13	9	11
Да, могут, если в семье нет детей	16	12	14
Нет, развод – это недопустимо	7	4	5
Затрудняюсь ответить	11	9	10
Итого	100	100	100

Четкой возрастной дифференциации в установках жителей русской провинции на расторжение брака не выявлено, но внутри самих возрастных групп наблюдается отчетливая гендерная обусловленность установок на развод, особенно ярко проявляющаяся в группах молодежи. Так, если в группе молодых мужчин (16-29 лет) только 44% считает, что супруги, безусловно, могут разойтись, то среди молодых женщин такая установка на развод встречается в полтора раза чаще (65%). Как нам кажется, это связано с усилением трансформации гендерных ролей в обществе, в семье, с тем, что в настоящее время все большее число женщин ориентированы на работу и самостоятельный заработок, материальную и иную независимость от мужчин, индивидуальную свободу. Это является свидетельством разрушения привычного мировоззрения женщин, изменения их моральных и этических установок и норм поведения, в том числе брачного, трансформации семейных ценностей и самого института семьи, приобретения женщиной новых социальных ролей, что проявляется не только в высокоурбанизированной среде, но проникло и в российскую глубинку.

Репродуктивные установки. Очень важным представлялось выяснить репродуктивные установки русского населения провинции, и особенно русской молодежи, в том числе девушек. в анкете был поставлен вопрос, нацеленный на выявление идеальных представлений о числе детей в семье, складывающихся без учета конкретной жизненной ситуации: «Сколько детей лучше всего иметь в семье?». Распределение от-

ветов на данный вопрос выглядело следующим образом. Наиболее распространенной была установка на двух детей, как идеальное число: ее придерживались 45% опрошенных молодых людей. Установка на троих и большее число детей была характерна примерно для четверти респондентов (24%). Одного ребенка в семье в качестве идеального числа назвали только 13% жителей малых городов. Бездетную семью идеальной признали только 3% опрошенных. Причем молодые люди существенно чаще, чем девушки (примерно в полтора раза) голосовали за троих и более детей.

Ориентацию молодых жителей российской провинции на 2-3-детную семью можно назвать позитивной демографической тенденцией, которая требует всестороннего изучения и поддержки, ибо реализация таких репродуктивных установок может обеспечить России выход из демографического тупика, нацелив молодое поколение русских на расширенное демографическое воспроизводство.

Этносоциологическое исследование (2018 г.) позволило выявить и отношение русских женщин малых городов к такому явлению как рождения детей вне брака. Внебрачная рождаемость, наряду с внедрением гражданских (официально незарегистрированных) браков, зачастую рассматривается как распространение альтернативных форм семьи. Совершенно недопустимым это признал примерно каждый девятый (11%) опрошенный, еще около трети респондентов (36%) посчитали это нежелательным, а 43% городских жителей убеждены, что женщина сама может решать свою судьбу (табл. 6). Но в установках на внебрачную рождаемость у русских провинциалов оказались весьма заметными возрастными и гендерными различия. Чем старше русское население провинции, тем выше доля тех, кто в той или иной степени негативно относится к внебрачной рождаемости.

Таблица 6

**Отношение к внебрачной рождаемости населения русской провинции
(гендерные группы), %**

Варианты ответов	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Это совершенно недопустимо	12	9	11
Это нежелательно	41	31	36
Женщина сама может решать свою судьбу	35	51	43
Затрудняюсь ответить	12	9	10
Итого	100	100	100

Мужчины придерживались более консервативных взглядов на этот вопрос и в их ответах чаще, чем у женщин, звучало в той или иной степени негативное отношение к внебрачной рождаемости. Женщины были настроены более решительно, отстаивая право женщины самой решать свою судьбу. Они в 1,5 раза чаще, нежели мужчины, считали, что женщина может быть свободна в своем решении рожать ребенка, не будучи замужем (51% и 35% соответственно). Молодые женщины 16-29 лет высказывали такое мнение еще чаще – 56% опрошенных. Подобная установка молодых женщин на возможность рождения детей вне брака, как нам представляется,

в значительной степени связана с приобретением современной женщиной большей экономической независимости, самостоятельности.

Жизненные ценности

Этносоциологические исследования, проведенные нами в 2018 г. среди русского населения двух малых российских городов – Белева и Старицы – дали возможность выявить структуру жизненных ценностей современной женщины, узнать, что, по ее мнению, означает сегодня «хорошо жить». Материалы опроса констатировали, что семья, по-прежнему, остается на лидирующих позициях. За нее, как главное условие «хорошей жизни» высказалось $\frac{3}{4}$ опрошенных женщин (75%), причем в приоритете она находится у всех возрастных групп русских женщин – от молодежи 16-29 лет до лиц пожилого возраста (50 и старше) (табл. 7).

Таблица 7

Жизненные ценности женщин русской провинции, %

Варианты ответов	Русские женщины малых городов			
	16-29 лет	30-49 лет	50 и старше	Все женщины
Свобода, независимость	35	19	20	23
Карьера, социальный рост	32	11	5	16
Семья, любовь, дети	74	84	68	75
Интересная работа, занятие любимым делом	50	45	28	41
Материальное благополучие	44	47	39	44
Богатство. Неограниченные материальные возможности	8	3	4	5
Власть, влияние на других людей	6	-	2	3
Здоровье свое и близких	53	62	60	59
Спокойная жизнь без волнений и забот	26	27	16	23
Чистая совесть	31	25	34	30
Авторитет, уважение окружающих	7	9	10	9
Известность, слава	2	1	-	2
Затруднились ответить	5	1	2	3

* Итог не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос.

Второе место на шкале жизненных ценностей у русских женщин всех возрастов устойчиво занимает «здоровье, свое и близких» (59%), довольно существенно усту-

пая семье. Третье место в иерархии условий счастливой жизни получило материальное благополучие (44%). Здесь необходимо отметить, что в последующей иерархии компонентов хорошей жизни возрастной фактор начинает играть свою роль: у молодой группы опрошенных женщин (16-29 лет) материальное благополучие заняло лишь 4 место, «пропустив вперед» интересную работу, что совершенно понятно. Молодые женщины зачастую еще не обременены собственными семьями, детьми, или кормильцем семьи выступает муж. Женщины заняты поисками интересного дела, любимого занятия, которому собираются посвятить свою жизнь, при этом, не забывая, что интересное дело должно, кроме прочего, давать материальные средства, «обеспечивать» возможность полноценной жизни. Для остальных возрастных групп опрошенных женщин ценность интересной работы уступает материальному благополучию, занимая 4-5 место в иерархии жизненных ценностей (табл. 7).

Возрастной фактор детерминирует дальнейший выбор жизненных ценностей русских женщин. Так, молодежи важнее такие ценности как «свобода, независимость», «карьера и социальный рост» (5,6 места на шкале жизненных ценностей). Женщинам более зрелого возраста важна «спокойная жизнь без волнений и забот» и такая свойственная менталитету русского человека нравственная категория как «чистая совесть», получившая 25-34% выборов и занявшая четвертое место на шкале жизненных ценностей женщин в возрасте 50 лет и старше. Результаты наших исследований показывают, что для русской провинциальной молодежи в целом, и для молодых женщин, в частности, такое понятие как «чистая совесть» менее значимо, чем для людей более зрелого возраста, и занимает лишь 7-е место в иерархии жизненных ценностей.

Социальное самочувствие, удовлетворенность жизнью

Происходящие в современных постсоветских государствах, в том числе в России, социально-экономические, политические и культурно-языковые преобразования создают новые условия для жизнедеятельности людей, их самореализации, адаптации, во многом изменяя и усложняя решение и достижение поставленных ими перед собой задач и целей. Все эти процессы модернизации общества, успехи и просчеты проводимых реформ отражаются на социальном самочувствии людей. Социальное самочувствие выступает как индикатор, интегральный показатель социальной адаптации, приспособления населения к трансформирующемуся обществу, удовлетворенности человека различными сторонами жизни, как некий результат успешности или неуспешности протекания адаптационных процессов. Социальное самочувствие и социальное настроение являются важными социально-психологическими факторами, в значительной степени определяющими поведение людей.

Та или иная степень удовлетворенности человека условиями своей жизни тесно коррелирует с таким понятием как «социальный оптимизм». в связи с этим несомненный интерес представляет субъективная оценка динамики жизненной ситуации жителями малых российских городов. в анкете, использованной при опросе русского населения малых городов в 2018 г., был поставлен вопрос: «Становится ли Ваша жизнь лучше с течением времени?». Как показали материалы, оценки жизненной ситуации, данные русскими женщинами обоих исследуемых городов, практически совпадают с оценками мужчин. Примерно каждая пятая женщина (18%)

отметила безусловные улучшения в своей жизни. Почти половина опрошенных женщин (48%) назвала как позитивные, так и негативные изменения жизни, и лишь 13% опрошенных дали совершенно негативную оценку переменам, происходящим в их жизни (табл. 8). Прослеживалась четкая возрастная дифференциация негативных оценок жизненной ситуации: чем старше были женщины, тем выше, примерно в полтора раза, была доля пессимистичных оценок

И у женщин, и у мужчин четко прослеживается зависимость субъективной оценки жизненной ситуации от уровня материальной обеспеченности: чем беднее население, тем выше доля негативных оценок (от 7% у высокообеспеченных жителей русской провинции до 33% у людей с низким уровнем доходов), что подтверждает тезис о том, что повышение уровня материальных доходов населения ведет к усилению стабильности, позитивной настроенности общества.

Таблица 8

Становится ли жизнь лучше с течением времени? (гендерные группы), %

Варианты ответов	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Да	18	19	18
В чем-то лучше, в чем-то хуже	54	48	51
Нет	10	13	12
Затрудняюсь ответить	18	20	19
Итого	100	100	100

Одним из комплексных индикаторов социального самочувствия жителей малых российских городов является их общая удовлетворенность условиями жизни в своем городе. Как показали материалы опроса русского населения малых городов в 2018 г., уровень удовлетворенности жителей условиями жизни в провинциальном городе довольно невысок: только половина (50%) опрошенных городских жителей полностью или в той или иной степени удовлетворена ею. Полученный итоговый индекс социальной удовлетворенности составил +0,26 (при максимально возможной величине равной +2,0).

Многочисленные социологические и психологические исследования, проводившиеся в нашей стране в прошедшие годы, показали, что женщины, независимо от их этнической принадлежности, в целом обнаруживали более высокую степень неудовлетворенности многими сторонами жизни, нежели мужчины, что объясняется традиционно меньшей прихотливостью мужчин. Некоторые исследователи отмечают, что мужчины уделяют большее внимание возможности достижения поставленных целей, наличию эффективного досуга, творческой самореализации, социальному статусу, общению с друзьями, экономическому и политическому положению в стране, в то время как женщинам важнее личная безопасность, материальное положение, семейные отношения, социальная инфраструктура, экология, состояние здоровья.

Полученные в ходе наших исследований в малых городах результаты не дают четких гендерных различий в степени общей удовлетворенности жизнью жителей

русской провинции. Отмеченные несходства очень незначительны и не позволяют говорить о принципиальной разнице общего уровня удовлетворенности жизнью между мужчинами и женщинами. Тем не менее, определенные гендерные различия мы зафиксировали. Остановимся на некоторых моментах гендерной обусловленности феномена удовлетворенности (табл. 9).

Как показывают данные табл. 9, показатели общей удовлетворенности жизнью у мужчин и у женщин близки и составляют +0,29 и +0,22 соответственно. Но при сходстве общих показателей удовлетворенности, гендерные различия наблюдаются при анализе таких факторов как «удовлетворенность материальными условиями жизни», «удовлетворенность работой медицинских учреждений», «удовлетворенность работой транспорта», «удовлетворенность работой полиции», «удовлетворенность материальным положением». Во всех указанных сферах жизни показатели фрустрированности у женщин существенно выше, чем у мужчин. Это отчасти согласуется с данными других исследований, в которых выявлена большая обеспокоенность и неудовлетворенность женщин материальными условиями жизни, вопросами здоровья, социальной инфраструктуры и безопасности.

Как видно из данных табл. 9, наиболее высокими показателями фрустрированности горожан выделяются 6 шкал: «медицинское обслуживание», «сфера досуга», «деятельность городской администрации», «работа полиции», «условия жизни в городе в целом» и «материальное положение». Подобную ситуацию можно объяснить действием как внешних (объективных), так и внутренних (субъективных) факторов.

Таблица 9

Удовлетворенность русского населения малых городов различными сторонами жизни (гендерные группы) (в индексах)

Удовлетворенность различными сторонами жизни	Мужчины	Женщины
Удовлетворенность работой	+0,75	+0,82
Удовлетворенность материальным положением	+0,13	-0,10
Удовлетворенность жилищно-бытовыми условиями	+0,83	+0,68
Удовлетворенность работой медицинских учреждений	-0,41	-0,76
Удовлетворенность работой транспорта	+0,81	+0,50
Удовлетворенность торговлей	+0,78	+0,76
Удовлетворенность работой образовательных учреждений	+0,49	+0,48
Удовлетворенность работой культурно-развлекательных учреждений	-0,21	-0,30
Удовлетворенность работой полиции	-0,17	+0,07
Удовлетворенность деятельностью городской администрации	-0,43	-0,36
Удовлетворенность экологической обстановкой в городе	+0,81	+0,83
Удовлетворенность условиями жизни в городе в целом	+0,11	-0,01
Индекс удовлетворенности в целом	+0,29	+0,22

Индекс рассчитывался по формуле: $(2A+B) - (C+ 2D) + E \cdot 100$, где А – доля респондентов, полностью удовлетворенных той или иной сферой жизни; В – доля респондентов, скорее удовлетворенных; С – доля респондентов, скорее неудовлетворенных; D – доля респондентов, полностью неудовлетворенных; E – доля респондентов, не ответивших на данный вопрос. Возможный разброс индексов – от -2 до +2

Если зона неблагополучия, включающая в себя 6 названных факторов, несколько по-разному вырисовывается в Белеве и Старице, по-разному проявляется у женщин и мужчин, то общим следует признать наличие двух «болевых точек», с самыми низкими значениями удовлетворенности, в число которых попадают такие факторы как «деятельность городской администрации» и «медицинское обслуживание», которое в малых городах находится на очень низком уровне. Причем у женщин первое место по доле негативных оценок заняло медицинское обслуживание (свыше трех четвертей опрошенных женщин дали негативную оценку состоянию медицинского обслуживания в своем городе (табл. 9), а у мужчин – деятельность местной администрации. Женщины более внимательно относятся к состоянию своего здоровья и здоровья членов своей семьи, а потому чаще обращаются к врачам, в том числе и детским.

Хотелось бы подчеркнуть, что удовлетворенность жизнью зависит от взаимодействия и взаимовлияния целого комплекса различных внешних и внутренних составляющих: политических, экономических, социальных, этнокультурных, личностных, эмоциональных и т.п., что свидетельствует о сложности и многоаспектности данного социально-психологического феномена.

Жизненные стратегии

Социальная адаптация к новым, трансформирующимся условиям жизни проходит тем успешнее, чем более адекватным является социально-психологическое самочувствие человека, чем активнее он включается в сложные процессы преобразования жизни, не просто приспосабливаясь к новым условиям, а активно изменяя их. Проведенный в ходе исследования 2018 года в малых городах анализ дифференциации общих оценок русским населением своей жизненной ситуации дает возможность структурировать массивы опрошенных по степени их адаптированности к современной жизни и степени активности или пассивности их жизненных позиций. Среди опрошенных женщин, как, впрочем, и мужчин, лидирующую позицию заняла группа так называемых «адаптантов», т.е. тех, кто добровольно или вынужденно приспособился к новой ситуации, активно преобразуя условия жизни или себя в направлении органичного «вписывания» в новую среду (35%). Среди мужчин приверженцев этого мнения оказалось несколько больше (42%).

Второе место по распространенности у женщин принадлежит «выжидателям» (26%), тем, кто, не предпринимая никаких действий по преобразованию жизни, не делая активных шагов в направлении приспособления к изменившейся ситуации, наблюдает, спокойно, философски воспринимая и плохое, и хорошее, ждет, пока все само собой устроится. У мужчин на втором месте оказалась группа «мобилизаторов», тех, кто еще не адаптировался к изменениям, но намерен приложить для этого все свои силы и возможности (23%) У женщин эта категория опрошенных заняла по доле выборов третье место (17%). «Пессимисты», люди, не надеющиеся на какие-либо позитивные перемены в своей жизни, представлены очень немногочисленной группой,

но и в этом случае гендерные различия весьма заметны: среди мужчин лишь 3% «пессимистов», в то время как среди женщин их вдвое больше – 9% (табл. 10).

Таблица 10

Оценка жизненной ситуации (гендерные группы), %

Варианты ответа	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Жизнь интересная, меня полностью устраивает	17	15	16
Жизнь полна трудностей, но я уже к ним приспособился	25	20	22
Жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше	23	17	20
Жизнь очень тяжелая, и я вряд ли смогу в ней что-либо изменить	3	9	6
Жизнь полосатая, надо спокойно принимать и плохое, и хорошее, и все устроится само собой	17	26	22
Затрудняюсь ответить	15	13	14
Итого	100	100	100

Кроме структурирования массива русского населения малых городов по типам выбранных ими адаптивных стратегий, мы вычленили активный и пассивный компонент в городской среде. Объединив 1 и 2 группы («адаптанты» и «мобилизаторы») в единый блок, мы получили массив респондентов с активной, созидательной жизненной стратегией, преобразующих себя, свой мир или внешние условия в соответствии с требованиями новой ситуации, т.е. активный компонент. Третья и четвертая группы в совокупности («выжидатели» и «пессимисты») дали массив опрошенных, которым присуща пассивная жизненная стратегия, стратегия сторонних наблюдателей, созерцателей, фаталистов, зачастую даже не верящих в возможность активного преобразования жизни, т.е. пассивный компонент. Это люди, у которых снижено творческое начало, заложенное в человеке, сужен выбор альтернативных, более эффективных жизненных стратегий, направленных на улучшение качества жизни.

Оказалось, что в адаптивном поведении русской провинции активный компонент встречался в два раза чаще, чем пассивный (68% против 32%), что свидетельствует об активной жизненной позиции большинства русского населения. При этом русские мужчины оказались более активны, а женщины – несколько менее, проявляя больше пассивности и безынициативности: соотношение активных и пассивных групп в мужском населении русской провинции составило пропорцию 76:24, в женском – 60:40, что может быть связано с большей долей среди женщин лиц пожилого возраста, менее активных уже в силу возрастных особенностей.

Такой вывод подтверждается сравнением жизненных позиций мужчин и женщин молодых возрастов (16-29 лет). У русской молодежи малых городов активно-созидательная жизненная стратегия характеризует в одинаковой мере и мужское, и женское население. Это свидетельствует об усилении гражданской инициативы женщин, подтверждает высокую активную позицию женской молодежи, много работающей

для достижения поставленных перед собой целей, повышающих свое образование и кругозор, участвующей и в гражданской жизни общества, в различных гражданских инициативах, повседневных практиках: в экологических движениях, в волонтерских начинаниях и проектах, отрядах поисковиков и т.д. Молодые женщины готовы предпринимать активные действия, прикладывать усилия, стремиться к самообразованию и карьере, пытаться заработать приличное состояние и обеспечить более качественное, комфортное проживание себе и своей семье.

Что же в наибольшей мере мешает выработке и реализации активных жизненных позиций у женщин русской провинции? Как оказалось, соотношение активного и пассивного компонентов сильно варьирует в группах с разным имущественным статусом, с разными уровнями материального достатка. У людей высокообеспеченных преобладали «активисты» и соотношение активного и пассивного компонентов составляло пропорцию – 77:23. Среди бедных слоев населения, где женщин существенно больше, доминирующим был пассивный компонент, который в два раза превышал активно-созидательный (35:65). Полученные данные еще раз свидетельствуют о том, что для снижения в стране социального пессимизма, напряженности, повышения инициативы и жизненного оптимизма людей, женщин и мужчин, крайне необходимо существенное повышение уровня их жизни.

Отношение к малой Родине

Несмотря на далеко не блестящее социально-экономическое состояние провинциальных городов, не слишком комфортные бытовые условия, слабое развитие культурно-развлекательной сферы и медицинского обслуживания, недоработки городской администрации и т.п., что вызывало естественный рост недовольства населения местными условиями жизни, большинство жителей исследованных малых городов позитивно относились к своей малой Родине. И женщины в этом отношении занимали лидирующие позиции (табл.11). Во время опроса в Белеве и Старице 53% женщин и 44% мужчин заявили, что безоговорочно любят свой город и гордятся, что живут в нем. Еще 17% женщин и 22% мужчин ответили, что привязаны к своему городу только потому, что здесь родились и провели значительную часть жизни, но жить хотели бы в другом месте. Безразличное и негативное отношение высказали 19% женщин и 24% мужчин. Как видно, доля людей, так или иначе любящих свою малую Родину, оказалась заметно выше доли относящихся к ней безразлично или негативно, в особенности среди женщин.

В то же время полного единодушия в этом вопросе не наблюдалось. Одним из значимых дифференцирующих факторов выступал возрастной. Любовь к своей малой Родине в наибольшей мере была присуща старшему поколению. И среди женщин возрастные различия выступали рельефнее, чем среди мужчин. Так, признались своему городу в безоговорочной любви 70% женщин в возрасте старше 50 лет и 27% 16-29-летних. У мужчин соответственно 61% и 34%.

В немалой мере, на наш взгляд, это было связано с невысокими социально-экономическими позициями женщин в малых городах, что для многих женщин старшего возраста казалось привычным, а для женской молодежи – неприемлемым. И девушки, и их родители, мечтающие об удачном будущем для своих дочерей, не могли не осознавать, что города их проживания при всех своих позитивных качествах (природа, богатое исто-

рическое прошлое, благоприятный психологический климат и т.п.) ущербны в плане наличия и создания социальных лифтов для женской молодежи. Не удивительно, что среди местных девушек оказался самым высоким процент ответивших, что любят свой город, но хотели бы жить в другом (28% против 9% у женщин от 50 лет и старше и 22% у юношей их возрастной группы), а относительная численность потенциальных мигрантов в составе женской части населения была выше, чем в мужской.

Таблица 11

Отношение к своему городу (гендерные и возрастные группы), %

Варианты ответов	Мужчины			Женщины		
	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше
Любят свой город и гордятся, что в нем живут	34	46	61	27	48	70
Любят свой город, потому что в нем родились, но жить хотели бы в другом	22	24	12	28	17	9
Относятся безразлично	15	17	11	17	13	4
Не любят	10	5	3	11	6	3
Затруднились ответить	16	8	13	17	16	14
Итого	100	100	100	100	100	100

Таблица 12

Представления жителей Белева и Старицы о судьбе их городов (гендерные и возрастные группы), %

Варианты ответов	Мужчины			Женщины		
	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше
Город возродится, станет процветающим	28	38	40	30	36	47
Все останется по-прежнему еще долгие годы	31	32	24	25	21	20
Город опустеет и перестанет существовать	21	11	23	26	24	14
Другое мнение	3	2	1	1	–	–
Затруднились ответить	17	15	14	18	19	19

Восприятие жителями своего города было тесно связано с их представлениями о его дальнейшей судьбе, которые носили по большей части пессимистичный характер (табл. 12). Доля оптимистов, верящих в то, что их города возродятся и станут процве-

тающими, составила чуть более трети (36%). в то же время большинство придерживалось менее радужных представлений: о том, что здесь еще долгие годы не произойдет никаких улучшений, все останется по-прежнему (26%), или, что их город постепенно опустеет и перестанет существовать (20%). И в этом случае проявилась определенная демографическая дифференциация. Женщины имели более оптимистичные представления о будущем своего города, чем мужчины. С возрастом доля таковых повышалась. Особенно позитивных взглядов придерживались женщины старше 50 лет (соответственно 40% мужчин и 47% женщин этой возрастной категории надеялись на возрождение своих городов). Печальную же судьбу своим городам чаще предрекали представители молодого поколения, как девушки, так и юноши, в руках которых и находится будущее их малой родины, что не может не вызывать сожалений. Многие современные молодые люди предпочитали покинуть свои родные места в поисках лучшей жизненной среды, чем прикладывать серьезные усилия для ее преобразования.

Можно сказать, что любовь к своей малой родине, будучи одним из важнейших составляющих традиционной культуры большинства народов, в том числе русского, остается свойственной многим его представителям. Но под давлением кардинально меняющихся условий жизни медленно, но верно она теряет своих приверженцев. Конечно, пока еще русская провинция весьма далека от новых, все шире распространяющихся в Европе, идей всеобщей глобализации, либерализма, космополитизма, формирования «людей мира и вселенной», живущих там, где им больше нравится, без крепких родственных связей и традиций и т.п. Но в каких-то группах эти идеи находят все больше своих сторонников, особенно среди молодежи. И роль старшего поколения женщин в сохранении чувства привязанности к своему родному краю, заботы о нем, стремлении содействовать его развитию и процветанию остается приоритетной.

Миграционные ориентации

Одной из острейших проблем развития малого города является миграционный отток молодежи, приводящий к еще большей деформации возрастной структуры населения в сторону его постарения, к снижению доли молодых, трудоспособных возрастов и, как следствие, к ускорению депопуляционных процессов. Миграция, массовый отъезд жителей за пределы города, особенно молодежи, в своем большинстве уже не возвращающейся обратно, обезлюдение малых городов создает множество социально-экономических и этнокультурных проблем и воспринимается самими жителями малых городов особенно остро. в связи с этим, интересно проанализировать показатели потенциальной миграции населения, в том числе женщин, которые являются в известной степени прогнозными оценками миграционной ситуации в городах в ближайшей перспективе.

Материалы опроса населения Белева и Старицы выявили очень схожую картину потенциальной миграции: почти каждый третий (27-31%) из опрошенных горожан выразил желание сменить место жительства и переехать из города, в котором живет. Еще 19% респондентов не имеют пока определенного решения относительно переезда. Около половины (47-48%) опрошенных горожан не собирается менять место жительства. Причем наблюдается заметная гендерная и возрастная обусловленность показателей потенциальной миграции. Так, женщины несколько чаще мужчин высказывались за переезд из города. Мужчинам в большей мере была свойственна ста-

бильность и консервативность в этом вопросе: свыше половины (52%) опрошенных мужчин не выразили желания переезжать из своих городов (табл. 13).

Таблица 13

Потенциальная миграция мужчин и женщин, %

Варианты ответов	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Все население
Нет, не хочу уезжать	52	44	47
Да, хотел бы уехать	27	31	29
Трудно сказать, пока нет определенного решения	16	21	19
Нет ответа	5	5	5
Итого	100	100	100

Возрастная дифференциация показателей потенциальной миграции проявилась еще более отчетливо. Чем моложе жители малых городов, тем выше уровень потенциальной миграции. Гендерные различия четко выявляются в группе молодежи и лиц активного трудоспособного возраста: женщины этих возрастов в 1,2-1,5 раза чаще мужчин нацелены на отъезд из города (табл. 14).

Таблица 14

Потенциальная миграция мужчин и женщин разных возрастов, %

Варианты ответов	Русское население малых городов					
	16-29 лет		30-39 лет		50 лет и старше	
	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж
Нет, не хочу уезжать	13	23	47	59	70	76
Да, хотел бы уехать	53	44	32	22	9	13
Трудно сказать, пока нет определенного решения	28	24	21	17	14	6
Нет ответа	6	9	–	2	7	5
Итого	100	100	100	100	100	100

Столь высокие показатели молодежной потенциальной миграции, как мужского, так и женского населения, указывают на будущее неблагополучие, грозящее демографическим опустошением малых русских городов.

Показатели потенциальной миграции женского населения четко коррелируют и с уровнем образования опрошенных, их социально-профессиональным статусом: наибольшая ориентированность на миграцию из малых городов характерна для высококвалифицированных специалистов, людей с высшим образованием, не находящих применения своим профессиональным навыкам, не востребованным в родных городах или не получающих за свой труд заработную плату, соответствующую их профессиональной подготовке и удовлетворяющую их потребности и ожидания.

Стоит обратить особое внимание на женщин 30-49 лет и тех, кому 50 лет и более. в этих возрастных категориях достаточно велика доля стабильных жителей, не желающих уезжать из своего города (47-70%), несмотря на все трудности и высокую степень неудовлетворенности многими сторонами жизни в нем. Это люди, прожившие в своих родных городах почти всю жизнь, считающие их своей Родиной и не представляющие своего существования вне привычных с детства улиц, домов, речных берегов, храмов, монастырей, того природного и этнокультурного ландшафта, что является для них знаковым. И эти настроения следует учитывать тем, кто принимает решения о бесперспективности малых городов, о переселении их жителей в более крупные городские образования.

Социологический опрос русского населения малых городов позволил выявить направленность и мотивацию потенциальной миграции молодых горожанок. Большинство опрошенных выразили желание переехать в свой областной центр – Тулу и Тверь. На втором месте по числу выборов стоит «другой город в пределах своей области», на третьем месте – Москва. Тула, Тверь и, тем более, Москва, эти крупнейшие города, с их высокими жизненными стандартами, материальным уровнем жизни, широкими образовательными возможностями, богатым выбором мест приложения труда и проведения досуга, хорошо известны жителям Белева и Старицы. Многие опрошенные горожанки, члены их семей учатся (учились) и работают в Туле, Твери и Москве, хорошо информированы об условиях жизни в названных городах, что объясняет их стремление переехать туда на постоянное место жительства.

Желание переехать за границы России, в Европу и США, высказало небольшое число молодых русских женщин: в молодежной группе 16-29 лет ориентации на выезд в Европу или США высказывали лишь 4-8% потенциальных мигранток в Белеве и Старице.

Что касается мотивации потенциальной миграции жителей исследованных малых городов, то следует отметить, что абсолютное большинство выборов (более 80%) и среди женщин, и среди мужчин получили три миграционных мотива: низкая заработная плата (29%), безработица (21%) и желание продолжить образование (свое и детей) (11%). Совершенно очевидно, что в наибольшей мере указанная миграционная мотивация характерна для женщин и мужчин, находящихся в трудоспособном возрасте. Узость местного рынка труда, отсутствие достаточного числа рабочих мест, которые могли бы гарантировать работникам интересную, престижную работу или хотя бы достойную зарплату за те виды труда, которые предлагает малый город, вынуждают население таких городов к переезду.

Русская молодежь малых городов, как девушки, так и молодые люди, мотивируя свое желание уехать, особое внимание акцентировала на желание продолжить свое образование. Малые города, в которых проходило наше исследование, могут предоставить молодым людям лишь возможность получения среднего специального образования, по ограниченному кругу профессий. Ни в Белеве, ни в Старице, кроме колледжей, нет ни одного филиала высших учебных заведений, они располагают ограниченными возможностями привлечения на работу молодых специалистов, которые в прежние годы уехали в крупные города, в российскую столицу за получением образования и хотели бы вернуться в родной город.

Подводя итоги, можно сказать, что современные женщины провинциальных городов – это в основной массе социально-активная группа, включенная в общероссийскую жизнь, в экономику и культуру страны. в то же время женщины в зна-

чительной мере остаются верны традиционным жизненным ценностям, в центре которых семья, здоровье и благосостояние близких. Многие взгляды и представления провинциалок неоднозначны, отражая противоречивую и сложную ситуацию, как в малых городах, так и в мире целом. С одной стороны, например, женщины недовольны условиями жизни в своем городе, с другой, большинство их представителей выступают патриотами своей малой Родины, остро переживают за ее будущее.

Гендерные различия, хотя и имеют место, не носят принципиальный характер. Тем не менее, нельзя не отметить такой существенный факт, как пониженный материальный уровень жизни женщин, их большую неудовлетворенность своим материальным положением и при этом слабее выраженные активные жизненные стратегии и протестные ориентации.

Важно также особо подчеркнуть существование значимой возрастной дифференциации, которая во многих случаях выглядит более рельефной, чем гендерная. Молодые женщины заметно отличаются от своих матерей и бабушек большей активностью и рационализмом, более современными взглядами и представлениями, а, по сравнению с провинциальными юношами – большей мобильностью и новационными ориентациями, в том числе в сфере семейно-брачных отношений.

Источники и материалы

Государственный комитет (Тверь) – Государственный комитет по статистике Российской Федерации. База данных показателей муниципальных образований. Тверская область. <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst28/DBInet.cgi>

Государственный комитет (Тула) – Государственный комитет по статистике Российской Федерации. База данных показателей муниципальных образований. Тульская область. <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst70/DBInet.cgi>

Российский статистический 2020 – Российский статистический ежегодник. 2020. М.: Росстат, 700 с.

Научная литература

Григулевич Н.И. и др. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белеве и Старице. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2018. № 267, 111 с.

Остапенко Л.В., Субботина И.А. Провинциальный русский город в начале XXI века. М.: Старый сад, 2019, 290 с.

Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А. Русская молодежь Москвы. Социально-демографические и этнокультурные характеристики. Полевая этностатистика. М.: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2018. 184 с.

Ostapenko, Lyubov V., Irina A. Subbotina

Russian Woman in a Small Town Today: Portrait Details

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/149-173

The article is based on the scientific project titled: “Population of a Russian Town in the 21st Century” that was carried out in 2017-2019 in the two towns of Central Russia – Belyov (Tula Region) and Staritsa (Tver Region). Ethno-sociological survey of the Russian population in these towns and expert-polls provided an opportunity to analyze the processes

of adaptation of women in modern Russian province to the changing life in the post-Soviet era and depict some aspects of their life today: socio-economic statuses, life values, attitude to marriage, having children, opinions regarding migration, satisfaction with different aspects of living in a town, social well-being, life strategies, attitude to their hometown.

Modern women in provincial towns are predominantly socially active and integrated into all-Russian life, the country's economy, and culture. At the same time, women largely remain loyal to traditional life values, to which family, health, and well-being of family members are the core. Many views and beliefs of provincial women are ambiguous, reflecting a contradictory and difficult situation in small towns and the world nowadays. On the one hand, women are not satisfied with the life in their towns; on the other hand, most of them act as patriots of their homeland and deeply care about its future. The worse the financial situation of women's lives and the greater their dissatisfaction with it are, the weaker their active life strategies and protest moods are manifested. There is a considerable age differentiation of women's ideas and beliefs: young women differ from their mothers and grandmothers in their higher activity and rationalism, greater mobility, and openness to innovations, for example, in the matrimonial sphere.

Keywords: *women, Russian province, socio-economic positions, life values, life satisfaction, attitude to marriage and children, opinions regarding migration, patriotism*

For Citation: Ostapenko, L.V., and I.A. Subbotina, I.A. 2021. Russian Woman in a Small Town Today: Portrait Details. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 149–173.

Author Info: Ostapenko, Lyubov V. – Ph.D. (History), Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: lost_82@bk.ru

Subbotina, Irina A. – Ph.D. (History), Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: irinalsu@yandex.ru

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Grigulevich, N.I. et al. 2018. Naselenie malogo goroda Central'noi Rossii v XXI veke. Pervye rezul'taty kompleksnogo issledovaniia b Beleve I Starice [Population of Town in Central Russia in the 19th Century. First Results of Comprehensive Study In Belyov and Staritsa]. [Population of Town in Central Russia in the 19th Century. First Results of Comprehensive Study in Belyov and Staritsa]. In *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* [Research on applied and urgent ethnology]. Vol. 267, 111 c. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Ostapenko, L.V., and I.A. Subbotina. 2019. *Provintsialnyi russkii gorod v nachale XXI veka*. [Provincial Russian Town at the Beginning of the 21st Century]. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Ostapenko, L.V., R.A. Starchenko, and I.A. Subbotina. 2018. Russkaia molodezh' Moskvy (sotsial'no-demograficheskie i etnokul'turnye kharakteristki) [Russian Youth of Moscow (Social-demographic and Ethnocultural Characteristics)]. In *Polevaia etnostatistika* [Field Statistics]. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

ИНТИМНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ В ЖЕНСКИХ ЭГО-ДОКУМЕНТАХ 1950–1960-Х ГОДОВ: НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ В МОДЕЛЯХ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ ГОРОЖАНОК*

В статье изучены взаимоотношения жительниц и жителей крупного, но нестоличного г. Волгограда (Сталинграда) в 1950–1960-е гг. Цель исследования заключается в выявлении поведенческих черт горожанок в сфере межличностных отношений с противоположным полом на основе привлечения материалов эго-документов. Методология исследования базируется на применении метода эмпазии, а также сравнительно-исторического и биографического методов. Источниковую базу исследования составляют материалы эго-документов (дневники, письма, устная история), периодической печати (журналы, газеты), научно-популярной литературы (брошюры, пособия), нормативно-правовых актов (указы, постановления). в статье раскрыты представления горожанок об интимной жизни, которые они в изучаемый период нередко скрывали от общественности. Власти исподволь вмешивались в семейную жизнь горожан, формируя сексуальную культуру населения. Низкая грамотность женщин в вопросах полового воспитания имела множество последствий (внебрачные беременности, высокая абортруемость, многодетность). Все еще нередким явлением в браке было неподобающее поведение мужей (пьянство, грубость, измены), а публичность бракоразводного процесса являлась своеобразным препятствием на пути разводящихся супругов. Потому в партийных органах не только женщины, но и мужчины видели рычаги давления, при помощи которых можно было разрешить семейные неурядицы. Несмотря на кажущуюся вольность в поведении послевоенного поколения, преобладающим оставался уклад, согласно которому интимная жизнь продолжала скрываться от общественности. Обсуждение «запретных тем» в средствах массовой информации являлось лишь методом на пути нравоучительного воспитания во многом именно женской половины населения. Однако условия проживания в нестоличном городе, который с опозданием принимал передовые идеи (важность полового воспитания), вносили немало коррективов в жизни горожанок.

Ключевые слова: *отношения полов, гендерная антропология, интимные бытовые практики, хрущевская «оттепель», Волгоград*

Богдашина Ирина Владимировна – аспирант, Волгоградский государственный университет (400062 Волгоград, Университетский просп., 100), Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: ira18bogdashina@mail.ru

*Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и проекту РФФИ № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)»

Для цитирования: *Богдашина И.В.* Интимные переживания в женских эго-документах 1950–1960-х годов: новое и традиционное в моделях сексуального поведения провинциальных советских горожанок // *Вестник антропологии*, 2021. № 4. С. 174–190.

Взаимоотношения женщин и мужчин в период хрущевской «оттепели» претерпели немало изменений, ведь именно тогда частично были разрушены тоталитарные модели семейно-брачных отношений и сексуального поведения (*Кон* 2010: 66). Актуальным представляется изучение пересечений и столкновений частной и публичной сфер в повседневной жизни мужчин и женщин. Несмотря на переход властной политики от полного отрицания к попыткам регулирования сексуальной культуры (отмена запрещения аборт, выпуск специализированной научно-популярной литературы), в реальной действительности данная тема, вероятно все еще продолжала оставаться для женщин запретной и сугубо интимной (*Сборник законов* 1956: 402; *За здоровый быт* 1956; *За здоровый быт* 1960; *Гранат* 1965; *Никончик* 1965). Именно потому привлечение не только общедоступных источников (нормативно-правовые акты, средства массовой информации), но и материалов эго-документов (письма, дневники, устная история) позволяет реконструировать чувственно-эмоциональную сторону частной, нередко интимной жизни горожанок региона.

Цель исследования – путем анализа материалов эго-документов выявить поведенческие черты горожанок нестоличного региона в сфере межличностных отношений с противоположным полом в условиях частичного разрушения тоталитарной модели брачно-семейных связей и сексуального поведения. Изучение данного аспекта позволит не только выяснить восприятие самими женщинами вопросов сексуальности, но и сопоставить диктуемые нормы с повседневной действительностью нестоличного региона.

Вплоть до 1990-х гг. в отечественной историографии исследований советских женских интимных практик и сексуальности не проводилось, в особенности малоизученными представляются практики нестоличных городов страны. Хотя первые исследования относятся еще к 1960-м гг., большинство из них носили сугубо научный, а не просветительский характер (*Кон* 1966; *Голод* 1969; *Шевченко* 1969; *Богданович* 1969). Весомый вклад в изучение сексуальной культуры внес социолог С.И. Голод, многие исследовательские изыскания которого не были одобрены советской властью (*Кон* 2010: 98–99). Потому первые работы отечественных социологов и историков (С.И. Голод, И.С. Кон, Н.Л. Пушкарева), посвященные сексуальной культуре в России и вопросам феминологии начали появляться лишь в 1990-е гг. (*Кон* 1993; *Голод* 1996; *Кон* 1997; *Голод* 1998; *Пушкарева* 1998). в 2000-е гг. учеными с разных сторон была изучена модель гендерного уклада и сексуальности (*Темкина* 2001; *Пушкарева* 2002; *Здравомыслова, Темкина* 2003; *Темкина* 2009). в последнее десятилетие вопросы сексуальной культуры периода десталинизации были затронуты в трудах Н.Б. Лебиной, Т.П. Емельяновой, Н.Л. Пушкаревой, Н.А. Мицюк и других (*Лебина* 2014; *Емельянова* 2019; *Миненко, Жилиянина* 2020; *Пушкарева, Белова, Мицюк* 2021). Однако, вышеупомянутые исследования носят обобщающий характер и специально не рассматривали аспекты взаимоотношений полов в крупном, но нестоличном послевоенном городе на основе привлечения материалов эго-документов.

Период 1950–1960-х гг. характеризовался переменами в быту, а возможность для молодой семьи иметь собственное жилье, приравнивалась к благоприятному разви-

тию не только семейной, но и интимной жизни. Важным шагом на пути разрешения проблемы жилищного обеспечения стало постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором подчеркивалось, что «проблема жилья продолжает оставаться одной из самых острых» (Коммунистическая партия Советского Союза 1986: 195). Несмотря на то, что объем всей жилой площади в регионе в сравнении с 1940 г. к 1966 г. увеличился в 2,5 раза, немногие горожане располагали собственным жильем, удовлетворяющим даже элементарные бытовые потребности (Народное хозяйство 1967: 172). Не только изменение жилищной ситуации, но и попытки медикализации сексуальности, позволили в некоторой мере наладить и стабилизировать сексуальную культуру населения (*Кон* 2010: 66). Высокие показатели внебольничных аборт, которые к 1950-м гг. достигли своего пика, заставили государство пойти на важный шаг – декриминализировать процедуру; региональные власти сразу же отреагировали на изменения, однако во многом оказались не готовы к проведению программы (Сборник законов 1956: 402; ГАВО: Ф. Р-3969. Д. 165. Л. 175). Перегруженность гинекологических коек, высокий спрос на процедуру, а также смертность от внебольничных абортов оставались насущной проблемой региона на протяжении 1950–1960-х гг. (ГАВО: Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 117. Л. 41, 44–45, 283; Оп. 7. Д. 197. Л. 117; Оп. 11. Д. 34. Л. 193, 282–283; Оп. 11. Д. 56. Л. 81). Потому условия проживания в полностью разрушенном после войны Сталинграде (Волгограде) вносили свои коррективы в личные жизни горожанок.

На наш взгляд, применительно к теме нашего исследования во взаимоотношениях женщин и мужчин можно рассмотреть три периода: добрачные отношения, собственно в браке и на грани (после) распада семьи. Все три блока взаимосвязаны между собой, так как представляют поступательное развитие отношений полов. Важнейшим источником в исследовании выступают эго-документы (дневниковые записи врача-хирурга Зинаиды Сергеевны Седельниковой, устные воспоминания жительниц региона 1932–1960 г.г., а также письма и жалобы личного характера жительниц и жителей в Городской комитет КПСС), которые способны передать отношение самих людей к проблемам межличностного и сексуального поведения, определить соответствие норм общепринятых и тех, которые находили свое место в реальной действительности.

Как уже было сказано, первые исследования в вопросах брака и семьи были приняты социологами еще в 1960-е гг., тогда ученые отметили, что именно «моральный подход к браку стал преобладающим в советском обществе», однако едва ли передовые взгляды могли иметь широкое распространение в провинциальном городе. Большое значение имело место знакомства будущей пары; согласно опросам, в одном из столичных регионов, именно места проведения досуга (танцы, клуб, каток) являлись самым распространенными местами для знакомства (*Харчев* 1964: 179, 197). Об этом вспоминают и опрошенные нами женщины: «Знакомились на танцплощадках, с мужем тоже так познакомилась»; «Знакомились на танцах, танцы все время были, вот на Строителе была танцплощадка, на Судоверфи тоже. На работе у нас было познакомиться невозможно, там были одни женщины»¹; «Знакомились в основном на танцах. А мы с мужем познакомилась в парке, когда гуляли компаниями» (ПМА: И.В.; Л.И.; Л.Д.).

¹ Респондентка работала школьной учительницей.

Во многом именно факт свободного общения девушек и юношей в общественных местах формировал культуру отношений между полами на начальном этапе отношений. Кроме того, во многом, «частичная реабилитация личной жизни», которая произошла в 1950–1960-е гг., сыграла ключевую роль в становлении сексуальной культуры уже послевоенного поколения (Пушкарева 2012: 17). Однако в возрождающемся после войны регионе жители нередко сталкивались с культурно-досуговой бедностью, а места публичного досуга не всегда располагали благоприятной обстановкой для знакомства. Некоторые танцплощадки и клубы были оборудованы ненадлежащим образом, о чем в радиопередаче 1960 г. рассказала жительница города: «Оркестр играет плохо. Пять минут играет, а остальное время стоит. Но у нас только одна танцплощадка, а молодежи хочется танцевать. Пора бы позаботиться о том, чтобы танцплощадки у нас были хорошие» (ГАВО: Ф. Р-6174. Оп. 2. Д. 336. Л. 39). Государство всерьез не воспринимало танцплощадки как места знакомства мужчин и женщин, потому как даже здесь можно было ощутить диктуемые правила и нормы: «Подумайте, познакомились люди на танцах, несколько раз встретились – и, пожалуйста, уже семья. Тайком от всех создали семью. Какое может быть счастье, когда все это тайком, когда нужно скрывать от других, когда нужно бояться, чтобы не узнал кто-то, что они вместе, что у них семья уже существует?» – нравоучительным образом рассказывалось в одной из радиопередач для молодежи 1963 г. (ГАВО: Ф. Р-6174. Оп. 2. Д. 451. Л. 291–292). Ведь на таких вечерах нередким было непозволительное поведение юношей, которые навязчиво приставали к девушкам (ГАВО: Ф. Р-6174. Оп. 2. Д. 298. Л. 205; Молодой ленинец 1956: 30 декабря; Молодой ленинец 1958: 5 июля). Возможно, именно потому, представительницы более старшего поколения, предпочитали танцевать в домашней обстановке, в кругу исключительно близких друзей.

В дружеских компаниях врача З.С. Седелниковой танцы являлись неотъемлемым элементом всех домашних праздничных застолий. Стоит отметить, что в такой обстановке именно танцы выступали самой близкой, подчас сугубо интимной, но открытой формой проявления чувств мужчины и женщины: «Вечер прошел хорошо, музицировали, перепели досыта песен. Чутьочку потанцевали. Впервые получила удовольствие в вальсе с ВИ. Даже тихонько поцеловала его в щеку. ВИ в белоснежной из тонкого шелка вьетнамской рубашке, мой подарок, чисто выбритый, покорный и ласковый, снова вернул мне чувства» (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 26. Л. 168). Безусловно, домашние застолья выступали благоприятными местами знакомства, однако бывало и так, что ситуация выходила за рамки предельно допустимых норм: «С первых минут своего появления, Валентин Павлович уделял слишком много внимания мне, и как узнала позже, просил Давида Павловича помочь ему ближе познакомиться со мной. Однако вряд ли ему был нужен посредник, очень скоро он признался мне в своей симпатии, целовал руки, глубокомысленно смотрел в глаза и даже пытался поцеловать во время танца и в коридоре, преследуя меня до кухни. Такая его активность сразу же оттолкнула меня» – записала с негодованием в дневнике хозяйка дома и организатор застолья, на то время разведенная тридцатичетырехлетняя женщина-врач (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 122). Тем не менее, в домашнем кругу, где потенциально собирались друзья и знакомые друзей, шансы на доверительное знакомство возрастали. Например, на одном из таких вечеров с помощью друзей, Зинаида Седелникова познакомилась с будущим мужем: «Заходила Татьяна С., проговорила о том, что много месяцев пыталась познакомить со мной “одного инженера ЗКО”, но не решалась» (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 22. Л. 155).

Объединяла будущие пары учеба или работа, если в первом случае знакомства являлись наиболее удачными, то служебные романы не всегда заканчивались успехом: «ГВ вел себя сегодня до крайности молчаливо, глупо, подчеркивая свою обиду. Вот и видна суть человека – словно мальчик, а не муж семейства. Отношение к нему всех клинических незавидное» – высказала замечания Зинаида Седельникова о поведении коллеги, проявляющего к ней излишнее внимание (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15. Л. 93). Однако совершенно другую историю рассказала одна из информанток: «Мы с мужем были комсомольскими активистами, познакомились на Судостроительном заводе, он тогда был молодым специалистом, его направили по распределению из г. Горький. Вот так и познакомились на воскреснике, через год поженились. Администрация цеха решила сделать нам комсомольскую свадьбу, проходило мероприятие на Верхней Судовой в молодежном клубе. На свадьбу нам подарили ключи от квартиры» (ПМА: Н.П.). Можно сделать вывод о том, что публичные места досуга, в особенности танцевальные вечера, являлись для молодежи не только потенциальным местом знакомства, но и способом найти сексуального партнера (в большей степени для мужчин). С другой стороны, знакомства исключительно в доверительном кругу (зачастую в домашней обстановке), вызывали симпатию у женщин.

Через средства массовой информации власти пытались регулировать сексуальную культуру населения. Преследуя нравоучительные цели, не только женские журналы, газеты и радио, но и специализированная научно-просветительская литература указывали на то, что именно женщина должна нести ответственность за сексуальное поведение себя и партнера. в региональной брошюре «Гигиена женщины», глава под названием «Половая жизнь, гигиена половых сношений» (1-е издание, 1954 г.) не была снабжена какими-либо дополнениями даже спустя 13 лет (3-е издание, 1967 г.). Правильной считалась целомудренность девушки в первую брачную ночь, ведь половая жизнь, естественным путем влекущая за собой беременность, по всем правилам и нормам должна была начаться для женщины только с замужеством (Ананьев 1954; Ананьев 1967: 16–17). Отклонение от нормы строго осуждалось общественностью, например, открыто обсуждали поступок некой Нели, которая в 1963 г. написала в молодежную редакцию радиостудии письмо о помощи. Девушку порицали за то, что она «прожив с юношей без регистрации месяц, оказалась в положении» (ГАВО: Ф. Р-6174. Оп. 2. Д. 451. Л. 288). Указав на легкомысленность девушки, ведущие передачи, вероятно, не брали во внимание факт того, что Неля, как и многие другие девушки региона из-за недостатка знаний в вопросах полового воспитания, была вовсе не осведомлена о нюансах интимной жизни. Однако именно в это время столичные социологи не только обратили внимание, но и признали факт того, что «в советских школах мало занимаются половым воспитанием молодежи», и это совершенно точно соответствовало действительности нестоличного Сталинграда (Волгограда) (Харчев 1964: 201).

Вопросам контрацепции в региональных брошюрах внимание начало уделяться лишь в середине 1960-х гг., однако в таких знаниях женщины нуждались уже давно, ведь проблема искусственного прерывания беременности стояла достаточно остро на протяжении 1950–1960-х гг. (Ананьев 1967: 58; ГАВО: Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 117. Л. 41, 44–45, 283; Оп. 7. Д. 197. Л. 117; Оп. 11. Д. 34. Л. 193, 282–283; Оп. 11. Д. 56. Л. 81). Несмотря на появление специализированной литературы, осведомляющей женщин не только о правилах личной гигиены, вреде аборта, но и способах контрацепции, грамотность женщин в отношении полового воспитания оставалась все еще низкой

(Коробкевич 1960: 19, 89; Демезер, Дзюба 1956: 10–14; Демезер, Дзюба 1958: 82; Домоводство: 1965: 111). в специальных пособиях для девушек тема взаимоотношений полов также затрагивалась. При этом, нередко подчеркивалось, что «именно от девушки зависит поведение молодого человека» (Коробкевич 1960: 254). Глава под названием «Гигиена брака» заняла прочное место в брошюре «За здоровый быт», впервые вышедшей в 1956 г., однако немногим женщинам региона удавалось прочесть данную книгу, если же таковая появлялась, то сразу вызывала интерес, в особенности со стороны женщин (За здоровый быт 1956: 173; За здоровый быт 1960: 220). в 1956 г. такая книга была и в семье врача Зинаиды Седельниковой, сама женщина, прежде всего как врач, была крайне увлечена новым изданием, отметив, что «давно назрела потребность в подобной литературе... книгу эту читает вся наша квартира» (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 19. Л. 17). У одной из наших информанток находилась в распоряжении книга «Девочка, девушка, женщина», наличием которой она очень гордилась: «У нас была книга “Девочка, девушка, женщина”, я сама купила, когда была в классе десятом. Все хотели такую книгу, там было любопытно все, раньше же все были святые, не такие как сейчас девушки. Мы ее всем классом читали». Специальную литературу читала и другая респондентка: «Папа привез как-то специальную книгу для девочек, там было все-все написано, с рисунками. Наверное, в классе восьмом я была, вот папа откуда-то привёз эту книгу. С подружками, конечно, обсуждали, обязательно, но эта тема считалась запретной» (ПМА: Е.В.; Л.Д.). Однако многие женщины отметили, что у них такой литературы в распоряжении не имелось (ПМА: О.В.; Т.В.; Г.Ю.; А.И.). Самым распространенным источником информации для них оставались женские журналы, которые выписывались практически каждой семьей, среди них стоит отметить «Работницу» и «Крестьянку», намного реже читали «Советскую женщину». Однако разговоры на интимные темы на страницах этих журналов поднимались нечасто (Добровольский 1953: 25–28; Кононенко 1955: 25; Тарасовой 1962: 21; Карбовская 1962: 26; Стерин 1962: 12–14; Николаева 1962: 28–30).

Практически все опрошенные нами женщины заявили, что они не располагали даже элементарными знаниями в вопросах интимной близости с мужчинами. Респондентки с досадой рассказывают о своем неведении в интимных делах: «Вопросы личной жизни абсолютно не обсуждались, я даже не знаю, почему так, но я совершенно была не подготовлена к замужней жизни, совершенно, хотя я читала все в книге, но на практике получилось, что я не очень поняла все процессы»; «Понятия не имели, понятия не имели про контрацепцию, даже слова этого не знали, ничего. Потом уже между собой, подружками, но очень были наивными и далекими от всего этого» (ПМА: Е.В.; М.Ф.). Такую действительность подтвердила и школьная учительница: «Уроки полового воспитания не проводились, только в 1970-х годах, и то, никто ничего не рассказывал. Девочки погуливали, в 1968 г. девочка родила, учась в десятом классе, я в этом классе работала. Когда я училась в седьмом-восьмом классах, и тогда девочки рожали в школе» (ПМА: Л.И.).

Упоминания о том, что в школах, техникумах и ВУЗах читались лекции на столь необходимые темы, относятся лишь к середине 1960-х гг., однако проблема того, «что юноши и девушки имеют недостаточное представление о личной гигиене, о браке» признавалась; действенной мерой считалось поручение сотрудникам здравоохранения проведение общеобразовательных лекций в учебных заведениях города (Молодой ленинец 1965: 12 января; ГАВО: Ф. Р-3969. Оп. 11. Д. 169. Л. 132).

Тем не менее, стоит предположить, что едва ли данные мероприятия действительно содействовали повышению уровня грамотности населения в интимных вопросах. Многочисленные аборты на протяжении 1950–1960-х гг., нередко внебольничные (криминальные) оставались самым распространенным способом регулирования рождаемости, что свидетельствует о крайне низкой грамотности женщин всех возрастов о методах контрацепции. Например, в 1952 г. в одной из больниц города наибольшее количество внебольничных абортов приходилось на женщин в возрасте от 20 до 30 лет, что в 2 раза выше, чем в возрастной категории от 30 до 40 лет. Большие очереди на аборты сохранялись и после легализации процедуры, поступательно увеличиваясь с каждым годом. Четверть женщин предпочитали вовсе не указывать причины, подтолкнувшие их на «аборт по желанию», следует предположить, что данный вопрос являлся для них не только сугубо интимным, но и болезненным (Сборник законов 1956: 402; ГАВО: Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 117. Л. 44–45; Оп. 11. Д. 49. Л. 193; Оп. 12. Д. 18. Л. 32–33). Внебрачные связи со стороны женщин являлись одной из стабильных причин к прерыванию беременности. Например, в конъюнктурном обзоре гинекологического отделения 9-й больницы конца 1962 г. на четвертом месте среди причин к аборту числились внебрачные связи, что составляло 6,6% от общего количества абортов. Стоит отметить, что женщины признавались в поступке, указывая именно данную причину (а не какую-либо иную), рассчитывая, прежде всего на конфиденциальность информации (ГАВО: Ф. Р-3969. Оп. 11. Д. 47. Л. 159). Если применение передовых средств контрацепции (пероральные, внутриматочные) в середине 1960-х гг. оставалось чуждым и для населения столицы, то не предстает удивительным, что аборт для нестоличных горожанок оставался самым распространенным способом контрацепции (Белова, Дарский 1972: 135–136). Дешевле, и как казалось женщинам проще, было сделать спринцевание раствором мыльным или марганца, однако такие методы нередко влекли за собой серьезные последствия для здоровья (ГАВО: Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 117. Л. 47–49). А имеющиеся механические средства контрацепции были недоступны для большинства населения малого города, о чем вспоминают респондентки (ПМА: Н.Е.; Е.В.; А.И.).

Даже в письмах для себя (дневники З.С. Седелниковой) женщина описывала интимную близость с мужчинами осторожно, будто стыдясь своих чувств, и открыто показывая свое «непозволительное» поведение: «Иногда, когда его дыхание выдает волнение я ловлю его руку на своем бедре или животике. Я тот час же затихаю, как бы прислушиваясь, и он понимает, что сделал непозволительный жест. Иногда он ласкает осторожно мою грудь, мне приятно и стыдно... я отнимаю руку, а иногда затихаю... нехорошо? Ну и пусть!» – записала тридцатидевятилетняя женщина в дневнике об отношениях с будущим мужем (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 24. Л. 4). Однако о подробностях собственно сексуальной жизни женщины мы можем судить только по некоторым и достаточно редким записям в ее дневнике: «ВИ весь вечер лежал на балконе. Я разделила с ним все часы. Ласкал мою махнутку правую»; «ВИ так соскучился, что с ходу затянул к своей махнутке» – что конкретно имела ввиду женщина, можно только предположить (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 25. Л. 17; Д. 30. Л. 153). Очевидно, что для женщины 1920 года рождения, воспитанной, вероятно, еще по старым порядкам, размышлять о сексуальной жизни (даже наедине с собой) было с моральной точки зрения просто непозволительным. Лишь дневнику женщина могла открыто рассказать о «невинных» ласках с мужчиной: «Наши отношения искренние,

мы позволили ласкать друг друга, но все это носит совершенно невинный характер (ни намек на большую близость, кроме объятий и поцелуя, ну может быть с моей точки зрения это уж не совсем невинность), но дай бог каждому удержаться на такой “волне”, и не обидеть другого намеком на желание большего». Конечно, с будущим мужем женщине не удалось избежать и «ужасно откровенного разговора» о его допустимых и запретных действиях по отношению к ней как к женщине: «Мы с ВИ успели отдохнуть и поласкаться. Вели ужасно откровенный разговор о близости полов, и кроме всего ВИ дал слово, что ни при каких условиях не перешагнет границу наших близких отношений, сохраняя самое сокровенное на будущее! Мне снова легко, а ВИ вспотел от внутренней борьбы: “Трудную задачу вы мне дали, но раз нельзя, значит нельзя”» – записала в дневнике сорокалетняя Зинаида Седельникова (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 24. Л. 4; Д. 25. Л. 62об). Едва ли такие подробности вспомнят, да и вряд ли расскажут респондентки в своих устных рассказах, для них эта тема остается по-прежнему запретной и сугубо интимной (в отличие, например, от женщин более молодого поколения) (Гайгес, Суворова 1990).

Если разведенная тридцатидевятилетняя врач была обеспокоена тем, что подумают соседи, которые видели, «что ко мне приходит мужчина, да и знают его. Знают и том, что все годы я одна и одна. Но что подумают?», то некоторые молодые девушки уже поколения беби-бумеров, могли вести себя откровенно развязно даже в общественных местах (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 24. Л. 2). Конечно, такое поведение сразу же порицалось, обсуждалось и выставлялось напоказ в средствах массовой информации, прежде всего с целью нравоучительного воспитания. Например, в одной из радиопередач под названием «Поговорим о любви» обсуждали поведение некой девушки, которая «позволяла себя обнимать и целовать, причем это делалось демонстративно, на виду у всех прохожих» – с возмущением рассказывала героиня передачи об одной из своих знакомых. Любую свободу в отношениях осуждали самым ярким образом; слушательниц радиопередачи предупреждали о том, что «за последнее время в кино, литературе, на сцене театра появились этакие развинченные молодые люди, разболтанные во всем – от походки до взглядов на любовь. Подражая этим пошлякам, кое-кто стал даже поговаривать о том, что мы, дескать, созрели для новых свободных отношений в любви. Прежде всего, нового тут ничего нет. Это старый затасканный и, кстати говоря, буржуазный лозунг» (ГАВО: Ф. Р-6174. Оп. 2. Д. 451. Л. 293–294). Государство через средства массовой информации демонстративно осуждало неподобающее поведение, наставляя и предупреждая девушек и женщин о нормах допустимых и запретных в их поведении; гораздо реже наставляли юношей и мужчин, определяя ответственность за межличностные и сексуальные отношения как исключительно женскую заботу.

В газетах, предназначенных для молодежи, также можно было встретить нравоучительные высказывания. Например, в региональной молодежной газете «Молодой ленинец», статьи на тему взаимоотношений между юношей и девушкой, мужчиной и женщиной, печатались под заголовками: «Откровенный разговор», «Это не личное дело», «О самом сокровенном», «Очень личное» или вовсе «Разговор на “запретную” тему» (Молодой ленинец 1953: 17 января, 21 июня; Молодой ленинец 1964: 26 января, 29 ноября; Молодой ленинец 1965: 12 января, 28 июля). в газете Волгоградская (Сталинградская) правда – это была рубрика «На темы воспитания» (Волгоградская правда 1965: 7 апреля). в большинстве рассказов главными героями

являлись еще неженатые пары или уже супруги, однако виноватыми в различных ситуациях оказывались именно женщины – невнимательные и легкомысленные.

В браке жены и мужья едва ли разговаривали о нюансах интимной жизни, о чем рассказала одна из информанток: «Вот интересно, если бы в то время прочитать книги, которые есть сейчас, хоть дать своим мужьям, может они бы по-другому немножко смотрели на все это. Вот настолько мы были стеснительными, вот настолько мы были недотроги, считали все это зазорным, неприличным» (ПМА: М.Ф.). Повинуясь собственным желаниям или прихотям мужчин, женщины расплачивались собственным здоровьем, делая множественные аборт; на наш взгляд, именно недомолвки и стеснения самих женщин, а также недостаточный уровень просветительской агитации, являлись первопричиной отсутствия контроля интимной жизни как внутри, так и вне семьи (многочисленность женщин, высокая абортруемость). Все эти вопросы остаются открытыми, и ответы на них мы можем найти лишь в голосах жительниц и жителей города, которые, однако, очень редко с охотой идут на такие откровенные разговоры.

По замечаниям социологов того времени – брак «представляет собой исторически сложившуюся форму отношений между полами», который государство должно было непременно регулировать и направлять в нужное русло. в свою очередь, «только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов» (Кодекс законов о браке 1961: 5). Власти считали, что семья «немыслима без радости отцовства и материнства» и важную роль в этом играл общественный характер воспитания (*Харчев* 1955: 4, 65). Горожанки и горожане региона видели в государстве определенные рычаги, при помощи которых можно было воздействовать на неугодного или аморально действующего благоверного/благоверную. Потому нередкими были обращения жителей в городской комитет КПСС, а также в первичные партийные организации предприятий с жалобами на спутников жизни. Отчаявшиеся супруги были готовы не только рассказать, но и в подробностях описать поступки друг друга, лишь бы сохранить семью. Большинство выявленных нами писем и жалоб принадлежали именно женщинам, которые с эмоциями и в мелочах описывали свое бедственное положение (ЦДННВО: Ф. 71. Оп. 21, 23, 25, 34, 37). Редкими были обращения мужчин, однако поразило подробностью письмо одного из них: «После новогоднего вечера, собираясь ехать домой, я поджидал свою жену у автобуса во дворе нашего управления, которая ушла за сумочкой в контору. Т. Богатырев пошёл за ней следом и там он стал обнимать мою жену и говорить ей, что она ему нравится и полез ее целовать»; указав в конце письма: «Прошу вас разобраться в моем заявлении и по партийному со всей душой отнестись к этому делу» (ЦДННВО: Ф. 71. Оп. 21. Д. 41. Л. 1об, Л. 2Аоб). Это лишь небольшие выдержки из подробного письма, написанного на трех тетрадных листах. Для мужчины данная жалоба являлась криком души и отчаянным шагом, а государство он считал единственным путем воздействия на виновника и мерой к сохранению семьи.

Женщины чаще мужчин обращались с подобными письмами за помощью, они жаловались на бесчинства как сожителей, так и мужей. Например, в 1960 г. женщина жаловалась на недостойное поведение своего сожителя, который узнав о ее беременности «бросил ее и отказался от сына». Одинокая женщина, находившаяся не только в тяжелой материальной, но и жилищной ситуации, пыталась привлечь мужчину к ответственности и добиться выплаты алиментов, однако в горьком ей сообщили о том, что «юридически Л. нельзя заставить оказывать помощь ребенку», в связи с

чем жалоба безоговорочно была снята с контроля. Поступок мужчины был признан аморальным, однако одинокую мать власти поддержали только денежным пособием в размере 50 рублей в месяц (Сборник законов 1956: 389–390; ЦДНОВО: Ф. 71. Оп. 34. Д. 29. Л. 3–5). Подчеркивая факт незаконности отношений (отсутствие заключения брака), государство нравоучительно проучило женщину, фактически не оказав ей никакой помощи, оставив в стороне и ее просьбу о решении жилищного вопроса. в городской комитет жаловалась и гражданка М., которую муж бросил с 8 детьми. Не только отсутствие мужа, но и внезапное его возвращение, сопровождаемое хулиганским поведением (проживание без прописки в ее доме, драки, кража вещей), заставило женщину раскрыть подробности несчастной семейной жизни. Однако в ходе расследования жалобы, проверяющие не нашли оснований к тому, чтобы привлечь гражданка к ответственности, и пришли к выводу о том, что «в разладе семейной жизни они виноваты оба» и в своих отношениях они должны разобраться самостоятельно (ЦДНОВО: Ф. 71. Оп. 34. Д. 29. Л. 162–163). Судьба женщины осталась нам неизвестной; можно только предположить, сумела ли многодетная мать добиться развода с мужем или же продолжила терпеть его хамское поведение. Милиция предпочитала не вмешиваться в семейные дела, а потому женщинам более ничего не оставалось делать, как пытаться воздействовать на мужей общественными мерами через городской комитет и партийную организацию. Но если мужчины и подвергались какому-либо наказанию, то первичные организации предприятий предпочитали ограничиваться личными беседами, предупреждениями, а в редких случаях исключением из партии и увольнением с работы (ЦДНОВО: Ф. 71. Оп. 34. Д. 29. 98–99, 103; Оп. 37. Д. 66. Л. 312). Едва ли такие меры действительно могли разрешить семейные проблемы, ведь в тяжелейшей ситуации оставались именно женщины, которые были вынуждены продолжать воспитывать детей, сожительствовавшие и вести общий быт с мужьями, демонстрирующими аморальное поведение. в большинстве случаев их голоса оставались неслышанными, а минимальные меры воздействия на виновных не решали всех существовавших проблем.

Подробностями семейных неурядиц женщины делились с подругами и знакомыми, например, врач З.С. Седельникова выслушивала немало историй о несчастьях в личной жизни: «Вчера Инна Александровна поделилась со мной своими переживаниями. Муж устроил ей скандал за посещение одной кинотеатра – и дело дошло до оскорблений»; «Ек. Павловна рассказала мне, что Гриша снова устроил скандал Зиночке и бил ее. Переживает и советуется, как быть. Ну, я уже свое сказала. Никогда нельзя прощать физическое оскорбление. Никогда!»; «Была Дуся с Верой (Вера с синяком под правым глазом – нахамил Василий, вчера избил). Дала ей направление в 11-ю больницу, угостила их отварным картофелем с селедкой и чаем»; «Вчера ВИ вернулся в 10 ч. страшно расстроеным – у Люды и Левы крупный скандал, окончился тем, что Люда с Андреем ушли ночевать к матери, Лева напился и вел себя, как хулиган – бил мебель, оскорблял Люду и даже ударил!... Ужас!» (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14. Л. 12; Д. 15. Л. 168об; Д. 32. Л. 60; Д. 35. Л. 39). Домашнее насилие выступало скрытой проблемой советской семьи, ведь органы власти предпочитали не вмешиваться в семейные разборки, а женщины, которые являлись объектом насилия, нередко стеснялись происшествий, рассказывая о проблемах друг другу, чтобы хоть как-то справиться с потрясением.

Не все женщины решались на развод, многие продолжали терпеть измены, оскорбления и нанесение увечий, но даже избавление от тягот такого брака нередко нано-

сило сильное моральное потрясение разведенным женщинам: «Я выслушала подробности размолвки с мужем. Она совсем не знала этого человека, познание пришло в момент супружества, причинив массу страданий. Этот мужчина оказался на редкость противоположным ей человеком – черств, скуп, и самое главное, абсолютно лишенным чуткости и внимания. Чувствуется, что она уже оправилась от удара, но след сильный». Многие мужчины не знали элементарных правил не только любезного, но и приличного отношения к своим женам на глазах общественности, об одной из таких супружеских пар с негодованием написала женщина-врач: «Вечер провели у Смирновых. Неприятное впечатление от привычной грубости Валентина Николаевича с женой. Таня то краснеет, то не замечает, то немного его одернет. Обидно за Таню. Я высказала это ВИ, он почему-то промолчал, хотя и сам раньше говорил об этом»; «Я наставила Валентина Николаевича за черствость не иметь привычки дарить жене подарки, даже поздравлять, ему все же было стыдно, авось что-то изменится. А Таню жаль, не завидую ее жизни, она хорошая мать, жена и женщина» (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 26. Л. 20, 34, 169). Сама женщина-врач в тридцатилетнем возрасте развелась с мужем после трех лет совместной жизни; будучи инициатором развода, она переехала в Сталинград (Волгоград), где и начала новую жизнь. в отличие от многих других женщин, она не желала терпеть измены, пьянство и неуважение со стороны мужа (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 52, 52об, 54об). Следует только предположить, какая обстановка могла царить в менее обеспеченных семьях. Такую непростую ситуацию в семье описала одна из информанток: «Отец издевался над матерью, она подала на развод. Это была мамина инициатива, он бы ее добровольно никогда не отпустил. Она собрала два чемодана, меня и уехала» – эти события женщина запомнила, будучи еще девятилетней девочкой (ПМА: Е.В.).

«После свадьбы» – с таким заголовком в газете «Молодой ленинец» печатались статьи на тему брачно-семейных отношений (Молодой ленинец 1967: 13 января). в одной из таких статей 1967 г. обсуждалась тема бракоразводного процесса; среди причин к разводу отмечались злоупотребление алкоголем (со стороны мужчин) и несходство характеров. Был приведен показательный пример, когда в семье работающая женщина не успевала мужу приготавливать ужин, и тот нередко был вынужден питаться в столовых и кафе, в которых «выпить сам бог велел»; обвиняли в этой ситуации женщину, потому как именно ей «должна принадлежать инициатива в ведении домашнего хозяйства». Многие мужчины помогали своим женам с домашними делами; повезло врачу З.С. Седельниковой, муж которой мог разделить с ней абсолютно любые домашние хлопоты: «Домой пришла в начале 3-го, ВИ обтирал полы в балконе, в комнате чисто, в кухне приготовлен обед – борщ и бефстроганов...»; «После обеда я задумала стирать и кончила в 8 ч. Милый как всегда помогал, полоскать и вешал. Устала ужасно» – едва ли каждая женщина могла похвастаться такими поступками со стороны мужа (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 30. Л. 151; Д. 28. Л. 162). Опрошенные нами женщины отметили, что домашние дела выступали все-таки женской заботой, им помогали дети, преимущественно дочери, реже сыновья или мужья (ПМА: И.В.; М.Ф.; Л.Д.). Да и в средствах массовой информации очень редко можно было встретить заметки о том, что мальчики и мужчины разделяют или должны разделять с хозяйками домашний труд (Молодой ленинец 1954: 5 октября); данная прерогатива закрепилась исключительно за женщинами, о чем им постоянно напоминалось (Сталинградская правда 1954: 10 января, 7 июля; Сталинградская правда 1956: 11 марта; Сталинградская правда 1960: 28 января; Волгоградская правда 1963: 2

ноября). «Неравномерность домашних нагрузок», о которой социологи впервые заговорили в 1960-е гг. заняла прочное место в семейной жизни провинциальных горожан, что не только приводило к дискриминации одного из супругов, но и хронической усталости женщин, нередко вынужденных не только работать, но и «держат» на себе дом (уборка, приготовление пищи, воспитание детей) (Грушин 1967; Гордон, Клопов 1972: 100).

Инициатором развода мог быть как мужчина, так и женщина, однако общественность непременно об этом узнавала, потому как сведения о «возбуждении дела о разводе» обязательно размещались на последней полосе региональной газеты, кроме полных имен участников процесса, сообщалось место их жительства, что позволяло совершенно точно определить личность разводящихся; объявление такого же характера о собственном разводе Зинаида Седельникова памятно вклеила в дневник (Сталинградская правда 1954: 5 января, 6 января; Волгоградская правда 1962: 27 февраля; ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13. Л. 54–55). Публичная процедура развода посредством народного суда выступала своеобразным барьером на пути разводящихся, ведь одной из главных задач такого суда являлось возможное примирение супругов (Кодекс законов о браке 1961: 9–10). Однако, как правило, супружеские пары добровольно шли на судебное дело уже в крайнем случае, когда ситуация становилась безвыходной. Многих останавливала боязнь одиночества, а кто-то стеснялся публичной огласки: «В 7-м часу приехала Авуся. Выглядит хорошо, поправилась, но еще сдерживает слезы, рассказывает о эгоизме и периодической грубости Юрия. Два года она на ее иждивении (приносит 30–40 руб. в месяц, работая в горгазе), опять в этом году провалила на вступительный экзамен в институт. Она получает 80 р. Двоим этих денег хватает только на питание (а он вечно чувствует себя голодным). Себе Авуся абсолютно ничего не покупает. Вот вам и замужество! И теперь удерживает только “боязнь пересудов” (ГАВО: Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 30. Л. 152об, 153). Однако именно в разводе государство нередко видело путь к разрешению семейных проблем: в этом случае одинокая мать получала пособие или алименты от бывшего мужа, правда, последнее обязательство не всегда соблюдалось; в надежде установить справедливость женщины подавали жалобы в горком КПСС (ЦДНИВО: Ф. 71. Оп. 34. Д. 29. Л. 143–144). Но некоторые горделивые и самостоятельные матери пытались даже отказываться от положенных выплат, о чем рассказала одна из респонденток: «Развелась через год, ушла к родителям вместе с ребенком. Сначала я отказывалась от алиментов, но потом муж регулярно платил алименты, 25 процентов до совершеннолетия сына. Потом из-за рождения у него ребенка в новом браке, уменьшили выплаты на одну треть. Так вот и прожила всю жизнь одна» (ПМА: И.В.).

Низкая грамотность женщин в вопросах полового воспитания имела множество последствий, среди которых внебрачные беременности, многодетность, высокая абортруемость, нередко заканчивающаяся смертельными исходами. Женщины довоенного поколения, воспитанные во многом еще по дореволюционным порядкам, в вопросах интимной близости были крайне стеснительными и аккуратными, чего нельзя было сказать о поколении беби-бумеров. Исподволь власти вмешивались в семейную жизнь горожан, потому как «регистрация брака устанавливается как в интересах государственных и общественных, так и с целью личных и имущественных интересов супругов и детей» (Кодекс законов о браке 1961: 5). в свою очередь в государстве горожане видели рычаги давления, при помощи которых можно было воздействовать на неблагоприятную семейную обстановку. Немногие женщины были счастливы в браке,

этому сопутствовало неподобающее поведение мужей (пьянство, грубость, измены), а публичность бракоразводного процесса являлась своеобразным препятствием на пути разводящихся сторон. в реальной жизни данные меры действительно останавливали некоторых горожанок, боявшихся «пересудов». Несмотря на некоторую вольность в сексуальном поведении послевоенного поколения, преобладающим оставался уклад, согласно которому интимная жизнь продолжала тщательно скрываться от общественности; «неприличная тема» демонстрировалась в средствах массовой информации лишь с нравоучительными целями, поучая, однако именно женскую половину населения. Нестолычный регион, который с опозданием принимал передовые идеи (важность полового воспитания, применение и обеспечение доступности средств контрацепции), вносил немало коррективов в жизни горожанок.

Источники и материалы

- Ананьев* 1954 – *Ананьев Я.М.* Гигиена женщины. Сталинград: Сталинградское книжное издательство, 1954. 96 с.
- Ананьев* 1967 – *Ананьев Я.М.* Гигиена женщины. Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1967. 64 с.
- Волгоградская правда 1962 – Волгоградская правда. 1962. 27 февраля.
- Волгоградская правда 1963 – Волгоградская правда. 1963. 2 ноября.
- Волгоградская правда 1965 – Волгоградская правда. 1965. 7 апреля.
- ГАВО Ф. Р-6880 – Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Коллекция документов медицинских работников. Ф. Р-6880. Оп. 6.
- ГАВО Ф. Р-3969 – Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Отдел здравоохранения исполнительного комитета Волгоградского городского Совета народных депутатов (горздравотдел). Ф. Р-3969. Оп. 7, 11.
- ГАВО Ф. Р-6174 – Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Волгоградский комитет по радиовещанию и телевидению. Ф. Р-6174. Оп. 2.
- Гранат* 1965 – *Гранат Н.Е., Матвеева Е.Е.* Девочка, девушка, женщина. М.: Знание, 1965. 63 с.
- Добровольский* 1953 – *Добровольский Н.* Большая любовь // *Работница*, 1953. № 6. С. 25–28.
- Демезер, Дзюба* 1956 – *Демезер А.А., Дзюба М.Л.* (сост.) Домоводство. М.: Сельхозгиз, 1956. 480 с.
- Демезер, Дзюба* 1958 – *Демезер А.А., Дзюба М.Л.* (сост.) Домоводство. М.: Сельхозгиз, 1958. 559 с.
- Мартемьянова* 1965 – *Мартемьянов В.А.* (под ред.) Домоводство. М.: Колос, 1965. 759 с.
- За здоровый быт 1956 – За здоровый быт. Л.: б.и., 1956. 200 с.
- За здоровый быт 1960 – За здоровый быт. Л.: б.и., 1960. 274 с.
- Карбовская* 1962 – *Карбовская В.* Встреча с Любовью // *Работница*, 1962. № 1. С. 26.
- Кодекс законов о браке 1961 – Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР. М.: Госюриздат, 1961. 200 с.
- Коммунистическая партия Советского Союза 1986 – Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9. 1956–1960. М.: Политиздат, 1986. 574 с.
- Кононенко* 1955 – *Кононенко Е.* Откровенный разговор // *Работница*, 1955. № 7. С. 25.
- Коробкевич* 1960 – *Коробкевич О.* Вам, девушки. М.: Медгиз, 1960. 272 с.
- Молодой ленинец 1953 – Молодой ленинец 1953. 17 января, 21 июня.
- Молодой ленинец 1954 – Молодой ленинец 1954. 5 октября.
- Молодой ленинец 1956 – Молодой ленинец 1956. 30 декабря.
- Молодой ленинец 1958 – Молодой ленинец 1958. 5 июля.
- Молодой ленинец 1964 – Молодой ленинец 1964. 26 января, 29 ноября.
- Молодой ленинец 1965 – Молодой ленинец 1965. 12 января, 28 июля.
- Молодой ленинец 1967 – Молодой ленинец 1967. 13 января.

- Народное хозяйство 1967 – Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. Статистический сборник. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967. 263 с.
- Николаева 1962 – Николаева Л. Любовью дорожить умеете. Обзор писем // Работница, 1962. № 10. С. 28–30.
- Никончик 1965 – Никончик О.К. Пусть женщина решает сама // Здоровье, 1965. № 5. С. 17–18.
- ПМА – Полевые материалы автора, г. Волгоград. 2019–2020 гг. (информанты – Мария Федоровна 1932 г.р.; Ираида Васильевна 1937 г.р.; Лилия Ивановна 1939 г.р.; Нина Петровна 1941 г.р.; Елена Васильевна 1944 г.р.; Нина Евгеньевна 1945 г.р.; Татьяна Викторовна 1948 г.р.; Антонина Ивановна 1948 г.р.; Людмила Дмитриевна 1948 г.р.; Галина Юрьевна 1951 г.р.; Ольга Владимировна 1953 г.р.; Елена Валентиновна 1960 г.р.).
- Сборник законов 1956 – Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–июль 1956 гг.). М.: Госюриздат, 1956. 500 с.
- Сталинградская правда 1954 – Сталинградская правда 1954. 5 января, 6 января, 10 января, 7 июля.
- Сталинградская правда 1956 – Сталинградская правда 1956. 11 марта.
- Сталинградская правда 1960 – Сталинградская правда 1960. 28 января.
- Стерин 1962 – Стерин В. Любовь есть, Нина! // Работница, 1962. № 2. С. 12–14.
- Тарасовой 1962 – Тарасовой Е. Свадебный дворец // Работница, 1962. № 1. С. 21.
- ЦДНИВО Ф. 71 – Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Волгоградский городской комитет КП РСФСР. Ф. 71. Оп. 21, 34.

Научная литература

- Белова И.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972. 144 с.
- Богданович Л. Организация полового воспитания подростков // Вопросы сексопатологии. М.: Мин. здравоохранения РСФСР, 1969. С. 5–6.
- Гайгес А., Суворова Т. Любовь – вне плана. М.: Собеседник, 1990. 248 с.
- Голод С. Отчет читателю. Об индивидуальной сексуальной свободе // Наука и техника (Рига), 1969. № 11. С. 32–33.
- Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетей, 1996. 191 с.
- Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 272 с.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972. 268 с.
- Грушин Б.А. Свободное время: Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967. 175 с.
- Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Романтические отношения и брак в социальных представлениях поколений миллениалов и бэби-бумеров // Вестник Московского государственного областного университета, 2019. № 1. С. 29–43.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики, 2003. Т. 1. № 3-4. С. 299–321.
- Кон И.С. Половая мораль в свете социологии // Советская педагогика, 1966. № 12. С. 64–77.
- Кон И.С. Сексуальная культура в России: «клубничка» на березке. М.: О.Г.И., 1997. 459 с.
- Кон И.С. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. 606 с.
- Лебина Н.Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: НЛЮ, 2014. 208 с.
- Миненко Г.Н., Жилиянина Н.А. Культура советской городской семьи в 1945–1970-х годах // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2020. № 53. С. 173–179.
- Пушкарева Н.Л. Феминология и «история женщин» в контексте проблем гуманитарного знания // Женщины России на рубеже 20–21 веков. Материалы международной научной конференции. Ивановский государственный университет. Иваново, 23–24 апреля 1998 г. Иваново: Юнона, 1998. С. 8–13.
- Пушкарева Н.Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспек-

- тивы // Женщина в российском обществе, 2002. № 2-3. С. 32–37.
- Пушкарева Н.Л. Гендерная система советской России и судьбы Россиянок // Новое литературное обозрение, 2012. № 5 (117). С. 8–23.
- Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 504 с.
- Темкина А.А. К вопросу о женском удовольствии: сексуальность и идентичность // Мишель Фуко и Россия / под ред. О. Хархордина. СПб., М.: ЕУСПб, Летний Сад, 2001. С. 316–345.
- Темкина А.А. Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 33–67.
- Харчев А.Г. Брак и семья в советском обществе. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1955. 89 с.
- Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1964. 325 с.
- Шевченко Э. Задачи основ полового воспитания среди дошкольников // Вопросы сексопатологии. М.: б.и., 1969. С. 14–15.
- Kon I. Sex and Russian society. Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, 1993. 168 p.

Bogdashina, Irina V.

Intimate Experiences in Women’s Ego-Documents of the 1950s – 1960s: New and Traditional in the Models of Sexual Behavior of Soviet Women from a Non-Capital City

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/174-190

The article examines the relationship between male and female residents of Volgograd (Stalingrad), a large but non-capital city, in the 1950s – 1960s. The study aims to identify the behavioral patterns of urban women in dating relationships based on the use of ego-documents. The research methodology includes the empathy method, comparative historical and biographical methods. The study is based on ego documents (diaries, letters, oral history), periodicals (magazines, newspapers), popular science literature (brochures, manuals), regulations (decrees, ordinances). The article reveals the urban women’s notions about intimate life, which they often hid from the public in the studied period. The authorities gradually interfered in the family people’s family life, forming the sexual culture of the population. Scarce exposure of women to sex education resulted in extramarital pregnancies, high abortion rates, and multiple children. Inappropriate husbands’ behavior (alcohol abuse, rudeness, cheating) was still common in marriage, and the publicity of the divorce proceedings was an obstacle for divorcing spouses. Therefore both men and women saw party organs as leverage to resolve family troubles. Despite the seeming liberty of the post-war generation, intimate life was still mainly hidden from the public. The “taboo subjects” were only discussed in the mass media in a moralistic way for the sake of education of the female population. However, living conditions in a non-capital city, which was belatedly adopting progressive ideas (the importance of sex education), led to consequent changes in the lives of urban women.

Keywords: *dating relations, gender anthropology, intimate everyday practices, Khrushchev’s “thaw”, Volgograd*

For Citation: Bogdashina, I.V. 2021. Intimate Experiences in Women’s Ego-Documents of the 1950s – 1960s: New and Traditional in the Models of Sexual Behavior of Soviet Women from a Non-Capital City. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 174–190.

Author Info: Bogdashina, Irina V. – PhD student, Volgograd state University, Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, RF). E-mail: ira18bogdashina@mail.ru

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS and was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 19-09-00191

References

- Belova, I.A., and L.E. Darskij. 1972. *Statistika mnenij v izuchenii rozhdaemosti* [Opinion statistics in the study of fertility]. Moscow: Statistika.
- Bogdanovich, L. 1969. Organizaciya polovogo vospitaniya podrostkov [Organization of sex education for adolescents]. *Voprosy seksopatologii*. Moscow: Min. zdravoohraneniya RSFSR.
- Emel'yanova, T.P., and D.A. Shmidt. 2019. Romanticheskie otnosheniya i brak v social'nyh predstavleniyah pokolenij millenialov i bebi-bumerov [Romance and marriage in the social perceptions of millennials and baby boomers]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* 1: 29–43.
- Gajges, A., and T. Suvorova. 1990. *Lyubov' – vne plana* [Love is out of plan]. Moscow: Sobesednik.
- Golod, S. 1969. Otchet chitatelyu. Ob individual'noj seksual'noj svobode [Report to the reader. On individual sexual freedom]. *Nauka i tekhnika (Riga)* 11: 32–33.
- Golod, S.I. 1996. *XX vek i tendencii seksual'nyh otnoshenij v Rossii* [XX century and tendencies of sexual relations in Russia]. St. Petersburg: Aletejya.
- Golod, S.I. 1998. *Sem'ya i brak: istoriko-sociologicheskij analiz* [Family and marriage: a historical and sociological analysis]. St. Petersburg: TOO TK «Petropolis».
- Gordon, L.A., and E.V. Klopov. 1972. *Chelovek posle raboty. Social'nye problemy byta i vnerabocheho vremeni* [Man after work. Social problems of everyday life and non-working time]. Moscow: Nauka.
- Grushin, B.A. 1967. *Svobodnoe vremya: Aktual'nye problemy* [Free time: Actual problems]. Moscow: Mysl'.
- Harchev, A.G. 1955. *Brak i sem'ya v sovetskom obshchestve* [Marriage and family in Soviet society]. Leningrad: leningradskoe gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo.
- Harchev, A.G. 1964. *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and family in the USSR]. Moscow: Mysl'.
- Kon, I.S. 1966. Polovaya moral' v svete sociologii [Sexual morality in the light of sociology]. *Sovetskaya pedagogika* 12: 64–77.
- Kon, I.S. 1997. *Seksual'naya kul'tura v Rossii: «klubnichka» na berezke* [Sexual culture in Russia: “strawberry” on a birch tree]. Moscow: O.G.I.
- Kon, I.S. 2010. *Klubnichka na berezke. Seksual'naya kul'tura v Rossii* [Strawberry on a birch. Sexual culture in Russia]. Moscow: Vremya.
- Lebina, N.B. 2014. *Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul'tura. SSSR – ottepel'* [Man and woman: body, fashion, culture. USSR – thaw]. Moscow: NLO.
- Minenko, G.N., and N.A. Zhilyanina. 2020. Kul'tura sovetskoj gorodskoj sem'i v 1945–1970-h godah [The culture of the Soviet urban family in the 1945–1970s]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* 53: 173–179.
- Pushkareva, N.L. 1998. Feminologiya i «istoriya zhenshchin» v kontekste problem gumanitarnogo znaniya [Feminology and “history of women” in the context of the problems of humanitarian knowledge]. *Zhenshchiny Rossii na rubezhe 20–21 vekov. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ivanovskij gosudarstvennyj universitet. Ivanovo, 23–24 aprelya 1998 g.* Ivanovo: Yunona.
- Pushkareva, N.L. 2002. Istoricheskaya feminologiya, zhenskaya i gendernaya istoriya: itogi i perspektivy [Historical Feminology, Women's and Gender History: Results and Prospects]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* 2–3: 32–37.

- Pushkareva, N.L. 2012. Gendernaya sistema sovetskoj Rossii i sud'by Rossiyanok [The gender system of Soviet Russia and the fate of Russian women]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 5 (117): 8–23.
- Pushkareva, N., A. Belova, and N. Micyuk. 2021. *Smetaya zaprety: ocherki russkoj seksual'noj kul'tury XI–XX vekov* [Sweeping away the prohibitions: sketches of Russian sexual culture of the XI–XX centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Shevchenko, E. 1969. Zadachi osnov polovogo vospitaniya sredi doskol'nikov [Tasks of the basics of sex education among preschoolers]. *Voprosy seksopatologii*. Moscow: b.i.
- Temkina, A.A. 2001. K voprosu o zhenskom udovol'stvii: seksual'nost' i identichnost' [On the question of female pleasure: sexuality and identity]. In *Mishel' Fuko i Rossiya*, edited by O. Harhordina, 316–345. St. Petersburg, Moscow: EUSPb, Letnij Sad.
- Temkina, A.A. 2009. Novyj byt, seksual'naya zhizn' i gendernaya revolyuciya [New way of life, sex life and gender revolution]. In *Novyj byt v sovremennoj Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti*, edited by E. Zdravomyslova, A. Rotkirh, and A. Temkina, 33–67. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Zdravomyslova, E.A., and A.A. Temkina. 2003. Gosudarstvennoe konstruirovaniye genera v sovetskom obshchestve [State construction of gender in Soviet society]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* Vol. 1, 3–4: 299–321.

© Е.А. Воронова

**«МЕНЯ ОЧЕНЬ УГНЕТАЕТ СЛОВО АЛИМЕНТЩИК...»:
ПРАВОВЫЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
АЛИМЕНТНЫХ ВЫПЛАТ НА ДЕТЕЙ (1930–1960 гг.)***

Алименты на детей, выплачиваемые после развода родителей, являются важной категорией анализа гендерного порядка в СССР. Декларируемое равенство полов расходилось с реалиями советской повседневности, в которой после разводов дети по умолчанию оставались с матерью, а отцам предписывалось выплачивать денежное содержание. Обращаясь к источникам нормативного происхождения, периодической печати и «письмам во власть», автор анализирует процесс формирования алиментного законодательства в СССР с 1917 по 1969 г., в котором отразились основные тенденции конструирования гендерных норм и ролей в советской семье. Автор показывает, как отцовские алименты на детей, воспринимавшиеся в 1920-х гг. как «неизбежное зло», в 1960-е гг. начинают восприниматься как необходимая часть родительских обязанностей мужчин по отношению к детям. В тексте статьи выдвигается предположение, что, несмотря на маркирование алиментных выплат как специфически-мужской обязанности, матерям предписывалось заботиться о том, чтобы судебное решение по алиментам было вынесено, и «отцовские» деньги на воспитание детей были получены. Отцы-алиментщики, в свою очередь, рассматривали алименты как финансовое бремя, несправедливое и ненужное, и использовали риторическую стратегию «слабого» отца, чтобы добиться снижения размера выплат.

Ключевые слова: алименты, семейное законодательство, советский гендерный порядок, материнство, отцовство, детство

Для цитирования: Воронова Е.А. «Меня очень угнетает слово алиментщик...»: правовые и антропологические аспекты алиментных выплат на детей (1930–1960 гг.) // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 191–200.

В 1927 году в издательстве «Охрана детства и материнства» выходит брошюра «Против алиментной эпидемии или на алименты надейся, сама не плошай». Из названия брошюры (перифраз пословицы) можно сделать вывод, что ее основными адресатами были женщины («Сама не плошай»). В этом тексте наркома здравоохранения Николая Семашко, помимо популярных разъяснений юридической и социальной природы алиментных выплат, отмечается, что за установлением отцовских алиментов обращаются безответственные гражданки, которые были «легкомысленными» в своих связях, и теперь они создают лишнюю работу и волокиту в судах, которые и без того

Воронова Екатерина Андреевна – аспирант, Институт Российской истории РАН (117292 Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19). Эл. почта: kathy-voronova@yandex.ru

* Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ №19-39-90050 «Аспиранты»

завалены подобными делами (Семашко 1927: 13-15). Но, убеждает автор, алименты в существующем виде являются лишь «мерой переходного времени», так как в будущем советском обществе потребность в выплате алиментов через суд должна трансформироваться или в государственное воспитание, или в добровольные осознанные выплаты отцами содержания на своих детей: «Если бы мы были настолько богаты, что могли бы обещать каждому государственное воспитание его ребенку, тогда вопрос стоял бы иначе. (...) Алименты, конечно, лучше, чем ничего. Алименты хоть кое-как защищают мать и ребенка. Но это вовсе не идеал» (Семашко 1927: 12–13).

Нормативное понятие «алименты» используется для обозначения средств, которые выплачиваются одними членами семьи на содержание нуждающихся в этом других членов семьи (Данилян 2012: 31). в советских брачно-семейных Кодексах алиментные выплаты внутри семьи не были гендерно-дифференцированы и выплачивались трудоспособными родственниками на нетрудоспособных. Однако в общественном сознании и в правоприменительной практике алименты чаще всего ассоциировались с денежными выплатами отцов, находящихся в разводе, на содержание своих детей. в рамках данной статьи будут рассматриваться именно «отцовские алименты», выплачиваемые советскими мужчинами на содержание детей той семьи, с которой они перестали жить.

Постановка проблемы

Почему при разводе одному родителю предлагалось обеспечивать ребенка материально, а другим «надеяться на алименты» и «не плошать»? И почему назначение и взыскание алиментов позиционировалось как сфера заботы и ответственности самой матери ребенка, а не как равнозначная форма заботы мужчины о своих детях? Такое дифференцирование, основанное на категории гендера, свидетельствует о сложившихся в обществе предписаниях и моделях поведения женщин и мужчин (Scott 1999). Советский статистический гендерный порядок (Пушкарева 2012: 8-23) подразумевал необходимость интеграции женщин в общественную и трудовую жизнь страны, сохраняя за ней ответственность за воспитание детей. Мужчины же должны были стремиться к трудовому и военному подвигу, отдавая все силы и способности на благо советского государства, а заработок – семье (Чернова 2007: 146).

Алименты изучались юристами и историками права как неотъемлемая часть семейного законодательства СССР (Данилян 2012; Семейное право 2016). Уделяя должное внимание нормативным изменениям, исследователи рассматривали алиментные выплаты на детей после развода как важную часть советского алиментного права, однако, гендерный аспект данной проблематики зачастую опускался. в рамках статьи будет предпринята попытка проанализировать доминирующие гендерные предписания и репродуктивные стратегии советских женщин и мужчин на примере алиментного законодательства СССР (от первых Декретов советской власти и до Кодекса 1969 г.) в исследовании категория «алименты» будет рассматриваться в контексте нормативных актов, таких как брачно-семейные Кодексы 1918 г. (Кодекс законов 1942: 161–163, 1045–1074), 1926 г. (Постановление ВЦИК 1926) и 1969 г. (Закон 1969), а также определившие законодательство Декрет 1936 г. (Постановление ЦИК 1936) и Указ 1944 г. (Указ 1944). в 1950–1960-е гг. семейная сфера и проект нового Семейного кодекса обсуждались на различных уровнях – как публично, так и в частном порядке. Граждане активно включились в эту законотворческую дискуссию, о

чём свидетельствуют письма, адресованные редакциям периодических изданий, ЦК КПСС, СМ СССР, Президиуму ВС СССР. Письма граждан, отложившиеся в архивных фондах ВС РСФСР – важный источник для изучения перформативных стратегий советских отцов-алиментчиков.

Трансформация правовой категории «алиментные выплаты на детей» (1917–1969 гг.)

Советское правительство провозгласило коренную ломку жизни общества, в том числе, и в семейной сфере. Для новой советской семьи требовались принципиально другие нормативные акты, и первым таким законом стал Декрет 8 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» (Собрание... 1942: 161–163). Если идея о том, что родители должны в равной мере обеспечивать ребенка, была прописана в законодательстве (п. 162), соответственно, и алименты на ребенка должны были выплачиваться после развода одним из родителей. По Кодексу 1918 г. (Собрание 1942: 1045–1074) и Кодексу 1926 г. (Постановление ВЦИК 1926) содержание ребенка после окончания брака определялось по соглашению супругов, а если оно не было достигнуто, то размер взыскиваемой суммы определялся в судебном порядке.

В Кодексе законов о браке, семье и опеке 1926 г. были уравнены зарегистрированный и фактический брак, сильно упрощена процедура развода и реформировано алиментное законодательство. С 1926 г. по 1944 г. в советском законодательстве существовал институт фактического брака, который характеризовал отношения женщины и мужчины, ведущих совместный быт на протяжении более полугода. Следовательно, алименты на детей могли назначаться как после расторжения зарегистрированного брака, так и с окончанием внебрачного сожительства, если женщина могла предъявить доказательства и установить отцовство в суде.

В отличие от нормативных актов первых лет советской власти Кодекс законов о браке семье и опеке 1926 г. предполагал другую схему установления отцовства вне брака: в заявлении матери ребенка не нужно было указывать время зачатия, также исчезла практика назначения отцами нескольких лиц сразу. в суде устанавливали одного предполагаемого отца, который и должен был нести расходы на ребенка. Судебная практика стремилась нормативно зафиксировать отцовство, если мужчина не смог убедительно доказать свою непричастность к рождению конкретного ребенка. Юристы того времени справедливо отмечали, что «судам придется рассмотреть довольно много исков об освобождении от исполнения вступивших в законную силу решений судов по делам об алиментах» (Фишман 1927: 11). С другой стороны, вместе с широкими правами установления отцовства вне брака для женщины, мужчины получили больше возможностей оспаривать свое отцовство. Так, они могли возразить против заявления матери в течение месяца, и имели право обратиться в суд и опротестовать запись об отцовстве в течение года (Постановление ВЦИК 1926). в случае, если отцовство признавалось самим мужчиной или устанавливалось в суде, ответчик был обязан обеспечивать мать и ребенка. Но, несмотря на довольно простую процедуру признания отцовства, отсутствовали действенные механизмы взыскания алиментов и поиска неплательщиков. Суды были перегружены подобными исками, и на практике мужчины довольно легко уклонялись от алиментного «бремени», часто меняя работу или место жительства (Денисова 2007: 19–51).

Советское семейное законодательство 1930-х гг. отражает консервативные тенденции того времени, направленные на укрепление семьи как репродуктивной ячейки общества: процедура разводов усложняется, аборт криминализируется, а требования к выплатам алиментов и взыскания за невыплаты становятся строже. в 1933 г. появляется «Инструкция о порядке регистрации актов гражданского состояния», в которой срок обращения в загс для регистрации ребенка сократился до месяца, а имя отца требовалось (а не рекомендовалось, как ранее) указывать в метрике (*Hoffmann* 2003). в знаменитом постановлении ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов...» (Постановление ЦИК 1936) алиментное законодательство формируется в знакомом для нас виде: «29. При присуждении алиментов взыскивать на содержание одного ребенка 1/4 получаемой заработной платы ответчика, на содержание двух детей 1/3 и на содержание трех и больше – 50 процентов заработной платы ответчика». Если раньше размер алиментов устанавливался судом, и каждое дело о назначении алиментных выплат предписывалось рассматривать индивидуально, то после 1936 г. процент, взыскиваемый с заработной платы отца на детей после развода был фиксированным, вне зависимости от уровня доходов мужчины. в этом же документе закрепляется экономическое разделение родительских ролей («Если мать-колхозница, получающая алименты...»), чего ранее на законодательном уровне не было.

Процедура судебного установления отцовства и институт фактического брака продолжали действовать и в 1930-е гг., однако, с усложнением процедуры развода и контролем репродуктивной функции женщин, государство отказывалось от роли «третьего судьи», и становилось непосредственным актором в семейных делах советских граждан. в Постановлении от 27 июня 1936 г. также декларируется борьба со «злостными неплательщиками»: «31. Повысить уголовное наказание за неплатеж присужденных судом средств на содержание детей – до двух лет тюремного заключения, с отнесением расходов по розыску уклоняющегося от платежа алиментов лица за его счет». Можно заметить, что по сравнению с 1920 гг. роль отцовского воспитания или отцовского присутствия в семье (как, впрочем, и материнского) возрастает, более того, советскому гражданину вменяется быть также хорошим отцом (*Hoffmann* 2003: 105), следовательно, «плохие» отцы должны или «исправляться», или быть наказаны.

С началом Великой Отечественной войны семейная жизнь советских граждан претерпела изменения: в хаосе военного времени и неизвестности возникали новые сожителства (а иногда и семьи), в которых рождались дети, в то время как зарегистрированные браки не были расторгнуты (*Кринко, Тажидинова, Хлынина...* 2013: 87–132). Попытка разрешения грядущей послевоенной брачной и алиментной путаницы была предпринята в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» (Указ Президиума ВС... 1944), который стал логичным продолжением для предыдущей жесткой государственной политики в отношении семейной жизни граждан и деторождения.

Первое и самое важное изменение касалось устранения института фактического брака, («Установить, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов»). Следовательно, с юридической точки зрения отцовство теперь могло существовать лишь в зарегистрированном браке, и пройти процедуру уста-

новления отцовства в суде, как раньше, теперь было невозможно: «20. Отменить существующее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке». То есть, ребенок, рожденный вне зарегистрированного брака, по закону не мог претендовать ни на алиментные выплаты от отца, ни на запись отцовского имени в метрике, ни на наследство.

Усложнение процедуры разводов, выведение фактических браков из юридической сферы и лишение возможности устанавливать отцовство в суде – все эти меры были призваны сдержать послевоенный рост разводов, а также не создавать лишнего алиментного бремени для мужчин. С одной стороны, шел процесс консервации брака, но, с другой стороны, правительство поощряло женатых мужчин и незамужних женщин к прокреации (Nakachi 2006: 45–46). Если раньше алименты были обязаны выплачивать отцы, находящиеся в разводе и мужчины, чье отцовство было установлено в суде, то после 1944 г. содержать детей по закону должны были лишь отцы, зарегистрировавшие в загсе брак с матерью ребенка (а также те мужчины, которым присудили выплачивать алименты до вступления в силу Указа от 8 июля 1944 г.)

Такой порядок существовал 25 лет, вплоть до принятия нового семейного Кодекса 1969 г., в котором вернули право на установление отцовства в суде, а также появилась процедура обжалования размеров алиментов (п. 68). К 1960 гг. накопилось множество свидетельств граждан и историй, доказывающих, что действующие нормативные акты не работают эффективно и не соответствуют потребностям советских граждан. Так, благодаря лазейке в законодательстве, суды могли привлечь мужчин к содержанию детей, но не на основании их отцовства (которое нельзя было устанавливать) а в качестве «фактического воспитателя» (Денисова 2007: 31–32).

В «Справочнике женщины-работницы», изданном в 1963 г. (Справочник... 1963) под редакцией известной юристки Александры Пергамент, отмечалось: «Если установлено, что кто-либо (в том числе фактический отец ребенка) взял на себя обязательство воспитывать и содержать ребенка...то в случае от дальнейшей помощи ребенку и отсутствия у матери достаточных средств такой фактический воспитатель обязан платить необходимые суммы на содержание своего бывшего воспитанника» (Справочник... 1963: 236–237). Вариант взыскания денег с мужчины на воспитание ребенка, без процедуры установления отцовства, был прописан в этом популярном пособии, хотя ранее в тексте подчеркивалось, что советское законодательство не предусматривает возможность привлечения фактических отцов к материальной ответственности за внебрачных детей. По сравнению с текстом Семашко 1927 г., в котором алименты расценивались как довольно маргинальное явление, чуждое советской действительности, брошюра, созданная юристками в начале 1960-х гг. наоборот, была призвана объяснить женщинам их права в семейной сфере и показать способы привлечения отцов детей к ответственности. Еще в 1951 году, в работе Александры Пергамент, «Алиментные обязательства по советскому праву» отмечается, что алиментные выплаты – это часть обязанностей отцов, установленная по закону (Пергамент 1951: 25).

Перформативные стратегии советских отцов-алиментщиков (1950–1960 гг.)

В советском законодательстве 1950–1960 гг. фиксировалось неравноправие женского и мужского родительства, когда женщина признавалась матерью по факту рождения ре-

бенка, а мужчина становился отцом лишь после формально зарегистрированного брака. Если материнство считалось жизненно необходимым для самой женщины (*Randall* 2011: 13–38), то мужское родительство, как подчеркивала периодическая печать того времени, было важным для ребенка, его развития и формирования личности (*Серебровская* 1954: 2). Письма мужчин во власть, с предложениями поправок действующего семейного законодательства, содержат личные истории, по которым можно судить о мужском опыте отцовства, восприятии алиментов и об отношениях с детьми после развода.

Мужчины-авторы, которые затрагивают тему алиментов в письмах, рассказывают о них как о тяжелом финансовом бремени, зачастую несправедливым. Большое количество мужских писем содержат просьбы об отмене алиментов или снижении размера выплат детям от предыдущих браков. Условно можно выделить несколько причин, отмеченных авторами-мужчинами: 1) они живут в другой семье, и юридически дети от предыдущего брака уже вне сферы их ответственности, 2) эти выплаты назначены несправедливо, 3) алименты оскорбляют честь и достоинство мужчины.

Аргументация мужчин, требующих снижения размера алиментных выплат, строится на тезисе о том, что «законные дети» – это те, с которыми в данный момент проживает отец, и именно их материальное обеспечение имеет первостепенное значение. Дети от предыдущего брака, по мнению ряда авторов писем, также должны получить финансовую поддержку от отцов, однако, в меньшем размере, чем установлено действующим законом: «Само собой разумеется, что уплачивать на содержание ребенка нужно, скажем 10-15¹ от зарплаты но не 25%. Этим много ущемляется мое материальное состояние и моих детей. А то получается, что она (т.е. бывшая жена) обогащается 25% а я должен переживать (ГА РФ: Ф. 7523. Д. 446. Л. 40)». «Присудили 50% доходов моей жене на 3х детей... И я, воспитывая 4х детей второй жены не думал бы – смогу ли прокормить детей из 50% моих доходов? *Законных* четверо» (ГА РФ: Ф. 7523. Д. 445. Л. 52–53). Отцовство рассматривается авторами как социальная роль, не отличная от роли «муж», а алименты осознаются своего рода «повинностью» за развод, а не формой родительской ответственности.

Идея того, что на содержание ребенка требуется сумма, меньшая чем 25%, возможно, подкреплялась тем фактом, что матери-одиночки могли рассчитывать лишь на свою зарплату и 5 рублей (50 рублей до денежной реформы 1949 г.) от государства. Ответственность и забота о материальном благополучии детей ассоциировалась с матерью – если работающая советская женщина может обеспечить ребенка самостоятельно, то помощь экономическая мужчины казалась чем-то «дополнительным», «факультативным». в подавляющем большинстве случаев, после разводов дети оставались с матерью, а алиментщики, как правило, создавали новые семьи с детьми, и их родительские обязанности по отношению к детям от предыдущего брака исчерпывались алиментными отчислениями от зарплаты.

Существовала стратегия, позволявшая объяснить невнимание к своему ребенку от первого брака – многие авторы, рассказывая о выплате алиментов, отмечали, что эти «дети» совсем уже не «дети»: «Дело в том, что этому «ребенку» 17-ый год, а мне 6-той десяток. Этот «ребенок» выше меня на голову, шире в плечах в два раза и зарабатывает столько же, сколько и я (ГА РФ: Ф. 7523. Д. 232. Л. 36)». «Но 1ый сын ему 17 лет который закончил школу ФЗО и в настоящее время работает самостоятельно и получает больше чем отец. Спрашивается нужна ли моя помощь ему в настоящее

¹ Здесь и далее: оригинальная орфография и пунктуация авторов писем - примеч. Е.В.

время» (ГА РФ: Ф. 7523. Д. 229. Л. 140). в данных случаях авторы конструируют образы себя и своих детей на контрасте – отец, слабый, физически меньше «ребенка», который, будучи шестнадцатилетним работающим юношей, никак не может претендовать на отцовские алименты. Следовательно, если отец более беспомощен, чем ребенок, то, с точки зрения этих мужчин, отношения «отец-сын» это не юридически оформленное кровное родство между взрослым и его ребенком, а дихотомия «сильный-слабый», где «сильный» и должен обеспечивать «слабого, немощного».

Алиментщики в письмах зачастую репрезентировали себя как угнетенная категория мужчин, психологически неустойчивых и физически слабых, абстрагирующихся от воспитания детей и выполняющие лишь экономическую функцию, которая, впрочем, им дается с трудом. Вот два отрывка из писем, где один автор сравнивает алименты с тюремным или лагерным заключением, а второй, стилизуя речь под высокий литературный стиль, говорит об алиментах как о роковом бедствии: «Сегодня 23.03.53 по радио были опубликованы указы Верховного Совета об амнистии лиц, совершивших различные преступления. в нашей стране есть большое количество лицо осужденных народным судом к уплате алиментов на содержание детей» (ГА РФ: Ф. 7523. Д. 231. Л. 108), «Мне приходилось видеть в жизни столько головоломок и горя людей, сколько через алиментные выплаты. Стоит ли сегодня делать мужчине скитальцем у него скрежет зубовой, когда ему может быть же как в прошлом придется стоять на смерть в руках за Родину» (ГА РФ: Ф. 7523. Д. 232. Л. 124). Большая часть писем отцов-алиментщиков, впрочем, написаны менее претенциозно, и другим поводом жалоб этих мужчин, после материальных проблем, становится озабоченность социальным клеймом «алиментщик». Мужчины пытались обосновать дискриминационный характер обязанности выплачивать алименты, которая понижает их социальный статус: «В конце концов она назвала меня своим изживенцем и уехала.... Меня очень угнетает слово «алиментщик»...(ГА РФ: Ф. 7523. Д. 448. Л. 270), «Матери ребенка 25% зарплаты мужа в придачу, а отцу ярлык алиментщика (ведь это у нас звучит как негодяй)!» (ГА РФ: Ф. 7523. Д. 456. Л. 243).

Заключение

Таким образом, алименты в СССР наглядно отражают основные тенденции советского гендерного порядка – при декларируемом равенстве полов сохранялось четкое распределение родительских ролей, в том числе, и после развода. Ответственность за ребенка, его здоровье, развитие, обеспечение несла преимущественно мать, тогда как помощь и вклад отцов, даже в форме алиментов, постоянно ставился под сомнение мужчинами. Тем не менее, восприятие отцовских алиментных выплат на ребенка претерпело серьезную трансформацию в общественном сознании. Если в 1920-х гг. Семашко писал про алименты как про способ обеспечения ребенка из семьи с безответственными и легкомысленными взрослыми, то в 1963 г. советские юристки настоятельно рекомендуют женщине «не плошать» и взыскать с мужчины алименты – или как с отца, или как с фактического воспитателя. Отцы, выплачивающие алименты, расценивали их как принудительные денежные взыскания, зачастую несправедливые, непосильные и унижительные для мужчины.

К 1970 гг. семейное законодательство претерпело изменения, и важным достижением в вопросе защиты материнства и детства стала трансформация института алиментов –

теперь на нормативном уровне отцы (как в зарегистрированном, так и в незарегистрированном браке) были обязаны участвовать в материальном обеспечении своих детей.

Источники и материалы

- ГА РФ: Оп. 45 Д. 445 – ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации) Ф. 7523 (Верховный Совет СССР) Оп. 45 Д. 445.
- ГА РФ: Оп. 45 Д. 446 – ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 7523 (Верховный Совет СССР) Оп. 45 Д. 446.
- ГА РФ: Оп. 45 Д. 448 – ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 7523. (Верховный Совет СССР) Оп. 45 Д. 448.
- ГА РФ: Оп. 45 Д. 456 – ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 7523. (Верховный Совет СССР) Оп. 45 Д. 456.
- ГА РФ: Оп. 45а. Д. 229 – ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 7523. (Верховный Совет СССР) Оп. 45а. Д. 229.
- ГА РФ: Оп. 45а. Д. 231 – ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 7523 (Верховный Совет СССР) Оп. 45а. Д. 231.
- ГА РФ: Оп. 45а. Д. 232 – ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 7523. (Верховный Совет СССР) Оп. 45а. Д. 232.
- Закон 1969 – Закон об утверждении кодекса о браке и семье РСФСР // ВВС РСФСР, 1969. № 32.
- Кодекс законов 1942 – Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном и опекунском праве (КЗАГС) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. С. 1045–1074.
- Постановление ЦИК 1936 – Постановление ЦИК СССР № 65 СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательство о разводах: постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июня 1936 г.» // Собр. законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, 1936. № 34.
- Пергамент* 1951 – *Пергамент А.И.* Алиментные обязательства по советскому праву. М., 1951. С. 6.
- Постановление ВЦИК 1926 – Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 года «О введении в действие кодекса законов о браке, семье и опеке». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44825#04508484194193392> (дата обращения 25.05.2021).
- Семашко Н.* 1927 – *Семашко Н.* Против алиментной эпидемии, или на алименты надейся, а сама не плошай. М.: Охрана материнства и младенчества, 1927.
- Серебровская Е.* 1954 – *Серебровская Е.* Жизнь вносит поправку // Литературная газета, 1954. № 7. С. 2.
- Справочник 1963 – Справочник женщины-работницы: Права женщины по советскому законодательству / М.С. Румянцева, А.И. Пергамент, Г.М. Громова. М.: Профиздат, 1963. 287 с.
- Указ 1944 – Указ Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=507#04863223381935209> (дата обращения 25.05.2021).
- Фишман* 1927 – *Фишман Л.И.* По поводу нового Кодекса законов о браке // Право и жизнь, кн. 3. М., 1927. С. 11.

Научная литература

Данилян М.А. Понятие, структура и содержание алиментного обязательства по законодательству Российской Федерации в сравнении с законодательством некоторых зарубежных

- стран // Современное право, 2012. № 7. С. 31.
- Денисова Л.Н. Политическая спираль семейного законодательства // Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М.: РОСПЭН, 2007. С. 19–51.
- Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Семья как пространство частной жизни советского человека // Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945) / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажиудинова, Т.П. Хлынина. Ростов н-Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 87–132.
- Пушкарева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // НЛЮ, 2012. № 5. С. 8–23.
- Семейное право: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. / Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Михеева Л.Ю., Рузакова О.А.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. 270 с.
- Чернова Ж.В. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной, СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138–168.
- Hoffmann D. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity 1917–1941, Cornell University Press, 2003. Pp.105–106.
- Nakachi M. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // East European Politics and Societies. 2006. Pp. 45–46.
- Randall A. “«Abortion will deprive you of happiness!»: Soviet reproductive politics in the post-Stalin era”, Women’s History, 2011, Vol. 23 (3). Pp. 13–38.
- Scott J.W. Gender and the politics of history. New York: Columbia University Press, 1999.

Voronova, Ekaterina A.

“The word *alimentshik* frustrates me”: the legal aspects of alimony payments for children (1917–1960)

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/191-200

The article shows that in Soviet society, alimony payments were an essential part of the gender order. The author claims that declared gender equality in the USSR was sharply contrasting with the after-divorce practice of children remaining with their mothers by default and fathers ordered to pay alimony. Based on different sources (laws, periodic press, letters to the authorities), the study analyses the formation of alimony legislation in the USSR from 1917 to 1969, which reflected the main trends in the construction of gender norms and roles in the Soviet family.

According to the author, although alimony payments were considered a men-specific obligation, Soviet mothers were obliged to control men’s alimony payments. «Alimentshiki» fathers, in turn, viewed child support as an unfair and unnecessary financial burden and used the rhetorical strategy of a “weak” father to reduce child support payments.

Keywords: *alimony payments, Soviet Family law, Soviet gender order, motherhood, fatherhood, childhood*

For Citation: Voronova, E.A. 2021. “The word *alimentshik* frustrates me”: the legal aspects of alimony payments for children (1917–1960). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 191–200.

Author Info: Voronova, Ekaterina A. – *PhD student, Institute of Russian History (Moscow, Russia). E-mail: kathy-voronova@yandex.ru*

Funding: *The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 19-39-90050*

References

- Chernova, Zh.V. 2007. Model' "sovetskogo" otsovstva: diskursivnye predpisaniia [Model of "Soviet" paternity: discursive prescriptions] In *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod* predpisaniia [Russian Gender order: a sociological approach] edited by E. Zdravomyslova, A. Temkina, 138–168. Sankt Petersburg.
- Danilyan, M.A. 2012. Poniatie, struktura i sodержanie alimentnogo obiazatel'stva po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii v sravnenii s zakonodatel'stvom nekotorykh zarubezhnykh stran [The concept, structure and content of the alimony obligation under the legislation of the Russian Federation in comparison with the legislation of some foreign countries]. *Sovremennoe pravo* 7: 31.
- Denisova L.N. 2007. Politicheskaia spiral' semeinogo zakonodatel'stva [The political spiral of family legislation] In *Sud'ba russkoi krest'ianki v XX veke: brak, sem'ia, byt* [The fate of the Russian peasant woman in the XX century: marriage, family, life], 19–51. M.: ROSPEN.
- Hoffmann D. 2003. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity 1917–1941*, Cornell University Press.
- Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. 2013. Sem'ia kak prostranstvo chastnoi zhizni sovetskogo cheloveka [Family as a space of private life of the Soviet person] In *Chastnaia zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945)* [The Private Life of a Soviet Man in Wartime Conditions: Space, Boundaries and Mechanisms of Implementation (1941–1945)], 87–132. Rostov on Don: Publishing house of the SSC RAS.
- Nakachi M. 2006. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language. *East European Politics and Societies*, 45–46.
- Pushkareva N.L. 2012. Gendernaia sistema Sovetskoi Rossii i sud'by rossiianok [Gender system of Soviet Russia and the fate of Russian women]. *NLO* 5: 7
- Randall A. 2011. "Abortion will deprive you of happiness!": Soviet reproductive politics in the post-Stalin era" *Women's History* 23 (3): 13–38.
- Scott J.W. 1999. *Gender and the politics of history*. New York: Columbia University Press.

© *О.И. Секенова*

ДОХОД ОТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПАТТЕРНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

В статье рассматривается трансформация профессиональной повседневности русских женщин-историков второй половины XIX – 20-х годов XX в. через призму изменения дохода от профессиональной деятельности и особенностей экономического поведения. На основании эго-источников, официальных документов о заработной плате научных работников и сохранившихся в архивах тетрадей, в которых женщины фиксировали поступление и расходование денежных средств, можно проанализировать влияние карьерных изменений на семейный бюджет первых исследовательниц. Генерационный подход позволяет увидеть различия в экономическом поведении женщин-историков разных поколений: если во второй половине XIX в. занимавшиеся литературной или предпринимательской деятельностью интеллектуалки искали возможности для заработка с помощью публикаций, то в конце XIX – начале XX в., когда женщины институализировались в академической среде, они вынуждены были работать в условиях жесткой конкуренции как с мужчинами, так и с другими выпускницами Высших женских курсов. Почти у всех исследовательниц с приходом советской власти резко ухудшилось финансовое положение, только немногие смогли сохранить преподавательскую работу. Лишь в середине 1920-х годов материальное положение ученых, в том числе женщин-историков, улучшилось. Тем не менее социальная нестабильность и необходимость совмещать научную работу и работу по дому негативно влияли на профессиональный рост и развитие женщин-ученых.

Ключевые слова: *женщины-историки, экономическое поведение, история повседневности*

Для цитирования: *Секенова О.И. Доход от профессиональной деятельности и паттерны экономического поведения русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX в. // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 201–214.*

Великие реформы Александра II и появление в 1869–1872 гг. первых Высших женских курсов открыли дорогу к образованию многим девушкам, мечтавшим о научной карьере. Молодые исследовательницы сразу же столкнулись с серьезными финансовыми трудностями, разделив их с теми, кого Ф.М. Достоевский называл

Секенова Ольга Игоревна – старший преподаватель, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (300026 Тула, пр-т Ленина 125, корп. 4, Тула). Эл. почта: jkzkray@mail.ru
* Материал публикуется в соответствии с планом НИР ИАЭ РАН

тою многочисленную, вечно нуждающуюся и несчастною частью нашей учащейся молодежи обоего пола, которая, в столицах, по обыкновению, с утра до ночи обивает пороги разных газет и журналов, не умея ничего лучше выдумать, кроме вечного повторения одной и той же просьбы о переводах с французского или о переписке (*Достоевский* 2008: 18).

Многие первые русские женщины-историки параллельно с учебой или научными исследованиями вынуждены были зарабатывать на жизнь. Настойчивость, трудолюбие и стремление превзойти коллег позволили им добиться успеха в профессиональной сфере и повысить свой доход. Сегодня исследователи проявляют интерес не только к процессу вхождения женщин в русские академические круги и их становления как ученых, но и к различным аспектам повседневной жизни интеллитуалок, и к тем сложностям, с которыми они сталкивались на своем пути.

В данной статье рассматриваются основные паттерны экономического поведения женщин-историков второй половины XIX – начала XX в. в отношении поиска путей заработка, распоряжения личными доходами и управления семейным бюджетом. Практики хозяйственного поведения и распределения денежных средств в российской академической среде этого времени исследованы слабо (среди редких удачных примеров хочется выделить работу А.Л. Зорина и Е.С. Корчминой (*Zorin, Korchmina* 2018]), в которой наряду со структурой доходов и трат Н.М. Карамзина во время его заграничного путешествия проанализированы и повседневность, и мировоззрение выдающегося историка). Работы, изучающие обыденные экономические практики, материальное положение, льготы и привилегии ученых советской эпохи, также встречаются достаточно редко (см., напр.: *Пушкарева* 2016; *Долгова* 2020; *Сидорова* 2017). Л.А. Сидорова в своей монографии 2008 г. предложила использовать генерационный подход к изучению трех поколений русских ученых (*Сидорова* 2008). Под «генерацией» (поколением) автор понимает «общность специалистов, примерно в одно и то же время начавших заниматься профессиональной научно-исследовательской и преподавательской деятельностью» (Там же: 13). Три поколения это: дореволюционные историки, «красные профессора» и послевоенное поколение ученых. Генерационный подход, безусловно, применим и к анализу профессиональной деятельности женщин-историков; условно их также можно разделить на три поколения (*Пушкарева* 2012). Первое (рожденные в 1835–1870 гг.) – выпускницы Высших женских курсов и талантливые самоучки; их было совсем немного (не более десяти). Наиболее яркими представителями этой когорты ученых являются А.О. Ишимова, Е.Н. Щепкина и П.С. Уварова. Второе поколение (рожденные в 1870–1895 гг.) – также в основном воспитанницы Высших женских курсов из разных городов Российской империи (не менее 60 человек), получившие практический опыт научной и преподавательской работы до революции. Третье поколение (рожденные в 1895–1925 гг.) – «красная профессура», т.е. те, кто получил историческое образование в советских вузах до Великой Отечественной войны. Безусловно, критерий возраста в этом разделении вторичен, гораздо важнее социальные связи и исследовательский опыт, приобретенный как в период учебы, так и во время работы в научных и образовательных организациях.

Информацию о практиках ведения личного/семейного хозяйства женщинами-историками мы находим в эго-документах: опубликованных воспоминаниях А.О. Ишимовой (*Быков* 1878) и П.Я. Литвиновой (*Спаська* 1928) (записанных с их слов и со слов близких родственников), Н.А. Белозерской (*Белозерская* 1913) и П.С. Уваровой (*Уваро-*

ва 2005) (написанных лично), а также в хранящихся в архивах записях Е.Н. Щепкиной (РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1, 3) и Н.Д. Флиттнер (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4, 6). в распоряжении исследователей есть делопроизводственные документы (в частности, данные о заработной плате преподавателей Бестужевских Высших женских курсов (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 45–46, 160–162]), а также интересный и редкий источник – дневник расходов и доходов академика М.В. Нечкиной (АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 272). в эго-документах русских женщин-историков вопросы семейного бюджета занимают важное место, мало говорят о «денежных» делах только дамы обеспеченные (напр., графиня П.С. Уварова, унаследовавшая состояние мужа, или Е.Н. Щепкина – первая преподавательница русской истории на Высших женских курсах, поддерживаемая отцом – успешным чиновником-либералом). Представительницы «первого поколения» нередко стояли перед выбором: следовать традиционной гендерной модели и полностью зависеть финансово сначала от отца, потом от супруга или выбрать путь свободы, попытавшись без поддержки мужчин найти себе место в мужском академическом мире. Понимание ими эмансипации было неразрывно связано с возможностью самостоятельно обеспечивать себя, с признанием в научном сообществе и независимостью от мужей и отцов.

Примечательно, что в мемуарах, опубликованных в дореволюционную эпоху и адресованных самой широкой аудитории, женщины-ученые, не стесняясь, подробно описывали свое материальное положение. в воспоминаниях исследовательниц советской эпохи, опубликованных в 1990–2000-е годы (см., напр.: *Гутнова* 2001; *Житомирская* 2008), практически нет упоминаний о личных/семейных финансах: разговоры о материальном видятся им неприличными. Изменение экономического положения семей ученых можно оценить лишь по косвенным признакам: улучшение жилищных условий, поездки в зарубежные командировки, иные привилегии, которыми пользовались советские труженики науки (*Пушкарёва* 2016: 70–72).

Исследовательская работа первых русских женщин-историков как бизнес-проект

О том, что профессиональные занятия историей стали для них выходом из тяжелого финансового положения, писали сразу несколько женщин-исследовательниц первого поколения. Так, А.О. Ишимова (1804–1881), создательница знаменитой «Истории России в рассказах для детей», в 14-летнем возрасте последовала за отцом, проигравшим судебную тяжбу родственнику всесильного государственного деятеля А.А. Аракчеева, в ссылку в Усть-Сысольск (сегодня – Сыктывкар), а затем в Никольск Вологодской губернии (сегодня – Вологодская обл.). Она вспоминала:

Квартира, которая давалась нам от города и отводилась по выбору городничего, состояла из двух комнат в нижнем этаже вровень с землею, городничий уверял, что это только на несколько дней и что дана будет лучшая квартира, но эти несколько дней продолжались с полгода. Наконец дана была другая, но в этой другой, с наступившей зимою было так холодно, что и родители наши, и мы с братом не снимали теплых сапогов, ни даже шуб наших (*Быков* 1878: 318).

Казенного содержания отцу назначено не было, и все семейство осталось без средств к существованию; кроме того, место ссылки постоянно менялось. в этих условиях Александра Осиповна поставила перед собой задачу: освоить профессию, которая могла бы приносить более-менее постоянный доход.

Так, А.О. Ишимова (узнав, предположительно, из книги французской писательницы С. Коттен об истории «Параши-сибирячки» – П.Г. Луполевой, девушки, пришедшей пешком из Сибири в столицу, чтобы хлопотать об освобождении отца; П.Г. Луполева, по одной из версий, послужила прототипом Маши Мироновой из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина) приняла решение поехать в Санкт-Петербург и заняться там семейными делами. Выспросив у Александра I дозволения отцу жить в Архангельске (губернском городе, где, имея репутацию знающего юриста, он мог обеспечивать себя сам), А.О. Ишимова обосновалась с матерью в Петербурге и открыла пансион на 20 учеников, каждый из которых платил 12 руб. в месяц. Пансион просуществовал недолго – до первой проверки, поскольку был открыт «без формального дозволения» и не соответствовал требованиям министерства просвещения. Александра Осиповна приняла решение сменить сферу деятельности и занялась переводами с французского: первым опытом стала книга философа-моралиста и историка И. Дроза «Искусство быть счастливым» (Дроз 1831). Работа была опубликована и даже принесла переводчице небольшие деньги. Следующим стал перевод романа Ф. Купера «Красный морской разбойник» (Купер 1831). Необходимо отметить, что, хотя работа над каждым переводом длилась долго (до 1 года), гонорара хватало на приличную жизнь и самой А.О. Ишимовой, и ее родителям. Часть денег Александра Осиповна тратила на свое образование. Так, она наняла лучшего в Санкт-Петербурге преподавателя английского языка, надеясь тем самым повысить свою востребованность на рынке труда: французский язык знали многие, и недостатка в переводчиках не было, а вот с английским ситуация была гораздо хуже. Перевод книги для юношества «Семейные вечера» (Эйкин 1833) стал поводом для встречи А.О. Ишимовой с дочерью Павла I великой княгиней Еленой. А одна из сановных знакомых переводчицы предложила ей написать русскую историю для детей в духе рассказов по истории Англии В. Скотта. Александра Осиповна работала над новой книгой шесть лет. Первые 25 рассказов «Истории России в рассказах для детей» она показала поэту М.А. Плетневу, который преподавал историю литературы будущему императору и великим князьям; рукопись была прочитана на одном из уроков. Результатом стало денежное пособие, назначенное для продолжения труда, что позволило писательнице не думать о поиске средств на жизнь. Книга была благосклонно принята публикой, а Александра Осиповна получила ежегодную пенсию от императрицы (400 руб.), а в 1840 г. почетную неправительственную награду – Демидовскую медаль в области педагогики (и половинную премию – 2500 руб.) (Общий обзор... 1866). После выхода «Истории России в рассказах для детей» А.О. Ишимова могла не волноваться о своих доходах, более того, на собственные средства она издавала два журнала для девочек. История Александры Осиповны выглядит как цепь счастливых случайностей, тем не менее именно благодаря своим целеустремленности и желанию вырваться из бедности, опираясь лишь на интеллектуальные возможности, она достигла больших успехов в профессии и получила широкое признание в литературных и академических кругах России. Примечательна структура распределения финансовых средств писательницы: не получившая систематического образования А.О. Ишимова тратила значительные суммы на свое развитие; существенная часть денег шла на обеспечение не только самой Александры Осиповны, но и ее престарелых родителей. Первые русские женщины-историки должны были обладать и предпринимательскими способностями, лишь в этом случае они могли рассчитывать на публикацию своих работ.

Этнограф и историк П.Я. Литвинова (Бартош) (1833–1904), также как и А.О. Ишимова, была вынуждена самостоятельно зарабатывать на жизнь, занимаясь литературной и исследовательской деятельностью. Мать десяти детей, она находилась в постоянном конфликте с супругом и жила отдельно от него. Общение с женщинами из среды киевской интеллигенции вдохновило ее на написание статей по истории и этнографии украинского народа в журналы «Киевлянин» и «Киевская старина». А в 1877 г. П.Я. Литвинова решилась издать собранную ею значительную коллекцию изображений народного орнамента. Так как на финансовую поддержку мужа или друзей рассчитывать она не могла, деньги на печать альбома пришлось занять у знакомого – некоего Шуругова (вероятно, речь идет о черниговском историке М.Ф. Шуругове). П.Я. Литвинова, не слишком сведущая в издательских делах, была не раз обманута издателями. Сначала редактор и основатель издательства «Киевский народный календарь» А.Ф. Андрияшев, как вспоминала сама Пелагея Яковлевна (*Литвинова* 1877), выдал текст ее учебного пособия за собственное творчество (*Андрияшев* 1875), затем вынужденная сама распространять свои книги из-за конфликта с издателем Бецем она воспользовалась помощью некоего студента, предложившего перепродавать книги в Санкт-Петербурге – студент «сначала присылал книги, потом исчез, оставшись должным 200 рублей» (*Спаська* 1928: 188). Тем не менее опубликованные статьи П.Я. Литвиновой привлекли внимание издателей, и Пелагея Яковлевна получает постоянную работу в журналах «Киевская старина», «Заря», «Киевское слово» и др. При этом финансовой стабильности удалось достичь только после получения в 1886 г. наследства (усадыбы). Несмотря на то что женщина увлеченно занималась хозяйственными делами, она не оставляла и свою этнографическую деятельность. Для П.Я. Литвиновой, которая принципиально старалась обходиться без поддержки мужа, литературная работа в журналах стала своего рода компромиссом между желанием самореализоваться в качестве ученого и необходимостью обеспечивать себя и поддерживать своих детей.

Ярким примером того, как первые русские женщины-историки зарабатывали на жизнь исследованиями, может служить деятельность Н.А. Белозерской (1838–1912). В 1867 г. Надежда Александровна приняла решение уйти от мужа и вынуждена была думать о том, как прожить с тремя детьми, которым она стремилась дать образование. Женщина отвезла детей в имение матери, сама поселилась в Петербурге у подруги (вместе снимали меблированную комнату, хозяйин которой «пил запоем») и начала зарабатывать частными уроками и переводами; параллельно она готовилась к сдаче экзамена на звание домашней учительницы. Преподавание приносило ей огромное удовольствие, но переводы ценились выше, более того, можно было работать дома и не тратить время на дорогу. Жили подруги голодно и бедно:

...обыкновенно на обед выдавался на всех вместе с прислугой один рубль. Обед состоял из небольшого количества супа с крупой, довольно водянистого, и из разваренной в супе говядины с картофелем, или с рисом, или с брюквой. Ели усердно, потому что завтрака и ужина не полагалось; кроме того, уничтожали много хлеба за чаем (*Белозерская* 1913: 931).

Хотя Н.А. Белозерская считала, что могла бы сэкономить на прислуге, 15-летняя горничная, писала Надежда Александровна в своей автобиографии, «объявила, что не расстанется со мной, и будет служить без жалованья, да и я не могла себе представить, что можно жить без горничной, но скоро поняла» (*Белозерская* 1913: 930).

Переводов становилось все больше – рабочий день Н.А. Белозерской длился 14 час., и лишь летом она устраивала себе отпуск на три месяца – уезжала к детям в деревню. Через несколько лет Надежда Александровна, получая до 80 руб. в месяц, почитала себя «совсем богатой» и перевезла двух старших детей и младшую сестру в город на отдельную квартиру. Хотя поначалу жили они в сырых и темных комнатах, без конца меняли их, терпели всякие лишения, уровень жизни постепенно рос (*Белозерская* 1913: 932). С работой помогла писательница М.А. Вилинская (псевдоним Марко Вовчок): редактируя несколько литературных журналов, печатавших зарубежную литературу, она для работы зачастую нанимала женщин, оказавшихся в сложной ситуации, а сделанные ими переводы подписывала своим именем. После скандала, связанного с обвинениями в плагиате, Марко Вовчок закрыла журнал (*Лобач-Жученко* 1983: 348). Хотя Н.А. Белозерская сумела сохранить добрые отношения со всеми участницами конфликта, она вынуждена была искать новую работу. На помощь ей пришел друг семьи – замечательный русский историк Н.И. Костомаров. в течение пяти лет Надежда Александровна исполняла обязанности его домашнего секретаря: поскольку ученый страдал заболеванием глаз, она делала выписки в Публичной библиотеке, составляла аннотации книг, писала под диктовку. Н.И. Костомаров отдавал ей третью часть своих доходов, что, судя по автобиографии исследовательницы, составляло весьма приличную сумму. Кроме того, Н.А. Белозерская училась у известного ученого исследовательской работе и анализу исторических источников (*Белозерская* 1913: 933). Но через пять лет, когда Н.И. Костомаров отказался от ее услуг, «пришлось начинать заново. Уроки, литературные работы ушли от меня – просить работы, хлопотать о себе было тяжело» (*Белозерская* 1913: 933). в этот период историк Д.Л. Мордовцев предложил Надежде Александровне писать рецензии для журнала «Древняя и Новая Россия» – предполагалось, что ее работы он будет выдавать за свои, «потому что не примут иначе – я женщина, и это первый случай» (*Белозерская* 1913: 933). Д.Л. Мордовцев даже придумал для ее публикаций особый псевдоним. Через некоторое время псевдоним был открыт издателю журнала С.Н. Шубинскому, тот приехал к Надежде Александровне и предложил ей стать штатной сотрудницей «Исторического вестника» (в журнале она занималась переводами исторических романов). Н.А. Белозерская была востребованным автором: она писала небольшие исследовательские работы и рецензии для «Русской старины», «Живописной России», брала интервью для составления автобиографий – «исповедывала стариков». За солидное вознаграждение (200 руб.) она выступила редактором второго издания книги М.И. Семевского «Царица Прасковья по новым материалам» (*Семевский* 1883): «...о моем имени, конечно, не было упомянуто», – писала Н.А. Белозерская в своей автобиографии (*Белозерская* 1913: 934). Надежда Александровна гордилась тем, что смогла самостоятельно себя обеспечивать, и тем, что под последующими публикациями начиная с 1886 г. стояло ее настоящее имя.

Говоря о женщинах-историках первого поколения, хочется отметить, что если для С.К. Брюлловой, Е.О. Лихачевой, П.С. Уваровой, выросших в состоятельных и знатных семьях, исторические исследования были хобби и способом самореализации, то для А.О. Ишимовой, А.Я. Ефименко, Н.А. Белозерской, П.Я. Литвиновой, О.А. Петерсон они служили одним из основных источников дохода, наряду с преподавательской деятельностью и/или литературной работой в журналах. Из этой когорты выделяется Е.Н. Щепкина (1854–1938). Будучи единственной дочерью уфимского, а позднее архангель-

ского губернатора (*Кантимирова* 2018: 145) и Правительственного комиссара Кавказских минеральных вод Н.П. Щепкина, Екатерина Николаевна не нуждалась в деньгах. Именно поэтому она не могла позволить себе занять место в каком-либо учебном заведении для девочек – тем самым она отобрала бы возможность заработка у другой образованной, но небогатой женщины (РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 102–107). Е.Н. Щепкина постоянно совершенствовала свое историческое образование (на Московских и Петербургских Высших женских курсах, а затем и в Сорбонне), она стала первой женщиной, приглашенной преподавать на Высших женских курсах (РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 60). Вслед за Екатериной Николаевной в Москве и Петербурге в сфере женского высшего образования появились и другие женщины-преподавательницы.

Заработок исследовательниц, занятых в этой сфере, был достаточно высок. Так, после получения звания профессора А.Я. Ефименко (1848–1918) было назначено жалование 300 руб. в месяц (С.Ф. Платонов, первый директор Женского педагогического института в Санкт-Петербурге, особенно настаивал на такой сумме, говоря о том, что Александре Яковлевне необходимо содержать детей и больного мужа) (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 58). Другие преподавательницы также зарабатывали не меньше коллег-мужчин (жалование за работу на курсах составляло от 200 руб. в месяц) (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 58) – совмещая работу в разных учебных заведениях или увеличивая «часы», они могли повысить свой месячный доход до 400 руб. (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 58), тогда как средняя заработная плата женщин-преподавателей в средних учебных заведениях составляла 900 руб. в год (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 58) при неизмеримо более высокой преподавательской нагрузке, не оставлявшей времени для исследовательской работы.

«Не съест ли кусок хлеба меня саму?»: экономические трудности второго поколения русских женщин-историков

Представительницы второго поколения русских женщин-историков иногда использовали карьерные траектории, проложенные предшественницами, существовавшими в несравнимо более сложных условиях. Тем не менее в своей профессиональной деятельности исследовательницы, отнесенные нами к этой группе, сталкивались с гораздо более высокой конкуренцией. Все более серьезные требования к квалификации женщин, желавших заняться наукой, вынуждали их к серьезным денежным вложениям на начальном этапе. Петербургские профессора, оставлявшие лучших учениц при курсах «для усовершенствования в изучении» (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 2) (по аналогии с «оставлением при университете для приготовления к профессорскому званию» выпускников университетов), настойчиво рекомендовали им ехать учиться за границу хотя бы на год для повышения своей квалификации. Хотя профессора старались помочь девушкам, обеспечивая некоторых стипендиями, нередко случались накладки, связанные с противодействием Министерства просвещения, и бывшие курсистки могли остаться одни в чужой стране без средств к существованию (ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Л. 94). в итоге, хотя формальных ограничений для работы женщин в качестве исследователей/преподавателей на курсах становилось все меньше, успеха добивались в первую очередь те, кто был обеспечен и чьи родители одобряли их профессиональный выбор (многие представительницы второго поколения женщин-историков родились в профессорских семьях – О.А. Добиаш-Рож-

дественнская, И.И. Любименко, М.И. Лот-Бородина, Е.Ч. Скржинская и др.). Примером строительства карьеры без начального капитала может быть деятельность замечательного египтолога Н.Д. Флиттнер (1879–1957), вынужденной зарабатывать на пропитание во время учебы:

Кончая институт, я не строила себе иллюзий на будущее, я знала, что мне придется работать усиленно ради хлеба насущного. Но где-то в отдаленном будущем передо мной вставали миражи дальних стран, мне слышался гул морских валов, великие имена Гумбольдта, Шлимана и их славные судьбы сулили и мне возможности иной работы, чем преподавание немецкого языка в церковной школе, открывали безграничные горизонты впереди (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 223–224), –

с этими мыслями Н.Д. Флиттнер с одобрения родителей пошла учиться на Высшие женские курсы. После болезни и смерти отца – петербургского врача Д.Б. Флиттнера, ей как старшей дочери пришлось содержать семью, бегая по ученикам (мать вела общее хозяйство), поэтому многие занятия на курсах девушке приходилось пропускать. в 1900–1901 гг. частными уроками Наталия Давидовна зарабатывала около 20 руб. в месяц, а 30 руб. считались очень высоким доходом (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 213). Даже во взрослом возрасте Н.Д. Флиттнер полностью подчинялась воле матери в вопросах планирования расходов (ей было уже 32 года, а мать продолжала контролировать ее личные траты и попрекала «раздачей денег» в долг). Работая в двух учебных заведениях (гимназии и женском коммерческом училище Хворовой), весь основной заработок Наталия Давидовна отдавала в семейную кассу (на хозяйство и приданое младшим сестрам), а деньги от частных уроков копились для учебы в Берлине (по протекции научного руководителя, египтолога Б.А. Тураева) и на иные личные расходы. Мать упрекала старшую дочь, что та «набирает работы сверх сил» (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 73), при этом Н.Д. Флиттнер с горечью вспоминала, как мать не дала ей (32-летней) 60 коп. на посещение лекции Андрея Белого, и девушке пришлось занимать у прислуги (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 173). Развлечения (поход в театр, на лекцию или в кондитерскую) исследовательница позволяла себе не чаще одного раза в месяц, а чтобы купить книгу, бегала по урокам по всему Петербургу пешком (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 173). Свое свободное время (а его оставалось очень мало) Н.Д. Флиттнер посвящала изучению египтологии в кружке Б.А. Тураева. Понимая, что не сможет отказаться от такой интенсивной работы из-за семьи, она с горечью замечала: «Обычная вещь для каждого человека есть свой кусок хлеба, вот менее обычно для человека спрашивать себя: а не съест ли кусок хлеба меня саму?» (АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 66). Тем не менее карьера Н.Д. Флиттнер сложилась успешно: неоднократные поездки в научные командировки в Германию, защита магистерской диссертации в Санкт-Петербургском университете. в конце концов, уже после Великой русской революции 1917 г., исполнилась мечта Наталии Давидовны – она получила работу в Эрмитаже.

Оптимистичные воспоминания Н.Д. Флиттнер о революционных годах, наполненные радостью от творческой самореализации, резко контрастируют с мемуарными текстами ее коллег. Почти у всех исследовательниц второго поколения с приходом советской власти резко ухудшилось финансовое положение. Те из них, кто принял решение остаться в России и не менять сферу деятельности, столкнулись с новыми жизненными реалиями: отсутствием литературной и преподавательской работы, голодом, бытом

без домашних помощниц – все это мешало творческому процессу. И.И. Любименко, изучавшая англо-русские отношения в раннее новое время, писала в своем дневнике о тяжелых 1918–1920 гг.: «Два с половиной года без прислуги, когда я была физической работницей в доме, утомили меня физически» (СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л. 336); к продуктивной исследовательской работе Инна Ивановна смогла вернуться только после того, как разрешились бытовые проблемы. Женщины-интеллектуалки вынуждены были жить в режиме жесткой экономии. в связи с этим И.Н. Нюберг, дочь математика Н.И. Нюберга, вспоминала об изменении быта и повседневных привычек своей бабушки по отцу – историка и преподавателя латыни и древнегреческого Софьи Николаевны Нюберг-Кашкиной; жившая в ее доме в качестве прислуги Мария фон Польшман (девушка «из бывших», которая впоследствии вышла замуж за сына хозяйки) в 1921 г. была поражена, что столь образованная и знатная дама заставляла ее штопать чулки – по ее мнению, их следовало не штопать, а выбрасывать (Нюберг б.г.).

Тетради доходов и расходов как источник по истории академической повседневности

Изменение к лучшему тяжелого финансового положения научных работников началось в середине 1920-х годов. Историческим источником, раскрывающим особенности ведения семейного бюджета русскими женщинами-учеными, служат тетради доходов и расходов. Поскольку зачастую подобные записи уничтожались через какое-то время как ненужные, каждая такая находка очень важна для историка повседневности. Тетради за 1926 и 1927 гг. сохранились в архиве академика, замечательного историка М.В. Нечкиной. в 1926 г. она вышла замуж за химика Д.А. Эпштейна и начала вести семейный бюджет: записи о доходах и расходах вносились нерегулярно (иногда отмечалась каждая мелочь, иногда, наоборот, долгое время не фиксировалось ничего). М.В. Нечкина заполняла тетради очень эмоционально, нередко сухая информация сопровождалась метким комментарием, многое рассказывающим об отношениях между супругами. Очевидно, что ведение семейного бюджета для М.В. Нечкиной обуславливалось необходимостью экономить. Тетрадь зафиксировала, во-первых, нерегулярность доходов молодой семьи научных работников (и М.В. Нечкина, и Д.А. Эпштейн работали сразу в нескольких местах, иногда получали гонорары за публикации), а во-вторых, их неравномерность (доход супругов отличался от месяца к месяцу, иногда больший вклад в бюджет вносила М.В. Нечкина, иногда Д.А. Эпштейн). Периодически М.В. Нечкина язвительно комментировала свои попытки просить у мужа денег:

Додка дал из НКП (Народный комиссариат просвещения. – О.С.) (я выплакала, а то не давал) 70 р.;

Додка дал из своей зарплаты в НКП за первую половину октября (сам дал!) 75 р.;

Додка схватил со злобой на книги для доклада 5 р.;

Додка дал червонец «на виноград» (а мне послышалось «в награду»);

Додка подал 12 коп.;

У Додки «выменяла» на пятирублевку без отдачи последней 3 р.;

Додка дал из обоих жалований (о ужас – 70 р.) (АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 272. Л. 10–61).

Доход каждого из супругов был на уровне и даже немного выше средней заработной платы служащих (и значительно выше рабочих промышленного сектора) (Головин 2008: 179) – в среднем в месяц они получали 90 руб. каждый, но в удачные периоды, при учете всех гонораров, доход семьи мог достигать 500 руб. в месяц. Тем не менее денег постоянно не хватало. Д.А. Эпштейн и М.В. Нечкина не стеснялись брать в долг у знакомых небольшие суммы, но и сами охотно финансово помогали друзьям. Отдельной и регулярной статьей расхода была помощь родителям: Милица Васильевна ежемесячно отсылала в Казань деньги своей матери и ухаживавшей за ней старенькой няне Фене – не менее 60 руб. (чаще 80 или 100 руб.) и 40 руб. родителям мужа. Супруги регулярно ходили в театр или кино, покупали книги по профессии (на книги уходило 4–5 руб. в месяц) (АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 272. Л. 61) и иные материалы для работы (бумагу, каталожный ящик, карточки, лабораторный халат). Молодая семья привлекала помощников по хозяйству: у них работала девушка, которая стирала, убиралась и готовила («На стиранию» выдавали от 2 до 5 руб. в день.), были полотер, столяр и др. От прислуги супруги никогда не отказывались (переехав в Москву из Казани, М.В. Нечкина, даже живя одна, всегда имела домашнюю работницу). в этом вопросе Д.А. Эпштейн и М.В. Нечкина занимали принципиальную позицию: Милица Васильевна не должна была отвлекаться на домашние дела, чтобы больше времени посвящать научной работе и, соответственно, больше зарабатывать. Хотя далеко не все расходы фиксировались, М.В. Нечкина отдельно обозначала покупку дорогих продуктов: шоколада британской фирмы «Наполитен», икры, мандаринов, винограда, лососины. Возможность купить зимнюю одежду или мебель у супругов появлялась только после получения гонораров за статьи.

Изредка молодая семья приобретала дорогие вещи. Так, в 1927 г. Милица Васильевна купила мужу в подарок фотоаппарат (стоил «почти 100 рублей – 92 р. 50 к.» [АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 24]), отдав за него почти всю свою месячную зарплату. Писала она о своей покупке так: «Вы и Яков лопнете – ты от счастья, Яков от зависти <...> в момент решения его купить у меня было 40 рублей, я заняла 50 у мамы и купила, и в тот же день ты, поддерживая свою репутацию идеального мужа, прислал мне 70. Из них я 40 отдала маме...» (АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 26). Государственная политика поддержки научных работников и открывавшиеся возможности для карьерного роста (Пушкарева 2016: 80–82) серьезно отражались на повседневной жизни ученых: росла их покупательная способность, приобретались красивая мебель и редкие книги (М.В. Нечкина в письмах мужу, смеясь, называла это проявлением своей «мелкобуржуазной натуры» [АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 166] и удивлялась тому, «каким количеством барахла могут обладать два человека» [АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 452. Л. 153об.]). Во многом благодаря высоким доходам семье ученых удавалось избегать конфликтов: в тяжелых финансовых условиях Милица Васильевна не готова была терпеть неравный вклад в семейный бюджет (характерной для семей советских академиков была ситуация, когда жена не работала, а организовывала быт мужа, занимаясь домашним хозяйством). Союз Д.А. Эпштейна и М.В. Нечкиной нельзя назвать абсолютно типичным для советской научной среды – все-таки женщин-академиков было крайне мало. Тем не менее тетрадь доходов и расходов этой молодой семьи высвечивает основные финансовые вызовы, с которыми в большей или меньшей степени сталкивались все женщины-историки XIX – начала XX в.: нерегулярность доходов, необходимость жестко разграничивать

профессиональную деятельность и домашние обязанности, решение экономических проблем, возникающих в семье (именно на женщине лежала основная ответственность за обеспечение своих близких).

* * *

Таким образом, можно выделить следующие особенности экономического поведения женщин-историков XIX – начала XX в.:

- представительницы первого поколения зачастую воспринимали занятия наукой как аналог литературной работы или предпринимательства. Они вынуждены были изыскивать возможности для получения дохода от своей профессиональной деятельности (публикации переводов, статей, книг), для чего необходимо было постоянно развивать свои компетенции – осваивать новые языки, обучаться методам исторических исследований;
- представительницы второго поколения работали в условиях более жесткой конкуренции как с мужчинами, так и с женщинами-коллегами, и также были вынуждены серьезно вкладываться в свое образование. Институционализация женщин в академической среде привела к тому, что лучшие из них получили возможность преподавать на Высших женских курсах и смогли значительно повысить уровень своего дохода. Тем не менее профессиональные издания продолжали относиться к публикационной активности женщин с осторожностью. Финансовое положение почти всех исследовательниц резко ухудшилось с приходом советской власти, лишь немногие сохранили преподавательскую работу;
- только к середине 1920-х годов женщины-ученые смогли поправить свое материальное положение. Тем не менее «красная профессура» испытывала на себе социальную нестабильность, характерную для постреволюционного периода, и трудности совмещения научной работы и работы по дому, что негативно влияло на профессиональный рост и развитие женщин-ученых довоенной эпохи.

Источники и материалы

АГЭ – Отдел рукописей (архив) Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 63 (Н.Д. Флиттнер). Оп. 1. Д. 4, 6.

Андрияшев 1875 – Андрияшев А.Ф. Начальное обучение грамоте по звуковому способу. Киев: ред. Киев. нар. календаря, 1875.

АРАН – Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1820 (М.В. Нечкина). Оп. 1. Д. 272, 452.

Белозерская 1913 – Белозерская Н.А. Автобиография // Исторический вестник. Июнь 1913 г. Т. 132. С. 925–937.

Быков 1878 – Быков П.В. Русские женщины-писательницы. А.И. Ишимова // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 2. № 8. С. 316–321.

Гутнова 2001 – Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001.

Достоевский 2008 – Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. 1, 2. М.: Авторская книга, 2008.

Дроз 1831 – Дроз И. Искусство быть счастливым. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1831.

Житомирская 2008 – Житомирская С.В. Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2008.

Купер 1832 – Купер Дж.Ф. Красный морской разбойник: Повесть Фенимора Купера, авт.

- «Кормчего» и проч. СПб.: тип. А. Смирдина, 1832.
- Литвинова 1877 – Литвинова П.Я.* Азбука для народных школ: Сост. по звуковому способу для нагляд. обучения П. Литвиновой. Киев: тип. С.Т. Еремеева, 1877.
- Лобач-Жученко 1983 – Лобач-Жученко Б.* Літопис життя і творчості Марка Вовчка. Київ: Дніпро, 1983.
- Нюберг б.г. – Нюберг И.К.* Доисторическое // Сайт «Семейная мозаика». <http://rautian.ru/?story&id=830> (дата обращения: 01.12.2020).
- Общий обзор... 1866 – Общий обзор Демидовских наград за все время их существования с 1831 по 1864 год // Тридцать четвертое, и последнее, присуждение учреждённых П.Н. Демидовым наград. СПб., 1866. С. 21–56.
- РГАЛИ– Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 569 (Е.Н. Щепкина). Оп. 2. Д. 1, 3.
- Семевский 1883 – Семевский М.И.* Царица Прасковья. 1664–1723: Очерк из рус. истории Ми-хаила Семевского. СПб.: ред. журн. «Рус. Старина», 1883.
- Спаська 1928 – Спаська І.* Пелагея Яковівна Литвинова: нарис її життя та праці за її рукопи-сами та родинними документами // Етнографічний вісник. 1928. Кн. 7. С. 168–199.
- СПбФ АРАН– Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 885 (И.И. Любименко). Оп. 1. Д. 202. Л. 336.
- Уварова 2005 – Уварова П.С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Са-башниковых, 2005.
- ЦГИА – Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 113 (Петроградские Высшие женские курсы). Оп. 5. Д. 16.
- Эйкин 1833 – Эйкин Д.* Семейные вечера, или Собрание полезных и приятных рассказов для юношества. СПб.: тип. Деп. внеш. торг., 1833.

Научная литература

- Головин С.А.* Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 177–186.
- Долгова Е.А.* Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного ун-та, 2020.
- Кантимирова Р.И.* Проект уфимского губернатора П.А. Полторацкого (1883–1889) по совершенствованию работы органов местного управления // Научный диалог. 2018. № 6. С. 143–153.
- Пушкарева Н.Л.* Женщины-историки в России 1810–1917 гг. // Вестник Пермского ун-та. Се-рия: История. 2012. № 1 (18). С. 228–245.
- Пушкарева Н.Л.* Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских уче-ных в 1921–1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69–82.
- Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М.: Институт российской истории РАН, 2008.
- Сидорова Л.А.* “Эффект Магфея” в советской исторической науке 1920–1930-х гг. // Россий-ская история. 2017. № 4. С. 84–102.
- Zorin A., Korchmina E.S.* Karamzin and Money // Cahiers du Monde Russe. 2018. Vol. 59. No. 1. P. 117–140.

Sekenova, Olga I.

Professional Income and the Patterns of Economic Behavior of Russian Female Historians of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/201-214

The article focuses on the transformation of the everyday professional life of Russian female historians of the second half of the 19th century – 1920s through the prism of changes in their professional income and patterns of economic behavior. Based on ego-documentary sources, documents on the academic salaries, and the preserved records of income and expenses belonging to female historians, the study analyzed the impact of career changes on their income, the structure of expenses, and the issues of family budget management among scientists. The generational approach allows us to see the differences in the economic behavior of women historians of different generations. The first generation often perceived science as an equivalent of literary work or entrepreneurial activity, using paid publications as a source of income, which required increasing their competitiveness - learning new languages and mastering historical research methods. The second generation of Russian female historians had to work under a tougher competition; both men and other female students had to invest heavily in their education. In the late XIX – early XX centuries, women's part in the academic environment was institutionalized, so the best of them could work as teachers in the Higher Courses for Women, which provided them with a much higher income. With the establishment of the Soviet Union, almost all female researchers suffered a dramatic setback in their financial situation, and only a few of them were able to keep their teaching jobs. Only in the mid-1920s, the third generation of female historians who belonged to the “red professors” felt the improvement in the financial situation; nevertheless, social instability and the need to combine scientific work with the “second shift” consisting of housework continued to affect professional growth and development of many female scientists of the pre-war era.

Keywords: *female historians, economic behavior, everyday history*

For Citation: Sekenova, O.I. 2021. Professional Income and the Patterns of Economic Behavior of Russian Female Historians of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 201–214.

Author Info: **Sekenova, Olga I.** – Senior Lecturer, Tula State Pedagogical University (Tula, RF). E-mail: jkzkzray@mail.ru

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Dolgova, E.A. 2020. *Rozhdenie sovetskoi nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* [The Birth of the Soviet Science: Scientists in 1920–1930^s]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta.
- Golovin, S.A. 2008. Imushchestvennaia differentsiatsiia dokhodov naseleniia SSSR v 20–30-e gody XX veka [Property Differentiation of Household Income in the USSR in the 1920–1930^s]. *Izvestiia RGPU im. A.I. Gertsena* 66: 177–186.
- Kantimirova, R.I. 2018. Proekt ufimskogo gubernatora P.A. Poltoratskogo (1883–1889) po sover-

- shenstvovaniiu raboty organov mestnogo upravleniia [Project of Ufa Governor P.A. Poltorarsky (1883–1889) on Improving the Work of Local Authorities]. *Nauchnyi dialog* 6: 143–153.
- Pushkareva, N.L. 2012. Zhenshchiny-istoriki v Rossii 1810–1917 gg. [Women-Historians in Russia in 1810–1917]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriiia* 1 (18): 228–245.
- Pushkareva, N.L. 2016. Kogda zarplaty byli bol'shimi: material'noe pooshchrenie sovetskikh uchenykh v 1921–1953 gg. [When Salaries were Really Big: Material Incentives for Soviet Scientists, 1921–1953]. *Rossiiskaia istoriia* 6: 69–82.
- Sidorova, L.A. 2008. *Sovetskaia istoricheskaia nauka serediny XX veka: sintez trekh pokolenii istorikov* [Soviet Historical Science in the Middle of XX Century: The Synthesis of 3 Generation of Historians]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN.
- Sidorova, L.A. 2017. “Effekt Matfeia” v sovetskoii istoricheskoi nauke 1920–1930-kh gg. [“The Matthew effect” in Soviet Historiography of the 1920–1930s]. *Rossiiskaia istoriia* 4: 84–102.
- Zorin, A., and E.S. Korchmina. 2018. Karamzin and Money. *Cahiers du Monde Russe* 59 (1): 117–140.

«РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ ВОСТОКА» В 1920-Е ГОДЫ: ИДЕОЛОГИЯ, ПРАКТИКА И КИНЕМАТОГРАФ

В 1920-е годы советская власть предприняла серьёзную попытку деконструировать патриархальную идею женского подчинения и разорвать связи с архаичными традициями, веками бытовавшими на территории Средней Азии, расширить права и возможности женщин. Эта политика нашла свое отражение в движении Худжум, которое символизировалось сожжением лицевого покрывала – паранджи. Частью новой идеологии стали первые кинокартины (немое кино) Средней Азии, посвященные восточной женщине – традиционной и стремившейся к новой жизни. Поскольку женские образы служили олицетворением общественно-политических преобразований, изменения в их социальном положении напрямую связывались с художественной репрезентацией в кино. В этой связи, показательны узбекские фильмы 20-х годов («Мусульманка», «Вторая Жена», «Шакалы Равата», «Чадра», «Прокажённая» и др.) Автор показывает, что эти фильмы построены на принципах прямой бинарной оппозиции (старое – новое, плохое – хорошее), сюжетной однотипности, ориентализме (все режиссеры – не местные), частичной мифологизации и заданном конструировании образов. Героини фильмов следуют по пути «освобождения» мусульманской женщины, не допускающего выбора.

Ключевые слова: Худжум, идеология, кинематограф, образ женщины, узбекское кино

Ссылка при цитировании: Хан О.В. «Раскрепощение женщины Востока» в 1920-е годы: Идеология, практика и кинематограф // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 215–229.

Становление советской власти в Средней Азии положило начало эмансипации женщин, а также заложило основы гендерного равноправия. Попытка сдвигов в женском вопросе началась еще в начале XX века и выразилась в противостоянии «прогрессистов» (джадидов) и «традиционалистов». Впоследствии оно продолжилось между сторонниками и противниками движения «Худжум». Призывая обращаться с женщинами с почетом, уважением и справедливостью, джадиды, в поисках легитимации своих взглядов, не могли не учитывать идейных основ ислама. В своих произведениях известные просветители того времени – М. Кори, М. Бехбудий, А. Кодирий, Х. Ниёзий, А. Фитрат, А. Чулпан – выдвигают идею защиты прав женщин, поднимают вопрос об их образовании, так как женщины – «воспитатели нации», а будущее нации напрямую зависит от уровня их образованности. Так, Махмудходжа

Хан Ольга Валерьевна – аспирантка, университет Чунг-Анг (06974, #120, Art Center (301), Chung-Ang University, 84 Heukseok-Ro, Dongjak-Gu, Seoul, Republic of Korea), Эл. почта: helgafrey@naver.com. <https://orcid.org/0000-0002-3185-248X>

Бехбудий писал: «Женщина рождает, воспитывает и доводит до уровня великой личности мудрецов. Женщины достойны самого глубокого уважения» (*Бехбудий* 1997: 16), а Мунаввар Кары Абдурашидханов осуждал ношение паранджи, считая это явление архаичным (см.: ЦГА РУз, ф. 461, оп. 1, д. 1260, л. 34)

Изменение положения мусульманских женщин рассматривалось джадидами как элемент комплексных реформ в попытке по преобразованию местного традиционного общества. Полигиния, ранние браки, односторонние бракоразводные права для мужчин, основанные на шариате (исламском праве), расценивались реформаторами как основные факторы цивилизационной отсталости, нуждающиеся в искоренении. И даже после советизации региона «женщины Востока» определялись как наиболее угнетенная категория в сравнении с европейской частью населения, «ибо к классовому и семейно-бытовому гнёту здесь присовокуплялся национальный гнёт... Женщина была на положении домашнего обихода, вещи, частной собственности мужчины. Как вещь, её покупали и продавали за калым (выкуп)» (*Татыбекова* 1975: 12–13). В книге устных историй женщин Узбекистана «Судьбы и время»¹ Халима Насырова делится печальной историей Султанхан – сестры писателя Камила Яшена: «Еще совсем девочкой её продали за калым богатому человеку. Жизнь её ограничилась стенами ичкари, даже к родне её не пускали. Лишь раз в год муж провожал её, закутанную в паранджу, к родным, провожал вечером, чтобы никто не увидел её. Это была единственная её радость. И снова целый год она сидела запертая в четырех стенах, ожидая, когда придет единственный ее праздник» (*Тохтаходжаева, Абдуразакова, Кадырова* 2004: 24). Описанный выше традиционный принцип разделения домов узбеков на мужскую и женскую половины также подчинялся особенностям уклада жизни согласно законам ислама, и был тесно связан «с положением женщины, сохранением её традиционной изолированности» (*Нильсен* 1998: 30). Н. С. Лыкошин в своей книге 1916 года пишет, «дом туземца делится на две половины – «ичкари» и «ташкари». Только в наружную половину, «ташкари», можно войти, не посягая на неприкосновенность помещения женщин, ведущих затворнический образ жизни и тщательно скрывающих лицо своё от постороннего взгляда» (*Лыкошин* 2013: 18). Выходя из дома, узбечки надевали паранджу – верхнюю одежду наподобие халата с ложными рукавами, скрывающую практически все тело, а лицо прятали за чачваном – чёрной сеткой из конского волоса. Рахбарой Олимова² вспоминает как в один из дней её тети пришли к старшему брату и сказали: «Гафур, смотри. Твоя младшая сестра выросла. Теперь она должна надеть паранджу. Мне было двенадцать. Они надели на меня покрывало. «Я не могу ходить, я не могу ходить», – первым делом сказала я. Несколько дней мне всё казалось настолько тёмным, что я не могла ходить» (*Камп* 2006: 154).

Традиция носить паранджу напрямую связывалась с «отсталостью» примитивного Востока, так что любая попытка отменить её ношение имела бы большой международный резонанс: паранджа безусловно создавала резкий визуальный контраст между тёмной, мрачной изолированностью и ярким светом, и прогрессом советского будущего (Northrop 2004: 81). В Узбекистане официальный указ против паранджи и чачвана был предложен и принят в 1929 году.

¹ Книга составлена из устных жизненных рассказов, писем и дневниковых записей женщин Узбекистана, и охватывает более чем 80-летний период – от первых послереволюционных годов до наших дней.

² Подробное интервью с Рахбарой Олимовой приводится в книге Марианны Камп «The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism». Она родилась в Ташкенте в 1908 году и сбросила паранджу в Международный женский день, 8 марта 1927 г.

Худжум

Партийные лидеры и руководители женотделов взяли на вооружение марксистскую интерпретацию среднеазиатского общества, в которой восточные женщины представлялись в качестве «суррогатного пролетариата» (Щурко 2015). «Отсталые нации» в силу их общего угнетенного положения являлись пролетариями по отношению к более «культурным» нациям, превратившись во всемирный эквивалент западного рабочего класса» (Слезкин 2001: 335), а женщины как наиболее угнетённая масса стали считаться самыми пролетарскими пролетариями. Представители советской власти сочли необходимым устранить т.н. притеснение мусульманских женщин, унаследованное со времен ханов и царей, путем оказания им поддержки, но не с каким-либо филантропическим мотивом, а с намерением увеличить рабочую силу для производства хлопкового сырья и получения содействия в создании социалистической экономики (Ibrahim 2013: 48). Чтобы изменить жизнь узбекских женщин, была организована кампания по снятию паранджи – «Худжум», ключевым символом которой стало публичное снятие паранджи и сжигание её в огне. Ликвидация паранджи послужила первой ступенью к перемене традиционного быта, а как следствие, интеграции женщины во внешнюю общественно-политическую среду. Также считалось, что Худжум объединит местных женщин «под девизом равенства и освобождения для женского пола» (Greene 2012).

Стремясь создать новое социалистическое государство, Советская власть рассматривала женское образование, труд и общественную деятельность как демонстрационные индикаторы уровня «светскости» в стране, и одновременно – средствами достижения модернизации государства. Большевистский проект по раскрепощению «женщины Востока» носил социально инструменталистский характер: основная цель заключалась не только в установлении прав и индивидуальных свобод женщин ради них самих, но и масштабнее – в изменении роли женщин в интересах широких социальных преобразований. Социалистическая модернизация требовала участия всех граждан – и мужчин, и женщин – в общественном производстве, как для трансформации сознания граждан в целом, так и для достижения быстрейшего экономического прорыва (см.: Kamp 2006: 67). Учитывая специфику положения мусульманской женщины в семье и обществе, правительство начало создавать особые рабочие места только для женщин – открывались специальные женские клубы, красные чайханы и красные юрты, дабы помочь женщинам интегрироваться в новые социальные структуры. Кроме того, Советы развернули ряд идеологических кампаний в форме печатного дискурса, направленных на формирование приемлемой социальной идентичности. В отличие от мужчин, для узбечек выпускались книги и женские журналы, которые не только пропагандировали новые ценности и взгляды, но и способствовали пониманию советского мира (Constantine 2007: 116–117). Благодаря их деятельности, только с 8 Марта 1925 г. по 8 Марта 1926 г. число женских клубов увеличилось по Туркестанскому краю с 13 до 26, объединив в одном Узбекистане более 3 тыс. женщин (Любимова 1926: 58). Также было издано несколько законов, отменяющих архаичные обычаи, бытовавшие веками на территории Средней Азии, например, декреты об отмене калыма и повышении брачного возраста, запрещались многоженство и принудительная выдача девушек замуж.

Худжум и все связанные с ним политические изменения открыли возможности для узбекских женщин, которые трудно было вообразить до начала кампании. Многие

женщины присоединились к женотделам, свыше 90 тыс. узбечек с марта по май 1927 г. перестали носить покрывала. Однако осуществление фактического равноправия осложнялось тем, что в повседневной жизни продолжало действовать множество патриархально-религиозных установлений, нормировавших семейный уклад. Цивилизаторскую работу с «угнетёнными» можно оценивать в рамках понятия о «двойной колонизации»¹, согласно которой женщины в странах, возникших в результате колонизации, «были вдвойне колонизированы как имперской, так и патриархальной идеологией» (*Parry 1995: 36*). Философ Гаярти Чакраворти Спивак² в своих работах касается вопроса о позиции «вдвойне угнетенной коренной женщины», пойманной между господством местного патриархата и иностранного – маскулинно-империалистического, между традицией и модернизацией, культурализмом и прогрессом; ведь для местных мужчин женщина виделась кем-то на границе между человеком и животным, а для большевиков каждая женщина в парандже являлась «символом угнетенности, отсталости и примитивизма в царской (капиталистической) империи, нуждающаяся в немедленной советской эмансипации» (*Northrop 2007: 99*). Первые успехи кампании привели к тому, что 100 000 узбечек (около 6% от общего числа в Узбекистане) сняли паранджу вскоре после 8 марта, однако, согласно десяткам внутрипартийных отчетов, подавляющее большинство вновь её надели (*Northrop 2004: 97*). Для многих женщин, чья жизнь регулировалась исламскими нормами, отказ от паранджи как части естественного порядка, вековой традиции, собственной культурной идентичности обернулся непростой дилеммой. В итоге многие вновь надевали паранджу: кто-то из страха поддавался семейному давлению, другие не привыкли появляться на публике непокрытыми, остальные же считали, что показывать свои лица – грех. Как отмечает Дуглас Нортроп³, категорию «временно снявших паранджу» трудно причислять к тем, кто выступал за снятие паранджи, или к тем, кто был против модернизации. Многие женщины появлялись без паранджи в семейном кругу и на собраниях, а также в Новом городе, но в собственной махалле и деревнях ходили в парандже. Когда на местных хлопкообрабатывающих и молочных заводах появлялись рабочие места, претендовать на них могли только женщины, сбросившие паранджу. Поэтому большинство оставляло дома свои покрывала, чтобы подать заявление, но как только уходили, надевали их снова (см.: *Northrop 2007: 97*). А Марианна Камп показывает, что паранджа была не просто символом мусульманки, её снятие автоматически влекло за собой ярлыки, касающиеся морального облика женщины, её поведения, доходя до прямого обвинения в проституции: «Дискомфорт был не только внутренним, религиозным и психологическим: его воспроизводили внешние слухи и угрозы. Ассоциативная связь между снятием покрывала и проституцией подкреплялась слухами, так что любая узбечка без покрывала, независимо от её характера, скорее всего называлась шлюхой на улице, а ложные слухи о её действиях быстро распространялись по окрестностям» (*Kamp 2006: 169–170*). В целом, М. Камп рассматривает «Худжум» не как борьбу с религиозными предрассудками, а как насилие государства над обществом, при котором государство не институционализировало сложившиеся практики социальной жизни, а навязывало их (*Kamp*

¹ Термин, придуманный Кирстен Холст Питерсон и Анной Рутерфорд, отсылает к тому, что женщины одновременно испытывали угнетение колониализма и патриархата.

² См.: *Can the Subaltern Speak? Reflections on the history of an idea*, 2010.

³ Дуглас Нортроп – автор знаковой книги «*Veiled Empire. Gender and Power in Stalinist Central Asia*», 2003.

2006). За отказ женщины снять паранджу, их мужья подвергались наказанию, вплоть до исключения из партии. Помимо пропаганды и массовых демонстраций, у Коммунистической партии были свои методы поощрения за снятие паранджи и наказания за отказ: существовали награды для сбросивших паранджу женщин, но параллельно оказывалось давление на мужчин – партийных работников грозились исключить из партии, а беспартийных лишиться работы, если их жёны не снимут покрывала. В конце 1920-х годов партия также усилила наказания за препятствование снятию паранджи, оправдывая легитимность проводимой политики её эффективностью.

Поддержание имиджа империализма (или глобализации) как основоположника благоустроенного общества зачастую сопровождается поддержкой женщины как объекта защиты от своего же рода (мужчин)¹, и в данной ситуации женщина вновь оказывается пойманной между программой «нормализации» со стороны государства и непринятием проводимой политики со стороны мужчин. Это привело к радикальным результатам – действия кампании спровоцировали ещё большую сплоченность местного населения вокруг символов мусульманской идентичности: отмечалось значительное увеличение числа молящихся и собраний в мечетях, родители-мусульмане повсеместно забирали детей, особенно девочек, из советских школ, а по самому региону прокатилась волна убийств и насилия над женщинами, которые в глазах традиционного населения нарушали общинные нормы. Попытки женщин добиться гендерного равноправия встретили жестокое сопротивление со стороны мужчин – те, кто сбросил паранджу, подвергались унижениям, преследованиям и угрозам. Не только местные мужчины, но и представители духовенства решительно протестовали против любых попыток изменить устоявшуюся систему, для которых женщина без паранджи «представляла чуждый, колониальный образ, порочный, с неопределенным отношением к ответственности за семью и явным отрицанием Бога и Его закона» (*Northrop* 2007: 99). Стремление к либерализации спровоцировало массовое насилие в отношении женщин и привело к многочисленным «убийствам чести», многие женщины по всей республике были изувечены. В своей книге «*The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*» М. Камп приводит различные интервью с очевидцами и участницами движения, дающие представление о первых днях Худжума и его последствиях. «Они перерезали глотки, басмачи, они напали на узбекских женщин и резали их ножом», – вспоминает Рахбарой Олимова, которая сняла паранджу 8 марта, 1927 года. – «Я сбежала к старшему брату. И спряталась там. После этого я получила коммунистическое образование» (*Kamp* 2006: 158). В 1927–1928 гг. в ходе Худжума только в Узбекистане из числа членов женотделов, заведующих клубов и библиотек погибло свыше 2500 женщин (*Базаров* 1997). «Убийства чести» считались эффективным способом держать женщин в страхе, вынуждая последних отказываться от общественной жизни, и служили напоминанием об их месте в социальной иерархии. Расправы и насилие также были призваны продемонстрировать, что местная патриархальная община обладает большей властью над действиями женщин, чем государство. Среди известных убитых женщин были Нурхон Юлдашева и Турсуной Саидазимова, актрисы и танцовщицы, которые выступали на сцене, открыв лицо. Очевидица событий тех времён вспоминает о печальной судьбе

¹ Здесь можно вспомнить о сентенции, сконструированной Гаярти Чакраворти Спивак – «Белые мужчины спасают коричневых женщин от коричневых мужчин», рассматриваемую в качестве коллективной фантазии в рамках коллективного империалистического проекта.

Турсуной: «Она была действительно лидером, актрисой. Её убил муж, зарезав ножом. Он изрезал её лицо со словами: «Пусть она станет уродливой». Но это не закончилось уродством, она умерла» (*Kamp* 2006: 162).

Кино как средство пропаганды

С возникновением новых технологий, распространение информации и пропаганды получили дополнительные возможности в XX веке. Поскольку пропаганда носила массовый характер, это не могло не затронуть первые фильмы, снятые в регионе. На кино, как символ технического прогресса и современности, возлагались функции по выполнению агитационно-пропагандистских задач по мере того, как культура становилась более действенным инструментом по формированию новых образов и поведенческих моделей в общественном сознании. Символическая социальная реальность, «состоящая из любой формы символического выражения объективной реальности, такой как искусство, литература или содержание СМИ» (*Adoni, Mane* 1984: 326), стала неотъемлемой частью диалектического процесса социального конструирования, где люди выступают и как создатели, и как продукты социального мира.

Узбекистан, в котором собственная киностудия появилась в 1925 году, был единственной среднеазиатской республикой, где снимали «немое» кино. Для культурной и политической элиты кинематограф виделся идеальным средством для борьбы с религией, классовым или гендерным господством, а также для активизации протестов против «старомодных традиций» и гнёта. В.И. Ленин, И.В. Сталин или Л.Д. Троцкий сразу же предприняли меры по контролю кинематографа для трансформации и просвещения масс, а также внедрения пролетарской и атеистической культур, способных заменить прежние нормы и по-новому унифицировать верования и ценности. Однако использование театра или кино в качестве вектора культурных изменений было также высоко оценено, хоть и в менее концептуальном виде, некоторыми представителями мусульманской туркестанской элиты, которые ещё в 1913 году пришли к выводу, что исполнительское и изобразительное искусство может помочь обществу понять его болезни и таким образом преодолеть их (*Drieu* 2010: 532).

Кинематограф представлял собой универсальную модель масштабной трансляции идеологических установок и максимально охватывал советское население. Исследователь раннего узбекского кинематографа Хлоя Дрю (*Drieu* 2010: 536) использует один из введенных Ж. Эллюлем терминов «субпропаганда» для обозначения той фазы, когда политические и идеологические силы были направлены на установление социального, культурного и политического контроля, достигнутого в итоге к концу 1930-х годов. Под «субпропагандой» Эллюль подразумевал «социологическую пропаганду», так называемый медиум для дальнейшего осуществления прямой пропаганды. Он подчеркивает роль фильмов, как одного из инструментов социологической пропаганды, чья пропагандистская составляющая зачастую пронизана подсознательными идеями режиссера; характеристики «новой морали», а также и новые образы, возникают в фильмах «помимо воли автора, на втором плане развития сюжета, как бессознательная реакция общества на изменения, происходящие в стране» (*Смагина* 2018: 176). Таким образом, фильмы как носители социологической пропаганды формируют понятия о добре и зле, повышают внушаемость индивидов, задают критерии суждений и выбора, а также способны сформировать «новый образ

жизни» или обычаи. Кроме того, сама социологическая пропаганда может трансформироваться в прямую пропаганду, совершив плавный переход от простого спонтанного утверждения об «образе жизни» к целенаправленному «утверждению истины» (Ellul 1973: 66). Можно выделить два вида узбекских фильмов немой эпохи, срежиссированных в исключительно пропагандистском ключе: «антирелигиозные» фильмы, обличающие практики и религиозные авторитеты мулл, ишанов или дервишей, и фильмы об эмансипации мусульманских женщин.

Идеологи советского государства поставили перед собой задачу построения «нового советского человека», где одна из основных ролей отводилась женской части населения страны. Роль женщин и мужчин в мире природы и культуры является одним из главных предметов гендерной антропологии и занимает центральное положение в социальном воспроизводстве культуры. А образ восточной женщины в региональном кинематографе 1920-х годов можно считать «центром и средоточием проблематики, так как это давало лучшую возможность для наглядного отображения сущности происходящих исторических перемен» (Агаева 1985: 17). Зачастую в социальных проектах применение одинаковых культурных ресурсов для продвижения своих целей, в том числе и насаждение визуальных образов, так как «сфера визуальных знаков и образов рассматривается как значимая часть реальности» (Захарова 2005: 9), используется теми, кто занимает решающие властные позиции, для навязывания населению выгодных определений реальности. Помимо отражения подлинных событий, кино активно занимается конструированием и производством представлений и образов, делая женский образ полифункциональным и претендующим на роль доминантного, поскольку «груз репрезентаций» или «насаждаемой идентичности» приходится нести по большей части женщинам, которые во многих культурах фигурируют как носители идентичности, причем как на личном, так и на групповом уровне. Следовательно, женщины, воплощающие границу общности, должны выглядеть и вести себя соответствующе.

Образ восточной женщины в эпоху немого кино

В 1925 г. в Бухаре состоялся показ первого совместного российско-узбекского фильма «Минарет смерти». Картина представляла собой «крайне ориенталистский и экзотичный» (См. Антова 2020: 1) приключенческий киноман, о чём можно судить по обилию сцен с томными наложницами в бассейне, погоням и массовым сценам. Экранные события разворачиваются вокруг приключений дочери хивинского хана Джемаль и её молочной сестры Селихи, а сам фильм фокусируется на дореволюционном прошлом, где образ «восточницы» представлен в несколько ином контексте, отличном от традиционного изображения женских персонажей, освобожденных от паранджи. Здесь в центре повествования женщина «не только освобожденная от феодального строя, но и принимающая самостоятельное решение быть с любимым и дошедшая до своей цели» (Машиурова 2018: 66). Вслед за «Минаретом смерти» практически один за другим начали выходить картины на историко-революционную тему, такие как «Мусульманка» (1925), «Вторая Жена» (1926), «Шакалы Равата» (1927), «Чадра» (1927), «Прокажённая» (1928) и т.д. Фильмы на восточную тему пользовались успехом у зрителей и это объяснялось тем, что их снимали опытные режиссеры, участвовавшие в становлении узбекского кино: В. Висковский

(«Минарет смерти»), Д. Бассальго («Мусульманка»), М. Доронин («Вторая жена»), К. Гертель («Шакалы Равата»), О. Фрелих («Прокажённая») и др.

Образ женщины был одним из основных в советской мифологии, был призван разрушить все старые представления о женщине и не допускал дискуссии (Ажгихина 2000: 262). Так, М. Геллер пишет: «Цитатность советского языка связана с тем, что используемая цитата несет в себе ответ на вопрос, который может быть задан. Советский язык — язык утверждающий, отвечающий, но не спрашивающий» (Геллер 1994: 272). Начинает формироваться новая гендерная мифология, генерализирующим понятием которой становится оппозиция старое — новое, где «освобожденная женщина Востока» протестует против традиционного уклада жизни. Строгие культурно-визуальные коды, иллюстрирующие то, какой должна быть «новая женщина» и кто ею может называться, чаще всего разрабатывались с целью удержать женщин на определенных социальных позициях. Первые фильмы транслировали в массы примерно один и тот же сценарий: женщина уходит от патриархального мужа, уезжает учиться, сходится с любимым мужчиной, несмотря на обстоятельства. Сюжетная однотипность воспроизводилась в том числе с целью «индоктринировать непосредственно в сознание восточной женщины определенную модель поведения» (Апостолов 2018: 11). Образы несчастной узбечки и эмансипированной женщины встали во главе бинарной оппозиции «нового-хорошего-советского» и «старого-плохого-традиционного» (Каримова 2016: 215), визуально разделяя женское сообщество на два противоположных полюса. Несчастливая героиня представляла собой безграмотную, забитую женщину с тяжёлой судьбой, никак не противостоящую ни среде, ни стихии (см.: Хлопонина 2017: 143), и неспособную сопротивляться ни мужу, ни старшим женам, ни муллам. На таком контрасте разительно преобразование женщины в социально активную и «идеологически грамотную» героиню — отвергая устаревшие обычаи и религию, она самостоятельно принимает решения о вступлении или невступлении в брак, а «новая власть и помощь более удачливых «советских товарищей» дают прежней жертве уверенность» (Хлопонина 2017: 143) (напр., «Мусульманка», «Чадра», «Шакалы Равата»). Основным сюжетным мотивом становится путь женщины от старой жизни к новой, её трансформация из жертвы старой (традиционной) жизни в героиню нового времени, чьё предназначение заключается в том, чтобы «конструировать иные, отличные от прежних, женские поведенческие паттерны за счет внедрения новых моральных норм поведения, нового образа мышления и речи, формирования нового повседневного имиджа» (Смагина 2019: 166). По мере роста идеализации нового образа, элементы нарядов освобожденных узбечек, головные уборы и прически также отражают их недавно сформированную советскую идентичность.

С. Смагина (см.: Смагина 2019) уточняет, что понятия «советская женщина» и «новая женщина» не тождественны, так как во втором случае мы имеем дело с устойчивой идеологической конструкцией, однородной, конвенциональной, нетипологизированной. Она делает акцент на брошюре Александры Коллонтай «Новая мораль и рабочий класс» (1919), где первая глава так и называется — «Новая женщина». Данный образ Коллонтай относит к «пятому» типу литературных героинь¹, обозначая его как «хо-

¹ Выделяются четыре традиционных женских типа в беллетристике: 1) «чистая» и милая девушка, роман которой заканчивается благополучным замужеством; 2) жена, страдающая от измены мужа или сама повинная в адюльтере; 3) старая дева, оплакивающая неудачную любовь своей юности; 4) «жрица любви», жертва печальных условий или собственной «порочной» натуры.

лостую женщину» (Смагина 2019: 259)¹. «Новая женщина» в определении Коллонтай независима от мужчины, «её интересы всё шире и шире выходят за пределы семьи, дома, любви» (Коллонтай 1918: 21–22), а главной целью является служение партии, агитация, работа, идея. Однако в фильмах о «восточницах» именно любовь даёт толчок к социальному и политическому прогрессу, эмансипации женщин и освобождению от классового господства. Так, в «Мусульманке» возлюбленный главной героини помогает той избежать навязанного брака со старым баем, и девушка уезжает учиться в Москву. Здесь, на фоне идеологии свободного выбора и прогрессивного будущего, «семиотически значим возраст персонажей: все похотливые «хозяева» и соблазнительли, принадлежащие «старой» жизни, — пожилые, тогда как новая жизнь персонифицирована молодостью» (Хлопонина 2017: 143). Поэтому немаловажный сегмент заняли сюжеты, в которых женщины становились жертвами брачных традиций, либо боролись против них. Адолят («Вторая жена», 1926), в пятнадцатилетнем возрасте взятая второй женой в дом Таджибая, становится жертвой интриг первой жены Таджибая и его брата. В «Шакалах Равата» (1927) Каромат выдают замуж третьей женой за старого бая, который всячески унижает её. Тилляой («Прокажённая», 1928) против собственной воли вступает в брак с сыном богатого купца; в доме мужа её не считают человеком, она подвергается избиениям. Саодат («Мусульманка», 1925) хотят насильно выдать замуж за старого, но богатого Ахмет-бая.

Говоря о феминистском дискурсе в фильмах данной периодики, он не всегда означает торжество женщины над устаревшими нормами, царящими в социуме. Зачастую это просто постановка вопроса и риск героини в поисках собственного пути, который может привести в том числе к гибели (Смагина 2019: 97). Так, в фильме «Прокажённая» Тилляой, которую по местным обычаям выдают замуж за Саида-Вали, несчастлива с мужем. Влюбившись в сына уездного офицера, девушка решается на измену. Однако в политике и коммерции женские тела нередко исключают из коллективного «мы» и они быстро становятся объектом другого рода, неся в себе свойства «инаковости» (Григорьева, 2004: 23). Офицер уезжает из города, а Тилляой с позором выгоняют из дому. В поисках ночлега девушка попадает в лагерь прокажённных – это своего рода символическая аналогия между отверженными обществом прокажёнными и «иной» Тилляой, изменившей мужу, а по сему тоже «отверженной». Позже на большой дороге девушка видит всадников и просит их о помощи, но те, приняв её за прокажённую, бьют Тилляой плетью. Героиня погибает под копытами лошадей. Адолят из «Второй жены» вопреки традициям решается уйти от мужа и его жестоких родственников. Но отец девушки отказывает Адолят в приюте и по законам шариата беглянку силой возвращают в дом мужа, где сначала отнимают ребёнка, а после запирают в подвале и подвергают унижениям. В конце фильма девушка погибает в пожаре, охватившем подвал. Кадр с умирающей Адолят сменяется надписью на чёрном экране: «И потухла жизнь в глазах Адолят – жертвы старых, жестоких законов». Так, на примерах несчастных судеб Тилляой и Адолят не только показан своего рода вызов архаичным традициям, но и поднимаются вопросы о незащищенном положении восточной женщины и отсутствии механизмов социальной адаптации для женщин, попавших в трудные жизненные обстоятельства.

Советская власть оказала сильное влияние на новые возможности самореализации в области продвижения кино для местного населения. Кадровая проблема являлась

¹ См.: «Новая женщина» в Советском кинематографе 1920-х гг. как феномен.

одной из острых проблем раннего узбекского кино, поэтому процесс подготовки будущих кинематографистов проходил непосредственно на съемочных площадках, где на практике осваивались технические и эстетические особенности кино. На созданной в 1925 г. в Ташкенте первой узбекской кинофабрике «Шарк Юлдузи» («Звезда Востока», с 1936 г. – «Узбекфильм») открылись актерские мастерские, где слушатели получали уроки актерского мастерства (Красина 2020: 205). Для женщин профессиональная деятельность стала возможной в сфере сценической и экранной культуры – в театре, кинематографе. В 1926–1928 гг. несколько сценариев немых фильмов («Вторая жена», «Прокажённая», «Крытый фургон», «Шакалы Равата», «Из-под сводов мечети») было написано ташкентскими писательницами Лолахон Сейфуллиной и Валентиной Сობерей. Многие сценарии представляли собой истории в духе «Ромео и Джульетты», но с присущим для центральноазиатского региона этническим колоритом. Однако все женские роли в основном исполнялись русскими или татарскими актрисами вплоть до 1937 года, хотя «играть им приходилось не столько психологически выписанные национальные характеры, сколько социальные типы на экзотическом восточном фоне» (Граценкова 2014: 78). В съемках массовых сцен «Второй жены» приняло участие более 300 узбеков и узбечек (Каримова 2016: 98), там же впервые в качестве актрис участвовали женщины-узбечки — Уктамхон Мирзабаева и Зухра Юлдашбаева, до этого из-за ношения паранджи узбечки не могли появляться с открытыми лицами (Каримова 2019: 22). В своей монографии «Игровой кинематограф Узбекистана» Н. Каримова приводит воспоминания Уктамхон и Зухры: «По объявлениям, через знакомых подбирались актеры и натурщики. Приходили многие, думая, что дадут какую-то работу, после многих уговоров, женщины снимали чачван, открывая лицо, но, узнав, что будут сниматься в кино, да с открытым лицом перед незнакомыми мужчинами, попросту бежали!» (Каримова 2016: 98, Советский Экран 1926).

В кино советская власть олицетворяла собой первого защитника женщин и их детей (Хлопонина 2017: 143), а Красная Армия – «верных друзей». В «Мусульманке» советская власть способствует пробуждению самосознания у главной героини Саодат, а также её освобождению. В «Шакалах Равата» красноармейцы спасают Каромат от басмачей, а после освобождают от «шакалов» – басмачей и баев – и весь кишлак Рават. В данном фильме Красная Армия не только символизирует порядок, эмансипацию и защиту, но и толчок к грамотности, так как именно от солдат Каромат получает первые уроки письменности. А героиня фильма «Невеста ишана» (1931) Хакима, пытаясь уберечь свою дочь Ойнисо от брака с ишаном, позволяет той бежать в комсомол – единственное место, которое она считает безопасным. Как правило, счастливый финал фильма зависел от «правильного» выбора, сделанного женщиной. Если она обращалась за помощью к советским друзьям, её спасали от мужа-тирана, но, если женщина оставалась пассивной, она погибала в конце. Анализируя образы освобожденных восточниц в кинематографе сталинской эпохи, А. Апостолов делает вывод, что «вся потенциальная разница сводилась к тому, умирали ли героиня от рук отца или мужа, непременно натравленного на неё муллой, в неравной схватке за своё освобождение или добивалась его, благодаря чему могла выразить в финале личную признательность советской власти, как это сделала, например, героиня фильма «Мусульманка» (Апостолов 2018: 10), провозглашая в финале: «Я вернусь и отдам свою жизнь на борьбу за свободу женщин и Красную Москву» (Советское кино 1925).

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что идеальный образ того времени носил черты женщины равной мужчине как в государственной, так и в частной сферах, экономически самодостаточной, имеющей равный доступ к выгодам рынка труда, образованию и медицинскому обслуживанию. «Освобожденная» от патриархального ига женщина становится не только товарищем, но и частью амбициозного большевистского проекта по созданию «новой женщины» – проводника идеологии нового мира (Смагина 2019: 93). А кино помогало транслировать в сознание людей правильное представление об обществе, надлежащие стандарты жизни и избегало любых насмешек над законом, а все сравнительные сюжетные линии были призваны продемонстрировать одно – «свободу решений и передвижений, возможную только в условиях нового общества и нового быта» (Хлопонина 2017: 145).

Источники и материалы

- Антова 2020 – Антова С. Взгляд на советское прошлое: кино Центрально Азии с Хлоей Дриё // Central Asian Analytical Network [Электронный ресурс]. 18.06.2020 // Код доступа: <https://www.caa-network.org/archives/19974>.
- Советский Экран 1926 – Советский Экран, 1926. № 24.
- Советское кино 1925 – Советское кино. Москва, 1925. № 6.
- ЦГА РУз – ЦГА РУз. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 34

Научная литература

- Агаева Г.Г. Режиссура туркменского художественного кино (страницы истории и современность) / отв. ред. И.Л. Репин. Алматы: Ылым, 1985. 128 с.
- Ажгихина Н.И. Гендерные стереотипы в современных масс-медия // Гендерные исследования, 2000. № 5. С. 261–273.
- Апостолов А.И. Пределы эмансипации. Освобожденная женщина Востока в кинематографе сталинской эпохи // Западно-Восточный экран. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 12–14 апреля 2017 года / сост. Мильдон В.И. «ВГИК», 2017. С. 8–18.
- Базаров М. Советская религиозная политика в Средней Азии. 1918-1930 гг. // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Т.1: Центральная Азия и Кавказ / под ред. Коппитерс, Б., Малашенко, А., Тренин, Д. Москва: Весь мир, 1997. <http://poli.vub.ac.be/publi/etni-1/mustafobazarov.htm> (дата обращения: 16.11.2020)
- Бехбудий М. Избранные произведения. Ташкент: Фан, 1997. 16 с.
- Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. Москва: «МИК», 1994. 336 с.
- Гращенкова И.Н. Киноантропология хх/20. Москва: Издательство «Человек», 2014. 859 с.
- Григорьева Д.К. Философско-антропологические аспекты образа женщины в гендерных исследованиях. Автореф... дисс. кан. филос. наук. Москва, 2004. 28 с.
- Захарова Н.В. Визуальные женские образы: опыт исследования советской визуальной культуры. Автореф... дисс. кан. соц. наук. Москва, 2005. 18 с.
- Каримова Н. Игровой кинематограф Узбекистана. Ташкент: Издательство журнала «San'at», 2016. 215 с.
- Каримова Н. Киноиндустрия Узбекистана и ее вклад в социально-экономическое развитие страны. Ташкент: Vaktria press, 2019. 100 с.
- Красина О. Кинематограф Узбекистана 1920-х годов: зарождение национальной кинематографической школы // Этнодиалоги, 2020. № 3 (61). С. 204–218. DOI 10.37492/ETNO.2020.61.3.013.

- Лыкошин Н. С.* Полжизни в Туркестане. М.: Книга по требованию, 2012. 415 с.
- Любимова С.* По Средней Азии. (К итогам работы среди женщин) // Коммунистка, 1926. № 4.
- Машиурова А.Б.* Женские образы в игровом кинематографе исторического жанра Казахстана и Центральной Азии. Дисс. докт. философии. Алматы, 2018. 161 с.
- Нильсен В. А.* У истоков современного градостроительства Узбекистана. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1988. 208 с.
- Слезкин Ю.Л.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2001. С. 329–374
- Смагина С.А.* «Новая женщина» в Советском кинематографе 1920-х гг. как феномен // *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019. Vol. 51. Москва, 2019. С. 257–266
- Смагина С. А.* Образ «Новой женщины» в кинематографе переходных исторических периодов. Дисс. докт. искусствоведения. Москва, 2019. 349 с.
- Смагина С.А.* Экранная репрезентация «новой женщины» в советском кинематографе 20-х гг. Научный электронный журнал АРТИКУЛЬТ, 2018. №32 (4). С. 174–181 <http://articult.rsuh.ru/> (дата обращения: 09.08.2021)
- Татыбекова Ж.С.* Великий Октябрь и женщины Киргизстана. Фрунзе: Кыргызстан, 1975. 172 с.: ил.
- Тохтаходжаева М., Абдураззакова Д., Кадырова А.* Судьбы и время. Штрихи к прошлому Узбекистана в устных рассказах женщин – свидетелей и современниц событий. М.: Издательство Р. Элинина, 2004. 300 с.: ил.
- Хлопонина О.О.* Трансформация женской образности в советском кинематографе 1920-1930-х гг // Знание. Понимание. Умение, 2017. № 2. С. 140–151. <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-zhenskoj-obraznosti-v-sovetskom-kinematografe-1920-1930-h-gg> (дата обращения: 10.08.2021).
- Шурко Т.* «Худжум»: женская эмансипация в период ранних советских «экспериментов» в Советской Киргизии (1918–1930 годы). Цивилизаторская политика СССР: работа с «угнетенными». Гефтер, 2015. <http://gefeter.ru/archive/15305> (дата обращения: 16.11.2020).
- Adoni H., Mane Sh.* Media and the Social Construction of Reality: Toward an Integration of Theory and Research // *Communication – Research*, 1984. Vol. 11. Pp. 323-340. DOI: 10.1177/009365084011003001.
- Constantine E. A.* Practical Consequences of Soviet Policy and Ideology for Gender in Central Asia and Contemporary Reversal // *Everyday Life in Central Asia Book Subtitle: Past and Present* / ed. Sahadeo J., Zanca R. Indiana University Press, 2007. Pp. 115–126.
- Drieu C.* Cinema, Local Power and the Central State: Agencies in Early Anti-Religious Propaganda in Uzbekistan // *Welt des Islams*, 2010. Vol. 50 (3). Pp. 532 – 563. Доступ: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01700280> (дата обращения: 06.07.2021) DOI: 10.1163/157006010X545835
- Ellul J.* Propaganda. The Formation of Men's Attitude. N.Y.: Vintage Book, 1973. 320 p.
- Greene L.* Hujum // *Russia's Periphery*, 2012. <https://russiasperiphery.blogs.wm.edu/central-asia/general/hujum/> (дата обращения: 19.06.2020)
- Ibrahim S.* Status of Women in Uzbekistan // *Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS)*, 2013. Vol. 10. Pp. 47–55.
- Kamp M.* The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism. Seattle: University of Washington Press, 2006. 332 p.
- Northrop D.* The Limits of Liberation: Gender, Revolution, and the Veil in Everyday Life in Soviet Uzbekistan // *Everyday Life in Central Asia Book Subtitle: Past and Present* / ed. J. Sahadeo, R. Zanca. Indiana University Press, 2007. Pp. 89–102.
- Northrop D.* Veiled Empire Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca-Londres: Cornell University Press, 2004. 392 p.
- Parry B.* 'Problems in Current Theories of Colonial Discourse' (1987) // *The Post-Colonial Studies*

Reader / ed. Ashcroft B., Griffiths G., and Tiffin H. London: Routledge, 1995. Pp. 36–45.
Spivak G.Ch. Can the Subaltern Speak?: Reflections on the History of an Idea / edited by R.C. Morris. N.Y.: Columbia University Press, 2010. 336 p.

Khan, Olga

“Emancipation of the Eastern Woman” in the 1920s: Ideology, Practice, and Cinematography

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/215-229

In the 1920s, the Soviet government made a serious attempt to deconstruct the patriarchal idea of female subordination, empower women and cut traditional ties with archaic traditions that had existed for centuries in Central Asia. This policy was embodied in the Hujum movement, often symbolized by the burning of the face-veil – paranji. Central Asian films (silent cinema) served the new ideology and were dedicated to an Eastern woman who is both traditional and seeking a new life. Since female characters personified socio-political transformations, significant changes in the social status of women were directly related to their artistic representation. In this regard, Uzbek films of the 20s are highly illustrative (“Muslim Girl”, “Second Wife”, “Jackals of Ravat”, “The Veil”, “The Leper Girl”, etc.) The author shows that these films are based on a direct binary opposition (“new-good-Soviet”, “old-bad-traditional”), similar plots, orientalism (none of the film directors were local), partial mythologization, and purposeful character construction. Female characters have no choice but to follow the “liberation” path of a Muslim woman.

Keywords: *Hujum, ideology, cinematography, image of women, Uzbek cinema*

For Citation: Khan, O. 2021. “Emancipation of the Eastern Woman” in the 1920s: Ideology, Practice, and Cinematography. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 215–229.

Author Info: Khan, Olga – PhD student, University Chung-Aung (06974, #120, Art Center (301), Chung-Ang University, 84 Heukseok-Ro, Dongjak-Gu, Seoul, Republic of Korea). E-mail: helgafrey@naver.com. <https://orcid.org/0000-0002-3185-248X>

References

- Adoni, H., and Sh. Mane. 1984. Media and the Social Construction of Reality: Toward an Integration of Theory and Research. *Communication Research* 11: 323–340. DOI: 10.1177/009365084011003001.
- Agaeva, G.G. 1985. *Rezhissura turkmenskogo khudozhestvennogo kino (stranitsy istorii i sovremennost')* [Directing Turkmen feature films (pages of history and modernity)]. Almaty: Ylym.
- Apostolov, A. I. 2018. Predely emansipacii. Osvobozhdenaya zhenshina Vostoka v kinematografe stalinskoj epohi [Liberated woman of the East in the cinema of the Stalin era]. In *Zapadno-Vostochnyj ekran. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 12–14 aprelya 2017 goda*, edited by V. Mildon, 8–18. Moscow: Litres.
- Azhgikhina, N.I. 2000. Gendernye stereotipy v sovremennykh mass-mediia [Gender stereotypes in modern mass media]. *Gendernye issledovaniia* 5: 261–273.
- Bazarov, M. 1997. Sovetskaia religioznaia politika v Srednei Azii. 1918–1930 gg. [Soviet religious policy in Central Asia. 1918–1930]. In *Etnicheskie i regional'nye konflikty v Evrazii*. Vol. 1, *Tsentral'naia Aziia i Kavkaz*, edited by B. Koppiters, A. Malashenko, and D. Trenin. Moscow: Ves' mir. <http://poli.vub.ac.be/publi/etni-1/mustafobazarov.htm>.
- Bekhbudii, M. 1997. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Tashkent: Fan.

- Constantine, E.A. 2007. Practical Consequences of Soviet Policy and Ideology for Gender in Central Asia and Contemporary Reversal. In *Everyday Life in Central Asia Book Subtitle: Past and Present*, edited by J. Sahadeo and R. Zanca, 115–126. Indiana University Press.
- Drieu, C. 2010. Cinema, Local Power and the Central State: Agencies in Early Anti-Religious Propaganda in Uzbekistan. *Welt des Islams* 50 (3): 532–563. DOI: 10.1163/157006010X545835.
- Ellul, J. 1973. *Propaganda. The Formation of Men's Attitude*. N.Y.: Vintage Book.
- Geller, M.Ya. 1994. *Mashina i vintiki. Istoriia formirovaniia sovetskogo cheloveka* [Machine and cogs. The history of the formation of Soviet man]. Moscow: “MIK”.
- Grashchenkova, I.N. 2014. *Kinoantropologiiia xx/20* [Film anthropology xx/20]. Moscow: Izdatel'stvo “Chelovek”.
- Greene, L. 2012. *Hujum. Russia's Periphery*. <https://russiasperiphery.blogs.wm.edu/central-asia/general/hujum>.
- Grigor'eva, D.K. 2004. *Filosofsko-antropologicheskie aspekty obraza zhenshchiny v gendernykh issledovaniakh* [Philosophical and anthropological aspects of the image of women in gender studies.]. PhD diss. abstract, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
- Hloponina, O.O. 2017. Transformatsiia zhenskoi obraznosti v sovetskom kinematografe 1920–1930-kh gg. [Transformation of female imagery in Soviet cinema of the 1920–1930s]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* 2: 140–151. DOI: 10.17805/zpu.2017.2.11
- Ibrahim, S. 2013. Status of Women in Uzbekistan. *Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS)* 10: 47–55
- Karimova, N. 2016. *Igrovoi kinematograf Uzbekistana* [Fiction cinema of Uzbekistan]. Tashkent: Izdatel'stvo zhurnala “San’at”.
- Karimova, N. 2019. *Kinoindustriia Uzbekistana i ee vklad v sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie strany* [The film industry of Uzbekistan and its contribution to the socio-economic development of the country]. Tashkent: Baktaria press.
- Kamp, M. 2006. *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. Seattle: University of Washington Press.
- Krasina, O. 2020. Kinematograf Uzbekistana 1920-kh godov: zarozhdenie natsional'noi kinematograficheskoi shkoly [Cinema of Uzbekistan of the 1920s: the birth of the national cinema school]. *Etnodialogi* 3 (61): 204–218. DOI 10.37492/ETNO.2020.61.3.013.
- Lykoshin, N.S. (1916) 2012. *Polzhizni v Turkestane* [Half of life in Turkestan]. Moscow: Kniga po trebovaniuu.
- Liubimova, S. 1926. Po Srednei Azii. (K itogam raboty sredi zhenshchin) [Regarding Central Asia. (To the results of work among women)]. *Kommunistka* 4.
- Mashurova, A.B. 2018. *Zhenskie obrazy v igrovom kinematografe istoricheskogo zhanra Kazakhstana i Tsentral'noi Azii* [Female images in fiction cinema of the historical genre of Kazakhstan and Central Asia]. PhD diss., Kazakh National Academy of Arts.
- Morris, R.C. (ed.). 2010. *Can the Subaltern Speak?: Reflections on the History of an Idea*. N.Y.: Columbia University Press.
- Nil'sen, V.A. 1988. *U istokov sovremennogo gradostroitel'stva Uzbekistana* [At the origins of modern urban planning in Uzbekistan]. Tashkent: Izdatel'stvo literaturi i iskusstva.
- Northrop, D. 2007. The Limits of Liberation: Gender, Revolution, and the Veil in Everyday Life in Soviet Uzbekistan. In *Everyday Life in Central Asia Book Subtitle: Past and Present*, edited by J. Sahadeo and R. Zanca, 89–102. Indiana University Press.
- Northrop, D. 2004. *Veiled Empire Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca-Londres: Cornell University Press.
- Parry, B. 1995. ‘Problems in Current Theories of Colonial Discourse’ (1987). In *The Post-Colonial Studies Reader*, edited by B. Ashcroft, G. Griffiths, and H. Tiffin, 36–45. London: Routledge.
- Shurko, T. 2015. “Khudzhum”: zhenskaia emansipatsiia v periodrannikh sovetskikh “eksperimentov” v Sovetskoi Kirgizii (1918–1930 gody). Tsivilizatorskaia politika SSSR: rabota s “ugnetennymi”

- [“Hujum”: female emancipation during the period of early Soviet “experiments” in Soviet Kyrgyzstan (1918–1930 years). Civilizing policy of the USSR: working with the “oppressed”]. *Gefter*. <http://gefter.ru/archive/15305>.
- Slezkine, Yu. 2001. SSSR kak kommunal’naia kvartira, ili Kakim obrazom sotsialisticheskoe gosudarstvo pooshchrialo etnicheskuiu obosoblennost’ [The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism]. In *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period: Antologiya*, edited by M. David-Fox, 329–374. Samara: Samarskii universitet.
- Smagina, S.A. 2018. Ekrannaia reprezentatsiia “novoi zhenshchiny” v sovetskom kinematografe 20-kh gg. [Screen representation of the “new woman” in Soviet cinema of the 20s]. *Nauchnyi elektronnyi zhurnal ARTIKUL’T*, 32 (4): 174–181. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-4-174-181.
- Smagina S.A. 2019. “Novaia zhenshchina” v Sovetskom kinematografe 1920-kh gg. kak fenomen [“New Woman” in Soviet cinema of the 1920s as a phenomenon]. *Vestnik slavianskikh kul’tur* 51: 257–266.
- Smagina, S.A. 2019. Obraz “Novoi zhenshchiny” v kinematografe perekhodnykh istoricheskikh periodov [The image of the “New Woman” in the cinema of transitional historical periods]. PhD diss., All-Russian State University of Cinematography named after S. A. Gerasimov.
- Tatybekova, Zh.S. 1975. *Velikii Oktiabr’ i zhenshchiny Kirgizstana* [Great October and women of Kyrgyzstan]. Frunze: Kyrgyzstan.
- Tokhtakhodzhaeva, M., D. Abdurazzakova, and Kadyrova A. 2004. *Sud’by i vremia. Shtrikhi k proshlomu Uzbekistana v ustnykh rasskazakh zhenshchin – svidetelei i sovremennits sobytii* [Fates and time. Touches to the past of Uzbekistan in oral stories of women – witnesses and contemporaries of the events]. Moscow: Izdatel’stvo R. Elinina.
- Zakharova, N.V. 2005. *Vizual’nye zhenskie obrazy: opyt issledovaniia sovetskoi vizual’noi kul’tury* [Visual female images: experience in the study of Soviet visual culture]. PhD diss. abstract. Ulyanovsk State University.

ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ И МЕНТАЛЬНОСТЬ

УДК 39+140.8+37.014(075.8)

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/230-250

© Э.М. Сеитов

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА САМООРГАНИЗАЦИИ В ИНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХАЗАРЕЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ «КАТИБ» В МОСКВЕ

Статья посвящена мигрантам из Исламской республики Афганистан – хазарейцам, проживающим в Москве. На примере «Студенческой научно-культурной ассоциации “Катиб” в РФ» рассматриваются вопросы внутренней самоорганизации и социализации хазарейцев в инокультурном обществе. Показанные механизмы адаптации выработаны на основе исторического опыта и часто отсылают к региону исхода. Взаимоотношения хазарейцев с представителями других «афганских» этнических групп в Москве во многом повторяют ситуацию в самом Афганистане.

Ключевые слова: Москва, хазара, миграция, Афганистан, национальные организации

Для цитирования: Сеитов Э.М. Воспроизведение исторического опыта самоорганизации в инокультурной среде на примере деятельности хазарейской студенческой ассоциации «Катиб» в Москве // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 230–250.

В изучении миграций важно анализировать не только их причины, но и процессы внутренней самоорганизации и взаимопомощи мигрантов. В статье на примере хазарейской «Студенческой научно-культурной ассоциации “Катиб” в РФ», созданной студентами и поддерживаемой предпринимателями, будут рассмотрены механизмы адаптации хазарейцев в инокультурной среде. Автор придерживается следующей позиции: чтобы исследование сообществ мигрантов было полноценным и качественным, нужно уделять внимание политическим, культурным и социальным реалиям региона/страны исхода.

Настоящая статья – часть актуального исследовательского проекта автора «Шиизм в Московском регионе», целью которого является изучение различных сторон жизни шиитских (имамитских) общин, представленных выходцами из Закавказья (азербайджанцами, талышами) и Южной Азии («пакистанцами» и «афганцами»: хазарейцами, гератцами, кызылбашами). Специальных исследований шиитских общин в Москве не проводилось, данная публикация, по сути, открывает тему.

Сеитов Эрик Мусаевич – аспирант, стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия). Эл. почта: telcorp@list.ru

* Материал публикуется в соответствии с планом НИР ИАЭ РАН

История и этносоциальное положение хазарейцев в Афганистане

Хазарейцы или *хазара* (*хезаре*) – одна из этнических групп, населяющих современный Афганистан. По приблизительным данным, общая численность хазарейцев составляет от 5 до 8 млн человек, из них более 4 млн проживают на территории Афганистана (Minahan 2014: 99). Согласно Конституции Афганистана 2004 г., за хазарейцами признается статус одной из 14 этнических групп, входящих в состав «афганской нации». Исторически местом расселения хазарейцев является область Хазараджат (Хезареджат), иногда в прошлом именовавшаяся Сададжат (Туркман 1916: 707), – это центральная часть современного Афганистана, расположенная севернее Кабула. Относительно большие группы хазарейцев проживают в различных городах страны – Мазари-Шарифе, Герате, Газни, Кабуле (в пригороде Дашт-е-Барчи), а также в провинциях Газни, Чор, Урузган, Вардок. Общины хазарейцев есть в Квете (Исламская Республика Пакистан) и Мешхеде (Исламская Республика Иран), в последние 40 лет они появились в странах Европы, Северной Америки и в Австралии.

Большинство хазарейцев – мусульмане шииты, есть среди них небольшое число исмаилитов и суннитов. Конституция Афганистана 2004 г. признает шиитский толк ислама, его правовые и юридические аспекты. Языком хазарейцев является *дари* (*фарси-кабули*) – один из двух (второй – *пушту*) государственных языков Афганистана, распространенный на севере и в центральной части страны, за языками некоторых других этнических групп закреплен статус локальных (Ibrahimi 2017: 3).

Существуют различные версии происхождения хазарейского этноса, связанные с их антропологическим обликом, в котором присутствует некоторая монголоидность, выраженная в разной степени у разных групп (Ferdinand 1959: 18–50; Schurmann 1962: 112–115, 119, 156). Одна из популярных версий этногенеза – происхождение хазарейцев от солдат Чингизхана (Bellew 1879: 204, 225–226; 1880: 114). В.В. Бартольд также склонялся к такому объяснению: он писал о монголах, переселившихся в центральные части Афганистана во времена Никудерийской орды в XIII в., от которых, по всей вероятности, и берут свое начало хазарейцы (Бартольд 1903: 55; Петрушевский 1960: 41–42). Существовала и другая версия, распространенная среди советских ученых: этнос появился в результате слияния пришлых тюрко-монгольских племен с местным иранским элементом (Темурханов 1972: 20–24; Кисляков 1973: 130–139).

Для подтверждения своего автохтонного происхождения хазарейцами активно используется буддийское прошлое региона: в числе своих предков хазарейцы признают население в прошлом локального центра буддизма провинции Бамиан в пределах Хазараджата (Verardi 2012). Доказательством тому служат две статуи Будды VI в. н.э., уничтоженные движением Талибан¹ в 2001 г. Уничтожение талибами этих статуй в Бамиане, по мнению многих хазарейцев, – акт уничтожения их исторической памяти (Husseini 2012).

С.А. Мусави в своей монографии 1997 г. выдвинул оригинальную версию, предполагающую существование древней цивилизации Бамиана, которая и стала отправной точкой в этногенезе хазарейцев. С.А. Мусави отметил, что этот регион, имевший важное стратегическое значение, часто упоминается в различных письменных источниках. Существенное влияние на демографические процессы, согласно автору, сыграло переселение в Хазараджат буддийских монахов из Тибета, которые распро-

¹ Талибан (талибы) – террористическая организация, запрещенная на территории России.

странили свою религию среди местного населения. В X–XV вв. на хазарейцев оказали культурное влияние пришлые тюрко-монгольские племена (*Mousavi* 1997: 37–43).

Этногенез и историческая память рассматриваются в качестве важного политического фактора всеми народами современного Афганистана. Так, пуштуны (вернее, пуштунские племена и кланы), доминирующие в политической системе Исламской республики, склоняются к пуштуно-центричному трактованию истории страны, которое зачастую не оставляет места другим этническим общностям. Пуштунский национализм зародился в 30-е годы XX в., когда появилась идея об «арийском» прошлом этого народа, связанная с одним из потерянных «колен израелевых». Конструирование истории было попыткой обосновать доминирующее положение пуштунской элиты на политической арене Афганистана (*Schetter* 2005: 8). Наделяя пуштунские племена и таджикское население страны статусом «коренных» народов, пуштунский этнонационализм «выводил» из числа «автохтонных» другие крупные общности: узбеков, туркмен, белуджей и др. Хазарейцев стали считать потомками пришлых «монголов» и на этом основании перестали относить их к «истинным» жителям Афганистана (*Wafayezada* 2013: 98–99). Отголоски пуштунского национализма проявляются и сегодня: его установки, наряду с исламским компонентом, присутствуют в идеологии движения «Талибан», костяк которого составили пуштунские племена и кланы (*Zulfacar* 2006: 42–49).

Опыт взаимодействия хазарейцев с государственными режимами

Правители Дурранийской империи (1747–1823)¹, опиравшиеся на различные пуштунские племена, заложили фундамент для дальнейшего доминирования пуштунов в политической, культурной и социальной сфере (*Ibrahimi* 2017: 27). Во второй половине XVII – начале XVIII в. власти не только вводили повышенные налоги и денежные поборы для непуштунского населения, но и переселяли отдельные пуштунские племена в ареал проживания хазарейцев. С распадом Дурранийской империи и образованием Афганского эмирата, а особенно во времена правления «железного эмира» Абдур Рахман Хана (1880–1901), ситуация ухудшилась. Правление Абдур Рахман Хана отмечено высоким уровнем насилия, многочисленными восстаниями (около 40), из которых четыре описывались самим эмиром как «гражданские войны» (*Khan* 1900: 249). В 1880–1881 гг. войска Абдур Рахман Хана покорили независимые районы Хазараджата, а в 1892–1893 гг. жестоко подавили восстание хазарейцев. В исторической памяти народа эти события сохранились как «государственный геноцид» (*Темирханов* 1978: 12–26).

Последствием завоевания Хазараджата «железным эмиром» стали упадок и деградация сельскохозяйственных угодий, занятых пуштунскими кочевниками и превращенных в пастбища (*Ferdinand* 1962). По различным оценкам, около половины населения Хазараджата было истреблено, часть вынуждена была бежать в Британскую Индию, Персию, Российский Туркестан и Бухарский эмират (*Mousavi* 1997: 139–154). В результате завоевания Хазараджата изменилась традиционная родо-

¹ Дурранийская империя – историческое пуштунское государство, включавшее в себя территорию современных Афганистана, Пакистана, северо-восточную часть Ирана и западную часть Индии. Была основана в Кандагаре в 1747 г. полководцем Ахмад-шахом Дуррани. Дурранийская империя часто рассматривается как предтеча современного афганского государства.

племенная структура хазарейского общества: после физического уничтожения части племен на смену родоплеменным образованиям – *каумам*¹ во главе с *мирами* и *бузургами* пришли группы, создававшиеся по территориальному принципу. Эти группы, включавшие и остатки прежних племен, могли называться так же, как *каумы*, на территории которых новые образования расселялись. После насильственного присоединения Хазараджата и разрушения традиционного экономического уклада региона, хазарейцы оказались в положении маргинализованного меньшинства в «афганском государстве». Это положение подкреплялось с помощью религиозных инструментов: фетвы некоторых афганских богословов выводили шиизм и его последователей из «разряда» правоверных мусульман (*Mousavi* 1997: 114).

После смерти эмира Абдур Рахман Хана в 1901 г. В отношении хазарейцев наметилась некоторая «оттепель». Но до 1978 г. В «централизованном» Афганистане этот народ находился в экономической кабале (обложенный высокими налогами и денежными поборами). Хазарейцы были исключены из политической и социально-экономической жизни афганского государства (*Mousavi* 1997: 155–171; *Emadi* 1997). Правительство жестко контролировало их жизнь через сеть шпионов и доносчиков, а также посредством экономического давления на «традиционную элиту» – независимых землевладельцев (*миры* и *беги*), видя в них «элемент самоуправления» (*Canfield* 1972: 5). В то же время власти поощряли лояльных им *миров* и *малеков*, выделяя им денежные средства и ставя в прямую зависимость от режима (*Mousavi* 1997: 132).

В XX в. хазарейцы были практически полностью исключены из системы государственного образования. Первая школа в Хазараджате (в округе Рагул, Бесуди) открылась только в 1938 г. По официальным данным, во всем Афганистане к 1961 г. насчитывалось 1436 школ, в то время как в регионах, населенных хазарейцами, было всего 20 начальных сельских школ (*Laali* 1993: 356).

С начала XX в. вплоть до 1978 г. В хазарейском обществе постепенно усиливается роль *сейидов* – религиозных авторитетов, принявших на себя и социальные функции, связанные с внутренней жизнью общин. Социальный статус сейидов базировался на их признанном родстве с Пророком Мухаммедом. Упрочению положения сейидов в хазарейском обществе немало способствовало их устойчивое финансовое положение, поскольку все они получали *хумс* – денежные средства, которые обычно верующие шииты собирают в пользу потомков Пророка. В ситуации исключения хазарейцев из системы государственного образования функции начального обучения взяли на себя мечети и медресе во главе с сейидами. Уже в 60-е годы XX в. наметилась тенденция к получению частью юношей хазарейцев высшего религиозного образования за пределами Афганистана, в *хауза*² Ирака и Ирана. Медленно формировавшаяся хазарейская интеллигенция представляла собой небольшую прослойку «элиты» – выходцев из числа состоятельных землевладельцев и клерикальных кругов.

Ситуация в Хазараджате начала кардинально меняться после Саурской революции 27 апреля 1978 г., когда власть в Кабуле взяла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Революционное правительство декларировало следующие задачи: борьбу с неграмотностью, равноправное положение женщины в обществе, широкое присутствие государства в экономике, устранение феодализма и его пе-

¹ *Каум* в Афганистане довольно широкое понятие, к примеру, так могут именоваться жители одной деревни, работники артелей, многочисленные близкие родственники.

² Шиитские учебные заведения.

режитков и ликвидацию дискриминации по этническому признаку (*Ibrahimi* 2017: 118). Последние два положения затрагивали напрямую хазарейское общество, угнетаемое и афганским государством, и местными феодалами.

В 1979 г. хазарейцы подняли восстание в Хазараджате, самым главным его результатом стало обретение областью впервые за 100 лет политической независимости от Кабула (*Ibrahimi* 2017: 144–175). В образовавшемся вакууме власти усилились позиции организации «Шура», объединившей представителей духовенства (улемов, сейидов) и традиционной элиты (миров, ханов, малеков). Влияние «Шуры» в Хазараджате существенно ослабло к середине 1980-х годов, когда на смену ей пришли «партии» (военные группировки), боровшиеся уже между собой за сферы влияния в регионе. В этот период в обществе возросла роль «военных лидеров» – выходцев из простого народа, которые потеснили традиционную элиту.

После победы Иранской революции 1979 г. Иран стал активно распространять свое военное и идеологическое влияние на соседние страны, в том числе на Афганистан, где он поддерживал некоторые шиитские военизированные группировки Хазараджата. Следствием этой поддержки стало выдвижение в качестве «новых лидеров» хазарейцев шиитских моджахедов¹, социальный капитал которых определялся не только их личными качествами, но и военной помощью соседнего государства. Вооружившись экспортированной из Ирана идеологией, «новые лидеры» выступили с радикальными предложениями по переустройству традиционного общества Хазараджата. Они видели изъяны хазарейского общества в «феодалных пережитках», поддерживаемых «традиционной элитой», а также в клановом и племенном делении (см. более подробно: *Harpviken* 1995).

В конце 1980-х годов в регионе появилась партия «Хезб-э Вахдат» («Партия Единства»), программа которой предусматривала объединение политических и военных группировок Хазараджата. Несмотря на исламский идеологический уклон, партия была открыта для хазарейцев любой политической ориентации. Не остался без внимания и женский вопрос: в Центральный совет «Хезб-э Вахдат» вошли десять женщин, получивших светское университетское образование (*Ibrahimi* 2017: 182). Умело совмещая исламскую и национальную риторику, «Хезб-э Вахдат» добилась того, что общество воспринимает ее как силу, представляющую хазарейцев на политической арене страны. Харизматичный Генеральный секретарь партии Абдул Али Мазари, или «Баба Мазари» (1946–1995), стал и этническим лидером, а после своей смерти от рук талибов получил ореол мученика. Обретение хазарейцами своего национального лидера имело особую значимость, так как после низложения прокоммунистического режима в Афганистане политические партии и региональные группировки стали консолидироваться во многом по этническому и региональному признакам.

¹Дословно «упорный, усердный»; термин многозначный, в данном случае «моджахед» – участник военного сопротивления режиму НДПА в ДРА. Помимо суннитских моджахедов в период 1979–1989 гг. В регионах Афганистана, населенных шиитами, действовали и шиитские моджахеды из военно-политического союза «Коалиционный совет исламской революции Афганистана» («Шиитская восьмерка»), куда входили различные военные/политические группировки. Шиитские моджахеды активно поддерживались Ираном. Основной задачей «Шиитской восьмерки» была вооруженная борьба против ограниченного контингента советских войск в Афганистане и правительственных сил ДРА, а также противодействие усилению суннитских моджахедов, поддерживаемых ЦРУ в рамках «операции Циклон».

После падения Демократической Республики Афганистан (ДРА) в апреле 1992 г. многие бывшие члены госаппарата, партийные деятели, высокопоставленные военные и сотрудники спецслужб пополнили ряды группировок, возглавляемых полевыми командирами моджахедами. К примеру, большинство бывших пуштунских «коммунистов» из НДПА влились в отряды «Хэзб-э Ислами» во главе с пуштуном Гульбеддином Хекматияром, таджикские функционеры НДПА пополнили отряды Ахмад Шаха Масуда, таджика по национальности. Для узбеков и туркмен Афганистана центром притяжения стали отряды Абдул Рашида Дустума, бывшего командующего 53 дивизией правительственных войск ДРА (HRW 2005: 17). Появились и региональные лидеры, такие как Туран Исмаил в провинции Герат. Группировки моджахедов поделили сферы влияния с учетом границ расселения этнических и региональных групп. Все это привело к децентрализации Афганистана и ослаблению государственных институтов (Коргун 2005: 52–60).

Движение «Талибан», появившееся в 1994 г. В провинции Кандагар, населенной в основном пуштунами, заявило одной из своих целей прекращение гражданской войны и формирование центрального правительства. Если большинство жителей Афганистана воспринимало талибов как военно-политическую силу с исламистским уклоном, то для хазарейцев они стали воплощением пуштунского доминирования и угрозой независимости Хазараджата, следствием чего станет очередное подчинение Кабулу.

Одним из значимых событий гражданской войны стало нанесение отрядами хазарейцев в 1997 г. первого военного поражения до этого считавшимся непобедимыми талибам, штурмовавшим г. Мазари-Шариф. Эта победа повысила статус хазарейцев в афганском обществе и стала важным компонентом их коллективной памяти. Однако победа была недолгой, уже в 1998 г. талибы овладели северными провинциями Афганистана, включая и Хазараджат. Дискриминационная политика в отношении хазарейцев возобновилась: гражданское население уничтожалось физически, а пуштуны *кучи* вновь включили регион в свой ареал кочевков. Буддийские памятники, свидетельствующие об историческом прошлом хазарейского народа, осквернялись вандалами. Религиозные авторитеты движения «Талибан» объявили шиитский толк ислама ересью, а его последователей еретиками. Новый губернатор г. Мазари-Шарифа Мулла Манан Ниязи заявил, что всех шиитов города нужно обратить в суннизм, а несогласных предать смерти, либо изгнать за пределы страны (HRW 1998).

В результате международной операции «Несокрушимая свобода» в 2001 г. режим талибов пал. В постталибском Афганистане хазарейцы впервые были допущены к парламентским выборам и в 2005 г. заняли 30 из 249 мест в Национальной ассамблее (Wilder 2005: 8), а губернатором провинции Бамиан была назначена хазарейка Хабиба Сараби. Однако до настоящего времени доля представителей хазарейского народа в органах государственной власти Афганистана значительно меньше его доли в составе населения. В последнее десятилетие в стране участились направленные на хазарейцев террористические акты (похищения, убийства, взрывы), осуществляемые различными группировками региона. С терроризмом столкнулись и хазарейцы, проживающие в Пакистане (г. Квет), где уровень насилия в отношении шиитского меньшинства за последнее десятилетие вырос в разы (Olszewska 2013: 40–45).

Политические катаклизмы, сотрясающие страну последние 200 лет, привели к значительным изменениям в образе жизни и социальной организации хазарейского общества. Опыт жизни в Афганистане в качестве маргинализированного меньшин-

ства наложил отпечаток и на стратегии выживания приехавших в Москву мигрантов-хазарейцев, предопределив особенности взаимодействия как внутри своей общины, так и с другими выходцами из Афганистана. Отношения основываются на тех же принципах, что и на родине: с пуштунами сохраняется дистанция, с узбеками, таджиками и иными малыми группами контакты могут носить более доверительный характер, изредка заключаются даже брачные союзы.

История взаимодействия хазарейцев с государством-завоевателем обусловила их стремление к сплочению своей группы, автономной, замкнутой жизни внутри общин и максимальному дистанцированию от властных структур. Прочность социальных связей между членами этого этнического сообщества зиждется на взаимной помощи и поддержке.

Хазарейская община в Москве

Эмиграция из Афганистана в конце XX в. Среди афганцев, эмигрировавших в Россию в начале 1990-х годов, преобладали госслужащие (офицеры из ВС ДРА, службы госбезопасности [«ХАД»] и МВД [«Царандой»], партийные работники НДПА, инженерно-технические кадры) – это были главным образом пуштуны, таджики и узбеки. Иногда их именуют «кадровым запасом НДПА». В конце 1990-х годов представители «кадрового запаса», не нашедшие приюта в России, стали мигрировать в страны Европы и Америки. Поскольку члены хазарейской общины на протяжении XX в. были исключены из социальной и политической жизни афганского общества, среди московских хазарейцев практически не было людей, связанных в прошлом со службой в госструктурах ДРА (ПМА 2). Таким образом, переезд бывших сторонников НДПА в Россию, связанный с падением афганского просоветского режима, начался в 1992 г., а исход хазарейцев из Афганистана пришелся на вторую половину 1990-х годов. Многие информанты-хазарейцы говорили, что покинули свою страну из-за репрессивной политики движения «Талибан», поэтому они прибыли в Москву уже после 1997 г. (ПМА 1).

Социальные стратегии мигрантов. Сами московские хазарейцы условно выделяют в своей среде три категории эмигрантов. Первая (немногочисленная) – студенты, приехавшие учиться еще в СССР. После обучения они остались в России, обзавелись семьями, причем иногда брали в жены русских девушек (россиянок). Вторая – приехавшие в Москву в 1990–2000-е годы с конкретной целью – заниматься бизнесом. Чаще всего это была оптовая торговля товарами широкого потребления из КНР и Турции. Эта категория активно использовала родственные сети: люди приезжали на уже «освоенное» место, включались в уже имеющийся бизнес, а затем, накопив необходимую сумму, открывали свое дело. Третью группу составляют те, кто планировал, занимаясь бизнесом, заработать деньги и эмигрировать в страны Европы и Америки, но по каким-либо причинам остался в Москве (ПМА 2). Эта категория хазарейцев активно использовала родственные связи как в Москве, так и в стране, куда планировался переезд.

Научных исследований, касающихся выходцев из Афганистана, обосновавшихся в Москве, почти не проводилось. Можно назвать лишь статью В.Д. Попкова «Сообщество афганских мигрантов в Москве: вопросы структуры и идентичности» (Попков 2003). Некоторые выводы автора справедливы и сегодня. Так, он пишет:

«Афганское сообщество, или сообщества представляют собой сетевую структуру, с сетевой линейной организацией и множеством ячеек, с неявно выраженным лидерством» (Там же 2003: 150). У хазарейцев доминирует в первую очередь этническая, клановая, региональная, а затем уже общеафганская идентичность (Там же 2003: 157). Добавим, что в сохранении стойкой этнической идентичности важную роль играет религиозная самоидентификация (шиизм). Показательно, что представители изучаемой группы могут называть остальных соотечественников «афганцами», но себя только «хазарейцами». То есть хазарейцы дистанцируются от других выходцев из Афганистана, их собственная этническая идентичность превалирует над гражданской. В исследовании 2003 г. хазарейская община отмечена как более сплоченная по сравнению с иными афганскими общинами Москвы (Там же 2003: 159). Как будет показано ниже, этот вывод справедлив и в настоящее время. Точных данных о нынешней численности хазарейцев в Москве нет, так как многие люди старшего поколения, приехавшие в 1990-е годы, успели получить российское гражданство. По оценкам самих информантов, число постоянно проживающих в столице РФ хазарейцев составляет примерно 1500–2000 человек.

Как и многие другие выходцы из Афганистана, хазарейцы в большинстве своем занимаются торговлей. Им принадлежат торговые точки на юге и юго-востоке Москвы в торговых комплексах «Садовод», «Москва», «Люблино», «Южные ворота». Чаще всего это крупно- и мелкооптовые продажи одежды, обуви и аксессуаров (зонтиков и сумок) китайского производства, кожаных курток из Пакистана и т.п. Некоторые хазарейские предприниматели владеют фирмами, занимающимися организацией доставки товаров из КНР; в логистической цепочке, как и торговых делах, задействованы многоуровневые связи – родственные, клановые, общеафганские. Как говорят многие информанты, «в бизнесе должны быть все свои» (ПМА 1), поэтому работники обычно набираются по родственному принципу – из уже живущих в столице РФ и из прибывающих из Афганистана.

По словам информантов, большинство хазарейцев Москвы – из каума Туркман, но есть также представители каумов Бесуди и Джагури (ПМА 5). Для старшего поколения клановые и трайбалистские структуры сохраняют свою значимость, для молодых людей – приехавших из Афганистана студентов или же юношей и девушек, родившихся и выросших в Москве – они уже не существенны. Наоборот, в таком делении они видят главное препятствие, мешающее консолидации и развитию хазарейцев как единого народа. Более того, политические взгляды хазарейцев старшего поколения (среди них встречаются и бывшие коммунисты, и сторонники или сочувствующие в прошлом НДПА, и «моджахеды» – так иногда именуют сторонников партии «Хезб-э Вахдат») уже не являются разъединяющими факторами, как это было раньше. Этническая принадлежность также перестает быть препятствием для общения. К примеру, среди пожилых хазарейцев есть небольшое число коммунистов, которые иногда собираются вместе с бывшими членами НДПА других национальностей. Так, по словам информантов, весной 2020 г. «коммунисты» отмечали день Бабрака Кармалья¹, арендовав под свое мероприятие кафе. Бизнесмены из числа «коммунистов» вместе с другими членами хазарейской общины жертвуют деньги на проведение различных

¹ Бабра́к Карма́ль – афганский политический, государственный и партийный деятель, один из основателей НДПА, лидер фракции «Парчам» («Знамя»), Генеральный секретарь ЦК НДПА (1979–1986 гг.). После отставки жил в Москве до своей смерти в 1996 г.

религиозных мероприятий и принимают участие в них. «Политические пристрастия прошлого остались в прошлом, нет теперь ни “коммунистов”, ни “моджахедов”, ни противостояний между ними, теперь есть только хазара» (ПМА 2).

Отношения с другими шиитскими общинами. Несмотря на то что религия исключительно важна для хазарейцев, религиозная идентичность, как правило, вторична по отношению к идентичности этнической. Религиозная жизнь хазарейцев во многом проходит изолированно от жизни других общин, исповедующих шиизм. Тем не менее с азербайджанцами поддерживаются некоторые контакты; иногда проводятся совместные церемонии в московских *хусайниях*¹, при этом часто возникает вопрос: какой язык следует использовать? Азербайджанские маджлисы ведутся на азербайджанском, хазарейские – на дари, и хотя большая часть прихожан знает русский язык, он принципиально не используется на религиозных мероприятиях.

Иногда члены хазарейской общины приглашаются на религиозные мероприятия, которые организуются иранцами, проживающими в Москве. Обычно такие маджлисы проходят в мечети при посольстве Ирана. Хазарейцы старшего поколения относятся к иранскому государству с одобрением или нейтрально, молодежь часто высказывает недовольство тем, что Иран стремится, используя религиозные инструменты, навязывать свою внешнюю политику, направленную на конфронтацию с США и странами Европы, и не принимает во внимание нужды и запросы хазарейцев Афганистана. Кроме того, в самом Иране многие хазарейцы из числа беженцев и мигрантов оказываются «людьми второго сорта»: афганские документы хазарейцев зачастую не признаются, людям отказывают в предоставлении иранского гражданства, соответственно, они не могут работать официально (*Feroz* 2014). Помимо этого, как говорят информанты, поддержка иранской политики стоила жизни многим хазарейцам в Афганистане в годы войны. Так, в Сирии, как на стороне режима президента Башара Асада, так и на стороне его противников, воюют различные «прокси-армии». Одно из формирований, сражавшихся на стороне Асада, – «Лива Фатимийюн» («Бригада Фатимы») состояло из хазарейцев, оно было создано при активном содействии и поддержке иранского Корпуса стражей Исламской революции (КСИР). Иранское командование использовало «Лива Фатимийюн» на самых опасных участках фронта, поэтому Бригада понесла большие потери (*Кириченко* 2019). КСИР привлекает в военные формирования безработных хазарейцев из Ирана или Афганистана, обещая денежное вознаграждение и поддержку семьям «добровольцев» в случае их гибели (*Fighting for Asad* 2016).

Семейные традиции и брачные контакты. Информанты подчеркивают важность следования устоявшимся традициям в семейной сфере; брачные связи укрепляют отношения между родственными группами и кланами. Для хазарейцев Афганистана, как и для других этнических групп страны, характерны эндогамные браки. В Москве и в России в целом им иногда трудно найти подходящего брачного партнера ввиду малочисленности их этнической группы, поэтому в поисках невесты или жениха часто задействуются связи в самом Афганистане. «Вторую половину» часто подбирают на исторической родине, свадебные церемонии проводятся там же, после чего молодожены приезжают в Россию. Такой сценарий характерен для большинства мужчин хазарейцев, живущих в Москве. Помимо расходов на свадебные мероприятия, жених

¹ *Хусайния* («дом Хусейна») – место для проведения церемоний, связанных с шиитским религиозным календарем.

и его родственники оплачивают переезд супруги и оформление всех необходимых документов, включая визу и регистрацию по новому месту жительства. Изредка хазарейцы мужчины берут в жены представительниц других этнических групп Афганистана, проживающих в России, – таджичек или узбечек; очень редки браки с русскими девушками – родители жениха чаще всего осуждают такой выбор.

По словам информантов, некоторые хазарейцы в поисках будущего мужа для своих дочерей обращаются к родственникам, эмигрировавшим в страны Европы или Америки, поскольку, выйдя замуж, девушка получает гражданство той страны, где проживает ее супруг. Иногда мужей ищут среди хазарейцев, обосновавшихся в России. Информанты, имеющие дочерей, говорили, что единственным критерием для будущего супруга является его религиозная принадлежность (исповедование ислама). Один из информантов собирается найти мужа для своей дочери в среде хазарейцев Афганистана, причем он готов взять на себя все расходы, связанные с поиском жениха и его переездом в Россию.

В семьях выходцев из Афганистана, проживающих в Москве, в том числе и в семьях хазарейцев, во многом воспроизводятся характерные для страны исхода сценарии, связанные с распределением функций супругов. На мужчину ложатся обязанности по содержанию семьи, своих родителей и других родственников, проживающих в Афганистане. Абсолютное большинство жен московских хазарейцев не работает, они занимаются воспитанием детей и домашним хозяйством (ПМА 4). Близкие родственники многих наших информантов остаются в Афганистане и категорически отказываются от переезда в Россию. Поэтому мужчины должны не только обеспечивать себя и свои семьи, но и поддерживать родню, оставшуюся на родине. Справляться с финансовыми проблемами позволяет довольно прибыльное и в то же время рискованное занятие торговлей.

Роль предпринимателей в общине. Хазарейские предприниматели входят в органы коллективного руководства своей общины в Москве и выступают главными спонсорами любых религиозных и национальных мероприятий. Решения внутри общины принимаются группой авторитетных членов (в отличие от пуштунов, «центры» которых возглавляются конкретным общепризнанным лидером; в качестве примера можно привести «Центр диаспор Афганистана», разместившийся в ТЦ «Севастополь»). Многие хазарейцы подчеркивают, что схожая с их собственной система самоорганизации наблюдается и у афганских таджиков (ПМА 3).

Студенческая ассоциация хазарейцев «Катиб» представляет собой пример такой самоорганизующейся структуры. Она сформировалась на основе принципов традиционного самоуправления с присущими ей механизмами взаимопомощи и поддержки членов общины и опирается на собственные ресурсы.

Студенческая научно-культурная ассоциация «Катиб» в РФ

Ассоциация «Катиб», зародившаяся в Москве в 2016 г., представляет собой сетевую самовоспроизводящуюся организацию студентов-хазарейцев из Афганистана. Ее основная задача – помощь хазарейцам, обучающимся в России. Приблизительная численность «Катиб» на 2020 г. составила около 100 человек. Ассоциация названа в честь афганского придворного летописца и секретаря при эмире Хабибулле-хане (1901–1919), автора работ по истории Афганистана, Фаиза Мохаммада Катиба Хаза-

ра (1860–1931) (*Fayz Muhammad* 1998). Фаиз Мохаммад Катиб – своего рода символ национальной гордости хазарейцев, его образ ассоциируется с плодами образования и учености, благодаря которым Катиб добился признания во враждебном к хазарейцам «афганском государстве». Многие общественные и культурные организации, созданные представителями хазарейской общины в странах Европы, Северной Америки и в Австралии, носят его имя.

Рис. 1. Логотип студенческой ассоциации «Катиб».

Во главе ассоциации «Катиб» в РФ стоят руководитель и четыре заместителя. Ротация людей, занимающих эти должности, происходит ежегодно – свою кандидатуру может выдвинуть любой студент хазарейской национальности, представив краткую программу развития ассоциации. Выборы проходят на общем собрании студентов, о чем всех оповещают в мессенджерах. В обязанность руководителя входит координация деятельности членов ассоциации и взаимодействие со спонсорами – живущими в Москве хазарейцами-предпринимателями. Заместители возглавляют «департаменты»: культурный, экономический, женский и спортивный. У ассоциации нет своих помещений, собрания проходят в различных местах. Пару лет назад предлагалось организовать офис «Катиб» в ТЦ «Севастополь», где работает много выходцев из Афганистана и располагается общественная организация «Центр диаспор Афганистана». Но руководство ассоциации отказалось от этой идеи по ряду причин, которые будут описаны ниже. Официального статуса у ассоциации пока нет, ее регистрация не является приоритетом для членов «Катиб». Пандемия и последующий карантин весной 2020 г. отразились на проведении выборов нового главы «Катиб» и его заместителей. Часть студентов в марте 2020 г. улетела на родину в Афганистан и не смогла вернуться обратно в Москву. На момент написания статьи (ноябрь 2020 г.) выборы так и не состоялись.

Включение студентов в ассоциацию. Главный критерий членства в ассоциации «Катиб» – этническая принадлежность, поскольку, как было указано ранее, организация создавалась для поддержки хазарейских студентов, обучающихся в Москве.

Ротационный механизм «воспроизводства» ассоциации достаточно прост: «старшие» члены «Катиб», оказывая помощь вновь прибывшим студентам, не знающим ни русского языка, ни порядка действий, связанных с размещением и включением в студенческую жизнь в Москве, передают им своего рода «эстафету». Через некоторое время «новички» заменяют «старичков», уезжающих на родину после окончания учебы. Так выстраивается устойчивая внутренняя система. Поскольку часть студентов отправляется на учебу в другие города России и помощь им требуется уже «на месте», ассоциация строится по сетевому принципу.

Прибывающих студентов, у которых нет знакомых в России, сразу видно: они не знают русского языка, их никто не встречает. Мы (члены ассоциации «Катиб». – Э.С.) обычно отслеживаем рейсы из Афганистана в Москву, дежуря в аэропортах по очереди, заранее покупаем сим-карты для мобильных теле-

фонов, раздаем их бесплатно вновь прибывшим, чтобы иметь связь с ними, переписываем их данные и отправляем в другие города, где у нас есть члены ассоциации, если студент учится в другом городе России. Если он учится в Москве, то помогаем ему с размещением в общежитии, в заполнении различных документов на русском (ПМА 3).

Подобная помощь может быть оказана и студентам из числа других этнических групп Афганистана, но без включения их в структуру ассоциации.

Культурная деятельность – наиболее заметное и важное направление работы «Катиб», основная цель которого – способствовать этнической консолидации московских хазарейцев. Кроме того, ассоциация проводит (параллельно с национальными общинами, проживающими в различных частях мира) мероприятия, имеющие общехазарейский статус: «Международный день солидарности хазарейского народа» и «День памяти (мученической смерти) Абдул Али Мазари».

«День солидарности» отмечается 1 октября, день коммеморации появился менее десяти лет назад, он призван привлечь внимание мировой общественности к положению хазарейцев в Афганистане и Пакистане. В Москве в 2019 г. это мероприятие было проведено 10 ноября в арендованном помещении ресторана «Бакинский бульвар» близ ТК «Южные ворота». Помимо хазарейцев (около 150–200 человек) на нем присутствовали несколько приглашенных студентов и преподавателей ИСАА МГУ. Официальная часть состояла из выступлений членов ассоциации, затем был концерт, а в завершении – банкет. Зал ресторана был украшен символами, отсылающими к коллективной памяти хазарейцев: на кафедре с микрофоном был установлен портрет национального героя Абдул Али Мазари, рядом размещен флаг Хазаристана, имеющий неофициальный статус «национального флага Хазараджата». Слева от сцены была организована импровизированная выставка книг по истории и культуре хазарейцев на языке дари. (Исследования

Рис. 2. Пригласительный билет на мероприятие посвященное 25-й годовщине гибели национального хазарейского лидера Абдул Али Мазари (Баба Мазари) в Москве.

Рис. 3. Члены ассоциации «Катиб» на мероприятии «День солидарности хазарейского народа». (Рис. пресс-службы ассоциации «Катиб»).

истории и культуры народа подтверждают автохтонность происхождения хазарейцев, опровергая распространенное представление об их происхождении от монгольских завоевателей Афганистана.) На баннере ассоциации «Катиб», висевшем над сценой, располагались изображения Фаиза Мохаммада Катиба и статуи Будды в Бамиане – два особо значимых для хазарейцев символа.

Необходимость единства всех хазарейцев, вне зависимости от их родоплеменной и территориальной принадлежности, политических и конфессиональных предпочтений, была образно подчеркнута небольшим театрализованным представлением, подготовленным членами ассоциации «Катиб». Пять участников действия вышли на сцену с буквами на груди, составлявшими слово «хазара» (на арабице). Отдельные буквы символизировали различные каумы, а сборный домик, стоявший на сцене, – Хазараджат. Один из участников сценки играл роль «заклятого врага» хазарейского народа Абдур Рахман Хана, он пытался разорвать цепь крепко держащихся друг за друга «каумов» (разбить единство хазарейцев). После неудачи «Абдур Рахман Хан» решил действовать по-другому: он подговаривает одного за другим все «каумы», шепча им что-то на ухо, и «каумы» начинают забирать части домика (крышу, стены) и расходиться в разные стороны. Но, постояв и подумав, «каумы» возвращаются и вновь строят общий дом.

«День памяти Абул Али Мазари (“Баба Мазари”)), боровшегося за права своего народа хазарейского лидера, погибшего от рук талибов 15 марта 1995 г. и после смерти приобретшего образ мученика, превратился для проживающих в различных регионах мира хазарейцев в общенациональное событие. В самом Афганистане мероприятия в День памяти «Баба Мазари» зачастую подвергаются террористическим атакам со стороны талибов или других организаций. Так, в начале марта 2020 г. В Кабуле во время мемориальной церемонии, посвященной 25 годовщине гибели Али Мазари, на которой присутствовал премьер-министр Афганистана Абдула Абдулла, был совершен теракт – его жертвами стали более 100 человек (BBC 2020). В Москве День памяти Али Мазари проводится хазарейцами ежегодно в марте уже более 15 лет. Раньше арендовались небольшие кафе, но с увеличением московской общины в последнее десятилетие мероприятия проводятся в большом банкетном зале «Загорье».

В 2020 г. День памяти Абдул Али Мазари прошел 14 марта и собрал от 700 до 800 человек. Помещение было украшено баннерами с изображениями Абдула Али Мазари и погибших вместе с ним членов партии «Вахдат», над импровизированной сценой висел национальный афганский флаг – это подчеркивало значимость личности Абдул Али Мазари для всего Афганистана.

Расходы, связанные с проведением этих мероприятий (аренда помещений, угощение, изготовление баннеров и пр.

Рис. 4. Сценка показанная на мероприятии «День солидарности хазарейского народа». Буквы прикрепленные к одежде участников образуют слово «Хазара»(Хазара). Надпись на фронтальной части домика «Бамийон»(Бамиан). (Рис. пресс службы ассоциации «Катиб»).

для оформления залов), полностью взяли на себя хазарейские предприниматели. Роль членов «Катиб» заключалась в составлении сценариев, украшении помещений, распространении приглашений. Кроме того, члены ассоциации встречали и размещали гостей, а также выступали в роли ведущих.

Используемые образы и символы, исторические паттерны, понятные хазарейцам в любой точке мира, поддерживают чувство принадлежности к «хазарейской нации», нивелируя трайбалистские и конфессиональные различия.

Одно из направлений деятельности «департамента» культуры ассоциации может быть обозначено как «наука и образование». Членами «Катиб» научная деятельность рассматривается как один из основных способов, позволяющих привлечь внимание к ситуации в современном Афганистане, высказать свою точку зрения либо выступить от лица хазарейского сообщества в академических кругах. В 2019 г. многие члены ассоциации представили свои доклады на Международной студенческой научной конференции «100-летие независимости Афганистана и 100-летие установления дипломатических отношений между Афганистаном и Россией», прошедшей в ИСАА МГУ 25 октября. Кроме того, на странице ассоциации в Фейсбуке публикуются статьи хазарейских студентов на языке дари с различной тематикой: посвященные как анализу различных событий и в целом ситуации в Афганистане, так и реакции на происходящее в мире.

Образовательная деятельность ассоциации заключается в проведении неформальных уроков для хазарейцев, родившихся или выросших в Москве. Обучение родному языку, истории своего народа этих молодых людей происходит через включение их в круг общения членов «Катиб»; часто такие встречи проходят в неформальной обстановке.

Экономическое направление. Экономический «департамент» оказывает безвозмездную разовую финансовую помощь нуждающимся хазарейским студентам как в Москве, так и в других городах России. Помощь может быть адресована студентам и в самом Афганистане, а также их родственникам. Те, кому необходима денежная поддержка, связываются через мессенджеры с главой ассоциации, после чего составляются списки, и людям на карту отправляются определенные суммы. Во время весеннего карантина из-за распространения COVID-19 была оказана разовая помощь более чем 20 хазарейским студентам в различных городах России. Финансируется деятельность ассоциации, как уже отмечалось выше, хазарейскими предпринимателями, которые переводят средства на счет главы «Катиб», а глава распределяет их по «департаментам».

Московскими хазарейцами используется и такая форма поддержки, как коллективная экономическая помощь. К ней прибегают, например, если необходимо организовать сбор средств для отправки тел умерших членов общины из Москвы в Афганистан. Хазарейцы желают быть похороненными на родине, поближе к своим родным. В сборе денег принимают участие и предприниматели по мере возможностей: «Кто-то 100 \$ даст, а кто и 1000 может дать... во время карантина умер один хазарец, и отправка тела в Афганистан обошлась около 6000 \$, все это оплатили наши бизнесмены» (ПМА 3).

«Женское» направление. Положение женщин в Афганистане – тема очень актуальная и болезненная для членов ассоциации. Подчеркивая важность женщин в хазарей-

ском и афганском обществах, информанты-юноши приводят высказывание Абдул Али Мазари о том, «что женщины – это половина силы нашей нации, они равны нам, мужчинам, но их роль гораздо важнее, они воспитывают нацию, они наши матери, сестры, жены» (ПМА 3). Во главе «женского департамента» стоит избираемая на год девушка, отвечающая за организацию совместной работы студенток, решение бытовых вопросов, проведение коллективного досуга и включение в сообщество русскоязычных хазареек. Для девушек актуальна проблема поиска подходящей работы, поскольку в отличие от парней они не могут трудиться в определенных сферах. Это связано как с афганскими морально-этическими нормами поведения для незамужних девушек, так и с недостатком вакансий, удовлетворяющих этим нормам (ПМА 3, 4). Для поддержки девушек многие хазарейские предприниматели нанимают их в качестве воспитательниц и домашних учительниц для своих детей. Студентки несколько раз в неделю проводят занятия по английскому и родному языкам, математике и т.д. (ПМА 3).

Спортивное направление. Спортивные мероприятия – важный инструмент коммуникации и установления прочных взаимоотношений между «старыми» и «новыми» членами ассоциации. У «Катиб» есть своя футбольная команда, она состоит из парней – членов ассоциации, девушки по понятным причинам не привлекаются. В играх иногда принимают участие хазарейские предприниматели, часто проводятся встречи с московскими студенческими командами, что способствует налаживанию дружеских отношений с российской молодежью.

В проведении мероприятий, не имеющих статуса религиозных или национальных, принимают участие все «департаменты» ассоциации. Примером может служить организация банкета после победы в Москве афганского бойца ММА. Бой хазарейца Хусейна Бахша, выходца из провинции Бамиан, с россиянином Петром Бергом состоялся 29 декабря 2019 г. (MENAFN 2019). 30 декабря был организован банкет с приглашением самого афганского бойца и вручением ему подарков от лица хазарейских предпринимателей. Многими информантами эта победа воспринимается как «спортивная победа всего народа Афганистана, объединяющая всех жителей страны, когда можно забыть об этнических и конфессиональных различиях» (ПМА 3). Расходы, связанные с приездом Хусейна Бахша в Москву, его размещением и праздничными мероприятиями в честь его победы, взяли на себя хазарейские предприниматели. Инициатива по проведению боя в Москве принадлежала ассоциации «Катиб», ее члены отвечали за встречу в аэропорту афганского спортсмена и помогали в организации банкета.

Отношения «Катиб» с другими общественными организациями выходцев из Афганистана часто повторяют межэтнические взаимодействия, характерные для страны исхода. У ассоциации установлены хорошие контакты со студенческими союзами афганских таджиков: совместно организуется и проводится празднование Навруза на ВДНХ. Сложилась практика взаимопосещения национальных мероприятий, дней памяти национальных лидеров: таджики приглашаются на дни памяти Али Мазари, а хазарейцы – студенты и предприниматели – принимают участие в днях памяти лидера таджиков Афганистана Ахмад Шаха Масуда. Хорошим контактам способствуют союзнические отношения в прошлом между политическими и военными организациями таджиков и хазарейцев в самом Афганистане.

С пуштунскими организациями или с теми, где у руководства стоят пуштуны, никаких совместных мероприятий нет. Информанты объясняют это тем, что «Центр диаспор Афганистана» во главе с господином Гуламом Мохаммадом Джалалом, пушту-

ном по национальности, позиционирует себя (в том числе в отношениях с российской стороной) как главную организацию, объединяющую всех выходцев из Афганистана в Москве. По словам информантов, Центр пытается реализовать свою «политику», навязывая другим объединениям афганцев принятые им решения, настаивая на выделении средств предпринимателями для проведения организованных им мероприятий, лишая права голоса остальные ассоциации в решении внутренних афганских вопросов. Все это расходится с интересами членов «Катиб» и хазарейских предпринимателей. Налицо различие в управлении различными афганскими общинами в Москве: коллективное руководство у хазарейцев и единоначалие у пуштунов. В качестве гипотезы можно предположить, что причины взаимного недоверия и отчуждения кроются в том, что у хазарейцев и таджиков в Афганистане нет жесткой родоплеменной иерархии, в отличие от пуштунов, у которых роды возглавляются вождями – маликами (Akbar 1976: 173–175), и в том, что различные подходы в управлении этническими общинами в самом Афганистане воспроизводятся и за его пределами.

Отношения ассоциации «Катиб» и посольства Афганистана характеризуются минимумом контактов. Посол и дипломатические работники не посещают мероприятия, организованные хазарейской стороной, а представители хазарейской общины очень редко (и очень немногие) приглашаются посольством на свои торжественные мероприятия. К примеру, на вечер в честь 100-летней годовщины провозглашения независимости Афганистана, организованный посольством в Культурном центре ГлавУпДК при МИД РФ 21 августа 2019 г., на котором присутствовало большое количество гостей, дипломатов, атташе из различных стран, были приглашены всего лишь три московских хазарейца. Впрочем, это не мешает посольству Афганистана часто обращаться к хазарейским предпринимателям с просьбой оказать финансовую помощь в проведении национальных праздников в Москве. Напрашивается аналогия с положением хазарейской общины в Афганистане в XX в., когда хазарейцы не только были исключены из общественной и социальной жизни афганского общества, но и обложены афганскими властями высокими денежными поборами.

Рис. 5. Книги на дары по истории хазарейцев, мероприятие «День солидарности хазарейского народа» (фото автора).

* * *

1. Внутренняя самоорганизация и автономный статус хазарейской общины в Москве отсылают нас к историческому опыту народа. На протяжении XIX–XX вв. представители этой этнической группы неоднократно подвергались дискриминации и насилию со стороны «афганского государства», особенно во время правления Абдур Рахман Хана и в «талибский» период.

2. Вследствие такого исторического опыта хазарейские общины превратились в автономные сообщества, опирающиеся на собственные ресурсы и минимизировавшие контакты с государством в решении различных вопросов. Московский пример, рассмотренный в статье, не уникален, он повторяет практику функционирования других хазарейских общин за пределами Афганистана. Можно привести в качестве подтверждения исследование А. Монсутти, в котором автор анализирует проведение хазарейцами, проживающими в г. Квета в Пакистане, религиозных мероприятий в месяц мухаррам: для организации траурных церемоний используются средства, собранные членами общины, объединенными в *калан-э каум* (большой каум) или в *калан-э махалла* (большую общину). Коллективный сбор средств используется также и для помощи как вновь прибывшим в Пакистан членам общины (на покупку дома или земельного участка, на прочие расходы), так и нуждающимся хазарейцам в самом Афганистане. В сборе денежных средств участвуют по мере возможности все члены общины – таким образом формируется своего рода «касса взаимопомощи» (Monsutti 2007: 179–183).

3. Важно учитывать мотивацию предпринимателей, активно финансирующих ассоциацию «Катиб» в Москве. Долгое время (на протяжении всего XX в.) хазарейцы были исключены из системы высшего государственного образования, и помощь студентам рассматривается бизнесменами как вклад в поднятие статуса хазарейской общины в афганском обществе.

4. Отсутствие одного лидера и коллективное руководство общиной также во многом объясняется историческим опытом. Это результат лишения сейидов и мир в 80-е годы XX в. статуса «традиционных лидеров» и прихода «новых лидеров» – выдвинувшихся за счет своих личных качеств в ходе гражданской войны. Новые руководители использовали новые методы консолидации, а в некоторых случаях опирались на иностранную финансовую помощь. Но наиболее важная причина, на которую следует обратить особое внимание, заключается в том, что после завоевания Хазараджата в конце XIX в. и последующей трансформации хазарейской традиционной родоплеменной структуры (каумы) управление внутренними делами некоторых общин осуществлялось на основе коллективного руководства, а не только сейидами – социальными авторитетами, сохранившими свою значимость. В настоящее время и у московских хазарейцев, и в хазарейском обществе Афганистана статус сейидов низок. Во многом утрата прежнего высокого положения сейидов в хазарейской общине сходна с утратой своего статуса суфийскими авторитетами в новейший период страны. Р.Р. Сикоев в статье, посвященной влиянию суфийских орденов на социально-политическую жизнь Афганистана, видит причины такого положения дел в следующем:

...до войны местное население получало от них (суфийских авторитетов. – Э.С.) информацию, которая позволяла ориентироваться в меняющихся условиях жизни. Однако война, политические коллизии, иностранное вмешательство породили такие условия, в которых, например, суфии-отшельники уже не могли разбираться и тем более давать советы и наставления своим послушникам (Сикоев 2005: 384).

Многие сейиды в годы гражданской войны заняли либо проиранскую позицию, либо отстаивали собственные интересы, ставя их выше национальных, хазарейских, что немало способствовало утере ими высокого в прошлом уровня доверия.

Благодарности

Автор выражает благодарность членам «Студенческой научно-культурной ассоциации “Катиб” в РФ», а также хазарейским предпринимателям, согласившимся дать интервью в рамках исследования.

Источники и материалы

Бартольд 1903 – *Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Информант А.А., 45 лет, хазарец, предприниматель, проживает в Москве с 1998 г., имеет ВНЖ в России.

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Информант О.Х., 50 лет, хазарец, предприниматель, проживает в Москве с 1997 г.

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Информант Ф., 24 года, хазарец, студент, глава ассоциации «Катиб» 2019–2020 гг.

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Информант С., 24 года, хазарец, студент, учится в Москве с 2017 г.

ПМА 5 – Полевые материалы автора. Информант Ш, 25 лет, хазарец, студент, учится в Москве с 2017 г.

Туркман 1916– *Туркман И.* Тарих-и аламара-йи Аббаси. Тегеран, 1916.

BBC 2020 – BBC news. Kabul Attack: Abdallah Abdullah Escapes Deadly Attack. 06.03.2020. <https://www.bbc.com/news/world-asia-51766602>

Bellew 1879 – *Bellew H.W.* Afghanistan and Afghans. L., 1879.

Bellew 1880 – *Bellew H.W.* The Races of Afghanistan, Being a Brief Account of the Principal Nation. Calcutta, 1880.

Feroz 2014 – *Feroz E.* Treated Like Second-Class Citizens. Qantara.de. 2014. <https://en.qantara.de/content/afghan-refugeed-in-iran-threatened-like-second-class-citizens> (дата обращения: 24.10.2020).

Fighting for Asad 2016 – Fighting for Asad: Iran’s Foreign Legion // YouTube. 07.06.2016. <https://youtu.be/WESjWZ0BzLA>

HRW 1998 – Afghanistan: The Massacre in Mazar-e Sharif. N.Y.: Human Rights Watch, 1998.

HRW 2005 – Blood Stained Hands: Past Atrocities in Kabul and Afghanistan’s Legacy of Impunity. N.Y.: Human Rights Watch, 2005.

Khan 1900 – *Khan A.* (ed.) The Life of Adbur Rahman Khan, The Amir of Afghanist. L.: John Murray, 1900.

MENAFN 2019 – Young Afghan MMA Fighter Defeats His Russian Rival in a Breathtaking Fight // MENAFN. 29.12.2019. <https://menafn.com/1099482670/Young-Afgan-MMA-fighter-defeat-his-Russian-rival-in-a-breathaking-fight>

Научная литература

Кириченко В.П. Участие хазарейцев Афганистана в сирийском конфликте // Россия и мусульманский мир, 2019. № 4 (314). С. 70–78.

Кисляков В.Н. Хазарейцы, аймаки, моголы (к вопросу об их происхождении и расселении) // Советская этнография, 1973. № 4. С. 130–139.

Коргун В.Г. Ислам и проблемы развития Афганистана // Ислам и общественное развитие в начале XXI века / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин, Н.Ю. Ульченко. М.: Крафт, 2005. С. 141–151.

Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Попков В.Д. Сообщество афганских мигрантов в Москве: вопросы структуры и идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003. Т. VI. № 2. С. 150–164.

- Сиколев P.P.* Суфийские ордены в социально-политической жизни Афганистана // Ислам и общественное развитие в начале XX века / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин, Н.Ю. Ульченко. М.: Крафт, 2005. С. 376–385.
- Темирханов Л.* Хазарейцы (очерки новой истории). М.: Наука, 1972.
- Akbar S.A.* Millennium and Charisma among Pathans: A Critical Essay in Social Anthropology. L.: Routledge; Kegan Paul, 1976.
- Canfield R.* Hazara Integration into the Afghan State: Some Changing Relations between Hazaras and Afghan Officials. N.Y.: The Afghanistan Council, 1972.
- Emadi H.* Exploring Iran's Revolution: The Radicalization of the Shiite Movement in Afghanistan // Middle Eastern Studies, 1995. Vol. 31 (1). P. 1–12.
- Fayz Muhammad.* Kabul Under Siege: Fayz Muhammad's Account of the 1929 Uprising / Transl. R.D. McChesney. Princeton: Markus Wiener Publishers, 1998.
- Ferdinand K.* Preliminary Notes on Hazara Culture (The Danish Scientific Mission to Afghanistan (1953–1955). Kobenhavn: Ejnar Munksgaard, 1959.
- Ferdinand K.* Nomad Expansion and Commerce in Central Afghanistan. Vol. 4. Kobenhavn: Folk, 1962.
- Harpviken B.K.* Political Mobilization among the Hazara of Afghanistan: 1978–1992. Oslo: Department of Sociology University of Oslo, 1996.
- Husseini S.R.* Destruction of Bamiyan Buddhas: Taliban Iconoclasm and Hazara Response // Himalayan and Central Asian Studies. 2012. Vol. 16. No. 2. P. 15–50.
- Ibrahimi N.* The Hazaras and the Afghan State: Rebellion, Exclusion and the Struggle for Recognition. L.: HURST&COMPANY, 2017.
- Laali A.* Sairey dar Hazarajat. Qom: Ehsani, 1993.
- Minahan J.B.* Ethnic Groups of North, East, and Central Asia. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2014.
- Monsutti A.* Image of the Self, Image of the Other: Social Organization and the Role of "Ashura" among the Hazaras of Quetta (Pakistan) // The Other Shiites: From the Mediterranean to Central Asia / Eds. A. Monsutti, S. Naef, F. Sabahi. Bern: Peter Lang AG; International Academic Publishers, 2007. P. 173–191.
- Mousavi S.A.* The Hazaras of Afghanistan: An Historical, Cultural, Economic and Political Study. N.Y.: St. Martin's Press, 1997. <https://doi.org/10.4324/9781315026930>
- Olszewska Z.* Quetta's Sectarian Violence and the Global Hazara Awakening // Middle East Report. Vol. 266 (Spring 2013).
- Schetter C.* Ethnicity and the Political Reconstruction of Afghanistan // ZEF Working Paper Series. 2005. No. 3. Bonn: University of Bonn; Center for Development Research (ZEF).
- Schurmann H.F.* The Mongols of Afghanistan: An Ethnography of the Mongols and Related Peoples of Afghanistan. S-Gravenhage: Mouton & Co, 1962.
- Verardi G.* Buddhism in North-Western India and Eastern Afghanistan, Sixth to Ninth Century AD. Kyoto: Institute for Research in Humanities Kyoto University, 2012.
- Wafayezada M.* Ethnic Politics and Peacebuilding in Afghanistan: The Root Causes of Political Conflicts and the Problems of Democratic Transition. Saarbrücken: Scholar Press, 2013.
- Wilder A.A.* House Divided: Analyzing the 2005 Afghan Elections. Kabul: Afghanistan Research and Evaluation Unit, 2005.
- Zulfacar M.* The Pendulum of Gender Politics in Afghanistan // Central Asian Survey. 2006. Vol. 25. No. 1–2. P. 27–59. <https://doi.org/10.1080/02634930600903007>
- Seitov, Erik M.*

Replication of the Historical Experience of Self-Organization in a Foreign Cultural Environment: The Case of the "Katib" Hazara Student Association in Moscow

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/230-250

The article is devoted to the migrants from the Islamic Republic of Afghanistan – the

Hazara ethnic group – in Moscow. The Katib Student Scientific and Cultural Association in the Russian Federation provides an example of a group’s internal self-organization and socialization in a foreign cultural society. The mechanisms of adaptation are based on historical experience and often refer to the region of origin. Relations with other “Afghan” ethnic groups in Moscow largely repeat the situation in Afghanistan itself.

Keywords: Moscow, Hazara ethnic group, migration, Afghanistan, national organizations

For Citation: Seitov, E.M. 2021. Replication of the Historical Experience of Self-Organization in a Foreign Cultural Environment: The Case of the “Katib” Hazara Student Association in Moscow. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 230–250.

Author Info: Seitov, Erik M. – PhD student, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: telcorp@list.ru

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Akbar, S.A. 1976. *Millennium and Charisma among Pathans: A Critical Essay in Social Anthropology*. London: Routledge; Kegan Paul.
- Canfield, R. 1972. *Hazara Integration into the Afghan State: Some Changing Relations between Hazaras and Afghan Officials*. New York: The Afghanistan Council.
- Emadi, H. 1995. Exploring Iran’s Revolution: The Radicalization of the Shiite Movement in Afghanistan. *Middle Eastern Studies* 31 (1): 1–12.
- Fayz, Muhammad. 1998. *Kabul Under Siege: Fayz Muhammad’s Account of the 1929 Uprising*, translated by R.D. McChesney. Princeton: Markus Wiener Publishers.
- Ferdinand, K. 1959. *Preliminary Notes on Hazara Culture (The Danish Scientific Mission to Afghanistan (1953–1955))*. Kobenhavn: Ejnar Munksgaard.
- Ferdinand, K. 1962. *Nomad Expansion and Commerce in Central Afghanistan*. Vol. 4. Kobenhavn: Folk.
- Giustozzi, A. 2008. Afghanistan, Transition without End: An Analytical Narrative on State-making. In *Crisis States Working Papers Series 2*. London: Crisis States Research Centre; DESTINE.
- Harpviken, B.K. 1996. *Political Mobilization among the Hazara of Afghanistan: 1978–1992*. Oslo: Department of Sociology University of Oslo.
- Husseini, S.R. 2012. Destruction of Bamiyan Buddhas: Taliban Iconoclasm and Hazara Response. *Himalayan and Central Asian Studies* 16 (2): 15–50.
- Ibrahimi, N. 2017. *The Hazaras and the Afghan State: Rebellion, Exclusion and the Struggle for Recognition*. London: HURST&COMPANY.
- Laali, A. 1993. *Sairey dar Hazarajat* [An Overview of Hazarajat]. Qom: Ehsani.
- Kirichenko, V.P. 2019. Uchastie hazareitsev Afganistana v siriiskom konflikte [Participation of the Hazaras of Afghanistan in the Syrian Conflict]. *Rossii i musul’anskii mir* 4 (314): 70–78.
- Kisliakov, V.N. 1973. Hazareitsy, aimaki, mogoly (k voprosu ob ikh proiskhozhdenii i rasselenii) [Hazaras, Aimaqs, Mughals (On the Question of Their Origin and Settlement)]. *Sovetskaiia etnografiia* 4: 130–139.
- Korgun, V.G. 2005. Islam i problemy razvitiia Afganistana [Islam and the Problems of Afghanistan’s Development]. In *Islam i obshchestvennoe razvitiie v nachale XXI veka* [Islam and Social Development at the Beginning of the 21 Century], edited by V.Y. Belokrenitskii, A.Z. Egorin, and N.Y. Ulchenko, 141–151. Moscow: Kraft.
- Minahan, J.B. 2014. *Ethnic Groups of North, East, and Central Asia*. Santa Barbara: ABC-CLIO.
- Monsutti, A. 2007. Image of the Self, Image of the Other: Social Organization and the Role of “Ashura” among the Hazaras of Quetta (Pakistan). In *The Other Shiites. From the Mediterranean*

- to Central Asia*, edited by A. Monsutti, S. Naef, and F. Sabahi, 173–191. Bern: Peter Lang AG; International Academic Publishers.
- Mousavi, S.A. 1997. *The Hazaras of Afghanistan: An Historical, Cultural, Economic and Political Study*. New York: St. Martin's Press. <https://doi.org/10.4324/9781315026930>.
- Olszewska, Z. 2013. Quetta's Sectarian Violence and the Global Hazara Awakening. *Middle East Report* 266 (Spring 2013).
- Petrushevskii, I.P. 1960. *Zemledelie i agrarnye otnosheniia v Irane XIII–XIV vekov* [Agriculture and Agrarian Relations in Iran of the 13–15th Centuries]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Popkov, V.D. 2003. Soobshchestvo afganskih migrantov v Moskve: voprosy struktury i identichnosti. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* VI (2): 150–164.
- Schetter, C. 2005. Ethnicity and the Political Reconstruction of Afghanistan. *ZEF Working Paper Series* 3. Bonn: University of Bonn; Center for Development Research (ZEF).
- Schurmann, H.F. 1962. *The Mongols of Afghanistan: An Ethnography of the Mongols and Related Peoples of Afghanistan*. 'S-Gravenhage: Moulton & Co.
- Sikoev, R.R. 2005. Sufiiskie ordeny v social'no-politicheskoi zhizni Afganistana [Sufi Orders in the Socio-Political Life of Afghanistan]. In *Islam i obshchestvennoe razvitie v nachale XXI veka* [Islam and Social Development at the beginning of the 21 Century], edited by V.Y. Belokrenitskii, A.Z. Egorin, and N.Y. Ulchenko, 376–385. Moscow: Kraft.
- Temirhanov, L. 1972. *Hazareitsy (ocherki novoi istorii)* [The Hazara Peoples (Essays on Modern History)]. Moscow: Nauka.
- Verardi, G. 2012. *Buddhism in North-Western India and Eastern Afghanistan, Sixth to Ninth Century AD*. Kyoto: Institute for Research in Humanities Kyoto University.
- Wafayezada, M. 2013. *Ethnic Politics and Peacebuilding in Afghanistan: The Root Causes of Political Conflicts and the Problems of Democratic Transition*. Saarbrücken: Scholar Press.
- Wilder, A.A. 2005. *House Divided: Analyzing the 2005 Afghan Elections*. Kabul: Afghanistan Research and Evaluation Unit.
- Zulfacar, M. 2006. The Pendulum of Gender Politics in Afghanistan. *Central Asian Survey* 25 (1–2): 27–59. <https://doi.org/10.1080/02634930600903007>.

© В.К. Малькова

ЛИСТОВКИ, НАКЛЕЙКИ И ТАБЛИЧКИ КАК ФОРМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МАССОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕГАПОЛИСЕ*

В статье рассматривается одна из форм регулирования человеческого поведения в современном большом городе. Автор обращается к общественному регулированию и, в частности, к одному из необычных его ресурсов — листовкам, наклейкам и табличкам, встречающимся в городском пространстве. Многочисленные примеры таких регуляторов, зафиксированных автором в 2020 году в российской столице, показывают, как эти небольшие носители человеческого опыта участвуют в процессе социализации населения, в самоуправлении и самоорганизации социума. Указания, советы, рекомендации, предупреждения и ограничения (запреты), содержащиеся в этих информационных источниках, проанализированы, типологизированы и описаны как одна из малых форм организации современного общества, находящегося в условиях демократических преобразований и набирающей силу гражданской активности. Рассматривая социально-культурные функции этого регулятора, автор показывает его значение для жизни обычных людей. Это – передача человеческого опыта по горизонтали и вертикали, внимание и забота сограждан о своей повседневной жизни, а порой – и некоторое их принуждение к выполнению определенных правил, к разумному использованию общего городского пространства. Это также формирование общей на данный момент системы ценностей, положительных стандартов и установок, моделей поведения в данном социуме.

Ключевые слова: регулирование поведения, современный город, листовки, наклейки и таблички, указания, советы, рекомендации, социально-культурные функции регулятора

Ссылка при цитировании: Малькова В.К. Листовки, наклейки и таблички как формы регулирования массового поведения в современном российском мегаполисе // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 251–268.

Введение

В начальный период самоизоляции во время пандемии 2020 года, когда выходить из дома все же изредка приходилось, мы обратили внимание на одно из интересных общественных явлений, которому в обычное время чаще всего не придается особого зна-

Малькова Вера Константиновна – д.и.н., главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: veramalk@mail.ru

*Работа написана в рамках темы НИР №7 ИЭА РАН «Современные нации, нациестроительство и российская идентичность»

чения. Это увеличение в городском пространстве количества небольших и разнообразных надписей, листовок, наклеек и табличек. Обычно эти небольшие листки бумаги с зафиксированными советами, указаниями, рекомендациями, а иногда и с запретами располагают на стенах и на дверях зданий, в транспорте, в учреждениях, на уличных столбах и оградах. По нашим наблюдениям, в последние несколько лет количество и разнообразие этих небольших надписей пополнилось в российской столице не только листовками и наклейками, но и другими малыми формами – табличками, стикерами, флаерами и стало более заметным. Одна из причин – необходимость предупреждать людей о серьезной опасности в связи с пандемией Ковид-19. Но не только. Это еще и один из способов регулирования и корректировки действий и направлений огромных людских потоков, сосредоточенных в большом городе, способ оптимизации в городском пространстве массового повседневного поведения населения.

Понятие «регулирование» используют в разных сферах жизни, хотя оно и не всегда употребляется однозначно. Представители технических профессий рассматривают этот процесс как «отлаживание системы». Исследователи общественных процессов подчеркивают этим термином «целенаправленное воздействие общества и государства, их структур на социально-политическую жизнь, на действия и поведение людей, в соответствии с ценностями и нормами каждого общества и с использованием системы социального контроля» (Мокшин 2000). Социальное регулирование понимается также и как «руководство движением, направлением, действиями, отношениями», как «приведение в порядок, упорядочение механизма, деятельности» и т. п. Кроме того, словари уточняют, что регулирование – это «совокупность предписаний, исходящих от органа власти или управления и имеющих целью внести известный порядок в ту или другую сферу жизни». И это одна из технологий «целенаправленного управляющего воздействия, ориентированного на поддержание равновесия в управляемом объекте и на его развитие посредством введения в него регуляторов (норм, правил, целей, связей)» (Большой словарь). Таким образом, организация и координация жизни и деятельности любых социокультурных сообществ, куда гармонично вписываются и эти малые формы, очень многозначная и непростая задача. Об этом хорошо знают не только руководители стран, областей, городов и предприятий, но и главы обычных семей в любом доме.

Активное преобразование реальности, происходящее в мире и в России, касается всех сторон жизни и деятельности человека – политической, социальной, экономической, культурной и прочей. Оно отражается на жизни различных городов и стран, их социокультурной сфере, включая обычную повседневную жизнь и человеческие взаимоотношения. Усиливается демократизация общественных отношений, растет гражданская активность у представителей разных групп населения, появляются и развиваются народные инициативы, формируются зачатки гражданского общества, выступающего за свои права. Мотивация этих изменений у россиян кроется в стремлении улучшить свою жизнь, жизнь своих семей и близких, своих городов, своей страны. Во всем этом точно и осторожно используется политический и социальный опыт других стран, применяются известные социально-культурные технологии и инновации.

Известно, что с далекого прошлого в каждом большом сообществе, осуществляется как государственное регулирование общественной жизни, так и общественное или социальное. Что касается государственного регулирования, оно осуществляется обычно с помощью законов, закрепленных в конституциях, в гражданских и уго-

ловных кодексах, в указах и постановлениях правительств и министерств, в региональных законах и актах, с помощью судебной системы и т.д. Государство что-то запрещает или разрешает своим гражданам, а затем с разной степенью внимания с помощью своего чиновничьего аппарата контролирует их выполнение. в этом ему помогают многие государственные и общественные механизмы и рычаги управления, в том числе и разнообразные информационные службы.

Так, журналисты, судя по медийным сообщениям, уже давно приучили граждан к информированию о таких формах государственного регулирования общественной жизни как: «российские власти делают все, чтобы поднять рождаемость в стране», «заботятся о процветании своего народа», «восстанавливают занятость населения» и т.п. Подобные фразы знакомы всем, кто получает информацию через медийные каналы. Сегодняшнему населению хорошо знакомы и такие мобилизационные выражения чиновников как: «нужно настроить механизмы управления», «нужны усилия», «необходимо контролировать» и т.п., транслируемые практически безадресно с совещаний различных уровней. в медийных сообщениях уже стало привычным упоминать и о других действиях властей, связанных с регулированием жизни россиян на глобальном уровне: «необходимо проводить балансирование бюджета», «необходимо выходить на траекторию устойчивого роста» и т.п. Все это – довольно абстрактные формы регулирования и управления (цитаты взяты из российской прессы), которые далеко не всегда приводят к успеху. Кроме упомянутых выше, в качестве регуляторов общественной жизни и в больших, и в малых сообществах нередко используются и такие механизмы как почти незаметное создание в обществе определенного социально-психологического климата, как целенаправленное отвлечение общественного внимания от конкретных проблем, сплочение или расслабление сообщества, актуализация или забвение у его членов некоторых фактов, традиций, символов и стандартов, а также персонажей. Используются и слухи, предрассудки, стереотипы...

Однако повседневная жизнь населения, как известно, регулируется не только государством, но еще и самим обществом, которое порой также использует приведенные выше методы. в качестве регулятора может служить общественный договор (например, носить маски и перчатки в период пандемии) и некоторые другие, не всегда официально зафиксированные требования, процедуры, правила, стандарты. А порой – и просто указания, советы, решения отдельных людей или групп (учителей, медиков, старейшин). Таким образом с помощью определенных социальных технологий и механизмов в сообществе устанавливается и на какой-то период сохраняется необходимый и одобряемый большинством общественный порядок и общественное согласие.

В разных сообществах порядки и нормы общественного поведения далеко не всегда бывают одинаковыми, о чем свидетельствуют как наблюдения этнографов и других ученых (Мартынова 2004; Бгажноков 1999; 1978; Гафурова 2005), так и известные народные поговорки: «У нас так не принято /принято»; «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». И хотя нормы и правила поведения сохраняются и оберегаются в обществе как традиции, они все же не остаются статичными. Технический прогресс, а иногда и внезапные катаклизмы (как пандемия), массовые миграции и другое, способствуют изменению локальных или общепринятых моделей поведения людей. При несоблюдении правил определенной группой граждан, а порой даже одним индивидом, общественный порядок и в самом деле может быть нарушен, что приведет к «сбою системы», к массовым отклонениям от общеприня-

тых норм, к конфликтам, групповым выступлениям и беспорядкам, даже погромам и убийствам, что в настоящее время мы с тревогой наблюдаем в ряде стран. в таких случаях и государство, и общество с разной степенью эффективности стараются приводить в действие определенные регулировочные механизмы или корректирующие меры. При этом используются как государственные, так и социальные методы регулирования массового поведения, включая и «отклонения». Исследователи этих процессов подчеркивают, что в настоящее время в России с учетом постоянных реформ в государственном устройстве страны, функция государственного регулирования становится преобладающей и первостепенной (Наумов 2008).

Соглашаясь в целом с этим утверждением, нельзя не обратить внимание на появление и широкое распространение в городских сообществах разных форм социального (общественного) регулирования, в т.ч. негосударственных социальных регуляторов. в данной работе на примере московского городского социума, который условно можно считать самоорганизующейся социокультурной системой, мы обратимся к одной из форм негосударственных регуляторов, все шире распространяющихся в городском пространстве. С их помощью человеку в разных формах подсказывается – что хорошо, полезно, удобно и необходимо сделать или наоборот – плохо, вредно, опасно и что вообще нельзя делать в определенных ситуациях. Именно поэтому можно говорить не только о регулировании, но о саморегулировании общества, как одной из форм общественных процессов, которые фиксируются и изучаются в разных обществах и на разных этапах (Бобнева 1978; Пригожин 1995).

Существует ряд определений процесса саморегулирования, который рассматривается, в частности, как «легитимное регулирование сфер деятельности самими агентами, с четко регламентированным участием государства». Этот процесс определяется и как самостоятельная и инициативная деятельность, а также как «контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил» (Внедрение).

Некоторые исследователи называют саморегулирование (например, в аудите) перспективным направлением развития, которое соответствует формированию гражданского общества и демократизации управления. И в самом деле, процесс саморегулирования в нашей стране пока находится в начальной стадии развития и связан он в основном с бизнесом и с рыночными отношениями. Хотя, как показывают наши наблюдения, сферы этого процесса гораздо шире. Люди или «объекты взаимодействия» с помощью самостоятельных и инициативных советов, указаний и пожеланий направляются «инициаторами» или «субъектами взаимодействия» на использование более эффективных методов и способов своей деятельности в социальном пространстве.

* * *

Обращаясь к проблеме регулирования и саморегулирования массового поведения населения, предварительно остановимся на общей картине современного городского пространства. Пространство современного мегаполиса – огромная и сложная социокультурная система и одно из важных мест для регулирования людских потоков. в основу большинства уличных социальных регуляторов положена определенная информация, позволяющая с ее помощью и в наши дни явно или незаметно направлять и корректировать человеческое передвижение в общественном пространстве – управлять, регулировать, манипулировать людскими потоками.

Городская территория где-то стихийно, а в других местах – согласно градостроительным планам, поделена на улицы, площади, парки, дворы, дороги. Определенная разметка общественного пространства и не только в городах существовала, как известно, с древнейших времен, например, в форме межевых и пограничных столбов, в форме дорожных указателей, природных ориентиров. Дороги предназначены для транспорта, обочины, тротуары и переходы – для пешеходов. Так сложилось исторически. в огромном городе человеку нелегко ориентироваться в незнакомом пространстве. Даже сегодня, далеко не каждый горожанин имеет под рукой навигатор, схему или карту города, района. Пешеходам и водителям требуются ориентиры, дорожные указатели, маркеры пространства, необходимы подсказки, советы и прямые указания – как быстрее и удобнее проехать, как безопасно перейти улицу, найти нужное здание. в XXI веке, когда автомобилей в больших городах стало огромное количество, регулирование транспортных потоков превратилось в совсем не простую задачу. Конечно, уже давно на автомобильных дорогах и площадях, вместе с установлением правил дорожного движения появляется и разметка, а также стоят знаки (информационные, запрещающие, предупреждающие, разрешающие, предписывающие, знаки сервиса, указатели скорости и др.), стоят светофоры, висят различные информационные щиты и прочее. На некоторых остановках общественного транспорта для ориентации людей сегодня закреплены карты-схемы, показывающие место, где человек находится, и ближайшие окрестности. На фасадах зданий висят таблички с названиями улиц, площадей, что также помогает человеку ориентироваться в незнакомом месте.

Кроме **навигаторских форм** во многих крупных городах в настоящее время используются и другие регуляторы общественного поведения, например, **рекламные**. Реклама – не только «двигатель торговли», как говорили в прежние времена, но и регулятор массового поведения людей, двигатель некоторых людских потоков и их действий. в настоящее время, как известно, большое количество различных рекламных конструкций украшают или наоборот уродуют облик городского пространства. Они разнообразны и по форме, и по содержанию, как и их не всегда понятные названия: *вывески, информационные, рекламные и выставочные стенды и указатели, световые панели, ситилайты, панель-кронштейны, итендеры, шелфтокеры, воблеры, лайтбоксы, крышные установки, рекламные щиты, навесы, домовые знаки, ростовые фигуры, козырьки, маркизы, таблички, номерки...* Практически все эти формы встречаются в современной Москве. Всеми этими городскими регуляторами руководят, как правило, городские власти. Но вместе с ними некоторые правила поведения устанавливает и само общество, и даже порой – отдельные люди.

Оставляя в стороне огромный массив разнообразной городской рекламы, которую мы уже частично рассматривали (Малькова 2014), обратимся еще к одному регулятору – к «народным» надписям-листочкам, мелким вывескам, указателям и другим небольшим формам в московском городском пространстве. Листочки, таблички, флаеры и другие письменно-иллюстративные малые формы, очень близко соприкасаются с социальной рекламой. Эти надпи-

си вместе с другими малыми формами также можно рассматривать как «вид некоммерческой рекламы, направленной на изменение моделей общественного поведения и привлечения внимания к проблемам социума» (Социальная). И хотя в Законе РФ «О рекламе» подчеркивается, что «настоящий Федеральный закон не распространяется на вывески и указатели, не содержащие сведений рекламного характера, на объявления физических лиц или юридических лиц, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности» (ФЗ 2006), это также один из рычагов и механизмов, помогающих обществу решать «социально-общественные проблемы и привлекать к ним внимание общества» (ФЗ 2016).

Объектом и источником нашего исследования и рассмотрения механизмов регулирования поведения людей в современном общественном пространстве будут материалы наблюдений и коллекция надписей, зафиксированных нами в 2020 году на улицах современной российской столицы. Это простые надписи с московских улиц, встречающиеся всем в транспорте, в учреждениях и организациях, приклеенные к стене, к стеклу или к дверям, на транспорте, на улице, на стенах домов. Это небольшие листовки (а также флаеры и стикеры), информационные таблички или штампованные надписи на тротуарах, на камне или на асфальте с указаниями и рекомендациями, советами и предупреждениями, пожеланиями и запретами. Порой они напоминают и о некоторых правилах поведения... Именно для горожан и приезжих, для отдельных людей или небольших групп пешеходов, пассажиров общественного транспорта, для покупателей магазинов и рынков, пациентов поликлиник, посетителей различных заведений предназначены, например, сообщения: *Соблюдайте меры профилактики // Держите дистанцию 1,5м // Берегите свое здоровье // При выходе не забывайте свои вещи // Чаше мойте руки // У ворот машины не ставить // Проход запрещен...* и многие другие. Эти несиловые формы регулирования социального поведения, которые иногда выглядят как легкое «принуждение», помогают явно или скрыто корректировать его, направлять и перенаправлять большие и малые людские потоки, расширять их или сужать, сокращать или усиливать, тем самым регулируя действия этих потоков.

Таким образом, само общество, основываясь на многовековом опыте человеческого общения, с помощью небольших листочков, наклеек и табличек с простыми житейскими напоминаниями и советами ориентирует, регулирует и направляет поведение людей. Эти «малые регулирующие формы» многообразны, а порой даже противоречивы и поэтому нуждаются в определенной систематизации и изучении не только как один из заметных штрихов в современной городской жизни, но и как фактор самоорганизации, саморегулирования городского социума.

Листовка – одна из малых форм регулирования общественного поведения. Для носителей разнообразных надписей, появляющихся в современном городском пространстве, пока нет единого объединяющего их термина, поэтому и другие малые формы мы будем условно называть «листочками». в классическом виде это, как из-

вестно – лист бумаги с текстом, иногда с иллюстрациями и, как указывается в ряде словарей, это форма агитационно-политической или информационной литературы (Что такое листовка). К такому восприятию этого небольшого листочка бумаги с информацией, а нередко и с призывами, многие привыкли по литературе и по кинофильмам еще с революционно-военных времен XX века. Но и сегодняшние словари все еще подчеркивают, что листовки применяются в революционной деятельности, политических кампаниях, во время военных действий. Однако времена меняются, а вместе с ними меняются многие предметы и их функции, что также уже отражено в некоторых современных словарях: «Листовка— это один из распространенных, эффективных, а также недорогих видов рекламной продукции. С их помощью можно не только привлечь новых клиентов, но и информировать о новых событиях» / Листовка – это важный информационный носитель рекламного типа для потребителей, а для компаний – один из самых выгодных и удобных способов рекламирования товаров и услуг / Листовка – это самый распространенный, доступный вид печатной рекламы. Это лист бумаги с текстом, который часто используют для массового информирования населения» (Виды листовок). Именно последнее определение в большей степени подходит к рассматриваемому объекту.

Было бы неплохо понаблюдать и зафиксировать эффективность этих небольших социальных регуляторов, понять, насколько люди выполняют советы, требования и рекомендации, предлагаемые им в листовках и табличках. Конечно, некоторую эффективность этих небольших указателей и мы замечали в отдельных случаях в транспорте, на уличных переходах, в магазинах и других местах. Наблюдения показывают, что большинство людей безропотно выполняют необходимые советы, указания, просьбы и предписания. Порой это происходит без напоминаний, по уже давно выработанной привычке, автоматически, в силу опыта и воспитания. Бывает и игнорирование советов, например, люди не надевают маски, проходят в неположенных местах и без очереди, не оплачивают проезд, оставляют автомобили на газонах... Заметим, что восприятие советов и указаний, норм и стандартов поведения зависит как от самого человека, так и от конкретного окружения в данном месте. Люди видят камеры слежения, смотрят друг на друга и следуют примерам поведения соседей, причем, как позитивно, так и негативно. Поэтому на некоторых листовках размещают рисунки–карикатуры с изображением персонажей, отказывающихся выполнить рекомендацию и попадающих впросак или на штраф.

Рис. 1. Примеры советов, рекомендаций и указаний в современном городском пространстве (фото автора).

Однако на данной стадии нам представляется важным рассмотреть не столько восприятие людьми навязываемых им правил, советов и рекомендаций, а сами эти правила, их содержание и их прикладную и бытовую ценность, а также многие другие характеристики, порождаемые современной городской действительностью и особенно – тревожной атмосферой 2020 года.

Формы регулирования городского социума

Поведение человека в обществе, как показывают ученые, организовывалось и корректировалось разными методами практически всегда (*Бутовская, Тишков 2018*). Переходя к рассмотрению современной действительности, остановимся ненадолго на прежнем отечественном опыте массового регулирования поведения населения. Не заглядывая вглубь российской истории, хотя и это крайне интересно, напомним, что, например, в Советском Союзе также использовались разные советы и рекомендации, оформлявшиеся в том числе в рамках «наглядной агитации». И как оказалось, это до сих пор практически в той же форме сохраняется в Республике Беларусь (Изготовление). в советское время на улицах городов висели большие панно или плакаты с призывами: «*Храните деньги в сберегательной кассе!*» или «*Летайте самолетами Аэрофлота!*». Надписи призывали людей не мусорить и соблюдать личную гигиену. С самого детства в детском саду и в школе детям рекомендовали с чистить зубы и делать зарядку, расти смелыми, сильными и трудолюбивыми. С помощью плакатов, песен, стихов, с помощью художественной литературы, прессы и кинофильмов людей призывали хорошо трудиться, направляли на подвиги, на защиту родины... Многие из этих советов актуальны до сих пор.

Плакаты, лозунги, другие наглядные материалы призывали людей не только к труду, но и к «правильному» поведению дома и на улице, к строительству новой жизни в стране, к защите родины от врагов. Многие эти рекомендации провозглашались не только от имени государства, но и от имени общества. И огромную роль в их создании и распространении играли представители творческих профессий – поэты и писатели, музыканты, художники и артисты, получавшие заказы от властей. Таким образом, с помощью нехитрых механизмов наглядной агитации, с помощью работников культуры, журналистов и кинематографа, а также при участии общественных активистов, партийных и общественных организаций власти контролировали и организовывали поведение и настроение масс, что далеко не всегда проходило успешно. Долгое время, и не только в советский период, это делалось довольно интенсивно и поощрялось общественной моралью и разными средствами пропаганды.

Выше уже упоминалось, что основными темами для наглядной агитации в советское время были в том числе и бытовые советы (не мусорить, не ходить по газонам), рекомендации о гигиене (следить за своим здоровьем), о принятых в обществе морально-нравственных нормах (не лодырничать, не пьянствовать, сохранять свою семью), призывы к трудовым успехам, к просвещению («*Учиться, учиться и еще раз учиться*»). Советским людям внушали как «правильно» себя вести – быть скромным, не гнаться за карьерой, не хитрить и не обманывать... Общество решительно осуждало лодырей, лентяев, тунеядцев, пьяниц и дебоширов. Их лишали премий, «песочили» на собраниях. Юмористы и сатирики рассказывали о нарушителях со сцены, их высмеивали в фельетонах, в кинофильмах, в карикатурах и на «досках позора». Вместе

с такими мерами наказания широко использовались и другие формы общественного регулирования поведения – частушки, басни, пословицы и поговорки. И наоборот, достойных ожидали награды в виде поощрений – премий, путевок в дома отдыха, портретов на досках почета. Воспитательно-пропагандистский пафос государства и общества, включающий идеологические призывы и лозунги, были направлены в то время и на прославление страны («*Страна моя, Москва моя – ты самая любимая!*»), коммунистической партии и ее лидеров (*Да здравствует...! Слава...!*). Большинство этих советов и рекомендаций от имени общества были адресованы отдельному человеку, а лозунги и призывы – всем советским людям, порой – и зарубежному пролетариату.

В наше время к прежним рекомендациям и советам что-то добавилось, например, некоторые правила поведения в обществе, что-то ушло в историю (например, обращения к пролетариям всех стран или прославление одной партии), но многое и осталось. И это свидетельствует о непреходящих ценностях общественной жизни, которые важно фиксировать. Если внимательно посмотреть вокруг, то и сегодня мы увидим в современном городском пространстве множество различной информации, бытовых и других советов, подсказывающих людям как рационально и удобно жить, нормально чувствовать себя в обществе. Эта информация даже на первый взгляд разнообразна. Плакаты, которые раньше вывешивались на некоторых фасадах домов, в наши дни заменились огромными рекламными щитами, нередко светящимися. Улицы городов теперь пестрят большими и малыми формами и надписями, указывающими, ориентирующими, советуемыми, приглашающими или запрещающими... Рассматривая множество советов и указаний, зафиксированных на улицах современной российской столицы, мы выделили несколько основных видов информации, которую городской житель получает из этого источника.

Если рассматривать только малые формы – листовки, флаеры и стикеры, то прежде всего привлекает внимание **их внешний вид**. Чаще всего на небольшом листке или табличке можно видеть только надпись. Но в последнее время на них стали появляться и иллюстрации. Это хорошо видно в предупреждениях и инструкциях о здоровье, в частности – о ковиде. Текст надписей в листовках обычно краткий, простой и понятный, состоит из небольших фраз. Чаще всего текст печатный, при нынешнем повсеместном распространении компьютеров и принтеров это стало общепринятым. Реже такие советы и рекомендации написаны от руки. Запреты и некоторые ключевые слова чаще всего выделяются крупным черным шрифтом. в настоящее время в стране и особенно в городах появились специальные службы, помогающие создавать и распространять разные форматы надписей. Так, в интернете встречаются сообщения о том, что в городе работают службы срочной печати массовой рекламы, службы «профессиональной оклейки транспорта», офисов, витрин. Рекламодатели и спонсоры предлагают помощь в создании текстов листовок, привлекают своих клиентов тем, что их «воодушевляющие рекламные тексты помогут выжить в условиях жесткой конкуренции и обеспечить успешный маркетинг» (ReklamaPlanet; Социальная реклама).

Авторами небольших посланий, по нашим наблюдениям, может быть практически любой человек – муниципальный служащий, руководитель учреждения или любой так называемый «активный гражданин». Иногда это конкретный человек, отвечающий за порядок в данном месте, например, дворник, уборщица: *Не бросайте мусор мимо урны! / Не лейте горячую воду в раковину...* Это может быть и водитель

Рис. 2. Примеры обращений к населению во время пандемии 2020, (фото автора).

маршрутки, автобуса: *Не забывайте оплачивать свой проезд!* На листке бумаги или на табличке может стоять и не всегда понятная подпись «Администрация»: *Служебный вход / Служебная автостоянка / Машины не ставить...* Но автором может быть и обычный равнодушный прохожий: *Осторожно, там яма!* ... в любом случае, автор своим посланием проявил заботу о неизвестных ему людях, которые могут оказаться в этом месте (или о себе), предупредил их о возможных последствиях или препятствиях, на-

помнил им о лучшем способе их действий, подсказал как, когда и что лучше сделать.

Адресат, потребитель или объект послания, целевая аудитория для таких письменных советов, как показал анализ, не всегда четкая и определенная, чаще случайная и неорганизованная. Она зависит как от места расположения надписи (улица, учреждение, транспорт, двор), так и от направленности сообщения. Иногда обращение направлено на всех, то есть, на неопределенный круг лиц: *Носите медицинские маски и перчатки / Делайте зарядку по утрам...* Иногда указание адресовано только одному человеку – прохожему, клиенту, покупателю, пассажиру: *Приложите карту / Поверните ручку, дверь и откроется...* Или группе людей: *Больше 4-х человек в лифт не заходить...* Иногда надписи все же бывают и четко направленными, например, для отдельных групп: для женщин, для пожилых, для инвалидов, для детей... *Места для пожилых ... Места для родителей с детьми ... Не выбегай на дорогу! ... Покупатель всегда прав! ... Берегите себя и своих близких! ...*

Форма обращения к «адресату» или язык обращения также разнообразен. Это – *рекомендация / запрет / предупреждение // навязывание...* Однако каждое обращение предполагает понимание, сознательность человека, его послушание или устрашение.

Общественная сфера, к которой можно отнести надпись, далеко не всегда четко определяется. Тем не менее, среди советов можно выделить: здоровье, гигиену, правила движения, нормы общежития, удобство для окружающих, практичность, прагматизм...

Время и длительность действия листовок, надписей или самих советов варьируется: от «постоянно или временно» до «сиюминутно или навсегда». «Долгоигра-

Рис.3. Примеры рекомендаций на улице и в транспорте (фото автора).

ющие» листовки на бумажных носителях, конечно, не остаются всегда свежими, надписи выгорают и стираются, если их не обновляют. Флаеры, напечатанные на пленке, более долговечны и красочны. Но все же такие надписи недолговременны и чаще всего относятся к настоящему моменту (*Наденьте маску // Оплатите проезд... в настоящем времени информация может быть и временной: Ушла на перерыв, скоро буду... Авторы могут направить «адресата - читателя» и в будущее: Принимаем посетителей только по понедельникам...* Иногда речь идет и о длительных действиях: *Соблюдайте правила гигиены / Берегите спички от детей / Спасибо, что уступаете место...* Среди советов встречаются и сиюминутные инструкции или рекомендации о срочном действии: *Приложите карту / толкай дверь / Оплатите свой проезд... / Входите, у нас интересно... / в случае пожара звоните ...*

Место действия. Интересен и такой нюанс как локальность или глобальность предлагаемой информации. в надписях не всегда указано пространство, на которое распространяется рекомендуемое действие – улица, двор, транспорт, магазин, кафе, поликлиники, учреждение культуры. Потребитель сам должен догадаться как использовать данное указание – только в этом месте или везде, локально или глобально. Тем не менее, в ряде надписей все же имеются некоторые понятные всем рекомендации – здесь, там, везде. Например, *здесь: У нас не курят / Внимание! Объект охраняется / Выход на посадку / Огнеопасно! Газ! ... Там: Остановка за углом / С высокой температурой – в следующую дверь... Везде: Переходя дорогу, будьте внимательны...* Некоторые надписи не имеют ни места, ни времени, их можно назвать неопределенными. Но они также важны для регулирования поведения: *Пешеходам: Переходите дорогу только в указанных местах. Водителям: Водитель, будь внимателен на дороге! ...*

Интересна **степень строгости** рекомендации и обязательность ее исполнения. Этот момент в листовках также неоднороден и сочетает в себе как строгий запрет, так и возможные компромиссы. Степень обязательности выполнения совета и здесь зависит от самого реципиента, условного «читателя». Поэтому надписи можно разделить на те, которые рассчитаны на собственное сознательное и самостоятельное решение, и те, которые предполагают обязательное выполнение рекомендаций или запретов. Приведем примеры: **Строгий запрет:** *Внимание! На территории запрещено курить / Проход закрыт / Вход с собаками запрещен! / Не бросать жвачку на пол! ... Нельзя, но допустимо, совет:* *Придерживайтесь левой стороны/ Водитель, не превышай скорость! ... Не запрет, но просьба:* *Просьба не садиться на это место... Информация: Разрешается бесплатно взять / бесплатно пройти ... Предупреждение: За бесплатный проезд – штраф ...*

* * *

На представленные материалы можно взглянуть и с другого ракурса, например, выделить разные жанры сообщений – простая информация, призывы, советы, рекомендации и другое. Некоторые надписи могут относиться сразу к двум или трем группам, поэтому предлагаемая типология в данном случае довольно условна.

Информация, сообщения, инструкции:

- Профилактика пожаров сохраняет жизни
- Весы на кассе. Удивительно удобно
- Открыто. Тяни на себя / Толкай
- Не толкать! Калитка открывается автоматически!
- Срочный выкуп

Призывы:

- Рассчитывайтесь банковской картой
- Поможем ребенку!
- Звоните нам...

Советы, рекомендации:

- Не откладывайте важные дела на завтра!
- Читайте книгу – источник знания
- Не экономим! Качество важнее /
- Тише едешь – дальше будешь
- Любишь кататься, люби и денежки платить...

Совет- благодарность:

- Спасибо, что убрали за собой
- Спасибо, что оплачиваете проезд
- Спасибо, что уступаете места
- Спасибо, что выбросили мусор в урну

Предупреждение:

- Штраф за безбилетный проезд 1000 рублей
- За использование чужих социальных карт – штраф 2500 рублей
- Внимание! Вас копируют ваши дети!
- Огнеопасно! Газ!
- Выезд спецтранспорта

Запрет:

- Курение на расстоянии ближе 5 метров от магазина запрещено
- Только для служебных машин
- Не стой под стрелой
- За буйки не заплывать!
- Купаться запрещено
- У ворот машины не ставить
- Проход запрещен, посторонним вход запрещен
- Парковка автомобилей запрещена круглосуточно

Инструкция:

- Приложите карту

Просьба:

- Пожалуйста не открывайте форточки при работающем кондиционере
- Пожалуйста не занимайте это место

Подсказка, напоминание:

- Более свободный вагон
- При выходе не забывайте свои вещи
- Книга – лучший подарок
- В случае пожара звоните по номеру

Предупреждающие иллюстрации:

- Человек в инвалидной коляске
- Предупреждающий жест, ладонь
- Идущий по переходу человек
- Стрелка – вправо, влево, вниз, вверх
- Человек с собачкой – перечеркнуто

Шутка:

- Бери сейчас, плати потом.
- Тише едешь, лучше сохранишься.
- Набери код, дверь и откроется.
- Не обижай маленьких! (Надпись на автомобиле ОКА).

В тревожные месяцы 2020 года нельзя было не обратить внимание на надписи, связанные с коронавирусом. Это также – лаконичная информация, советы и рекомендации о личной гигиене, о соблюдении масочного режима и о социальной дистанции. Это повторяющиеся на дверях зданий, при входе в различные торговые заведения рисунки вируса, человека в маске, перечеркнутые изображения собачек. И хотя они также, как и надписи, мало информативны и носят в основном профилактический характер, они раз за разом напоминают прохожим о возможных негативных последствиях и реальной опасности заражения, о необходимости беречься. Особенностью надписей, связанных с коронавирусом, является строгий, порой приказной стиль. При этом в подобных листовках заметно не хватает просветительской информации. Приведем некоторые примеры:

- Что нужно знать о коронавирусе
- Соблюдайте меры профилактики!
- Берегите свое здоровье!
- Носите защитные маски и перчатки!
- Реже прикасайтесь к лицу!
- Мой руки перед едой. Помни про гигиену!
- Держите дистанцию, не садитесь здесь!
- Соблюдайте дистанцию!
- Без маски и перчаток не входить!
- Внимание! Соблюдайте дистанцию!
- Держите дистанцию 1,5м!
- Проезд в городском транспорте только в масках и перчатках!
- Люди в масках (рисунок).
- Берегите свое здоровье.

Социокультурные функции листовок

Может встать вопрос: какую социальную роль играют эти надписи-листочки-таблички в жизни и миропонимании современных городских жителей? Рассматривая общественные функции этого носителя указаний, советов и рекомендаций, заметим, что определенные правила, обычаи, нормы всегда необходимы обществу для его нормального существования и развития. Зафиксированные в том числе и в небольших надписях-листочках подобные надписи-рекомендации практически незаметно выполняют такие социокультурные функции как регулирующую, коммуникативную, информационную, воспитательную, просветительскую и другие. Эти указания и советы, а иногда и запреты, важны в частности для обеспечения общественного порядка и для безопасности людей в городском пространстве, в трудовом коллективе, в семье. Наряду с другими общественными механизмами, они способствуют формированию общей на данный момент системы ценностей, положительных стандартов и установок в общественных отношениях, сообщают людям о принятых в данном социуме определенных нормах, полезных и удобных моделях поведения.

Распространяемые правила, советы, рекомендации и запреты, основанные на длительном человеческом опыте, направлены также и на передачу этого опыта по горизонтали и вертикали. Через незамысловатую информацию передаются советы и наставления о том, что удобнее и безопаснее для человека и окружающих делать так, а не этак. С помощью этих небольших регуляторов поведение людей в определенных пределах также контролируется и от отклонений (Отклоняющееся).

Кроме того, через социальное регулирование, в частности, через транслирование в общественное пространство организующей и корректирующей информации происходит коммуникация между людьми, стандартизация их привычек и действий. Членов сообщества и таким образом направляют и обучают делать общественное пространство более удобным не только для себя, но и для других, заботиться не только о себе, о своем бытии, о здоровье, о внешнем виде, о своем духовном состоянии, но также о своих близких. Их (нас) призывают проявлять внимание к знакомым и незнакомым людям, у них (у нас) формируют чувство долга и уважения к другим. Обычные советы, напоминания и предупреждения в разных местах помогают членам сообщества незаметно интегрироваться в социум и адаптироваться в нем. И все это направлено не только на обеспечение общественного порядка и согласия, но и на социальный контроль, на поддержание групповой солидарности, на единство и сплочение членов сообщества, знающих и выполняющих общие стандарты и правила, и на выделение в нем «своих».

В качестве недалекого примера можно напомнить бурные 90-е годы, когда огромные массы инокультурных мигрантов практически одновременно нахлынули в российскую столицу. Их поведение, привычки и образ жизни заметно отличались от того, к чему привыкли москвичи. Нужно было время, огромное терпение горожан и властей для того, чтобы люди приспособились, привыкли друг к другу, адаптировались в новом пространстве. И для этого было необходимо не только доброжелательное отношение принимающего сообщества, но и разъяснения, инструкции, рекомендации приезжим. И они были – напоминания, советы, памятки, правила и нормы поведения для мигрантов (Памятки по; в помощь мигранту), что в значительной мере помогло смягчить в столице возникшую заметную напряженность в межнациональном общении.

Некоторые аналитики, изучающие значение общественного регулирования в бизнесе, отмечают его необходимость и для равенства участников экономических отношений, для основ демократической конкуренции, а также для прав и свобод граждан (Принципы). Соглашаясь и с этим дополнением, можно фиксировать, что с помощью направленного регулирования общественного поведения осуществляется профилактика, а иногда и устранение возможных сбоев в системе общепринятых человеческих отношений. Кроме того, распространение в городском пространстве определенных правил и норм поведения, простых житейских советов и рекомендаций способствует также формированию, сохранению и развитию местных традиций, правил, привычек... И в конечном счете все это положительно влияет на формирование местной и групповой идентичности. Эти небольшие носители человеческого опыта участвуют таким образом в процессе социализации населения, в процессах самоуправления и саморегулирования социума.

Социальные функции, выполняемые этими листовками, многочисленны. Конечно, порой советы, рекомендации или запреты замечаются людьми ненадолго и через некоторое время они могут легко забыться в круговерти событий и дел. Но в определенные моменты, в похожих ситуациях они могут у человека актуализироваться.

Выводы

Рассмотрев одну из форм общественного саморегулирования поведения своих сограждан, можно видеть, как само общество заботится о спокойствии, удобстве и о рациональном, осмысленном их поведении в разных ситуациях. Впервые представленные в данной работе и рассмотренные нами примеры разнообразных надписей, листовок и табличек, распространенных в современном городском пространстве, еще раз демонстрируют обширное социокультурное многообразие современного мира и различные механизмы его организации. Даже такие малые информационные рычажки как незаметные на первый взгляд надписи и листовки с советами, рекомендациями или указаниями способны участвовать в общественных процессах, помогать организовывать поведение и жизнь отдельного человека и больших групп людей, утверждать и обеспечивать групповую солидарность жителей мегаполиса. Авторы небольших листовочных посланий и обращений – обычные горожане, принимающие и таким образом участие в организации жизни своего сообщества. Они проявляют заботу о своем городе, о его жителях, а порой – и некоторое принуждение сограждан к выполнению определенных правил, к разумному использованию общего городского пространства. Как показывают наблюдения, в городском пространстве (в данном случае – в российской столице) довольно свободно распространяются «активными гражданами» простые и повседневные бытовые указания о принятых в сообществе правилах и нормах поведения. И вместе с тем, свободная саморегуляция общества и в настоящий период происходит в сочетании с определенными самоограничениями и самоцензурой.

Среди разных типов общественных регуляторов поведения мы попытались увидеть особенности обращений и призывов их инициаторов к согражданам, определить их общественный потенциал в локальном сообществе. В частности, обнаружилось и было показано немалое значение социальной (гражданской) активности авторов листовок для передвижения людей в городском пространстве с минимизацией возможных рисков, подчеркнута ответственность членов городского сообщества при напоминаниях

его членам о соблюдении личной и общественной гигиены, особенно в условиях пандемии, показана необходимость соблюдения норм вежливости и культуры общения в современном обществе... Одновременно в этих маленьких регуляторах были выявлены профилактическая и контролирующая составляющие, предупреждающие людей о нежелательных отклонениях от общепринятых в городе стандартов. Важно отметить, что в современном полиэтничном и поликонфессиональном московском пространстве, несмотря на огромное разнообразие московского населения, на этих небольших информационных листочках полностью отсутствуют любые упоминания социальных и национальных признаков. Информация относится к людям любых социальных групп, любых национальностей, и выделяется порой лишь гендерная принадлежность. То есть, московское сообщество, озабоченное идеей сохранения городского спокойствия, несмотря на его сложную этносоциальную городскую структуру, и здесь проявляет толерантность, не разделяет в этом массы людей на отдельные группы. Все это положительно влияет на формирование местной и групповой идентичности.

Таким образом, листовки – эти небольшие носители человеческого опыта участвуют в процессе социализации населения, в формировании групповой солидарности членов сообщества, в самоуправлении и саморегулировании социума. При этом и государственное, и общественное регулирование происходит одновременно, в tandem, что не вызывает противоречий и приносит пользу и спокойствие мегаполису.

Источники и материалы

Большой словарь – Большой словарь по социологии. www.rusword.com.ua.

В помощь мигранту – в помощь мигранту. Памятка (общая). www.migimo.ru/razdel/189 (Дата обращения: 18.11.20) и др.

Виды листовок – Виды листовок для рекламы. www.uton.ru/articles/vidy-listovok (Дата обращения: 29.10.20)

Внедрение – Внедрение стандартов. Госконтроль за соблюдением требований. / lektcii.net/3-171040.html (Дата обращения: 30.10.20)

Листовка – Листовка. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/> (дата обращения: 29.10.20).

Изготовление – Изготовление стендов наглядной агитации в Беларуси. <https://by.all.biz/izgotovlenie-stendov-naglyadnoj> (дата обращения: 29.10.20).

Мокшин 2000 – Мокшин В.К. ' Словарь-справочник по социологии. Учебно-методическое пособие. Архангельск: Изд-во Арханг. гос. мед. акад. 2000 г. <https://docviewer.yandex.ru/> (дата обращения 17.09.2020).

Отклоняющееся – Отклоняющееся поведение. <https://cf2.ppt-online.org/files2/> (дата обращения: 18.11.20).

Памятки по – Памятки по вопросам миграции для иностранцев. Мвд.рф (дата обращения: 18.11.22).

Принципы – Принципы предпринимательского права. <https://cloud.prezentacii.org/18/11/100571/images/> (дата обращения: 18.11.22).

Социальная реклама – Социальная реклама. <https://marketing.spb.ru/lib-comm/> (дата обращения: 29.10.20)

ФЗ 2006 – Федеральный Закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ. https://marketing/sotsialnaya-reklamaConsultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 29.10.20)

ФЗ 2016 – Федеральный Закон «О саморегулируемых организациях» (в ред. Федеральных законов от 22.07.2008 N 148-ФЗ, от 03.07.2016 N 360-ФЗ, от 03.08.2018 № 340-ФЗ). https://Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967 (дата обращения: 29.10.20)

Что такое – Что такое листовка. /BigPicture.ru> (дата обращения: 29.10.20)

- Словари и – Словари и энциклопедии на Академике. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/> (дата обращения: 17.09.2020)
- Право в – Право в системе социальных норм. <http://900igr.net/datas/pravo/Pravo-Rossijskoj-Federatsii/> (дата обращения: 18.11.20)
- Яндекс. Карты – Яндекс. Карты. <http://maps.yandex.ru/MyPlenka> (дата обращения: 18.11.20)
- ReklamaPlanet – Бизнес-журнал ReklamaPlanet. <http://reklamaplanet.ru/> (дата обращения: 29.04.21)

Научная литература

- Бгажноков Б.Х. Коммуникативное поведение и культура // Советская этнография, 1978. № 5. С. 3–17.
- Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик. Издательство Эль-Фа. 1999. 96 с.
- Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука. 1978. 312 с.
- Бутовская М.Л., Тишков В.А. Феномен индоктринации / Медийная индоктринация: антропологические исследования / Отв. ред. В.К. Малькова, В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН. 2018. С.14-23.
- Гафурова Л. В. Менеджмент социально-культурной деятельности в процессе самоорганизации сельского населения. Автореферат канд. пед. наук. Москва. 2005 Доступ: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-05>.
- Малькова В.К. Новое этнопространство современной Москвы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 235. М.: ИЭА РАН, 2014. 107 с.
- Мартынова М.Ю. Мир традиций и межкультурное общение. в помощь школьному учителю. М.: РУДН, 2004. 348 с.
- Мартынова М.Ю. Традиции и инновации в соционормативной культуре. М.: ИЭА РАН. 2008.
- Наумов. С.Ю. Система государственного управления. Издательство Форум. 2008. 304 с. www.bookol.ru (дата обращения: 29.10.20).
- Пригожин А.И. Современная социология организаций. М. 1995, 296 с.

Malkova, Vera K.

Leaflets, Stickers, and Signs as a Means of Mass Behavior Regulation in the Modern Russian Metropolis

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/251-268

The article examines one of the forms of regulation of human behavior in a modern big city. The author focuses on an unusual means of public regulation - leaflets, stickers, and signs, often found in the urban space. Numerous examples of such regulators, recorded by the author in 2020 in the Russian capital, show how these small media can participate in the population's socialization and self-government, and self-regulation of society. The instructions, advice, recommendations, warnings, and restrictions (prohibitions) contained in these sources were analyzed, classified, and described as a form of organization of a modern society going through democratic transformations and reinforcement of civic activity. The author highlights the importance of these media for the socio-cultural life of ordinary people. They transfer human experience vertically and horizontally, reflect the attention and care of fellow citizens about their daily life, and sometimes call for complying with certain rules and for the reasonable use of the common urban space. They also take part in forming a common system of values, positive standards, and attitudes, behavioral models in a given society.

Keywords: *regulation of behavior, modern city, leaflets, stickers and signs, instructions, advice, recommendations, socio-cultural functions of the media*

For Citation: Malkova, V.K. 2021. Leaflets, Stickers, and Signs as a Means of Mass Behavior Regulation in the Modern Russian Metropolis. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 251–268.

Author Info: Malkova, Vera K. – Dr. of Hist., Leading Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: veramalk@mail.ru

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Bgazhnikov, B.Kh. 1978. Kommunikativnoe povedenie i kultura [Communicative behavior and culture]. *Sovetskaya etnografiya* 5: 3–17.
- Bgazhnikov, B. Kh. 1999. *Adygsкая etika* [Adyghe ethics]. Nalchik: Izdatelstvo Ehl-Fa.
- Bobneva, M.I. 1978. *Socialnye normy i regulyaciya povedeniya* [Social norms and regulation of behavior]. Moscow: Nauka.
- Butovskaya, M.L., Tishkov, V.A. 2018. Fenomen indoktrinacii [The phenomenon of indoctrination]. In Malkova, V.K., V.A.Tishkov (ed). *Medijnaya indoktrinaciya: antropologicheskie issledovaniya* [Media indoctrination: anthropological research], 14–23. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science.
- Gafurova, L.V. 2005. *Menedzhment socialno-kulturnoj deyatel'nosti v processe samoorganizacii selskogo naseleniya* [Management of socio-cultural activities in the process of self-organization of the rural population]. PhD abstract, Moscow. /<http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-05/>.
- Malkova, V.K. *Novoe etnoprostranstvo sovremennoj Moskvy*. Issledovaniya po prikladnoj i neotloznoj etnologii [New ethno-space of modern Moscow. Research on applied and urgent ethnology], vol. 235. Moscow: Institute of Ethnology and anthropology Russian Academy of Science.
- Martynova, M.Yu. 2004. *Mir tradicij i mezhkulturnoe obshchenie. V pomoshch shkolnomu uchitelyu* [The world of traditions and intercultural communication]. Moscow: Peoples Friendship University of Russia.
- Martynova, M.Yu. 2008. *Tradicii i innovacii v socionormativnoj kulture* [Traditions and innovations in socionormative culture]. Moscow: Institute of Ethnology and anthropology Russian Academy of Science.
- Naumov, S.Yu. 2008. *Sistema gosudarstvennogo upravleniya* [System of state administration]. Moscow: Izdatelstvo Forum.
- Prigozhin, A.I. 1995. *Sovremennaya sociologiya organizacij* [Modern sociology of organizations]. Moscow.

© Е.А. Омельченко

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ: НЕГАТИВНЫЙ ДИСКУРС В ИНТЕРНЕТЕ

После заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, состоявшегося 30 марта 2021 года, в социальных сетях и блогах появилось множество высказываний и комментариев интернет-пользователей, окрашенных довольно негативно и порой даже агрессивно. Эти высказывания были напрямую связаны с темой обучения и адаптации в российских школах детей из семей иноэтничных мигрантов, поднятой на Совете Президентом РФ В.В. Путиным и другими выступающими. Активно проявившийся в интернете, столь негативный дискурс заставляет задуматься о корректности данных о ситуации в сфере межэтнических отношений, которую практически все профильные чиновники характеризуют как достаточно благоприятную. Можно предположить, что, в отличие от «оценки межнациональных отношений в стране», уровень мигрантофобии среди части российского населения продолжает оставаться высоким, особенно когда речь идет о непосредственных ситуациях контактов российских граждан с семьями мигрантов. в образовательных организациях – школах, колледжах и детских садах – такие контакты становятся неизбежными и регулярными. Автор статьи анализирует отдельные аспекты проявленного негативного этнического и миграционного дискурса и дает некоторые рекомендации по возможному исправлению сложившейся ситуации.

Ключевые слова: дети из семей мигрантов, иноэтничные мигранты, миграционные процессы, межэтническая напряженность, национальная политика, языковая и социально-культурная адаптация, интеграция мигрантов, дискурс в интернете, межэтнические и межрелигиозные конфликты

Для цитирования: Омельченко Е.А. Проблема адаптации детей иноэтничных мигрантов: негативный дискурс в интернете // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 269–282.

30 марта 2021 года состоялось заседание Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, на котором впервые за два десятилетия обсуждалась проблема обучения и адаптации детей из семей иноэтничных мигрантов. в заседании принимали участие лично Президент России В.В. Путин, министр просвещения С.С. Кравцов, руководитель Федерального агентства по делам национальностей И.А. Баринов, руководители профильных комитетов Государственной думы и Сове-

Омельченко Елена Александровна – к.и.н., профессор, зам. директора Института социально-гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (119991 Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1). Эл. почта: ea.omelchenko@mpgu.su, etno1@dol.ru. ORCID: 0000-0002-2019-2586

та Федерации, ученые и эксперты. На заседании прозвучали данные о том, что, по оценке Министерства просвещения РФ, в российских школах обучаются 140 тысяч детей мигрантов (Стенограмма 2021). Выступающие озвучивали проблемы об отсутствии системы учета детей мигрантов в российских школах и в системе образования, о сложностях в изучении детьми русского языка, о значимой доле обучающихся из семей мигрантов в некоторых классах и школах. Последний сюжет – доля детей иноэтничных мигрантов и беспокойство о том, чтобы не создавались школы, укомплектованные, в основном, учениками из числа детей мигрантов, стал наиболее популярным в СМИ, выпускавших информационные заметки по итогам состоявшегося заседания. Статьи об итогах заседания опубликовали все ведущие российские газеты и интернет-издания (Сведения о наиболее цитируемых газетах взяты: *Медиадиалогия 2021*), подавая информацию вполне нейтрально, цитируя выступавших и приводя основные факты. Со ссылками на многие публикации по данной тематике можно познакомиться в разделе «Источники» в конце настоящей статьи.

Совсем другой тональностью отличались публикации отдельных блогеров, которые на протяжении нескольких недель после заседания регулярно появлялись в интернете – например, на популярном канале «Яндекс.Дзен» и других подобных ресурсах. Здесь дискурс уже не всегда был нейтральным: авторы публикаций анализировали ситуацию, исходя из собственного опыта (а у редкого человека не учатся в школе дети или внуки, племянники или, на худой конец, дети знакомых, так что о конкретных ситуациях в российских школах, как правило, всем есть что сказать), появлялись негативно окрашенные высказывания и прямые обвинения власти в непонимании ситуации. Но настоящая «буря» негатива по отношению к теме обучения и адаптации детей мигрантов выплеснулась в комментариях обычных пользователей интернета, читавших либо упомянутые выше «нейтральные» публикации СМИ, либо блоги отдельных авторов. Активно проявившийся в интернете, столь негативный дискурс заставляет задуматься о корректности данных, объявленных в начале 2020 года на заседании президиума Совета по международным отношениям при Президенте РФ, где было сказано, что доля граждан, положительно оценивающих состояние международных отношений в стране, выросла до 81,1 процента (*Доля единства 2020*). Можно предположить, что, в отличие от «оценки международных отношений в стране», уровень мигрантофобии среди части российского населения продолжает оставаться высоким, особенно когда речь идет о непосредственных ситуациях контактов жителей России с семьями мигрантов, что неизбежно в образовательных организациях – школах, колледжах и детских садах.

В целях подтверждения или опровержения выдвинутой гипотезы автор настоящей статьи предприняла собственное исследование комментариев пользователей интернета и высказываний интернет-блогеров, последовавших за публикацией в СМИ официальных пост-релизов о рассмотрении ситуации с детьми мигрантов в российских школах на Совете по международным отношениям при Президенте РФ 30 марта 2021 года. Анализ проводился за период с 30 марта по 27 мая т.г., всего было проанализировано 465 суждений, высказанных различными интернет-пользователями, из 13 интернет-источников¹.

При проведении анализа я опиралась на опыт таких исследователей этнической тематики в СМИ, как В.К. Малькова (*Малькова 2014*), Т.А. Ван Дейк (*Дейк 2000*),

¹ Ссылки на основные источники информации, использованные для анализа, приведены в разделе «Источники» в конце настоящей статьи.

Н.Ю. Зверева (Зверева 2014), А.Г. Пастухов (Пастухов 2018), О.С. Нагорный (Нагорный 2017) и другие. Из сравнительно недавних зарубежных публикаций мною были проанализированы работы группы европейских исследователей о миграционном дискурсе в европейских медиа (Eberl, Meltzer, Heidenreich, et al. 2018), исследование итальянского ученого Паоло Орри о расистском дискурсе в социальных сетях (Orrù 2014) и научные статьи шведского исследователя Маттиаса Экмана об «интерактивном расизме» и формах его проявления в социальных медиа (Ekman 2018). в контексте моего исследования дискурс рассматривается, согласно Московичи (Moscovici 1981: 181), в качестве одного из главных инструментов, помогающих интерпретировать социальные явления. Соответственно, можно признать, что, как письменные, так и устные тексты оказывают значительное влияние на развитие идентичности и восприятие людьми тех или иных социальных событий, в том числе имеющих отношение к тематике межэтнических отношений.

Многие из проанализированных мною исследований, среди прочего, нацелены на выявление в публикациях разного рода «языка вражды», «образа врага» и прочих высказываний, граничащих с проявлениями экстремистских настроений. Из 465 проанализированных мною высказываний (комментариев читателей после публикаций на официальных сайтах российских газет) только 32 комментария были позитивно окрашены и около 50 были эмоционально нейтральными, остальные можно охарактеризовать как однозначно негативно окрашенные и, по большей части, провоцирующие негативное отношение к этническим мигрантам. Медиапространство российского интернета в этом случае не является исключением из мировой ситуации. Так, в публикации зарубежных исследователей Маджида Хосравиника и Элеоноры Эспозито в анализе этнического дискурса блогов даже используется термин «digital hate» – «цифровая ненависть» (KhosraviNik, Majid and Esposito, Eleonora 2018). А в коллективной публикации американских ученых (Tynes, B., Reynolds, L. and Greenfield P.M. 2004) описываются результаты эксперимента, во время которого в подростковых чатах анализировались высказывания на расовую и этническую темы, и по итогам данного анализа, даже в случае официального наличия в чате взрослого негативный дискурс по вышеуказанной теме составлял 19%, при видимом же отсутствии взрослых процент негативных мнений вырос до 59%. Отмечу, что в рамках моего исследования высказывания, как правило, делались от имени взрослых людей, позиционировавших себя как родителей или потенциальных родителей школьников.

В проанализированных мною письменных комментариях и блогах действительно немало высказываний, выявляющих представление об иноэтничных мигрантах и их детях как о потенциальных врагах нашей страны и нашего общества. Приведу примеры (авторская орфография и стилистика сохранены, имена и «ники» пользователей заменены первыми буквами, для сохранения анонимности):

В., женщина: «Как все не продумано... А так без войны нас уже захватили... Я волнуюсь о своих внуках, им жить в чужом мире» (Комментарий 1 2021).

А., мужчина: «Касается всех, кто защищает всех мигрантов и приезжих с Кавказа людей, чьи дети мешают учиться в российских школах русским детям. И здесь в школах ощущается притеснение детей, которые хорошо учатся... Всех выгнать и принимать по необходимости и нужным специальностям...» (Комментарий 2 2021).

Д., мужчина: «Если власть хочет для РФ судьбу Византии, то путь продолжат дальше и не плачут потом, что у них все отберут «эти» приезжие, а это будет. Я вот еще помню, как «эти» изгоняли русских с «их» земли в 90-е. А чего они у нас тут делают, если им стало без русских комфортно жить?» (Комментарий 3 2021).

С., женщина: «Да, речь мигрантов повсюду. Скоро за то, что по-русски говоришь, будут морду бить!!!!!» (Комментарий 4 2021).

Кстати, отсылка к ситуации последнего десятилетия 1990-х годов, когда из-за националистической политики и угроз в сторону русского населения многие жители среднеазиатских республик бывшего СССР должны были покинуть свои дома, встречается достаточно часто (более 60 упоминаний, т.е. примерно 13% от общего числа проанализированных высказываний), что свидетельствует о сохранении исторической памяти о данном событии, отрицательно влияющей на восприятие мигрантов из Центральной Азии как потомков «тех, кто выгонял» и способствующей формированию негативных стереотипов по отношению к ним. Одним из вариантов решения данной проблемы может стать актуализация исторической памяти о еще более давних событиях – о приеме в городах и селах Средней Азии семей вынужденных мигрантов – преимущественно женщин и детей из Ленинграда, Москвы и других городов европейской части России во время Великой Отечественной войны. Практически это может быть реализовано через информационную кампанию в СМИ и наружной рекламе (билбордах в больших городах), в создании и массированном показе по ТВ и интернету документальных фильмов и тематических передач – жизненных историй на эту тему.

Проявляющееся негативное отношение к взрослым приезжим, к большому сожалению, распространяется и на детей из семей мигрантов, которым многие блогеры и интернет-комментаторы отказывают в праве на получение образования, а зачастую даже в полноценных умственных способностях. Сложно предположить, что в случае рассказа их ребенком – школьником о какой-то сложной учебной или внеучебной ситуации, сложившейся с участием ребенка из семьи мигрантов, такой родитель или другой родственник удержится от комментария с негативной, этнически окрашенной коннотацией, которую потом школьник будет транслировать уже в своей, детской и подростковой среде. Это формирует благоприятную почву для возникновения в школьной среде межэтнических конфликтов или конфликтов между «местными и условно приезжими»:

С., мужчина: «У этих... есть своя родина. Почему из-за них должны страдать наши дети?» (Комментарий 5 2021)

Р., мужчина: «У меня у сына больше половина класса этих...» (Комментарий 6 2021).

Н., мужчина: «Не нужен контроль, нужно всех мигрантов с их необучаемыми... выпнуть за пределы России! И проблемы не будет!» (Комментарий 7 2021).

Я.: «Такие маленькие, а уже ЧУРКИ...» (Комментарий 8 2021).

Обращаясь к последнему из приведенных мною комментариев, хотелось бы отметить, что слово «чурка», крайне популярное для высказываний с негативными

коннотациями на стыке 1990 и 2000-х годов (этому этнофолизму даже было посвящено отдельное исследование (Баранова 2013), сейчас в ряду высказываний встречалось буквально 4-5 раз, что может косвенно свидетельствовать о снижении его популярности, хотя данное предположение необходимо проверять на более широкой выборочной совокупности.

Во многих, проанализированных мною, комментариях интернет-пользователей ставится под сомнение сама возможность культурной адаптации мигрантов, их интеграции в российское общество. Эта тема затрагивается примерно в 15% подвергшихся изучению высказываний. О способностях к адаптации рядовые интернет-пользователи судят, в основном, по внешним признакам: какую одежду носят мигранты, как общаются между собой: то есть подчеркивается различие во внешности и культуре «своих» и «чужих», проводятся четкие границы, которые невозможно перейти, что по сути является предпосылкой к расистскому дискурсу, по мнению Тён ван Дейка (Дейк 2000: 59).

Х.: «...В родном городе чувствуешь себя неуютно – они везде, крикливые, с толпой детей, завернутые до пят... детей и женщин вернуть на родину, остальным – вахту, поработал и назад» (Комментарий 9 2021).

Д.: «Вот идет семья – пожилой – в длинном халате, девочка в платке, еще подросток. Идут степенно, важно. Много в городе с окладистыми бородами. Я не националист, но... каждый должен жить в своей культуре, со своими традициями...» (Комментарий 10 2021).

Второй причиной невозможности адаптации является, по мнению интернет-пользователей, исламское вероисповедание мигрантов:

Г.: «Не научатся они любить вторую родину НИКОГДА, потому что они в основном иноверцы, мы и все наше им чуждо было и будет. У них все свое, скоро появятся районы, куда лучше не ходить, как уже есть во многих странах, попытавшихся адаптировать мигрантов» (Комментарий 11 2021).

С., женицна: «Ведут себя очень вольно, как хозяева, пропагандируют ислам, требуют принять их веру, навязывают свои правила и традиции, оскорбляют русских пожилого возраста... и детей многочисленных учат такому отношению... зайдите в выходной день, когда тепло на детскую площадку или на спортивную, черным черно, и русских не пускают на площадки» (Комментарий 12 2021).

Б., мужчина: «Трындец всему РУССКОМУ: культуре, музыке, воспитанию, образованию... Разве русский человек, оказавшись в стране иной веры, устоев, законов и т.д., станет подобным местным аборигенам? Уверена, никогда!!! Тогда зачем мигрантов втягивать в русское общество. Как были чужие, так навсегда останутся чужаками!!!!!! Только зло плодят...» (Комментарий 13 2021).

Как мы видим, наличие российских граждан, исповедующих ислам и составляющих большинство населения в некоторых регионах нашей страны, судя по всему, не является для интернет-собеседников аргументом в пользу возможности интеграции мигрантов. Таким образом, необходимо укреплять в коллективном сознании россий-

ского общества понимание того, что ислам – одна из традиционных религий России, в том числе через просветительскую работу как среди молодежи, так и со взрослым населением. Российские исследователи – антропологи и политологи, занимающиеся данной темой, свидетельствовали, что до недавнего времени мусульманская принадлежность определенной части российских иммигрантов (прежде всего, выходцев из Средней Азии) «не являлась сколько-нибудь значимой темой общественных дискуссий, но, начиная с 2010-х гг., ситуация меняется, и исламская аффилиация среднеазиатских мигрантов становится темой публичных дебатов» (Малахов, Летняков 2018: 266). Превалирование религиозной тематики над этнической, усиление антиисламских стереотипов характерно в последние десятилетия для населения большинства стран Европы, но там исламское население действительно, в основном, имеет миграционное происхождение. Так, Ю.Е. Федорова пишет, что в европейских условиях «любой политический или социальный конфликт с участием мусульман» многие СМИ и отдельные авторы склонны рассматривать «сквозь призму концепции «столкновения цивилизаций» (исламской и европейской), обладающих уникальным культурным «кодом» и принципиально отличным набором ценностных установок» (Федорова 2014). Но в российских условиях подобный нарратив в интернете может стать катализатором весьма негативных тенденций развития общественно-политической ситуации, к возможному возникновению межрелигиозных конфликтов внутри отдельных субъектов РФ. Особенно если подобное негативное отношение будет спроецировано на детей – учеников российских школ:

С., мужчина: «...Какие хиджабы в российских школах??? с ума сошли совсем, и хватит уже строить мечети!!!» (Комментарий 14 2021).

А., мужчина: «...скоро все бабы будут ходить в хиджабах, а мужики в ватных халатах и тубетейках, и вместо суда будут законы шариата...» (Комментарий 15 2021)

М.: «По сути, нам снова предлагают мультикультурализм. Только под новым названием – приучение детей мигрантов к школам. в Европе мультикультурализма больше не хотят. Там уже наелись» (Комментарий 16 2021).

Знание Конституции РФ с ее формулировкой «Каждый имеет право на образование» и Конвенции ООН о правах ребенка, ратифицированной Российской Федерацией и закрепляющей право любых детей в России, вне от их гражданской и этнической принадлежности, на получение начального и (по российским законам) основного общего образования, не является характерным для большинства интернет-пользователей. Судить об этом можно хотя бы по тому, что даже в нейтральных и позитивно окрашенных высказываниях – комментариях к новостям о проблематике заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ от 30.03.2021 г., ни эти документы, ни в целом такое понятие, как «права ребенка», вообще не упоминается. Требуется значительная разъяснительная работа с населением по данному поводу – и внимательное отношение к тому, как обществом будут восприняты официально принятые решения и поручения профильным министерствам по итогам вышеупомянутого заседания Совета. По моему мнению, ссылки на российские и международные законы должны в обязательном порядке приводиться и в тех «новостных» публикациях официальных СМИ, и в мнениях экспертов, к

которым любят обращаться журналисты за комментариями. Пока же непонимание некоторыми жителями России правовых аспектов обучения и адаптации детей из семей мигрантов, а также того, что размер уплачиваемых трудовым мигрантом налогов покрывает, в том числе, и стоимость годовичного обучения его детей в школе, приводит, например, к следующим высказываниям:

Р., мужчина: «Дети других культур должны учиться при посольствах своей страны, не нужно ломать психику и безопасность русских детей» (Комментарий 17 2021).

С., мужчина: «Время открывать русские школы... увы!» (Комментарий 18 2021).

Г., женщина: «Детей мигрантов вообще не должно быть в наших школах, пусть за их образование платят родители, почему они должны учиться на бюджетные деньги...» (Комментарий 19 2021).

Д., мужчина: «...в школах должны русские дети учиться...» (Комментарий 20 2021).

С., женщина: «Спасут православные школы. Они не пойдут туда, а наши дети смогут спокойно учиться! Иначе как?» (Комментарий 21 2021).

В., мужчина: «Отдельные школы и садики за счет государств – поставщиков мигрантов...» (Комментарий 22 2021).

В проанализированных мною высказываниях интернет-пользователей затрагивается много и других сюжетов, выявляющих негативные стереотипы по отношению к конкретным этническим группам мигрантов – прежде всего, к киргизам, узбекам, таджикам, а также к армянам. Данный нарратив должен стать предметом более детальных исследований, в том числе с привлечением большего числа материалов для контент-анализа и чтобы проследить ситуацию в динамике. Но по итогам предпринятого мною мини-исследования крайне важно упомянуть, что негативный дискурс, проявляющийся в упомянутых интернет-источниках по отношению к проблематике обучения и адаптации детей из семей иноэтничных мигрантов, может отрицательно повлиять на ситуацию в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений внутри нашего многонационального государства. Первичный отбор материала для анализа я проводила через наиболее популярные интернет-поисковики Яндекс и Google, вводя в строку поиска словосочетание «обучение детей из семей мигрантов». Собранный мною материал позволяет предположить, что любой интернет-пользователь, прочитавший очередную новость о предпринимаемых государством мерах по вопросам адаптации детей мигрантов и желающий получить дополнительную информацию, натолкнется, в основном, не на грамотные разъяснения экспертов, цитаты из законов и содержательные материалы по данному поводу, а на поток негативных высказываний интернет-пользователей, что может оказать отрицательное влияние и на формирование его отношения к данной теме.

Проблем в сфере обучения и адаптации детей из семей иноэтничных мигрантов действительно довольно много, и я, занимаясь этой темой уже около двадцати лет, неоднократно писала об этом в ряде своих более ранних публикаций (Омельченко 2020; Омельченко 2019). Наличие проблем подтверждают и результаты проек-

та, реализуемого при моем участии и при поддержке Фонда президентских грантов проекта «Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов средствами образования: методическая и консультативная поддержка школ и детских садов в регионах России» (Информация о проекте 2021). в проекте участвуют 32 образовательные организации из 10 субъектов РФ (Московская, Калужская, Рязанская, Ивановская, Ленинградская, Новосибирская, Свердловская области, город Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий АО и Пермский край); в его рамках с руководителями и представителями администрации, с педагогами и воспитателями образовательных организаций проводились глубинные интервью, а дети из семей иноэтничных мигрантов участвовали в диагностике уровня языковой и социокультурной адаптации к российской образовательной среде.

Участники программы ставят перед собой задачу помочь образовательным организациям со значимой долей обучающихся из семей иноэтничных мигрантов перестроить свою работу таким образом, чтобы проблему адаптации детей мигрантов превратить в ресурс устойчивого развития школы, совместно преодолеть риски отставания и неуспешности, обеспечить положительную динамику образовательных результатов в классах, где учатся дети с миграционной историей. Исследуя школы и детские сады, мы с удивлением убеждались в том, что дети из семей иноэтничных мигрантов, испытывающие трудности во владении русским языком, в социальной и культурной адаптации, это уже не иностранные граждане. Более 400 детей из 700 школьников, участвовавших в диагностике, это дети из семей, которые уже получили российское гражданство, но, несмотря на это, остаются недостаточно интегрированными в российскую среду, плохо владеют русским языком, предпочитая родные языки в домашнем и земляческом общении. в контексте тематики настоящей статьи это означает, что негативный дискурс направлен уже не против иностранных мигрантов, «чужеземцев» и «иноверцев», которые, отработав положенный срок, вернутся в свои страны, а против граждан Российской Федерации «с миграционной историей», имеющих таджикское, киргизское, узбекское, армянское, молдавское и иное этническое происхождение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наличие в сети разнообразного негативного дискурса по отношению к проблематике адаптации мигрантов и обучения детей мигрантов, в частности, и некоторые аспекты его направленности, подвергнутые мною анализу, свидетельствуют о наличии среди части российского населения достаточно развитых настроений мигрантофобии. По мнению В.К. Мальковой, СМИ и современные медиа (к которым сейчас с полной уверенностью можно отнести и интернет-блоги, и социальные сети) выполняют функцию распространения в массовом сознании не только «новостей и сообщений о некоторых событиях в жизни народов – этносов, но и толерантных или конфликтных этнических ценностей, образов, ориентиров и идей, что оказывает определенное воздействие на формирование общественной атмосферы, массовых взглядов и представлений людей» (Малькова 2014: 101–102). Невозможно запретить людям комментировать те или иные новости (кроме случаев прямого разжигания национальной розни и проявлений экстремизма), но очень важно рекомендовать крупным СМИ сопровождать новостные публикации по вопросам, касающимся межэтнического взаимодействия, достаточно подробными комментариями, ссылками на законы и авторитетными мнениями. Причем ориентировать на такой подход этнические СМИ, как это дела-

ется, например, на проводимых ежегодно Форумах этнических и региональных медиа (См., например, МДН 2019; в Москве 2020), недостаточно. Прежде всего, нужно практиковать такое подробное комментирование в крупных федеральных СМИ, не ограничивая освещение темы короткими новостными сообщениями. Для темы обучения и адаптации детей из семей иноэтничных мигрантов данный подход мне кажется особенно важным, как средство профилактики возникновения и развития в российском обществе межэтнической и социальной напряженности.

Источники и материалы

- В Москве 2020 – в Москве проходит медиафорум этнических и религиозных СМИ // ТВЦ 30.11.2020. <https://www.tvc.ru/news/show/id/198436> (дата обращения: 25.10.2021 г.)
- В России 2021 – в России готовят систему оценки образовательных потребностей детей-мигрантов // Парламентская газета. 30.03.2021 г. <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-gotovuat-sistemu-ocenki-obrazovatelnykh-potrebnostey-detey-migrantov.html> (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- В Совфеде 2021 – в Совфеде предложили создать единую систему учета детей мигрантов // Аргументы и факты. 30.03.2021 г. https://aif.ru/society/v_sovfede_predlozhili_sozdat_edinuyu_sistemu_ucheta_detey_migrantov (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- Владимир Путин 2021 – Владимир Путин: Число детей мигрантов в школах не должно создавать проблем // Комсомольская правда. 30.03.2021 г. <https://www.kp.ru/daily/27258/4390242/> (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- Информация о проекте – Информация о проекте «Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов средствами образования: методическая и консультативная поддержка школ и детских садов в регионах России» // Официальный сайт Московского педагогического государственного университета (МПГУ) www.mpgu.su/integration (дата обращения: 25.04.2021 г.).
- Комментарий 1 2021 – Комментарий читателя к блогу «Раз, два, три, четыре, пять! Будем деток мигрантов в школе мы считать!» // Яндекс Дзен <https://zen.yandex.ru/media/id/5c9a67c1d2276333bb45fc5e/raz-dva-tri-chetyre-piat-budem-detok-migrantov-v-shkole-my-schitat-60638348fa23f523d3f05cc6> (дата обращения: 21.06.2021 г.)
- Комментарий 2 2021 – Комментарий читателя к блогу «После слов президента о школьных классах России, заполненных детьми мигрантов, я поняла, что у нас будет дальше с образованием» // Яндекс Дзен <https://zen.yandex.ru/media/northsouth/posle-slov-prezidenta-oshkolnyh-klassah-rossii-zapolnennyh-detmi-migrantov-ia-poniala-chto-u-nas-budet-dalshe-s-obrazovaniem-60684934b20786037991ad6b> (дата обращения: 19.06.2021 г.)
- Комментарий 3 2021 – Комментарий читателя к публикации «Владимир Путин: Число детей мигрантов в школах не должно создавать проблем» // Комсомольская правда <https://www.kp.ru/daily/27258/4390242/#comments> (дата обращения: 21.08.2021 г.)
- Комментарий 4 2021 – Комментарий читателя к публикации «Не любят его учителя. А почему? Потому что он черный?» // Новая газета <https://novayagazeta.ru/articles/2021/05/25/ne-liubiat-ego-uchitelia-a-pochemu-potomu-chto-on-chnyiy> (дата обращения: 20.06.2021 г.)
- Комментарий 5 2021 – Комментарий зрителя к видеосюжету «В.В. Путину доложили о проблеме миграционного учёта детей мигрантов в России» // YouTube <https://www.youtube.com/watch?v=mE6ts2Ppbe4> (дата обращения: 23.06.2021 г.)
- Комментарий 6 2021 – Комментарий читателя к блогу «После слов президента о школьных классах России, заполненных детьми мигрантов, я поняла, что у нас будет дальше с образованием» // Яндекс Дзен <https://zen.yandex.ru/media/northsouth/posle-slov-prezidenta-oshkolnyh-klassah-rossii-zapolnennyh-detmi-migrantov-ia-poniala-chto-u-nas-budet-dalshe-s-obrazovaniem-60684934b20786037991ad6b> (дата обращения: 19.06.2021 г.)
- Комментарий 7 2021 – Комментарий читателя к блогу «Раз, два, три, четыре, пять! Бу-

- дем деток мигрантов в школе мы считать!» // Яндекс Дзен <https://zen.yandex.ru/media/id/5c9a67c1d2276333bb45fc5e/raz-dva-tri-chetyre-piat-budem-detok-migrantov-v-shkole-my-schitat-60638348fa23f523d3f05cc6> (дата обращения: 21.06.2021 г.)
- Комментарий 8 2021 – Комментарий читателя к блогу «Школьные гетто – неизбежное будущее. В. Путин высказался о проблеме детей мигрантов в школах» // Яндекс Дзен https://zen.yandex.ru/media/obrmos_2/shkolnye-getto--neizbejnoe-buduscee-v-putin-vyskazalsia-o-probleme-detei-migrantov-v-shkolah-606df9d6a057e8171d5217fa (дата обращения: 18.06.2021 г.)
- Комментарий 9 2021 – Комментарий зрителя к видеосюжету «Дети мигрантов в наших школах» // ОТР-онлайн <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/deti-migrantov-v-nashih-shkolah-49992.html> (дата обращения: 05.06.2021 г.)
- Комментарий 10 2021 – Комментарий читателя к публикации «Владимир Путин: Число детей мигрантов в школах не должно создавать проблем» // Комсомольская правда <https://www.kp.ru/daily/27258/4390242/#comments> (дата обращения: 21.08.2021 г.)
- Комментарий 11 2021 – Комментарий читателя к публикации «Владимир Путин: Число детей мигрантов в школах не должно создавать проблем» // Комсомольская правда <https://www.kp.ru/daily/27258/4390242/#comments> (дата обращения: 21.08.2021 г.)
- Комментарий 12 2021 – Комментарий читателя к блогу «После слов президента о школьных классах России, заполненных детьми мигрантов, я поняла, что у нас будет дальше с образованием» // Яндекс Дзен <https://zen.yandex.ru/media/northsouth/posle-slov-prezidenta-o-shkolnyh-klassah-rossii-zapolnennyh-detmi-migrantov-ia-poniala-chto-u-nas-budet-dalshe-s-obrazovaniem-60684934b20786037991ad6b> (дата обращения: 19.06.2021 г.)
- Комментарий 13 2021 – Комментарий читателя к публикации «Не любят его учителя. А почему? Потому что он черный?» // Новая газета <https://novayagazeta.ru/articles/2021/05/25/ne-liubiat-ego-uchitelia-a-pochemu-potomu-chto-on-chernyi> (дата обращения: 20.06.2021 г.)
- Комментарий 14 2021 – Комментарий читателя к блогу «Школьные гетто – неизбежное будущее. В. Путин высказался о проблеме детей мигрантов в школах» // Яндекс Дзен https://zen.yandex.ru/media/obrmos_2/shkolnye-getto--neizbejnoe-buduscee-v-putin-vyskazalsia-o-probleme-detei-migrantov-v-shkolah-606df9d6a057e8171d5217fa (дата обращения: 18.06.2021 г.)
- Комментарий 15 2021 – Комментарий читателя к блогу «Школьные гетто – неизбежное будущее. В. Путин высказался о проблеме детей мигрантов в школах» // Яндекс Дзен https://zen.yandex.ru/media/obrmos_2/shkolnye-getto--neizbejnoe-buduscee-v-putin-vyskazalsia-o-probleme-detei-migrantov-v-shkolah-606df9d6a057e8171d5217fa (дата обращения: 18.06.2021 г.)
- Комментарий 16 2021 – Комментарий читателя к блогу «Раз, два, три, четыре, пять! Будем деток мигрантов в школе мы считать!» // Яндекс Дзен <https://zen.yandex.ru/media/id/5c9a67c1d2276333bb45fc5e/raz-dva-tri-chetyre-piat-budem-detok-migrantov-v-shkole-my-schitat-60638348fa23f523d3f05cc6> (дата обращения: 21.06.2021 г.)
- Комментарий 17 2021 – Комментарий зрителя к видеосюжету «В.В. Путину доложили о проблеме миграционного учёта детей мигрантов в России» // YouTube <https://www.youtube.com/watch?v=mE6ts2Ppbe4> (дата обращения: 23.06.2021 г.)
- Комментарий 18 2021 – Комментарий читателя к публикации в газете «Ростов-АИФ» // Ростов – АИФ https://rostov.aif.ru/society/persona/chuzhbina_stavit_limit_zachem_ogranichivat_chislo_detei_migrantov_v_shkole (дата обращения: 08.06.2021 г.)
- Комментарий 19 2021 – Комментарий читателя к публикации «Владимир Путин: Число детей мигрантов в школах не должно создавать проблем» // Комсомольская правда <https://www.kp.ru/daily/27258/4390242/#comments> (дата обращения: 21.08.2021 г.)
- Комментарий 20 2021 – Комментарий читателя к публикации «Владимир Путин: Число детей мигрантов в школах не должно создавать проблем» // Комсомольская правда <https://www.kp.ru/daily/27258/4390242/#comments> (дата обращения: 21.08.2021 г.)

- Комментарий 21 2021 – Комментарий читателя к публикации «В Совфеде предложили создать единую систему учета детей мигрантов» // Аргументы и факты https://aif.ru/society/v_sovfede_predlozhili_sozdat_edinuyu_sistemu_ucheta_detey_migrantov (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- Комментарий 22 2021 – Комментарий читателя к публикации «Путин предложил следить за долей детей мигрантов в школах» // Интернет-портал РБК <https://www.rbc.ru/society/30/03/2021/60631c1a9a794795c4323a51> (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- Малоприятная сфера 2021 – «Малоприятная сфера»: Путин призвал следить за долей детей мигрантов в российских школах» // Новая газета. 30.03.2021 г. <https://novayagazeta.ru/articles/2021/03/30/putin-prizval-sledit-za-dolei-detey-migrantov-v-rossiiskikh-shkolakh> (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- МДН 2019 – Медиафорум этнических и региональных СМИ в рамках проекта ГБУ «МДН» // Московский дом национальностей. Официальный сайт <https://mdn.ru/report/mediaforum-etnicheskikh-i-regionalnyh-smi-v-ramkah-proekta-gbu-mdn-2> (дата обращения: 25.10.2021 г.).
- Медиалогия 2021 – ресурс-агрегатор «Медиалогия» <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/8058/> (дата обращения: 05.06.2021 г.).
- Путин поручит 2021 – Путин поручит проработать меры для адаптации детей иностранных граждан <https://iz.ru/1144347/2021-03-30/putin-poruchit-prorabotat-mery-dlia-adaptatsii-detey-inostrannykh-grazhdan> (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- Путин предложил 2021 – Путин предложил следить за долей детей мигрантов в школах // Газета РБК. 30.03.2021 г. <https://www.rbc.ru/society/30/03/2021/60631c1a9a794795c4323a51> (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- Путин призвал 2021a – Путин призвал следить за долей детей мигрантов в российских школах // Ведомости. 30.03.2021 г. <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/03/30/863824-kolichestvo-detey-migrantov> (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- Путин призвал 2021b – Путин призвал следить за количеством детей мигрантов в школах» // Московский комсомолец. 30.03.2021 г. <https://www.mk.ru/politics/2021/03/30/putin-prizval-sledit-za-kolichestvom-detey-migrantov-v-shkolakh.html> (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- Путин: Доля 2021 – Путин: Доля детей-мигрантов в школах должна позволить адаптировать их к среде в РФ» // Российская газета. 30.03.2021 г. <https://rg.ru/2021/03/30/putin-dolia-detey-migrantov-v-shkolah-dolzha-pozvoliat-adaptirovat-ih-k-srede-v-rf.html> (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- Школа вживания 2021 – Школа вживания. Президент предложил Минпросвещения поровнее рассадить детей-мигрантов // Коммерсант. 31.03.2021 г. <https://www.kommersant.ru/doc/4751905?query=дети%20мигрантов> (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- Стенограмма 2021 – Стенограмма заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ 30 марта 2021 года <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenijaputina-na-zasedanii-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html> (дата обращения: 25.04.2021 г.).

Научная литература

- Баринова А. Языковая репрезентация собирательного образа мигранта в российском обществе // Вопросы психолингвистики. 2013. Т. 2. № 18. С. 174–181.
- Дейк Т.А. ван. Когнитивные модели этнических ситуаций. Пер. с англ. Г.Е. Крейдлина / Т.А. Ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. С. 161–190.
- Дейк Т.А. ван. Язык и идеология: К вопросу о построении теории взаимодействия / Пер. с англ. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Под общей ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: БГУ, 2000. Вып. 2.
- Доля единства. 81,1 процента высоко оценивают межнациональные отношения // Рос-

- сийская газета. 18.02.2021 г. <https://rg.ru/2021/02/18/vciom-bolee-80-rossiian-vysoko-ospenivaiut-mezhnacionalnye-otnosheniia.html> (дата обращения: 06.06.2021 г.).
- Зверева Н.Ю.* Дискурсы о мигрантах в современной российской прессе: стратегии борьбы за значение // Новое литературное обозрение. 2014. №4 (128). С. 88–96.
- Малахов В., Летняков Д.* Ислам в восприятии российским обществом: сравнительно-политический аспект // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 248–271. DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-2-248-271.
- Малькова В.К.* Этническая тематика в российском информационном пространстве // Коммуникология. 2014. №5. С. 101–117.
- Нагорный О.С.* Репрезентация этничностей в русскоязычных социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 165–184. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.11.
- Омельченко Е.А.* Дети из семей мигрантов в российской школе: проблемы адаптации в контексте международных подходов // Вопросы этнополитики. 2020. №1. С. 24–41.
- Омельченко Е.А.* Российская Федерация в контексте миграционных процессов: проблема интеграции иноэтнических мигрантов // Современная научная мысль. 2019. №2. С. 194–201.
- Пастухов А.Г.* Этнические аспекты идеологизации понятий в миграционном дискурсе / Дискурология: возможности интерпретации гуманитарного знания. Тезисы докладов участников всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Отв. ред. Синельникова Л.Н. 2018. Изд-во Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. С. 37–39. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36520287&selid=36520305> (дата обращения: 06.06.2021 г.). С. 37–39.
- Федорова Ю.Е.* Ислам в восприятии современного европейского сообщества: стереотипы и реальность // Философская мысль. 2014. № 7. С. 99–125. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.7.13036. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13036.
- Eberl, J.-M., Meltzer, Ch.E., Heidenreich, T., Herrero, B., Theorin, N., Lind, F., Berganza, R., Boomgaarden, H.G., Schemer, C. and Strömbäck, J.* 2018. The European media discourse on immigration and its effects: a literature review. *Annals of the International Communication Association* 42 (3): 207–223, DOI: 10.1080/23808985.2018.1497452.
- Ekman M.* Anti-refugee Mobilization in Social Media: The Case of Soldiers of Odin. *Social Media + Society*. January 2018. Doi:10.1177/2056305118764431.
- KhosraviNik, M. and Esposito, E.* 2018. Online hate, digital discourse and critique: Exploring digitally-mediated discursive practices of gender-based hostility. *Lodz Papers in Pragmatics* 14 (1): 45–68. <https://doi.org/10.1515/lpp-2018-0003>.
- Moscovici, S.* 1981. On social representation. In *Social Cognitions: Perspectives on Everyday Understanding*, edited by Joseph P. Forgas. London: Academic Press: 181–210.
- Orrù, Paolo.* 2014. Racist Discourse on social networks: a discourse analysis of Facebook posts in Italy. *Rhesis: International Journal of Linguistics, Philology and Literature* 51: 113–133.
- Tynes, B., Reynolds, L., and Greenfiel, P.M.* 2004. Adolescence, race, and ethnicity on the Internet: A comparison of discourse in monitored vs. unmonitored chat rooms. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 25 (6): 667–684. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2004.09.003>.

Omelchenko, Elena A.

Ethnic Migrants' Children Adaptation: The Negative Internet Discourse

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/269-282

The Council for Interethnic Relations Working under the President of the Russian Federation (30.03.21) meeting provoked many comments on the Internet with a negative and even aggressive attitude. They reflect on the topic of teaching and adapting children of ethnic migrants' at Russian schools that was discussed at the Council by V. Putin, the President of the

Russian Federation, and other reporters. The negative discourse manifested so clearly on the Internet made the author question the reliability of the data on the interethnic relations that almost all subject matter officials have characterized as quite favorable. It might be assumed that the degree of migrantophobia in our country, contrary to the “assessment of the interethnic relations in the country,” is still relatively high, especially when direct contacts with migrants’ families are considered. Such contacts become inevitable at educational organizations – schools, colleges, and kindergartens. The article analyzes some aspects of this negative ethnic and migration discourse and gives several recommendations on improving the situation.

Keywords: children from migrants’ families, ethnic migrants, migration processes, interethnic tension, national and ethnic policy, linguistic, social and cultural adaptation, integration of migrants, Internet discourse, interethnic and interreligious conflicts

For Citation: Omelchenko, E.A. 2021. Ethnic Migrants’ Children Adaptation: The Negative Internet Discourse. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 269–282.

Author Info: Omelchenko, Elena A. – Ph.D. in History, Professor, Vice-Director of the Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University (MPGU) (Moscow, Russia). E-mail: ea.omelchenko@mpgu.su, etno1@dol.ru. ORCID: 0000-0002-2019-2586.

References

- Barinova, A. 2013. Iazykovaia reprezentatsiia sobiratel’nogo obraza migranta v rossiiskom obshchestve [Linguistic Representation of the Collective Image of a Migrant in the Russian Society]. *Voprosy psikholingvistiki* 2 (18): 174–181.
- Deik, T.A. van. 2000. Iazyk i ideologiya: K voprosu o postroenii teorii vzaimodeistviia [Language and Ideology: On Constructing the Theory of Interaction]. In *Metodologiya issledovaniia politicheskogo diskursa: Aktual’nye problemy sodержatel’nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov* [Methodology of the Research of Political Discourse: Actual Problems of the Content Analysis of Public and Political Texts], edited by I.F. Ukhvanova-Shmygova. Minsk: BGU 2.
- Deik, T.A. van. 2000. Kognitivnye modeli etnicheskikh situatsii [Cognitive Models of Ethnic Situations]. In *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication], 161–190. Blagoveshchensk.
- Dolia edinstva. 81.1 protsenta vysoko otsenivaiut mezhnatsional’nye otnosheniia [Proportion of Unity: 81,1 percent give high score to interethnic relations]. 2021, 18th February. *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper]. <https://rg.ru/2021/02/18/vciom-bolee-80-rossii-an-vysokocenivaiut-mezhnatsionalnye-otnosheniia.html> (date of access: 06.06.2021).
- Eberl, J.-M., Meltzer, Ch.E., Heidenreich, T., Herrero, B., Theorin, N., Lind, F., Berganza, R., Boomgaarden, H.G., Schemer, C. and Strömbäck, J. 2018. The European media discourse on immigration and its effects: a literature review. *Annals of the International Communication Association* 42 (3): 207–223, DOI: 10.1080/23808985.2018.1497452.
- Ekman M. 2018. Anti-refugee Mobilization in Social Media: The Case of Soldiers of Odin. *Social Media + Society*. January. DOI:10.1177/2056305118764431.
- Fedorova, Iu.E. 2014. Islam v vospriiatii sovremennoego evropeiskogo soobshchestva: stereotipy i real’nost’ [Islam in the Perception of Contemporary European Community: Stereotypes and Reality]. *Filosofskaia mysl’* [Philosophical Thought] 7: 99–125. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.7.13036.
- KhosraviNik, M. and Esposito, E. 2018. Online hate, digital discourse and critique: Exploring digitally-mediated discursive practices of gender-based hostility. *Lodz Papers in Pragmatics* 14 (1): 45–68. <https://doi.org/10.1515/lpp-2018-0003>

- Malakhov, V., Letniakov, D. 2018. Islam v vospriatii rossiiskim obshchestvom: sravnitel'no-politicheskii aspekt [The Islam in the Comprehension of the Russian Society: Contemporary and Political Aspect]. In *Gosudarstvo, religiiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Abroad] 2: 248–271. DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-2-248-271.
- Mal'kova, V.K. 2014. Etnicheskaia tematika v rossiiskom informatsionnom prostranstve [Ethnic Subject in the Russian Information Space]. *Kommunikologiiia* [Communicology] 5: 101–117.
- Moscovici, Serge. 1981. *On social representation*. In *Social Cognitions: Perspectives on Everyday Understanding*, edited by Joseph P. Forgas, 181–210. London: Academic Press.
- Nagornyi, O.S. 2017. Rerezentatsiia etnichnosti v ruskoiazychnykh sotsial'nykh media [Representation of Ethnicities in the Russian-Language Social Media]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes] 4: 165–184. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.11.
- Omel'chenko, E.A. 2019. Rossiiskaia Federatsiia v kontekste migratsionnykh protsessov: problema integratsii inoetnichnykh migrantov [The Russian Federation in the Context of Migration Processes: the Problem of Integration of Ethnic Migrants]. *Sovremennaiia nauchnaia mysl'* [Contemporary Scientific Thoughts] 2: 194–201.
- Omel'chenko, E.A. 2020. Deti iz semei migrantov v rossiiskoi shkole: problemy adaptatsii v kontekste mezhdunarodnykh podkhodov [Children from Migrants' Families at Russian School: Problems of Adaptation in the Context of International Approaches]. *Voprosy etnopolitiki* [Issues of Ethnopolitics] 1: 24–41.
- Orrù, Paolo. 2014. Racist Discourse on social networks: a discourse analysis of Facebook posts in Italy. *Rhesis: International Journal of Linguistics, Philology and Literature* 51: 113–133.
- Pastukhov, A.G. Etnicheskie aspekty ideologizatsii poniatii v migratsionnom disкурse [Ethnic Aspects of Ideologization of Notions in the Migration Discourse]. In *Diskursologiiia: vozmozhnosti interpretatsii gumanitarnogo znaniia* [Discoursology: Opportunities to Interpret the Humanitarian Knowledge], edited by L.N. Sinel'nikova. Izd-vo Krymskogo federal'nogo univerversiteta im. V.I. Vernadskogo: 37–39. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36520287&selid=36520305> (date of access: 06.06.2021).
- Tynes, B., Reynolds, L., and Greenfiel, P.M. 2004. Adolescence, race, and ethnicity on the Internet: A comparison of discourse in monitored vs. unmonitored chat rooms. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 25 (6): 667–684. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2004.09.003>.
- Zvereva, N. Iu. 2014. Diskursy o migrantakh v sovremennoi rossiiskoi presse: strategii bor'by za znachenie [Discourses on Migrants in the Contemporary Russian Media]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review] 4 (128): 88–96.

**РОССИЙСКАЯ И БЕЛОРУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ
В СТЕРЕОТИПНЫХ ОЦЕНКАХ ДРУГ ДРУГА
(РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
2018–2020 гг.)***

В статье приводятся результаты сравнительного изучения молодежной ментальности двух стран, формирующейся в условиях идеологического и политического пограничья. Уровень взаимопонимания между двумя независимыми государствами во многом зависит от того, насколько молодые поколения адекватно представляют себе национальный характер друг друга, ценностные приоритеты и мировоззренческие позиции своих сверстников, живущих в соседней стране. в работе рассматриваются особенности этнической идентичности молодых людей двух стран, их авто и гетеро стереотипы, исследуется отношение к совместному историческому прошлому и настоящему, изучаются наиболее привлекательные у молодых людей страноведческие бренды России и Беларуси. Проблемы установления взаимопонимания молодежи осложняются тем, что обе страны являются наследницами единого советского прошлого, но испытывают определенные трудности в процессе его модернизации. До недавнего времени для белорусов было характерно стремлением к независимости, для россиян – ориентация на интеграционные процессы. в последнее время со стороны обеих государств усиливаются интеграционные процессы, связанные с построением Союзного государства, что было вызвано волнениями в Беларуси после президентских выборов в 2020 г. Надо отметить, что наше исследование проводилось ранее августовских событий 2020 г. и показало позитивные результаты во взаимодействии и восприятии молодыми людьми друг друга.

Ключевые слова: студенческая молодежь, этническая идентичность, самоидентификация, автостереотипы и гетеростереотипы, образ страны, постсоветское пространство, интеграционные процессы

Для цитирования: Снежкова И.А., Шалыгина Н.В. Российская и белорусская молодежь в стереотипных оценках друг друга (результаты этносоциологического исследования 2018-2020 гг.) // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 283–296.

Три десятилетия, прошедшие с момента распада СССР, обозначили множество новых проблем, связанных с поисками взаимопонимания и сотрудничества между

Снежкова Ирина Анатольевна – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: snezhkova@mail.ru

Шалыгина Наталья Валентиновна – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: etgender@mail.ru

бывшими союзными республиками. На сегодняшний день Россия ведет разнонаправленную политику в отношении каждой из республик, стремясь к построению долгосрочной политики добрососедства на всем постсоветском пространстве. И, несмотря на все имеющиеся проблемы политического, экономического и социокультурного свойства, этот процесс продолжает развиваться в поступательном направлении, объединяя интересы уже суверенных государств. в сложившейся ситуации большое (если не решающее) значение приобретает восприятие молодежью обеих стран ментальных особенностей соседей, которые, несмотря на долгие годы совместного исторического пути, в течение последние трех десятков лет развивались на различных идейно-экономических платформах. За этот период выросло новое поколение, чьи ценности впитали в себя с одной стороны принципы технократической глобализации, а с другой принципы самостоятельных, суверенных государств, ориентирующихся на свой собственный путь развития.

Проблема состоит в том, насколько эти новые поколения двух генетически и исторически близких друг другу славянских народов, разъединенных катаклизмами политических событий, окажутся способными в новых условиях найти общий язык друг с другом. в качестве гипотезы рассматривается утверждение, что за длительный период совместной истории и особенно за период советского времени (1920-е гг. – 1991 гг.) у обоих соседних народов сформировались не просто сходные ценности общечеловеческого плана, но и сходная ментальность, которая транслировалась молодым поколениям и создавала архетипические модели поведения, мировосприятия, традиции повседневного быта и т.п.

Проверка данной гипотезы стала одной из задач совместного российско-белорусского исследования 2018–2020 гг., проводившегося силами совместной исследовательской группы преподавателей Белорусского государственного университета (БГУ) и научными сотрудниками Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН). Основным методическим инструментом исследования стала анкета, включившая в себя 40 вопросов, касающихся изучения национальной идентичности, стереотипов восприятия соседнего народа, идентификации символов двух стран, осознания сходства и различий русских и белорусов, степень информированности студенческой молодежи России и Беларуси друг о друге, с точки зрения политических, экономических и культурных особенностей, оценка исторических событий в период существования обеих народов в составе Киевской Руси, Московского княжества, Российской империи, СССР, и в Независимых государствах. Для получения максимально правдивой информации одновременно были использованы открытые и закрытые вопросы. в общей сложности анкетированием удалось охватить 500 студентов – 250 человек в БГУ и 250 человек в нескольких российских вузах г. Москвы. Так, в опросе участвовали такие вузы Москвы, как Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (МГТУ им. Н.Э. Баумана), Московский инженерно-физический институт (МИФИ), Институт журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Институт социальной инженерии Российского гуманитарного университета им. А.Н. Косыгина (ИСИ РГУ), Московская Финансово-юридическая академия (МФЮА), Московский технический институт связи и информатики (МТУСИ), Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ).

Кроме того, для выявления толерантности/интолерантности российских и белорусских студентов по отношению друг к другу как к носителям другой этнической принадлежности были использованы этнопсихологические методы, например, метод К. Каца и К. Брейли, позволивший определить авто- и гетеростереотипы в сознании студентов (Стефаненко 1987: 242–250). С этой же целью в исследовании применялся и модифицированный тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?», разработанный авторами еще в середине прошлого века в рамках направления символического интеракционизма (Чикагская школа), и в данном случае позволивший составить представление об особенностях личностной самоидентификации современной студенческой молодежи, включая социальные, гендерные, общегражданские и этнические параметры (Khun 1951: 68–76).

На первом этапе исследования был использован модифицированный тест М. Куна и Т. Макпартленда, следуя которому российским и белорусским студентам было предложено в иерархическом порядке заполнить 6 позиций, касающихся их Я-концепции. Категории своей индивидуальной Я-концепции и последовательность их расположения на условной шкале ценностей каждый студент должен был определить для себя самостоятельно. Задача тестирования состояла в том, чтобы выявить значимость для студенческой молодежи ценности статусной иерархии в обществе и определить выбор респондентами собственных категорий самоидентификации, к ним относились следующие позиции – общечеловеческий статус «я – человек», гендерный статус («я – девушка», «я – парень»), социальный статус («я – студент»), гражданский статус («я – гражданин России» или «я – гражданин Беларуси»), религиозный статус («я – христианин»), этнонациональный статус («я – русский»), личностный статус («я – личность» или «я – индивид») и статус в семейно-родственной структуре («я – дочь» или «я – сын»). Итоги тестирования представлены на рисунке 1.

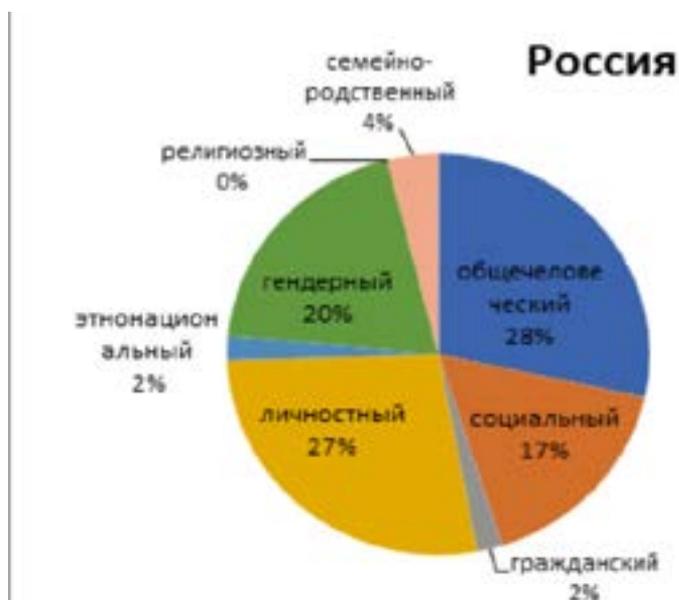

Рис. 1. Приоритеты студенческой молодежи в сфере статусной иерархии (%).

Для большинства респондентов обеих групп наиболее важным определением их «Я-концепции» оказался общечеловеческий статус – «я – человек» (соответственно

52% в белорусской группе и 29% в российской группе). На втором месте по числу респондентов, отдавших предпочтение этой статусной позиции, в белорусской группе оказался социальный статус, или принадлежность к студенческому сообществу (16%), а в российской – личный статус (28%). На третьем месте в обеих группах респондентов – гендерный статус (12% ответивших в белорусской группе и 20% – в российской). На четвертом месте в белорусской группе – гражданский и личный статус поровну из числа ответивших (8% и 8%), а в российской группе – социальный статус (17%). Наименее значимыми позициями «Я-концепции» для белорусских студентов оказались религиозность и роль в семейной структуре, которым отдали предпочтение по 4% респондентов, а для российских студентов – этно-национальный статус (2%) и также роль в семейно-родственной структуре (2%). К этому можно добавить, что религиозный статус как важную позицию «Я-концепции» в российской группе респонденты не отметили вовсе, а в белорусской группе респонденты вообще проигнорировали позицию этно-национального статуса.

Таким образом, несмотря на различия в соотношении статусных показателей, очевидно, что и для белорусских, и для российских студентов наиболее важной позицией в «Я-концепции» являются такие показатели, как общечеловеческий статус, личный, социальный и гендерный. Как видно из рисунка, показатели гражданственности, религиозности и принадлежности к той или иной национальности не являются для молодежи обеих стран приоритетными. Иными словами, результаты опроса молодежи двух стран показали, что конкретные общечеловеческие ценности (семья, любовь, дружба и т.п.) в системе ценностей молодежи обеих стран являются абсолютным приоритетом и по своей значимости для самой молодежи значительно превосходят любые абстрактные понятия, связанные с представлениями об этнической принадлежности, национальности, что радует особенно, когда мы сталкиваемся с выраженным национализмом на Украине.

Этнические авто- и гетеростереотипы российской и белорусской молодежи

Этнические автостереотипы, согласно концепции, разработанной исследователями Принстонского университета Д. Кацом и К. Брейли (США), понимаются как образы этнической группы, сформированные ее носителями о самих себе, а этнические гетеростереотипы – как образы представителей одной этнической группы о других этнических группах (Katz 1933: 280–290). Как правило, этнические автостереотипы (АС) более информационно насыщены и, чаще всего, позитивны, в то время, как гетеростереотипы (ГС) носят несколько упрощенный характер и могут быть менее позитивными или даже негативными. Задача исследовательской группы на данном этапе состояла в том, чтобы, во-первых, определить характер представлений российской и белорусской молодежи о самих себе как о носителях определенной культуры, а, во-вторых, выяснить степень осведомленности молодежи обеих стран друг о друге. С этой целью в анкету были включены открытые вопросы, позволяющие респондентам самим формулировать те качества, которые, по их мнению, более всего характеризуют русский и белорусский народы.

При анализе ответов на вопросы анкеты была использована матричная структура характерологических свойств личности, разработанная советским и российским исследователем В.Н. Панферовым (Панферов 2000: 168). Суть данной структуры заклю-

чается в том, что общий массив полученных в результате анкетирования характеристик разделяется на несколько смысловых категорий, позволяющих добиться максимально точного и адекватного сопоставления стереотипных представлений респондентов. Каждая смысловая категория, выделенная в массиве стереотипных представлений респондентов, согласно поставленной задаче, имеет как положительные, так и отрицательные коннотации. Используя принципы создания матричной структуры личности, мы получили возможность сравнить стереотипные представления белорусской и российской молодежи как о самих себе (АС – автостереотипы), так и друг о друге (ГС – гетеростереотипы) по нескольким параметрам. Результаты сведены к дихотомным значениями и представлены ниже со знаком «плюс» или со знаком «минус».

Таблица 1

Основные категории стереотипных представлений российских и белорусских студентов о национальном характере друг друга

Характерологический стиль поведения

	Россияне		Белорусы	
	плюс	минус	плюс	минус
АС	Стремление к справедливости	Безответственность	Альтруизм	Безотказность
ГС	Целеустремленность		Порядочность	Непритязательность

Деятельностный стиль поведения

	Россияне		Белорусы	
	плюс	минус	плюс	минус
АС	Адаптивность	Неуверенность Принцип «авось»	Трудолюбие	Избыточное послушание
ГС	Активность	Ощущение вседозволенности	Трудолюбие	Склонность к подчинению

Доминирующие личностные характеристики

	Россияне		Белорусы	
	плюс	минус	плюс	минус
АС	Душевность Щедрость	Беспомощность	Миролюбие	Излишняя терпеливость
ГС	Широкая душа	Имперское сознание	Миролюбие	Пассивность

Стиль построения межличностных отношений

	Россияне		Белорусы	
	плюс	минус	плюс	минус
АС	Дружелюбие	Слабохарактерность	Бесконфликтность	Стеснительность
ГС	Отзывчивость Коммуникабельность	Импульсивность	Доброжелательность	Чрезмерное спокойствие

Наличие/отсутствие волевых качеств

	Россияне		Белорусы	
	плюс	минус	плюс	минус
АС	Отважность Сила	Ожесточенность	Уверенность	Боязливость
ГС	Храбрость	Безбашенность	Уравновешенность	Нежелание отстаивать свои права

Социально значимые характеристики

	Россияне		Белорусы	
	плюс	минус	плюс	минус
АС	Патриотизм Сплоченность Самопожертвование	Вспыльчивость	Патриотизм	Сильная подчиненность власти
ГС	Гордость	Самомнение	Преданность традиционным ценностям	Отсутствие стремления к изменениям

Эмоциональные характеристики

	Россияне		Белорусы	
	плюс	минус	плюс	минус
АС	Открытость Отзывчивость	Любовь к халляе	Спокойствие Дружелюбие	Покорность
ГС	Дружелюбие	Категоричность	Спокойствие Мягкость	Апатичность

Исходя из приведенных значений, можно сделать несколько выводов. Во-первых, степень информированности российских и белорусских студентов друг о друге достаточно высока, о чем свидетельствует разнообразие направлений, формирующих мнение молодежи друг о друге. Респонденты обеих групп в своих ответах затронули практически полный спектр значений, составляющих эмоционально-деятельностный портрет соседнего народа. Во-вторых, совпадение большинства значений (как положительных, так и условно отрицательных) свидетельствует о высоком потенциале взаимопонимания молодежи, в противовес политическим и экономическим разногласиям во властных структурах обеих стран. К этому можно добавить, что дальнейшему укреплению взаимопонимания молодежи в немалой степени способствует и то обстоятельство, что и у российских, и у белорусских респондентов, принимавших участие в нашем исследовании, в каждой из соседних стран проживает достаточно большое количество родственников, с которыми молодежь на сегодняшний день поддерживает активные отношения. Немаловажную роль играют СМИ, особенно для Беларуси, где активно смотрят российское телевидение.

И, наконец, в-третьих, количество положительных характеристик соседнего народа, как у белорусских, так и у российских студентов, минимум в 2 раза превышает количество отрицательных, хотя вопрос в анкете был сформулирован достаточно нейтрально – «Что Вам нравится и что не нравится в россиянах? в белорусах?». Важно и то, что оскорбительная тональность характеристик (например, «все русские – любят выпить») как стереотип восприятия другого народа среди ответов наших респондентов не встречается. Оценочный негатив белорусских студентов в адрес своих российских сверстников в самых крайних случаях выглядит следующим образом: «мажоры, упертые (упрямые), слишком громкие, вычурные, склонные к доминированию и т.п.). И, наоборот, российские студенты, отмечая те черты, которые им не нравятся в белорусах, в отдельных случаях писали, что это «чрезмерное спокойствие, страх говорить правду, зависимость и т.п.». На наш взгляд, подобного рода ответы свидетельствуют лишь о том, что молодежь обеих стран не безразлична друг к другу и способна достаточно тонко улавливать особенности национального характера соседнего народа.

Восприятие российскими и белорусскими студентами образа обеих стран

На формирование образа страны, согласно сегодняшним представлениям, сложившимся в сфере имиджологии, влияет, как минимум, две группы факторов, которые чаще всего подразделяются на «условно-статичные», т.е., оставшиеся в прошлом, и «условно-динамичные», т.е., влияющие на процесс формирования образа страны в настоящее время. Вопросы анкеты, предложенной для заполнения российским и белорусским студентам, в нашем исследовании были ориентированы на две вышеуказанные группы факторов. в свою очередь, в каждой из групп факторов в обязательном порядке учитывалась возможность как позитивных, так и негативных ответов. Результаты анкетирования представлены ниже.

Восприятие исторических событий с участием России и Беларуси (условно-статичные факторы). На вопрос «Как Вы оцениваете роль России в истории Беларуси?» 41% белорусских студентов ответили, что положительно, 12% – отрицательно и 47% затруднились с ответом. Большой процент белорусских респондентов, затруднившихся с ответом на этот вопрос, объясняется, прежде всего, тем, что представители этого поколения, родившихся в 2000-е годы, учат историю по учебникам, написанным в непростое время разрушения идеологического единства, существовавшего почти 70 лет между республиками бывшего СССР, и создания новых, так называемых, альтернативных версий исторических событий. Формирование в сознании этого поколения новых версий причинно-следственных связей в истории России и Беларуси оказалось достаточно запутанным и не всегда отражающим реальное положение дел. в таблице, приводимой ниже, показано, как именно сегодня студенты обеих стран оценивают свою совместную историю.

Сразу же можно сказать, что относительное однообразие ответов российских респондентов по этому вопросу связано с тем, что история взаимоотношений России и Беларуси не только не входит в программу сегодняшних учебников по истории, но не была представлена в должной мере и в советских программах обучения по предмету «история». Причина проста: школьные программы и большинство вузовских программ рассматривали отечественную историю как единую для всех народов

СССР. Упоминание о героях-белорусах, как и о героях других республик Советского Союза, а также любые достижения и победы представителей республик считались частью общей истории страны. Без преувеличения можно сказать, что российская молодежь мало знает о событиях, непосредственно касающихся Беларуси. Тем не менее, абсолютное большинство ответов российских респондентов со знаком «плюс» по поводу указанных исторических событий, во-первых, свидетельствует о том, что все, связанное с Беларусью в общей истории обеих стран, воспринимается самой российской молодежью однозначно позитивно, а, во-вторых, не вызывает, по сути, никаких дополнительных вопросов, как бы это ни оценивалось.

Таблица 2

**Отношение белорусских и российских студентов к событиям
их совместной истории**

Основные исторические события	Белорусские студенты			Российские студенты		
	Плюс	Минус	Не знаю	Плюс	Минус	Не знаю
Киевская Русь	75%	14%	11%	79%	2%	19%
Московское княжество	32%	57%	11%	75%	2%	22%
Белоруссия в составе Российской империи	29%	68%	3%	83%	1%	16%
Белоруссия в составе СССР	75%	25%	–	80%	3%	17%;
Независимое государство	93%	7%	–	83%	10%	7%

Иная картина в белорусской группе наших респондентов. Ответы студентов на поставленный в анкете вопрос («Укажите Ваше отношение к историческим событиям в процессе взаимодействия российского и белорусского народов»), не только существенно различаются между собой, но и сопровождаются достаточно пространственными комментариями. Так, среди тех респондентов, чьи ответы даны со знаком «плюс», прослеживается желание объяснить, почему именно союз с Россией для Беларуси в различные исторические эпохи оказывался весьма благотворным. в период существования Киевской Руси, например, как считают 75% наших белорусских респондентов, на территории будущего государства Беларусь «...происходило активное развитие городов..., которые получали не только экономические стимулы к развитию, но и защиту со стороны князей Киевской Руси от врагов». Оценка белорусскими студентами особенностей того исторического периода, однако, далека от какого-либо приукрашивания реальности: «...раздельно белорусов и русских в то время не существовало...»; «... все государственные образования, в которые входила Беларусь, помогли ей стать такой, какая она есть, несмотря на трудности, которые ей приходилось переживать при вхождении в эти государственные образования...»; «... ну, а куда ж без Руси-то?» и т.п.

Период существования Великого княжества Московского (XIV–XV вв.) 32% белорусских респондентов описали как время формирования общих традиций и обычаев. Однако, при характеристике белорусскими студентами этого исторического периода все-таки доминируют негативные оценки, с точки зрения влияния Московского

государства на развитие Беларуси (57%). Так, некоторые респонденты сожалеют о введении православия, в противовес католичеству, вынужденное участие Беларуси в войнах, разоряющих страну, отмечают признаки культурной конфронтации и т.п.

Оценка развития Беларуси в составе Российской империи, с точки зрения 29% белорусских респондентов, была вполне позитивна. Студенты указывают важность проводимых Россией реформ (придание школе светского характера, введение Белорусского учебного округа, введение народных школ и т.п.). Тем не менее, именно этот исторический период отмечен наибольшим числом негативных оценок в белорусских анкетах (68%). Объясняется такое положение дел, по-видимому, тем, что в этот период Россия значительно усилила свое участие в развитии социально-экономической сферы Беларуси, с целью не допустить распространение здесь польского влияния (Карев 2015 : 203–209) А, если учесть, что сегодня Польша рассматривается белорусской оппозицией как наиболее значимый «агент влияния» в продвижении евроатлантических ценностей на территории республики Беларусь (Политика 2015: 18–25), то исторический прецедент, вполне возможно, воспринимается молодежью достаточно ангажировано и способен непосредственно влиять на ее отношение к современной России.

Советский период, напротив, вызывает у белорусской молодежи преимущественно позитивные ассоциации (75%). С этим периодом наши респонденты связывают бурное развитие промышленности на территории Белоруссии, высокий уровень образования и «неплохой уровень жизни».

Победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) абсолютное большинство белорусских студентов относит к категории исторических событий, которыми страна может и должна гордиться (85%). При этом, комментарии самих белорусских респондентов демонстрируют осознанное восприятие победы в ВОВ и полное понимание значения этого события: «гордость за предков», «радость для двух наших народов», «мощь объединенного народа», «эта Великая победа обеспечила будущее моей стране и моему поколению», «это одно из самых значительных событий в истории белорусского народа» и т.д.

Независимое государство приветствует 83% россиян и 93% белорусов. Среди россиян большое количество молодых людей, которые ценят появление свободного от коммунистического прошлого государства, но сожалеют о распаде СССР, что привело к появлению новых государственных объединений не всегда дружественных России. Белорусы рады независимому государству, падению коммунистического режима, обретению новых прав и свобод (Снежкова 2020: 17–41).

Относительно Союзного государства 57% россиян видят в этом положительное явление. Белорусы первоначально более настороженно относились к этому процессу, боясь потери независимости, попадания под санкции коллективного Запада, которые распространяются на Россию, но в результате волнений в Беларуси после президентских выборов 2020 г, отношение изменилось в сторону поддержки Союзного государства.

Из всего сказанного можно сделать как минимум 2 вывода. Во-первых, совместная история двух соседних народов белорусскую молодежь интересует значительно больше, чем российскую. И, во-вторых, исторические события для белорусских студентов, судя по всему, являются полем идеологических споров и оказывают неоднозначное влияние на формирование образа России в целом.

Однако условно-статистические факторы (т.е. представляющие собой некую постоянную, неизменную величину), влияющие на формирование образа страны, не исчерпываются только историческими событиями. К категории таких факторов относятся, например, и геополитическое положение, и потенциал природных ресурсов страны, и культурное наследие. С целью получения максимально свободных ответов об конкурентно-аутентичных преимуществах России и Беларуси, в нашу анкету был включен открытый вопрос, посвященный созданию основных брендов каждой из стран. Причем, обеим группам респондентов предоставлялась возможность создать рекламный контент образа как своей, так и соседней страны.

Белорусский вариант рекламного контента (белорусские студенты о символах Беларуси и России)

Беларусь

- *природные характеристики:* «синеокая озерная страна», чистый воздух, «аисты летают», красивый ландшафт: «страна-василек», нетронутая природа;
- *культурные характеристики:* средневековые замки, рыцарские бои, культовые сражения, развитые ремесла;
- *исторические характеристики:* Киевская и Московская Русь, белорусы в составе, Литовского княжества и Речи Посполитой, Российская империя, СССР, Независимое государство;
- *экономические характеристики:* развитое сельское хозяйство, Белаз, Маз;
- *образ жизни:* счастливая семья, стабильность, низкие цены, многочисленные санатории и базы отдыха.

Россия

- *природные характеристики:* огромные природные богатства, необъятная тайга, реки, моря и океаны;
- *культурные характеристики:* Московский Кремль, архитектура Санкт-Петербурга, знаменитые писатели и художники;
- *исторические характеристики:* Российская империя, СССР, Российская Федерация, Союзное государство;
- *экономические характеристики:* нефть, газ;
- *образ жизни:* культура различных наций, огромные возможности для самореализации.

Российский вариант рекламного контента (российские студенты о символах Беларуси и России)

Беларусь

- *природные характеристики:* чистая природа, озера, Беловежская Пуща, зубры;
- *культурные характеристики:* «Славянский базар», «Песняры», Би 2;
- *исторические характеристики:* Великая Отечественная война, партизаны, Брестская крепость;
- *экономические характеристики:* сельское хозяйство, колхозы, фермы, Белаз;
- *образ жизни:* спокойная жизнь и уверенность в завтрашнем дне.

Россия

- *природные характеристики*: озеро Байкал, Сибирь, Кавказ, Волга, медведи;
- *культурные характеристики*: Москва, Санкт-Петербург, Золотое кольцо, народные промыслы, писатели, художники;
- *исторические характеристики*: победа над Наполеоном, победа в Великой отечественной войне, СССР, полеты в космос, Российская Федерация;
- *экономические характеристики*: нефть, газ, космическая отрасль;
- *образ жизни*: динамическая жизнь, возможности для реализации, беспокойная политическая ситуация.

Приведенные примеры восприятия всего лучшего, что есть в своей собственной и в соседней стране, свидетельствуют о том, что как у белорусских, так и у российских респондентов представления о национальных достижениях обеих стран носят достаточно положительный характер.

Восприятие белорусской и российской молодежью актуальных событий современности

К категории условно-динамичных факторов формирования образа страны относятся те факторы, которые способны оказывать корректирующее влияние на этот процесс – экономические, политические, социальные и др. в нашей анкете была поставлена задача определить степень медийного влияния на восприятие молодежью образа Беларуси и России. Респондентам обеих групп был задан вопрос о том, какую роль играют средства массовой информации в формировании образа России и Беларуси. Кроме того, в анкету был включен и вопрос о том, каким средствам массовой информации студенты доверяют больше – российским, белорусским или западным, когда речь заходит о России и Беларуси. И такая формулировка была выбрана не случайно. По словам Игоря Бузовского, замглавы администрации Президента Беларуси, российский контент в белорусских СМИ сегодня достигает 65% (Рункевич 2019), что составляет серьезную конкуренцию национальным СМИ страны.

Согласно результатам нашего анкетирования, 53% белорусской молодежи не доверяет никаким средствам массовой информации. Чуть меньший процент в качестве основного источника информации предпочитают российские СМИ (34%), западным же СМИ доверяют менее 13% белорусских студентов. Активизация оппозиционных интернет-изданий (Хартия-97) на белорусских порталах, согласно комментариям наших белорусских респондентов, также не вызывает у них живого интереса. Проведенный в Минске в декабре 2018 г. опрос российской социологической службой «Левада-Центр» белорусских студентов по поводу их включенности в обсуждение политических проблем, показал, что основная масса учащейся белорусской молодежи аполитична – менее 10% студентов хотели бы каких-либо политических перемен (Левада-центр 2018). Наши белорусские респонденты, комментируя вопросы о влиянии на них СМИ, написали, что вообще плохо понимают, что-такое политика, что их гораздо больше интересует возможность просто съездить на выходные в Литву, а не посещать политически настроенные молодежные кружки (например, молодежный образовательный центр Фиальта). Однако после событий, связанных с выборами президента Лукашенко в августе 2020 г. ситуация резко изменилась. Деятельность оппозиционных СМИ и сетевых сообществ, расположенных в Литве и

Польше, курируемых из дальнего зарубежья приобрела ведущее положение. Самый популярный Телеграм канал NEXTA был посвящен протестам в Беларуси и быстро завоевал популярность среди молодежи, но также быстро его деятельность сошла на нет, особенно после задержания его основателя Р. Протасевича.

Что касается российской молодежи, то влияние официальных СМИ на их отношение к своим белорусским сверстникам и в целом к Беларуси, согласно результатам нашего анкетирования, также оказалось минимальным: 83% российских студентов ответили, что не интересуются политическими вопросами отношений России и Беларуси.

Как уже отмечалось, наше исследование проводилось до августовских волнений 2020 г., связанных с выборами президента Беларуси. Эти события сделали актуальными многие вопросы. в частности, какие факторы влияют на поведение оппозиции в стране, внутренние или внешние? Как быстро меняется настроение общества, были ли весомые предпосылки для массовых протестов ранее, или подаваемый материал в СМИ не достаточно объективный. Все эти проблемы требуют дальнейших исследований российско-белорусских отношений.

Выводы

Подводя итоги проведенному исследованию, мы пришли к следующим выводам:

1. Ментальность российских и белорусских студентов имеет общую основу, ориентированную на конкретные общечеловеческие ценности (семья, любовь, дружба и т.д.). Вопросы, связанные с принадлежностью к той или иной национальности, а также обсуждение их в дискуссиях (включая дискуссии в блогосфере) для обеих групп молодежи оказываются значительно менее интересными, чем общение на уровне актуальных проблем современного поколения (учеба, путешествия, развлечения и т.п.).
2. Стереотипы восприятия российскими и белорусскими студентами друг друга носят преимущественно позитивный характер. Вместе с тем, в процессе нашего исследования было отмечено, что студенческая молодежь обеих стран достаточно точно формулирует особенности национального характера друг друга, что свидетельствует о высоком потенциале взаимопонимания между ними.
3. Со слов молодых людей обеих стран взаимодействие российского и белорусского народа на протяжении различных исторических периодов в целом носит позитивный характер.
4. Представления россиян и белорусов об основных страноведческих брендах России и Беларуси свидетельствуют о хорошем знании и отношении к соседней стране в культурном, экономическом и историческом контексте.
5. Молодежь обеих стран дорожит нахождением в составе независимых государств, но в случае обострения политической ситуации внутри и вовне страны с пониманием относится к построению политического и экономического союза России и Беларуси.

Источники и материалы

Левада-центр – Левада-центр <https://thinktanks.by/publication/2018/12/10/iz-za-chego-beloruskaya-molodezh-stala-appolitichnoy.html> (дата обращения 10.10.2021)

Научная литература

- Гузенкова Т.С. и др. Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции // Проблемы национальной стратегии, 2015. № 2 (29). С. 18–25.
- Карев Д.В. Белорусско-польское сотрудничество в области исторических исследований конца XX – нач. XXI в.: Гродно – Белосток (наработанные традиции и нереализованные перспективы) // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności. Матэрыялы XX міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гродна, 23-24 кастр. 2014. Мінск: Строй-Медыя-Праект, 2015. С. 203–209.
- Панферов В.Н. Интегративный подход к психологии человека // Психология человека: интегративный подход. СПб: Изд. РГПУ им Герцена, 2000 С. 168
- Рункевич Д., Малай Е. Минск увидел угрозу в российских новостях // Русская планета 2019. <https://rusplt.ru/society/ugroza-rossiyskih-smi-v-belorussii-24976.html> (дата обращения 10.10.2021)
- Снежкова И.А. Образы России и Беларуси в представлении молодежи двух стран в контексте геополитических изменений // Образы России и Беларуси в представлениях молодежи двух стран в XXI веке / под ред. И.А. Снежковой, Н.В. Шалыгиной. М.: ИЭА РАН. 2020. С. 17–41.
- Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. С. 242 – 250.
- Katz D., Braly K. W. Racial stereotypes of one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol. 28. Pp. 280–290.
- Kuhn, Manford and McPartland, T.S. «An Empirical Investigation of Self-Attitudes», American Sociological Review. 1951, Vol. 19. Pp. 68–76.

Snezhkova, Irina A., and Natalia V. Shalygina

Russian and Belarussian Youth in Stereotypical Assessments of Each Other (Results of an Ethno-Sociological Study, 2018–2020)

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/283-296

The article presents the results of a comparative study of the youth's mentality in Russia and Belarus — two neighboring countries sharing much of their ideology and politics. The mutual understanding between the two independent states largely depends on the adequacy in perceiving by the younger generations of each other's national character, value priorities, and outlook of their peers in the neighboring country. The paper examines the ethnic identity of young people of the two countries, their auto- and hetero stereotypes, their attitude to the common historical past and present of Russia and Belarus; the countries' images the young people find the most attractive are looked upon as well. The problems of establishing mutual understanding among young people are complicated by the fact that both countries are heirs to a common Soviet past, and both experience certain difficulties in the process of their modernization. Until recently, Belarussians were characterized by a desire for independence, while Russians were oriented to the interstate integration processes. Recently, integration processes related to the construction of the Russia-Belarus Union State have been intensifying in both states, accelerated by the unrest in Belarus that broke out after the presidential elections in 2020. It should be noted that our study had been conducted before the events of August 2020, and it revealed favorable perceptions of and attitudes to each other of the Russian and Belarussian youth.

Keywords: *students, ethnic identity, self-identification, autostereotypes and heterostereotypes, image of the country, post-Soviet space, integration processes*

For citation: Snezhkova, I.A., Shalygina, N.V. Russian and Belarussian Youth in Stereotypical Assessments of Each Other (Results of an Ethno-Sociological Study, 2018-2020). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 283–296.

Author Info: Snezhkova, Irina A. – PhD (hist.), Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: snezhkova @ mail.ru

Shalygina, Natalya V. – PhD (hist.), Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: etgender@mail.ru

References

- Guzenkova T.S. et al. 2015. Politika Evrosoiuzava v otnoshenii stran postsovetskogo prostranstva v kontekste evrazijskoi integratsii [EU policy towards the post-Soviet countries in the context of Eurasian integration]. *Problemy natsional'noi strategii* (29): 18–25.
- Karev, D.V. 2015. Belorussko-pol'skoe sotrudnichestvo v oblasti istoricheskikh issledovanií kontsa XX – nach. XXI v.: Grodno – Belostok (narabotannye traditsii i nerealizovannye perspektivy) [Belarusian-Polish cooperation in the field of historical research of the late XX – early XXI century: Grodno – Bialystok (established traditions and unrealized prospects)] In Shliakh da žyznastsi = Droga ku wzajemnoci. Materyialy XX mizhnarodnai navukovai kanferentsyi [The path to reciprocity = The road to reciprocity. Materials of the XX International Scientific Conference], Grodna, 23-24 kastr. 2014, 203–209. Minsk: Stroi-Medya-Praekt.
- Katz, D., and K.W. Braly. 1933. Racial stereotypes of one hundred college students. *Journal of Abnormal and Social Psychology* 28: 280–290.
- Kuhn, M. and T.S. McPartland. 1951. An Empirical Investigation of Self-Attitudes. *American Sociological Review* 19 (1951): 68–76.
- Panferov, V.N. 2000. Integrativnyi podkhod k psikhologii cheloveka [Integrative approach to human psychology] In *Psikhologiya cheloveka: integrativnyi podkhod* [Human Psychology: integrative approach]. Sant-Petersburg: Izdatelstvo Herzen Russian State Pedagogical University.
- Runkevich, D., Malai E. 2019. Minsk uvidel ugrozu v rossiiskikh novostiakh [Minsk saw the threat in the Russian news]. *Russkaia planeta*. <https://rusplt.ru/society/ugroza-rossiyskikh-smi-v-belorussii-24976.html>.
- Snezhkova, I.A. 2020. Obrazy Rossii i Belarusi v predstavlenii molodezhi dvukh stran v kontekste geopoliticheskikh izmenenii [Images of Russia and Belarus in the representation of the youth of the two countries in the context of geopolitical changes] In *Obrazy Rossii i Belarusi v predstavleniiakh molodezhi dvukh stran v XXI veke* [Images of Russia and Belarus in the representations of the youth of the two countries in the XXI century], edited by I.A. Snezhkova, N.V. Shalygina, 17–41. Moscow: Institute of Ethnology and anthropology RAS.
- Stefanenko, T.G. 2008. *Sotsial'nye stereotipy i mezhetnicheskie otnosheniia* [Social stereotypes and interethnic relations], 242–250. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ШКОЛЫ, КОНЦЕПЦИИ

УДК 39+930.1

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/297-308

© М.Ю. Мартынова

АНТРОПОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД ЙОВАНА ЦВИИЧА В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ НАУКИ*

Статья посвящена анализу научного наследия выдающегося сербского ученого конца XIX – первой четверти XX века Йована Цвиича (1865–1927) и обзору развития концептуально близких его профессиональным интересам идей в России. Популярный при становлении научных взглядов исследователя антропогеографический метод был осмыслен Цвиичем в силу его широкой эрудиции и опыта полевых исследований по-своему. Будучи географом по образованию, Цвиич смог в своей деятельности по изучению природы и хозяйственного уклада населения Балканского полуострова мастерски скомбинировать точку зрения географа с историческим подходом. В этом видел заслугу Цвиича российский этнолог С.А. Токарев. По его мнению, разработанный Цвиичем антропогеографический метод во многом отличается от одноименного метода Фридриха Ратцеля (1844–1904), и в выгодную сторону. Научные доктрины Йована Цвиича не только предопределили традиции сербской этнографии XX века, но и получили мировую известность. Не прошли они бесследно и для российской науки. Некоторые из работ Цвиича – «Заметки по этнографии македонских славян» и «Аннексия Боснии-Герцеговины и сербский вопрос» в начале прошлого века были переведены на русский язык и изданы в Санкт-Петербурге. Антропогеографический вектор исследований нашел своих сторонников и в России, а также в дальнейшем в значительной степени способствовал появлению у нас в стране «этнического картографирования» и этноэкологии (антропоэкологии). Разработанная Й. Цвиичем культурно-географическая классификация областей Балканского полуострова, так называемых «зон цивилизации» во многом схожа с концепцией «хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей», предложенной в 1970-х годах отечественными учеными М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым. Научное направление, объектом изучения которого являются связи и взаимодействия человека с окружающей средой, развивается и совершенствуется, как в мировой науке в целом, так и в российской науке, в частности.

Ключевые слова: Йован Цвиич, антропогеография, наука в Сербии, наука в России, Балканы

Мартынова Марина Юрьевна – д.и.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник – зав. Центром европейских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (119991, Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: martynova@iea.ras.ru. ORCID: 0000-0001-7280-7450

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Ссылка при цитировании: *Мартынова М.Ю.* Антропогеографический метод Йована Цвиича в зеркале российской науки // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 297–308.

Йован Цвиич (1865–1927), родившийся 156 лет назад, был ученым мирового уровня. О признании значимости вклада Йована Цвиича в науку свидетельствует тот факт, что он не только был ректором Белградского университета и основал при нем в 1910 г. Географическое общество, став его бессменным президентом до своей смерти в январе 1927 г., не только был членом, а затем и президентом Сербской королевской академии, но был избран членом еще семи академий наук, шестнадцати географических и природоведческих обществ по всему миру. За выдающийся вклад в науку он награжден медалями США, Франции и Великобритании, его заслуги отметили в Афинах, Будапеште и Бухаресте, он был почетным доктором Сорбонны и Пражского университета. Среди академий, принявших его в свои ряды, была и Академия наук СССР.

Имя Йована Цвиича хорошо известно в России во многом благодаря тому, что его трудами в середине прошлого века заинтересовался один из известнейших этнологов нашей страны Сергей Александрович Токарев. В 1962 г. В альманахе «Славянский архив» была опубликована его статья, называвшаяся «Йован Цвиич (к 35-летию со дня смерти)» (Токарев 1962). Позднее, в 1978 г., тот же автор, С.А. Токарев написал учебное пособие для студентов-этнографов «История зарубежной этнографии» (Токарев 1978: 168–169), в котором посвятил целый раздел творчеству Й. Цвиича. По мнению Токарева, разработанный Цвиичем антропогеографический метод во многом отличается от одноименного метода Фридриха Ратцеля (1844–1904), и в выгодную сторону. Заслугу Цвиича Токарев видел в том, что Цвиич сумел мастерски сочетать географическую точку зрения с исторической.

Как писал С.А. Токарев, в своих многочисленных трудах, а особенно в капитальном исследовании «Балканский полуостров и южнославянские земли» (Цвиич 1922), Цвиич показывает на убедительном конкретном материале, важную, но притом исторически меняющуюся роль географического ландшафта – и в размещении населения, и в его последующих сдвигах, порожденных историческими причинами (авторское название – «метанастазические движения»), и в формах хозяйства, и в культурном укладе. Разработанная Цвиичем культурно-географическая классификация областей Балканского полуострова, так называемых «зон цивилизации» (нечто вроде понятия «историко-этнографической области»), представляет большую познавательную ценность. Очень интересен и опыт Цвиича по классификации типов городских и сельских поселений в странах Балканского полуострова, типов традиционных построек, но его попытки разграничить «психические типы», свойственные населению отдельных стран и областей полуострова, не выглядят убедительными.

Рабочая методика Й. Цвиича, построенная на самом детальном и добросовестном историческом изучении каждого отдельного населенного пункта (за долгие годы исследований он чуть не все их обошел пешком, сам или его ученики), предопределила традицию сербской этнографии XX века. Спектр научных изысканий Йована Цвиича был весьма широк: это география, этнография, социальная психология и т.д. Начав научную карьеру как географ, Цвиич в 1893 г. получил докторскую степень в Венском университете. Собирая материал для диссертации, которая была посвящена из-

учению карстовых явлений в северных Динарских Альпах, в ходе экспедиционных поездок по Балканам, Цвиич заинтересовался жизнью местного населения, особенностями его быта и культуры. Таким образом этнология прочно вошла в сферу научных интересов ученого, а глубокие географические познания позволили обратить внимание на определяющее воздействие климата и природного фактора (рельефа) на человеческую деятельность. Опубликованные ученым в 1896 г. «Инструкции по изучению деревень в Сербии и других сербских землях» (Цвиич 1896) приобрели методологическую значимость и способствовали получению первых систематически собираемых данных в этнологии Балкан. Основанная Цвиичем капитальная серия изданий «Поселения и происхождение населения» («Населья и порекло становиштва») составила целую библиотеку конкретных монографий об отдельных поселениях Сербии и смежных земель. В числе его учеников и последователей были такие выдающиеся этнологи как Йован Ердельянович, Боривоје Дробнякович, Бранислав Коич, Миленко Филипович, Мирко Барьяктарович, Петар Влахович и др.

Несомненно, научные идеи Йована Цвиича не прошли бесследно и для российской науки. Некоторые из его работ – «Заметки по этнографии македонских славян» и «Аннексия Боснии-Герцеговины и сербский вопрос» в начале прошлого века были переведены на русский язык и изданы в Санкт-Петербурге (Цвиич 1906; Цвиич 1909). В этот период Балканскому региону в российской внешней политике уделялось большое внимание. Как положительное явление можно отметить тот факт, что выработка ее концепции в данном случае была не лишена научного базиса. Показательно, что именно исследования, посвященные ситуациям в Македонии и Боснии-Герцеговине, национальным движениям на Балканах оказались в фокусе внимания российских читателей. Сам автор говорит о том, что «македонский этнографический вопрос является ... одним из труднейших и запутаннейших» (Цвиич 1906: 7). Босния и Герцеговина – тоже регион с непростой судьбой, предмет споров и территориальных претензий. Как и все исследования Цвиича, данные труды основаны на полевом материале, систематизированном в виде этнографических карт и статистических таблиц. Они являются ценным источником по сей день, т.к. проблемы идентичности македонцев и жителей Боснии и Герцеговины полны противоречий и до сих пор не утратили своей актуальности.

О государственном и даже международном уровне практической значимости работ Цвиича свидетельствует, в частности, тот факт, что собранные им этнографические данные и этногеографические карты югославянских земель нашли применение при определении политических границ нового югославянского государства – Королевства сербов хорватов и словенцев, когда в спорных случаях аргументом в переговорах служили сведения о населении (Цвиич был участником Парижской мирной конференции 1919 г., председателем территориальной секции делегации Королевства СХС). Отметим, что схожая методика аргументации в значительной степени была использована и при проведении границы Югославии после Второй мировой войны. Тогда в международную комиссию по определению итало-югославской границы в качестве эксперта был включен российский этнограф С.А. Токарев, знакомый с трудами Й. Цвиича и его подходом к изучению пограничных территорий (Токарев 2020; Мартынова 2020: 35–62).

Размышляя о влиянии исследований Цвиича на этнологию/антропологию в целом или точнее на российскую версию антропогеографии, надо отметить, что в рос-

сийской научной традиции довольно распространено тесное переплетение изучения этнографических и географических вопросов. О близкой связи этнографии с географией еще в XIX веке свидетельствует, в частности, тот факт, что на Историко-филологическом факультете Московского университета в 1884 г. была создана единая кафедра географии и этнографии. Ею со дня основания и до 1922 г. руководил русский географ, антрополог, этнограф, археолог, музейевед Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923). Он по праву считается основоположником научного изучения географии, антропологии и этнографии в МГУ им. М.В. Ломоносова (*Кадек* 1940: 27–28). Интерес к антропогеографии в первые десятилетия XX века подтверждает тот факт, что тогда на русский язык были переведены труды ведущих зарубежных антропогеографов. В русле этого направления писали и российские ученые накануне и в первые годы после Октябрьской революции. Среди них представитель московской школы географов, основатель российского карстоведения, директор НИИ географии МГУ в 1921–1927 гг. Александр Александрович Крубер (1871–1941) и выдающийся педагог-географ, автор многих учебников для средней и высшей школы Л.Д. Сеницкий (1864–1933) (*Крубер* 1922; *Крубер* 1930; *Сеницкий* 1909; *Сеницкий* 1923). Круберу принадлежит опыт географического районирования Европейской России. Он очень образно показал значение человеческой деятельности в жизни и облике ландшафтов. По мысли А. Крубера, антропогеография изучает «человечество и факты и явления из жизни людей в их пространственном распространении и в их взаимодействии с географическими фактами и явлениями». В «Большой советской энциклопедии» (1930) географ А. Крубер представил антропогеографию в качестве «отдела географии, рассматривающего землю как место обитания человека» (*Крубер* 1930).

Согласно российскому географу Л.Д. Сеницкому, антропогеография выяснила влияние географических факторов на историческое и культурное развитие, доказала, что с ростом культуры человек не становится менее зависимым от природы, установила, что природа представляет только возможности: воспользуется ли ими человек или нет, зависит от уровня его культуры. В отличие от Ф. Ратцеля, Крубер и Сеницкий признавали объективно существующую географическую оболочку, в которой выделяли антропосферу. В 1928 г. увидела свет книга выдающегося этнографа и лингвиста, североведа, исследователя языков народов Севера России Владимира Германовича Богораз-Тана «Распределение культуры по Земле. Основы этногеографии», которая также не лишена антропогеографического подхода (*Богораз-Тан* 1928). В тот же период оригинальные концепции антропогеографии и политической географии разрабатывал и русский ученый Вениамин Петрович Семенов-Тяньшанский. (Еще раньше, в 1911 г. одна из его монографий была удостоена золотой медали на Всемирной выставке в Турине.) Им проанализированы типы сельского расселения, которые он связывал с природными условиями. В то же время он высказал идеи по районированию страны, в основу которых положены экономические факторы (торгово-промышленный оборот, людность и т.д.) (*Семенов-Тяньшанский* 1928).

В дальнейшем в России возобладала более социально выраженная направленность исследований, человечество стало рассматриваться как «социальный организм», в этом же русле воспринималось взаимодействие человека и природы. В 1930-е гг. развитие антропогеографии в СССР было прервано. Она была отнесена к «буржуазным наукам», ослабела и связь этнографии с географией, в основном из-за обращения этнографов к изучению социальных факторов. Антропогеографию критиковали

за отсутствие экономического подхода, за то, что антропогеографы отказывались от изучения современного общества и не пытались увидеть противоречий между природой и обществом. Они и в самом деле были убеждены, что все в мире обусловлено естественными факторами и что географическая среда заставляет выбирать тот или иной вид занятий человека. В середине прошлого века заведующий отделом этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР профессор Петр Кушнер упрекал антропогеографов в том, что они излишне абсолютизировали влияние местности на создание «тех или иных общественных форм» и «игнорировали социальные факторы». По его словам, «социальные факторы... настолько велики, что не только определяют формы человеческого общества, но и оказывают влияние на окружающий человека ландшафт... в новом облике окультуренных человеком территорий в значительной степени отражаются этнические особенности человеческих групп – можно сказать, что территориям придается этнический колорит» (Кушнер (Кнышев) 1951; См. также Игнатьев 2004). Как писал российский географ И.М. Забелин и др., антропогеография переоценила внешние факторы в развитии общества, в том числе влияние географической среды (Забелин 1989).

Вместе с тем, в Советском Союзе на протяжении всей его истории этничность прочно увязывалась с территориальностью, поскольку страна состояла из национально-территориальных образований разного ранга – союзных и автономных республик, краев и т.д. Среди классификаций народов и культур, принятых в российской науке, географическая классификация занимает важное, если не главное место. Об этом свидетельствует хотя бы принцип систематизации материала в трудах, изданных Институтом этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, как в многотомном издании 60-х годов XX в. «Народы мира», так и в двадцатитомной энциклопедии 80-х годов XX в. – «Страны и народы», многие другие труды. (Кстати, книга о народах Югославии из серии «Народы мира», написанная учеными двух стран, была издана не только на русском языке, но и на сербском в Белграде.) Несмотря на то, что антропогеография, как научное направление, в России перестало существовать, целый ряд идей, касающихся взаимодействия природы и человека, продолжали развиваться. Такое направление, как этническое картографирование в этнографии советского периода успешно существовало. Были изданы карты и атласы, на которых обозначались территории расселения тех или иных народов. С точки зрения методологии исследования важное значение имела защита в 1947 г. П. Кушнером диссертации на соискание степени доктора исторических наук под названием «Этническая граница и этнографическая территория», которая в 1951 г. была опубликована.

С 50-х годов XX века как методологически важный для науки вопрос дискутировалась проблема хозяйственно-культурной классификации человечества. Это привело к созданию т.н. теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. ХКТ – комплекс особенностей хозяйства и культуры, который складывается исторически у различных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных естественно-географических условиях. Понятие «историко-этнографическая область» во многом похожа на разработанную ранее Цвиичем культурно-географическую классификацию областей Балканского полуострова, названных им «зонами цивилизации». Российская концепция – плод коллективного труда советских ученых, как этнографов, так и археологов. Наиболее полно она была сформулирована в 1955 г. учеными Института

этнографии СССР Максимом Григорьевичем Левиным и Николаем Николаевичем Чебоксаровым в совместной статье «Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области» (Левин, Чебоксаров 1955). По мнению авторов, элементы первой категории функционально связаны с природной средой, не несут этнической характеристики и совпадение их у двух и более народов не свидетельствует об этнических связях. Зато элементы, относящиеся ко второй категории, хотя и не говорят непременно об этническом родстве, но свидетельствуют об исторических контактах народов, которые можно определить хронологически и территориально. Т.е. единый хозяйственно-культурный тип может сложиться «у разных народов и в разных, даже отдаленных друг от друга областях, в сходной географической среде» (Левин, Чебоксаров 1955: 6). С другой стороны, у живущих по соседству представителей разных народов в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб населения (народов) складывается культурная общность. Конкретные территории, на которых сложились те или иные общности, названа авторами концепции историко-этнографическими областями.

И в 1960–1970-е годы в Институте этнографии АН СССР плюсы и минусы антропогеографии активно дискутировались, появился целый ряд публикаций по этой проблеме. Вместе с тем, советская этнография старалась подчеркнуть дистанцирование от антропогеографической традиции. В 1963 г. В журнале «Советская этнография» была опубликована статья С.И. Брука, В.И. Козлова и М.Г. Левина «О предмете и задачах этногеографии» (Брук, Козлов, Левин 1963: 12), в которой они критиковали работы Ф. Ратцеля и «школу географии человека». Спустя десятилетие, в другой статье В.И. Козлов и В.В. Покшишевский писали, что признание влияния «географических факторов на различные явления и процессы, изучаемые этнографией» «не означает, какого-то возврата к антропогеографическим концепциям» (Козлов, Покшишевский 1973: 3–13). Обсуждалась тема «этнографических карт», которые по мнению этнографов того времени, использовались для установления политических границ и обоснования прав своих государств на те или иные территории. (Это связано в первую очередь с периодом балканских войн, первой мировой войны и более поздним временем). Полемизировалась тема этнических границ, этнических территорий, смешения населения и др. (Козлов 1971: 89-100; Брук 1964; Андрианов, Брук, Козлов 1978: 11).

Во второй половине XX в. вклад в разработку вопроса обусловленности культуры географическим фактором внес, в частности, выдающийся, хотя и не всеми признаваемый, российский ученый-энциклопедист с непростой судьбой, историк Лев Николаевич Гумилев (1912–1992). Сын известных поэтов – Анны Ахматовой и Николая Гумилева – создатель учения о человечестве и этносах, как биосоциальных категориях. Теория Льва Николаевича зиждется на утверждении, что «этносы» суть биологические организмы с четко выделяемыми периодами молодости, зрелости и старения. Создавая свою концепцию, Гумилев непосредственно увязывал формирование этнических групп со средой их обитания. В своем последнем труде «От Руси к России: очерки этнической истории» он исследовал исторический путь России исходя из ее географического положения, взаимодействия Европейского и Азиатского миров. В этногенезе он отводил важное значение ландшафту и этническому окружению. Л.Н. Гумилев подчеркивал, что пространство влияет на характер создаваемой культуры и особенности взаимодействия с соседями (Гумилев 2003; Гумилев 1990; Гумилев 1993).

Антропогеографическая идея во многом предопределила возникновение такого направления исследований в российской науке, как этноэкология. Ее еще называют антропологической экологией, социальной экологией или экологией человека. Этноэкологические исследования основываются на представлении о мире, как о единой и целостной системе, существующей в триаде общество-природа-хозяйство. Предмет исследования – взаимодействие общества (историко-культурных общностей) и окружающей или природной среды. В России это направление началось с изучения кавказских долгожителей в 1970-е годы и связано с именем Виктора Ивановича Козлова (1924–2013). Затем в 1980–1990-е годы под его же руководством в Институте этнографии шла работа по проекту «Этническая экология переселенческих групп. Русские старожилы в Закавказье». Были исследованы процессы адаптации русского крестьянского населения, мигрировавшего туда в прошлые века, к условиям жизни в Закавказье. Тематика работ была комплексной и включала в себя изучение демографических, медико-антропологических и психологических характеристик русских старожильческих групп, их брачных связей и семейной структуры, традиционной и современной систем питания, специфики расселения, особенностей поселений и жилищ, хозяйственной деятельности, духовной культуры и социальной структуры конфессиональных общин. Итогом многолетних наблюдений стала серия монографий и сборников, которые до сих пор пишутся по собранным в экспедициях материалам (Козлов, Дубова 1990–1992; Григулевич 1996; Козлов 1995; Козлов 1991; Козлов 1994).

Разработка теоретико-методологических основ этнической экологии как междисциплинарной области исследований продолжается и в начале XXI в., определяются задачи и способы практического применения этноэкологических знаний и исследовательских методик. В этом ключе работает Анатолий Николаевич Ямсков, Надежда Анатольевна Дубова и др. Можно согласиться с мнением А.Н. Ямскова, что преобладающей тематикой для «культурных экологов» является исследование экологических аспектов хозяйства и материальной культуры или медико-демографических характеристик населения. Этноэкологические экспертизы проводились, в том числе, и по заказу международных организаций – Всемирного банка, Консультативного комитета по защите морей, ЮНЕСКО и др. Транснациональные компании, действующие в сырьевых отраслях экономики Сибири, Дальнего Востока и Европейского Севера часто выступают заказчиками этноэкологических экспертиз. Их цель – минимизировать негативное воздействие осуществляемых ими проектов на биоресурсы. Подобного рода работа показывает важность привлечения профессиональных этнологов при выработке различного рода экономических проектов (Степанов 1999; Ямсков 2006). В ряде работ последних лет исследовались, например, социокультурные последствия техногенных катастроф – Чернобыльской аварии и на реке Теча (Комарова 2002; Антонова и др. 2012).

То. научное направление, объектом изучения которого являются связи и взаимодействия человека с окружающей средой, развивается и совершенствуется, как в мировой науке в целом, так и в российской науке в частности. В заключение отмечу, что научные труды Йована Цвиича не утратили актуальности и сегодня. Его творческое наследие с благодарностью изучается учеными разных специальностей спустя полтора столетия. Оно вдохновляет и порождает новые научные идеи. Об интересе к взглядам Йована Цвиича в современной России свидетельствует, например, тот факт, что статья сербского историка Бранко Недовезы, научного советника Институ-

та новой истории Сербии (*Института за новију историју Србије*) «Йован Цвиич об этнических процессах на Балканах» в переводе на русский язык была опубликована в 2010 г. В альманахе «*Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.*», издаваемом в г. Екатеринбург (*Недовеза* 2010).

Имя Йована Цвиича известно в России не только ученым. Даже сайты российских туроператоров ссылаются на авторитет Йована Цвиича (Черногория Турс 2021; route-adviser.ru 2021). Так, например, интернет пестрит сообщениями о том, что один из самых известных в России сербских бальнеологических курортов Сокобања за красоту пейзажей Йован Цвиич называл «сербской Швейцарией» (Соко Баня1 2021; Соко Баня2 2021; Соко Баня3 2021; Соко Баня4 2021). В рубрике «Путешествия» можно прочесть на русском языке и о том, что именно Йован Цвиич обнаружил и первым исследовал самую длинную в Сербии двухкилометровую Райкову пещеру (Путешествия 2021; Райкова пещера 2021). Мы узнаем, что, объехав в 1899 г. все Дурмиторские озера, он еще составил первое подробное описание Пошченского озера (Пошченское озеро 2021). Реклама недвижимости в Черногории информирует россиян, что Йован Цвиич исследовал происхождение и эволюцию Скадарского озера. Согласно его теории, озеро когда-то представляло собой морской залив, который в результате тектонических сдвигов и образования горы Румия, отделился от моря и превратился в озеро, став пресноводным (чернаягора.ру 2021). Желающим посетить Сербию сообщают, что на банкноте номиналом в 500 динаров изображен Йован Цвиич – сербский географ, председатель Сербской Королевской Академии наук.

Источники и материалы

- Черногория Турс 2021 – Черногория Турс. <http://www.chernogoriya-turs.ru/info/377>.
- route-adviser.ru 2021 – route-adviser.ru. <http://route-adviser.ru/blog/putevoditel/1.html>.
- Соко Баня 1, Сербия 2021 – Лечение на курорте Соко Баня, Сербия // Royalmedgroup. http://www.royalmedgroup.com/hotels/soko_terme/.
- Соко Баня 2, Сербия 2021 – Соко Баня // Курорты Сербии. <http://tcgroup.ru/serbiya/kurorty-serbii.html>.
- Соко Баня 3, Сербия 2021 – Соко Баня // Сербские посиделки. <http://serbskieposidelki.ru/2015/07/sokobanya-luchshee-mesto-chtoby-otdoxnut/>.
- Соко Баня 4, Сербия 2021 – Соко Баня // Карпат тур. http://karpat-tour.com/index.php?page=soko_banya.
- Путешествия 2021 – Путешествия // Оракул. <http://www.oracle-today.ru/articles/71939/>.
- Райкова пещера 2021 – Райкова пещера // Отдых в Сербии. <http://otdihvserbii.ru/ga%D0%B9kova-pe%D1%89era/>.
- Пошченское озеро 2021 – Национальный парк Дурмитор. Пошченское озеро // Отдых в Черногории. http://www.travel-mne.ru/sights/nature/poscensko_lake/.
- Токарев 2020 – Токарев С.А. Проблемы Триеста и Юлийской Крайны в послевоенном урегулировании в Европе. Дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы. М.: Индрик, 2020. 544 с.
- Цвиич 1906 – Цвиич И. Заметки по этнографии македонских славян. Спб: РГО, типография Д.В. Чичинадзе, 1906. 60 с. Заметки по этнографии македонских славян (1906) – Цвиич И. – читать книгу онлайн
- Цвиич 1909 – Цвиич И. Аннексия Боснии-Герцеговины и сербский вопрос. / Проф. Йован Цвиич. Петроград: Пушкинская скоропечатня, 1909. 48 с., 1 л. карт.; 23. (Славянская библиотека / Под ред. д-ра фил. Ивана Ст. Шайковича; Вып. 2).
- Цвијић 1896 – Цвијић Ј. Упутства за проучавање села у Србији и осталим српским земљама. Београд: Српска краљевска државна штампарија, 1896.

Цвијић 1922 – *Цвијић* Ј. Балканско полуострво и јужнословенске земље (Српско издање). Београд. Књ. 1, 1922; Књ. 2. 1931. (First published in French: Cvijić J. La péninsule Balkanique: géographie humaine. Paris: A. Colin, 1918).

Цвијић 1965 – Цвијић, Јован (1865-1927). Аутобиографија и други списи / Јован Цвијић ; приред. Владимир Стојанчевић. Београд : Срп. књиж. задруга, 1965. 376 с. (Српска књижевна задруга; коло 58, књ. 394).

Чернаягора.ру 2021 – чернаягора.ру // chernayagora.ru. http://chernayagora.ru/view_page.php?page=8&lang=ru.

Научная литература

Андрианов В. В., Брук С. И., Козлов В. И. Этническая география и ее место в системе этнографической и географической наук // Проблемы этнической географии и картографии / Отв. ред. С.И. Брук. М.: Наука, 1978. С. 11.

Антонова Н.И., Бондаренко Г.Б., Григорьева Р.А., Данилко Е. С., Листова Т.А., Мартынова М.Ю. Социокультурные последствия Чернобыльской аварии. Исследования по прикладной и неотложной этнологии, 2012. № 231–232. М.: ИЭА РАН.

Богораз-Тан В.Г. Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. М.; Л.: Государственное издательство, 1928.

Брук С.И. Основные проблемы этнической географии (методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования). М.: [б. и.], 1964.

Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. О предмете и задачах этногеографии // Советская этнография, 1963. № 1. С. 12.

Григулевич Н.И. Этническая экология питания: Традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. М.: ИЭА РАН, 1996.

Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Айрис-пресс, 2003.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., Гидрометеиздат, 1990.

Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М., Экопрос, 1993.

Забелин И. М. Очерки истории географической мысли в СССР, 1917–1945 годы. М.: Наука, 1989.

Игнатъев Р.Н. Концептуальные подходы к изучению этнических и политических границ в зарубежных и отечественных исследованиях // Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование / Отв. ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова. М.: Изд-во РУДН, 2004.

Кадек М.Г. География в Московском университете до Великой октябрьской социалистической революции // Ученые записки МГУ. Вып. LV. География. М.: МГУ, 1940. С. 27–28.

Козлов В.И. Этническая экология: Становление дисциплины и история проблем. М.: ИЭА РАН, 1994.

Козлов В.И., Покишишевский В.В. Этнография и география // Советская этнография, 1973. № 1. С. 3–13.

Козлов В.И. Этнос и территория // Советская этнография, № 6. 1971. С. 89–100.

Козлов В.И., Дубова Н.А. (отв. ред.). Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. М.: ИЭА РАН, 1990–1992.

Козлов В.И. (отв. ред.). Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991.

Козлов В.И. (отв. ред.). Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. М.: ИЭА РАН, 1995.

Комарова Г.А. Предтеча Чернобыля. Этнокультурные аспекты экологической катастрофы на р. Теча. М.: ИЭА РАН, 2002.

Крубер А. Общее земледение. Ч. 3. Био- и антропогеография. М.: Государственное издательство, 1922.

Крубер А. Антропогеография // БСЭ. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1930.

Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы // Труды Института этнографии АН СССР, н.с. Т. 15. М.: Наука, 1951.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические

- области (К постановке вопроса) // «Советская этнография», 1955. № 4. С. 3–17.
- Мартынова М.Ю. Модель Триеста и население италяно-славянского пограничья // Токарев С.А. Проблемы Триеста и Юлийской Крайны в послевоенном урегулировании в Европе. Дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы. М.: Индрик, 2020. С. 35–62.
- Надовеза Б. Йован Цвиич об этнических процессах на Балканах / Б. Надовеза; пер. с серб. яз. Кулагина А.С. // *Images mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 7. Сер. Балканика. Вып. 2. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2010. С. 82–102. <http://hdl.handle.net/10995/4945>.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.;Л.: Государственное издательство, 1928.
- Синицкий Л. Д. Очерк истории антропогеографических идей. М.: Типография лит. изд-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1909.
- Синицкий Л. Д. Очерки земледелия (Антропогеография). Вып. 1. М.; Л.: Книга, 1923.
- Степанов В.В. (отв.ред.). Методы этноэкологической экспертизы. М.: ИЭА РАН, 1999.
- Токарев С.А. Проф. Йован Цвиич (К 35-летию со дня смерти). // Славянский архив. Сборник статей и материалов / отв. ред. С.А. Никитин. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 95–116.
- Токарев С.А. История зарубежной этнографии: Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1978. 352 с.
- Ямсков А.Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу: прикладные исследования в этнологии. М.: Оргсервис-2000, 2006.

Martynova, Marina Yu.

The Anthropogeographic Method of Jovan Cvijić in the Mirror of Russian Science

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/297-308

The purpose of the article is to investigate the scientific heritage of Jovan Cvijić (1865–1927), a prominent Serbian scholar of the late 19th and first quarter of the 20th century, and explore how the ideas related to his agenda developed in Russia. Cvijić's profound erudition and field research experience helped him to give his own interpretation to the anthropogeographical principle, popular when he was starting his scientific career. A geographer by training, Cvijić masterfully combined geographic perspective with a historical approach in his activities aimed at studying the nature and economic setup of the Balkans. S. A. Tokarev, a Russian ethnologist, believed that Cvijić deserved much credit for doing so. According to Tokarev, the anthropogeographical method developed by Cvijić was considerably different from the homonymous method of Friedrich Ratzel (1844–1904) and compared favorably to it. Jovan Cvijić's teachings had both ordained the traditions of Serbian ethnography of the 20th century and become well-known globally. Their impact on Russian academia was noticeable, too. Some of Cvijić's works, namely "Nekolika posmatranja o etnografiji makedonskih Slovena" and "L'anexion de la Bosnie et la question Serbe", were translated into Russian in the early 1900s and published in St. Petersburg. In Russia, too, there emerged a number of scholars pursuing the anthropogeographical vector of studies. Later it contributed greatly to the nascence of "ethnic mapping" and ethnoecology (anthropoecology) in this country. Cultural-geographical classification of various areas of the Balkan Peninsula, the so-called "civilization zones" developed by J. Cvijić, is in many aspects similar to the concept of "economic-cultural types and historic-cultural areas" proposed in the 1970s by Soviet scholars M.G. Levin and N.N. Cheboksarov. The discipline studying humans' connection to and interaction with the environment is developing and progressing both globally and in Russian academia.

Keywords: *Jovan Cvijić, anthropogeography, Science in Serbia, Science in Russia, the Balkans*

For Citation: Martynova, M. Yu. 2021. The Anthropogeographic Method of Jovan Cvijic in the Mirror of Russian Science. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 297–308.

Author Info: Martynova, Marina Yu. – Dr. of Hist., prof., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, RF). E-mail: martynova@iea.ras.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7280-7450>

Funding: The article is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Andrianov, B.V., S.I. Bruk, and V.I. Kozlov. 1978. Etnicheskaia geografiia i ee mesto v sisteme etnograficheskoi i geograficheskoi nauk [Ethnic geography and its place in the system of ethnographic and geographical sciences] In *Problemy etnicheskoi geografii i kartografii* [Problems of ethnic geography and cartography], edited by S.I. Bruk. Moscow: Nauka.
- Antonova, N.I. et al. 2012. *Sotsiokul'turnye posledstviia Chernobyl'skoi avarii. Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* [Socio-cultural consequences of the Chernobyl accident. Research on applied and urgent ethnology]. Vol. 231–232. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science.
- Bogoraz-Tan, V.G. 1928. *Rasprostranenie kul'tury na zemle. Osnovy ehtnogeografii* [The spread of culture on earth. Fundamentals of ethnogeography]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Bruk, S.I. 1964. *Osnovnye problemy etnicheskoi geografii (metodika opredeleniia etnicheskogo sostava naseleniia, printsipy etnicheskogo kartografirovaniia)* [The main problems of ethnic geography (methods of determining the ethnic composition of the population, principles of ethnic mapping)]. Moscow: Bez izdatel'stva.
- Bruk, S.I., V.I. Kozlov, and M.G. Levin. 1963. O predmete i zadachah ehtnogeografii [About the subject and tasks of ethnogeography] *Sovetskaya ehtnografiya* 1.
- Grigulevich, N.I. 1996. *Etnicheskaia ekologiia pitaniia: Traditsionnaia pishcha russkikh starozhilov i narodov Zakavkaz'ia* [Ethnic ecology of nutrition: Traditional food of Russian old-timers and peoples of Transcaucasia]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science.
- Gumilev, L.N. 2003. *Ot Rusi k Rossii: ocherki etnicheskoi istorii* [From Rousi to Russia: Essays on ethnic history]. Moscow: Ajris-press.
- Gumilev, L.N. 1990. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's biosphere]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
- Gumilev, L.N. 1993. *Etnosfera: Istoriya lyudej i istoriya prirody* [Ethnosphere: The history of people and the history of nature]. Moscow: Ekopros.
- Ignat'ev, R.N. 2004. Konceptual'nye podhody k izucheniiu etnicheskikh i politicheskikh granic v zarubezhnykh i otechestvennykh issledovaniyakh [Conceptual approaches to the study of ethnic and political borders in foreign and domestic studies] In *Belorussko-russkoe pogranič'e. Etnologicheskoe issledovanie* [Belarusian-Russian borderlands. Ethnological research], edited by R.A. Grigorieva, M.YU. Martynova. Moscow: Izdatelstvo RUDN.
- Kadek M.G. 1940. Geografiya v Moskovskom universitete do Velikoi oktyabr'skoi socialisticheskoi revolyucii [Geography at Moscow University before the Great October Socialist Revolution]. *Uchenye zapiski Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Geografiya* [Academic Notes of the Moscow state University], 27–28. Moscow: Moskovskij Gosudarstvennij Universitet. LV.
- Kozlov, V.I. 1994. *Etnicheskaya ehkologiya: Stanovlenie discipliny i istoriya problem* [Ethnic ecology: The formation of discipline and the history of problems]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science.
- Kozlov, V.I., and V.V. Pokshishevskij. 1973. Etnografiya i geografiya [Ethnography and geography]. *Sovetskaya ehtnografiya* 1: 3–13.

- Kozlov, V.I. 1971. Etnos i territoriya [Ethnicity and territory]. *Sovetskaya ehntografiya* 6: 89–100.
- Kozlov, V.I. (ed.). 1991. *Etnicheskaya ehkologiya: teoriya i praktika* [Ethnic ecology: theory and practice]. Moscow: Nauka.
- Kozlov, V.I., Dubova, N.A. 1990–1992. *Russkie starozhily Azerbajdzhana. Materialy po ehnticheskoy ehkologii* [Russian old-timers of Azerbaijan. Materials on ethnic ecology] Moscow.
- Kozlov, V.I. (ed.). 1995. *Russkie starozhily Zakavkaz'ya: molokane i duhoborcy* [Russian old-timers of Transcaucasia: Molokans and Dukhobors]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science.
- Komarova, G.A. 2002. *Predtecha Chernobylia. Etnokul'turnye aspekty ekologicheskoi katastrofy na reke Techa* [The forerunner of Chernobyl. Ethnocultural aspects of the ecological disaster on the Techa river]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science.
- Kruber, A. 1922. *Obshchee zemlevedenie. Chast 3. Bio- i antropogeografiya* [General Earth science. Part 3. Bio- and anthropogeography]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo,
- Kruber, A. 1930. *Antropogeografiya* [Anthropogeography]. In *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia* [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 3. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia
- Kushner (Knyshev), P.I. 1951. Etnicheskie territorii i ehnticheskie granicy [Ethnic territories and ethnic borders]. *Trudy Instituta ehntografii AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 15. Moscow: Nauka.
- Levin, M.G., Cheboksarov, N.N. 1955. Hozyajstvenno-kul'turnye tipy i istoriko-ehntograficheskie oblasti (K postanovke voprosa) [Economic and cultural types and historical and ethnographic areas (To raise the question)]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 3–17.
- Martynova, M.Yu. 2020. Model' Triesta i naselenie ital'iano-slavianskogo pogranich'ia [The model of Trieste and the population of the Italian-Slavic borderland] In *Tokarev S.A. Problemy Triesta i Iuliiskoi Krainy v poslevoennom uregulirovanii v Evrope. Dnevnik chlena chetyrehstoronnei Komissii ekspertov po provedeniiu italo-yugoslavskoi granitsy* [Tokarev S.A. Problems of Trieste and the Julian Kraina in the post-war settlement in Europe. Diaries of a member of the Quadrilateral Commission of Experts on the Italian-Yugoslav Border], 35–62. Moscow: Indrik.
- Nadoveza B. Jovan Cviich ob ehnticheskikh processah na Balkanah [Jovan Zviich on ethnic processes in the Balkans]. *Imagines mundi: al'manah issledovaniy vseobshchej istorii XVI–XX vv. Serija Balkanika*. Vol. 7/2: 82–102. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet.
- Semenov-Tyan-Shanskij, V.P. 1928. *Rajon i strana* [District and country]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Sinickij, L.D. 1909. *Ocherk istorii antropogeograficheskikh idej* [An essay on the history of anthropogeographic ideas]. Moscow: Tipografia literaturnogo tvorchestva I.N. Kushner i K^o.
- Sinickij, L.D. 1923. *Ocherki zemlevedeniya (Antropogeografiya)* [Essays on Earth Studies (Anthropogeography)]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Kniga.
- Stepanov, V.V. (ed.). 1999. *Metody ehntnoehkologicheskoy ehkspertizy* [Methods of ethnoecological examination]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science.
- Tokarev, S.A. 1962. Prof. Jovan Cviich (K 35-letiyu so dnya smerti) [Prof. Jovan Zviich (On the 35th anniversary of his death)]. In Nikitin, S.A. (ed.). *Slavyanskij arhiv. Sbornik statej i materialov* [Slavic Archive. Collection of articles and materials], 95–116. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Tokarev, S.A. 1978. *Istoriya zarubezhnoj ehntografii: Uchebnoe posobie*. [History of foreign ethnography: Textbook]. Moscow: Izdatel'stvo Vysshiaia shkola.
- Yamskov, A.N. 2006. Etnoehkologicheskie ehkspertizy v mezhdunarodnyh organizacijah [Ethnoecological expertise in international organizations] In *Etnologiya obshchestvu: prikladnye issledovaniya v ehntologii* [Ethnology to Society: Applied Research in Ethnology]. Moscow: Orgservis-2000.
- Zabelin, I.M. 1989. *Ocherki istorii geograficheskoy mysli v SSSR, 1917–1945 gody* [Essays on the History of Geographical Thought in the USSR, 1917–1945]. Moscow.

© В.А. Сакович

ЭТНОРЕГИОНАЛИСТИКА КАК НОВОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ГАГАУЗОВЕДЕНИИ (О НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ МОЛДАВСКОГО ЭТНОЛОГА Е.Н. КВИЛИНКОВОЙ)*

Статья посвящена рассмотрению новых подходов и методов исследования традиционной духовной культуры и этнической истории гагаузов, разработанных видным молдавским этнологом Е.Н. Квилинковой. Раскрывается значимость предложенного ею научного направления – этнорегионалистики и особенности использования термина «региональный». Своими исследованиями Е.Н. Квилинкова доказала, что реконструкция этнической истории дисперсно проживающего малочисленного народа возможна лишь путем изучения в ней общего и особенного через региональное. То есть ею обоснована необходимость компаративного исследования локальных этнических групп одного народа в разных регионах. в данной статье обобщен 30-летний опыт работы Е.Н. Квилинковой в Академии наук Молдовы и рассмотрены области духовной культуры гагаузов, изученные ею при помощи этнорегионального подхода. Анализ полученных результатов исследований, представленных в изданных ею научных статьях и монографиях, показал научную и практическую значимость такого научного направления как этнорегионалистика. Его использование в гагаузоведении еще более ценно, так как проблема этногенеза гагаузов (тюркоязычные и православные) до настоящего время остается одной из наиболее дискуссионных. в статье показано, что Е.Н. Квилинковой не только удалось изучить вопрос этногенеза гагаузов через культурогенез, но и вписать культуру гагаузов в нишу культур балканских христианских народов. В связи с этим отмечается вклад Е.Н. Квилинковой как ученого в гагаузоведение и в этнологическую науку в целом.

Ключевые слова: Е.Н. Квилинкова, этнология, этнорегионалистика, методы, гагаузоведение, этническая история, этногенез

Для цитирования: Сакович В.А. Этнорегионалистика как новое научное направление исследований в гагаузоведении // Вестник антропологии, 2021. № 4. С.309–324

Имя Квилинковой Елизаветы Николаевны – доктора исторических наук, доцента, молдавского этнолога (гагаузского происхождения) с 30-летним научным стажем в Академии наук Молдовы хорошо известно в академических кругах, а также специалистам за пределами страны. Она – выпускница исторического факультета

Сакович Василий Андреевич – доктор политических наук, профессор, Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск, ул. К. Маркса, 24).
Эл. почта: 113vs@mail.ru

Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова (1991). в 2002 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в Российской академии наук (в Институте им. Н.Н. Миклухо-Маклая), а в 2008 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора хабилитат исторических наук в Академии наук Республики Молдова (Институт истории, государства и права).

Перечислю основные исследованные ею области традиционной духовной культуры гагаузов, по которым у нее изданы объемные научные монографии: календарная и семейная обрядность, соционормативная культура, терминология родства, народная медицина, народная метеорология, песенный и сакральный фольклор, апокрифическое наследие, православная паломническая традиция, религиозная и языковая идентичности, обряд курбан, культ волка, национальные символы и символика и мн. др. Уже из названий исследованных ею областей видно, что она изучила не только всю традиционную духовную культуру гагаузов, но и отдельные направления этносоциальной психологии – феномен национальной символики и символизма, паломничество к Гробу Господню как религиозный и социокультурный феномен и др.

Даже беглое знакомство с гагаузской библиографией показывает, что Е.Н. Квилинкова одна из самых продуктивных авторов в гагаузоведении как по количеству изданных работ, так и по охваченным ею исследовательским областям. Впечатляет объем изданных ею научных трудов – около 400 работ: из них более 300 научных публикаций, из которых 23 монографии (13 – индивидуальных монографий, 1 фольклорный сборник и 1 научно-методическое пособие), и более 80 – научно-популярных статей. Она активно участвует в международных научных конференциях, симпозиумах и конгрессах. Ее труды хорошо известны за рубежом. И более всего их опубликовано в России. Не лишним будет упомянуть и о том, что кроме Академии наук Молдовы изданные ею индивидуальные монографии выходили также под грифами известных в мире научных заведений других стран: Института востоковедения Российской академии наук, Академии наук Беларуси, Академии наук Республики Татарстан, Софийского университета, Юго-Западного университета (Благоевград, Болгария) и др.

В данной статье мне бы хотелось не только назвать те области гагаузоведения, в которые Е.Н. Квилинкова внесла огромный вклад (многие из них ей пришлось изучать практически с нуля), но и рассмотреть эффективность использованных ею методов исследования, а также остановиться на содержании и значимости разработанного ею и апробированного на практике нового научного направления – *этнорегионалистики*. Его применение в гагаузоведении еще более ценно на фоне понимания того, что проблема этногенеза гагаузов (тюркоязычные и православные) до настоящего времени остается одной из наиболее дискуссионных.

В чем же специфика такого научного направления как «этнорегионалистика»? Е.Н. Квилинкова делает акцент на изучении этнической истории гагаузов через призму этнокультурной идентичности и региональных особенностей, характерных для различных групп этого народа. Понятие «регион» рассматривается ею не в чисто географическом, а в регионально-этнокультурном значении. Е.Н. Квилинкова рассматривает термин *регион* (региональный) в связи с территорией (регионом) компактного расселения конкретно изучаемых групп одного народа, проживающих отдельно от основного этнического ядра в пределах других государств. То есть исследуется его локальные этнические группы в разных регионах через призму сохранности этнической идентичности и результатов межэтнического взаимодействия.

Иными словами, если с позиций регионалистики становится возможной реконструкция древнейшей этнической истории определенного ареала / региона, то этнорегионалистика, как научное направление разрабатываемое Е.Н. Квилинковой, позволяет реконструировать этническую историю дисперсно проживающего малочисленного народа путем изучения в ней общего и особенного через региональное. Для этого различные области традиционной духовной культуры и самосознание, характерные для представителей этнического ядра – гагаузов Молдовы, анализируются Е.Н. Квилинковой в сравнении с региональными особенностями, свойственными его «внешним» группам – гагаузам Болгарии, Греции, Украины и др., живущим вне пределов основного этнического образования. Как следует из проведенных ею исследований, в силу исторических причин, природно-географических условий и этнокультурной среды этих регионов (государств) для проживающих там этнических групп гагаузов характерны существенные отличия, поскольку они вобрали в себя свойственную этим территориям культурно-региональную специфику.

Изучение этнических групп в синхронном и диахронном срезе важно, поскольку позволяет реконструировать этническую историю, изучать вопросы культурогенеза и этногенеза. Это является значимым еще и потому, что сложные социальные и этнические процессы, протекающие в современном обществе, ведут к росту национального самосознания, пробуждая историческую память народов. Но нередко это приводит к созданию этноисторических мифов, ничего общего не имеющего с историей.

Значимость такого направления как этнорегионалистика для гагаузоведения более чем актуально, так как в гагаузской истории и культуре сохраняется много белых пятен, да и происхождение этого народа до настоящего времени остается загадкой. Очевидно, что решение столь сложных задач невозможно без привлечения данных различных гуманитарных дисциплин, анализ которых должен проводиться на более высоком теоретическом уровне, что и осуществила в своих работах Е.Н. Квилинкова.

Исследования Е.Н. Квилинковой основываются на этнорегиональном и междисциплинарном подходах. Она оперирует обобщенными данными, опираясь на результаты собственных полевых исследований каждой из областей традиционной духовной культуры гагаузов и их самосознания. Более высокий уровень обобщения и анализа был проведен Е.Н. Квилинковой при выявлении региональных особенностей и результатов адаптации указанных групп гагаузов в местную этнокультурную среду. Для этого в качестве объекта сравнительно-сопоставительного изучения она взяла наиболее близкие по культурной дистанции народы (проживающие по соседству в тех же регионах – болгар, греков; молдаван, румын, украинцев и др.), а также те, которые рассматриваются гагаузоведами как генетические родственные – тюркоязычные народы. Из полученных ею данных следует, что традиционная духовная культура гагаузов во многом схожа с болгарской, в то время как тюркский пласт представлен в ней незначительно. Все свои выводы она обстоятельно и научно аргументировала на обширном полевом материале.

Опубликованные Е.Н. Квилинковой результаты исследований вызвали в среде гагаузоведов бурные дискуссии, которые у оппонентов не всегда оставались в рамках научного поля. Это можно объяснить тем, что приведенные ею новые данные, введенные в научный оборот, обнажили слабые стороны существующей тюркской теории о происхождении гагаузов, потребовали пересмотра данных по этногенезу и этнической истории гагаузов, а также сделали невозможным игнорирование факта

значительного сходства гагаузской традиционной культуры с болгарской. Еще большую остроту данный вопрос приобрел после того, как Е.Н. Квилинкова опубликовала новые сведения по особенностям языковой и этнической идентификации у разных групп гагаузов (Квилинкова 2007: 375–395). Углубившись в работу с фондами Национального архива Молдовы, она привела довольно много неопубликованных документов, подтверждающих использование гагаузами принципа двойной идентификации (в том числе бессарабскими гагаузами – в прошлом), а также раскрывающих процесс мобилизации этнической идентичности и становление этнонима «гагауз» и глоттонима «гагаузский язык» (Квилинкова 2013: 43–77, 267–330).

Е.Н. Квилинкова – это ученый с принципиальной и непредрвзтой позицией, которая считает важным разрешать проблему, а не завуалировать ее. Таким образом, умело применяя этнорегиональный и междисциплинарный подходы, а также многоуровневый анализ всех имеющихся данных она представила научной общественности новые знания об отличительных признаках и характерных чертах гагаузской традиционной обрядности, фольклора, терминологии, об особенностях этнической и языковой идентификации, о сложностях этнокультурной идентификации гагаузов в современный период и т.д.

Как можно судить по опубликованным ею работам разработку нового научного направления с целью изучения генезиса этнической культуры гагаузов Елизавета Николаевна приступила в начале 2000-х гг. Для того, чтобы выявить этническую специфику в той или иной области культуры, рассмотрения только одной группы – гагаузов Молдовы оказалось явно недостаточно, так как после переселения с Балкан на территорию Бессарабии они оказались в другом природно-географическом и этническом окружении. Для выявления же ядра традиционной духовной культуры гагаузов, его этнокультурных маркеров и кода, необходимо было изучить и проанализировать особенности процесса адаптации и аккультурации у других групп гагаузов, проживающих в других регионах.

Таким образом, Е.Н. Квилинкова пришла к выводу о том, что широты и глубины исследования можно добиться не только привлекая данные по различным гуманитарным дисциплинам, но и при помощи сбора материала по другим группам гагаузов и его историко-сравнительного анализа, а также путем учета степени сохранности или утраты гагаузами тех или иных обрядов, результатов этнокультурного взаимодействия и т.д. Изучение областей традиционной духовной культуры у различных групп гагаузов осуществлялось ею в синхронной и диахронной плоскости. в связи с проведенными Елизаветой Николаевной масштабными и глубокими исследованиями считаем необходимым несколько подробнее остановиться на особенностях использованных ею подходов и полученных результатах.

Началом апробации этнорегионального подхода является работа «Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора)» (Квилинкова 2005). Подход к научному обоснованию нового направления – этнорегионалистики был осуществлен ей в монографии «Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности» (Квилинкова 2007). Эта работа представляет собой первый в гагаузоведении опыт исследования, на основании которого автор, умело оперируя данными различных дисциплин и разными методами, пришел к принципиально новым выводам.

Для того чтобы вычленить этнокультурные, региональные и локальные особенности гагаузов определенного региона она подвергла сравнительному анализу календарные обычаи, обряды, песенный фольклор, термины родства не только у всех исследуемых групп гагаузов, но и у иноэтничного населения региона их проживания. Весь собранный материал проходил множественную фильтрацию. Анализ всех факторов, рассмотренных в совокупности, позволил ей охарактеризовать особенности каждой из групп гагаузов через изучаемое региональное пространство и через этническую общность. Именно эти критерии заставили ее как профессионального этнолога с большим опытом, чутьем и проницательностью исследовать характерные для них явления через систему, отражающую региональные особенности. Отсюда у нее родилось понимание важности и необходимости изучать генезис гагаузской народной культуры через воздействие природно-географических, экономических и этносоциальных факторов на каждую из региональных групп.

Этнорегионалистика как уже апробированное научное направление, со свойственными ему методами и подходами (междисциплинарный, комплексный и др.), стало применяться Елизаветой Николаевной во всех последующих исследованиях. Пример сочетания этнорегионального подхода с привлечением данных различных дисциплин – этнологии, фольклористики, лингвистики, психологии и религиоведения демонстрируют следующие монографии Е.Н. Квилинковой: «Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов» (Квилинкова 2010), «Гагаузский песенный фольклор – “Грамматика жизни”» (Квилинкова 2011), «Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов» (Квилинкова 2012), «Православие – стержень гагаузской этничности» (Квилинкова 2013), «Курбан у гагаузов (Архаическая современность)» (Квилинкова 2015), «Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен)» (Квилинкова 2016).

Результатом изучения Е.Н. Квилинковой каждой новой области традиционной духовной культуры гагаузов стало установление их этнического ядра, выявление последовательности исторических напластований в народной культуре и региональных этнокультурных компонентов: южнославянского, тюркского, восточнороманского и восточнославянского. Каждое из монографических исследований, помимо ценных приложений с полевыми материалами, включает большие разделы, посвященные изучению векторов этнокультурных параллелей. Например, в работе «Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов» сакральный фольклор и народные способы лечения изучены в контексте балканской традиции (Квилинкова 2010: 196–246).

В монографии «Гагаузский песенный фольклор – “Грамматика жизни”» данный вид народного творчества исследуется ею как историко-этнографический источник через призму традиционной материальной и духовной культуры (Квилинкова 2011). Этнографические факты в народных песнях сравниваются и сопоставляются с этнографической действительностью. Автор в синхронном и диахронном срезе рассматривает общие элементы и региональные особенности, характерные для песенного фольклора гагаузов Молдовы, Болгарии, Греции и Украины, степень его сохранности у каждой из групп и результаты инокультурных влияний в данной области культуры. Им анализируется также такой ранее совершенно неисследованный гагаузоведами пласт фольклора как духовные стихи. При выявлении этноспецифических черт гагаузской культуры Е.Н. Квилинкова объективно показывает представленность в ней различных этнических компонентов, том числе болгарского и тюркского. Одной из

установленных автором характерных черт народного песенного творчества гагаузов, объединяющей ее с тюркскими народами, является «отсутствие традиции хорового пения; почти все гагаузские песни одноголосны» (Квилинкова 2011: 345–347).

В монографии «Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов» религиозная рукописная традиция, представленная письменными памятниками апокрифической литературы, рассматривается ею в контексте православной религиозной идентичности, а также через призму этнокультурных контактов и влияний. Ею выявлены орфографические и стилистические особенности гагаузских рукописных сборников, проанализированы причины сложности перевода апокрифических молитв на гагаузский язык, рассмотрена представленность в них молдавской лексики (Квилинкова 2012: 268–365). О данном монографическом исследовании Елизаветы Николаевны, являющимся вкладом не только в балканистику, но и в европейскую культурологию, писали болгарские ученые (Драгова 2012: 360–361).

В монографии «Православие – стержень гагаузской этничности» Е.Н. Квилинкова проанализировала значимость православной идентичности как одного из основополагающих факторов этнического самосознания гагаузов. При анализе православия как важной составляющей гагаузской ментальности, большое внимание уделяется вопросу о начале издания религиозных книг на гагаузском языке, а также роли гагаузского языка и религиозной литературы в процессе этноконсолидации (Квилинкова 2013: 302–451). в работе проанализировано влияние исторических условий на изменение динамики соотношения идентичностей – конфессиональной и языковой. Полученные результаты рассмотрены через призму механизма «народного самосохранения» и этнической мобилизации. в результате проведенного исследования Е.Н. Квилинкова сформулировала основные признаки, составляющие ядро гагаузской этничности: христианство (в форме православия) и тюркоязычность.

Продолжением исследования в области православной религиозности является монография Е.Н. Квилинковой «Хаджылык у гагаузов как религиозный и этнокультурный феномен: от прошлого к настоящему» (Квилинкова 2017). в ней паломничество (в частности, к Гробу Господню) исследовано как в историческом контексте, так и в связи с современной паломнической традицией, сквозь связь времен и поколений. Автором осуществлен историко-культурный анализ указанного феномена, проанализировано имеющиеся сходство гагаузской паломнической традиции с болгарской, а также выявлены ее характерные черты, отличающие гагаузский *хаджылык* от мусульманского *хаджа*. в данной работе традиция православного паломничества у гагаузов изучена на стыке истории, этнологии, религиоведения, культурологии, фольклористики, социологии и психологии.

В монографии «Курбан у гагаузов (Архаическая современность)» Е.Н. Квилинкова предприняла удачную попытку культурологического анализа обряда курбан, являющегося важной частью института жертвоприношения у гагаузов. Он изучен ею через призму ритуала, символа и культурного кода. Автору удалось показать, что в мировоззрении и традиционной культуре гагаузов тесно переплелись православная религиозность с реликтами язычества, балканская культурная компонента с тюркской составляющей (Квилинкова 2015). Все эти проявления демонстрируют особенность гагаузской этнокультурной идентичности, этнической истории и менталитета.

Комплексным и междисциплинарным исследованием, представляющим собой результат 25-летней научно-исследовательской деятельности Е.Н. Квилинковой, яв-

ляется монография «Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен)» (Квилинкова 2016). в ней Елизавета Николаевна реконструировала различные пласты их этнической культуры, выявила степень сохранности народной культурой этнических черт. Особенностью данного исследования является то, что в ней впервые в гагаузоведении комплексно изучен феномен традиционной духовной культуры гагаузов, выявлены ее основные компоненты и этнокультурные маркеры, проанализированы особенности в области этнической и языковой идентификаций, характерные для различных групп гагаузов. Путем изучения символического кода, заложенного в пословицах и поговорках, а также анализа данных проведенного соцопроса, автору удалось выделить основные черты гагаузского национального характера (Квилинкова 2016: 169–184). Если говорить в целом, то в данном исследовании Елизавета Николаевна сумела рассмотреть вопрос этногенеза гагаузов через культурогенез.

В монографии «Култ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов» Е.Н. Квилинкова вышла на совершенно новый уровень исследования и теоретического анализа (Квилинкова 2014). Дело в том, что волк является одним из важных символов, через который часть гагаузской национальной элиты стремится «усилить» свои тюркские корни, показать генетическую общность с тюркскими народами и таким образом обосновать этногенез гагаузов. Это исследование Елизаветы Николаевны можно охарактеризовать как обстоятельный научный ответ на острый и чрезвычайно дискуссионный вопрос о действительных корнях и содержании образа волка и Волчьих праздников у гагаузов.

Данная работа является примером изучения проблемы в духе *этнорегионалистики*. в ней приведены разные виды источников, осуществлен анализ разнообразных явлений на различных теоретических уровнях, обосновано новое знание о характере гагаузской этнической культуры и этнической истории. Для этого автор глубоко исследовал формы культа волка, мифические представления и традиционную обрядность у всех групп гагаузов в сравнении с балканскими и тюркскими народами (Квилинкова 2014: 68–123, 172–215).

Ввиду особой актуальности образа волка в современной этнополитической истории гагаузов от Елизаветы Николаевны, как от исследователя, потребовалось проанализировать элементы культа волка у гагаузов не только как важной составляющей системы традиционного мировоззрения, но и как этнокультурный символ, включенный в национальную символику. Ею было выявлено, что традиционное содержание образа волка и Волчьих праздников принципиально расходится со смыслом, который стремятся вложить в этот образ часть гагаузской политической элиты, творческой интеллигенции и ученых (Квилинкова 2014: 324–345). Осуществленный в работе анализ позволил автору раскрыть значение данного этнокультурного символа как механизма культурной памяти и как мощного ресурса этнической мобилизации в современный период.

Расширение диапазона междисциплинарности характеризует одну из последних монографий Е.Н. Квилинковой – «Соционормативная культура гагаузов: традиции и трансформации» (Квилинкова 2020а). в ней соционормативная культура исследована через призму «культуры повседневности» как способ жизнедеятельности и как важная составляющая культурной традиции. На основе полевого (этнографического и фольклорного), архивного и историографического материалов автор рассмотрел тра-

диционные модели поведения и методы воспитания в семье, способы предотвращения конфликтов и др. Особое внимание он уделил анализу гагаузской терминологии соционормативной культуры. Важное место в этой работе занимают вопросы изучения ментальности гагаузов как формы общественного сознания и психологии, воплощенной в языке и других знаковых системах, традиционным формам приветствия как значимой части гагаузского этноэтикета, а также анализу смысла традиционного дарообмена как регулятора социальных взаимоотношений между родственными группами. Через половицы и поговорки автор раскрыл этику, мораль и социальные нормы гагаузов.

Характеризуя в целом подход Е.Н. Квилинковой к изучению традиционной духовной культуры гагаузов, отметим, что она исследована ею через призму гагаузского этнокультурного кода и как способ сохранения и межпоколенной трансляции основных признаков этнической культуры. Научная значимость ее работ состоит в том, что в них автор рассмотрел различные уровни этнокультурной идентичности гагаузов: этническую, религиозную, региональную. Принципиальный, на наш взгляд является сделанный ею научный вывод о том, что наряду с языком (тюркоязычные) у гагаузов важную роль в этнической идентификации играет религиозная идентичность. Благодаря введению в научный оборот полевых и архивных источников ей удалось рассмотреть формы проявления у них религиозной идентичности, выявить место православной идентичности в этнокультурном коде гагаузов, что, несомненно, является весомым вкладом в изучение феномена гагаузской этнической идентичности.

Что касается научной деятельности Елизаветы Николаевны отметим, что все ее работы отличает комплексный, междисциплинарный и этнорегиональный подходы. в своих исследованиях она широко привлекает и анализирует источники по различным областям гуманитарных наук. в них впервые изучены феномен традиционной духовной культуры гагаузов, этапы формирования самосознания гагаузов, маркеры этнической идентичности, актуализировавшиеся в 80-е – 90-е гг. XX в. при создании гагаузской государственности, а также в современный период в связи с необходимостью ее сохранения и мн. др. Путем творческого синтеза данных различных дисциплин и сочетания разных методов исследования ею были получены новые данные об этнической культуре гагаузов, о свойственных отдельным группам этого народа ряда региональных признаков и характеристик, об адаптивных возможностях их культурного потенциала и др.

Хочется подчеркнуть еще одну важную черту Е.Н. Квилинковой, о которой говорят все ее коллеги. Она – «полевик» от Бога. Все ее научные труды целиком основываются на собранном ею лично богатом полевом этнографическом и фольклорном материале, собиравшемся на протяжении 30 лет, а также на введенных в научный оборот архивных источниках. Поэтому если многим этнологам, изучающим другие народы, повезло, поскольку им приходилось решать задачу «освоения багажа», накопленного как предыдущими исследователями – этнографами, так и представителями других гуманитарных наук, то Е.Н. Квилинковой пришлось самой нарабатывать всю базу данных и лишь затем переходить на более высокий уровень теоретических обобщений и трансдисциплинарности.

На особую значимость полевых данных для изучения истории и культуры гагаузов обращал внимание известный российский этнолог и этносоциолог, заместитель директора института этнологии и антропологии Российской академии наук, профессор М.Н. Губогло. в одной из рецензий, написанных на монографию Е.Н. Квилин-

ковой, он особо подчеркивал ее уникальную способность находить нужных информаторов, раскрывать их и добывать у них ценный полевой материал (Губогло 2010: 14). Несмотря на то, что по некоторым научным вопросам М.Н. Губогло остро дискутировал с Е.Н. Квилинковой, тем не менее он поддерживал ее положительными рецензиями как на диссертационные работы, так и на издававшиеся монографии.

Особое внимание М.Н. Губогло обращал на актуальность использования гагаузоведами трансдисциплинарного подхода, приводя в пример работы указанного автора: «Е.Н. Квилинкова исходит из широкого определения фольклора, что позволяет не оставлять без внимания обширные области народных представлений, народных знаний и повседневного поведения, которые как раз и связывают фольклор с другими элементами культуры. Более того, рассматривая обрядовые поэтические фольклорные тексты в контексте с традиционной обрядностью, так же, как и заговоры в комплексе с магическими обрядовыми действиями, автору удается показать неразрывность структуры текста от функции, от действий и представлений, породивших этот текст. Словом, работу Е.Н. Квилинковой отличает отсутствие одностороннего понимания текста и фольклора, что порой встречается в публикациях некоторых современных гагаузских фольклористов и этнологов, интерпретирующих фольклор как исключительно вербальное народное творчество и ограничивающих его рядом особо выделенных жанров» (Губогло, 2011б: 8).

Ценность такого рода работ Михаил Николаевич видел в расширении предметной области исследования и в укреплении связи этнографии с фольклористикой. «В новой книге Е.Н. Квилинковой явления и факты вербальной духовной культуры, относящиеся к сфере фольклора, исследуются во всем их многообразии. Междисциплинарный подход, в том числе включение в сферу исследования малоизвестных ранее материалов, почерпнутых из „запасников” традиционной культуры, а также применение апробированной методики позволяет установить не только взаимосвязь песенного фольклора с традиционной обрядностью, но и достоверность содержащихся в тексте данных, осуществлять изучение песенного фольклора с целью установления в нем разнообразных последовательно возникавших хронологических напластований. Все это позволило автору значительно расширить предметную область исследования и объективно способствовало укреплению связи фольклористики с этнографией. Сегодня стало возможным лучше видеть этнологические аспекты песенного творчества гагаузов, в том числе через призму сравнительно-исторической лексикологии и через призму филологии» (Губогло 2011б: 15).

Надо сказать, что именно в разработанном и применяемом Е.Н. Квилинковой на практике новом научном направлении – *этнорегионалистике*, в изучении ею этнорегиональных особенностей традиционной духовной культуры гагаузов и выявлении этнического кода гагаузов профессор видел одну из возможностей изучения истории гагаузского народа: «Мы, читатели, уже привыкли к тому, что в ряде своих публикаций Е.Н. Квилинкова раскрывает тайну, ритуальные технологии и обрядовые практики традиционной культуры гагаузов. Впечатляет, в частности, ее подвижнический труд, посвященный этнорегиональным особенностям традиционной духовной культуры гагаузского народа. Неистощимая страсть к полевой работе и высокий профессионализм процедурных средств, используемых ею для накопления, систематизации и аналитического осмысления эмпирического материала, представляют несомненную ценность. Ее тексты не только являются важным вкладом в описание и в распознавание особенностей

традиционной культуры, но и проливают дополнительный свет как на непрочитанные страницы истории гагаузского народа, так и на его соционормативную культуру, если воспринимать эту культуру как своеобразную „грамматику жизни”» (*Губогло* 2010: 9).

Об осуществленных Е.Н. Квилинковой глубоких исследованиях по истории и культуре гагаузского народа не раз писали именитые молдавские и зарубежные ученые: президент Академии наук Молдовы, академик – Г.Г. Дука; академик Академии наук Молдовы – Г.Е. Руснак; член-корреспондент Академии наук Молдовы – В.И. Царанов; доктор, профессор Славянского университета Республики Молдова – И.А. Ионова; доктор, профессор Тараклийского университета Республики Молдова – Н.Н. Червенков (Республика Молдова); заместитель директора института этнологии и антропологии Российской академии наук, доктор наук, профессор – М.Н. Губогло; заведующая отделом этнологии Института истории Академии наук Республики Татарстан, доктор наук – Г.Ф. Габдрахманова, заведующий отделом истории татаро-булгарской цивилизации Института истории Академии наук Республики Татарстан – А.А. Бурханов; профессор Юго-Западного университета (Благоевград, Болгария), доктор наук – Н.Н. Драгова, профессор Института балканистики Академии наук Болгарии, доктор наук – В. Трайков, доцент Велико-Тырновского Университета, доктор наук – Н. Колев, директор Института этнографии с музеем Академии Болгарии, доктор наук, доцент – П. Христов и др.

Надо сказать, что за 30-летний период исследовательской работы Елизавета Николаевна наработала большой теоретический и практический опыт, который она представила в виде научно-методического пособия «Методика и практика этнологических исследований» (*Квилинкова* 2020б). в нем раскрываются методы и методика разработанного и практически примененного ею в гагаузоведении нового научного направления, именуемого этнорегионалистика. Автор делится своим опытом изучения этнокультурных процессов и результатов межэтнического взаимодействия в области традиционной обрядности, через которые рассматривает культурно-исторический контекст жизнедеятельности отдельно взятой этнической общности (проблема этногенеза которой не разрешена) и характер ее взаимоотношений с соседними народами.

В настоящем пособии автор не только раскрывает использованные им методы и методики этнологических исследований традиционной духовной культуры гагаузов, осуществленных в междисциплинарном ключе, и определяет проблемно-тематические направления научного «поля», но и предпринимает попытку анализа через автоэтнографию собственного опыта полевой работы. Подчеркнем, что упомянутое научно-методическое пособие – это первая такая работа в гагаузоведении. Предложенная автором методика является универсальной, поскольку разработанная им программа-вопросник может применяться для углубленного изучения календарной обрядности не только у различных групп гагаузов, но и у других этносов.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что исследования Е.Н. Квилинковой базируются на самостоятельно выработанных научных методах и методических подходах, на лично собранном полевом материале. Традиционная духовная культура гагаузов исследована ею во временном и пространственном разрезах, через призму трех форм идентичности – этнической, профессиональной и социально-бытовой. Благодаря использованию этнорегионального подхода и историко-сравнительному методу ею изучены также особенности в самосознании и культуре четырех групп гагаузов – Молдовы, Украины, Болгарии и Греции.

Несомненно, что новое научное направление – этнорегионалистика (Квилинкова 2021: 352–355) и разработанный ею этнорегиональный метод будут востребованы другими учеными, изучающими этническую историю малочисленных и дисперсно проживающих народов. Накопленная Елизаветой Николаевной оригинальная и фундаментальная полевая база по традиционной духовной культуре гагаузов, а также выявленные архивные источники по проблеме, введенные в научный оборот, послужат основой для дальнейших сравнительных изысканий по этнической истории и культуре гагаузов.

Вкладом Е.Н. Квилинковой в гагаузоведение и в этнологическую науку является то, что на основании историко-сравнительного изучения традиционной духовной культуры и анализа полученных данных, ею были обоснованы основополагающие положения в области гагаузской этнической истории, а именно: гагаузы – это этническая общность балканского происхождения, со свойственным христианским народам данного региона культурно-мировоззренческим кодом, в основе этнокультурной идентичности которых лежат две составляющие – тюркскость и православие; этническая специфика традиционной культуры гагаузов сформировалась на Балканах, до их переселения в Бессарабию; «Волчьи праздники» и культ волка у гагаузов по форме и содержанию представляют собой общебалканское явление, так как он в равной степени характерен и народам Балканского региона, у которых основа обрядности аналогичная; культ волка у гагаузов принципиально отличается от культа волка, характерного для тюркских народов; и др. (Квилинкова 2005: 92; 2014: 214–215).

Кроме того, Елизаветой Николаевной были выявлены этнические маркеры традиционной духовной культуры гагаузов. Несмотря на то, что данная задача была очень непростой ввиду значительного сходства гагаузской и болгарской традиционных культур, она с нею успешно справилась. в ее работах находим и научное объяснение имеющемуся сходству. в качестве основных факторов ею перечислены следующие: длительное совместное проживание в одинаковых природно-географических условиях, общая историческая судьба, единая религиозная принадлежность (православие), а также вхождение части болгарского элемента в гагаузский этнос (Квилинкова 2016: 102).

Сделанные Е.Н. Квилинковой выводы в монографиях не только раскрывают характер историко-культурных процессов у гагаузов, но и объясняют их этническую составляющую, что представляет особый научный интерес для исследователей-балканистов и тюркологов. Таким образом, в результате изучения этнической истории гагаузов Елизаветой Николаевной было определено место традиционной духовной культуры гагаузов среди других европейских культур, выявлено сходство гагаузской традиционной обрядности с обрядностью народов Балкано-Дунайского региона, обоснованы полученные этногенетические данные. Все это позволило ей вписать культуру гагаузов в нишу культур балканских христианских народов.

Проанализировав процессы социальной и исторической динамики этнической культуры гагаузов (культурогенез), а также особенности их самосознания на разных этапах этнической истории и сделав соответствующие выводы Е.Н. Квилинкова тем самым внесла в область гагаузоведения новое знание не только об этнической культуре гагаузов, но и об их происхождении. И это не случайно. Ученые подчеркивают, что «этногенез и этническая история не относятся ни к исторической географии, ни к регионалистике, но из всех наук проблемы этногенеза ближе всего регионалистике и этнографии». Таким образом, среди комплексных междисциплинарных исследо-

ваний как самостоятельные направления ученые выделяют следующие: этногенез и этническую историю, историческую географию и регионалистику (Толстой 1995: 41–60; Герд 2013: 112–113, 115).

Использованные подходы и методы позволили Е.Н. Квилинковой объяснить процессы этнокультурного развития гагаузов как в рамках отдельных регионов, так и в этническом контексте. Ее работы представляют интерес для широкого круга специалистов – этнологов, историков, фольклористов, этнолингвистов, этносоциологов, этнопсихологов, антропологов, культурологов, так как в работе раскрывается сам механизм этнокультурного взаимодействия.

Внесенный ею научный вклад в изучение гагаузов, а также в разработку новых методов исследования их истории и культуры позволяет утверждать, что Е.Н. Квилинкова является не только видным молдавским этнологом, но и славной дочерью своего народа, которая приложила все свои усилия и знания для того, чтобы малочисленный, но уникальный по своим традициям и культуре гагаузский народ занял достойное место среди других народов и культур.

Нельзя не сказать и об учителях, которым Елизавета Николаевна высказывала свою признательность и благодарность. Так, одну из первых своих монографий – «Гагаузы Молдовы и Болгарии» (Квилинкова 2005) она посвятила памяти профессора В.С. Зеленчука – научного руководителя по кандидатской диссертации. Тесные научные отношения связывали ее с известным российским этнологом, профессором М.Н. Губогло. От него она многому научилась – научным подходам, широте видения проблемы и др. в этом смысле ее можно считать его ученицей. в статье, посвященной памяти М.Н. Губогло (2020), Елизавета Николаевна высказала ему слова признательности, за поддержку, оказанную ей и другим молодым гагаузским этнологам, в организации защиты кандидатских диссертаций в Институте им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Она с благодарностью вспоминает тот опыт работы и возможность общения со своим земляком, который у нее был.

Е.Н. Квилинкова являлась своего рода связующим звеном между М.Н. Губогло и молдавскими учеными, помогая ему организовать ученых для участия в коллективной монографии «Молдаване» (2010), а также в российско-молдавских симпозиумах. в другой коллективной монографии «Гагаузы» (2011), также вышедшей в серии «Народы и культуры», М.Н. Губогло и Е.Н. Квилинкова являются ответственными редакторами. При научном участии и организационном содействии Елизаветы Николаевны был реализован ряд других его научных проектов: коллективная монография «Гагаузы в мире» и «Мир гагаузов» в 2-х томах (2012), сборники по материалам российско-молдавских симпозиумов «Курсом развивающейся Молдовы» и др.

30 лет в науке – это, можно сказать, середина пути научной деятельности. Е.Н. Квилинкова отмечена рядом дипломов Академии наук Молдовы, благодарностей и медалями *Гагауз Ери*. Дипломами: «За продвижение результатов научных исследований на международной арене и в связи с празднованием Всемирного дня науки» (2010); «За высокие результаты в научной деятельности и в связи с празднованием 70-летия создания первого научно-исследовательского института и 55-летия со дня основания Академии наук Молдовы» (2016); «За выдающиеся успехи в исследовании и сохранении культурного наследия и в связи с празднованием 25-летней годовщины создания гагаузоведения в Академии наук Молдовы» (2012); «За активное участие в научной деятельности Республики Молдова и значимый вклад в продвижении тра-

диционных культурных ценностей гагаузов» (2016). Благодарностью Управления культуры Гагаузии за исследование культуры и традиций гагаузского народа и их пропаганду среди работников культуры Гагауз Ери (2001). Медалью АТО Гагаузии «Gagauz Yeri – 15 Yil» (2009); Медалью АТО Гагаузии «Gagauz Yeri» (2012).

С июля 2020 г. Елизавета Николаевна по семейным обстоятельствам переехала в Беларусь, где трудится в Национальной академии наук Беларуси в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, в связи с чем тематика ее научной деятельности существенно расширилась. Уже в этом 2021 г. она, совместно с автором данной статьи, издала монографию «Белорусы в Молдове и Молдова в белорусах» (Квилинкова, Сакович 2021). Кроме того, Елизавета Николаевна начала исследование по татарам Беларуси. Несомненно, что ей пригодится наработанный ранее опыт изучения тюркоязычного этноса. Помимо этого, она занимается изучением молдавской диаспоры в Беларуси, чем, видимо, хочет отдать долг своей Родине. Ну и поскольку родилась она в Гагаузии (девичья фамилия Касым), то у нее сохраняется не только любовь к своему народу, но и исследовательский интерес. Она продолжает его изучать, где бы ни находилась. Несмотря на то, в Беларуси гагаузов очень мало, тем не менее она уже собирает по ним полевой материал, который планирует представить в следующей своей монографии.

Научная литература

- Герд А.С. Историческая география и регионалистика: взаимоотношение в процессе изучения историко-культурных зон // Псковский регионологический журнал. Псков, 2013. С. 107–116. <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-geografiya-i-regionalistika-vzaimootnoshenie-v-protseesse-izucheniya-istoriko-kulturnyh-zon> (дата обращения: 14.12.2020).
- Губогло М.Н. И «пламень костра»...и пересадка сердца (Вместо предисловия к книге Е.Н. Квилинковой «Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов») // Квилинкова Е.Н. Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов. Кишинев: Elan Inc, 2010. С. 3–14.
- Губогло М.Н. Магия песенного достояния гагаузов. Этнология в зеркале филологии (Вместо предисловия) // Квилинкова Е.Н. Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни». Кишинев: Elan Inc, 2011. С. 6–15.
- Драгова Н.Н. Книга о гагаузских апокрифах – событие в европейской культурологии. Рец. Квилинкова Е.Н. Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев, 2012 // Stratum Plus. № 6. 2012. С. 359–361.
- Квилинкова Е.Н. Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев; Благоевград: Тір. Centrală, 2012. 600 с.
- Квилинкова Е.Н. Гагаузский народный календарь. Chişinău: Pontos, 2002. 184 с.
- Квилинкова Е.Н. Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни». Кишинев: Elan Inc, 2011. 568 с.
- Квилинкова Е.Н. Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2016. 732 с.
- Квилинкова Е.Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău: Pontos, 2005. 308 с.
- Квилинкова Е.Н. Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов. Кишинев: Elan Inc, 2010. 390 с.
- Квилинкова Е.Н. Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев: Тір. Centrală, 2014. 472 с.
- Квилинкова Е.Н. Курбан у гагаузов (Архаическая современность). Кишинев: Тір. Centrală, 2015. 488 с.

- Квилинкова Е.Н.* Методика и практика этнологических исследований (научно-методическое пособие). Кишинев: Tipogr. «Print Caro», 2020б. 224 с.
- Квилинкова Е.Н.* Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат; София, 2013. Tip. Centrală, 2013. 872 с.
- Квилинкова Е.Н.* Соционормативная культура гагаузов: традиции и трансформации. Кишинев: Tipogr. «Print Caro», 2020а. 344 с.
- Квилинкова Е.Н.* Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Business-Elita, 2007. 840 с.
- Квилинкова Е.Н.* Хаджылык у гагаузов как религиозный и этнокультурный феномен: от прошлого к настоящему. Кишинев: Tipogr. Centrală, 2017. 420 с.
- Квилинкова Е.Н.* Этнорегиональный подход в изучении этнической истории гагаузов в контексте этно-регионалистики как нового научного направления в гагаузоведении // Наука. Образование. Культура. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Комратского государственного университета. 11 февраля, 2021 г. Комрат: Изд-во Комратского Гос. Унив-та, 2021. С. 352–355.
- Квилинкова Е.Н., Сакович В.А.* Белорусы в Молдове и Молдова в белорусах. в серии «Мир глазами этнолога». Минск: Белорусская наука, 2021. 454 с.
- Толстой Н.И.* Проблема реконструкции древнеславянской духовной культуры // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 41–60.
- Sakovich, Vasily A.* *

Ethno-regional Studies as a New Area in Gagauz Studies (The Scientific Work of E.N. Kvilinkova – the Prominent Moldavian Ethnologist)

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/309-324

The article is devoted to the new approaches and methods of studying the traditional spiritual culture and ethnic history of the Gagauz, developed by the prominent Moldavian ethnologist E.N. Kvilinkova. The author reveals the significance of the area of study she developed – ethno-regional studies – and the use of the term «regional». With her research, E.N. Kvilinkova proved that reconstructing the ethnic history of a small dispersed people is only possible by studying the general and the particular in it through the regional. That is, she has substantiated the need to study local ethnic groups in different regions. The present article summarizes the 30-year experience of E.N. Kvilinkova at the Academy of Sciences of Moldova and examines the studies of the Gagauz spiritual culture that applied the ethno-regional approach. An analysis of the research results obtained in her published scientific articles and monographs revealed the scientific and practical significance of ethno-regionalism as a study area. Its use in Gagauz studies is even more valuable since the ethnogenesis of the Gagauz (Turkic-speaking and Orthodox) remains one of the most controversial topics to date. The article shows that E.N. Kvilinkova managed to study the ethnogenesis of the Gagauz people through the cultural genesis and fit the Gagauz culture into the niche of the Balkan Christian cultures. In this regard, the contribution of E.N. Kvilinkova as a scientist to Gagauz studies and ethnological science in general proves very significant.

Keywords: *E.N. Kvilinkova, ethnology, ethno-regional studies, methods, Gagauz studies, ethnic history, ethnogenesis*

For Citation: Sakovich, V.A. 2021. Ethno-regional Studies as a New Area in Gagauz Studies (The Scientific Work of E.N. Kvilinkova – the Prominent Moldavian Ethnologist). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 309–324.

Author Info: Sakovich, Vasily A. – Doctor of Political Science, Professor, Academy of Management under the President of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus).
E-mail: 113vs@mail.ru

References

- Gerd, A.S. 2013. Istoricheskaya geografiya i regionalistika: vzaimootnoshenie v protsesse izucheniya istoriko-kulturnykh zon [Historical geography and regional studies: relationship in the process of studying historical and cultural zones]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*, 107–116. Pskov. <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-geografiya-i-regionalistika-vzaimootnoshenie-v-protsesse-izucheniya-istoriko-kulturnykh-zon> (accessed 14.12.2020).
- Guboglo, M.N. 2010. I «plamen kostra»... i peresadka serdtsa (Vmesto predisloviya k knige Ye. N. Kvilinkovoy «Zagovory, magiya i oberegi v narodnoy meditsine gagauzov») [And the “fire flame” ... and heart transplant (Instead of a preface to the book by E. N. Kvilinkova “Conspiracies, magic and amulets in the folk medicine of the Gagauz”)]. *Kvilinkova E.N. Zagovory, magiya i oberegi v narodnoy meditsine gagauzov*, 3–14. Kishinev: Elan Inc.
- Guboglo, M.N. 2011. Magiya pesennogo dostoyaniya gagauzov. Etnologiya v zerkale filologii (Vmesto predisloviya) [The magic of the song heritage of the Gagauz people. Ethnology in the mirror of philology (Instead of a preface)]. *Kvilinkova E. N. Gagauzskiy pesennyi folklor – «Grammatika zhizni»*, 6–15. Kishinev: Elan Inc.
- Dragova, N.N. 2012. Kniga o gagauzskikh apokrifakh – sobytie v evropeyskoy kulturologii. Reti. Kvilinkova E.N. Apokrif v zerkale narodnoy kultury gagauzov. Kishinev, 2012 [The book about the Gagauz apocrypha is an event in European cultural studies. Retz. Kvilinkova E.N. Apocrypha in the mirror of the Gagauz folk culture. Chisinau, 2012]. *Stratum Plus* 6: 359–361.
- Kvilinkova, E.N. 2012. *Apokrif v zerkale narodnoy kultury gagauzov* [Apocrypha in the mirror of the Gagauz folk culture]. Kishinev; Blagoevgrad: Tip. Centrală.
- Kvilinkova, E.N. 2002. *Gagauzskiy narodny kalendar* [Gagauz folk calendar]. Chişinău: Pontos.
- Kvilinkova, E.N. 2011. Gagauzskiy pesennyi folklor – «Grammatika zhizni» [Gagauz song folklore – “The grammar of life”]. Kishinev: Elan Inc.
- Kvilinkova, E.N. 2016. *Gagauzy v etnokulturnom prostranstve Moldovy (Narodnaya kultura i etnicheskoe samosoznanie gagauzov skvoz prizmu svyazi vremen)* [Gagauz in the ethnocultural space of Moldova (Folk culture and ethnic identity of the Gagauz through the prism of the connection of times)]. Kishinev: Tipogr. Centrală.
- Kvilinkova, E.N. 2005. *Gagauzy Moldovy i Bolgarii (Sravnitelnoe issledovanie kalendarnoy obryadnosti, terminov rodstva i folklora)* [Gagauzians of Moldova and Bulgaria (Comparative study of calendar rituals, terms of kinship and folklore)]. Chişinău: Pontos.
- Kvilinkova, E.N. 2010. *Zagovory, magiya i oberegi v narodnoy meditsine gagauzov* [Conspiracies, magic and amulets in the folk medicine of the Gagauz people]. Kishinev: Elan Inc.
- Kvilinkova, E.N. 2014. *Kult volka u gagauzov skvoz prizmu etnokulturnykh simbolov* [The cult of the wolf among the Gagauz people through the prism of ethnocultural symbols]. Kishinev: Tip. Centrală.
- Kvilinkova, E.N. 2015. *Kurban u gagauzov (Arkhaischaya sovremennost)* [Kurban among the Gagauz (Archaic modernity)]. Kishinev: Tip. Centrală.
- Kvilinkova, E.N. 2020b. *Metodika i praktika etnologicheskikh issledovaniy (nauchno-metodicheskoe posobie)* [Methodology and practice of ethnological research (scientific and methodological manual)]. Kishinev: Tipogr. «Print Caro».
- Kvilinkova, E.N. 2013. *Pravoslaviye – sterzhen gagauzskoy etnichnosti* [Orthodoxy is the core of the Gagauz ethnicity]. Komrat; Sofiya: Tip. Centrală.
- Kvilinkova, E.N. 2020a. *Sotsionormativnaya kultura gagauzov: traditsii i transformatsii* [Socionormative culture of the Gagauz people: traditions and transformations]. Kishinev: Tipogr. «Print Caro».

- Kvilinkova, E.N. 2007. *Traditsionnaya dukhovnaya kultura gagauzov: etnoregionalnye osobennosti* [Traditional spiritual culture of the Gagauz people: ethnoregional features]. Kishinev: Business-Elita.
- Kvilinkova, E.N. 2017. *Khadzhylyk u gagauzov kak religioznyy i etnokulturnyy fenomen: ot proshlogo k nastoyashchemu* [Hajlyk among the Gagauz people as a religious and ethnocultural phenomenon: from the past to the present]. Kishinev: Tipogr. Centrală.
- Kvilinkova, E.N. 2021. Etnoregionalnyy podkhod v izuchenii etnicheskoy istorii gagauzov v kontekste etno-regionalistiki kak novogo nauchnogo napravleniya v gagauzovedenii [Ethno-regional approach to the study of the ethnic history of the Gagauz people in the context of ethno-regionalism as a new scientific direction in Gagauz studies]. *Nauka. Obrazovanie. Kultura. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 30-letiyu Komratskogo gosudarstvennogo universiteta*. 11 fevralya, 2021 g.: 352–355. Komrat.
- Kvilinkova, E.N., Sakovich, V.A. 2021. *Belorusy v Moldove i Moldova v Belorusah* [Belarusians in Moldova and Moldova in Belarusians]. V serii «Mir glazami etnologa». Minsk: Belaruskaya navuka.
- Tolstoy, N.I. 1995. Problema rekonstruktsii drevneslavyanskoy dukhovnoy kultury [The problem of reconstruction of ancient Slavic spiritual culture]. *Yazyk i narodnaya kultura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike*: 41–60. Moscow.

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

© *М.М. Герасмова*

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НАТАЛЬИ НИКОЛАЕВНЫ МАМОНОЙ

Первая, с кем я познакомилась из «Герасимид» (так называли сотрудниц Лаборатории пластической реконструкции), была Наталья Николаевна Мамонова. Это было на стоянке Староселье, под Бахчисараем. Сенсационная находка младенца *H. sariens* в мустьерском слое или, напротив, неандерталоидные черты в его строении в сочетании с верхнепалеолитической индустрией, вызвали огромный интерес научной общественности, и на раскоп приехало, кроме специальной комиссии, много народу, в том числе и Наталья Николаевна Мамонова. Молодость беспощадна. Наталья Николаевна казалась мне очень шумной, не по возрасту легкомысленной. Боже мой! Какой молодой она была – ей было всего 32 года! Она организовывала походы на Чуфут-Кале, для пикника мы залезали на какие-то вершины над Бахчисараем, ходили в ханский дворец и пытались подняться на минарет. Вот этот живой неподдельный интерес к жизни, событиям искусства и науки остался у Натальи Николаевны на всю ее долгую жизнь. Н.Н. Мамонова проработала в Лаборатории со дня основания до 1962 г. Ею также выполнялись работы по реставрации черепов и реконструкции внешнего облика древних и современных людей. Но все больше ее захватывали проблемы расо- и этногенеза народов Сибири, романтика

Герасимова Маргарита Михайловна – к.и.н., ведущий научный сотрудник, заведующая кабинетом-музеем антропологии им. акад. В.П. Алексеева, Институт этнологии и антропологии РАН (119334 Москва, Ленинский проспект, 32а). Эл. почта: gerasimova.margarita@gmail.com

экспедиционной жизни. Обаяние личности А.П. Окладникова, работа в его археологических экспедициях сделали свое дело. Она перешла работать в Отдел антропологии, лабораторию палеоантропологии. Однако, до конца жизни Наталья Николаевна высоко ценила годы работы под руководством Михаила Михайловича, справедливо полагая, что именно здесь она получила прекрасную практику реставрационных работ и умение тонкой расовой диагностики. Именно в экспедиции А.П. Окладникова в 1957 г. я вновь пересеклась с Натальей Николаевной. Как молодой специалист, я была привлечена для сбора палеоантропологического материала в различных отрядах огромной новостроечной экспедиции по подготовке чаши Братского водохранилища. Н.Н. Мамонова собирала материал для своей кандидатской диссертации, посвященной палеоантропологии прибайкальского неолита. Здесь следует заметить, что автор раскопок, А.П. Окладников, и М.М. Герасимов, стояли на противоположных позициях по поводу стратиграфической колонки различных этапов (или культур) прибайкальского «неолита», и Наталья Николаевна, молодой еще исследователь, стояла перед сложной задачей выбора концепции, от которого зависела интерпретация полученных краниологических данных. Невзирая на огромную увлеченность личностью Алексея Павловича Окладникова, Наталья Николаевна скорее была склонна принять гипотезу М.М. Герасимова, придав ей, однако, собственный интерпретационный характер. Сбору и реставрации новых палеоантропологических материалов из погребений так наз. Прибайкальского «неолита», идентификации старых коллекций, хранящихся в Иркутском краеведческом музее и изученных в свое время Г.Ф. Дебецем, публикациям изученных серий посвящена большая часть научного творчества Н.Н. Мамоновой (Мамонова, 1973, 1979, 1980, 1991, 1994). Огромная увлеченность исследуемым материалом, скрупулезность при изучении сопутствующего каждому погребению археологического контекста характерны для работ Н.Н. Мамоновой. И это не удивительно, поскольку она была ученицей и М.М. Герасимова и А.П. Окладникова, а оба они вышли из школьного кружка «Народоведения» при Иркутском краеведческом музее и оба были учениками Б.Э. Петри. Вообще, Восточная Сибирь, Забайкалье, Монголия, Байкал – Азия далекая и таинственная до конца дней Натальи Николаевны завлекали, манили, восхищали ее.

С 1962 г. Н.Н. Мамонова безраздельно посвятила себя палеоантропологии Восточной Сибири. Вот только краткий перечень ее экспедиционных поездок и командировок: в Бурят-Монголию, 1952, 1953, 1954, 1955 гг., многомесячные работы в составе Ангарской экспедиции 1956, 1957, экспедиции Бурятского НИИ, трижды принимала участие в Советско-Монгольской экспедиции, многочисленные командировки в Ленинград, Новосибирск, Томск, Казань. И все это при условии тяжелых жизненных испытаний: смерти матери в 1965 г. и первого мужа, когда она осталась одна с 7-летним сынишкой на руках, смерти отца в 1968 г. Невзирая на тяготы судьбы, Наталья Николаевна сделала за свою жизнь очень много. Увлеченность наукой была фантастической. Ею был собран и изучен значительный палеоантропологический материал из могильников Забайкалья и Прибайкалья различных исторических периодов, так ею были изучены черепа из гуннского могильника Черемуховая падь (Мамонова, 1974) и средневековые кочевники Забайкалья (Мамонова 1961). Собрана была значительная краниологическая и остеологическая коллекция по современным бурятам, опубликован материал

из могильников неолитического времени, скифского и гуннского из Монголии, что особенно ценно, поскольку до этого с территории Монголии материал практически отсутствовал (Мамонова 1978, 1979, 1980). Значительное место в работах Н.Н. Мамоновой занимают методические исследования. Такая работа, как «Определение длины костей по фрагментам» вошла в практику судебно-медицинской экспертизы (Мамонова 1968). В 1986 г. Наталья Николаевна ушла на пенсию. Значило ли это, что она ушла из науки? Безусловно, нет!

Начиная с 1986 г. Наталья Николаевна предпринимает широкомасштабный сбор материалов, главным образом, из Восточной Сибири, ведет обширную переписку с археологами и получает от них посылки с костным материалом для совместной работы с Л.Д. Сулержицким по радиоуглеродному датированию палеоантропологического материала. В результате 322 радиоуглеродных определения возраста костяков из погребений неолитических, энеолитических и бронзовых культур Восточной Сибири. Эта работа в течение многих лет оставалась единственной в своем роде (Мамонова, Сулержицкий 1986, 1989, 2000).

До конца своей жизни Наталья Николаевна интересовалась делами Отдела антропологии. Она уже не выходила далеко от дома, дорога до Отдела была трудная, долгая, с пересадками. Поэтому все общение было по телефону. Последние годы жизни мы ежегодно собирались у Натальи Николаевны дома, на день ее рождения – 20 июня. Она очень любила этот день, заранее к нему готовилась, на столе всегда были ее фирменные очень вкусные котлеты, молодая картошка, пирог с капустой... Всегда было много цветов. Наталья Николаевна очень любила цветы, у нее всегда весной и летом в доме были букеты черемухи, сирени, тюльпаны. Публика собиралась очень интересная. Прежде всего – старинная подруга, умная, язвительная Марьяна Давыдовна Гвоздовер, не менее острая на язык Светлана Владимировна Ошибкина, Ирина Золотарева и Коля Бадер, иногда Света Студзицкая, Леопольд Дмитриевич Сулержицкий, из молодых коллег – Сергей Васильев (московский), не считая родных. Случались проездом и сибиряки – иркутяне, читинцы. Всегда было шумно, интересно, всем было что рассказать, что вспомнить! Скончалась Наталья Николаевна в возрасте 86 лет, до конца своих дней любя жизнь, науку и Азию.

Gerasimova, Margarita M.

To the 100th anniversary of the birth of Natalya Nikolaevna Mamonova

For Citation: Gerasimova, M.M. 2021. To the 100th anniversary of the birth of Natalya Nikolaevna Mamonova. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 325–327.

Author Info: **Gerasimova Margarita M.** – PhD., Leading Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, RF). E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com.

© Л.С. Добровольский, Г.Т. Каженова

ГЕНЕЗИС СКИФОВ: МИГРАЦИЯ ИЛИ АВТОХТОННОСТЬ?

В статье рассматриваются остро дискутируемые вопросы генезиса скифов. Цель работы – верифицировать миграционную и автохтонную гипотезы о происхождении скифов на основе данных палеоантропологии путём систематизации и интерпретации результатов статистической обработки данных краниометрического анализа и определения структуры и направленности внутренних и внешних связей краниологических серий причерноморских скифов с целью выявления их антропологического состава как проявления генезиса. Объектом исследования являются краниологические серии степных и лесостепных скифов Северного Причерноморья, а его предметом – связи краниологических серий скифов как отображение их генезиса. Материалом исследования послужили опубликованные результаты многомерного статистического анализа измерительных данных 120 мужских краниологических серий. Разработан новый методический приём интегративной интерпретации результатов многомерной статистической обработки данных измерительных признаков краниологических серий, объединивший четыре ракурса анализа краниологических серий в один интегративный. Отмечена неоднородность серий по показателям монголоидности, а также по количеству и направлениям внешних связей в отдельных подгруппах, но не в локальных группах в целом. Морфологические связи подтверждают автохтонность двенадцати скифских серий. Наибольшее количество параллелей отмечено с группами срубной культуры. Обособленность пяти скифских серий и морфологические связи исключительно с восточными группами раннескифского и скифского периодов подтверждают их формирование на более восточных территориях (Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Азии, Юг Сибири) и миграцию в Северное Причерноморье непосредственно в скифскую эпоху.

Ключевые слова: автохтонность, генезис скифов, краниологические серии, лесостепные скифы, миграционная гипотеза, степные скифы

Для цитирования: Добровольский Л.С., Каженова Г.Т. Генезис скифов: миграция или автохтонность? // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 328–356.

Добровольский Любомир Степанович – студент кафедры археологии и этнологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (010008 Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Пушкина, 11). E-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

Каженова Гульнар Тулегеновна – к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (010008 Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Пушкина, 11). E-mail: gkazhenova@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>

Введение

Не смотря на длительные и тщательные изыскания историков и археологов, в современной скифологии остаются нерешёнными и крайне актуальными вопросы генезиса скифов и их локализации на территории Северного Причерноморья. Тесно сопряжёнными с ними являются остро дискутируемые среди антропологов вопросы неоднородности скифов и их внешние и внутренние морфологические связи.

Миграционная (центрально-азиатская) гипотеза о происхождения скифов, утверждающая приход кочевых племён в Северное Причерноморье из глубин Азии (*Тереножкин* 1976, *Ильинская* 1983), противостоит автохтонной (срубной, или «волжской») гипотезе, основанной на генетической связи скифской культуры со срубной культурой поздней бронзы (*Тальгрэн* 1926, *Городцов* 1928, *Артамонов* 1950, *Кривцова-Гракова* 1948, *Граков*, *Мелюкова* 1954, *Лесков* 1981).

Сторонниками теории автохтонности и антропологической консолидированности причерноморских скифов являются антропологи Г.Ф. Дебец (*Дебец* 1971), В.П. Алексеев (*Алексеев* 1980), Т.С. Кондукторова (*Кондукторова* 1972), М.С. Великанова (*Великанова* 1975), М.М. Герасимова (*Герасимова* 1987), С.Г. Ефимова (*Ефимова* 2000), Л.Т. Яблонский (*Яблонский* 2000), считающие носителей срубной культуры предками всех причерноморских скифов.

Сторонники миграционной гипотезы объясняют антропологическую дифференциацию скифов неодинаковым участием местных групп в его сложении и множественностью миграций (родственными связями с тагарцами, саками, савроматами и сарматами), обусловившими метисный характер большинства скифского населения (*Круц* 2017).

Антропологическими данными аргументируется теория автохтонности коренного населения лесостепи и центрально-азиатское происхождение степных скифов, генетически связанных с одной из ветвей индоиранцев, мигрировавших в эпоху бронзы из Европы на восток и в раннем железном веке вернувшихся в степи Северного Причерноморья (*Козинцев* 2007, 2008; *Козинцев*, *Селезнева* 2015).

Цель нашего исследования – верифицировать миграционную и автохтонную гипотезы о происхождении скифов путём систематизации и интерпретации данных палеоантропологии.

Исследование проводим по логике общенаучного индуктивно-дедуктивного метода как концептуального ядра получения исходных и выводимых знаний об объекте – краниологических сериях степных и лесостепных скифов Северного Причерноморья. *Предметом* исследования являются структура и характер связей краниологических серий скифов как отображение их генезиса.

Материалы и методы исследования

В работе использованы опубликованные результаты многомерной статистической обработки данных краниометрических признаков 120 мужских серий эпох энеолита и бронзы из Восточной Европы и Азии (22 скифских и 98 нескифских) с целью изучения структуры и направления морфологических связей скифских серий (*Козинцев* 2007). Для сравнения и интерпретации в работе использованы измерительные данные о 76 сериях, в числе которых 26 скифских серий (мужских и женских) и 50 серий эпохи бронзы и раннего железного века с территории евразийских степей,

Средней Азии и Кавказа (в т. ч. 25 серий с территории Северного Причерноморья) (Круц 2017).

Методологической базой нашего исследования служит *историко-диалектический подход*, основанный на *принципе историзма и системности* и подразумевающий объективно-исторический анализ конкретных фактов, которые определили характер и специфику изучаемой проблемы, а также системную обработку исторических источников и научной литературы.

При общем системно-функциональном и синхронно-диахроническом подходе к рассмотрению исторических фактов нами использованы приёмы общенаучного теоретико-эмпирического индуктивно-дедуктивного метода как магистрального в нашем исследовании: приём выборки из историографических источников, теоретический анализ научной литературы и результатов археологических и антропологических исследований, приём интерпретации исторических фактов и данных палеоантропологии.

Применяем их в логической последовательности этапов комплексного исследования, направленного на выявление антропологического состава скифов как отображения их генезиса. Совокупность принципов и методов, а также методики и этапов составляют методологическую основу нашего исследования.

В работе впервые использован методический приём комплексной интерпретации структуры связей краниологических серий, интегрировавший четыре ракурса анализа краниологических серий:

- *первый ракурс* – территориальная направленность внешних связей с группами, наиболее приближёнными к скифским, а именно – по западному (европейскому) и восточному (азиатскому) направлениям относительно территории Северного Причерноморья;
- *второй ракурс* – признаки европеоидности и монголоидности серий согласно их расположению в порядке ослабления европеоидности на векторе первой канонической переменной (с 30% изменчивости);
- *третий ракурс* – внутрилокальные связи скифских серий в пределах территориальных группировок (двух условных локальных групп скифов – лесостепных и степных);
- *четвёртый ракурс* – межлокальные связи лесостепных и степных скифских серий.

Результаты

Строим структуру морфологических связей скифских серий по «западному вектору» (также включает территорию Северного Причерноморья) и «восточному вектору» как условным направлениям – от скифского ареала – территорий распространения археологических культур, с краниологическими группами которых выявлены параллели у скифских серий.

Результаты дифференциации связей краниологических серий на основании их специфики и разделения локальных серий на подгруппы с использованием нашего приёма комплексного анализа, а также параллели локальных краниологических серий с культурно-территориальными группами приводим в Таблицах 1–4.

**Структура связей краниологических серий степных скифов
Морфологические связи с восточно-европейскими группами
(«западный вектор»)**

В **Таблице 1** представлены количественные данные и соотношения параллелей краниологических серий степных скифских групп с культурно-территориальными группами Восточной Европы и Азии.

Сборная серия из *Михайловки-Кута-Калиновки* является искусственной из-за территориальной раздробленности материала и его малочисленности (Козинцев 2007: 144). К серии из *Кута* присоединена серия из *Калиновки* (Ефимова 2000: 42). По соотношению европеоидных и монголоидных особенностей серия находится на «монголоидном» полюсе (Козинцев 2007: 153). Мы рассматриваем её дифференцированно, т. е. дважды: в подгруппе степных скифов, имеющих связи западного и восточного вектора, и в подгруппе степных скифов, отображающих связи только восточного направления (Круц 2017: 29).

Параллели с группами ямной культуры (7). Пять скифских серий имеют параллели с группой ямной культуры с верховьев р. Ингулец: серии из *Николаевки-на-Днестре*, *Гайманова Поля*, *Керчи*, *Носаков*, *Михайловки* – (*Кута-Калиновки*).

Краниологическая серия из *Ингульца* выявляет параллель с группой ямной культуры из Левобережья Нижнего Днепра.

У серии из *Златополя* обнаружена связь с группой ямной культуры с территории Волго-Уралья.

Параллели с группой полтавкинской культуры Поволжья (1) обнаружены у серии из *Мамай-Горы*.

Параллели с группами ранней катакомбной культуры (5). Пять скифских серий выявляют связь с группой катакомбной культуры (ранний период) с долины р. Молочной (северо-западное Приазовье): серии из *Златополя*, *Никополя*, *Акташа*, *Николаевки-на-Днестре*, *Керчи*.

Параллели с группами поздней катакомбной культуры (9). У шести краниологических серий определены параллели с позднекатакомбными группами:

- а) параллель с группой из Степного Крыма – у серий из *Никополя*, *Фронтowego*, *Мамай-Горы*, *Акташа*, *Носаков*;
- б) параллель с группой из Правобережья Нижнего Днепра – у серий из *Златополя*, *Никополя*;
- в) параллель с группой из Левобережья Нижнего Днепра – у серии из *Фронтowego*;
- г) параллель с группой с верховьев р. Ингулец – у серии из *Фронтowego*.

Параллели с группой культуры многоваликовой керамики из Молдавии (Калфа) (2) выявлены у скифских серий из *Керчи*, *Ингульца*.

Параллели с группами срубной культуры (7). Две серии связаны с группой из грунтовых могильников Украины: серии из *Николаевки*, *Гайманова Поля*;

Пять скифских серий проявляют близкие морфологические связи с тремя группами с территории Поволжья:

- а) с группой из Саратовской области: серии из *Николаевки*, *Керчи*, *Михайловки-Кута-Калиновки* (1);
- б) с группой из лесостепи Поволжья: серия из *Мамай-Горы*;
- в) с группой из Волгоградской и Астраханской областей: серия из *Златополя*.

Кроме того, параллели ещё шести серий степных скифов с группами срубной культуры подкрепляются их внутрислокальными связями:

- а) серия из *Фронтowego* тяготеет к серии из *Никополя*, близкой, как и серия из *Каховки*, к серии из *Златополя*, имеющей параллели с группой срубной культуры из Волгоградской и Астраханской областей;
- б) серия из *Носаков* – к серии из *Керчи*, имеющей параллели с группой срубной культуры из Саратовской области;
- в) серия из *Широкого* – к скифам из *Гайманова Поля*, имеющим параллели с группой срубной культуры из грунтовых могильников Украины;
- д) серия из *Акташа* тяготеет к серии из *Мамай-Горы*, проявившей параллели с группой срубной культуры из лесостепи Поволжья.

Параллели с группой черногоровской культуры (5). Пять серий имеют параллели с группой черногоровской культуры Украины: серии из *Златополя*, *Фронтowego*, *Николаевки-на-Днестре*, *Гайманова Поля*, *Керчи*, к которым тяготеют ещё пять степных серий:

- а) серии из *Каховки* и *Никополя* тяготеют к серии из *Златополя*;
- б) серия из *Никополя* – к серии из *Фронтowego*;
- в) серия из *Носаков* – к серии из *Керчи*;
- г) серия из *Широкого* – к серии из *Гайманова Поля*;
- д) серия из *Михайловки-Кута-Калиновки* – к серии из *Николаевки на Днестре*.

Морфологические связи с азиатскими группами («восточный вектор»)

Параллели с группой окуневской культуры из Центральной Тывы (Аймырлыг XIII и Аймырлыг-карьер) (7). Связи с окуневцами из Аймырлыга выявлены у семи серий степных скифов: это взаимно тяготеющие серии из *Златополя*, *Каховки*, *Мамай-Горы*, *Акташа*, *Николаевки-на-Днестре*, *Гайманова Поля*, *Михайловки* – (*Кута-Калиновки*), на основании внутрислокальных связей с которыми отмечены ещё три параллели:

- а) серия из *Никополя* близка к сериям из *Златополя* и *Каховки*;
- б) серия из *Керчи* – к сериям из *Николаевки на Днестре*, *Гайманова Поля*;
- в) серия из *Широкого* – к серии из *Гайманова Поля*.

Параллели с группами бронзового века Юга Средней Азии (5)

С группой бактрийско-маргианской культуры из **Южного Туркменистана (Алтын-депе III)** отмечена связь с серией из *Мамай-Горы*, к которой тяготеет серия из *Акташа*.

У группы бактрийско-маргианской культуры из **Южного Узбекистана (Джаркутан)** выявлены параллели с серией из *Николаевки-на-Днестре* и серией из *Гайманова Поля*, к которой тяготеет серия из *Широкого*. С группой бактрийско-маргианской культуры из **Южного Узбекистана (Сапаллитепе)** – связь с серией из *Керчи*, к которой тяготеет серия из *Носаков*.

С группами поздней бронзы из **Южного Таджикистана (Тигровая Балка, Макони-Мор)** отмечена параллель у серии из *Златополя*, к которой тяготеют серии из *Каховки*, *Никополя*.

Параллели с группами позднебронзового века из Армении (2). Серия из *Зла-*

тополя, к которой тяготеют серии из *Никополя*, *Каховки*, проявляет параллель с группой I тыс. до н.э. из юго-западного побережья оз. Севан. У серии из *Керчи*, к которой близки серии из *Гайманова Поля*, *Николаевки*, *Носаков*, морфологическая связь с группой из Акунка.

Параллели с группой раннескифской эпохи Юга Сибири (3).

Антропологическая связь с носителями культуры безвещевых погребений из **Западной Тывы** выявлена у серий из (*Михайловки*) – *Кута-Калиновки*, *Присивашья*.

У группы из **Алтая** – параллель с серией из (*Михайловки*) – *Кута-Калиновки*.

Параллели с группами скифской эпохи Юга Сибири и Центральной Азии (5).

Группа из **Западной Тывы** обнаруживает параллели с сериями из *Верхне-Тарасовки*, (*Михайловки*) – *Кута-Калиновки*, *Северо-Западного Причерноморья*.

Группа из **Центральной Тывы** имеет морфологические связи с сериями из *Присивашья*, *Северо-Западного Причерноморья*.

Параллель с группой скифской эпохи Западной Монголии (Улангом) (1): обнаружена у скифской серии из *Керчи*.

Параллели с группами сакской культуры (3). Группа из **Киргизии** выявляет параллель со скифской сборной серией из (*Михайловки*) – *Кута-Калиновки*.

Группа из **Северного и Центрального Казахстана** морфологически связана с серией скифов из *Присивашья*, а также с серией из (*Михайловки*) – *Кута-Калиновки*.

Параллель с группой савроматской культуры Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (1) обнаружена у скифской серии из *Александрополя*.

Таблица 1

Внешние морфологические связи краниологических серий степных скифов

Археологические культуры и культурно-территориальные группы		Территориальное подразделение скифского ареала			
		Степные серии	Всего	Соотношение (%)	
Культуры Восточной Европы		Количество			
1.	Ямная	Верхний Ингулец	5	7	11
		Левобережье Нижнего Днепра	1		
		Волго-Уралье	1		
2.	Полтавкинская	Поволжье	1	1	2
3.	Катакомбная (ранний период)	Долина р. Молочной	5	5	8
4.	Катакомбная (поздний период)	Степной Крым	5	9	14
		Левобережье Нижнего Днепра	1		
		Правобережье Нижнего Днепра	2		
5.	Культура многоваликовой керамики	Верховье Ингульца	1	2	3
Калфа (Молдавия)	2				

Археологические культуры и культурно-территориальные группы		Территориальное подразделение скифского ареала			
I.	Культуры Восточной Европы	Степные серии	Всего	Соотношение (%)	
		Количество			
6.	Срубная	Грунтовые могильники из Украины	2	7	11
		Саратовская область	3		
		Волгоградская и Астраханская обл.	1		
		Лесостепь Поволжья	1		
7.	Черногоровская	Украина	5	5	8
	Всего		36	36	57
II. Культуры территории Азии					
1.	Бактрийско-маргианский археологический комплекс	Средняя бронза. Южный Туркменистан (Алтын-депе)	1	5	8
		Поздняя бронза. Южный Узбекистан (Джаркутан)	2		
		Поздняя бронза. Южный Узбекистан (Сапаллитепе)	1		
		Поздняя бронза. Южный Таджикистан (Тигровая Балка, Мако-ни-Мор)	1		
2.	Культуры Юга Сибири и Центральной Азии	Окуневская культура. Центральная Тува (Аймырлыг XIII и XXVII)	7	7	11
		Раннескифская эпоха. Культура безвещевых погребений. Западная Тува	2	3	5
		Ранние «скифы» Алтая	1		
		Скифская эпоха. Западная Тува	3	6	9
		Скифская эпоха. Центр. Тува	2		
		Скифская эпоха. Западная Монголия (Улангом)	1		
3.	Культура поздней бронзы Армении	Юго-западное побережье оз. Севан (начало I тыс. до н. э.)	1	2	3
		Акунк (начало I тыс. до н. э.)	1		

I.	Археологические культуры и культурно-территориальные группы		Территориальное подразделение скифского ареала		
			Степные серии	Всего	Соотношение (%)
		Количество			
4.	Сакская	Киргизия:	1	3	5
		Северный и Центральный Казахстан	2		
5.	Савроматская	Нижнее Поволжье и Южное Приуралье	1	1	2
		Всего	27	27	43
		Вместе	63		100

Наибольшее количество параллелей с сериями степных скифов обнаружили группы, представляющие такие археологические культуры:

- катакомбная (поздняя) – девять (14 %);
- раннескифской и скифской эпохи Юга Сибири – 9 (14%);
- ямная – семь (11%);
- срубная – семь (11%);
- окуневская – семь (11%);
- бактрийско-маргианская – 5 (8%);
- катакомбная (ранняя) – 5 (8%);
- черногоровская – 5 (8%).

Три параллели со степными скифами имеют сакские группы; по две параллели обнаруживают группы культуры многоваликовой керамики и группы поздней бронзы из Армении; по одной параллели выявлено у полтавкинской и савроматской групп. Соотношение параллелей со степными скифскими сериями у групп «восточного» и «западного» векторов составляет 3:4.

Структура связей краниологических серий лесостепных скифов

Морфологические связи с восточно-европейскими группами («западный вектор»)

В таблице 2 представлены количественные данные и соотношения параллелей краниологических серий лесостепных скифских групп с культурно-территориальными группами Восточной Европы и Азии.

Параллель с группой кемпи-обинской культуры из Крыма (1) обнаружена у скифской серии из *Медвина*.

Параллели с группами ямной культуры (2). С группой ямной культуры из Каховки обнаружена параллель у серии из *Медвина*. У этой же серии – параллель с группой ямной культуры из Херсонской области.

Таблица 2

Внешние морфологические связи краниологических серий лесостепных скифов

Археологические культуры и культурно-территориальные группы		Территориальное подразделение скифского ареала		
		Лесостепные серии	Всего	Соотношение (%)
Культуры Восточной Европы		Количество		
Кеми-обинская	Крым	1	1	5,5
Ямная	Каховка	1	2	11
	Херсонская область	1		
Катакомбная (ранний период)	Долина р. Молочной	1	2	11
	Суммарная серия из Украины	1		
Срубная	Левобережная Украина	1	5	28
	Правобережная Украина	2		
	Грунтовые могильники из Украины	2		
Белозерская	Широкое (Украина)	2	3	17
	Суммарная серия (Украина)	1		
Всего		13	13	72,5
Культуры территории Азии				
Эпоха бронзы на территории Северного Ирана	Средняя бронза. Тепе-Гиссар III	1	1	5,5
Бактрийско-маргианский археологический комплекс	Поздняя бронза. Южный Узбекистан (Джаркутан)	2	2	11
Культуры Юга Сибири	Окуневская культура. Центральная Тыва	1	1	5,5
Алакульская культура	Западный Казахстан	1	1	5,5
Всего		5	5	27,5
Вместе		18	18	100

Параллели с группами катакомбной культуры (2). Две серии выявляют связь с группами раннекатакомбной культуры: с раннекатакомбной группой из долины р. Молочной – параллели у серии из *Посулья*; с раннекатакомбной сборной группой из Украины – у *сборной правобережной лесостепной серии Украины*.

Параллели с группами срубной культуры (5). руппой срубной культуры из грунтовых могильников Украины связаны серии из *Медвина*, *сборная правобережной лесостепной Украины*.

С группой срубной культуры Правобережной Украины параллели у серий из *Медвина*, *сборной правобережной лесостепной Украины*;

С группой срубной культуры Левобережной Украины связана *сборная серия из правобережной лесостепной Украины*.

Параллели с группами белозерской культуры (3). Группа белозерской культуры Украины (Широкое) обнаруживает параллель с сериями из *Медвина*, *сборной из правобережной лесостепной Украины*. Параллель с суммарной группой белозерской культуры Украины – у серии из *Медвина*.

Морфологические связи с азиатскими группами («восточный вектор»)

Параллели с группами бронзового века из Средней Азии (3). С группой бронзового века из Северного Ирана (Тепе-Гиссар) обнаружена параллель у серии из *Посулья*.

С бактрийско-маргианской группой из Южного Узбекистана (Джаркутан) – параллель у серий из *Медвина*, *сборной из правобережной лесостепи Украины*.

Параллели с группой окуневской культуры из Центральной Тывы (Аймырлыг XIII и Аймырлыг-карьер) выявлены у *сборной серии из правобережной лесостепной Украины*.

Параллели с группой алакульской культуры из Западного Казахстана обнаружены у серии из *Посулья*.

Наибольшее число тесных связей с сериями лесостепных скифов обнаруживают группы срубной культуры (5 параллелей – 28%) и белозерской культуры (3 параллели – 17%). По две параллели у групп ямной, ранней катакомбной и бактрийско-маргианской культур. По одной параллели выявлено у группы кеми-обинской культуры, а также у культур эпохи бронзы из Ирана, окуневской и алакульской. Соотношение параллелей лесостепных скифских серий с группами «восточного» и «западного» векторов составляет 2:5.

В **Таблице 3** представлены объединённые количественные данные и соотношения параллелей краниологических серий скифских локальных групп с культурно-территориальными группами Восточной Европы и Азии.

Наибольшее число близких связей со скифскими сериями обнаруживают группы следующих культур:

Срубная – двенадцать (15%);

Ямная – девять (11%);

поздняя катакомбная – девять (11%);

раннескифской и скифской эпохи из Юга Сибири – девять (11%);

окуневская из Тывы – восемь (10%);

ранняя катакомбная – семь (9%);

бактрийско-маргианская – семь (9%);

черногоровская – пять (6%).

Таблица 3

Внешние морфологические связи краниологических серий скифских локальных групп

Археологические культуры и культурно-территориальные группы		Территориальные подразделения скифского ареала			
		Степные серии	Лесостепные серии	Всего	Соотношение (%)
Культуры Восточной Европы		Количество	Количество		
Ямная	Верхний Ингулец	5	—	9	11
	Левобережье Нижнего Днепра	1	—		
	Херсонская область	1	—		
	Каховка	—	1		
	Волго-Уралье	—	1		
Кеми-обинская	Крым	—	1	1	1
Полтавкинская	Поволжье	1	—	1	1
Катакомбная (ранний период)	Долина р. Молочной	5	1	7	9
	Суммарная серия из Украины	—	1		
Катакомбная (поздний период)	Степной Крым	5	—	9	11
	Левобережье Нижнего Днепра	1	—		
	Правобережье Нижнего Днепра	2	—		
	Верховье Ингульца	1	—		
Культура многоваликовой керамики	Калфа (Молдавия)	2	—	2	2
Срубная	Левобережная Украина	—	1	12	15
	Правобережная Украина	—	2		
	Грунтовые могильники из Украины	2	2		
	Саратовская область	3	—		
	Волгоградская и Астраханская области	1	—		
	Лесостепь Поволжья	1	—		

Археологические культуры и культурно-территориальные группы		Территориальные подразделения скифского ареала			
		Степные серии	Лесостепные серии	Всего	Соотношение (%)
Культуры Восточной Европы		Количество	Количество		
Черногородская	Украина	5	—	5	6
Белозерская	Широкое (Украина)	—	2	3	4
	Суммарная серия (Украина)	—	1		
		36	13	49	60
Культуры территории Азии					
Эпоха бронзы на территории Северного Ирана	Средняя бронза. Тепе-Гиссар III	—	1	1	1
Бактрийско-маргианский археологический комплекс (Средняя Азия)	Средняя бронза. Южный Туркменистан (Алтын-депе)	1	—	7	9
	Поздняя бронза. Южный Узбекистан (Джаркутан)	2	2		
	Поздняя бронза. Южный Узбекистан (Сапаллитепе)	1	—		
	Поздняя бронза. Южный Таджикистан (Тигровая Балка, Макони-Мор)	1	—		
Культуры Юга Сибири и Центральной Азии	Окуневская культура. Центральная Тыва	7	1	8	10
	Раннескифская эпоха. Культура безвещевых погребений. Зап. Тыва	2	—	3	4
	Ранние «скифы» Алтая	1	—	6	7
	Скифская эпоха. Западная Тыва	3	—		
	Скифская эпоха. Центральная Тыва	2	—		
	Скифская эпоха. Западн. Монголия (Улангом)	1	—		

Археологические культуры и культурно-территориальные группы		Территориальные подразделения скифского ареала			
		Степные серии	Лесостепные серии	Всего	Соотношение (%)
Культуры Восточной Европы		Количество	Количество		
Алакульская культура	Западный Казахстан	–	1	1	1
Культура поздней бронзы Армении	Юго-западное побережье оз. Севан (начало I тыс. до н. э.)	1	–	2	2
	Акунк (начало I тыс. до н. э.)	1	–		
Сакская культура	Киргизия:	1	–	3	4
	Северный и Центральный Казахстан	2	–		
Савроматская культура	Нижнее Поволжье и Южное Приуралье	1	–	1	1
Всего		26	6	32	40
Вместе		62	19	81	100

По три параллели у сакской и белозерской культур, а также у раннескифских групп из Юга Сибири. По две параллели имеют группы культуры многоваликовой керамики и эпохи поздней бронзы из Армении. По одной параллели имеют пять краниологических групп, представляющих следующие культуры: кеми-обинскую, полтавскинскую, культуру эпохи бронзы из Северного Ирана, алакульскую и савроматскую.

Соотношение параллелей с группами «восточного» и «западного» векторов составляет 2:3.

Внутрилокальные связи краниологических серий степных скифов

Морфологические связи обнаружены внутри таких объединений краниологических серий степных скифов (внесены в Таблицу 4):

- 1) серии из *Златополя – Каховки – Никополя – Фронтового*;
- 2) серии из *Мамай-Горы – Акташа*;
- 3) серии из *Николаевки – Гайманова Поля – Михайловки-(Кута-Калиновки) – Керчи – Носаков*.

Межлокальные связи степных и лесостепных серий

Лесостепные серии из *Медвина* и *сборной правобережной лесостепной Украины* близки к серии степных скифов из *Гайманова Поля*; *сборная серия правобережной лесостепной Украины* – к серии степных скифов из *Широкого* (внесены в Таблицу 4).

Внешние морфологические связи скифских серий с краниологическими группами с территории Восточной Европы и Азии, объединённые с данными о внутренних – внутрилокальных и межлокальных – морфологических связях степных и лесостепных скифских серий вносим в Таблицу 4. Придерживаемся условного разграничения связей на «западный» и «восточный» векторы, а также хронологической последовательности археологических культур.

Таким образом, для каждой скифской серии отображён весь спектр морфологических связей в их территориальном разграничении и хронологической последовательности, в центре которого располагаем восточно-европейские культурно-территориальные группы предскифской эпохи.

В Таблицу 4 также вносим информацию о наличии у скифских краниологических серий монголоидных признаков, по данным канонического анализа и расположения серий в порядке ослабления европеидности по первой канонической переменной (с 30% изменчивости) (*Козинцев 2007: 153*).

Компактно размещаем скифские серии, находящиеся на «европеоидной» или «монголоидной» части вектора. В результате визуализации данных становится очевидным распределение скифских серий в зависимости от «вектора» их морфологических связей и наличия у них монголоидных признаков.

Совмещаем два размежевания, в результате чего формируются четыре подгруппы краниологических серий. Для визуального отображения условного размежевания двух территориальных группировок скифов размещаем серии лесостепных и степных скифов со спектром их внешних и внутренних морфологических связей компактно, но в пределах подгруппы, к которой они отнесены по своим характеристикам.

Первая подгруппа – шесть степных серий: из *Златополя*, *Мамай-Горы*, *Акташа*, *Николаевки-на-Днестре*, *Гайманова Поля*, *Михайловки* – (*Кута-Калиновки*), а также три лесостепные серии: из *Медвина*, *Посулья*, *сборная правобережной лесостепной Украины*. Для них характерно наличие двух «векторов» морфологических связей. Все они находятся на «европеоидной» части вектора первой канонической переменной.

На основании антропологического сходства с серией из *Златополя* к первой подгруппе относим расположенные на «европеоидной» части две степные серии – из *Никополя* и *Фронтowego* (у которых выявлены связи только «западного» вектора).

Степную серию из *Каховки*, находящуюся на «европеоидном» полюсе, для которой отмечена внешняя параллель только «восточного» направления (с окуневской группой из Тувы), через внутрилокальную связь с серией из *Златополя* примыкаем к первой подгруппе.

Втора подгруппа – степная серия из *Керчи* (два «вектора» морфологических связей и монголоидные признаки), серия из *Носаков* (только «западный» вектор морфологических связей и признаки монголоидности, тяготеет к серии из *Керчи*), а также серия из *Ингульца* (только «западный» вектор морфологических связей и признаки монголоидности), возможно, комбинированная (*Круц 2017: 23*).

Внутренние связи		Железный век	Монголоидность	-	-	-	-
			Скифская культура	Николаевка	Керчь, Широкое П. Лесостепь	Николаевка Медвин, Широкое	-
Внешние связи краниологических серий скифов Северного Причерноморья	Культурно-территориальные группы Азии	Поздний бронзовый – ранний железный век	Савроматская	-	-	-	-
			Сакская	-	-	-	-
			Скифская эпоха Зап.Монголия	-	-	-	-
			Центр., Зап. Тува	-	-	-	-
			Раннескифск.эпоха. Зап. Тува	-	-	-	-
		Раннескифск.эпоха. Алтай	-	-	-	-	
		Бронзовый век	Армения (Акунк, о.Севан)	-	-	-	-
			Алакульская Зап. Казахстан	-	-	+	-
			БМАК	-	+	-	+
			Иран (Тепе-Гиссар)	-	-	+	-
	Окуневска. Центр. Тува		+	+	-	-	
	Бронзовый век	Культурно-территориальные группы Восточной Европы	Черногоровская	-	+	-	-
			Белозерская	-	-	-	+
			Срубная	+	+	-	+
			Полтавкинская	-	-	-	-
			Многоваликовая керамика	-	-	-	-
			Позднекатакомбна	-	-	-	-
			Раннекатакомбная	-	-	+	-
			Кеми-обинская	-	-	-	+
			Ямная	+	+	-	+
Краниологические серии			Михайловка-(Кут-Калиновка)	Гайманово Поле	Посульская	Медвин	

Внешние связи краниологических серий скифов Северного Причерноморья		Внутренние связи		Монголоидность					
		Железный век	Скифская культура	Гайманово	Поле	Медвин,	Широкое		
Культурно-территориальные группы Восточной Европы	Поздний бронзовый – ранний железный век	Савроматская	-	-	-	-	-	+	-
		Сакская	-	+	-	-	-	-	+
		Скифская эпоха Зап.Монголия	-	-	-	-	-	-	-
		Центр.,Зап. Тува	-	+	+	+	-	+	
		Раннескифск.эпоха. Зап. Тува	-	+	-	-	-	-	+
		Раннескифск.эпоха. Алтай	-	+	-	-	-	-	-
	Бронзовый век	Армения (Акунк, о.Севан)	-	-	-	-	-	-	-
		Алакульская Зап. Казахстан	-	-	-	-	-	-	-
		БМАК	+	-	-	-	-	-	-
		Иран (Тепе-Гиссар)	-	-	-	-	-	-	-
		Окуневска. Центр. Тува	+	-	-	-	-	-	-
	Бронзовый век	Черногоровская	-	-	-	-	-	-	-
		Белозерская	+	-	-	-	-	-	-
		Срубная	+	-	-	-	-	-	-
		Полтавкинская	-	-	-	-	-	-	-
		Многоваликовая керамика	-	-	-	-	-	-	-
		Позднекатакомбна	-	-	-	-	-	-	-
		Раннекатакомбная	+	-	-	-	-	-	-
		Кеми-обинская	-	-	-	-	-	-	-
Ямная		-	-	-	-	-	-	-	
Краниологические серии		Правобережная Лесостепь (Михайловка)-Кут-Калиновка	-	+	+	+	+	+	
		Верхне-Тарасовка	-	-	-	-	-	-	
		Сев-Зап. Причерноморье	-	-	-	-	-	-	
		Александрополь	-	-	-	-	-	-	
		Присивашье	-	-	-	-	-	-	

Внутренние связи		Железный век	Монголоидность								
			+	+	+	+	-	-			
Внешние связи краниологических серий скифов Северного Причерноморья		Культурно-территориальные группы Азии	Поздний бронзовый – ранний железный век	Савроматская	-	-	-	-	-	-	-
				Сакская	-	-	-	-	-	-	-
Скифская эпоха Зап.Монголия	-			+	-	-	-	-	-		
Центр., Зап. Тува	-			-	-	-	-	-	-		
Раннескифск. эпоха. Зап. Тува	-			-	-	-	-	-	-		
Раннескифск. эпоха. Алтай	-			-	-	-	-	-	-		
Бронзовый век	Армения (Акунк, о.Севан)		-	+	-	-	-	-	-		
	Алакульская Зап. Казахстан		-	-	-	-	-	-	-		
	БМАК		-	+	-	-	-	-	-		
	Иран (Тепе-Гиссар)		-	-	-	-	-	-	-		
	Окуневская. Центр. Тува	-	-	-	-	-	-	-			
Культурно-территориальные группы Восточной Европы	Бронзовый век	Черногоровская	-	+	-	-	-	-	-		
		Белозерская	-	-	-	-	-	-	-		
		Срубная	-	+	-	-	-	-	-		
		Полтавкинская	-	-	-	-	-	-	-		
		Многоваликовая керамика	-	+	-	+	-	-	-		
		Поздnekатакомбна	-	-	+	-	-	-	-		
		Раннекатакомбная	-	+	-	-	-	-	-		
		Кеми-обинская	-	-	-	-	-	-	-		
		Ямная	-	+	+	+	-	-	-		
Краниологические серии			Широкое	Керчь	Носаки	Ингулец	Сейминская	Ворсклинско-Бориспольская			

По причине выявленных признаков монголоидности ко второй подгруппе принимаем также степную серию из *Широкого*, тяготеющую, в то же время, к «европеоидным» скифским сериям с двухвекторными морфологическими связями – степной из *Гайманова Поля* и *сборной из правобережной лесостепи Украины*.

Третья подгруппа – степные серии из *Верхне-Тарасовки, Северо-Западного Причерноморья, Александрополя, Присивашья, (Михайловки) – Кута-Калиновки*, которые характеризуются наличием связей с краниологическими группами только «восточного» вектора», а также имеют признаки монголоидности.

Четвёртая подгруппа – морфологически изолированные лесостепные серии *Ворсклинско–Бориспольская и Сейминская*, у которых не обнаружено ни внешних, ни внутренних (внутрилокальных или межлокальных) близких связей. С.И. Ефимова отмечает, что небольшая (3 черепа) брахикранная, с выраженной уплощённостью лица, бориспольская группа выглядит в составе лесостепных групп, как «некоторый диссонанс» (Ефимова 2000: 40). С.И. Круц также подтверждает морфологическую изолированность этих серий (Круц 2017: 44).

При сопоставлении скифских серий в рамках выделенных нами подгрупп локальные группировки степных и лесостепных скифов рассматриваются не обобщённо, с получением усреднённых результатов, а дифференцированно – согласно направленности их внешних связей, наличия внутрилокальных и межлокальных связей, а также признаков монголоидности.

Соотношение параллелей «западного» и «восточного» векторов внешних морфологических связей обеих территориальных группировок скифских краниологических серий (степных и лесостепных) считаем целесообразным рассмотреть в пределах выделенных нами подгрупп скифских серий, поскольку все подгруппы резко отличаются не только по направленности векторов внешних связей, но и по самому перечню морфологически близких им культурно-территориальных групп.

Обсуждение

I. Зональная дифференциация. Начиная с IX в. до н. э. и практически до VII в. до н. э. в Причерноморье сокращается количество погребальных памятников. С.И. Круц отмечает почти полное отсутствие антропологических данных по предскифскому периоду (Круц 2017: 62) в связи с изменениями экологической ситуации в Степи и южных районах Лесостепи, с оттоком основной массы населения в более благоприятные районы (Лесостепь, Кубань) и расселением его в плодородных районах рек (Отрощенко, Болтрик 1982). По археологическим данным, о стабильном населении в степях Северного Причерноморья можно говорить только не ранее середины V в. до н. э. (Полин 1994: 95–97).

Сведения о проживании каких-либо более или менее значительных по величине коллективов в степной части Северного Причерноморья в VII–VI вв. до н. э. отсутствуют. Поэтому нет оснований утверждать о сосуществовании в то время культур Степи и Лесостепи как двух независимых друг от друга этнополитических образований – так называемых земледельческой Скифии и кочевническо-скотоводческой Скифии (Бандрівський 2007: 90).

В современной скифологии существенно пересматривают время появления скифского этнического компонента в степной и лесостепной зонах Северного Причерноморья. Ю.А. Виноградов и К.К. Марченко считают, что во второй половине

VIII – первой половине VII в. до н. э. произошло перемещение с востока в Северное Причерноморье нескольких орд кочевников раннескифской культуры (Виноградов, Марченко 1991: 147). Но в археологическом материале это предположение не находит подтверждения, и говорить о прибытии в данный регион в рассматриваемый период какой-либо орды нет оснований (Скорый 2003: 73).

В лесостепной зоне элементы кочевнической скифской культуры, в частности в погребальном обряде, появились не ранее конца V – IV вв. до н.э. (Гаврилюк 2005: 106; Полин 1994: 96, 98). Скифская серия из Медвина датирована VI – V вв. до н. э., что является важным фактом в свете спорности наличия кочевнических элементов на территории Правобережной Лесостепи ранее конца V в. до н.э.

С.И. Ефимова отмечает в скифском ареале отсутствие резкой зональной дифференциации и противопоставления антропологических особенностей, поскольку население представляло в целом антропологически консолидированную общность (Ефимова 2000: 43).

С.И. Круц считает вполне логичным объединённый анализ всех скифских серий, поскольку в первой половине – середине I тыс. до н. э. степи простирались на значительно большее расстояние к северу, чем сейчас, и чёткая граница между степными и лесостепными скифами отсутствует (Круц 2017: 43). Сравнительным межгрупповым анализом 20 мужских серий было выявлено несколько краниологических типов и связь между комплексами через множество переходных форм в смешанных сериях (Круц 2017: 43). В то же время, лесостепные серии не представлены единым краниотипом (Круц 2017: 45).

А.Г. Козинцев анализирует две большие территориальные группировки степных и лесостепных скифов. Усреднённые данные по 17 степным сериям показали наибольшую близость к ним окуневской группы из Тувы, ямной с верховьев Инульца и срубной из Саратовской области (Козинцев 2007: 146). Усреднённые данные по пяти лесостепным сериям выявили в десятке близких три группы срубной культуры, три – ямной, три – катакомбной, одну – бактрийско-маргианскую. На первом месте – группа срубной культуры Украины (грунтовые могильники) (Козинцев 2007: 147).

Усреднённые данные по 22 скифским сериям показали среди десяти археологических групп, представители которых обнаруживают максимальное антропологическое сходство со всеми скифами, одну группу ямной культуры, три катакомбной, три срубной и три группы из Центральной Азии (Козинцев 2007: 146).

В нашем исследовании рассматриваем три лесостепные серии как схожие с сериями степных скифов, внесёнными в первую подгруппу, по своим морфологическим связями и расположением в «европеоидной» части вектора. Две лесостепные серии являются антропологически изолированными и размещены в отдельную подгруппу.

II. Западный вектор связей. С.И. Круц фиксирует прямые параллели отдельных скифских серий в предшествующих периодах на территории Северного Причерноморья. Местная генетическая линия чётко прослеживается для степной *Каховской* и лесостепных *Медвинской*, *Трипольской* и *Посульской*, у которых отмечено более выраженное сходство с серией культуры многоваликовой керамики Поднепровья, чем со срубной Украины. Местное формирование допускается у *Златопольской* и *Ингульской* серий, близких к раннекатакомбной группе бассейна р. Молочной. Предполагается генетическое родство серий из *Михайловки*, *Носаков* и *Фронтowego* с позднекатакомбными группами из районов Каховки и Степного Крыма (Круц 2017: 83).

А.Г. Козинцев отмечает наибольшую близость с позднекатакомбными группами у скифов *Фронтowego*, *Акташа* и *Никополя* (параллели выявлены также у серий из *Златополя*, *Мамай-Горы* и *Носаков*) (Козинцев 2007: 150).

А.Г. Козинцев видит в многочисленных параллелях с ямной группой с верховьев р. Ингульца и раннекатакомбной группой с долины р. Молочной не автохтонность степных скифов, а подвижность по степям Евразии их предков – скотоводческого индоевропейского населения. Обратная миграция его в Северное Причерноморье стала главным фактором в формировании степных скифов (Козинцев 2007: 152, 155).

Решающим фактором в пользу теории автохтонности А.Г. Козинцев считает параллели с носителями срубной культуры, однако отчётливы они только для лесостепных серий (Козинцев 2007: 154).

По нашим наблюдениям, наибольшее количество параллелей, составляющее 15% от их общего числа, с шестью группами срубной культуры – тремя с территории Северного Причерноморья и тремя с Поволжья – отмечены у шести степных и двух лесостепных серий. Кроме того, выявленные у степных и лесостепных групп двенадцать параллелей с группами срубной культуры подкрепляются внутривлокальными и межлокальными связями, предполагающими ещё девять параллелей с группами срубной культуры с Поволжья и семнадцать – с территории Украины.

Серии степных скифов проявляют близкие связи (максимальные значения показателей близости) с группой черногоровской культуры Украины (пять параллелей), которые по подсчётам А.Г. Козинцева исчезают при усреднении по локальным выборкам, как и три параллели с группами белозерской культуры Украины у серий лесостепных скифов (Козинцев 2007: 154).

С.И. Круц отметила, что черногоровские черепа удалены по сумме признаков от краниологических серий, относящихся к культурам эпохи средней и поздней бронзы с территории Северного Причерноморья – культуре многоваликовой керамики, срубной и белозерской – на среднем уровне сходства. А в строении лица – высоте и ширине, вертикальной и горизонтальной профилировке – между черногоровскими и белозерскими черепами больше сходства, чем различия (Круц 2017: 87).

По нашим наблюдениям, отмеченная у пяти степных скифских серий параллель с черногоровской группой (6% от общего числа параллелей) косвенно подкрепляется наличием ещё семи – у степных и двух лесостепных серий – благодаря внутривлокальным и межлокальным связям скифских серий. С белозерской культурой отмечены три параллели у двух лесостепных серий и косвенно ещё 5 – через межлокальное сходство со степными сериями.

III. Восточный вектор связей. Обобщённое рассмотрение скифского массива обнаруживает максимальные показатели антропологического сходства со всеми скифами в целом у окуневской культуры Тувы; на втором месте – срубная культура Украины (грунтовые могильники), на третьем – ямная культура с верховьев Ингульца. Однако окуневская серия очень мала и не исключён фактор случайности (Козинцев 2007: 146).

По сходству с окуневцами Тувы расположены следующие группы: первые пять мест занимают скифы, затем – ямники с долины р. Ингулец, срубники с территории Саратовской области, черногоровцы, группа скифской эпохи из Мингечаура, ранние катакомбники с долины р. Молочной, срубники (из грунтовых могильников в Украине), и снова – скифы (Козинцев 2008: 141–142).

С.И. Круц допускает, что первоначальной территорией распространения носителей окуневской культуры, принадлежащих к средиземноморскому антропологическому типу, могло быть Предкавказье, Калмыкия и степи Северного Причерноморья (Круц 2017: 74).

А.Г. Козинцев связывает серию культуры «воронковидных кубков» из Центральной и Северной Европы – выявляющей сходство с окуневцами из Тувы, а также с ямной группой с р. Ингулец и раннекатакомбной с р. Молочной – вторую волну продвижения европеоидов в Центральную Азию. Первая волна была связана с афанасьевцами, третья – с андроновцами; отдельная волна связана с появлением европеоидов в Восточном Туркестане (Козинцев 2008; 2009; 2012; 2015).

На предполагаемом пути из причерноморских степей в Туву выявлены две тяготеющие к тувинским окуневцам (чаахольцам) промежуточные группы – елунинская и более поздняя, алакульская с Южного Урала. А.Г. Козинцев не исключает обратного движения с верховьев Енисея и Оби на Южный Урал уже в бронзовом веке (примечательно, что у скифской лесостепной серии из *Посулья* выявлена параллель с алакульцами из Западного Казахстана) (Козинцев 2007; Козинцев, Селезнева 2015).

Группа елуинцев, принадлежащая, как и окуневская из Тувы, к доандроновским группам западного тяготения, близка к скифской серии из *Верхне-Тарасовки* и окуневцам из Тувы (анализ по полной программе), а по сходству со скифами из *Верхне-Тарасовки* – к группе скифского времени из Западной Тувы. Анализ по неполной программе выявляет близость к елуинцам ещё двух скифских серий: из *Керчи* и *Северо-Западного Причерноморья* (Козинцев 2008: 142).

К доандроновским группам отнесены также самусьцы (близкие с полтавкинской группой), которые при добавлении данных о женских черепах выявляют связь со скифской серией из *Северо-Западного Причерноморья* (Козинцев 2008: 142).

Параллель со скифской серией из *Александрополя* выявлена у их современников из Горного Алтая – группы пазырыкцев из Кызыл-Джара, прямых потомков носителей предскифской культуры безвещевых погребений Тувы (монгун-тайгинской), у которых также выявлено сходство с группами скифской эпохи из Аймырлыга и Западной Тувы (Козинцев 2008: 142).

Сочетание западных и местных сибирских компонентов в окуневской культуре и отличие физического типа минусинских и тувинских окуневцев даёт основание предполагать, что произошло вытеснение пришельцев из Минусинской котловины на юг (в Туву), а не смешение их с местными сибирскими племенами (Козинцев, Селезнева 2015).

Тесное антропологическое сходство степных скифов с тувинскими окуневцами (чаахольцами) предполагает миграцию из Центральной Азии по степям в западном направлении – как следствие повторного вытеснения европеоидов племенами восточного происхождения, но уже не местными сибирскими, а центрально-азиатскими (Козинцев 2015).

А.Г. Козинцев отмечает значительную антропологическую гетерогенность тувинского населения эпохи бронзы и раннего железа и отличие по причине явной монголоидной примеси погребённых в могилах скифского времени в Аймырлыге от черногоровцев и от скифов (Козинцев 2000, 2007).

По нашим подсчётам, соотношение «восточного» и «западного» векторов морфологических связей скифских серий составляет 2:3 (Таблица 3). У скифских се-

рий обнаружены семь параллелей (9% от общего количества) с группами бактрийско-маргианского археологического комплекса, что вместе с восемью параллелями (у семи степных скифских серий и одной лесостепной) с окуневцами составляет 19% от общего количества; наряду с параллелями с окуневцами во внешних связях шести скифских серий выявлены параллели с группами срубной культуры, у трёх – с группой черногоровской культуры, у одной – с группами белозерской культуры.

А.Г. Козинцев (2000) отметил наибольшее сходство скифов Причерноморья с тувинскими окуневцами, населением эпохи бронзы из Джаркутана и Сапаллитепе, а также с тагарцами, из чего следовала локализация их прародины в Центральной Азии; но впоследствии, по новым материалам, это наблюдение опровергается, поскольку южно-среднеазиатские параллели у скифских серий находятся не на первом месте и не прослеживаются у степных скифов, как и у всего скифского массива в целом (Козинцев 2007: 148). Такое краниологическое сходство Л.Т. Яблонский объясняет не близкой родственностью или линейной генетической преемственностью, а конвергентным формированием сходных антропологических типов на основе общих компонентов в предковых пластах (Яблонский 2000: 77).

Большое краниологическое сходство существует у тагарцев, срубников Нижнего Поволжья и скифов Нижнего Поднепровья, а также населения, оставившего могильники поздней бронзы Джаркутан и Тигровая Балка (Яблонский 2000: 74). Срубники Нижнего Поволжья, население из Тигровой Балки, Джаркутана, Сапаллитепа, Сумбара, Алтын-депе, андроновцы Северного, Западного и Восточного Казахстана, население Тасты-Бутака, саки Восточного Памира и скифы Причерноморья – это группы с резко выраженными признаками большой европеоидной расы. Как заключает Л.Т. Яблонский, сходство со скифскими сериями обнаруживают краниологические варианты северного, степного или смешанного происхождения, сформировавшиеся как антропологический результат процессов волнообразных миграций степного населения на Юг Средней Азии и Казахстана, а также на Кавказ в эпоху поздней бронзы (Яблонский 2000: 77).

IV. Метисация. Проблема генезиса скифов связана с вопросом о возможной метисации мигрантов из Центральной Азии с потомками местного восточно-европейского населения эпохи бронзы. По наблюдениям С.И. Круц, все лесостепные, а также некоторые степные серии (*Каховка, Златополь, Гайманово Поле, Мамай-гора, Ингулец*) заняли место среди «западных» европеоидов. Серии из *Кута, Александрополя и Присивашья* – «восточные». Большинство серий – *Широкое, В.Тарасовка, Никополь, Николаевка, Акташ, Фронтное, Михайловка, Носаки, Северо-Зап. Причерноморье* – заняли промежуточное, обособленное положение, проявляя сходство только с одной из «восточных» серий – тагарской. С.И. Круц объясняет компактное их расположение на графиках генетической близостью или метисным характером (Круц 2017: 83).

С.И. Круц устанавливает, наряду с местными линиями развития степных скифов, и такие, у представителей которых формирование их физического типа происходило за пределами территории Северного Причерноморья – саков, савроматов и ранних сарматов (Круц 2017: 83). Кроме того, в формировании антропологического состава населения, ведущего оседлый или полuosедлый образ жизни (вблизи Днепра или в причерноморской полосе и было очень смешанным), наряду с местными племенами эпохи бронзы, принимали участие, предположительно, греческие и фракийские (Круц 2017: 84).

С.И. Ефимова наблюдает тенденцию зональных краниологических отличий к сдвигу за счёт признаков, по которым краниологически определяется «монголоидная примесь» (Ефимова 2000: 40).

Л.Т. Яблонский отмечает, что в некоторых районах Средней Азии и Казахстана в период зарождения культур сакского типа ощущается «восточный импульс» в виде более или менее заметной монголоидной примеси, в том числе на территории Приаралья – в контактной скифо-сакской зоне (Яблонский 1996, 1998), однако западнее этот импульс теряется (Яблонский 2000: 77).

Монголоидные особенности обнаружены у серий из *Присивашья, Александрополя, Северо-Западного Причерноморья, Михайловки-Кута-Калиновки, Носаков, Керчи, Ингульца, Широкого и Верхне-Тарасовки*, но А.Г. Козинцев опровергает данными канонического анализа факт метисации степных скифов, их промежуточность между более ранними восточно-европейскими и центрально-азиатскими сериями (Козинцев 2007: 153).

По нашим наблюдениям, совмещённое разграничение скифских серий по соотношению европеоидности и монголоидности согласно данным (Козинцев 2007: 153), а также по направленности их морфологических связей, показало наличие следующих подгрупп, компактно размещённых по признакам монголоидности в Таблице 4:

- а) подгруппа из тринадцати серий (57%), находящихся на европеоидной части вектора (серии из *Златополя, Каховки, Никополя, Фронтового, Мамай-Горы, Акташа, Николаевки-на-Днестре, Михайловки-(Кута-Калиновки), Широкого*);
- б) подгруппа из четырёх серий (17%) – с монголоидными признаками: из *Присивашья, Александрополя, Северо-Западного Причерноморья, (Михайловки)-Кута-Калиновки*, наличие монголоидных признаков у которых подтверждается параллелями с центрально-азиатскими группами раннескифской и скифской эпохи, а также с группами сакской и савроматской культуры;
- в) подгруппа из четырёх серий (17%) – с механически смешанным краниологическим материалом с признаками монголоидности. Механическая примесь отмечена у серий из *Широкого, Носаков (Круц 2017: 18) и Верхне-Тарасовки (Круц 2017: 22)*. В состав *Ингулецкой* серии (7 черепов), вероятно, были включены также *Ингульская* группа (2 черепа) и группа *Ковалёвки* (2 черепа) (Круц 2017: 23), что повлияло на суммарные данные. Серия из *Керчи*, согласно внешним морфологическим связям, могла быть отнесена к первой подгруппе, но выявленные признаки монголоидности подтверждаются внутрилокальной связью с механически смешанной серией из *Носаков*, а также внешней связью с группой скифской эпохи из Западной Монголии (Улангом);
- г) подгруппа из двух лесостепных серий (9%) – с неопределёнными связями (серии *Сейминская* и *Ворсклинско-Бориспольская*).

Отсутствием данных о метисации А.Г. Козинцев подкрепляет свою гипотезу о том, что степное скифское население (по крайней мере начиная с V в. до н.э.) было в основном пришлым, а причина его антропологической неоднородности – во множественности миграций и неоднородном участии местных групп в сложении степного скифского населения (Козинцев 2007: 153). В то же время, теория автохтонности подтверждается относительно лесостепного населения на основании обнаруженных параллелей с группами срубной культуры (Козинцев 2007: 154).

Мы разграничиваем серии с монголоидными признаками и серии с подтверждённой антропологическими данными механической примесью и не рассматриваем последние как метисные ввиду отсутствия подтверждения этому данными статистического анализа.

Заключение

Обсуждение показывает разнообразие взглядов ведущих антропологов на проблему генезиса скифов. Оно объясняется тем, что в современной скифологии всё ещё нет точного определения понятий «скиф», «скифская культура» и «скифская археологическая культура». Слабая сохранность погребальных памятников и разрушение костных останков, а также зачастую противоречивая интерпретация событий скифской истории создают объективные причины нерешённости вопроса.

В работе использован новый методический приём интегративной интерпретации результатов многомерной статистической обработки данных измерительных признаков краниологических серий, объединивший четыре ракурса анализа краниологических серий в один интегративный. Первый ракурс – территориальная направленность внешних связей с краниологическими группами, наиболее приближёнными к скифским; второй – признаки европеоидности и монголоидности серий; третий – внутрилокальные связи скифских серий в пределах территориальных группировок; четвёртый – межлокальные связи лесостепных и степных скифских серий.

Такая интеграция позволила комплексно интерпретировать специфику краниологических серий согласно направленности их внешних морфологических связей, наличия или отсутствия внутренних (внутрилокальных и межлокальных) связей, а также с учётом наличия или отсутствия у них признака монголоидности.

Выводы

Установленный нами комплекс скифских серий, состоящий из нескольких различных группировок, объединённых по специфике их морфологических связей и признаков монголоидности, показал неправомочность осуществления обобщённых расчётов по всему скифскому комплексу, так же, как и усреднённых по «локальным зонам» ввиду их отсутствия.

Использованный в работе приём комплексной интерпретации дал возможность определить структуру и направления внутренних и внешних связей краниологических серий причерноморских скифов и выявить их антропологический состав как проявление генезиса. Результаты подтверждают теорию автохтонности северопрichernоморских скифов.

1. Подавляющее большинство скифских серий (12 – 52%) обнаруживают связи в предшествующих периодах на территории Северного Причерноморья и по комплексу характеристик принадлежат к автохтонной линии.
2. Морфологические связи пяти серий (22%) степных скифов подтверждают формирование их физического типа на территории Южной Сибири и Центральной Азии, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (параллели с группами раннескифской и скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии, а также саками и савроматами) и приход на территорию Северного Причерноморья непосредственно в скифскую эпоху.

3. Четыре серии (17%) являются механически смешанными.
4. Две серии (9%) антропологически изолированы, без определённых внешних и внутренних морфологических связей.
5. Наибольшее количество параллелей (15%) отмечено с группами срубной культуры (параллели с группами белозерской культуры – ещё 4%).

Неоднородность скифов отмечена в различиях серий по показателям монголоидности, а также в количестве и направлениях внешних параллелей только в отдельных подгруппах, но не в локальных группах в целом. Лесостепные скифы схожи в антропологическом отношении с подгруппой степных скифов, у которых обнаружены параллели с восточно-европейскими и восточными (азиатскими) культурно-территориальными группами. Обособленность отдельных скифских серий и морфологические связи исключительно с восточными группами раннескифского и скифского периодов подтверждают их формирование на более восточных территориях – Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, Центральной Азии и Юга Сибири – и миграцию в Северное Причерноморье непосредственно в скифскую эпоху.

Перспективы связываем с дальнейшей разработкой проблемы генезиса скифов Северного Причерноморья в связи с проблемами культурогенеза.

Научная литература

- Алексеев В.П. Дискуссионные вопросы отечественной скифологии // Народы Азии и Африки, 1980. № 6. С. 80–82.
- Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов // ВДИ, 1950. №2. С.37–47.
- Бандрівський М.С. Сучасне розуміння “скіфського” і проблема етно-культурної приналежності носіїв середньодністровської групи // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, 2007. Вып. 11. С. 77–100.
- Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского Междуречья. Москва: Наука, 1975. 283 с.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА, 1991. № 1. С. 145–155.
- Гаврилюк Н.А. Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблемы выделения иранского этнокультурного элемента). Київ, 2003. 162 с. (Рецензия) // Археология, 2005. № 3. С. 101–110.
- Герасимова М.М. Антропологические данные к вопросу об этнических отношениях в Северо-Восточном Причерноморье (Боспорское царство) // М.М. Герасимова, Н.М. Рудь, Л.Т. Яблонский; отв. ред. М.С. Великанова. *Антропология античного мира и средневекового населения Восточной Европы*. АН СССР, Институт этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Москва: Наука, 1987. 251 с.
- Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды Секции археологии РАНИОН, 1928. № 2. С. 46–60.
- Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. Москва: АН СССР, 1954. С. 39–94.
- Дебец Г.Ф. О физических типах людей скифского времени // Проблемы скифской археологии (Материалы и исследования по археологии СССР №177) / отв. ред. П.Д. Либеров и В.И. Гуляев. Москва: Наука, 1971. С. 8–10.
- Ефимова С.Г. Соотношение лесостепных и степных групп населения Европейской Скифии по данным краниологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. Москва: Институт археологии РАН, 2000. С. 39–44.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII – IV вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1983. 396 с.

- Козинцев А.Г.* Об антропологических связях и происхождении причерноморских скифов // Археология, этнография и антропология Евразии, 2000. Вып. 3 (3). С. 145–152.
- Козинцев А.Г.* Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии, 2007. Вып. 4 (32). С. 143–157.
- Козинцев А.Г.* Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // Археология, этнография и антропология Евразии, 2008. Вып. 4 (36). С. 140–144.
- Козинцев А.Г., Селезнева В.И.* Вторая волна миграции европеоидов в Южную Сибирь и Центральную Азию (к вопросу об индоиранском компоненте в окуневской культуре) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. / отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб: МАЭ РАН, 2015, С. 51–62.
- Кондукторова Т.С.* Антропология древнего населения Украины. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972. 155 с.
- Кривцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. XVII. Москва: 1948. С. 57–172.
- Круц С.И.* Скифы степей Украины по антропологическим данным («Курганы Украины», Т. 5). Киев – Берлин: Видавель Олег Філюк, 2017. 202 с.
- Лесков А.М.* Курганы: находки, проблемы. Ленинград: Наука, 1981. 168 с.
- Отрощенко В.В., Болтрик Ю.В.* Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области // Материалы по хронологии археологических памятников Украины / отв. ред. Д.Я. Телегин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 38–46.
- Полин С.В.* О походе Дария в Причерноморскую Скифию // Древности Скифов. Сборник научных трудов. Киев: Типография федерации профсоюзов, 1994. С. 96–100.
- Скорый С.А.* Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев: ИА НАНУ, 2003. 162 с.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
- Яблонский Л.Т.* Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). Москва: Тимп, 1996. 185 с.
- Яблонский Л.Т.* Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // Российская археология, 1998. №4. С. 35–49.
- Яблонский Л.Т.* О происхождении скифской культуры Причерноморья по данным современной палеоантропологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. Москва: Институт археологии РАН, 2000. С. 73–79.
- Talgren A.M.* La Pondide Prescythique après l'introduction des metaux // Eurasian Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1926. Vol. II.

Dobrovolskiy, Lubomir S., and Gulnar T. Kazhenova

The origins of the Scythians: migration or autochthonous origin?

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/328-356

The article discussed the sharply debated issues of the origins of the Scythians. The study aims to verify the Central Asian and autochthonous hypotheses about the origins of the Scythians based on paleoanthropological data by systematizing and interpreting the results of craniometric analyses of the structure and directions of internal and external connections of the cranial samples of the Black Sea Scythians and identifying their anthropological composition as evidence of their origins. The research object is the cranial samples of the steppe and forest-steppe Scythians of the Northern Black Sea region. Its subject is the connections between the craniological samples of the Scythians as evidence of their origins. The research is based on the published results of multivariate statistical analyses of 120 male cranial samples. A new method for the integrative interpretation of the results of multivariate statistical processing of

the craniometric data was developed, combining the four perspectives of the analysis into an integrative one. The Scythian samples were found to be heterogeneous in terms of mongoloid traits and the number and directions of external parallels only in individual subgroups but not in local groups in general. Morphological connections confirm the autochthonous nature of twelve Scythian samples. The greatest number of parallels was seen with the groups of the Timber-grave culture. Five Scythian samples differed from the rest, having morphological connections exclusively with the eastern groups of the Early Scythian and Scythian periods. This finding suggests they were formed in more eastern territories (the Lower Volga region, Southern Urals, Central Asia and southern Siberia) and migrated to the Northern Black Sea region directly in the Scythian era.

Keywords: craniological samples, forest-steppe Scythians, origins of the Scythians, migration hypothesis, autochthonous origin, steppe Scythians

For Citation: Dobrovolskiy, L.S., and G.T. Kazhenova. 2021. The origins of the Scythians: migration or autochthonous origin? *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 328–356

Authors info: Dobrovolskiy, Lubomir S. – Student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Department of Archaeology and Ethnology, (010008 Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Pushkin str.11). E-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>.

Kazhenova, Gulnar T. – Professor, Ph.D. Of History, L.N. Gumilyov Eurasian National University Department of Archaeology and Ethnology, Associate (010008, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Pushkin str.11). E-mail: gkazhenova@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>.

References

- Alekseev, V.P. 1980. Diskussionnye voprosy otechestvennoi skifologii. *Narody Azii i Afriki* 6: 80–82.
- Artamonov, M.I. 1950. K voprosu o proiskhozhdenii skifov. *Vestnik Drevnei istorii* 2: 37–47.
- Bandrivs'kii, M.S. 2007. Suchasne rozuminnya “skifs'kogo” i problema etno-kul'turnoi prinalezhnosti nosiiv seredn'odnistrovs'koï grupi. *Materiali i doslidzhennya z arkheologii Prikarpatyia i Volini* 11: 77–100.
- Debets, G.F. 1971. O fizicheskikh tipakh lyudei skifskogo vremeni. In *Problemy skifskoi arkheologii (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR №177)*, edited by P.D. Liberov and V.I. Gulyaev, 8–10. Moscow: Nauka.
- Efimova, S.G. 2000. Sootnoshenie lesostepnykh i stepnykh grupp naseleniya Evropeiskoi Skifii po dannym kraniologii. *Skify i sarmaty v vekakh do nashei ery: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya*, 39–44. Moscow: Institut arkheologii RAN.
- Gavrilyuk, N.A., and S.A. Skoryi. 2005. Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (problemy vydeleniya iranskogo etnokul'turnogo elementa) Kiiiv, 2003. 162 p. (Review). *Arkheologiya* 3: 101–110.
- Gerasimova, M.M. 1987. Antropologicheskie dannye k voprosu ob etnicheskikh otnosheniyakh v Severo-Vostochnom Prichernomor'e (Bosporskoe tsarstvo) In M.M. Gerasimova, N.M. Rud', and L.T. Yablonskii. *Antropologiya antichnogo mira i srednevekovogo naseleniya Vostochnoi Evropy* [Anthropology of the Ancient World and the Medieval Population of Eastern Europe], edited by M.S. Velikanova. Moscow: Nauka.
- Gorodtsov, V.A. 1928. K voprosu o kimmeriiskoi kul'ture. *Trudy Sektsii arkheologii RANION* 2: 46–60.
- Grakov, B.N., and A.I. Melyukova. 1954. Ob etnicheskikh i kul'turnykh razlichiyakh v lesostepnykh oblastiakh Evropeiskoi chasti SSSR v skifskoe vremya, *Voprosy skifo-sarmatskoi arkheologii*, 39–94. Moscow: AN SSSR.

- Il'inskaya V.A., and A.I. Terenozhkin. 1983. *Skifiya VII–IV vv. do n.e.* [Scythia in 7th–4th centuries BC]. Kiev: Naukova dumka.
- Konduktorova, T.S. 1972. *Antropologiya drevnego naseleniya Ukrainy* [Anthropology of the ancient population of Ukraine]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvenogo universiteta.
- Kozintsev, A.G. 2000. Ob antropologicheskikh svyazyakh i proiskhozhdenii prichernomorskikh skifov, *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 3 (3): 145–152.
- Kozintsev, A.G. 2007. Skify Severnogo Prichernomor'ya: mezhruppovye razlichiya, vneshnie svyazi, proiskhozhdenie. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 4 (32): 143–157.
- Kozintsev, A.G. 2008. Tak nazyvaemye sredizemnomortsy Yuzhnoi Sibiri i Kazakhstana, indoevropeskie migratsii i proiskhozhdenie skifov. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 4 (36): 140–144.
- Kozintsev, A.G., and V.I. Selezneva. 2015. Vtoraya volna migratsii evropeoidov v Yuzhnuyu Sibir' i Tsentral'nuyu Aziyu (k voprosu ob indoiranskom komponente v okunevskoi kul'ture). *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN v 2014 godu*, edited by Yu.K. Chistov, 51–62. St. Petersburg: MAE RAN.
- Krivtsova-Grakova, O.A. 1948. Alekseevskoe poselenie i mogil'nik. *Arkheologicheskii sbornik. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* 17: 57–172.
- Kruts, S.I. 2017. *Skify stepei Ukrainy po antropologicheskim dannym («Kurgany Ukrainy», Vol.5)* [Scythians of the steppes of Ukraine according to anthropological data. "Mounds of Ukraine", Vol.5]. Kiev; Berlin: Herausgeber Oleg Filjuk.
- Leskov, A.M. 1981. *Kurgany: nakhodki, problemy* [Mounds: finds, problems]. Leningrad: Nauka.
- Otroshchenko, V.V., and Yu.V. Boltrik. 1982. Kul'turno-khronologicheskoe i territorial'noe raspredelenie mogil'nikov Dnepro-Molochanskoi stepnoi oblasti. *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov Ukrainy*, edited by D.Ya. Telegin, 38–46. Kiev: Naukova dumka.
- Polin, S.V. 1994. O pokhode Dariya v Prichernomorskuyu Skifiyu. *Drevnosti Skifov*, 96–100. Kiev: Tipografiya federatsii profsoyuzov.
- Skoryi, S.A. 2003. *Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (problema vydeleniya iranskogo etnokul'turnogo elementa)* [Scythians in the Dnieper Right-Bank Forest-Steppe (the problem of identifying the Iranian ethnocultural element)]. Kiev: Izdatel'stvo IA NANU.
- Talgren, A.M. 1926. La Pondide Prescythique après l'introduction des métaux. *Eurasian Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, Vol. II.
- Terenozhkin, A.I. 1976. *Kimmeriitsy* [Cimmerians]. Kiev: Naukova dumka.
- Velikanova, M.S. 1975. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo Mezhdurech'ya* [Paleoanthropology of the Prut-Dniester interfluve]. Moscow: Nauka.
- Vinogradov, Yu.A. and K.K. Marchenko. 1991. Severnoe Prichernomor'e v skifskuyu epokhu. Opyt periodizatsii istorii. *Sovetskaia arkheologiya* 1: 145–155.
- Yablonskii, L.T. 1996. *Saki Yuzhnogo Priaral'ya (arkheologiya i antropologiya mogil'nikov)* [Scae of the Southern Aral Sea region (archaeology and anthropology of burial grounds)]. Moscow: Timp.
- Yablonskii, L.T. 1998. Model' rannego etnogeneza v skifo-sakskoi kontaktnoi zone. *Rossiiskaya arkheologiya* 4: 35–49.
- Yablonskii, L.T. 2000. O proiskhozhdenii skifskoi kul'tury Prichernomor'ya po dannym sovremennoi paleoantropologii. *Skify i sarmaty v VII–III vekakh do nashei ery: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya*, 73–79. Moscow: Institut arkheologii RAN.

© Т.К. Ходжайов, Г.К. Ходжайова, С.Ю. Фризен

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ. ЧАСТЬ I*

Статья посвящена публикации краниологических материалов из могильника Маяки Донецкой области. Приводится краткое описание археологического памятника, особенностей погребального обряда и итоги исследования палеоантропологических материалов. Основной задачей является введение в научный оборот индивидуальных данных краниологической серии из могильника.

Ключевые слова: краниология, палеоантропология, средние века, погребальный обряд, археологический комплекс

Для цитирования: Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Палеоантропологические материалы из могильников Донецкой и Луганской областей. Часть I // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 357–381.

Введение

Целью данной статьи является публикация палеоантропологических материалов могильников, исследованных на одном из крупнейших памятников в среднем течении Северского Донца – «Царино городище» у с. Маяки. Анализ как археологических, так и палеоантропологических материалов был опубликован ранее (Ходжайов 2012). В рамках данной статьи публикуются индивидуальные данные, полученные нами в ходе исследования палеоантропологических материалов.

Памятник «Царино городище» у с. Маяки датируется VII – 3-й четв. XIV вв. Подробная история изучения представлена в вышеупомянутой статье, в связи с этим, приводим только некоторые итоги археологических исследований.

Данный памятник расположен в среднем течении реки Северский Донец, на крайней южной границе со степью приречных и буерачных лесов, в зоне смены границ биоценозов степи и лесостепи (Артюшенко 1970: С. 156-159, Швецов 2006: 275-278), и представляет собой группу укрепленных и неукрепленных поселений. На небольшом участке, длиной около полусотни километров, зафиксировано несколько городищ, среди которых археологический комплекс у с. Маяки является одним из наибольших.

Ходжайов Тельман Касимович – д.и.н, главный научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). E-mail: telmkas@yandex.ru

Ходжайова Гальшира Кутузовна – д.и.н., независимый исследователь, г. Москва. E-mail: telmkas@yandex.ru

Фризен Сергей Юрьевич – к.и.н., научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН. (Москва, Ленинский пр. 32-а). E-mail: frizents@iea.ras.ru

Основные результаты

Исследованные на территории могильника погребения по планиграфии раскопок можно разделить на следующие группы:

Раскоп I. На данном участке могильника было исследовано 50 ингумационных захоронений двух основных хронологических групп IX–X вв. и XIII – сер. XIV в. Два погребения могильника (9, 47), по-видимому, относятся к XI–XII вв. и предшествуют золотоордынским. Захоронения мусульманского кладбища, впущенные с верхних слоев памятника (иногда разрушая более ранние комплексы), расположены наклонными рядами вниз по склону с севера на юг. Они отличаются друг от друга формой могильных ям и деталями погребения умерших (половозрастные определения представлены в табл. 1 и 2). Выделяются три типа погребальных ям: с уступами вдоль длинных сторон, простые с прямыми стенками и ямы с подбоями. Процент взаимосвязи признаков положения умерших в разных видах ям дает разные результаты. Если в ямах с подбоями представлены в большинстве детские погребения, то в простых ямах и ямах с заплечиками захоронены взрослые. Есть и кенотафы.

Раскоп II. Погребения, выявленные здесь, по залеганию можно разделить на 2 группы: I группа – захоронены мелко, в простых ямах как более ранние, чем погребения II группы. II группа – захоронения в меловом материке, в узких ямах” (Швецов 1988: 10).

Останец I. Выявлены два захоронения, форма могильной ямы не фиксируется, погребенные положены: п. 1 – вытянуто, на спине, п.2 – слегка с поворотом на бок, головой на запад, северо-запад.

Останец II. Всего на этом участке памятника исследовано 79 погребений по обряду ингумации.

Приведенный выше детальный анализ захоронений по раскопам показывает наличие в них погребений разных хронологических групп. Основой для такого деления могут служить не только стратиграфические наблюдения, конструкция могильных сооружений, но и инвентарь, сопровождавший умерших. позволяющий датировать захоронения IX–X веками. Он подробно описан в вышеуказанной статье. Для характеристики погребального обряда ранней группы приведем описание типов захоронений.

Погребения первого типа. Погребение 44, Р.1 расположено в юго-западном секторе раскопа. Могильная яма, вероятно, имела овальную форму. Скелет погребенного плохой сохранности, раздавлен. Лежал вытянуто на спине, головой к западу, руки вдоль тела. В кисти левой руки найдена половинка арабского серебряного дирхема (Швецов, Приходнюк 1989: 12).

Погребения второго типа. **Погребение 8, Р.Н кв. Э11, Щ11-12,** В яме находилось 2 скелета: скелет 1 захоронен раньше скелета 2. Уложен на правом боку, слабо скорчен. Плохо сохранившийся череп лежал на правом боку, лицевой частью на восток, шейный отдел позвоночника сильно изогнут вниз, части ребер нет. Правая рука вытянута вдоль туловища к ногам. От левой руки сохранилась плечевая кость. Ноги слабо подогнуты так, что на правую положена левая. На ноги рядом с тазом скелета 1 уложен скорченный скелет 2. Скелеты ориентированы на ЮЗ. Положение – на правом боку. Голова лежит на правой щеке, лицом к югу. Левая рука вытянута

к коленям. Ноги подогнуты. Костяк 2 подзахоронен к костяку 1 спустя некоторое непродолжительное время. На левой височной кости костяка 2 находилась серьга салтовского типа с навесной бусиной (Швецов 1988: 11).

Приведенные нами два типа ранних захоронений аналогичны другим погребениям. К первому типу наиболее близки погребения: 39, 49, 50, Р.І и 9 – 12, Р.Н. Для них характерны овальная форма и небольшая глубина могильных ям, западная ориентировка скелета. Ко второму типу ранних захоронений относятся погребения: 8, Р.І и 6, Р.І. Наиболее близки им погребения 3, 4, Р.Н. Для них характерны подквадратная или подовальная форма неглубокой могильной ямы, скорченное положение скелета, уложенного головой на запад.

Рассмотренные нами типы погребений отражают элементы погребального обряда, характерные для грунтовых могильников зливкинского типа чаще всего существующих в рамках VIII-X вв. или IX-X вв., захоронения второго этапа указывают на продолжение жизни на поселениях зливкинского типа в последующие столетия.

Погребения третьего типа. Погребение 9. Могильная яма узкая, длинная, вытянута по линии СВ-ЮЗ. В заполнении фиксируются следы деревянных плах, положенных вдоль. Скелет лежит вытянуто на спине, головой на юго-запад, лицом вверх, левая рука согнута в локте, кистью направлена к локтю правой. Правая согнута в локте, кистью к лицу. Безынвентарно. Аналогично данному третьему типу погребение 47. Возможно, к этому же типу относится п. 1, Останец 1. Хронологию существования погребений данного типа на памятнике из-за отсутствия в них находок трудно соотнести с определенным временным периодом, однако элементы погребального ритуала (положение скелета умершего вытянуто на спине, головой на запад, с характерным специфическим положением рук умершего), возможным отнесение данного комплекса к захоронениям XI-XII вв. (Артамонова 1963).

Погребения четвертого типа – в простой яме п.21, Р.І. Узкая подпрямоугольная яма, слегка расширяющаяся ко дну, длинной осью ориентирована по линии В-З. На глубине 0,85 м находился скелет человека, лежащий на боку. Это захоронение человека со сросшимся позвоночником, сильно изогнутым на отдельных участках. Под лопатками – наросты бугры. На костях ног – наросты. Ориентирован на запад, лежит с разворотом на правый бок. Безынвентарно. Аналогичные конструктивные детали могилы и положение скелета зафиксированы в п. 12, Р.І и в погребениях 5, 6, Р.Н, а также в п.25, Р.І, впущенном с поверхности.

Погребения пятого типа – ямы с заплечиками (или уступами). Погребение 23, Р.І. Могильная яма с заплечиками, ориентирована по линии ЮЗ-СВ, Заплечики узкие (0,25 м), расположены вдоль длинных сторон ямы, на них – остатки досок (двух плах). Погребенный лежит вытянуто на спине, головой на запад, позвоночный столб изогнут. Голова на правой щеке, лицом к югу. Руки сложены на тазе, ноги скрещены в стопах. Безынвентарен. Полной аналогией данному типу погребения можно считать захоронения: 22, 36, 38.

Погребения шестого типа – в ямах с подбоем и ступенькой наиболее характерны, если прослеживается конструктивно, для детских погребений могильника (4, 7, 10, 11, 13, 16. 24. 37). Но есть и погребения взрослых в могилах с подбоями (п. 19 и 40). П. 19 со сложными элементами деревянных конструкций. Ступенька расположена с северной стороны (ширина 0,45 м) с небольшим наклоном переходит в узкую яму, подбой которой слабо выделен, но отгорожен досками, поставленными

под углом, одна из досок, стоящих прямо, подпирала свод подбоя, закрывая вход. Погребенный лежит на дне ямы на спине, головой на запад, лицом вверх, левая рука согнута в локте и прижата к груди, а правая согнута так, что кисть находится возле лица. Безы Inventарно. П. 40, Р.1 впущено с уровня дернового слоя, могильная яма подпрямоугольная. В верхней части ямы – остатки деревянного перекрытия. Вдоль северной стенки – ступенька шириной 28 см. Вход в подбой закрыт плашками. Безы Inventарно.

Мы считаем необходимым отметить своеобразие данных комплексов и их близость к погребениям не только Прикубанья, Северного Кавказа, но и памятникам Сибири и Тувы. Наличие данных погребений на могильнике не является случайным и единовременным явлением, а связано с целым комплексом материалов, отражающих элементы хозяйственной и культурной жизни оставившего его населения.

Предложенная типологическая характеристика погребений могильника, основанная на материалах раскопов I и II, дает представление не только о одновременности его формирования, но и о сложности и поливариантности типов погребальных обрядов. Так, для ранней группы погребений наиболее характерны простые конструкции могильных ям, небольшая глубина захоронений, иногда “скорченное” положение умершего, наличие редких находок (серьги, монеты, пряжки), что сближает данные захоронения по обряду со «зливкинской» группой могильников. От захоронений могильника “Зливки” раннего этапа, принадлежащих сельскому (хуторскому) населению Подонцовья (*Швецов* 2001: 110–111, *Швецов* 2001: 333–344), погребения, исследованные на Маяках, отличаются отсутствием рядом с умершими керамических сосудов и напутственной пищи. Не исключено, что данный элемент обряда постепенно исчезает или переосмысливается жителями городских поселений (*Швецов* 2001: 110–111, *Швецов* 2016: 333–344). Подобные захоронения уже исследованы на памятнике. Ближайшие им аналогии известны в материалах раскопок В.К. Михеева. Это захоронения «могильника № 3 (IX в.), расположенного в юго-западной части нижнего посада. Здесь открыто 38 погребений. Погребения совершались на глубине 60–130 см. Контуры могильных ям, как правило, не прослеживаются. Погребения ориентированы на запад, иногда с отклонениями на юг и северо-запад. Они уложены на спине, руки скрещены на животе или левая согнута в локте так, что кисть находится у подбородка. Как правило, погребения одиночны, инвентарь беден. Единичными являются находки салтовских сережек, подвесок, браслетов» (*Михеев* 1985: 17–18). Еще раз необходимо отметить нахождение погребений ранней группы в северо-западном секторе Р.1: п. 39, 49, 50, или за его пределами – п.44, что может также указывать на их предшествование последующим захоронениям.

Сложна и многообразна типология погребений позднего этапа существования памятника, относящегося к золотоордынской эпохе. При рассмотрении погребений этого времени, как указывалось выше, было выделено три типа их: в простой яме – тип четыре и их близкие аналогии; в яме с заплечиками – тип пять; в яме с подбоем – тип шесть. Захоронения на участке могильника Останец II дают более однородную характеристику погребений, близких к пятому типу. Система расположения погребений рядами с севера на юг, ориентированных с отклонениями по линии В-З, сближает данные захоронения с погребениями золотоордынской эпохи по мусульманскому обряду. Захоронения третьего типа, хронологически предшествующие погребениям мусульманского кладбища, по-видимому, относятся к XI–XII векам.

В таблицах (таблицы 3–5) краниологические материалы сгруппированы в соответствии с типами захоронений. Исходя из данных, представленных в таблицах, выявлена достоверная связь типов захоронений только с возрастом погребенных и с положением костяка. Взрослых хоронили в ямах с заплечиками, в простых ямах и очень редко – в ямах с подбоем.

Краниологическая серия состоит из 47 черепов различной сохранности (из них 9 детских, 2 юношеских, 17 мужских и 19 женских). Индивидуальные данные черепов представлены в таблицах 3–5. Некоторые измерения длинных костей представлены в таблицах 6 и 7. Подробный анализ палеоантропологического материала представлен в вышеуказанной статье, в рамках данной публикации приводим некоторые итоги исследования.

Заключение

Материалы исследования археологических материалов дают возможность датировать памятник VII – 3-й четв. XIV вв. Захоронения в могильниках относятся не только к разным, сменяющим друг друга хронологическим периодам, но и к обрядам, присущим разным (возможно, конфессиональным) группам населения и разным антропологическим группам погребенных.

Наличие на одном участке исследованных могильников погребений с разным погребальным обрядом, по-видимому, говорит о функционировании участков могильника в разные хронологические периоды. На это указывают и выявленные случаи стратиграфических нарушений отдельных захоронений. Однако для разных хронологических групп или этапов могут быть свойственны не только одинаковые элементы погребальных обрядов, но и обряды, существующие во все хронологические периоды, имеющие черты разных конфессиональных групп.

Материалы антропологического анализа могильников подтверждают неоднородность населения городищ Подонцовья, сформировавшегося на основе местного праболгарского (зливкинского) и степного половецкого (?) населения XII – 1-й пол. XIII века. Согласно данным письменных источников, частичным компонентом является и аланское население IX–XI веков. Однако данных о заселении региона Среднего Подонцовья и близлежащих территорий в IX–XII вв. мусульманами, тем более в таком значительном количестве, нет. Ни византийские, ни тем более русские летописи не могли бы не заметить появления и внедрения такого важного политического и тем более конфессионального фактора в общественной жизни своих соседей.

Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Ното». Подтема «Антропология древних и современных популяций».

Таблица 1

Происхождение, пол и возраст погребенных в могильнике Маяки (VIII–X вв.)

№ п/п	Происхождение	Датировка	Пол	Возраст, лет
1	Раскоп II, погребение 3	VIII–X вв.	муж	45–50
2	р. II, п. 4	–/–	–/–	40–45
3	р. II, п. 10	–/–	–/–	20–25

№ п/п	Происхождение	Датировка	Пол	Возраст, лет
4	р.П, п.11	—/—	жен.	20–25
5	р.П, п.9	—/—	муж.	35–40
6	р.П, п.8 (костяк 1)	—/—	жен	35–40
7	р.П, п.7	—/—	—	14–16
8	р.П, п.8 (костяк 2)	—/—	—	10–12
9	1990 р. I, п. 3	—/—	жен.	30–35
10	р.І, п. 1	—/—	жен.	20–25
11	1988, р.П, п. 12	—/—	муж	25–30
12	р.І, п. 4	—/—	—	20–30 мес.
13	р.П, п. 2	—/—	—	6–8
14	р.І, п. 44	VIII в.	муж.	35–40
15	1988, Останец, п.1	VIII–X вв.	—/—	25–30
16	Останец, п.2	—/—	—	10–12
17	р.1 (пригород), п.4	—/—	жен.	25–30
18	1988, п.2 (траншея слива орошения)	—/—	муж	20–25
19	Р.1, яма 1 (пригород)	—/—	жен.	20–30
20	Дорога, яма	VIII–XII вв.	муж.	35–40
21	Траншея слива орошения, п. 1	VIII–X вв.	—	12–13
22	Поселок Донецкий, насосная р. I, п.1	VIII–X вв.	жен.	12–13
23	Р. I, п.44	VIII в.	—	12–14 мес.
24	Маяки, 1990, р.І (пригород), Б-2-3	VIII–X вв	жен	35–40
25	Сокол-Кутиловский, мог-к Райгородок	VIII–XI вв.	муж	45–50
26	ДИМ-А-69 кл.43567, погреб. тюрка	VIII в.	—/—	35–40
27	Екатеринославская губерния Новомосковский уезд. Погребение хазара	VIII в.	—/—	30–35
28	Райгородок, меловой карьер, погр. тюрка-кочевника	?	муж.	40–45
29	п.Першотравневое к.4, п.5, половецкое погребение	XII в.	—/—	20–25
30	р.П (пригород), п.І	XV в.	—/—	17–19
31	Р. II, (пригород, канава трубы)	1812 г	муж	20–25

№ по Мартину	Тип погребения	II		I	I		I	I (останец)		I	I (городище)		I	I (пригород)		I	I	I	I	III (XIII-XIV вв.)
		муж	жен		муж	жен		муж	жен		муж	жен		муж	жен					
	№ раскопа																			I
	№ погребения	12	2	3	1	1	44	1	1	2	1	1	4	2	2	1				4
	Возраст, лет	25-30	6-7	30-35	20-25	35-40	35-40	25-30	10-12	25-30	20-25	25-30	25-30	20-25	20-30	35-40				20-30 мес.
29	Лобная хорда						109,0					95,0					2	102,0	9,90	
Sub.lv	Высота изгиба лобной кости						23,0					22,0					2	22,5	0,71	
Sub.lv/29	Указатель выпуклости лба						21,1					23,2					2	22,1	1,45	
УПШЛ	Угол поперечного изгиба лба						141,0					143,0					2	142,0	1,41	
45	Скуловой диаметр						130,0										2	135,0	7,07	
40	Длина основания лица	140,0					99,0										1	99,0		
48	Верхняя высота лица						68,0										1	68,0		
47	Полная высота лица						106,0										1	106,0		
43	Верхняя ширина лица						99,0					102,0					2	100,5	2,12	
46	Средняя ширина лица						90,0										1	90,0		
63	Ширина леба						41,0										2	42,0	1,41	
55	Высота носа						53,0										1	53,0		
54	Ширина носа						25,0				24,0						3	25,0	1,00	
51	Ширина орбиты мг						41,0										2	39,5	2,12	27
51a	Ширина орбиты d						39,0										1	39,0		
52	Высота орбиты						33,0										2	32,0	1,41	
77	Назосамьярный угол						139,0					144,0					2	141,5	3,54	

№ по Мартину	Тип погребения	I										II										n	x	s
		I					II					I					II							
		I	I	II	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I			
62	№ раскопа № погребения Возраст, лет	8 45-50	49 30-35	6 20-25	3 35-40	15 40-45	18 20-25	22 35-40	26 30-35	32 45-50	33 25-30	39 25-30	42 30-35	48 35-40	5	13	45,7	2,72						
63	Длина неба от ст. Ширина неба	49,0 45,0	47,0 43,0	45,0 40,0		42,0 39,0	43,0 44,0	42,0 42,0	45,0 42,0	42,0 38,0	45,0 43,0	49,0 42,0	43,0 45,0	47,0 39,0	13	42,3	2,84							
55	Высота носа	53,0	51,0	47,0		43,0	39,0	53,0	48,0	49,0	51,0	57,0	50,0	13	49,7	4,73								
54	Ширина носа	29,0	25,0	25,0		22,0	20,0	23,0	28,0	25,0	27,0	27,0	23,0	13	25,0	2,52								
51	Ширина орбиты mГ	46,0	41,0			39,0	45,0	44,0	42,0	41,0	43,0	46,0	40,0	12	42,8	2,42								
51a	Ширина орбиты d	40,0	39,0			35,0	42,0	40,0	37,0	38,0	40,0	41,0	36,0	12	39,0	2,13								
52	Высота орбиты	35,0	31,0	35,0		30,0	33,0	32,0	30,0	35,0	29,0	35,0	31,0	13	32,3	2,46								
№ по Мартину	Тип погребения	I										II										n	x	s
		I					II					I					II							
		I	I	II	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I			
73	Угол средней части лица	90,0	90,0			96,0	95,0	91,0	87,0	84,0	92,0	85,0	93,0	86,0	12	89,7	3,92							
74	Угол альвеолярной части лица	82,0	80,0			90,0	82,0	77,0	83,0	76,0	82,0	85,0	72,0	12	80,9	5,43								
75	Угол носовых костей к горизонтали	62,0	62,0			60,0	72,0	61,0	60,0	60,0	71,0	46,0	45,0	12	60,4	8,04								
75(I)	Угол выступания носа	26,0	26,0			30,0	22,0	29,0	26,0	23,0	29,0	42,0	37,0	12	28,4	5,96								
65	Мыщечковая ширина	123,0	126,0			113,0	113,0	120,0	112,0	120,0	124,0	122,0	113,0	12	119,5	5,68								
66	Бюргальная ширина	113,0	94,0			97,0	91,0	106,0	97,0	98,0	103,0	109,0	96,0	12	101,9	7,33								
71a	Наименьшая ширина ветви n/ч	35,0	31,0	32,0	34,0	29,0	30,0	35,0	30,0	30,0	32,0	36,0	34,0	14	32,7	2,52								
	Форма черепной коробки	эллипс.	эллипс.	сфероид.	сфероид.	эллипс.	сфероид.	овоид.	эллипс.	овоид.	эллипс.	сфероид.	эллипс.	сфероид.										
	Надбровные дуги (1-6)	4	3	4	4	4	1	5	4	2	3	3	3	14	3,3									
	Надбровные дуги (1-3)	3	2	3	2	3	1	3	3	1	2	2	2	14	2,2									

№ по Мартину	Тип погребения	I										II										n	x	s						
		I					II					I					II													
		1	21	30-35	30-35	41(1)	5	6	12	17	23	36	41(2)	45	45	45	19	38	40	46	47				I	I	I	I	I	42
	№ раскопа	8	49	30-35	35-40	20-25	3	3	15	18	22	26	32	33	33	33	39	42	42	48	48	39	42	30-35	35-40	35-40	64.4	75.2	6.15	
	№ погребения	45-50	30-35	20-25	35-40	20-25			40-45	20-25	35-40	30-35	45-50	25-30	25-30	25-30	30-35	30-35	35-40	35-40	25-30	25-30	25-30	30-35	35-40	76.1	85.4	77.5	64.4	12
5251	Орбитный от mf	76,1	75,6						76,9	73,3	72,7	71,4	85,4	67,4	76,1	85,4	85,4	89,7	86,1	70,7	85,4	89,7	86,1	70,7	77,5	76,1	85,4	77,5	64,4	12
5251a	Орбитный от d	87,5	79,5						85,7	78,6	80,0	81,1	92,1	72,5	85,4	85,4	89,7	86,1	70,7	77,5	85,4	89,7	86,1	70,7	77,5	76,1	85,4	77,5	64,4	12
MSMC	Максиллофронтальный	45,5	40,0						42,9	33,3	60,0	29,4	31,3	26,3	33,3	33,3	43,8	46,7	27,8	27,8	33,3	43,8	46,7	27,8	27,8	33,3	43,8	46,7	27,8	12
DSDC	Дверальный	50,0	57,9						50,0	45,5	55,0	42,9	52,6	57,1	54,5	57,1	61,9	61,9	37,5	37,5	54,5	57,1	61,9	37,5	37,5	54,5	57,1	61,9	37,5	12
SSISC	Смолотический	50,0	50,0						50,0	38,9	58,3	50,0	35,7	38,9	42,9	42,9	62,5	57,1	41,7	41,7	38,9	42,9	62,5	57,1	41,7	42,9	62,5	57,1	41,7	12
	Изгиб скуловой кости	18,0							17,4	14,0	18,2	18,0	19,0	22,2	16,9	16,7	14,0	16,4	16,4	16,4	16,9	16,7	14,0	16,4	16,4	16,9	16,7	14,0	16,4	11

Таблица 5

Индивидуальные размеры и указатели женских черепов из могильника Маяки (XIII–XIV вв.)

№ по Мартину	Тип погребения	I										II										n	x	s						
		I					II					I					II													
		9	21	30-35	30-35	41(1)	5	6	12	17	23	36	41(2)	45	45	45	19	38	40	46	47				I	I	I	I	I	35-40
	№ погребения	20-25	30-35	17-18	30-35	17-18	30-35	45-50	19-20	45-50	40-45	40-45	40-45	40-45	40-45	35-40	35-40	35-40	19-25	35-40	35-40	35-40	35-40	35-40	35-40	170,0	171,0	170,0	170,0	17
1	Продольный диаметр	168,0	169,0	165,0	165,0	175,0	169,0	167,0	165,0	169,0	185,0	178,0	164,0	164,0	164,0	172,0	167,0	163,0	171,0	170,0	167,0	163,0	163,0	171,0	170,0	171,0	171,0	170,0	170,0	17
8	Поперечный диаметр	143,0	139,0	134,0	147,0	147,0	147,0	150,0	138,0	139,0	139,0	140,0	148,0	143,0	143,0	137,0	133,0	136,0	147,0	145,0	133,0	136,0	136,0	147,0	145,0	145,0	147,0	145,0	145,0	17
17	Высотный диаметр от ба	132,0	128,0	133,0	134,0	134,0	128,0	122,0	124,0	130,0	135,0	132,0	119,0	130,0	131,0	127,0	129,0	129,0	129,0	129,0	127,0	129,0	129,0	129,0	129,0	129,0	129,0	129,0	129,0	17
5	Длина основания черепа	98,0	98,0	92,0	102,0	102,0	97,0	93,0	89,0	97,0	105,0	100,0	95,0	95,0	95,0	103,0	92,0	95,0	96,0	101,0	103,0	92,0	95,0	96,0	101,0	101,0	96,0	101,0	101,0	17
9	Наименьший лобный диаметр	97,0	90,0	94,0	97,0	97,0	88,0	93,0	87,0	99,0	97,0	98,0	94,0	97,0	98,0	98,0	94,0	89,0	95,0	98,0	98,0	94,0	89,0	95,0	98,0	98,0	94,0	95,0	98,0	17
10	Наибольший лобный диаметр	121,0	115,0	118,0	125,0	125,0	119,0	123,0	117,0	124,0	119,0	123,0	119,0	123,0	123,0	117,0	113,0	114,0	122,0	125,0	117,0	113,0	114,0	122,0	125,0	125,0	122,0	125,0	125,0	17
11	Ширина основания черепа	119,0	126,0	121,0	117,0	117,0	129,0	115,0	120,0	122,0	127,0	125,0	131,0	133,0	133,0	120,0	119,0	117,0	122,0	130,0	120,0	119,0	117,0	122,0	130,0	130,0	122,0	130,0	130,0	17
12	Ширина затылка	108,0	103,0	107,0	107,0	107,0	107,0	112,0	104,0	103,0	112,0	109,0	113,0	104,0	104,0	104,0	102,0	102,0	114,0	110,0	104,0	102,0	102,0	114,0	110,0	110,0	107,1	110,0	110,0	17
24	Поперечная дуга ro-br-ro	315,0	311,0	297,0	326,0	326,0	302,0	321,0	302,0	309,0	312,0	312,0	304,0	324,0	306,0	306,0	300,0	292,0	329,0	319,0	306,0	300,0	292,0	329,0	319,0	319,0	310,8	10,61		
29	Лобная хорда	107,0	109,0	104,0	112,0	112,0	106,0	104,0	104,0	109,0	108,0	107,0	105,0	105,0	105,0	108,0	101,0	108,0	108,0	102,0	108,0	101,0	108,0	108,0	102,0	102,0	106,5	2,74		
Sublav	Высота изгиба лобной кости	26,0	26,0	27,0	25,0	25,0	24,0	26,0	27,0	26,0	25,0	30,0	23,0	25,0	25,0	28,0	28,0	25,0	24,0	22,0	28,0	28,0	25,0	24,0	22,0	22,0	25,7	1,96		

№ по Мартину	Тип погребения	I						II						III						n	x	s
		9	21	25	41 (1)	5	6	12	17	23	36	41 (2)	45	19	38	40	46	47				
	№ погребения	20-25	30-35	30-35	17-18	30-35	45-50	19-20	45-50	40-45	40-45	40-45	35-40	35-40	35-40	19-25	35-40					
	Возраст, лет	24,3	23,9	26,0	22,3	22,4	24,5	26,0	23,9	23,1	28,0	21,9	23,8	25,9	27,7	23,1	22,2	21,6	17	24,2	1,97	
Sublav/29	Указатель выпуклости лба	137,0	137,0	139,0	132,0	141,0	137,0	140,0	136,0	121,0	137,0	142,0	138,0	139,0	133,0	140,0	136,0	141,0	17	136,8	4,89	
УТИЛ	Угол поперечного изгиба лба	121,0	128,0	127,0	125,0	129,0	122,0	120,0	129,0	130,0	126,0	130,0	129,0	127,0	126,0	127,0	128,0	133,0	17	126,9	3,39	
45	Скuloвой диаметр	90,0	98,0	89,0	95,0	93,0	95,0	81,0	89,0	100,0	99,0	93,0	95,0	93,0	90,0	86,0	95,0	102,0	17	93,1	5,30	
40	Длина основания лица	67,0	75,0	65,0	68,0	71,0	65,0	64,0	66,0	67,0	69,0	61,0	70,0	69,0	64,0	59,0	65,0	79,0	17	67,3	4,82	
48	Верхняя высота лица	109,0	118,0	103,0	118,0	115,0	107,0	107,0	110,0	110,0	113,0	101,0	121,0	115,0	106,0	99,0	109,0	130,0	17	111,2	7,78	
47	Полная высота лица	102,0	101,0	97,0	100,0	97,0	101,0	95,0	105,0	108,0	102,0	105,0	106,0	105,0	101,0	89,0	100,0	106,0	17	101,1	4,68	
43	Верхняя ширина лица	87,0	97,0	93,0	92,0	89,0	82,0	80,0	94,0	92,0	87,0	94,0	89,0	94,0	86,0	90,0	85,0	99,0	17	90,0	5,12	
46	Средняя ширина лица	45,0	47,0	43,0	43,0	46,0	45,0	38,0	40,0	44,0	41,0	42,0	41,0	42,0	44,0	42,0	46,0	47,0	17	43,3	2,54	
62	Длина неба от st	37,0	44,0	43,0	40,0	41,0	34,0	35,0	33,0	40,0	39,0	41,0	40,0	39,0	40,0	38,0	38,0	44,0	17	39,2	3,17	
63	Ширина неба	48,0	52,0	48,0	50,0	52,0	49,0	47,0	50,0	49,0	50,0	47,0	52,0	50,0	47,0	47,0	48,0	56,0	17	49,5	2,43	
55	Высота носа																					
43	Верхняя ширина лица																					
46	Средняя ширина лица																					
62	Длина неба от st																					
63	Ширина неба																					
55	Высота носа																					
№ по Мартину	Тип погребения	I						II						III						n	x	s
	№ погребения	9	21	25	41 (1)	5	6	12	17	23	36	41 (2)	45	19	38	40	46	47				
	Возраст, лет	20-25	30-35	30-35	17-18	30-35	45-50	19-20	45-50	40-45	40-45	40-45	40-45	35-40	35-40	35-40	19-25	35-40	17	24,9	2,46	
54	Ширина носа	22,0	30,0	25,0	25,0	23,0	25,0	23,0	21,0	23,0	24,0	28,0	25,0	26,0	27,0	25,0	23,0	29,0	17	24,9	2,46	
51	Ширина орбиты mf	41,0	40,0	40,0	41,0	40,0	41,0	38,0	42,0	44,0	42,0	40,0	43,0	42,0	40,0	40,0	41,0	44,0	17	41,1	1,58	
52	Высота орбиты	35,0	35,0	33,0	32,0	33,0	34,0	33,0	35,0	34,0	36,0	31,0	34,0	34,0	30,0	31,0	30,0	35,0	17	33,2	1,86	
77	Назomаллярный угол	139,0	145,0	148,0	136,0	141,0	142,0	145,0	138,0	146,0	139,0	152,0	144,0	142,0	140,0	143,0	145,0	146,0	17	143,0	4,02	
<Zn	Зигомасиллярный угол	130,0	130,0	134,0	130,0	121,0	127,0	126,0	124,0	132,0	132,0	137,0	131,0	132,0	131,0	131,0	135,0	132,0	17	130,3	3,95	
MC	Максиллофронтальная хорда	20,0	19,0		17,0	13,0	13,0	13,0	20,0	21,0	17,0	17,0	19,0	17,0	18,0	16,0	7,0	18,0	16	16,6	3,56	
MS	Максиллофронтальная высота	8,0	6,0		6,0	7,0	6,0	5,0	7,0	7,0	6,0	4,0	7,0	7,0	6,0	4,0	6,0	6,0	16	6,1	1,09	
DC	Дакриальная хорда	21,0	21,0	19,0	22,0	17,0	16,0	16,0	20,0	22,0	19,0	20,0	22,0	22,0	17,0	19,0	20,0	20,0	17	19,6	2,06	
DS	Дакриальная высота	10,0	9,0	7,0	9,0	10,0	9,0	6,0	10,0	10,0	12,0	8,0	10,0	11,0	8,0	7,0	9,0	9,0	17	9,1	1,52	

№ по Маршруту	I										II						III						n	x	s
	Тип погрешения		9	21	25	41(1)	5	6	12	17	23	36	41(2)	45	19	38	40	46	47						
	№ погрешения	20-25	30-35	17-18	30-35	17-18	30-35	45-50	19-20	45-50	40-45	40-45	40-45	40-45	35-40	35-40	35-40	19-25	35-40						
	Возраст, лет	4	2	2	3	3	2	3	4	4	3	3	3	3	3	2	2	2	2	1					
	Передне-носовая ось																								
	Наружный заглавный бугор	1	2	1	1	1	1	1	1	2	1	2	2	3	3	1	2	2	1						
	Сосцевидный отросток	1	2	1	1	2	1	1	1	2	1	2	1	2	2	2	1	1	2						
	Деформация:тип/степень	заг(1)	0	0	0	заг(1)	заг(2)	0	0	0	0	заг(2)	0	0	0	0	0	0	0						
	Указатели																								
81	Черепной	85,1	82,2	81,2	84,0	87,0	89,8	83,6	82,2	75,1	78,7	90,2	87,2	79,7	79,6	83,4	86,0	85,3	17	83,6	3,99				
171	Высотн-продольный	78,6	75,7	80,6	76,6	75,7	73,1	75,2	76,9	73,0	74,2	72,6	79,3	76,2	76,0	79,1	75,4	75,9	17	76,1	2,29				
178	Высотн-поперечный	92,3	92,1	99,3	91,2	87,1	81,3	89,9	93,5	97,1	94,3	80,4	90,9	95,6	95,5	94,9	87,8	89,0	17	91,3	5,11				
98	Лобно-поперечный	68,5	70,5	68,7	69,4	59,9	62,0	63,0	71,2	69,8	70,0	63,5	67,8	71,5	70,7	65,4	64,6	67,6	17	67,3	3,56				
910	Лобный	80,2	78,3	79,7	77,6	73,9	75,6	74,4	79,8	81,5	79,7	79,0	78,9	83,8	83,2	78,1	77,9	78,4	17	78,8	2,65				
48\45	Верхнелобной	55,4	58,6	51,2	54,4	55,0	53,3	53,3	51,2	51,5	54,8	46,9	54,3	54,3	50,8	46,5	50,8	59,4	17	53,0	3,44				
47\45	Лицевой	90,1	92,2	81,1	94,4	89,1	87,7	89,2	85,3	84,6	89,7	77,7	93,8	90,6	84,1	78,0	85,2	97,7	17	87,7	5,58				
40\5	Выступания лица	91,8	100,0	96,7	93,1	72,1	77,9	67,5	69,0	76,9	78,6	71,5	73,6	73,2	71,4	67,7	74,2	76,7	17	78,4	10,40				
48\17	Вертикальный краниофациальный	50,8	58,6	48,9	50,7	55,5	53,3	51,6	50,8	49,6	52,3	51,3	53,8	52,7	50,4	45,7	50,4	61,2	17	52,2	3,63				
63\62	Лобный	82,2	93,6	100,0	93,0	89,1	75,6	92,1	82,5	90,9	95,1	97,6	97,6	92,9	90,9	90,5	82,6	93,6	17	90,6	6,45				
54\55	Носовой	45,8	57,7	52,1	50,0	44,2	51,0	48,9	42,0	46,9	48,0	59,6	48,1	52,0	57,4	53,2	47,9	51,8	17	50,4	4,77				
52\51	Орбитный от nГ	85,4	87,5	82,5	78,0	82,5	82,9	86,8	83,3	77,3	85,7	77,5	79,1	81,0	75,0	77,5	73,2	79,5	17	80,9	4,19				
52\51a	Орбитный от d	94,6	94,6	89,2	86,5	86,8	87,2	91,7	87,5	82,9	92,3	81,6	85,0	87,2	78,9	83,8	76,9	87,5	17	86,7	4,98				
MS\MC	Максиллофронтальный	38,1	28,6		27,3	53,8	46,2	38,5	35,0	33,3	35,3	23,5	36,8	41,2	33,3	25,0	85,7	33,3	16	38,4	14,76				
DS\DC	Дакриальный	47,6	42,9	36,8	40,9	58,8	56,3	37,5	50,0	45,5	63,2	40,0	45,5	50,0	47,1	36,8	45,0	45,0	17	46,4	7,55				
SS\SC	Симметрический	55,6	42,9	4,0	33,3	66,7	66,7	35,7	38,9	33,3	44,4	28,6	45,0	30,8	37,5	28,6	44,4	37,5	17	39,6	14,79				
	Изгиб скуловой кости	19,6	16,7	17,0	18,0	17,0	17,4	19,6	16,3	20,4	18,9	22,0	20,0	17,6	15,4	18,0	17,6	14,0	17	18,0	1,97				

Таблица 6
Индивидуальные размеры, индексы массивности и пропорции мужских скелетов из могильника Маяки (VIII–XV вв.)

	I Пригород		I		I		I		I		I	
	8	8	8	8	15	15	22	22	26	26	32	32
	VIII–X вв.		XIII–XV вв.									
	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая
Плечевая кость												
<i>I</i>	342	339	367	362	300	299	324	320	316	315	292	293
7	69	66	73	71	58	58	71	70	55	56	60	63
Лучевая кость												
<i>I</i>	247	251	270	266	231	228	251	249	222	223	221	222
3	49	48	45	47	33	36	46	45	37	39	39	
Локтевая кость												
<i>I</i>		268	292	289	247	245	270	272	247	250	242	240
3	40	39	40	41	35	36	41	42	40	39	33	34
Бедренная кость												
<i>I</i>	461	465	490	493	395	400	459	456	440	441	410	411
2	458	463	487	490	395	399	457	462	438	439	408	409
8	95	98	96	98	80	82	93	91	80	80	82	81
Большая берцовая кость												
<i>I</i>	385	388	402	398	335	336	372	380	348	351	335	336
106	75	75	80	80	69	71	79	80	69	70	69	68
М.Б. кость												
<i>Наиб. Длина</i>	381		386	390	315			376	340	342	320	
Плечевой (7/1)	20,2	19,5	19,9	19,6	19,3	19,4	21,9	21,9	17,4	17,8	20,5	21,5
Лучевой (3/1)	19,8	19,1	16,7	17,7	14,3	15,8	18,3	18,1	16,7	17,5	17,6	0,0
Бедренная (8/2)	20,7	21,2	19,7	20,0	20,3	20,6	20,4	19,7	18,3	18,2	20,1	19,8
Б.Б. кости (106/1)	19,5	19,3	19,9	20,1	20,6	21,1	21,2	21,1	19,8	19,9	20,6	20,2

		I Пригород		I		I		I		I		I		I	
		8		8		15		22		26		32		32	
		VIII-X вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.	
		правая	левая												
Пропорции	Плечебедренный	74,7	73,2	75,4	73,9	75,9	74,9	70,9	69,3	72,1	71,8	71,6	71,6	71,6	71,6
	Лучеберцовый	64,2	64,7	67,2	66,8	69,0	67,9	67,5	65,5	63,8	63,5	66,0	66,1	66,1	66,1
	Луче-плечевой	72,2	74,0	73,6	73,5	77,0	76,3	77,5	77,8	70,3	70,8	75,7	75,8	75,8	75,8
	Берцово-бедренный	84,1	83,8	82,5	81,2	84,8	84,2	81,4	82,3	79,5	80,0	82,1	82,2	82,2	82,2
Прижизненная длина тела		171,4		177,4		159,0		169,0		163,3		158,7		158,7	
		I		I		I		I		I		I		II	
		33		39		42		48		49		5		5	
		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.	
		правая	левая												
Плечевая кость	I	300	299	309	312	317	321	316	312	306	301	333	331	331	331
	7	60	58	70	70	63	64	66	64	60	60	64	65	65	65
	I	240	239	228	233	230	231	245	240	235	232				
Лучевая кость	3	40	39	49	49	43	44	45	42	40	40	40	40	40	40
	I	260	258	254	257	250	252	267	264	252	251	281			
Локтевая кость	3	33	33	42	41	42	41	39	39	33	35	38	39	39	39
	I	416	417	433	434	431	438	427	428	426	426	445	449	449	449
Бедренная кость	2	414	414	427	430	429	435	422	426	424	425	441	447	447	447
	8	85	89	93	91	92	93	95	97	81	83	83	85	85	85

погребение	I		I		I		I		I		II	
	33		39		42		48		49		5	
	XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.	
	правая	левая										
Большая берцовая кость												
<i>I</i>	360	358	346	346	345	346	365	365	333	330	370	373
<i>106</i>	75	75	80	80	72	73	76	76	65	66	74	75
М.Б. кость												
<i>Наиб. Длина</i>	346	349	341		334	338	351	350	323	318		
Плечевой (7/1)	20,0	19,4	22,7	22,4	19,9	19,9	20,9	20,5	19,6	19,9	19,2	19,6
Лучевой (3/1)	16,7	16,3	21,5	21,0	18,7	19,0	18,4	17,5	17,0	17,2		
Бедренная (8/2)	20,5	21,5	21,8	21,2	21,4	21,4	22,5	22,8	19,1	19,5	18,8	19,0
Б.Б.кости (106/1)	20,8	20,9	23,1	23,1	20,9	21,1	20,8	20,8	19,5	20,0	20,0	20,1
Плечебедренный	72,5	72,2	72,4	72,6	73,9	73,8	74,9	73,2	72,2	70,8	75,5	74,0
Лучеберцовый	66,7	66,8	65,9	67,3	66,7	66,8	67,1	65,8	70,6	70,3		
Луче-плечевой	80,0	79,9	73,8	74,7	72,6	72,0	77,5	76,9	76,8	77,1		
Берцово-бедренный	87,0	86,5	81,0	80,5	80,4	79,5	86,5	85,7	78,5	77,6	83,9	83,4
Прижизненная длина тела	162,7		162,9		163,6		165,1		161,1		168,7	

Таблица 7
Индивидуальные размеры, индексы массивности и пропорции женских скелетов из могильника Маяки (VIII-XV вв.)

Раскоп п	II Пригород		II Пригород		I		I		I		I		I		I	
	VIII-X вв.		VIII-X вв.		VIII-XV вв.		VIII-XV вв.		VIII-XV вв.		VIII-XV вв.		VIII-XV вв.		VIII-XV вв.	
	левая	правая														
Плечевая кость	1	283	276	272	295	294	277	282	277	279	281	272	276	280	276	276
	7	56	55	55	57	55	52	53	52	50	50	59	59	55	56	56
Лучевая кость	1	214	216	206	229	226	190	190	192	210	211	193	192	208	205	205
	3	35	38	38	31	31	31	31	33	31	32	31	30		43	43
Локтевая кость	1	236	230	225	247	243	211	228	211	228	212	212	212			
	3	32	32	35	34	33	32	32	33	32	32	38	36	32	33	33
Бедренная кость	1	396	397	369	398	394	365	365	374	381	380	370	372	386	384	384
	2	393	393	365	396	392	362	362	370	378	376	368	370	383	381	381
8	69	70	74	75	72	74	69	69	70	65	65	75	76	73	72	72
	320		315	314	321	322	296	304	304	314		300	300	313	313	313
Большая берцовая кость	106	60	58	67	65	64	57	59	59	55	56	65	65	61	64	64
	М.Б. кость	313		311		318	325	290	293	293			291	305	36	36
Плечевой (7/1)	19,8	19,9	20,1	20,2	19,3	18,7	18,8	18,8	18,8	17,9	17,8	21,7	21,4	19,6	20,3	20,3
	16,4	17,6		18,4	13,5	13,7	16,3	17,2	17,2	14,8	15,2	16,1	15,6		21,0	21,0
Бедренная (8/2)	17,6	17,8	20,3	20,5	18,2	18,9	19,1	18,9	18,9	17,2	17,3	20,4	20,5	19,1	18,9	18,9
	18,8		21,3	20,7	19,3	19,9	19,3	19,4	19,4	17,5		21,7	21,7	19,5	20,4	20,4
Плечебедренный	72,0	70,2	75,1	74,5	74,5	75,0	77,9	74,9	74,9	73,8	74,7	73,9	74,6	73,1	72,4	72,4
	66,9			65,6	71,3	70,2	64,2	63,2	63,2	66,9		64,3	64,0	66,5	65,5	65,5
Лучеберцовый	75,6	78,3		75,7	77,6	76,9	67,4	69,3	69,3	75,3	75,1	71,0	69,6	74,3	74,3	74,3
	81,4		86,3	86,0	81,1	82,1	81,8	82,2	82,2	83,1		81,5	81,1	81,7	82,2	82,2
Прижизненная длина тела	151,9		147,8		153,5		146,6		146,6	147,4		146,4		149,5		149,5

Раскоп	I		I		I		I		I		I		I	
	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая	правая	левая
п	21		23		25		36		38		40		41 (2)	
	XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.		XIII-XV вв.	
Плечевая кость	I	270	332	326	294	295	305	308	282	282	279	277	293	288
	7	58	59	58	53	53	56	55	57	55	60	60	63	63
Лучевая кость	I		239	237	216	217	215	213	210	211	218	216	225	220
	3	36	35	36	33	34	35	35	37	36	37	37	38	36
Локтевая кость	I		262	258	222	222	232	230	233	231	233	236	247	244
	3	29	34	35	30	29	30	30	33	31	35	36	33	34
Бедренная кость	I	368	457	455	400	409	405	405	382	382	396	398	395	395
	2	365	455	454	398	396	407	404	378	380	393	394	391	391
Большая берцовая кость	8	80	84	83	80	80	78	79	78	77	81	80	80	80
	I	320	366	364	322	316	320	320	310	310	328	330	322	320
М.Б. кость	I06	69	70	70	64	65	64	65	65	66	65	65	70	68
	Наиб. Длина		350	340			309		300		315	318	318	319
Плечевой (7/1)		21,5	17,8	17,8	18,0	18,0	18,4	17,9	20,2	19,5	21,5	21,7	21,5	21,9
	Лучевой (3/1)		14,6	15,2	15,7	15,7	16,3	16,4	17,6	17,1	17,0	17,1	16,9	16,4
Бедренная (8/2)		21,9	18,5	18,3	20,1	19,2	19,6	20,3	20,6	20,3	20,6	20,3	20,5	20,5
	Б.Б.кости (106/1)	21,6	19,1	19,2	19,9	20,3	20,3	20,3	21,0	21,3	19,8	19,7	21,7	21,3
Плечебедренный		74,0	73,0	71,8	74,5	74,9	74,9	76,2	74,6	74,2	71,0	70,3	74,9	73,7
	Лучеберцовый		63,8	65,1	66,8	67,1	68,0	66,6	67,7	68,1	66,5	65,5	69,9	68,8
Луче-плечевой			72,0	72,7	73,6	73,6	70,5	69,2	74,5	74,8	78,1	78,0	76,8	76,4
	Берцово-бедренный	87,7	86,9	80,2	82,1	80,9	77,6	79,2	82,0	81,6	83,5	83,8	82,4	81,8
Прижизненная длина тела		147,8	163,1	152,9	153,6	149,7	152,1	152,7						

Таблица 7 (окончание)

Раскоп		I		I		I	
п		45		46		47	
		XIII–XV вв.		XIII–XV вв.		XIII–XV вв.	
		правая	левая	правая	левая	правая	левая
Плечевая кость	1	280	273	284	280	314	309
	7	55	55	58	56	64	63
Лучевая кость	1	212	214	220	215	244	240
	3	35	33	35	35	41	42
Локтевая кость	1	232		239	236	262	258
	3	31		34	34	40	39
Бедренная кость	1	388	385	379	373	430	430
	2	384	382	378	373	425	428
	8	75	76	83	83	83	83
Большая берцовая кость	1	317	319	322	322	361	359
	10б	62	62	65	67	71	70
М.Б. кость	<i>Наиб. Длина</i>	309	310	315	310		
	Плечевой (7/1)	19,6	20,1	20,4	20,0	20,4	20,4
	Лучевой (3/1)	16,5	15,4	15,9	16,3	16,8	17,5
	Бедренная (8/2)	19,5	19,9	22,0	22,3	19,5	19,4
	Б.Б.кости (10б/1)	19,6	19,4	20,2	20,8	19,7	19,5
	Плечебедренный	72,9	71,5	75,1	75,1	73,9	72,2
	Лучеберцовый	66,9	67,1	68,3	66,8	67,6	66,9
	Луче-плечевой	75,7	78,4	77,5	76,8	77,7	77,7
	Берцово-бедренный	82,6	83,5	85,2	86,3	84,9	83,9
Прижизненная длина тела		150,3		150,7		160,3	

Научная литература

- Артамонова О.А. Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА №109. М.: Наука, 1963. 216 с.
- Артюшенко А.Т. Растительность лестостепи и степи Украины в четвертичном периоде. Киев: Наукова думка, 1970. 172 с.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.
- Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у села Маяки) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 11. Золотоордынское время. Труды по археологии. Сборник научных работ. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 125–196.
- Швецов М.Л. Погребение 40 могильника «Зливки» // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков: ХИАО, 2001. С. 110.
- Швецов М.Л. Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья (на примере Подонцовья – Приазовья) // Археологическое изучение Центральной России. Липецк: ЛГПУ, 2006.
- Швецов М.Л., Приходнюк О.М. Отчет об археологических работах Донецкой археологической экспедиции в 1989 г. // НА ИА НАНУ №53/1990.

Khojayov Telman K., Khodzhayova Galshira K., Frizen Sergey Y.

A Bioanthropological Study of the Burial Grounds of Donetsk and Lugansk regions. Part I

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/357-381

The article is devoted to the craniological materials from the Mayaki burial ground, Donetsk region. It describes the archaeological site and the funeral rite and features the results of the bioanthropological study. The main goal is to introduce the individual craniological data from the burial ground.

Keywords: *craniology, bioanthropology, the Middle Ages, burial rite, archaeological complex*

For Citation: Khojayov, T.K., G.K. Khodzhayova, and S.Y. Frizen. 2021. A Bioanthropological Study of the Burial Grounds of Donetsk and Lugansk regions. Part I. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 357–381.

Authors info: **Khojayov Telman K.** – Chief Researcher, Doctor of History. Center for Physical Anthropology, IEA RAS, Moscow. E-mail: telmkas@yandex.ru.

Khodzhayova Galshira K. – Independent researcher, Doctor of History, Moscow. E-mail: telmkas@yandex.ru.

Frizen Sergey Y. – Researcher, Ph.D., Center for Physical Anthropology, IEA RAS, Moscow. E-mail: frizents@iea.ras.ru

Funding: The research was carried out within the framework of the research topic «The evolutionary continuum of the genus Homo». Sub-topic «Anthropology of ancient and modern populations»

References

- Artamonova, O.A. 1963. *Mogil'nik Sarkela – Beloi Vezhi* [Burial ground of Sarkel – Belaya Vezha]. MIA 109. Moscow: Nauka.
- Artiushenko, A.T. 1970. *Rastitel'nost' lestostepi i stepi Ukrainy v chetvertichnom periode* [Vegetation of the steppe and steppe of Ukraine in the Quaternary period]. Kiev: Naukova dumka.
- Mikheev, V.K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarского kaganata* [Podonye as a part of the Khazar Khaganate]. Kharkov: Vishcha shkola.
- Khodzhaiov, T.K., M.L., Shvetsov, G.K., Khodzhaiova, S.Yu., and Frizen. 2012. *Naselenie Podontsov'ia epokhi Zolotoi Ordy (po materialam mogil'nikov u sela Maiaki)* [Population of Podontsovye of the era of the Golden Horde (based on materials from burial grounds near the village of Mayaki)]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Vol. 11. *Zolotoordynskoe vremia. Trudy po arkheologii. Sbornik nauchnykh работ*. Donetsk: DonNU.
- Shvetsov, M.L., 2001. *Pogrebenie 40 mogil'nika "Zlivki"* [Burial of 40 Zlivky cemetery]. *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy*. Kharkov: KhIAO.
- Shvetsov, M.L., 2006. *Vzaimootnosheniia stepnogo i lesostepnogo naseleniia v epokhu rannego srednevekov'ia (na primere Podontsov'ia – Priazov'ia)* [The relationship of the steppe and forest-steppe population in the early Middle Ages (on the example of Podontsovye – Azov region)]. *Arkheologicheskoe izuchenie Tsentral'noi Rossii*. Lipetsk: LGPU.
- Shvetsov, M.L., and O.M., Prikhodniuk. 1990. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh Donetskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1989 g.* [Report on the archaeological work of the Donetsk archaeological expedition in 1989]. *NA IA NANU* 53 (1990).

© Н.Н. Захарьева, И.Д. Коняев, И.В. Абдрахманова

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ НА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФИЗИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ТАНЦОРОВ И ТАНЦОВЩИЦ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Проведено обследование 96 спортсменов-танцоров высокой квалификации (50 мужчин и 46 женщин) в подготовительном периоде спортивной подготовки. По результатам анкетирования и психофизиологического тестирования с использованием тестов: TMAS (Taylor manifest anxiety scale), Ч.Д. Спилбергер – Ю.Л. Ханин, «Индивидуальная минута» танцоры распределены по психоэмоциональному напряжению на 3 группы: Gr1 – низкий уровень ($n=40$; муж – 24 чел. и жен – 16 чел.); Gr2 – средний уровень ($n=39$; муж – 19 чел. и жен – 20 чел.); Gr3 – высокий уровень ($n=17$; муж – 7 чел. и жен – 10 чел.). Для дифференцирования уровней психоэмоционального напряжения танцоров высокой квалификации без учета половых различий рекомендованы психофизиологические тесты: TMAS; «Реакция на звук правой рукой»; «Простая зрительно-моторная реакция» и тест физической работоспособности PWC_{170} . У танцовщиц-женщин с различным уровнем психоэмоционального напряжения установлены достоверные отличия в группах сравнения в тестах: «Реакция на звук», выполненная правой рукой ($p < 0,001$); «Воспроизведение временного интервала со звуковым сигналом», «Оценка величины углов» ($p < 0,05$). У танцоров-мужчин с различным уровнем психоэмоционального напряжения установлены достоверные отличия в тестах: PWC_{170} ($p < 0,05$) и тестинг-тесте (1-я и 2-я попытка). Танцоры, имеющие высокое психоэмоциональное напряжение, имеют самые низкие значения физической работоспособности в группах сравнения, что может обуславливать их низкую p .

Ключевые слова: спортивные балльные танцы, умственная работоспособность, физическая работоспособность, функциональное состояние, пространственно-временные характеристики нервной системы, танцоры, танцовщицы

Захарьева Наталья Николаевна – профессор кафедры физиологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)». (Москва, Сиреневый бул. 4, стр.4). E-mail: zakharyeva.natalia@mail.ru

Коняев Илья Дмитриевич – аспирант кафедры физиологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)». (Москва, Сиреневый бул. 4, стр.4). E-mail: Ilya.konyaev@mail.ru

Абдрахманова Ирина Владимировна – доцент кафедры анатомии и физиологии ФГБОУ ВПО «Волгоградская государственная академия физической культуры». (Волгоград, просп. им. В.И. Ленина, 78). E-mail: abdr-iren@yandex.ru

Ссылка при цитировании: Захарьева Н.Н., Коняев И.Д., Абдрахманова И.В. Влияние психоэмоционального напряжения на психофизиологические характеристики и физические качества танцоров и танцовщиц высокой квалификации // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 381–395.

Введение

Танцевальный спорт – зрелищный, яркий и красивый. Это симбиоз спорта и искусства. Однако, за видимой легкостью исполнения танцевальных фигур, скрывается многолетняя физическая подготовка и колоссальное психологическое напряжение (*Возрастная и педагогическая психология* 1979). В научной литературе есть мнение ряда авторов, что для победы в спортивных соревнованиях, при занятиях спортивными бальными танцами, большое значение играет эмоциональная устойчивость, умение взаимодействовать с партнером перед и во время соревнований, наличие волевых качеств, мышечной памяти (*Верхошанский* 1987, *Захарьева* 2019, *Кабачкова* 2015). В настоящее время одной из актуальных проблем, которая стоит перед танцорами высокой спортивной квалификации – проблема преодоления стресса и психоэмоционального напряжения на соревнованиях (*Андреев* 2013). Успешность выступления спортсмена-танцора на соревнованиях во многом зависит от его психоэмоциональной устойчивости. Негативные влияния стресса в спортивных бальных танцах приводят к ухудшению качества исполнения танца, рассогласованию синхронизации между партнером и партнершей, дисритмии внутри пары (*Баевский* 2008, *Беленко* 2010). В научной литературе, которая анализировалась нами, практически отсутствуют работы спортивных физиологов по оценке функционального состояния танцоров высокой квалификации, занимающихся спортивными бальными танцами. Имеются лишь не многочисленные работы спортивных психологов по оценке психоэмоционального напряжения у спортсменов – танцоров. Исследованиями Васильевой Н.В. и Козиной М.А. (*Васильева, Козина* 2015), работающими в Национальном Университете П.Ф. Лесгафта, установлено, что при диагностике психоэмоционального напряжения у танцоров – юниоров с высокими результатами достижений характерна личностная зрелость и самостоятельность, высокая самооценка, низкий уровень нервно – психического напряжения, конструктивные копинг – стратегии. У танцоров – юниоров с низким уровнем достижений имеется склонность к внутренним конфликтам и самообвинениям, что может быть следствием неудовлетворенности собой и своими результатами на соревнованиях. Их отличает пресыщенность рутинной деятельностью на тренировках, необходимость волевого контроля для осуществления деятельности, а также признаки выраженного нервно-психического напряжения.

А.Н. Лысакова и М.С. Новицкая (*Лысакова, Новицкая* 2014) подчеркивают в своих исследованиях высокий уровень нервно-психического напряжения в мотивации при занятиях спортивными бальными танцами. В научных статьях А.Н. Лысаковой и М.С. Новицкой (*Лысакова, Новицкая* 2014) дается объективная характеристика танцевальному спорту, как «...очень эмоциональному», а спортивная деятельность на соревнованиях по танцевальному спорту характеризуется как связанная с высокими спортивными психическими нагрузками. Одним из факторов психологического стресса авторами правильно указана субъективная система судейства в танцевальном спорте, которая еще не вышла на объективный уровень оценки исполнения танца, что приводит к дополнительному напряжению нервной системы спортсменов – танцоров.

Е.С. Моисеев (Моисеев 2014) анализирует психоэмоциональное состояние участников конкурсов бальных спортивных танцев описывает физиологические трансформации в организме спортсменов – танцоров на соревнованиях при воздействии новой пространственной обстановки и влияние «...рецепторной ориентировки на адаптационную способность спортсменов-танцоров», что выражается в психоэмоциональном напряжении. Особо подчеркнуты исследования эмоционального статуса человека в работах датского ученого К.Г. Ланге и американского врача – исследователя В. Джеймса (теория эмоций Ланге–Джеймса), что появление психоэмоциональных переживаний в организме человека приводит к следующим явлениям: к расширению или сужению сосудов, к дискоординации, затормаживанию движений, или двигательной возбужденности, изменения (ускорению/замедлению) ЧСС.

При анализе психологических механизмов возникновения эмоций мы обращались к работам зарубежных психологов, и выявили положение, что эмоции всегда порождают физиологические трансформации в организме человека. Эти знания могут быть использованы в области спортивных бальных танцев, чтобы управлять психоэмоциональным состоянием спортсменов для повышения физиологической эффективности участия в конкурсах.

Согласно ежедневным годичным наблюдениям Е.С. Моисеева (Моисеев 2014) за тренировками в классах хореографии, средний уровень эмоциональной напряженности повышает эффективность деятельности. Обычно это свойственно периоду своевременной подготовки спортсменов к соревнованиям. В то же время, отмечено, что низкий или очень высокий уровень эмоционального напряжения, напротив, снижают эффективность соревновательной деятельности. Высокий уровень эмоционального напряжения влечет такие особенности поведения как скованность движений, мышечное напряжение, инертность, заторможенность психических процессов, хаотичность движений (суетливость) и несдержанность в процессе общения.

Сильная эмоциональная напряженность первым делом диссоциирует наиболее сложные формы целеустремленных действий, резко снижается способность к их планированию, к оценке и прогнозированию.

Психологами отмечены негативные влияния малого эмоционального напряжения человека, что выражается в недостаточном включении физиологических механизмов адаптации, ухудшении внимания (феномен сужения внимания) и ухудшении концентрации на нужном объекте. Когда сужение внимания происходит ниже допустимого порога происходит формирование резкого ухудшения внимания и невнимательности. Неполезные для человека трансформации поведения и деятельности случаются и при появлении негативных, в том числе и аффективных (субъективно преувеличенных) переживаний, которые проистекают из неудовлетворенности индивидуально важными потребностями или противоречиями между таковыми. Признаками такого состояния выступает неадекватность мышления, поведения, самооценки, что проявляется в неверном определении задач после неуспеха, поведенческой нестабильности и не предсказуемости, жесткости мышления, утрате контроля над собой.

Одной из актуальных проблем, которая стоит перед всеми спортсменами, в том числе и танцорами высокой спортивной квалификации – проблема преодоления стресса и сильного психоэмоционального напряжения на соревнованиях (Базарин 2016, Васильева 2015, Волкова 2018, Ханин 1983, Kellmann 2010). Современный танцевальный спорт многие специалисты определяют, как «... очень эмоциональный»

(Лысакова 2014). Успешность выступления спортсмена-танцора на соревнованиях во многом зависит от его психоэмоциональной устойчивости (Захарьева 2020). Одним из значимых факторов развития высокого психоэмоционального напряжения спортсменов-танцоров является субъективная система судейства, воздействие новой пространственной обстановки и влияние «... рецепторной ориентировки на адаптационную способность спортсменов», а также психоэмоциональное состояние партнеров (Жаворонкова 2006). В зависимости от степени выраженности эмоционального фона спортсмена-танцора могут быть как полезные, так и негативные трансформации эмоционального фона соревнующегося спортсмена, что сказывается на координации движений, точности рефлекторных реакций, гармоничного выступления пары и качестве исполнения танца в целом (Баевский 2008, Верхошанский 1987, Жаворонкова 2006, Захарьева 2020, Монахова 2017). Изучение влияния психоэмоционального напряжения на функциональное состояние и физические качества танцоров, занимающихся спортивными бальными танцами, имеет большие перспективы в спортивной физиологической науке, так как способствует ранней диагностике качества адаптационного потенциала организма спортсмена.

Для спортивных бальных танцев, так как они организованы парами, очень важно, чтобы психоэмоциональное состояние одного партнера находило отражение в другом. Поэтому неадекватность поведения одного из партнеров влечет защитные действия другого партнера, что только усугубляет аффективность реакции, и оказывает разрушительное воздействие на поведение и выполнение соревновательной нагрузки парой.

Таким образом, при анализе литературных источников установлено, что в зависимости от степени выраженности эмоционального фона спортсмена-танцора могут быть как полезные, так и негативные трансформации эмоционального фона соревнующегося спортсмена, что сказывается на координации движений, точности рефлекторных реакций, гармоничного выступления пары и качестве исполнения танца в целом.

Цель исследования: выявить различия психофизиологических характеристик и физических качеств у танцоров и танцовщиц с различным уровнем психоэмоционального напряжения в подготовительном периоде спортивной подготовки.

Методы

В исследовании приняли участие 96 спортсменов-танцоров (50 мужчин и 46 женщин), высокой квалификации: 1 взрослый – 58 чел.; КМС (кандидат в мастера спорта) – 24 чел.; МС (мастер спорта) – 13 чел.; 1 чел. – МСМК (мастер спорта международного класса). Средний возраст испытуемых – $20,4 \pm 5,3$ лет. Стаж занятий спортивными бальными танцами (СБТ) в среднем составил $14,1 \pm 6,5$ лет. Все процедуры, выполненные в исследованиях с участием людей, соответствуют этическим стандартам национального комитета по исследовательской этике и Хельсинкской декларации 1964 года и ее последующим изменениям или сопоставимым нормам этики. От каждого из включенных в исследование участников было получено информированное добровольное согласие на проведение тестирования. Психофизиологические характеристики танцевальных пар были определены с помощью программно-аппаратного комплекса ИВПС 2.1. (Корягина 2013), тестирование включало в себя 10 тестов, позволяющих судить о восприятии пространственно-временных стимулов и об особенностях организации рефлекторной деятельности испытуемых. Согласно

результатам исследования: анкетирование, тесты Дж. Тейлора, Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина, «Индивидуальная минута», танцоры были распределены по психоэмоциональному напряжению (ПЭН) на 3 группы: Gr1 – низкий уровень ПЭН (n=40; муж – 24 чел. и жен – 16 чел.); Gr2 – средний уровень ПЭН (n=39; муж – 19 чел. и жен – 20 чел.); Gr3 – высокий уровень ПЭН (n=17; муж – 7 чел. и жен – 10 чел.).

Исследование проводилось в подготовительном периоде спортивной подготовки. Использовались методы: 1. Анкетирование спортсменов, включающее в себя следующие аспекты: возраст испытуемых, стаж занятий, заболеваемость, объем тренировочной нагрузки в неделю/месяц. Анкета № 2: анализ технико-тактических ошибок (удержание основного темпа и ритма, искажение линий корпуса, нарушение работы стоп, нарушение музыкальности, нарушение направлений движений во время исполнения танца, нарушение тактического мышления во время выступления); 2. Чувствительность к психоэмоциональному напряжению определяли временем индивидуальной минуты и оценкой личностной тревожности по результатам теста Джанет Тейлор (ТМАС) с использованием компьютеризированного опросника, содержащего 100 утверждений, касающихся состояния, самочувствия и поведения человека в различных повседневных ситуациях. Выделяли уровни тревожности: низкий (до 14,9 баллов), средний (от 15 до 24,9 баллов) или высокий (от 25 баллов); 3. Личностная и ситуативная тревожность определялась тестом Ч.Д. Спилбергера-Ханина; 4. Физическая работоспособность оценена по результатам 2-х ступенчатого теста PWC₁₇₀ на велоэргометре; 5. Сила мышц кисти и точность мышечных усилий (ТМУ) оценивались методом кистевой динамометрии; 6. Гибкость оценивалась при выполнении шпагата (учитывалось расстояние до пола (см)), и пробой наклона на скамье (см); 7. Психофизиологические характеристики танцоров изучались с использованием компьютерной программы ИВПС 2.1. Тестирование включает в себя 10 тестов, позволяющих судить о восприятии пространственно-временных стимулов, об особенностях организации рефлекторной деятельности испытуемых и косвенно об уровне ловкости; 8. Методы математической статистики, с применением программы Microsoft Office Excel – использовался встроенный статистический пакет «Анализ данных». Вычислялись средние арифметические значения и стандартные отклонения. Для оценки достоверности различия средних значений параметров в выборках проводилось попарное сравнение групп (Gr1, Gr2, Gr3) на основе критериев Манна-Уитни-Уилкоксона, а также сравнение всех трех групп на основе применения критерия Краскела-Уоллиса. Точечные полезные модели распределений, подтверждающие значимость различий по ряду показателей для сопоставляемых выборок, построены с использованием инструмента «Диаграммы» программы Microsoft Office Excel. Часть расчетов проводилась в Rstudio, графики построены с помощью пакета ggplot. На графиках уровни значимости различий имеют обозначения: ns – различие недостоверно; * – $p < 0,05$; ** – $p < 10^{-2}$; *** – $p < 10^{-3}$; **** – $p < 10^{-4}$.

Результаты

Проведено обследование 96 танцоров (50 мужчин и 46 женщин) высокой квалификации (от I взрослого разряда до мастеров спорта международного класса). Танцоры регулярно тренируются, и принимают участие в соревнованиях различного уровня (региональные, всероссийские, международные). Средний возраст спортсменов 20,4±5,3

лет. Стаж занятий СБТ в среднем составил $14,1 \pm 6,5$ лет. Физиологическое тестирование проведено в подготовительном периоде спортивной подготовки 09.09.2019 – 10.12.2019 с 9 до 12 ч. на базе Центра Спортивной Медицины научно-исследовательского института Спорта и Спортивной Медицины РГУФКСМиТ (ГЦОЛИФК).

По результатам теста J. Taylor выделены три группы танцоров с различной степенью психоэмоционального напряжения (ПЭН). Количество баллов теста J. Taylor статистически достоверно отличаются у всех пар групп с уровнем значимости $p < 10^{-4}$ (таблица 1). Первая группа (Gr1) – 40 чел. (41,7 %) – низкий уровень ПЭН, (среднее значение баллов в тесте J. Taylor $8,6 \pm 3,1$); вторая группа (Gr2) – 39 чел. (40,6 %) – средний уровень ПЭН (среднее значение баллов в тесте J. Taylor – $19,7 \pm 2,7$); третья группа (Gr3) – высокий уровень ПЭН – 17 чел. (17,7 %) – $28,3 \pm 2,9$. Во всех группах сравнения распределение танцоров по квалификации было сопоставимым: около 50 % составляли танцоры с I взрослым разрядом; 30 % – КМС; 20 % – МС. Спортсмен МСМК входил в 1-ю группу.

Выявлена высокая степень достоверности межгрупповых отличий без учета половых различий в трех группах сравнения в тесте Дж. Тейлора ($p < 10^{-4}$) (таблица 1).

Танцоры выполняли психофизиологическое тестирование в программе «Исследователь временных и пространственных свойств человека, версия 2.1». Значимым психофизиологическим тестом, выявляющим отличия в группах сравнения танцоров СВК без учета половых особенностей с различной степенью ПЭН в подготовительном периоде спортивной подготовки, является тест «Реакция на звук», выполненный правой рукой (мс) (таблица 1). В этом тесте достоверно различаются Gr2 и Gr3 ($p < 0,01$).

Таблица 1

Показатели психофизиологического тестирования танцоров высокой квалификации с различной степенью психоэмоционального напряжения

Группа испытуемых	Тест Taylor (в баллах) $M \pm \sigma$	Реакция на звук правой рукой (мс) $M \pm \sigma$
Gr1 (n=40)	$8,6 \pm 3,1^{****}$	$354,8 \pm 29,8$
Gr2 (n=39)	$19,7 \pm 2,7^{****}$	$368,4 \pm 35,2^{**}$
Gr3 (n=17)	$28,3 \pm 2,9^{****}$	$343,5 \pm 25,2^{**}$

* **Примечание:** количество баллов в тесте Taylor статистически достоверно различается у всех пар групп сравнения с уровнем значимости **** – $p < 10^{-4}$; в тесте «Реакция на звук правой рукой» достоверно различаются показатели групп Gr2 и Gr3 с уровнем значимости ** – $p < 10^{-2}$.

Среди тестов, оценивающих пространственные и временные свойства нервной системы человека, наибольшая степень достоверности межгрупповых отличий, во всех 3-х группах сравнения, выявлена в тесте «Простая зрительно-моторная реакция» (ПЗМР) на 1-й, 2-й и 8-й попытках теста, причем различия устойчиво сохраняются в начале и конце выполнения задания (таблица 2). Существенность отличий показате-

лей теста имеет высокую степень достоверности у групп танцоров Gr1 и Gr3 ($p < 10^{-3}$) на 1-й и 8-й попытке. Значимость отличий у групп танцоров Gr2 и Gr3 также подтверждена, но с меньшей степенью достоверности ($p < 0,05$) на 1-й, 2-й и 8-й попытке.

Таблица 2

Показатели теста простой зрительно-моторной реакции танцоров высокой квалификации с различной степенью психоэмоционального напряжения

Группа испытуемых	Простая зрительно-моторная реакция (мс) M±σ		
	Попытка 1	Попытка 2	Попытка 8
Gr1 (n=40)	334,7±60,2	280,4±56,9	260,75±60,95
Gr2 (n=39)	314,4±54,5	269±49,3	250,49±40,17
Gr3 (n=17)	280,9±43,2	260,3±33	254,71±47,2

Все показатели психофизиологического тестирования танцоров в исследованных группах сравнивались с нормативными показателями тестов для взрослых здоровых людей. Необходимо отметить, что скорости и точности ответных рефлекторных реакций, а также показатели психофизиологического тестирования у танцоров высокой квалификации превосходят нормативы взрослых здоровых нетренированных людей.

При сопоставлении балльных оценок теста Дж. Тейлора на основе учета пола испытуемых выявлены достоверные отличия у партнеров и партнерш в группах Gr1 и Gr3, при этом подтверждена гипотеза о более высоких значениях теста, наблюдаемых у партнеров ($p > 0,05$); в Gr2 достоверных различий нет, что говорит о синхронизации уровня тревожности партнеров и партнерш.

Для выявления различий в трех группах применялся односторонний дисперсионный анализ Краскела-Уоллиса. в результате его использования для анализа отличий параметров психофизиологического тестирования танцовщиц, имеющих различную степень психоэмоционального напряжения, выявлены достоверные отличия в трех группах сравнения в тесте: «Реакция на звук» ($p < 0,001$) (таблица 3).

Для оценки пространственно-временных свойств нервной системы танцоров и танцовщиц, проводились психофизиологические тесты, позволяющие оценивать восприятие человеком пространства и времени в реальном режиме, тесты с геометрическими антагонистическими задачами, тесты, позволяющие оценивать ориентацию в пространстве, исследуя движение в трёх плоскостях.

У танцовщиц выявлены достоверные различия ($p < 0,05$) в психофизиологических тестах, позволяющих оценивать точность восприятия времени, точность ориентирования во времени, т. е. «чувство времени» в трех группах сравнения. Результаты теста «Реакция на звук» у танцовщиц (Gr1, Gr2, Gr3) достоверно отличаются ($p < 0,001$) (рис. 1). Кроме того, подтверждена значимость отличий ($p < 0,05$) указанных выше участниц исследования в тестах: «Воспроизведение временного интервала со звуковым сигналом» (ошибка в % по модулю), «Оценка величины углов» (ошибка в % по модулю) (таблица 3).

Таблица 3

Результаты проверки гипотезы об отсутствии значимых различий между 3 группами танцовщиц по исследуемым признакам посредством использования критерия Краскела-Уоллиса

Признак	Группа I (n = 16)	Группа II (n = 20)	Группа III (n = 10)	p
Реакция на звук правой рукой, (мс)	351,6 ± 6,4	385,4 ± 8,5	341,8 ± 5,3	0,001
Воспроизведение временного интервала со звуковым сигналом (ошибка в % по модулю)	12,8 ± 1,4	21,1 ± 4	10,3 ± 1,6	0,05
Оценка величины углов (ошибка в % по модулю)	9,6 ± 1,3	15,4 ± 1,6	9,6 ± 1,4	0,05
URA 2 этап 8 попытка (кол-во ошибок)	3,9 ± 0,6	3,4 ± 0,4	1,6 ± 0,5	0,05
URA 3 этап 2 попытка (кол-во ошибок)	5 ± 0,4	4,9 ± 0,4	2,8 ± 0,8	0,05

Для танцовщиц высокой квалификации выявлены достоверные межгрупповые отличия ($p < 0,05$) показателей теста умственная работоспособность на 2-ом этапе 8-й попытке и 3-ем этапе 2-ой попытке (таблица 3).

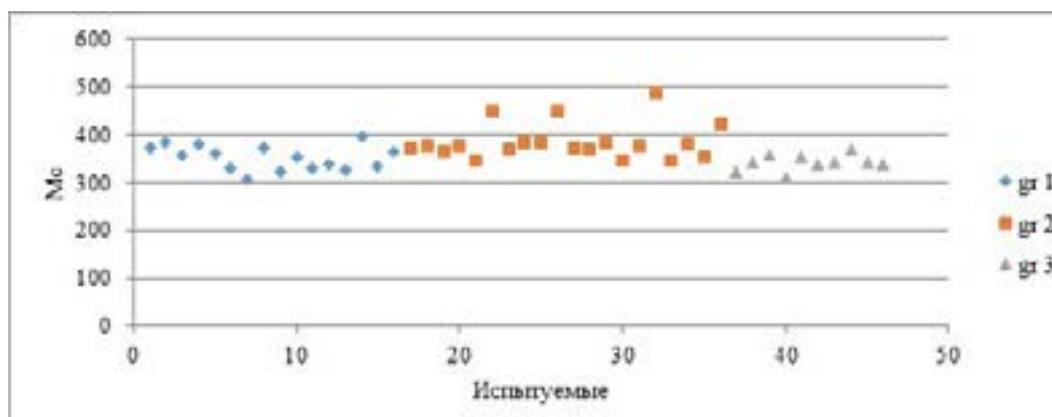

Рис. 1. Распределение танцовщиц по показателю «Реакция на звук правой рукой».

У танцоров-мужчин СВК выявлены достоверные различия ($p < 0,05$) в психофизиологических тестах и физической работоспособности в трех группах сравнения. Это тесты: теппинг тест, попытка 1 и 2; тест отн. PWC_{170} (таблица 4). Интересно, что у танцовщиц-женщин при применении критерия Краскела-Уоллиса в трех группах сравнения, мы не отмечаем достоверные отличия параметра физической работоспособности. При этом результаты тестирования пространственно-временных свойств нервной системы, позволяющего оценивать точность восприятия времени, точность ориентирования во времени, т. е. «чувство времени» достоверно различны ($p < 0,001$) в сравнении с танцорами-мужчинами.

Таблица 4

Результаты проверки гипотезы об отсутствии значимых различий между 3 группами юношей по исследуемым признакам посредством использования критерия Краскела-Уоллиса (в таблице указаны признаки, уровень которых в группах отличается на заданном уровне значимости)

Признак	Группа I (n = 24)	Группа II (n = 19)	Группа III (n = 7)	p
Теппинг тест, интервал 1 (кол-во нажатий)	16,6 ± 0,4	18,2 ± 0,6	19,3 ± 1	0,05
Теппинг тест, интервал 2 (кол-во нажатий)	17,8 ± 0,3	18,7 ± 0,5	21 ± 1,1	0,05
PWC ₁₇₀ отн (кгм/мин)	22,7 ± 1	20 ± 0,8	19,1 ± 0,9	0,05

Обсуждение результатов

На современном этапе развития танцевального спорта одной из самых значимых проблем, которая стоит перед спортсменами-танцорами, как мужчинами, так и женщинами, является проблема преодоления психоэмоционального напряжения. Развитие психоэмоционального напряжения у спортсменов-танцоров связано со многими причинами: высокими психическими нагрузками на соревнованиях, необходимостью эмоциональной подачи танцевальных программ при исполнении каждого танца, конфликтностью (в паре, с родителями, с тренерами). Особую значимость проблемы развития психоэмоционального напряжения у танцоров составляет необъективность судейства, когда танцевальная пара может быть оценена судьями неоднозначно и доминирующей причиной оценки пары может быть внешний вид спортсменов, принадлежность к танцевальному клубу известного тренера.

Как известно, эмоции всегда порождают физиологические трансформации в организме человека. Согласно теории эмоций Ланге–Джеймса появление психоэмоциональных переживаний в организме человека приводит к сердечно-сосудистому сдвигу: к расширению или сужению сосудов, к дискоординации, затормаживанию движений, или двигательной возбужденности, изменения (ускорению/замедлению) ЧСС. Сильная эмоциональная напряженность первым делом диссоциирует наиболее сложные формы целеустремленных действий, резко снижается способность к их планированию, к оценке и прогнозированию (Ильин 2005). Психологами отмечены негативные влияния малого эмоционального напряжения человека, что выражается в недостаточном включении физиологических механизмов адаптации, ухудшении внимания «*феномен сужения внимания*» и ухудшении концентрации на нужном объекте. Когда сужение внимания происходит ниже допустимого порога происходит формирование резкого ухудшения внимания и невнимательности. Не полезные для человека трансформации поведения и деятельности случаются и при появлении негативных, в том числе и аффективных (субъективно преувеличенных) переживаний, которые проистекают из неудовлетворенности индивидуально важными потребностей или противоречиями между таковыми. Признаками такого состояния выступает неадекватность мышления, поведения, самооценки, что проявляется в неверном определении задач после неуспеха, поведенческой нестабильности и не предсказуемости, жесткости мышления, утрате контроля над собой (Рван 2015).

В спортивной физиологии и педагогике многие ученые выделяют показатели изменения функционального состояния стресс-реакций: выраженная мышечная скованность, сопровождаемая резким понижением координации движений; изменение позы; мимические проявления, (например, выражение глубокого горя); хоботковый рефлекс (губы вытянуты вперед трубкой, подергивание нижней губой с выпячиванием вперед); неадекватные поведенческие реакции; явная ошибочная оценка той или иной информации; ошибочные решения; выраженное нарушение ритма сердечных сокращений и дыхания; уменьшение или увеличение сахара в крови; повышение или понижение АД; длительный и обильный пот, особенно на шее, висках, за ушами, между лопатками; частые позывы на дефекацию; диурез на психогенной основе (Захарьева 2020).

В семиотике психоэмоционального напряжения (ПЭН) человека Т.А. Немчин (Немчин 1983) выделяет в качестве значимых следующие симптомы: 1. Наличие физического дискомфорта; 2. Наличие болевых ощущений; 3. Температурные ощущения; 4. Состояние мышечного тонуса; 5. Координация движений; 6. Состояние двигательной активности в целом; 7. Ощущения со стороны сердечно-сосудистой системы; 8. Проявления со стороны желудочно-кишечного тракта (ЖКТ); 9. Проявления со стороны органов дыхания; 10. Проявления со стороны выделительной системы. Все эти симптомы могут быть 3-х степеней выраженности: от легкой (I степень ПЭН), средней выраженности (II степень ПЭН), до сильной степени выраженности (III степень ПЭН) и патологических симптомов дисфункции функциональных систем (IV степень ПЭН).

Как показали данные литературных источников, успешность выступления спортсмена-танцора на соревнованиях во многом зависит от его психоэмоциональной устойчивости [9]. Поэтому значимым для спортивной физиологии и педагогики является вопрос раннего выявления танцоров с высоким психоэмоциональным напряжением и его эффективная коррекция педагогическими, медико-биологическими, психологическими и другими средствами. В танцевальном спорте, по результатам нашего многолетнего наблюдения и данных анкетирования, сильное психоэмоциональное напряжение приводит к многочисленным технико-тактическим ошибкам: ухудшению основного ритма и темпа движений, искажению линий корпуса, ухудшению работы стоп, ухудшению музыкальности исполнения движений, нарушению баланса на опорной ноге во время движения. Негативные влияния стресса в спортивных бальных танцах приводят к ухудшению качества исполнения танца, рассогласованию синхронизации между партнером и партнершей, дисритмии внутри пары (Захарьева 2020). Кроме того, отмечено, что при высоком психоэмоциональном напряжении ухудшается тактическое мышление спортсменов – танцоров, а именно, тактическая расстановка своего движения по паркету, так как при исполнении танца опытные и успешные спортсмены-танцоры заранее рассчитывают место и траекторию своего движения, чтобы избежать столкновений с другими участниками соревнований и специально занять выгодное положение на танцевальной площадке, чтобы обеспечить хорошую видимость своего выступления судьям и зрителям.

По результатам обследования 96-ти танцоров высокой квалификации в подготовительном периоде спортивной подготовки установлено, что данные анкетирования, результаты теста J. Taylor и теста «Индивидуальная минута», позволили выделить 3 группы танцоров СВК с различным уровнем психоэмоционального напряжения,

сопоставимые по стажу, спортивной квалификации, заболеваемости, объему физической нагрузки на тренировках и соревнованиях. На основании данных, полученных в ходе научного эксперимента, установлены психофизиологические тесты, имеющие высокую достоверность в группах сравнения женщин танцовщиц и мужчин-танцоров с различной степенью выраженности психоэмоционального напряжения.

Как известно в спортивной танцевальной паре ведущая роль принадлежит партнеру. Танцоры-мужчины СВК, с различным уровнем психоэмоционального напряжения, отмечают достоверные различия ($p < 0,05$) как психофизиологических тестах, так и физической работоспособности (в тесте PWC_{170}) в трех группах сравнения. Интересно, что достоверные различия установлены в первых попытках теппинг-теста (1-ой и 2-ой попытках), т.е. психофизиологического теста с серийными попытками выполнения.

Для различия скорости рефлекторных реакций в подготовительном периоде у женщин-танцовщиц с различным психоэмоциональным напряжением в 3-х группах сравнения по результатам психофизиологического тестирования самая высокая достоверность различий отмечена в тесте «Реакция на звук» ($p < 0,001$). Меньшая степень достоверности выявлена в психофизиологических тестах, позволяющих оценивать точность восприятия времени, точность ориентирования во времени, т.е. «чувство времени» в трех группах сравнения: «Воспроизведение временного интервала со звуковым сигналом» (ошибка в % по модулю), «Оценка величины углов» (ошибка в % по модулю) ($p < 0,05$). Эти тесты имеют достоверность межгрупповых различий во всех группах сравнения и могут быть рекомендованы для диагностики, дифференцирования уровней психоэмоционального напряжения танцовщиц и раннего выявления высокого психоэмоционального напряжения при занятиях спортивными бальными танцами на этапе высокой квалификации спортсменов в подготовительном периоде спортивной подготовки. Танцовщицы высокой квалификации отмечают достоверные межгрупповые отличия ($p < 0,05$) показателей теста умственная работоспособность на этапах усложнения когнитивных задач: 2-ом и 3-ем этапах соответственно (на 2-ом этапе 8-й попытке и 3-ем этапе 2-ой попытке). Достоверными различиями физической работоспособности в тесте PWC_{170} танцовщицы с различным уровнем психоэмоционального напряжения в подготовительном периоде спортивной подготовки не отличаются.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного физиологического эксперимента выявлены половые различия психофизиологических характеристик и физической работоспособности танцоров-мужчин и танцовщиц-женщин СВК, занимающихся спортивными бальными танцами в подготовительном периоде спортивной подготовки. Спортсмены-танцоры с различным уровнем психоэмоционального напряжения отличаются показателями физической работоспособности и максимальным произвольным темпом движения кисти. Самым значимым отличием спортсменок-танцовщиц с различным психоэмоциональным напряжением является скорость рефлекторной реакции «Время реакции на звук». Выявленные отличия необходимо использовать для дифференцирования уровней психоэмоционального напряжения танцоров СВК, раннего выявления высокого психоэмоционального напряжения и оптимизации тренировочного процесса танцоров высокой квалификации в подготовительном периоде спортивной подготовки.

Выводы

1. Для дифференцирования уровней психоэмоционального напряжения у танцоров высокой квалификации и раннего выявления высоко психоэмоционального напряжения спортсменов и спортсменок в подготовительном периоде спортивной подготовки рекомендованы психофизиологические тесты: J. Taylor; «Реакция на звук правой рукой», (мс); Простая зрительно-моторная реакция (мс) и тест физической работоспособности PWC_{170} .
2. У танцовщиц высокой квалификации для дифференцирования уровней психоэмоционального напряжения в подготовительном периоде спортивной подготовки рекомендованы психофизиологические тесты: «Реакция на звук», выполненная правой рукой (мс) ($p < 0,001$) в 3-х группах сравнения; «Воспроизведение временного интервала со звуковым сигналом» (ошибка в % по модулю), «Оценка величины углов» (ошибка в % по модулю) ($p < 0,05$). Достоверных межгрупповых отличий физических качеств у танцовщиц не выявлено.
3. У танцоров-мужчин высокой квалификации для дифференцирования уровней психоэмоционального напряжения в подготовительном периоде спортивной подготовки рекомендованы: тест определения физической работоспособности PWC_{170} ($p < 0,05$) и теппинг-тест (1-я и 2-я попытка).
4. Танцоры, имеющие высокое психоэмоциональное напряжение, имеют самые низкие значения физической работоспособности в группах сравнения, что может обуславливать их низкую результативность на соревнованиях и диктует необходимость включения аэробных физических упражнений в их тренировочный процесс.

Научная литература

- Андреев Р.С.* Взаимосвязь характеристик инфракрасного температурного портрета с метаболическими показателями у спортсменов. Диссертация ... кандидата биологических наук. 03.03.01. Москва: Ин-т возраст. физиологии РАО, 2013. 115 с.
- Баевский Р.М.* Введение в донозологическую диагностику // Баевский Р.М., Берсенева А.П. // М., 2008. 218 с.
- Базарин К.П.* Вклад психоэмоционального напряжения в развитие срыва адаптации в соревновательном периоде у спортсменов высокой квалификации // Базарин К.П., Савченко А.А. // Клиническая медицина Бюллетень ВСНЦ РАМН, 2016. № 32 (108). С. 7–13.
- Беленко И.С.* Влияние занятий спортом на функциональное состояние нервной и дыхательной систем у юных футболистов и баскетболистов в возрасте 11-15 лет разных соматотипов // И.С. Беленко ... диссертация к.б.н. – г. Майкоп, 2010. 246 с.
- Васильева М.А.* Особенности нервно-психического напряжения у спортсменов – юниоров при занятиях спортивными бальными танцами / Васильева М.А., Козина Н.В. // Медицинская психология в России № 5 (14). г. Санкт-Петербург, 2015. С. 28–32.
- Верхошанский Ю.Е.* Некоторые закономерности долговременной адаптации организма спортсмена к физическим нагрузкам / Ю.Е. Верхошанский, Виру А.А. // Физиология человека, 1987. № 5. С. 811–818.
- Петровский А.В. (под ред.)* Возрастная и педагогическая психология. М. «Просвещение», 1979. 116 с.
- Волкова М.Г.* Кризисные ситуации в жизни спортсменов – юниоров. Эмпирическое исследование / М.Г. Волкова // Научно-педагогические школы в сфере физической культуры и спорта: Материалы Международного научно-практического конгресса, посвященного 100-летию ГЦОЛИФК, 30-31 мая 2018 г. / под общей ред. А.А. Перельского и др. М.: РГУФКСМиТ, 2018. С. 37–41.

- Вяткин Б.А. Управление психическим стрессом в спортивных соревнованиях. М., 1981. 112 с.
- Горска, И.Ю. Специфика моторной подготовленности в разных видах спорта / И.Ю. Горская // Научно-педагогические школы в сфере физической культуры и спорта: Материалы Международного научно-практического конгресса, посвященного 100-летию ГЦОЛИФК, 30-31 мая 2018 г. / под общей ред. А.А. Передельского и др. М.: РГУФКСМиТ, 2018. С. 42–47.
- Дюсембаева Б.М. Влияние психологии на успешное выступление спортсменов / Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Астана, 2013. С. 324–329.
- Жаворонкова И.А. Комплектование пар в спортивных бальных танцах (на примере 12-15 лет). Дис... канд. пед. наук 13.00.04: БГУ Белгород, 2006. 148 с.
- Захарьева Н.Н., Коняев И.Д. Влияние психоэмоционального напряжения на функциональное состояние танцоров. М.: РГУФКСМиТ, 2020. 293 с.
- Захарьева Н.Н. Возрастные особенности типологических характеристик вегетативного баланса юных танцоров. // Материалы V Международной научно-практической конференции: «Актуальные вопросы медико-биологического сопровождения хореографии и спорта» 8-10 апреля 2019 г. СПб-6., 2019. С. 198–202.
- Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. Санкт-Петербург, 2005. 411 с.
- Кабачкова А.В. «Самочувствие – Активность – Настроение» студентов первокурсников при посещении занятий по физической культуре / А.В. Кабачкова // Теория и практика физической культуры, 2015. № 7. С. 29–31.
- Корягина Ю.В. Аппаратно-программные комплексы исследования психофизиологических особенностей спортсменов / Ю.В. Корягина, С.В. Нопин // Вопросы функциональной подготовки в спорте высших достижений. Материалы Всероссийской конференции, Омск, 11-12 апреля 2013 г. Т. 1. № 1. С. 70–78.
- Лысакова А.Н. Психологические особенности спортивно-танцевальной деятельности // Вестник университета, 2014. № 2. С. 254–258.
- Монахова Е.Г. Особенности физической подготовки спортсменов – танцоров // Образование и физическая культура, 2017. № 2. С. 213–217.
- Москвин В.А. Психофизиология индивидуальных различий человека / Москвин В.А., Москвина Н.В. М.: Изд-во МИП, 2011. 177 с.
- Немчин Т.А. Состояния нервно-психического напряжения. Л.: ЛГУ, 1983. 166 с.
- Реан А.А. (под ред.) Психология человека от рождения до смерти. М.: «Издательство АСТ», 2015. 306 с.
- Ханин Ю.Л. Стресс и тревога в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1983. 287 с.
- Kellmann M. Preventing over training in athletes in high-in ten sity sports and stress/recovery monitoring // Scand J Med SciSports, 2010. P. 95–102.

Zakharyeva Natalia N., Ilya D. Konyaev, and Irina V. Abdrakhmanova I.V.

The influence of psychoemotional stress on the psychophysiological reactions and physical qualities of highly qualified dancers

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/381-395

Ninety-six highly-qualified dancers (50 males and 46 females) were studied during the preparatory step of sports training. The dancers were tested for psychoemotional stress using the Taylor test, Spielberger-Khanin method, a test of individual time perception, and questionnaires. According to the results, they were divided into three groups: Gr1 – low level (n=40; 24 males and 16 females); Gr2 – medium level (n=39; 19 males and 20 females); Gr3 – high level (n=17; 7 males and 10 females). The following psychophysiological tests are recommended to differentiate the levels of psychoemotional stress of highly qualified dancers without taking into account gender differences: Taylor test; “Reaction to an acoustic stimulus with the right hand,” (ms); Simple visual-motor reaction (ms) and the PWC170

physical performance test. In female dancers with different levels of psychoemotional stress, significant differences were found between the compared groups in the tests: "Reaction to acoustic stimulus" with the right hand (ms) ($p < 0,001$); an acoustic duration reproduction task (mean percentage error), "estimation of angle size" (mean percentage error) ($p < 0,05$). In male dancers with different levels of psychoemotional stress, significant differences were found in the tests: PWC170 ($p < 0,05$) and tapping test (1-st and 2-nd attempts). Dancers with high psychoemotional stress have the lowest physical performance values between the compared groups, which may cause their low performance in competitions.

Keywords: *sports ballroom dancing, mental and physical performance, functional state, spatial and temporal characteristics of the nervous system, dancers*

For Citation: Zakharyeva N.N., I.D.Konyaev, and I.V. Abdrakhmanova. 2021. The influence of psychoemotional stress on the psychophysiological reactions and physical qualities of highly qualified. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 381–395.

Authors info: **Zakharyeva Natalia N.** – Doctor of medical sciences, Professor. Federal state budgetary educational establishment of higher education «Russian state university of physical education, sport, youth and tourism (SCOLIPE)». E-mail: zakharyeva.natalia@mail.ru

Konyaev Ilya D. – graduate student, Federal state budgetary educational establishment of higher education «Russian state university of physical education, sport, youth and tourism (SCOLIPE)». E-mail: Ilya.konyaev@mail.ru

Abdrakhmanova Irina V. – Doctor of Pedagogical sciences, Docent. Federal state educational budget institution of higher education «Volgograd state physical education academy». E-mail: abdr-iren@yandex.ru

References

- Andreev, R.S. 2013. Vzaimosvyaz' harakteristik infrakrasnogo temperaturnogo portreta s metabolichesкими pokazatelyami u sportsmenov. [The relationship of the characteristics of the infrared temperature portrait with metabolic parameters in athletes]. PhD, Diss, Moscow, Institute of Developmental Physiology, Russian Academy of Sciences.
- Baevskij, R.M. and A.P. Berseneva. 2008. Vvedenie v donozologicheskuyu diagnostiku [Introduction to prenosological diagnostics]. Moscow.
- Bazarin, K.P. and A.A. Savchenko. 2016. Vklad psihoemocional'nogo napryazheniya v razvitie sryva adaptacii v sorevnovatel'nom periode u sportsmenov vysokoj kvalifikacii [The contribution of psycho-emotional stress to the development of adaptation breakdown in the competitive period in highly qualified athletes]. *Klinicheskaya medicina Byulleten' VSNC RAMN* 32 (108): 7–13.
- Belenko, I.S. 2010. Vliyanie zanyatij sportom na funkcional'noe sostoyanie nervnoj i dyhatel'noj sistem u yunyh futbolistov i basketbolistov v vozraste 11-15 let raznyh somatotipov [The influence of sports on the functional state of the nervous and respiratory systems in young football and basketball players aged 11-15 years of different somatotypes]. *Dissertaciya kandidata biologicheskikh nauk*. Majkop.
- Vasil'eva, M.A. and N.V. Kozina. 2015. Osobennosti nervno-psihicheskogo napryazheniya u sportsmenov – yuniorov pri zanyatiyah sportivnymi bal'nymi tancami [Features of neuropsychic stress in junior athletes during sports ballroom dancing]. *Medicinskaya psihologiya v Rossii*. 5 (14): 28–32.
- Verhoshanskij, YU.E and A.A. Viru. 1987. Nekotorye zakonomernosti dolgovremennoj adaptacii organizma sportsmena k fizicheskim nagruzkam [Some patterns of long-term adaptation of the athlete's body to physical exertion]. *Fiziologiya cheloveka* 5: 811–818.

- Vozrastnaya i pedagogicheskaya psihologiya. 1979 [Age and educational psychology], edited by A.V. Petrovskogii, Moscow: «Prosveshchenie».
- Volkova, M.G. 2018. Krizisnye situatsii v zhizni sportsmenov – yuniorov [Crisis situations in the life of junior athletes]. Empiricheskoe issledovanie. *V Sb. Nauchno-pedagogicheskie shkoly v sfere fizicheskoy kul'tury i sporta: Materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo kongressa, posvyashchennogo 100-letiyu GCOLIFK*, edited by A.A. Peredeliskogo i dr., 37–41. Moscow: RGUFKSMiT.
- Vyatkin, B.A. 1981. Upravlenie psihicheskim stressom v sportivnyh sorevnovaniyah [Managing mental stress in sports competitions]. Moscow.
- Gorskaya, I.YU. 2018. Specifika motornoj podgotovlennosti v raznyh vidah sporta [The specifics of motor fitness in different sports]. *V Sb. Nauchno-pedagogicheskie shkoly v sfere fizicheskoy kul'tury i sporta: Materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo kongressa, posvyashchennogo 100-letiyu GCOLIFK*, edited by A.A. Peredeliskogo i dr., 42–47. Moscow: RGUFKSMiT.
- Dyusembaeva, B.M. 2013. Vliyanie psihologii na uspešnoe vystuplenie sportsmenov [The influence of psychology on the successful performance of athletes]. *Evrazijskij nacional'nyj universitet im. L.N. Gumileva*, 324–329. Astana.
- ZHavoronkova, I.A. 2006. Komplektovanie par v sportivnyh bal'nyh tancah (na primere 12-15 let) [Recruitment of couples in sports ballroom dancing (for example, 12-15 years old)]. PhD diss. abstract, Belgorod.
- Zahar'eva, N.N. and I.D. Konyaev. 2020. Vliyanie psihoemocional'nogo napryazheniya na funktsional'noe sostoyanie tancorov [The influence of psychoemotional stress on the functional state of dancers]. Moscow: RGUFKSMiT.
- Zahar'eva, N.N. 2019. Vozrastnye osobennosti tipologicheskikh harakteristik vegetativnogo balansa yunyh tancorov [Age-specific typological characteristics of the vegetative balance of young dancers]. In *Sb. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: «Aktual'nye voprosy mediko-biologicheskogo soprovozhdeniya horeografii i sporta»* [Materials of the V International scientific and practical conference: “Topical issues of medical and biological support of choreography and sports” April 8-10, 2019], 198–202. St. Petersburg.
- Il'in, E. P. 2005. Psihofiziologiya sostoyanij cheloveka [Psychophysiology of human states]. SPb.
- Kabachkova, A.V. 2015. «Samochnuvstvie – Aktivnost' – Nastroenie» studentov pervokursnikov pri poseshchenii zanyatij po fizicheskoy kul'ture [“Well-being – Activity – Mood” of first-year students when attending physical education classes]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* 7: 29–31.
- Koryagina, YU.V. and S.V. Nopin. 2013. Apparato-programmnye komplekсы issledovaniya psihofiziologicheskikh osobennostej sportsmenov [Hardware and software complexes for the study of psychophysiological characteristics of athletes]. *Voprosy funktsional'noj podgotovki v sporte vysshih dostizhenij. Materialy Vserossijskoj konferencii* 1 (1): 70–78. Omsk.
- Lysakova, A.N. and M.S. Novickaya. 2014. Psihologicheskie osobennosti sportivno-tanceval'noj deyatel'nosti [Psychological features of sports and dance activity]. *Vestnik universiteta* 2: 254–258.
- Monahova, E.G. 2017. Osobennosti fizicheskoy podgotovki sportsmenov – tancorov [Features of physical training of athletes – dancers]. *V Zhurnale Obrazovanie i fizicheskaya kul'tura* 2: 213–217.
- Moskvin, V.A. and N.V. Moskvina 2011. Psihofiziologiya individual'nyh razlichij cheloveka [Psychophysiology of individual human differences]. Moscow: Izd-vo MIP.
- Nemchin T. A. 1983. Sostoyaniya nervno–psihicheskogo napryazheniya [States of neuropsychic tension]. LGU.
- Rean, A.A. (ed.) 2015. Psihologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti [Human psychology from birth to death]. Moscow: «Izdatel'stvo AST».
- Hanin, YU.L. 1983. Stress i trevoga v sporte [Stress and anxiety in sports]. *Fizkul'tura i sport*: 287.
- Kellmann, M. 2010. Preventing over training in athletes in high-in ten sity sports and stress/recovery monitoring. *Scand J Med SciSports*: 95–102.

© А.П. Пестряков, О.М. Григорьева, Ю.В. Пеленицына

КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ БОЛЬШОЙ МОНГОЛОИДНОЙ РАСЫ. ЧАСТЬ 2. ХАРАКТЕРИСТИКА КРАНИОСЕРИЙ ВОСТОЧНЫХ МОНГОЛОИДОВ

По литературным источникам по 11 метрическим признакам размера и формы черепной коробки исследовались 42 современных краниосерии восточных монголоидов (дальневосточная малая раса, входящая в большую монголоидную расу), в число изученных вошли: 21 серия китайцев (вместе с единственной серией хуэй (китайских мусульман), 2 серии корейцев, 13 серий японцев и 6 серий гаошань (докитайского населения Тайваня). Подавляющее большинство этих краниосерий оказались принадлежащими к панойкуменному краниотипу пацифидов, в отличие от северных монголоидов, принадлежащих к панойкуменному краниотипу голарктидов. в отличие от северных монголоидов восточные, при приблизительно такой величине черепной коробки, характеризуются значительно абсолютно и относительно более узкой её формой и значительно большей величиной свода черепа. Среди исследованных краниосерий восточных монголоидов три серии по своим характеристикам дали основание считать их смешанными с северными монголоидами. Это две серии китайцев крайнего северо-запада их расселения (китайцы Монголии и китайцы Джунгарии), т.е. с территории пограничной с ареалом северных монголоидов, и серия хуэй (китайских мусульман), религиозная конфессия которых предполагает их смешение с мусульманами Центральной Азии. Две серии корейцев, существенно отличаясь как от классических пацифидов, так и от классических голарктидов, требуют дальнейшего изучения и использования индивидуальных данных черепов этих серий.

Ключевые слова: мозговой череп, краниосерия, краниотип, восточные монголоиды

Для цитирования: Пестряков, Григорьева О.М., Пеленицына Ю.В. Краниологическая дифференциация большой монголоидной расы. Часть 2. Характеристика краниосерий восточных монголоидов // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 396–408.

Пестряков Александр Петрович – к.и.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: labrecon@yandex.ru

Григорьева Ольга Михайловна – к.б.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: labrecon@yandex.ru

Пеленицына Юлия Вадимовна – студентка кафедры антропологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (119234 Москва, Ленинские горы, 1/12). Эл. почта: j.pelenitsyna@gmail.com

Введение

Настоящая статья является второй частью работы, посвящённой краниологии большой монголоидной расы. в первой её части нами были рассмотрены краниологические особенности популяций (краниосерий) северных монголоидов (Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2021). Здесь анализируются краниосерии восточных монголоидов (малая дальневосточная раса), которые расселены к югу от северных, и абсолютно доминируют среди населения умеренной и субтропической гумидной климатической зоны Восточной Азии, занимая площадь приблизительно в два раза меньшую, чем площадь расселения северных монголоидов. На этой территории, в зоне господства муссонов, приносящих в летний период обильные дожди, способствующие интенсивному земледелию, развилась дальневосточная суперэтническая цивилизация, основу которой составила своеобразная древнекитайская цивилизация, в дальнейшем распространившаяся по просторам восточной и юго-восточной Азии, частично ассимилируя и аккультурируя соседние этносы. Расовые варианты восточных монголоидов абсолютно доминируют на территории современной Японии, Кореи и большей части Китая. Ещё Н.Н. Чебоксаров разделил монголоидов по краниологическим характеристикам на континентальных и тихоокеанских. Северных монголоидов Николай Николаевич отнёс к континентальному варианту этой расы, а восточных к тихоокеанскому (Чебоксаров 1949). Плотность населения изучаемого региона намного превосходила таковую в зоне господства популяций северных монголоидов, где земледелие играло, как правило, подсобную роль, так как по географическим условиям оно далеко не везде было возможно.

Материалы и методы

В работе представлены данные по современным мужским сериям восточных монголоидов. Краниология населения Восточной Азии изучалась многочисленными европейскими и азиатскими антропологами. Определённый вклад в исследование краниологии населения Китая внесли наши отечественные специалисты (Дебец 1951, Чебоксаров 1947). Большая часть исходных данных по изучаемым краниосериям взяты из сводного табличного приложения по китайцам и хуэй (таблицы 1–3), корейцам (таблица 5), гаошань (таблица 4) фундаментальной монографии Н.Н. Чебоксарова «Этническая антропология Китая» (Чебоксаров 1982). Исходные данные по японским краниосериям взяты из табличных приложений (таблица 5) той же книги Н.Н. Чебоксарова, а также из работ японских и европейских антропологов: Додо Юкио (*Dodo Yukio et al.* 2001), Иванами (Iwanami S., 1956), Ханихара (*Hanihara* 2002), Кавакубо (*Kawakubo* 2005), Накахаша, Дои (*Nakahashi, Doi* 1988), Хауэллса (*Howells craniometric data set.*).

В работе представлены среднегрупповые величины изученных признаков следующих краниосерий: китайцев, вместе с серией хуэй, китайских мусульман Синьцзяна и Ганьсу – 21 серия (50% всех изучаемых серий), корейцев – 2 серии, японцев – 13 серий (31% серий), гаошань (докитайского населения острова Тайвань) – 6 серий. в ней представлены краниологические характеристики изучаемых серий (11 признаков). Как и в предшествующей статье, величины продольного, поперечного и височного диаметров черепа взяты из соответствующей литературы. Остальные параметры черепной коробки вычислялись исходя из среднегрупповых величин этих

диаметров: общая ростовая величина черепа (ОРВ), черепной (8:1), высотно-продольный (17:1), высотно-поперечный (17:8) указатели, а также указатели долихоидности (УД), брахиоидности (УБ) и гипсиоидности (УГ). Признак – степень сферичности (СС) объединяет значения трёх этих указателей. Чем ближе эта величина к 100, тем более черепная коробка приближается по форме к сфере.

Основные результаты

В таблице 1 приведены среднегрупповые величины этих метрических параметров у всех изучаемых нами серий восточных монголоидов.

Изучаемый массив краниосерий восточных монголоидов, как целое, характеризуются по мировому масштабу средней величиной черепной коробки (параметр ОРВ), средней величиной указателя долихоидности (УД) и указателя брахиоидности (УБ), но большой величиной указателя гипсиоидности (УГ). в то время как северные монголоиды характеризуются большой величиной указателя брахиоидности и малой указателя гипсиоидности. Из 42 серий восточных монголоидов для 38 из них (90,5%) характерна мезокrania, лишь 4 серии (9,5%) брахикранные: китайцы Монголии, хуэй и обе серии корейцев. в то время как среди северных монголоидов 28 серий из 52 брахикранные (53,8%). Основной массив восточных монголоидов по нашей краниологической классификации безусловно следует отнести к панойкуменному краниотипу пацифидов (*Пестряков, Григорьева 2004*), а по классификации Н.Н. Чебоксарова к тихоокеанским монголоидам (*Чебоксаров 1947*).

В таблице 2 сравниваются краниологические характеристики северных (52 серии) и восточных (42 серии) монголоидов.

Из данных таблицы видно существенное отличие восточных монголоидов (как целого) от северных (как целого). Лишь по общему размеру черепной коробки (параметр ОРВ) они не имеют достоверного отличия. По всем остальным десяти параметрам наблюдаются отличия на очень высоком уровне достоверности (99% или даже 99,9%).

Восточные монголоиды отличаются от северных абсолютно и относительно более короткой, абсолютно и относительно более узкой, абсолютно и относительно более высокой черепной коробкой. Степень сферичности черепа у них также достоверно более выражена, чем у северных монголоидов. Такой показательный признак как черепной указатель (8:1) также чётко отличает восточных монголоидов от северных. У первых брахикефалия доминирует лишь в 4 краниосериях (9,5% серий), в то время как у вторых в 28 краниосериях (53,8 % серий).

Также следует особо отметить, что межгрупповая вариабельность величин всех, без исключения, изучаемых признаков, оцениваемая величинами их межгрупповых дисперсий (б) и коэффициентов вариации, в массиве северных монголоидов значительно выше, чем у восточных, в среднем по изучаемым признакам приблизительно в 1,5 раза. (Сравнить в таблице 2 вторую строку с шестой, а третью с седьмой).

Таким образом, в краниологическом отношении восточные монголоиды в целом более единообразны, чем северные. Также они дальше продвинулись в эволюционном процессе сферизации черепной коробки.

Таблица 1

Среднегрупповые величины краниологических параметров изучаемых серий восточных монголоидов

Краниосерия	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Китайцы, Блэк	178,5	138,2	137,2	264,2	77,4	76,9	99,3	129,6	88,3	87,4	82,0
Китайцы, Чебоксаров	179,5	139,2	137,5	265,5	77,5	76,6	98,8	129,7	88,6	87,0	81,9
Китайцы, Хеберер	178,5	140,5	136,8	265,2	78,7	76,6	97,4	128,8	89,9	86,4	82,5
Китайцы, Шульдц	179,0	138,0	137,0	264,3	77,1	76,5	99,3	130,2	88,1	87,2	81,7
Китайцы, Накано	177,3	141,1	138,2	265,4	79,6	77,9	97,9	127,0	90,1	87,4	83,5
Китайцы, Дебец	179,4	139,2	138,1	265,8	77,6	77,0	99,2	129,4	88,4	87,4	82,1
Китайцы Маньчжурин, Симэ	180,8	139,7	139,2	267,5	77,3	77,0	99,6	129,7	88,1	87,6	82,0
Китайцы Маньчжурин, Хасебе	179,7	141,5	140,2	268,3	78,7	78,0	99,1	127,6	89,1	87,9	83,2
Китайцы Монголии.	178,7	144,0	132,3	264,9	80,6	74,0	91,9	129,5	93,7	82,5	82,2
Китайцы Джунгарии	176,3	140,3	138,3	264,4	79,6	78,4	98,6	126,6	89,9	87,9	83,7
Хуэй, Чебоксаров	176,6	143,9	135,7	265,2	81,5	76,8	94,3	126,4	93,0	85,1	83,9
Китайцы Нанкина	180,7	140,7	136,5	266,6	77,9	75,5	97,0	130,4	89,6	85,6	81,6
Южный Китай, Мартин	177,6	139,4	137,1	264,1	78,5	77,2	98,4	128,5	89,3	87,1	82,7
Южный Китай, Канасеки	179,3	141,6	139,2	267,5	79,0	77,6	98,3	127,7	89,6	87,4	83,1
Южный Китай, Дебец	178,3	139,1	137,2	264,5	78,0	76,9	98,6	129,1	88,9	87,1	82,3
Южный Китай, Климик	175,6	137,6	136,4	261,5	78,4	77,7	99,1	128,2	88,9	87,7	82,8
Фуцзянь, Харровер	179,9	140,9	138,8	267,4	78,3	77,2	98,5	128,6	89,2	87,2	82,6
Тайвань, Уэда	179,7	138	136,9	264,7	76,8	76,2	99,2	130,7	88,0	86,9	81,4
Хакка Тайваня	179,8	140,8	138,7	267,2	78,3	77,1	98,5	128,7	89,2	87,2	82,6
Хокло Тайваня	179,2	138,8	139,4	266,1	77,5	77,8	100,4	128,8	87,8	88,4	82,5
Хакка Сингапура	179,1	140,9	137,8	266,3	78,7	76,9	97,8	128,5	89,7	86,7	82,6
Корейцы, Уэда	176,7	142,6	138,4	265,9	80,7	78,3	97,1	125,8	91,2	87,2	84,2
Корейцы, Симэ	175	142,4	142,5	266,9	81,4	81,4	100,1	122,9	90,2	90,3	85,9
Японцы северные, Хауэллс	183,1	141,8	136,8	269,0	77,4	74,7	96,5	131,5	89,6	84,9	81,0
Японцы южные, Хауэллс	181,3	138,4	138,3	266,7	76,3	76,3	99,9	131,0	87,4	87,3	81,2
Японцы юго-запада	181,4	139,3	139,3	267,8	76,8	76,8	100,0	130,2	87,6	87,6	81,7
Японцы Тохоку	181,2	138,9	136,6	266,1	76,7	75,4	98,3	131,5	88,3	86,1	80,9

Краниосерия	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Японцы Тогоку	179,9	140,5	139,8	267,7	78,1	77,7	99,5	128,4	88,6	87,9	82,7
Японцы Кинаи	178,4	141,1	138,8	266,5	79,1	77,8	98,4	127,5	89,7	87,5	83,2
Японцы Хокурюку	180,9	140,0	135,0	265,6	77,4	74,6	96,4	131,6	89,6	84,8	80,9
Японцы о. Йорон	185,4	142,8	136,8	271,1	77,0	73,8	95,8	132,6	89,7	84,1	80,4
Японцы Кюсю	182,6	139,0	141,1	269,4	76,1	77,3	101,5	130,4	86,6	88,6	81,6
Японцы юга Кюсю	183,0	136,2	149,0	272,5	74,4	81,4	109,4	128,5	82,5	94,4	82,8
Японцы Рюкю	179,1	140,3	137,9	266,0	78,3	77,0	98,3	128,8	89,3	87,0	82,5
Японцы Амами-Окинава	178,7	139,8	135,8	264,4	78,2	76,0	97,1	129,7	89,7	85,9	82,0
Японцы Сикишима-Рюкю	182,1	138,9	136,7	266,7	76,3	75,1	98,4	132,2	88,0	86,0	80,6
Гаошань пинлу сайл	180,8	141,5	140,9	269,4	78,3	77,9	99,6	128,0	88,7	88,1	82,9
Гаошань огулань	178,0	139,3	138,3	265,0	78,3	77,7	99,3	128,2	88,8	87,8	82,8
Гаошань пайван и будун	177,8	135,8	134	260,8	76,4	75,4	98,7	131,8	88,0	86,2	80,8
Гаошань атял -1	178,3	136,8	135,4	262,4	76,7	75,9	99,0	131,0	88,0	86,7	81,2
Гаошань атял -2	177,7	137	133,9	261,3	77,1	75,4	97,7	131,2	88,8	85,8	81,1
Гаошань ами	175,3	135,7	138,3	261,3	77,4	78,9	101,9	128,0	87,2	89,7	83,0
Число серий	42	42	42	42	42	42	42	42	42	42	42
Средняя	179,29	139,80	137,91	265,93	77,98	76,93	98,67	129,15	88,92	87,12	82,30
Сигма	2,19	2,00	2,63	2,46	1,42	1,56	2,43	1,92	1,67	1,79	1,08
Коэф. вариации	2,22	1,43	1,91	0,93	1,82	2,03	2,46	1,49	1,87	2,05	1,31
Медиана	179,2	139,8	137,9	266,0	77,9	77,0	98,6	128,9	88,9	87,2	82,4

Таблица 2

Сравнение краниологических характеристик северных и восточных монголоидов

	1	8	17	ОРВ	8:1	17:2	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Северные монголоиды	180,94	145,08	131,75	266,71	80,20	72,83	90,89	130,93	93,99	81,33	81,47
Сигма	2,65	4,04	3,08	3,32	2,50	1,81	3,43	2,80	3,03	2,27	1,58
Коэф. вариации	1,46	2,78	2,34	1,24	3,11	2,49	3,77	2,14	3,22	2,79	1,94

	1	8	17	ОРВ	8:1	17:2	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Ошибка средней	0,37	0,56	0,43	0,46	0,35	0,25	0,48	0,39	0,42	0,32	0,22
Восточные монголоиды	179,29	139,80	137,91	265,93	77,98	76,93	98,67	129,15	88,92	87,12	82,30
Сигма	2,19	2,00	2,63	2,46	1,42	1,56	2,43	1,92	1,67	1,79	1,08
Коэф. вариации	1,22	1,43	1,91	0,93	1,82	2,03	2,46	1,49	1,88	2,05	1,31
Ошибка средней	0,34	0,31	0,41	0,38	0,22	0,24	0,38	0,30	0,26	0,28	0,17
Различие средних	1,65	5,28	6,16	0,78	2,22	4,10	7,78	1,78	5,07	5,79	0,83
Достоверность различия	**	***	***	нет	***	***	***	**	***	***	**

Примечание. Достоверность различия по t-критерию Стьюдента: * – 95%, ** – 99%, *** – 99,9%

Таблица 3
Сравнительные краниологические характеристики этнических объединений современных восточных монголоидов на фоне массивов северных и восточных монголоидов

Этнос	1	8	17	ОРВ	8:1	17:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Монголоиды, северные (n=52)	180,9	145,1	131,8	266,7	80,2	72,8	90,9	130,9	94,0	81,3	81,5
Монголоиды восточные (n=42)	179,3	139,8	137,9	265,9	78,0	76,9	98,7	129,2	88,9	87,1	82,3
Китайцы основная масса (n=18)	179,0	139,7	137,9	265,7	78,1	77,0	98,7	129,0	88,9	87,2	82,4
Китайцы северо-запада (n=2)	177,5	142,2	135,3	264,6	80,1	76,2	95,2	128,0	91,8	85,2	83,0
Хуэй (n=1)	176,6	143,9	135,7	265,2	81,5	76,8	94,3	126,4	93,0	85,1	83,9
Корейцы (n=2)	175,9	142,5	140,5	266,4	81,0	79,9	98,6	124,3	90,7	88,7	85,0
Японцы (n=13)	181,3	139,8	138,6	267,6	77,1	76,5	99,2	130,3	88,2	87,1	81,7
Гаошань (n=6)	178,0	137,7	136,8	263,4	77,4	76,9	99,4	129,7	88,2	87,4	82,0

Для исследования краниологического разнообразия восточных монголоидов нам наиболее удобно разбить 42 исследуемые серии по признаку этнической принадлежности. Всего нами выделено шесть подобных объединений: 1) большинство китайских серий, включая китайцев Сингапура и Тайваня, 2) китайцы Монголии и Джунгарии, крайняя северо-западная территория, очень поздно заселенная мигрантами из коренного Китая, где логично предположить некитайскую примесь, 3) хуэй – китайские мусульмане западнокитайских провинций Ганьсу и Синьцзяна, 4) корейцы, 5) японцы, 6) гаошань – докитайское население острова Тайвань. в таблице 3 представлены соответствующие данные по этим этническим объединениям на фоне обобщённых характеристик северных и восточных монголоидов.

По данным этой таблицы построена дендрограмма таксономических расстояний между выделенными краниологическими объединениями (рис.1).

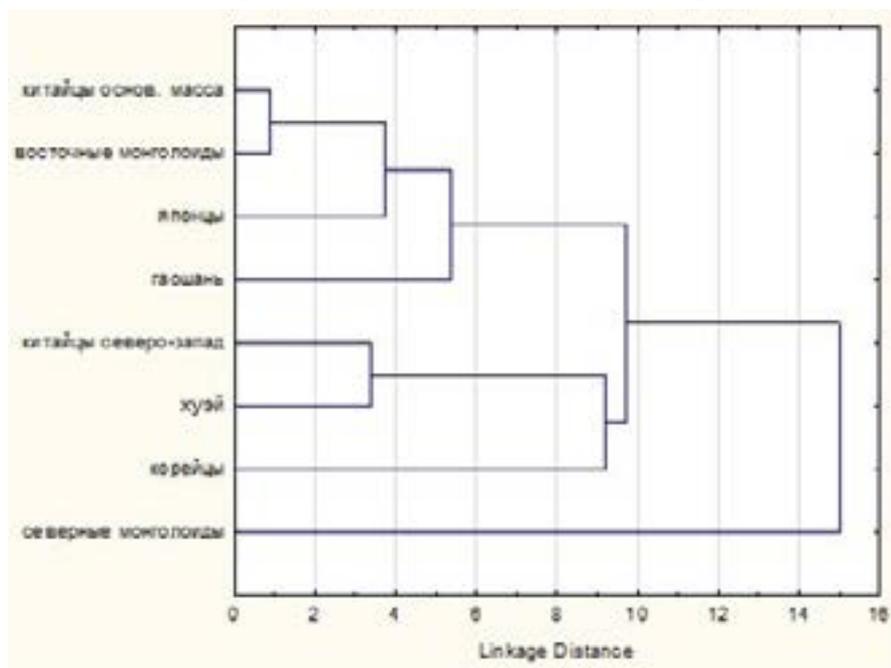

Рис.1 Дендрограмма взаимных расстояний между выделенными этническими объединениями и обобщёнными краниологическими сериями северных и восточных монголоидов.

Согласно этой дендрограмме северные монголоиды отдалены как от всех объединений восточных монголоидов, так и от них суммарно. Восточные же монголоиды представлены в двух подкластерах дендрограммы, объединённых в единый их кластер. Первый (считая сверху) подкластер объединяет краниосерии типичных пацифидов (они же типичные тихоокеанские монголоиды) – это основная масса китайцев, японцев и гаошань, а также серии восточных монголоидов как единое целое. При этом наиболее близкими к всему массиву восточных монголоидов оказалась группа серий большинства китайцев. Что естественно, так как они же и составляют почти половину серий восточных монголоидов. Заметно более отдалены здесь серии японцев, еще более – серии гаошань. Второй подкластер объединяет китайцев

северо-запада, хуэй и корейцев. Эти краниосерии восточных монголоидов имеют заметные отличия от паноркуменного краниотипа пацифидов: абсолютное и относительное уменьшение продольного диаметра черепа и, хотя бы слабое, преобладание брахикрании над мезокранией. При этом если северо-западные китайцы и хуэй в свою очередь близки между собой, то этого нельзя сказать о корейских сериях, что хорошо видно из дендрограммы.

Далее представлена дендрограмма (рис.2), также построенная по данным таблицы 3. Здесь дана картина взаимных расстояний между теми же этническими группировками восточных монголоидов, но без учёта обобщённых величин краниосерий как северных, так и восточных монголоидов.

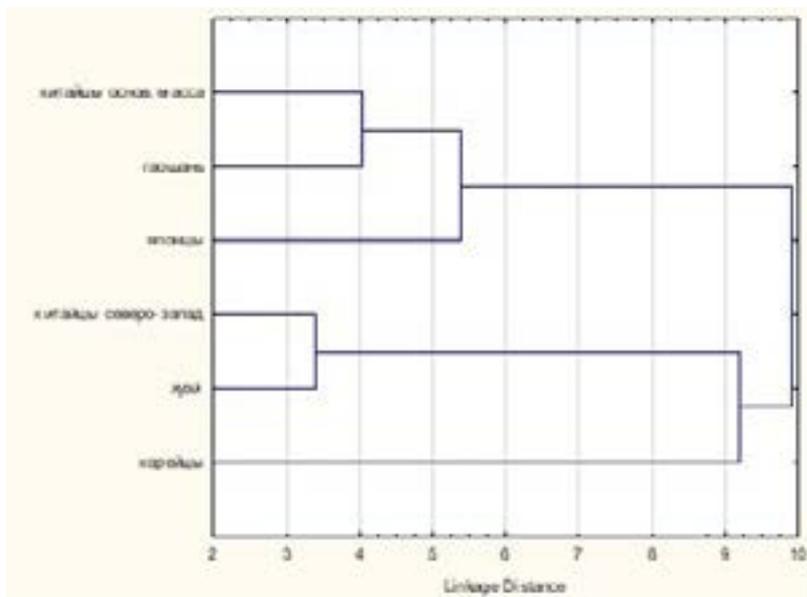

Рис. 2. Дендрограмма взаимных расстояний между выделенными этническими объединениями восточных монголоидов.

Здесь фиксируются два различных кластера, полностью повторяющие своим содержанием подкластеры первой дендрограммы. Малое число краниосерий в каждом из этнических объединений второго (нижнего) кластера не позволяет применить здесь более тщательный анализ их сходства и различия с другими этническими объединениями. Хотя здесь, более явственно, чем на первой дендрограмме, видно независимое положение корейских краниосерий.

Но различия краниологических объединений первого кластера дендрограммы, где каждое этническое объединение представлено более заметным количеством краниосерий (6 у гаошань, 13 у японцев, 18 у китайцев), можно анализировать более тщательно (таблица 4).

* *Примечание.* Достоверность различия по t-критерию Стьюдента: * - 95%, ** - 99%, *** - 99,9%.

Наибольшая величина черепной коробки (признак ОРВ), а также наибольшие величины трёх основных диаметров черепа оказались у японцев. Это видимо связано с тем, что некоторые популяции японцев имели примесь древних обитателей этих островов – эбису (айнов) и коробоккуру (этноса, близкого к древним эскимосам), краниотип которых характеризуется большой (иногда очень большой) величиной черепной коробки (Конрад 2010, Пестряков, Григорьева 2011). Наименьшими эти четыре метрических параметра оказались у гаошань. Это в свою очередь объясняется тем, что гаошань этнически (соответственно и антропологически) сближаются с населением Индокитая, краниосерии с территории которого обычно характеризуются сравнительно небольшой величиной черепной коробки (Пестряков, Григорьева, Пеленицына 2021).

Китайцы занимают здесь промежуточное положение.

Признаки формы в сериях этих этносов мало варьируют – их величины типичны для краниотипа пацифидов. Степень сферичности черепной коробки максимальна у китайцев, минимальна у японцев.

Из этой таблицы также видно, что величины межгрупповой дисперсии и коэффициентов вариации изучаемых признаков наибольшие у японцев. На втором месте в этом отношении оказываются гаошань. Наиболее гомогенизированным в этом отношении оказался китайский этнос, если исключить из него выделенные нами ранее серии китайцев Монголии и Джунгарии, где определёнno наличествует инородная примесь. Эти две краниосерии по своим характеристикам близки к краниосерии хуэй (китайским мусульманам Синьцзяна и Ганьсу), у которых эта примесь безусловна, учитывая их конфессиональное отличие от китайцев.

В таблице 5 хорошо видно различие между краниологическими характеристиками изученных этносов, но из-за малой численности краниосерий, принадлежащих к ним, это различие затуманчивается.

Тем не менее, достоверно отличие между японцами и китайцами по величине продольного диаметра (у японцев он больше), по абсолютной величине черепной коробки (у японцев она крупнее), по указателям долихоидности (у японцев больше), по черепному указателю (у японцев меньше), по степени сферичности (у японцев меньше). Между китайцами и гаошань достоверных различий по изученным краниологическим признакам нет. Это связано, скорее всего, с малым числом представленных серий гаошань, а также с их большой разнородностью по изучаемым признакам. Между японцами и гаошань проглядывает такое же различие, как и у японцев и китайцев, но смазанное теми же особенностями выборок серий гаошань.

Выводы

1. По литературным данным были изучены краниологические характеристики мозгового черепа у 42 серий восточных монголоидов (малая дальневосточная раса). в состав этих краниосерий вошли данные по современным китайцам, японцам, корейцам и гаошань (докитайское население острова Тайвань). Они исследовались по 11 метрическим признакам черепной коробки.
2. По изученным характеристикам восточные монголоиды, как целое, представляют собой паноркуменный краниотип пацифидов, что приблизительно

соответствует тихоокеанским монголоидам по рубрикации Н.Н. Чебоксарова (Чебоксаров 1947).

3. Имея приблизительно такую же величину черепной коробки, как и северные монголоиды (52 изученных краниосерии), они резко отличаются от них по её форме, абсолютно и относительно значительно более узкой и более высокосводной.
4. Среди массива изученных краниосерий восточных монголоидов выделяются две группы краниосерий, принадлежность которых к пацифидам сомнительна. Во-первых, это серии китайцев крайнего северо-запада территории их расселения и серия хуэй (китайские мусульмане Синьцзяна и Ганьсу). Эти краниосерии безусловно имеют в своём составе примесь голарктидов, континентальных монголоидов по схеме Н.Н. Чебоксарова (Чебоксаров 1947), с которыми они территориально близки. Во-вторых, это краниосерии корейцев, место которых в нашей краниологической классификационной схеме пока не определено.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Номо». Подтема «Антропология древних и современных популяций».

Научная литература

- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. // Труды северо-восточной экспедиции. Изд-во АН СССР, М., 1951. 263 с.
- Конрад Н.И. Япония. Народ и государство. Исторический очерк. // История Японии. «Русская панорама», М., 2010. С. 166–348.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., Наука, главная редакция восточной литературы. М., 1978. С. 342.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниологическая дифференциация современного населения. // *Расы и народы*. Ежегодник №30. М., Наука, 2004. С. 86–131.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М. Некоторые данные по краниологии Японских островов. // *Вестник антропологии*, вып 20, Москва, 2011. С. 23–35.
- Пестряков А., Григорьева О.М., Пеленицына Ю.В. Между Азией и Австралией. Краниологическое разнообразие мозгового черепа современного населения Юго-Восточной Азии. // *Вестник антропологии*, №2 (53). 2021. С. 166–182.
- Пестряков А.П., Григорьева О.М., Пеленицына Ю.В. Краниологическая дифференциация большой монголоидной расы. Часть 1. Характеристика краниосерий северных монголоидов. // *Вестник антропологии*. 2021, № 2 (54). С. 274–291.
- Чебоксаров Н.Н. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии. // ТИЭ, нов. сер., т. II, М., 1947. С. 24–83.
- Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая. М. Наука, 1982. 301 с.
- Dodo Yukio, Doi Naoni, Kondo Osamu. Metric Data of the Ryukynan Crania // *Anthropological Science*, 2001. No. 109 (2). Pp. 183–190.
- Hanihara K. Metric data of the Modern and Edo Era Japanese Crania. The University of Tokyo, Material Reports. 2002. No. 47. Pp. 195–202.
- Howells W.W. Craniometric data set. [http:// web.utk.edu/ – auerbach/HOWL.htm](http://web.utk.edu/~auerbach/HOWL.htm). (accessed 12.03.2021).
- Iwanami S. A middle age site and its human bones discovered in Zaimokuza in Kamakura// *Ed.Japan Anthropological Society*, 1956. Pp. 179–180.
- Kawakubo Y., Samada J., Maeda T., Dodo Y. Metric Data of Human Crania from the Tohoku Region, Honshu, Japan. *Bulletien of the Tohoku University Museum*, 2005. No. 4. Pp. 1–16.

Nakahashi T. and Doi N. Meuric data of Yayoi crania // Anthropological Data File on the Excavated Human Skeletons Kept at the Department of Anatomy, Faculty of Medicine, Kyushu University. Tokyo, 1988. Pp. 125–172, 418–425.

Pestriakov Aleksander P., Olga M. Grigoryeva, and Yulia V. Pelenitsyna

Craniometric Differentiation of the Mongoloid race. Part 2. Eastern Mongoloids

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/396-408

The authors studied 42 modern craniometric samples of eastern Mongoloids (the Far East racial type) using 11 metric traits accounting for the size and shape of the cranium. The materials consisted of 21 Chinese samples, including one sample of the Hui people (Chinese Muslims), 2 Korean, 13 Japanese, and 6 Gaoshan (pre-Chinese population of Taiwan) samples. The vast majority of these samples were shown to belong to the Pacifid craniotype, while the northern Mongoloids belong to the Golarktid type. The eastern Mongoloids have narrower crania together with generally larger cranial vaults. Among the studied samples of eastern Mongoloids, three are considered to have northern Mongoloid admixture: two Chinese samples from the northwest (the Chinese from Mongolia and Dzungaria who border the area of the northern Mongoloids), and the Hui sample due to the miscegenation with the Muslims of Central Asia. The two Korean samples are significantly different from both classic Pacifids and classic Golarktids. These two latter samples require further study with the use of individual metric cranial data.

Keywords: neurocranium, cranial sample, craniotype, eastern Mongoloids

For Citation: Pestriakov, A. P., O.M. Grigoryeva, and Y.V. Pelenitsyna. 2021. Craniometric Differentiation of the Mongoloid race. Part 2. Eastern Mongoloids. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 396–408.

Author Info: Pestriakov, Altxsander P. – PhD in hist., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru

Grigorieva, Olga M. – PhD in biol., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru

Pelenitsyna, Yulia V. – student of M.V. Lomonosov Moscow state University (Moscow, Kolmogorova street, 1). E-mail: j.pelenitsyna@gmail.com

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow), “The evolutionary continuum of the genus Homo”, Subtopic “Anthropology of Ancient and Modern Populations”.

References

- Debecz, G.F. 1951. Antropologicheskie issledovaniya v Kamchatskoj oblasti. [Anthropological research in the Kamchatka region] // Trudy` severo-vostochnoj e`kspedicii. Moscow: Izd-vo AN SSSR: 263.
- Konrad, N.I. 2010. Yaponiya. Narod i gosudarstvo. Istoricheskij ocherk [The people and the state. Historical essay]. *Istoriya Yaponii*, 166–348. Moscow: Russkaya panorama.
- Kryukov, M.V., Sofronov M.V., and CHEboksarov N.N. 1978. Drevnie kitajcy: problemy etnogeneza [Ancient Chinese: problems of ethnogenesis.]. Moscow: Izd-vo Nauka.
- Pestriakov, A.P., and O.M. Grigorieva. 2004. Kраниologicheskaia differentsiatsiia sovremennogo

- naseleniia [Craniological differentiation of the modern population]. *Rasy i narody. Ezhegodnik*, vol. 30: 86–131. Moscow: Nauka.
- Pestryakov, A.P., and Grigorieva O.M. 2011. Nekotorye dannye po kraniiologii YAponских островов [Some data on the craniology of the Japanese Islands]. *Vestnik antropologii* 20: 23–35.
- Pestryakov, A.P., O.M. Grigorieva, and Yu.V. Pelenitsyna. 2021. Mezhdru Aziej i Avstraliej. Kraniiologicheskoe raznoobrazie mozgovogo cherepa sovremennogo naseleniya YUGo-Vostochnoj Azii [Between Asia and Australia. Craniological diversity of the cerebral skull of the modern population of Southeast Asia]. *Vestnik antropologii* 53: 166–182.
- Pestryakov, A.P., O.M. Grigorieva, and Yu.V. Pelenitsyna. 2021. Kraniiologicheskaya differenciatsiya bol'shoj mongoloidnoj rasy. Ch. 1. Harakteristika kranioserij severnyh mongoloidov [Craniometric differentiation of the large Mongoloid race. Part 1. Northern Mongoloids]. *Vestnik antropologii* 54: 274–291.
- Cheboksarov, N.N. 1947. Osnovnye napravleniia rasovoi differentsiatsii v Vostochnoi Azii [The main directions of racial differentiation in East Asia]. *TIE*, nov. ser. II: 24–83.
- Cheboksarov, N.N. 1982. Etnicheskaya antropologiya Kitaya [Ethnic Anthropology of China]. Moscow: Nauka.
- Dodo Yukio, Doi Naoni, and Kondo Osamu. 2001. Metric Data of the Ryukyuan Crania. *Anthropological Science* 109 (2): 183–190.
- Hanihara, K. 2002. Metric data of the Modern and Edo Era Japanese Crania. The University of Tokyo, Material Reports 47: 195–202.
- Howells, W.W. Craniometric data set. [http:// web.utk.edu/ – auerbach/HOWL.htm](http://web.utk.edu/~auerbach/HOWL.htm). (accessed: 12.03.2021).
- Iwanami, S.A. 1956. Middle age site and its human bones discovered in Zaimokuza in Kamakura. Ed. Japan Anthropological Society: 179–180.
- Kawakubo, Y., Samada J., Maeda T., Dodo Y. 2005. Metric Data of Human Crania from the Tohoku Region. Honshu, Japan: Bulletin of the Tohoku University Museum 4: 1–16.
- Nakahashi, T. and Doi N. 1988. Metric data of Yayoi crania. Anthropological Data File on the Excavated Human Skeletons Kept at the Department of Anatomy, Faculty of Medicine, Kyushu University, 125–172, 418–425. Tokyo.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+930.23

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/409-417

© Н.С. Мухаметшина

РЕЦЕНЗИЯ НА МОН.:
ВОРОНЦОВ В.С.,
МАРТЫНЕНКО А.В., ОРЛОВА
О.В. МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ,
УДМУРТИЯ: СОВРЕМЕННАЯ
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ. ЙОШКАР-ОЛА,
2021. 292 с.

В рецензируемой монографии исследуется этноконфессиональная ситуация в трех финно-угорских республиках Российской Федерации: Марий Эл, Мордовии и Удмуртии.

В анализ включены статистические данные, законодательная база национальной политики, вопросы деятельности органов государственной власти в регионах и структура управления этнонациональной сферой, работа национально-культурных организаций в постсоветский период с акцентом на современность. Авторами представлены материалы социологических исследований, свидетельствующих о состоянии межнациональных и межконфессиональных отношениях в регионах. В рецензии отмечено высокое качество исследования, в основу которого положен метод подготовки аналитических докладов с рекомендациями органам государственной власти и местного самоуправления по предупреждению и разрешению межэтнической напряженности и конфликтов, утверждению российского самосознания и гражданского согласия в обществе.

Ключевые слова: межэтнические отношения, религия, национальная политика, социологические данные

Ссылка при цитировании: Мухаметшина Н.С. Рецензия на кн.: Воронцов В.С., Мартыненко А.В., Орлова О.В. Марий Эл, Мордовия, Удмуртия: Современная этноконфессиональная ситуация: монография. Йошкар-Ола, 2021. 292 с. // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 409–417.

В структурном плане монография «Марий Эл, Мордовия, Удмуртия: современная этноконфессиональная ситуация» делится на две главы: 1) «Межэтнические отношения», 2) «Конфессии и межконфессиональные отношения». В соответствии с географией исследования каждая глава состоит из трех параграфов. Продуманная и логически выстроенная структура позволяет воспринимать объемный и многоаспектный текст как единое целое. В первую очередь это относится к первой главе. Авторы самостоятельны в изложении материала, но в анализ ситуации всех трех республик включены статистические данные, законодательная база национальной политики, структура управления этнонациональной сферой, деятельность национально-культурных организаций в постсоветский период с акцентом на современность, анализ социологических данных, обзор исследований по тематике. Вторая глава более свободна в структурном отношении, видимо, в полной мере отражая исследовательские интересы авторов. В содержательном плане главы и параграфы соответствуют предложенной структуре. В монографию включены приложения и библиография.

Представляют интерес хронологически выстроенные обзоры процесса институализации этничности в двух финно-угорских республиках Российской Федерации. В Марий Эл процесс институализации этничности рассмотрен на примере новейшей истории Съезда марийского народа, учрежденного в апреле 1990 г. О.В. Орлова, автор материалов по Республике Марий Эл, отмечает, что «национальное движение в этот период было в основном направлено на расширение функций марийского языка, возрождение традиционной марийской религии, объединение финно-угорских народов и др.» (с.13). Особо выделен X Съезд марийского народа (апрель 2016 г.) По мнению автора, к этому времени можно констатировать консолидирующую роль Съездов марийского народа: «они сыграли ключевую роль в образовании государственности марийской нации» (с.16). С нашей точки зрения, в такой формулировке роль Съездов переоценивается. Более точным является следующее заключение автора: «Экспертное сообщество отметило, что проведение съездов народа мари способствует развитию общественно-политической жизни в Республике Марий Эл и придает импульс к «дальнейшей взаимной адаптации» органов государственной власти и институтов гражданского общества. Съезды служат переговорной площадкой для выработки предложений по совершенствованию деятельности заинтересованных органов исполнительной и законодательной властей различных уровней, местного самоуправления, а также общества в целом в решении задач, которые ставит этот представительный форум» (с. 17–18).

Формирование этнокультурного движения мордовского народа пришлось на конец 1980 – начало 2000-х гг. Автор материалов по Республике Мордовия А.В. Мартыненко называет три организации, которые актуализировали этнокультурное движение – это «Вельмема», «Вайгель» и «Масторава». Соглашаясь с оценкой историков В.А. Юрченкова и Ж.Д. Конищенко, автор отмечает, «что «Масторава» не только стояла у истоков мордовского национального движения, но и способствовала созданию своеобразного «протопартийного» поля, на основе которого впоследствии возникли другие этнополитические и этнокультурные организации – например, Съезды мордовского народа, Фонд спасения эрзянского языка» (с.39). Согласен автор и с уточняющей оценкой историка В.К. Абрамова, который отмечает, «что изначально состав «Масторавы» формировали люди, весьма отличающиеся по политическим взглядам, профессиональной направленности, уровню образования и культуры, что во многом

предопределило последующие острые дискуссии вокруг программных установок данной организации» (с.39). Добавим, что, как и в большинстве национально-территориальных образований СССР, а затем и Российской Федерации, радикальное крыло в национальном движении Мордовии выдвигало требования изменения государственно-административного статуса республики. Во второй половине 1990 – начале 2000-х гг. большинство этнокультурных и этнополитических движений мордвы встали на путь конструктивного сотрудничества с руководством Республики Мордовия. По справедливому замечанию В. Мартыненко, это «в немалой степени, было обусловлено поддержкой данных движений со стороны республиканской власти». Под эгидой республиканских властей прошло семь Съездов мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (с. 40).

Органы власти всех трех республик, представленных в монографическом исследовании, выстроили структуру управления этнонациональной сферой. Авторы дают характеристику современного состояния этнополитического менеджмента, затрагивая некоторые аспекты его становления в постсоветский период. (с. 9–10, 38–39, 62–64).

Подробно этот аспект освещен в параграфах, включивших материалы по Республике Марий Эл и Удмуртии. В Марий Эл функционируют отдел межнациональных и межконфессиональных отношений в структуре министерства культуры, печати и по делам национальностей; правительственная комиссия по реализации Концепции государственной национальной политики Республики Марий Эл, которую возглавляет Глава Республики; общественный Совет по делам национальностей при министерстве культуры, печати и по делам национальностей; на муниципальном уровне при администрациях городских округов и сельских муниципальных районов действуют муниципальные советы по делам национальностей. В Удмуртии это министерство национальной политики, при министерстве функционируют экспертно-консультативный совет, постоянно действующее совещание с участием руководителей общественных объединений национально-культурной направленности. Существует Общественный совет по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Главе Удмуртской Республики. В Государственном Совете Удмуртской Республики функционирует Постоянная комиссия по науке, образованию, культуре, национальной и молодежной политике и спорту.

К сожалению, по Мордовии информация по структуре этнополитического менеджмента отсутствует. Автор ограничивается замечанием, что «в Мордовии осуществляет свою деятельность Общественная палата Республики Мордовия. Изначально она была совещательным органом при президенте республики, а с 2006 г. стала самостоятельной структурой, координирующей реализацию и развитие гражданской активности жителей региона. Приоритетным направлением ее работы остается защита прав и свобод граждан» (с. 38). Можно предположить, что в том числе и вопросами обеспечения этнокультурных запросов населения.

Авторы монографии не только подробно описывают состав национально-культурных организаций, их деятельность, но и анализируют результаты деятельности, обращаются к оценке практик взаимодействия общественности и государственных структур. Такой подход обеспечивает не только практическую, но и методологическую значимость монографии (с. 18–22, 39–43, 65–66).

Отдельный и весьма интересный сюжет монографии – состояние исследований по проблематике. При этом авторы обращаются только к социологическим исследо-

ваниям. Так, О.В. Орлова отмечает, что социологические исследования состояния этнокультурной и межнациональной сферы «предполагают системность и позволяют в дальнейшем проследить динамику развития межнациональных и межконфессиональных отношений в республике». «...Республика Марий Эл признана одним из немногих регионов Российской Федерации, где ведется столь качественный и последовательный социологический мониторинг» (с. 24, 32). В.С. Воронцов, автор материалов по Республике Удмуртия в свою очередь отмечает: «Своевременному выявлению и предотвращению проявлений конфликтных ситуаций в республике способствует налаженная система мониторинга этноконфессиональных отношений. На протяжении последних 20 лет в Удмуртии по заказу Миннаца ежегодно проводятся социологические исследования, позволяющие оценить состояние межэтнических и межконфессиональных отношений, оперативно реагировать на проблемные ситуации в данной сфере». (с. 66).

Параллельно с государственными службами в Марий Эл, Мордовии и Удмуртии осуществляют мониторинг эксперты Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) и Распределенного научного центра (РНЦ) по изучению межнациональных и религиозных проблем (руководитель – академик РАН В.А. Тишков). В основу работы положен метод подготовки аналитических докладов с рекомендациями органам государственной власти и местного самоуправления по предупреждению и разрешению межэтнической напряженности и конфликтов, утверждению российского самосознания и гражданского согласия в обществе. Авторы монографического исследования являются экспертами обеих научно-исследовательских организаций. Основное место в монографии отведено результатам и интерпретации исследований по программам EAWARN и РНЦ. В фокусе исследований, представленных в монографии, проблемы межнациональных (межэтнических) отношений и влияние инокультурной миграции на социальную атмосферу регионов.

По Республике Марий Эл приведены сравнительные данные опросов населения 2001 г., 2011 г., 2015 г., 2018 г. 2019 г. Автор ограничивается констатацией результатов ответов на вопросы о состоянии межнациональных отношений, возможности возникновения конфликтов и общим выводом В.И. Шабыкова (с. 25, 26). Конечно, можно предположить, что автор материалов по Марий Эл соглашается с выводом коллеги. Но поскольку и сам вывод несколько «зависает», так как не представлен алгоритм обоснования, то вопрос о его достоверности остается открытым.

Основательно проанализированы оценки жителей влияния миграции и инокультурных мигрантов на социальное самочувствие, на социальную атмосферу республики (с. 26-30). О.В. Орлова использует информацию Управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел по Республике Марий Эл, департамента труда и занятости населения Республики Марий Эл, межведомственной комиссии по вопросам привлечения и использования иностранных работников, материалы СМИ. Наиболее подробно рассмотрены результаты опроса, осуществленного в октябре 2019 г. по программе РНЦ (с. 32–36). Конкретно это вопросы конкуренции на рынке труда, спектр услуг, предоставляемый мигрантами местным жителям, влияние на рост цен, на преступность, отношение к соседству с мигрантами и совместному обучению детей, готовность получать информацию о культуре приезжих из других стран и др. О.В. Орлова снабжает результаты опроса комментариями, дополняет, как уже было отмечено выше, информацией официальных источников. Общий вывод о

том, что в республике «имеет место некоторое неприязненное отношение к мигрантам», «местное население не готово полностью принять мигрантов как добрых соседей и присутствуют некоторые антимигрантские настроения» (с. 36) не вызывает возражений. Достаточно убедителен и вывод, что «Республика Марий Эл в настоящее время может быть охарактеризована как территория, на которой межнациональные и межконфессиональные противоречия практически не выражены. Однако это не отменяет необходимости активной работы по мониторингу и профилактике этноконфессиональных противоречий» (с. 36).

Автор материала по Республике Мордовия, отмечая значительное влияние на общую картину межнациональных отношений миграционных процессов, обращает внимание на миграционный отток населения. Данная оценка подтверждена статистикой (с. 44–45). С другой стороны, рынок труда республики становится все более привлекателен для граждан ближнего и дальнего зарубежья (с. 46).

Характеристика состояния внешней миграции выстроена по группам (видам). Прежде всего это трудовая миграция, составляющая основной поток прибывающих в Мордовию иностранных граждан. По мнению А.В. Мартыненко, по отношению к этой части мигрантов со стороны местного населения «открытой, широко распространенной и агрессивной мигрантофобии не наблюдается» (с. 46). Однако в 2013 г. имел место «исключительный для Мордовии случай с нападением толпы подростков на общежитие узбекских рабочих» в поселке Чамзинка. На этом инциденте автор останавливается особо (с. 47). Подобных ситуаций в Мордовии больше не было. Опираясь на собственные наблюдения и мнение других исследователей, автор отмечает, что «имеет место определенная обособленность, отчужденность гастарбайтеров из Центральной Азии, которых в последние годы становится все больше в столице Мордовии. Действительно, они заметны на улицах, их можно встретить в принципе почти везде – в магазине, кинотеатре, городском парке... Но они держатся небольшими группами, подчеркнута вежливый, особенно со старшими, и в то же время, конечно, какого-то интенсивного общения с местным населением практически нет..., мигранты как бы живут своей «параллельной» жизнью, не интегрируясь в городской социум» (с. 47–48). И далее приводится мнение социолога Д.Б. Борисова, который связывает эти барьеры с рядом факторов социально-психологического свойства (с. 48). Соглашаясь с оценкой коллег, обратим внимание на влияние стандартов поведения выходцев из государств Центральной Азии, обусловленные особенностями этнокультуры и мезоструктурными контактами (См.: Мухаметшина 2015; Мухаметшина 2017; Мухаметшина 2019; Мухаметшина 2020).

Принципиально иная ситуация сложилась с беженцами с юго-востока Украины. Как замечает А.В. Мартыненко, этой группе «гораздо легче интегрироваться в местный социум, несмотря на свой уязвимый социальный статус беженцев, вследствие отсутствия глубоких языковых и культурных отличий с жителями Мордовии» (с. 48). Еще один вид внешней миграции – учебная миграция из стран дальнего зарубежья. Автор дает довольно подробную и интересную характеристику учебной миграции (с. 49–50). Летом 2018 г. в рамках чемпионата мира по футболу Саранск пережил интересный и, безусловно, позитивный опыт масштабной туристической миграции. Этот вид миграции также достаточно подробно рассмотрен автором (с. 51–52).

Также как в случае с Марий Эл подробно и убедительно рассмотрены результаты опроса, осуществленного в октябре 2019 г. по программе РНЦ (с. 52–62). Автор

делает вывод: «В целом мигрантофобия не является определяющей в общественном восприятии миграции в региональном социуме Республики Мордовии, данное восприятие колеблется от нейтрального отношения к иностранной трудовой миграции до позитивного отношения к миграции учебной или туристической, а если вспомнить о беженцах с Украины – можно назвать преобладающе сочувственное отношение к миграции вынужденной. Таким образом, Мордовия остается регионом с высокой степенью межэтнической толерантности, что в немалой степени обусловлено многовековыми традициями добрососедства населяющих ее народов – прежде всего, русских, мордвы и татар» (с. 62–63).

В.С. Воронцов, характеризуя межэтническую ситуацию в Удмуртии, использует результаты социологических опросов, выполненных государственными службами (2000–2018 гг.). Представлены индикаторы, которые определили программу мониторинга межнациональных отношений и особенностей межэтнического взаимодействия. Это – оценки населением межнациональной обстановки в целом по стране и в Удмуртии; мнение о возможных причинах обострения межнациональных отношений в республике; стратегии в межэтнических коммуникациях (готовность принять человека другой национальности как жителя республики, партнера в трудовом коллективе, близкого друга); масштабы распространенности этнической неприязни среди населения республики. (с. 73). Автор основательно представляет и анализирует результаты многолетних опросов. Опросы осуществлялись фактически по единой программе, включая некоторые уточнения в связи с запросами политической ситуации, что дало автору возможность рассмотреть ключевые явления в динамике. В итоге определена динамика этнополитической ситуации, реперные точки, пики ксенофобских настроений.

В частности, по мнению В.С. Воронцова, которое автор рецензии полностью разделяет, первый пик ксенофобских настроений в региональном сообществе пришелся на 2005 г. (с. 92), второй – на 2013 г. (с. 97). Весьма убедительно выглядят обоснования общественных настроений. Так, автор отмечает, что в Удмуртии изменилась этническая структура населения. Не только в городах, но и «в районных центрах появились общины азербайджанцев, армян, чеченцев, таджиков и других представителей со своими социально-экономическими и этнокультурными проблемами и интересами. Представители новых для региона этнических общин занимают в экономической инфраструктуре районов весьма заметное положение, они оперативно взяли под контроль сферу торговли, предприятия малого бизнеса, лесопереработку и др. Их напористость, своеобразные обычаи и образ жизни далеко не всегда нравятся местному населению, особенно в тех случаях, когда нарушаются законы и привычный уклад жизнедеятельности» (с.95). Справедливо отмечено, во-первых, что ксенофобские настроения обусловлены и другим фактором, а именно: общим ухудшением морально-нравственной обстановки в российском обществе и формированием негативного образа «лиц кавказской национальности» и «преступников-мигрантов» (с. 96). Во-вторых, что «ксенофобские воззрения распространены, прежде всего, среди части молодежи и людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации (с. 103).

Достоинством монографии можно считать рекомендации, которые авторы обращают, прежде всего, к органам власти и управления.

Перейдем к рассмотрению второй главы «Конфессии и межконфессиональные отношения».

О.В. Орлова оперирует данными социологических опросов, демонстрирующих изменения массового сознания жителей Марий Эл в течении 25 лет (с. 106–107). Опрос 1994г., зафиксировал 43% ответов респондентов, считающих себя верующими (религиозными) людьми. В 2004 г. таких было зафиксировано вдвое меньше (21,3%). Спустя десятилетие численность верующих выросла без малого в два раза и стабилизировалась: опрос 2015 г. зафиксировал почти 75% респондентов, считающих себя верующими, 2018 – свыше 74%, 2019 – 71%, Автор, отмечая положительное отношение жителей республики к процессу возрождения различных религий, справедливо полагает, что в первую очередь, в этом видели возможность свободно исповедовать религиозные учения и получать информацию на религиозные темы. В том числе примерно треть респондентов положительно оценивали возрождение языческой (марийской) религии (1994 г. и 2004 г.), Респонденты, участвующие в опросах 2004г. и более поздних, отмечали, «что межконфессиональная ситуация в республике в целом спокойная, но не исключали возможность возникновения конфликтов» (с. 108).

В параграфе по Марий Эл представлены практики взаимодействия органов власти и религиозных объединений в рамках Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при главе республики (с. 110–112). Представлена системная и достаточно подробная информация по конфессиям, имеющим зарегистрированные приходы либо общины на территории Марий Эл (с. 113–119).

А.В. Мартыненко, характеризуя в целом конфессии, действующие на территории Республики Мордовия, отмечает: «Конфессиональный ландшафт Республики Мордовии отличается большим разнообразием: есть протестантские церкви и общины (баптисты, адвентисты, лютеране, пятидесятники, а также свидетели Иеговы, запрещенные российским законодательством), кришнаиты, езиды, иудеи, бахаи и др. Однако наиболее влиятельными конфессиями является Русская православная церковь, представленная Мордовской митрополией, и мусульманская умма (община)» (с. 120).

Далее автор представляет подробный материал о деятельности Русской православной церкви на территории республики в постсоветский период, с экскурсами в историю советского периода (с. 120–127). Подробно рассмотрены структура мусульманской уммы, деятельность и взаимоотношения трех муфтиятов, зарегистрированных на территории Мордовии (с. 127–131). Согласимся с мнением автора, что между соперничающими муфтиятами Мордовии нет каких-либо догматических или культовых различий, а «умму Мордовии разделили личные амбиции отдельных духовных лидеров. Конструктивный выход из сложившейся ситуации возможен при достижении компромисса между противостоящими сторонами, и республиканские власти вполне способны выступить здесь в качестве посредника» (с. 128).

В.С. Воронцов отмечает, что в постсоветский период «конфессиональное пространство Удмуртской Республики претерпело значительные изменения, обусловленные различными факторами внешнего и внутреннего характера: особенностями глобальных социально-политических и экономических трансформаций общероссийского масштаба, бурными процессами в религиозной сфере, в развитии государственно-конфессиональных и этнокультурных отношений» С 1991 г. по 2019 г. количество религиозных организаций, зарегистрированных в Удмуртии, увеличилось более, чем в 5 раз (с. 133). Представляет интерес сводная таблица по составу и количеству религиозных организаций, зарегистрированных на территории Удмуртии в указанный период времени (с. 134).

Автор достаточно подробно освещает структурные преобразования Русской православной церкви и мусульманских организаций (с. 135–137, 139–141). Представлены материалы по старообрядчеству, протестантизму, иудаизму, буддизму, другим религиозным организациям (с. 138, 141–145). Таким образом развернут тезис о существенных переменах в религиозной жизни и в структуре конфессионального пространства. Отметим общую оценку ситуации в конфессиональной сфере, сформулированную В.С. Воронцовым: «Многообразный спектр религиозных объединений стал основой борьбы за лидерство в духовной сфере, за привлечение на свою сторону представителей власти и общественности. Определяющее значение, помимо внутренних процессов, имел внешний фактор – открытость Российского государства для масштабного миссионерского «вторжения» извне. Именно «миссионерский бум» и породил дискуссию о «традиционных» (исторически укорененных, социально значимых) и «нетрадиционных» (чужеземных и чужеродных) религиозных объединениях. При всей своей политизированности данная проблематика имела под собой реальную основу, вполне отражающую особенности общероссийского и регионального менталитета» (с. 145).

В материалах по Удмуртии активно используются результаты социологических опросов, размещенных в разделе «Конфессиональная идентичность и уровень религиозности населения». Точкой отсчета стали результаты массового опроса 1979–1980 гг., выполненного сотрудниками Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР совместно с Институтом этнографии АН СССР (с. 146). Представляет интерес подготовленная автором сводная таблица по уровню и типологии религиозности населения Удмуртии, в которую включены данные опросов за 2002 г., 2010 г., 2016 г. (с. 148). Программа опроса 2016 г. позволила проследить этноконфессиональный и возрастной аспекты, что дополнило практическую значимость исследований (с. 149–150). Очень интересны в научном и практическом плане результаты и интерпретация вопросов, направленных на определение степени и формата религиозности представителей трех этнических групп республики (русские, удмурты, татары) (с. 152–154).

Отдельный раздел посвящен деятельности религиозных организаций в последние годы (155–162).

В Заключении авторы монографии приводят рекомендации органам власти и общественным институтам, подготовленные экспертами Распределенного научного центра по результатам этномониторинга в регионах Приволжского федерального округа в 2019 г. (с. 164–174). Выход в рекомендательной части за географические рамки монографического исследования представляется логичным и оправданным. Тем самым практическая направленность работы, которая прослеживалась в тексте неоднократно, приобретает конкретные формулировки. В этом же плане отметим Приложение, в котором представлены законодательные акты соответствующей тематики.

Научная литература

Мухаметшина Н.С., Кандауров С.П., Явкин Н.В. Стратегии освоения регионального социума мигрантами из постсоветских государств: монография / под ред. Н.С. Мухаметшиной. Самара: изд-во СамНИЦ РАН, 2015.

Мухаметшина Н.С. Культура повседневности» в контексте интеграции мигрантов из стран Закавказья // Самарский научный вестник, 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 198–201.

Мухаметшина Н.С. Традиционная культура мигрантов из государств Центральной Азии в контексте интеграционных практик // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 4 (23). С. 218–221.

Мухаметшина Н.С. Религиозные практики выходцев из государств Закавказья и Центральной Азии // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки, 2020. Т. 2. № 3. С. 110–116.

Mukhametshina, Natalya S.

Book Review: Vorontsov V.S., Martynenko A.V., Orlova O.V. Mari El, Mordovia, Udmurtia: The Modern Ethno-Confessional Situation. Yoshkar-Ola, 2021. 292 p.

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/409-417

The monograph examines the ethno-confessional situation in three Finno-Ugric republics of the Russian Federation: Mari El, Mordovia, and Udmurtia. The analysis covers statistical data, the legislative base of national policy, the activities of state authorities in the regions, the management of the ethnonational sphere, and the work of national cultural organizations in the post-Soviet period with an emphasis on modernity. The authors present the results of sociological studies on the interethnic and inter-confessional relations in the regions. This high-quality study is based on the analytical reports with recommendations to state authorities and local governments on preventing and resolving interethnic tensions and conflicts, asserting Russian national identity and social harmony.

Keywords: *interethnic relations, religion, ethnic policy, sociological data*

For Citation: Mukhametshina, Natalya S. 2021. Book Review: Vorontsov V.S., Martynenko A. V., Orlova O.V. Mari El, Mordovia, Udmurtia: The Modern Ethno-Confessional Situation. Yoshkar-Ola, 2021. 292 p. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 409–417.

Author Info: Mukhametshina, Natalya S. – Dr. (Hist.), Professor, Samara State Technical University (Samara, RF). E-mail: nmukhametshina@mail.ru

Referenses

- Mukhametshina, N.S., S.P. Kandaurov, and N.V. Iavkin. 2015. *Strategii osvoeniia regional'nogo sotsiuma migrantami iz postsovetskikh gosudarstv: monografiia* [Strategies for the development of regional society by migrants from post-Soviet states: monograph], edited by N.S. Mukhametshina. Samara: izdatel'stvo Samarskii nauchnyi tsentr RAN.
- Mukhametshina, N.S. 2017. Kul'tura povsednevnosti' v kontekste integratsii migrantov iz stran Zakavkaz'ia [Culture of everyday Life" in the context of integration of migrants from the Transcaucasian countries]. *Samarskii nauchnyi vestnik* 6 (4–21): 198–201.
- Mukhametshina, N.S. 2019. Traditsionnaia kul'tura migrantov iz gosudarstv Tsentral'noi Azii v kontekste integratsionnykh praktik [Traditional culture of migrants from Central Asian States in the context of integration practices]. *Samarskii nauchnyi vestnik* 8 (4–23): 218–221.
- Mukhametshina, N.S. 2020. Religioznye praktiki vykhodtsev iz gosudarstv Zakavkaz'ia i Tsentral'noi Azii [Religious practices of immigrants from the states of Transcaucasia and Central Asia]. *Izvestiia Samarского nauchnogo tsentra RAN. Istoricheskie nauki* 2 (3): 110–116.

© Р.А. Григорьева

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ
МОНОГРАФИЮ “ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ
(БРЕСТЧИНЫ) В ПРОШЛОМ И
НАСТОЯЩЕМ” / А. ВЛ. ГУРКО [И ДР.];
НАУЧ. РЕД. А. ВИКТ. ГУРКО; НАЦ.
АКАД. НАУК БЕЛАРУСИ, ЦЕНТР
ИССЛЕД. БЕЛОРУС. КУЛЬТУРЫ,
ЯЗЫКА И ЛИТ., ЭТНОГРАФИИ
И ФОЛЬКЛОРА ИМ. КОНДРАТА
КРАПИВЫ. МИНСК: БЕЛАРУСКАЯ
НАВУКА, 2020. 621 С.: ИЛ.)***

Рецензируемая монография “Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины)” посвящена исследованию региональных особенностей одного из шести историко-этнографических регионов Беларуси, который имеет ярко выраженные этнические, лингвистические и этнокультурные особенности. В работе представлен широкий круг вопросов – этническая история, особенности расселения, этноконфессиональная и этносоциальная структура, демографические процессы и семейно-брачные отношения, календарные праздники, особенности материальной культуры. Привлечение многочисленных источников позволили авторам прийти к выводу, что население Западного Полесья представляет собой специфическую этнографическую группу со своеобразной языковой и этноконфессиональной ситуацией и уникальным культурным ландшафтом.

Ключевые слова: Беларусь, Брестчина, этнокультурные процессы, население

Ссылка при цитировании: Григорьева Р.А. Рецензия на кол. мон. Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.] ; науч. ред. А. Викт. Гурко. Минск: Беларуская навука, 2020. 621 с.: ил. // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 418–422.

Белорусскими этнологами опубликована очередная, пятая коллективная монография из серии «Этнокультурные процессы историко-этнографических регионов Беларуси». В предыдущих книгах были рассмотрены региональные особенности Восточного Полесья (2010), Понеманья (2014), Центральной Беларуси (Минщины) (2016) и

Григорьева Регина Антоновна – к.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: Grigorieva_r@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Белорусского Подвинья (Витебщины) (2017). Рецензируемая монография посвящена исследованию региональных особенностей Западного Полесья (Брестчины), наиболее своеобразного региона Беларуси, который имеет ярко выраженные этнические, лингвистические и этнокультурные особенности. По оценке белорусских этнологов, «население этого региона представляет собой специфическую этнографическую группу» (с. 4). Как отмечают белорусские этнологи, «уже в XVII веке в Полесском крае, в том числе и в Западном Полесье, фиксируется региональная этнонимическая форма, обозначающая коренных жителей – полешуки, польшуки» (с. 4). В белорусской этнологической науке Западное Полесье рассматривается как историко-этнографический регион Беларуси, занимающий большую часть территории современной Брестской области и расположенный в верхней части бассейна р. Припять и ее притоков р. Пины и р. Ясельды, включая правобережную часть реки Западный Буг (с. 3).

Авторский коллектив монографии состоит преимущественно из сотрудников Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной Академии Наук Беларуси – Гурко А.Викт., Гурко А.Вл., Ракова Л.В., Шейбак В.В., Грунтов С.В., Романенко И.В., Прокофьева Ю.С., Бункевич Н.С., Крумплевская А.А. К написанию отдельных глав привлекались также специалисты Белорусского Государственного Университета (БГУ) – Новгородский Т.А., Бочило И.Г., Олюнина И.В и Брестского Государственного Университета им. А.С. Пушкина (Вабищевич А.Н., Швед И.А.). Созданию монографии предшествовали комплексные этнологические исследования материальной, социальной и духовной культуры населения Западного (Брестского) Полесья, проведенные белорусскими этнологами в течение последних двадцати лет.

Рецензируемая работа очень информативна. Авторы монографии стремились дать комплексное представление об особенностях этого региона, освещая широкий круг вопросов – этническую историю, особенности расселения, историю развития этноконфессиональной и этносоциальной структуры, демографические процессы и семейно-брачные отношения, календарные праздники, места памяти, особенности традиционной одежды и традиций питания, ремесла и промыслы. Несомненным достоинством работы является привлечение авторами для написания глав большого числа источников: полевые и архивные материалы, статистические данные, материалы опросов жителей, большой иллюстративный материал. Также анализировались и использовались сведения, опубликованные в работах известных историков, филологов, этнографов, фольклористов, краеведов XIX–XX вв., и в теоретических трудах ученых XX века: Н.И. Толстого, С.М. Толстой, В.В. Иванова, В.Н. Топорова, С.А. Токарева, А.К. Байбурина, Ю.М. Лотмана, С.В. Лурье, Т.А. Агапкиной и других.

Каждая из глав обладает самостоятельной исследовательской ценностью. В первой главе «*Этническая история Западного Полесья (Брестчины)*», автором которой является В.В. Шейбак, рассматриваются этническая история региона, начиная с III тысячелетия до н. э., формы идентичности, эволюция этнонимов, анализ языковой ситуации, а также представлен обзор разнообразных концепций и методологических подходов к исследованию становления и развития этого историко-этнографического региона. Основываясь на архивных, исторических и литературных данных автор приходит к выводу, что «для различных групп восточнославянского населения Полесского края были характерны этногенетическая близость и осознание общности их исторических судеб». (с. 15). Этот вывод очень важен для подтверждения общности происхождения белорусов, русских и украинцев.

Большое внимание уделяет автор особенностям языковой ситуации в этом регионе. Привлекая к анализу материалы переписи населения 1931 года и опросы жителей, автор убедительно доказывает бытование на этой территории местных диалектов со множественными проявлениями и оказывающими влияние на самоопределение жителей. Чаще всего жители предпочитали называть себя полешуками, т. е. местными (с. 25). Особый интерес в этой связи вызывает обращение автора к периоду 1980-х годов, когда активизировались региональные этнокультурные движения в Западном Полесье (с. 35). Автором представлена концепция, разрабатываемая в эти годы лидерами региональных движений по созданию западнополесского (ятвяжского) литературного языка, который должен был сыграть важную роль в формировании западнополесского национального самосознания. Однако большое разнообразие полесских диалектов и сложность их лингвистической унификации не позволили завершить этот процесс.

В главе подробно и основательно представлена эволюция идентичности населения исследуемого пространства, в результате чего автор приходит к выводу, что «преодолев ряд этнополитических вызовов, трудности в выборе форм идентичности, сегодня основу этнического состава населения Брестчины формируют белорусы – по самосознанию и самоидентификации» (с. 46). Вслед за многими белорусскими исследователями автор подтверждает вывод: особенности исторического пути региона и природно-географический фактор (обилие болот, рек и озер) способствовали консервации этнического своеобразия региона, сохранению архаических форм материального и духовного наследия, что делает его особенно привлекательным для исследователей и прошлого, и настоящего.

Во второй главе «*Этноконфессиональная история Западного (Брестского) Полесья*» (авторы А.Вл. Гурко и А.Викт. Гурко) представлен обзор особенностей и тенденций развития этноконфессиональной ситуации Западного Полесья. Авторы отмечают, что в Брестском регионе оформились многие характерные для современной Беларуси религиозные традиции – православия, католицизма, протестантизма и иудаизма, мирно сосуществующие длительный исторический период. При этом на фоне поликонфессионального разнообразия на протяжении столетий в регионе доминируют православные традиции, что привело к формированию уникальной православной культуры, школы храмостроительства, иконографии Западного Полесья. Нахождение территории Брестчины в составе Польши в 1919–1939 гг. оказало определённое влияние на сохранение высокого уровня религиозности населения, консервацию отдельных элементов традиционного уклада, а также на распространение большого количества протестантских общин. Среди последователей иудаизма Пинщина всемирно известна как родина карлин-столинского хасидизма.

В третьей главе «*Этническая культура населения Западного Полесья (Брестчины) в работах исследователей XIX-начале XX в.*» авторами И.Г. Бочило и И.В. Олюниной представлен обзор трудов этнографов XIX – начала XXI вв., анализирующих локальное своеобразие и трансформацию различных сторон культуры населения Полесья. Несомненную ценность составляют материалы обзора современных исследований. В главе большое внимание уделено анализу социальной культуры Западного Полесья, выполненному польскими этнологами (автор И.В. Олюнина).

В четвертой главе «*Этносоциальная структура Брестчины в XX-начале XXI в.*» рассматривается деятельность белорусских этноконфессиональных общностей в

первой половине XX в., дается характеристика этнополитических процессов на Полесье в составе Польского государства (автор – А.Н. Вабищевич). Автор подробно рассматривает деятельность белорусских национально-просветительских организаций и других национально-культурных объединений на исследуемом пространстве в составе Польши. В главе основательно представлены особенности этносоциальной структуры населения Западного Полесья в XX – начале XXI вв. (автор А.А. Крумплевская). На основе материалов переписей населения и статистических данных автор анализирует динамику численности и этнического состава населения, активность и направление миграционных процессов, а также межэтнические взаимодействия. Исследователь отмечает, что состав населения Западного Полесья и в прошлом, и в настоящем характеризуется полиэтничностью: при преобладании белорусов, здесь проживают представители 122 этнических общностей.

В пятой главе «*Семья и семейные традиции в Западном (Брестском) Полесье*» на основе архивных, полевых и литературных данных рассматриваются особенности структуры семей и их основные функции в изучаемом регионе, традиции воспитания в полесской семье, семейные отношения (автор Л.В. Ракова), а также представлен анализ особенностей демографического развития Брестчины в советский и современный периоды (автор И.В. Романенко). Полученные результаты исследования позволили авторам прийти к выводу, что семья «по-прежнему является важнейшим институтом воспитания и образования, приобщения к традициям этноса, родному языку, национальной культуре». Демографические данные свидетельствуют о том, что Брестская область в настоящее время является одним из самых густозаселенных регионов страны, в котором сохранились большие семьи и традиции семейного воспитания, основанные на трансляции этнического опыта между поколениями. Эти тенденции были в большей степени обусловлены консервацией отдельных элементов традиционного уклада жизни, состава семьи, уровня рождаемости периода первой половины XX в.

В шестой главе «*Календарные праздники Западного Полесья*» (автор И.А. Швед) представлен уникальный фактический материал, собранный белорусскими фольклористами и этнографами на территории Западного Полесья. Анализ полевых данных позволяет автору с большим основанием утверждать, что календарные праздники, обычаи и обряды составляют важнейшую часть историко-культурного достояния Западного Полесья. Они характеризуются сохранностью архаических элементов, внутренней целостностью, органичной вписанностью в общенациональный (шире – общеславянский) контекст, близостью с соответствующими восточно-полесскими формами, и вместе с тем некоторыми особенностями локальных проявлений.

Особенности материальной культуры населения Западного Полесья (Брестчины) – места памяти (автор С.В. Грунтов), традиционный костюм населения Западного и Центрального Полесья в XIX – первой половине XX вв. (автор Л.В. Ракова), традиции питания белорусов и этнических общностей Брестской области в XX – начале XXI в. (авторы Т.А. Новгородский и Н.С. Бункевич), традиционные ремесла и промыслы (автор Ю.С. Прокофьева) представлены в седьмой главе «*Материальная культура населения Западного Полесья (Брестчины)*». Особый интерес вызывает многообразие вариантов одежды и отличительная от других регионов Беларуси терминология. Анализ терминов одежды позволил автору прийти к выводу что многие из них являются древне-восточнославянскими (с. 552). Эти особенности, как утверждает автор, «находят аналогии на смежной с Беларусью территории Украины и свидетельствуют о

древних генетических корнях» (с. 552). Ю.С. Прокофьева, исследуя специфику традиционных ремесел и промыслов, приходит к выводу, что «традиционные ремесла изменяются путем встраивания в них заимствованных элементов и их творческой адаптации. Рассматривая традиционную культуру питания полешуков, Т.А. Новгородский утверждает, что, являясь наиболее устойчивым элементом народной культуры, она особенно прочно сохранила свою специфику именно в данном регионе. Структура и характер питания здесь были обусловлены ограниченностью пахотных земель, наличием лесных массивов, значительным удельным весом продуктов животноводства, собирательства, рыболовства, охоты, бортничества.

Таким образом, опираясь на свои исследования, белорусские этнологи совершенно обоснованно считают, что население Западного Полесья представляет собой специфическую этнографическую группу и отмечают пестрый этнический состав населения этого региона, своеобразие языковой и этноконфессиональной ситуации и уникальный культурный ландшафт. Исследователи подчеркивают, что такие характеристики, как традиционализм, регионализм, локальная замкнутость, приверженность местным обычаям, стали уникальным собранием сокровищ материальной, духовной, социальной культуры, привлекающим исследователей славянских древностей со всего мира. Представленные на страницах монографии материалы полезны историкам, краеведам, студентам ВУЗов, организаторам регионального туризма, широкому кругу читателей, интересующимся историей родного края.

Grigorieva, Regina A.

Book Review: Gurko A.VI et al.; Gurko A. Vict. (ed). Ethno-Cultural Processes in Western Polesia (Brestchina) in the Past and Present. Minsk: Belaruskaya Navuka, 2020. 621 p.

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/418-422

The reviewed monograph “Ethnocultural Processes of Western Polesia (Breschina)” is devoted to studying one of the six historical and ethnographic regions of Belarus, which has pronounced ethnic, linguistic, and ethnocultural specifics. The work covers a wide range of issues - ethnic history, peopling, ethno-confessional and ethnosocial structure, demographic processes and family and marital relations, public holidays, material culture. Involving numerous sources, the authors conclude that the population of Western Polesie is a specific ethnographic group with a unique linguistic, ethno-confessional and cultural landscape.

Keywords: *Belarus, Brest region, ethnocultural processes, population*

For Citation: Grigorieva, R.A. 2021. Book Review: Gurko A.VI et al.; Gurko A. Vict. (ed). Ethno-Cultural Processes in Western Polesia (Brestchina) in the Past and Present. Minsk: Belaruskaya Navuka, 2020. 621 p. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 419–423.

Author Info: **Grigorieva, Regina A.** – Ph.D. (History), Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: Grigorieva_r@mail.ru

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2021. № 4

HERALD OF ANTHROPOLOGY

2021. № 4

Редакторы – М.Ю. Мартынова, О.М. Григорьева, М.Ф. Кучерова

Редактор английских текстов – Т.А. Сюткина

Технический редактор – Н.А. Белова, М.Ю. Мартынова

Компьютерная верстка – Н.А. Белова

Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова

Поддержка сайта – Н.А. Белова

Подписано к печати 11.12.2021

Формат 70 x 108/16. Уч.-изд. л. 30,3

Тираж 500 экз. Заказ № 209

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А